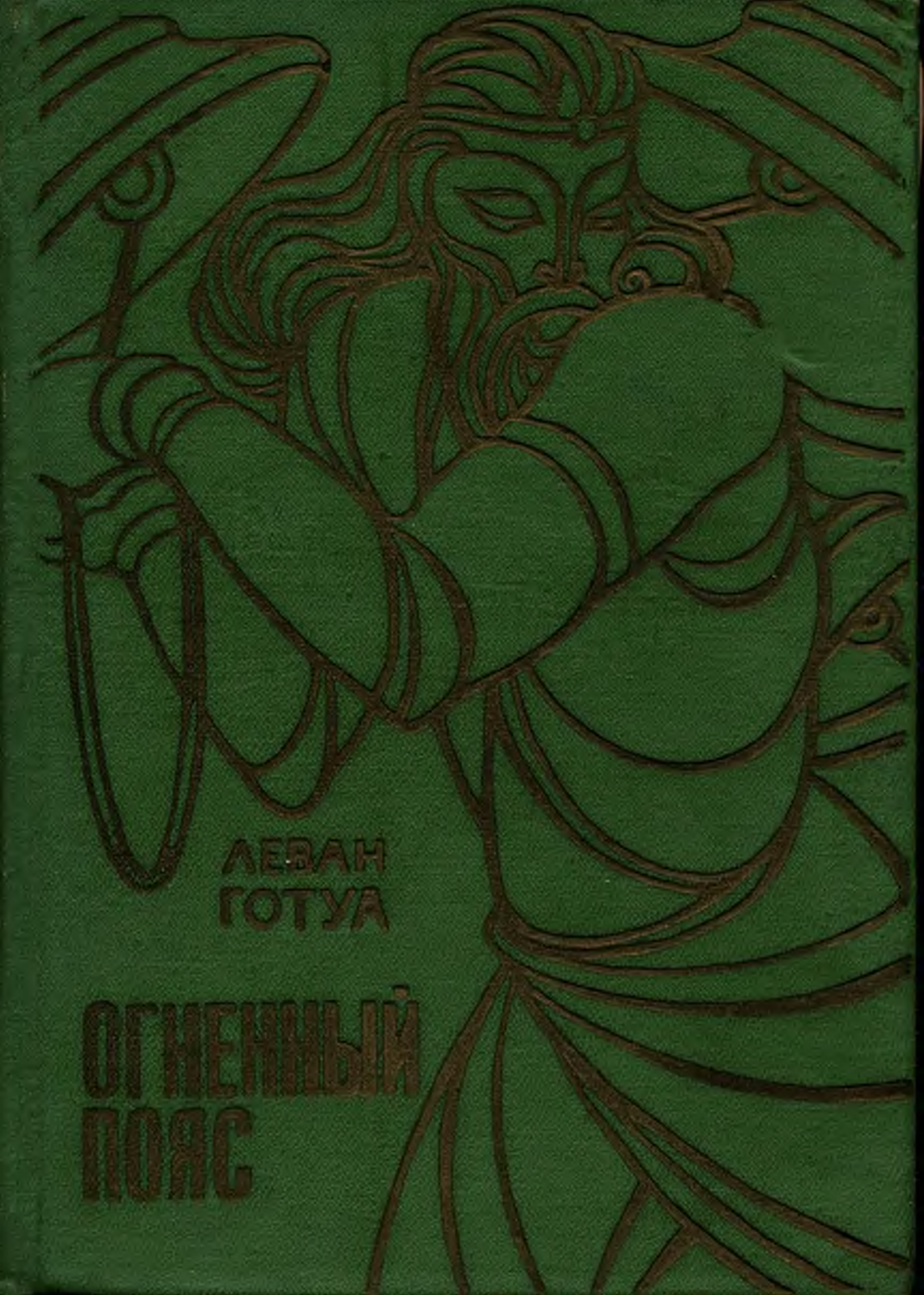
ЛЕВАН
ГОТУА
ОГНЕННЫЙ
ПОЯС

МЕРАНИ

ЛЕВАН
ГОТУА

ОГНЕННЫЙ ПОЯС

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН
Перевод с грузинского

СОКРАЩЕННЫЙ ВАРИАНТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЕРАНИ»
ТБИЛИСИ
1971

Г2
899.962.1—31
Г73

7—3—3
87—71

Грузинский писатель Л. Готуа является автором многих пьес, новелл, современных и исторических романов.

«Огненный пояс» выходит на русском языке впервые. Роман является отдельной книгой из серии исторических романов («Удел героев», «Безвременье»). Он касается решающих событий в жизни Грузии XVI века. Герои романа действуют как в Грузии, так и в России, Персии и Турции.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРЕВОД Л. ПЛАТОНОВОЙ

ГЛАВА I

ЗОЛОТАЯ КУПЕЛЬ

На колокольне храма Архангела в Греми ударили в большой колокол. Торжественный гул волнами раскатился над городом, разлился по окрестностям...

Было прекрасное весеннее утро.

На узеньких улицах и в торговых рядах толпился народ.

В лавках, устланных пестрыми коврами, были выставлены разнообразные ткани и иные товары. Кругом стоял шум и гам.

Царский караван-сарай и стена Тарса-галавани возвышались в противоположных концах обширного базара, как некие столпы торговли и ремесла, устои и хранители богатства. Они отделяли верхнюю часть города от нижней.

В ремесленных рядах одетые по-праздничному мастера предлагали желающим выставленные на полках изделия. Кое-где на обметенных, начищенных станках, веретенах, гончарных кругах были накрыты на скорую руку столы, и хозяева угощались в складчину, в ожидании покупателей.

Одни кузнецы не погасили горнов. Они раздували меха, похожие на огромные рыбьи пузыри, и стук их молотов доносился до самого дальнего края города.

Ветерок повеял с Цив-Гомбори[1], разорвал в небе дымку

[1] Цив-Гомбори — горная цепь и перевал, естественный рубеж между Картли и Кахети.

утреннего тумана, долетел до дворца, высившегося над Греми на горе.

А пониже, на золотом кресте храма Архангела, играл яркий солнечный луч.

Мерно гудел большой колокол.

На минуту все примолкли, прислушались — ведь не часто подавала голос «Мать всех колоколов»!

— Счету народ обучаю! До десяти считать научу — это мое дело... — говаривал Филадельфос, которого в народе прозывали коротко Фило-звонарем.

Первые десять ударов означали призыв к вниманию, вторые, в том случае, если звонарь заставлял запеть малые колокола — «детей» и «внучат» — возвещали празднество и радость.

Если же продолжали звучать гулкие удары большого колокола, — это значило, что на прекрасную Алазанскую долину надвигается беда.

Греми и вся округа затаив дыхание прислушивались к колокольному звону.

Но вот голубками заворковали, ласточками защебетали малые колокола — «дети» и «внучата».

Все облегченно вздохнули.

— Сегодня же крестины! Крестить будут царевича в золотой купели! — хлопнул себя по широкому лбу Мамука Кахниаури и, приглаживая редеющие волнистые волосы, крикнул жене:

— Сатино! Давай окрестим сегодня и нашего Сиауша! Нука, жена, принимайся за дело! Золотую купель ведь принесут из дворца!

Мамука сложил на станке чистые и исписанные листы бумаги и пергаментные свитки, которые собирался было вынести на продажу в торговые ряды. Потом тщательно расчесал короткую бороду и усы.

— Успеется. А кому к спеху, тот меня и здесь разыщет, — вслух говорил он сам с собой, надевая поверх архалука каба[1] с разрезными рукавами и расправляя задники мягких сапог.

— Заза, сынок! — позвал Мамука. Не дождавшись ответа, он отворил дверь в соседнюю комнату и заглянул туда.

Старший сын его, девятилетний Заза, сидел за столом и усердно писал на длинном листе бумаги, свешивавшемся до

---

[1] Каба — старинная грузинская одежда.

самого пола. Рядом на столе лежала раскрытая книга в потрепанном переплете.

Зажав кончик языка меж зубами и вытянув шею, мальчик прилежно выводил буквы. С «Единоборством Ростома и Зураба» вступил он в поединок.

Увлеченный делом, Заза не слышал ни колокольного звона, ни отцовского зова.

— Сколько раз я тебе говорил: когда пишешь, не помогай себе языком! — тихо сказал сыну довольный отец.

— Как это — языком? — мальчик поднял голову и удивленно взглянул на отца, но тут же спохватился и покраснел.

Высоким лбом, прямым точеным носом и изгибом губ Заза напоминал отца. А глаза были у него материнские — большие, темные, блестящие, с длинными черными ресницами... Глаза, полные мысли.

— Я нечаянно, папа... На некоторых буквах он у меня сам собой высовывается, — мальчик быстро перебрал в уме всю азбуку, припоминая «трудные» буквы, — «н» и «л» иначе не получаются.

Он лукаво прищурил глаза и посмотрел на истертый, не раз скобленный свиток. — Папа, бумага кончается.

У Мамуки было не в обычае хвалить сына. Он бережно свернул свесившийся до полу лист в трубку.

— Это моя забота... А сейчас брось работу... — сказал он. — Сиауша нынче крестить будем. . .

— Крестить? — радостно воскликнул Заза. Взъерошив вихор гусиным пером, мальчик бросил его на стол и вскочил.

— Тише, смотри не разбуди маленького! — унимал его отец.

Заза завертелся на одной ноге, потом на цыпочках, неслышно подошел к колыбели.

— Да он не спит! Смотри-ка — тоже язык высунул! — расхохотался Заза.

— Сбегай-ка к звонарю! — велел ему отец. — Скорей, а то потом в ограду и не проберешься. Спроси у него, когда принести малыша. Понял? Чтобы после крестин царевича мы были первыми!

— Сейчас, сейчас! — Заза захлопал в ладоши, одним прыжком перескочил через тахту. От степенного книжника с высунутым от усердия кончиком языка не осталось и следа. Схватив рубаху, лежавшую на тахте, он сунул в рукава сразу обе руки, голову — в ворот и выбежал во двор.

— Постой, пострелёнок! Куда бежишь босиком! — ласково окликнула Зазу мать, кидая ему вдогонку чувяки.

Заза, разумеется, пренебрег воротами — вспрыгнул прямиком на высокий забор и громко свистнул.

И тут только вспомнил, что надо обуться.

На заборе напротив появился приятель Зазы — Кита Джигаури.

— А у нас крестины! — крикнул Заза.

— И у нас — девчонку крестим!

— Какую?

— Халиану.

Этого Заза никак не ожидал. Но расспрашивать было некогда — он должен был во что бы то ни стало опередить всех.

— А ну, кто быстрей? — крикнул он задорно Ките и, перемахнув через забор, опрометью помчался к храму Архангела.

— Держись! — бросил ему вслед Кита, пустился наперерез, через изгороди и дворы и нагнал Зазу в конце квартала.

Холм, на котором высился храм Архангела, вплотную примыкал к городской стене, но был гораздо выше ее.

Горделиво взирал сверху на Греми стройный храм, обнесенный зубчатой оградой. Рядом, прильнув к нему, вздымалась Царева башня — соперничая в высоте с величавым куполом. Как два близнеца, высились над Алазанской долиной в двуликом своем единстве, — башня и храм, страж и заступник...

В сущности, храм Архангела был и началом города, и главной его твердыней.

Всего два входа вело внутрь ограды храма: один — прямо из города, другой — со стороны Большого дворца.

К обоим воротам валом валил народ. И, что для Зазы было важнее всего — мальчишки, сверстники его, со свистом и гиком неслись впереди толпы.

Но Зазе все было нипочем — он знал еще третью дорогу. Это была открытая и испытанная самим Зазой дорога-бездорожье, по отвесным скалам и стенам. «Кратчайшая, но опасная дорога храбрецов» — так рисовалась она мальчику в воображении.

Свернув в тупик возле церкви Цхракара, Заза взобрался на ограду, которая смыкалась с главной городской стеной. Стрижи свили себе множество гнезд в неровностях и щелях. По этим-то выступам и взобрался Заза на гребень городской стены.

В мирное время здесь обычно не было часовых. И наблюдательный мальчик это знал.

Пробежав по городской стене, он уперся в отвесную скалу — подножие храма Архангела. Отсюда ему уже надо было карабкаться по крутизне. Заза сел, чтобы передохнуть, на край стены, свесил ноги «за город», потом снял чувяки и сунул их за пазуху.

Только было он собрался влезть на первый уступ, как кто-то окликнул его снизу:

— Эй, малец! Тебе говорю! Постой!

Заза оглянулся — по дороге к городу двигался караван верблюдов; во главе каравана шествовал купец в чужеземном наряде... Но Зазе совсем не хотелось медлить — ведь сейчас решалось, кто кого перегонит. А чужеземец шел медленно, да еще прихрамывал.

— Чего вам? — откликнулся Заза, разглядывая купца.

У незнакомца была черная, коротко подстриженная бородка и длинные усы.

— Что за звон? — понизив голос, спросил пришелец.

«Почему это он меня спрашивает? — недоумевал мальчик.— Столько народа на дороге...»

— Крестины царевича! — отозвался он и полез наверх.

— Разобьешься, мальчик! — бросил ему вдогонку хромой купец. — Разве там есть проход в храм?

— Для меня есть! — не оборачиваясь, крикнул ему в ответ Заза и, прильнув к скале, пополз вверх.

Не раз, бывало, лазил сюда Заза — ловил разомлевших на солнце ящериц и пугал ими товарищей — особенно девчонок. И, в частности, Халиану — пятилетнюю дочурку костоправа Джигаури. Она умела так заразительно смеяться!

Вострушка Халиана прозвала его самого, Зазу — Ящерицей.

«Эх, жаль, не знал я раньше, что она некрещеная. Вот бы ей от меня досталось!» — усмехнулся про себя Заза.

Было у него и другое, более почетное прозвище... И вот, утвердив ногу в выемке скалы по самой ее середине, мальчик вдруг услышал его:

— Глядите — Анабана![1] Ишь, куда забрался! Опередит нас, чертенок! Эге-гей! — долетело до Зазы снизу гиканье мальчишек.

---

[1] Анабана — азбука (в просторечии по-грузински).

Возгласы сверстников окрылили Зазу. Он ловко пробирался по узкому карнизу. Вскоре он достиг основания лестницы. Здесь в расселине плиты рос кустик инжира. Справа от него поднималась вырубленная в скале лестница.

Место было опасное, но Заза даже не посмотрел вокруг. Добежав до лестницы, он мигом взобрался на ограду храма Архангела и тут только мельком взглянул вниз: народу внутри ограды толпилось множество... Но все мысли Зазы были пока снаружи, по другую сторону ограды.

Он обернулся... Через каменные ворота, увенчанные крестом, стража пропускала народ по выбору — «мелкота» оставалась снаружи.

— Эге-гей! — закричал Заза своим преследователям. — А ну, попробуйте сюда! За мной! — В эту самую минуту Зазу схватил за шиворот сторож.

— Куда это ты залез, мартышка?

Заза узнал «душегубца Бруцо». Он внезапно извернулся, проскользнул между его ног и пустился наутек. У сторожа остался в руках только его воротник.

— Ты смотри на него! Ну нет, от меня не уйдешь!

И разозленный сторож бросился вдогонку за парнишкой.

Заза хорошо знал здесь все переходы и закоулки. Взбежав по лестнице на крышу трапезной, он помчался к входу в Царскую башню и втиснулся в темный ход узенькой лестницы, высеченной в стене. Тут Заза почувствовал себя уже вне опасности: в башне и спрятаться не составляло труда, и на колокольню можно было забраться.

Несмотря на темноту, мальчик в несколько прыжков очутился на самом верху.

Под самой крышей башни лестница раздваивалась... Направо была колокольня, налево — сторожевая вышка, где разводили сигнальные костры.

Вынырнув из темного колодца, Заза зажмурился от яркого света и отшатнулся, оглушенный колокольным звоном.

Привыкнув к свету, Заза увидел стоявшего к нему спиной звонаря Фило.

Широко расставив ноги и схватившись за короткую цепь, подвязанную к языку «Матери колоколов», старик время от времени дергал ее, а в промежутках, соразмерно и согласно с ударами большого колокола, звонил в другие, поменьше. Длинные, редкие волосы звонаря развевались на ветру.

Вид «Матери колоколов» поразил Зазу. Огромная махина

свисала с потолка почти до самого пола. Из-под колокола могучими волнами струилось грозное гудение, оглашая небо и землю.

— Ого! Вот так колокол! А какой у него язык! Вот бы заглянуть внутрь!

Заза посмотрел вниз, на «подколокольную страну».

Весь Греми со своими окрестностями был виден отсюда как на ладони. Вот они, знакомые улицы, базарная площадь, ремесленные ряды и лавки...

У каменных ворот стояли караваны, дожидаясь пока их впустят в город.

Сверху нелегко было отличить коня от человека, верблюда от арбы.

Внутри городской стены пчелиным роем гудела толпа. Заза перевел взгляд на царский дворец — не на тот, что красовался над городом на скале, точно резной конек на крыше, а на нижний Большой дворец — «Грем-Диди».

Он стоял на берегу реки, среди садов и виноградников. Стройные колонны, расписная ограда, причудливые орнаменты... И тут Заза заметил движение. Многолюдная и пестрая толпа волной накатывалась на гору, служившую подножием храма Архангела.

Заза позабыл обо всем на свете — и об отцовском поручении, и о крестинах братишки, и о звонаре Фило.

Восхищенно созерцал он зрелище, открывшееся перед ним с высокой башни.

Внезапно снизу, из темноты донеслось пыхтение. Тут только Заза вспомнил о преследователе. Оглядевшись по сторонам, он понял, что оказался в ловушке: негде спрятаться, некуда улизнуть...

Между тем Фило выпустил цепь большого колокола и «вышивал» теперь затейливые узоры перезвоном маленьких колоколов.

Заза бросился к «Матери-колоколу», попробовал за ним спрятаться. Преследователь был уже близко, но любопытство в нем взяло верх, и мальчик осуществил недавнее свое желание — заглянуть под колокол.

Внутренность колокола показалась ребенку пастью дракона — разверстой пастью, в которой болтался язык величиной с буйволову ляжку.

Но не успел Заза хорошенько все рассмотреть, как из темного чрева лестницы, тяжело отдуваясь, вылез сторож Бруцо.

«Что делать?» Недолго думая, Заза подскочил к «пасти дракона», повис на языке и, поджав колени к самому подбородку, скрылся внутри колокола. Когда Бруцо переступил порог колокольни, он никого не нашел там, кроме звонаря Фило.

— Тьфу, разрази тебя гром! Привидение это было или птица?! — Бруцо с минуту недоуменно разглядывал воротник Зазы, и снова скрылся в черном провале лестницы.

Звонарь не заметил появления и исчезновения Бруцо — внимание его всецело было поглощено колоколами. Наконец он взглянул в сторону дворца и, заметив, что оттуда вышло и потянулось по дороге длинное шествие, вновь повернулся к «Матери-колоколу». Пока не смолкнут голоса малых колоколов, большой колокол своим зычным басом должен вторить их перезвону. Тут-то и начинался для Фило праздник. Устами этого колокола он говорил с самим царем Александром, государем кахетинским, говорил откровенно и с достоинством... Он с силой рванул цепь и нежданно ощутил непривычную тяжесть.

— Эге, видно, я уморился! — подумал он и обеими руками потянул к себе цепь.

Колокол не издал ни звука.

На колокольне воцарилась тишина. Ужас обуял Фило. Упершись ногой в перегородку, он изо всех сил потянул язык онемевшего колокола — на этот раз в другую сторону. Но колокол по-прежнему молчал,—зато звонарь услышал голос Зазы:

— Дядя Фило! Осторожней, не оглуши меня.

Но звонарь сам, казалось, был оглушен. Реденькие усы и борода его были всклокочены. Он дико озирался по сторонам, шарил по всем углам близоруким взглядом, но на колокольне никого не было видно...

Вдруг из-под колокола свалился на пол чувяк.

— Кто там? — окликнул звонарь и заглянул под колокол. Оттуда свесились сначала одна нога, потом другая... И наконец Заза, кое-как высвободив рукав, зацепившийся за основание языка колокола, спрыгнул на пол...

Второй чувяк выпал у него из-за пазухи.

— Это я — Заза, по прозвищу Анабана! Отец меня к тебе прислал!

Однако звонарю даже и рассердиться было сейчас недосуг. Он посмотрел вниз: шествие подымалось к храму... И, ка-

залось, весь город, вся страна смотрели сейчас на затихшую колокольню и звонаря Фило.

— Погоди, не до тебя мне!

Он подскочил к «Матери колоколов» и ударил в него с удвоенным рвением.

Заза, у которого от сидения верхом на колокольном языке затекли бока, почесывал у себя в затылке. А может, лучше удрать?.. Но как быть с поручением?!

Успокаивало Зазу то, что Фило не выбранил его под горячую руку.

Вокруг большого колокола, по наружной его стороне, вилась надпись.

«Анабана», забыв сразу обо всем на свете, принялся разбирать вытисненные на меди буквы. Кое-какие титла он не сумел разгадать, но в общем надпись все же прочел:

«В год воцарения Александра, сына Левана, ჩჳთდ». Заза знал от отца, как обозначаются грузинскими буквами цифры. Мальчик высчитал: ჩჳთდ — это 1574. И удивился — ведь теперь идет 1578 год. Значит, этому колоколу-дракону, в котором он спрятался весь, с головой и ногами, самое большее каких-то пять лет!

«Ровесник Халианы, на четыре года моложе меня!» — про себя прикидывал мальчик.

Фило покосился на мальчишку, который, высунув от усердия кончик языка, ходил вокруг колокола...

— Ну, что, прочел все от начала до конца? Ты чей? — не переставая звонить, спросил Фило.

— Мамуки Кахниаури. Анабаной-грамотеем прозвали меня в Греми! Я ученик в диван-хана...[1] А надпись я всю прочитал, конечно! Оказывается, я старше этого колокола!

Растопырив четыре пальца, он показал на «Мать-колокол» и подбоченясь принял такой степенный вид, что звонаря разобрал смех. Веселость его как бы передалась колоколам — и под малиновый этот звон Фило пробасил как дьякон:

— Ростом с муху ты, сынок, — а слона осилить смог. Так, что ли? — прикрыв глаза ладонью, он взглянул на мальчика.

Звонарь был человек добродушный. А этот «большелобый малец» ему сразу понравился. Он перешел на шутливо-степенный тон, и так же степенно, мерно, протяжно заговорили под его рукой колокола.

---

[1] Диван-хана — канцелярия мдиванбега, главного судьи.

— Из-за чего побеспокоились, молодой человек? По какой причине изволили сюда пожаловать?!

От сравнения с мухой Зазу покоробило, зато «высокий» книжный слог вернул ученика диван-хана в привычную колею.

«Надо начинать с повторения вопроса»,— вспомнил он твердо усвоенное правило.

— По причине полученного от отца поручения. Когда принести нашего младенца для крещения, Филадельфос, повелитель колоколов? — учтиво поклонился звонарю Заза.

Назвав Фило «повелителем колоколов», Заза окончательно покорил его.

— Ишь, каков! Вон какими словами изъясняется! — шепнул звонарь колоколам.

— Младенца вашего, говоришь? — протянул Фило, обращаясь к Зазе. — А вон после тех! — показал он локтем в сторону царского дворца. — Как ударю снова в большой колокол...

Тут изменила звонарю притворная степенность, и он с хохотом напустился на колокола, завел частый, дробный перезвон.

А шествие уже вступало в церковную ограду.

— Ну, а все же... Что ты нашел в этом колоколе? Хочешь, подарю?.. Ей-богу!

Сквозь гудение колоколов едва расслышал Заза эти насмешливые слова. Как мог искуситель предложить ему в подарок колокол царя Александра? Уж не возомнил ли себя и впрямь «повелителем колокола»? Или он попросту смеется над Зазой?

Вдруг Заза прильнул к большому колоколу, лукаво прищурился и отчеканил:

Подсласти Фило хоть слово —
Вмиг отдаст слона чужого.

Не дожидаясь ответа, он пронесся мимо звонаря и нырнул в темный провал лестницы.

— Гляди-ка! Высмеял «повелителя колоколов»! — проворчал себе под нос звонарь, но, как видно, вовсе не рассердился. Он окинул взглядом толпившийся в ограде народ и потянулся к самым маленьким колоколам, тем, что висели с края. Колокола залились малиновым звоном.

— Не приведи, господи, увидеть царь-колокол разбитым

и этого парнишку в беде! — Фило торопливо перекрестился и снова часто забил в колокола.

А Заза между тем выбрался на крышу трапезной.

Двор до отказа был набит народом. Даже ограда была облеплена людьми. Через широко распахнутые ворота вливались все новые толпы празднично разодетой знати.

Во главе шествия развевались златотканые хоругви. А в середине отроки в белом несли золотую купель, жарким солнцем пылавшую над толпой.

Сверкающие одежды царя и царицы, разноцветные куладжи[1] сановников и моуравов, роскошные наряды знатных дам, разноцветные покрывала и плащи мелькали перед Зазой, как во сне.

Яркое солнце еще усиливало пестроту этой картины — казалось, многоцветный ковер раскинулся от ворот до самого входа в храм.

Не успел Заза налюбоваться всласть необычайным зрелищем, как головная, самая живописная, волна процессии докатилась до дверей храма и скрылась внутри. Следом стали подходить чиновники и воины... Горожане и ремесленники толпились во дворе, яблоку негде было упасть. Видимо, и в храме было уже тесно, распорядители стояли у входа и никого больше внутрь не впускали.

Мальчишки юркими ящерицами проскользнули во двор.

Правда, Заза и забрался выше всех, но что толку — ведь главное зрелище внутри, в храме: там находились царь и царица, там должны были крестить царевича.

Сгорая от любопытства, Заза не мог оторвать взгляд от храма.

Величественные стены и своды выглядели неприступными... А вознесшийся к небесам синий купол был и вовсе недосягаем.

Высокие, узкие, окаймленные каменной резьбой окна казались нарисованными...

Со стороны трапезной в боковом приделе храма виднелось небольшое оконце. Заза его бы и не заметил, не вылети оттуда голубь... Нижнее цветное стекло было разбито. А с крыши трапезной была перекинута мостиком на крышу храма легкая лепная арка.

Недолго думая, Заза босиком взобрался на арку, оседлал

---

[1] Куладжа — старинная грузинская одежда.

ее и пополз на животе по гребню. Соседские мальчишки сразу разгадали уловку Зазы, загалдели, засвистели.

— Перелез! Перелез! — орал Кита.

Подзадоренный криками, Заза осмелел, встал на ноги и пробежал остаток пути по арке. Ухватившись руками за каменную плиту карниза, он подтянулся вверх, одним прыжком очутился на покатой крыше верхнего свода и, не оглядываясь назад, сунул голову в разбитое окно.

Сначала он ничего не увидел — после яркого солнца он словно заглянул в темный колодец. Но постепенно взгляд его различил тени и освещенные места.

Внутренность храма, испещренная, как бы расписанная отсветами цветных стекол и свеч, казалась сказочной. Сверху, среди сумрака церкви, зажженная люстра представлялась пылающим костром, а богомольцы выглядели какими-то большеголовыми коротышками. Причудливые тени вытянулись во всю высоту стен.

И еще удивило Зазу, что «оказывается, большинство знатных людей — плешивые!» Столько лысых голов зараз он в жизни не видал. «Как тыквы на бахче», — подумал он. А яркие головные уборы женщин напомнили ребенку цветы мать-и-мачехи и желтинника.

От смешанного запаха пота и ладана, да и от всего этого диковинного зрелища у мальчика закружилась голова.

Торжественно гремел хор, и гул этот, во много раз усиленный и отраженный высокими сводами, доносился до него то сверху, то с боков, но только не снизу... Где-то под самым куполом гудел густой бас архиерея...

Вдруг около самого лица Зазы пронесся голубь. Это его отрезвило и даже чуть-чуть испугало, но не заставило покинуть свой наблюдательный пост.

Царя с царицей он узнал по сверкающим венцам.

Сколько Заза ни старался, сверху так и не удалось разглядеть их лица; а верхнюю часть венцов он рассмотрел хорошо. Около царицы он заметил трех «маленьких человечков».

«Наверно, царевичи», — подумал Заза.

Узнал он и того высокого худощавого седовласого инока. Узнал и обрадовался — ведь это Зосимэ, в народе прозванный Великим Схимником! Заза с любовью и благоговением смотрел на него.

Зосимэ как-то попалось на глаза писание Зазы. Понравился старцу почерк, похвалил он юного писца за отсутствие

ошибок и, всем на удивление, определил его учеником в царскую диван-хана.

И еще кое-кого из сановных гостей узнал обрадованный Заза.

Вон великий мдиванбег Ясон Чавчавадзе, статный и представительный... А вон тот маленький лысый толстяк — Матарса Сомхишвили, богатый купец и важный царский чиновник.

Вдруг крик ребенка заглушил голос архиепископа... Тут только Заза обратил внимание на установленную посередине храма, как раз под люстрой, золотую купель. Вся она ослепительно сверкала. Вокруг купели стояли восприемники.

Мужчина с пышными усами и бритым подбородком и пожилая женщина держали вдвоем на руках дитя, завернутое в белоснежную простынку.

По орлиному носу узнал Заза крестного отца — это был Нугзар Эристави. Затем он принялся разглядывать младенца, однако в этот самый миг в плечо ему угодил камень. Он не обратил бы на это внимания, но тут другой камень больно ударил его в щиколотку.

Заза соизволил обернуться.

Мальчишки швыряли в него камнями с крепостной стены.

— Оглох ты, что ли? — окликнул его Кита.

— Эй, Анабана, что там делается внутри?

— Видал младенца?

— Видал, он весь в белом! А другие в золото да серебро наряжены! — скороговоркой бросил Заза и снова просунул голову в окошко...

С царевича сняли покрывало и рубашонку, и Заза увидел самого обыкновенного грудного младенца. «Наш Сиауш, пожалуй, потолще!»

Самый старый и самый длиннобородый из архиереев взял на руки плачущего малыша и трижды окунул его в купель...

Заза, быстро обернувшись, крикнул мальчишкам:

— Раздели, ревет!.. Окунают!

— Как назвали? — кричали снизу.

«В самом деле. А как имя?» — лишь теперь вспомнил Заза.

Сквозь пение хора, плач ребенка и глухой ропот толпы Заза едва расслышал, как нарекли младенца.

— Раб божий — Константи-ин! — не замедлил возвестить он об этом на весь двор.

— Кон-стант-ин! — разнеслось по церковной ограде, по всему городу...

Маленькому царевичу повесили на шею крестик, потом надели на него рубашку, опоясали розовым пояском.

Крестные суетились вокруг плачущего младенца. Знатные люди поздравляли царя и царицу со счастливым крещением.

Хор запел еще громче и торжественней.

И «повелитель колоколов» вновь ударил в большой колокол.

Народ потянулся к выходу.

— Несите! Пора! — во весь голос крикнул Заза и мигом скатился вниз.

В золотой купели после царевича Константина окрестили в тот день еще пятерых мальчиков и одну девочку. Первым был братишка Зазы, ровесник царевича — Сиауш, а последней — Халиана.

Джигаури лишь недавно воротились из ширванского плена, вот почему оставалась девочка до сих пор некрещеной. Халиану не погружали в купель — ее только разули и окропили ей ноги, руки и лоб святой водой. Вот тогда-то Заза и заметил впервые у нее на шее хорошенькую бархатистую родинку. При крещении девочку нарекли Маринэ, но имя это было тотчас же позабыто, и девочку продолжали называть Халианой.

В золотой купели плавал отрезанный локон царевича Константина. И, как судачили крестные матери, локон не тонул в воде и впитывал в себя миро — это считалось добрым предзнаменованием... Они усмотрели еще множество счастливых примет и радовались.

ГЛАВА II

ГОЛУБЬ И КРЕСТ

В большой зале царского дворца праздновали крестины.

Главой стола царь назначил арагвского эристава Нугзара, крестного отца царевича Константина.

Нугзар провел рукой по усам и потребовал турьи рога.

Царь Александр спрятал довольную усмешку в черных как смоль небольших усах... Пир с таким тамадой удастся на славу и, что самое главное, Нугзар будет «по уважительной причине» отстранен от участия в «узком» совещании, назначенном на эти часы. «Привяжу его к столу — тут он мне честно послужит, а там не сможет помешать», — думал царь Александр, окидывая взором ряды столов.

Царский стол стоял на возвышении под золоченым балдахином.

Вдоль стен залы выстроились мраморные колонны. Стены были облицованы лиловыми изразцами. А повыше, вдоль стен, тянулась украшенная затейливой деревянной резьбой полка, на которой были расставлены муравленые кувшины, кубки, чаши, азарпеши и другая расписная посуда...

Пятью ступенями ниже царского стола, слева и справа от него, стояли два других стола. Правый для послов (за ним сейчас не сидел никто), а левый — для царской семьи.

Здесь сидели царевичи: десятилетний Ираклий, погодок его Давид и шестилетний Георгий...

Трапезу царевичей разделяли крепкий, широколицый старик Горджасп Эндроникашвили и Оман Чолокашвили. Первый был наставником и дядькой царевича Ираклия, второй воспитывал Давида. Георгий был пока еще поручен заботам нянек, и слуги сейчас только о том и думали, как бы резвое дитя не сбросило что-нибудь со стола.

Дворцовый устав повелевал, чтобы кресло Константина тоже было приставлено к столу, хотя сам царевич еще даже не умел ходить и после купели спал сладким сном в детской.

А внизу, в зале было накрыто еще три стола, расставленных полукругом.

За первым сидели сановники, высокородные князья и отцы церкви, за вторым — моуравы и другие чиновники, а за третьим — купцы и почетные горожане. Гости располагались только с одной стороны столов, так что все лица были обращены к царю...

Царь был весел сверх меры, хотя и не пригубил еще вина. Обычно суровое выражение лица его сейчас смягчала довольная улыбка. Складка на лбу разгладилась, худые щеки порозовели.

Он сбросил с себя парадную мантию и чувствовал себя легко и удобно в красно-коричневом кафтане. Корону он то-

же отставил в сторону, откинутые назад длинные волосы украшал лишь легкий золотой обруч.

Словом, повелитель страны был здесь хлебосольным хозяином и ликующим отцом семейства, а не жестоким и подозрительным властителем.

Рядом с ним сидели за царским столом митрополит Иоанн Алавердский и воспитатель царя, старец Зосимэ.

Время от времени к ним подсаживался сахлтухуцеси[1] Барам Чолокашвили.

Женщины собрались в соседней зале. Царица Мариам удалилась туда с самого же начала...

Нугзар Эристави своим хрипловатым голосом возглашал здравицу за здравицей.

Уж немало их было произнесено... Не раз грянуло и отзвучало церковное песнопение «Многая лета». Все другие песни, так же как пляски и игрища лицедеев, были запретными на этом пиру, где присутствовали священнослужители высшего сана.

Веселье, меж тем, нарастало... Виночерпии, повара и слуги точно кружились в хороводе около пирующих...

Алавердели был заметно навеселе. Жирный двойной подбородок его отливал румянцем.

— Итак, четвертого крестим, отец Зосимэ!

— Да, преосвященный, четвертого! — тихо ответил Зосимэ. Он поддерживал беседу лишь из вежливости, а сам то и дело поглядывал на Александра. Уж он-то хорошо изучил нрав своего воспитанника, царя кахетинского, и по выражению его лица почти безошибочно угадывал его мысли. «Нет, эта довольная, приятная улыбка — всего лишь личина». Царь смотрел на сыновей, и веко левого глаза у него слегка подрагивало.

«О былом вспоминает... Да, кажется, и о грядущем тревожится. Эх, кого не гложут думы о будущем на берегах этих врозь текущих, силой разлученных родных рек? Кто печалится сознательно, из высоких нравственных побуждений, а кто — испытывает бессознательную тревогу, глухую боль...»

Старец мысленно беседовал со своим бывшим воспитанником, наставляя его... Испытующе вглядывался в лицо Александра...

А государь ушел мыслью в прошлое... Нынешние крестины

---

[1] Сахлтухуцеси — правитель дворца, царский домоправитель, одна из высших государственных должностей в древней Грузии.

напомнили ему дни, когда крестили других его сыновей. Сладостные и горькие это были воспоминания

Первые два сына родились у Александра, когда он был еще наследником престола.

Ираклия он крестил вскоре после смерти мачехи, еще не успев относить траур по «второй матери» — так он называл вторую жену отца своего, царя Левана, дочь шамхала Кара-Мусала.

Давида он крестил в Дзегами. Это был хилый, болезненный ребенок, и Александр поторопился с крещением, встревоженный постоянной его хворобой.

Ну, а крестины этого крепыша Георгия удались на диво... За это, верно, отец и питает к нему особую слабость...

Явственно стоит у него перед глазами не столь уж давняя смутная пора, полная тяжких испытаний...

После кончины царя Левана сводные братья Александра, дети его мачехи, воспитанные в стремлении к власти, стали оспаривать у него, законного наследника, кахетинский престол.

Шамхал Дагестанский открыто, а Картли — исподтишка поддерживали его соперников. Кое-кто из владетельных, знатных князей переметнулся на их сторону...

Союзником их стал и Ширван.

Смертельная угроза нависла над Кахети.

Нужно было действовать быстро и решительно, бить наверняка.

Александр дал заговорщикам бой у крепости Торгва. С большим и сильным войском обрушился он на врагов, беспощадно разил изменников.

В ночь перед сражением Зосимэ причастил Александра и спрятал у себя его завещание. Духовник благословил царя на бой, пожелал ему воротиться с победой, но взял с него слово быть милосердным и проливать как можно меньше крови.

Александр забрал с собой голубя из дворцовой церкви.

В случае победы надо было выпустить голубя, привязав к ноге его крест. Присланное с голубем кольцо было условным знаком поражения...

Александр и его сторонники одержали у крепости Торгва победу. Битва была долгой и тяжелой. Победителям досталась большая добыча, было взято множество пленных.

Элимирза погиб в сражении, а царевича Кайхосро Александр захватил в плен.

Это была первая самостоятельная победа молодого властителя. В канун крещения прилетел в Греми голубь с крестом.

Возвращавшегося с поля битвы Александра встречала на берегу Алазани царица Мариам вместе с духовенством и всем народом.

Алазани была запружена бревнами и плотами. Было это на крещение, и здесь устроили Иордань.

Навстречу победителям вынесли Великий гремский крест, чудотворный образ богородицы, множество других икон и хоругвей.

Погода выдалась на диво — солнечная и безветренная.

Утром прошел дождь, за рекой стояла бледная радуга, от пригретой солнечными лучами земли поднимался теплый пар. У митрополита Алавердского на шее и подбородке выступил пот: он возглавлял шествие и собственноручно нес гремский крест.

Слезами радости и возгласами ликования встретил народ победителей. Барабанным боем, криками «Ваша!»[1], песнопениями и молитвами воздал им хвалу.

Подступив к берегу, войско спешилось.

После боя и утомительного пути вдвойне отрадным был праздник на Алазани.

В сияющих глазах Александра народ, Алазани и радуга слились воедино.

Царь снял с себя шлем и поздравил народ с победой.

Со всеми тремя сыновьями явилась сюда царица Мариам — даже грудного младенца Георгия захватила с собой.

Войско, не успев даже отряхнуть пыль сражения, стало на молитву.

Молебен по случаю победы и праздничную крещенскую службу с большой торжественностью отслужил Иоанн Алавердский.

Большой крест на толстой серебряной цепи погрузил он в Алазани.

Народ и войско столпились у самого берега.

Александр ликовал. Он чувствовал, что уже прочно сидит на троне. Эта победа казалась ему предзнаменованием великого грядущего. И то, что она совпала с праздником крещения, породило в нем желание освятить ее.

---

[1] Ваша́ — ура (груз.).

Пока крест оставался погруженным в воды Алазани, Александр взял маленького Георгия из рук нянек, снял с ребенка все теплое и оставил его в одной рубашонке. Потом вступил на плот, прошел по бревнам и как был — в доспехах — шагнул в Алазани.

Вода показалась ему не такой уж холодной. Во всяком случае, решимость его вовсе не остыла.

Александр высоко поднял дитя.

— Святой отец! Свершите таинство крещения! — во всеуслышание объявил он. — И пусть крестильное миро освятит нашу победу! Здесь... Сейчас... И сами мы омоемся в священной Иордани, и очистимся святой ее благодатью.

Этого никто не ожидал. Шепот одобрения пробежал по толпе.

— В холодной воде?! — всплеснули руками няньки. Царица тотчас их успокоила. А ребенок сучил пухлыми ножками и беззаботно улыбался отцу и Алазани.

Иоанн не спешил извлечь крест из реки. Он покосился на Зосимэ... Потом — на епископа Некресели... На их лицах он также прочел радость и умиление...

— Священна, государь, священна наша Алазани... Креститься в Алазани — все равно, что в самой Иордани... И таинство крещения свершится блаженно и свято... Но только... — Алавердели поперхнулся последними словами, ибо плот под ногами у него качнулся...

Народ и войско вдруг тронулись с места и хлынули к Алазани следом за государем. Люди вошли в воду и стали вплотную друг к другу.

Разлилась Алазани, вздохнула полной грудью... Вышла из берегов, поколебала бревенчатые плоты. Ропот волн сливался с торжественными песнопениями, вторил им...

Алавердели неторопливо поднял крест на поверхность Алазани.

Послушники зажгли восковые свечи, подбавили ладану в кадильницы. Юноши из Греми выпустили в небо голубей, закинули бумажные змеи, сложенные в форме креста.

Стройное пение разнеслось над Алазани: торжественный гимн устремился ввысь, вслед за реющими голубями.

Александр окинул взглядом народ, толпившийся в воде и на суше... «Вот мой народ, и в этом народе — сила моя! Прав Зосимэ!»

— Крестным отцом царевича прошу быть воспитателя моего, преподобного старца Зосимэ! — возгласил Александр.

Зосимэ был растроган. Но он вдруг заколебался:

— Великий и милостивый государь! Большая честь быть крестным отцом царевича, да еще свершить таинство в этот богоугодный день... Но не в обычае у нас, чтобы монах был восприемником от купели. Разве что преосвященный митрополит Иоанн даст на то соизволение...

— Да будет так! — Алавердели окропил его святой водой и осенил крестом.

— Крестную мать пусть выбирает царица Мариам! — Царь передал отцу Зосимэ младенца.

— Дареджан, будь крестной матерью моего сына! Ты для меня самая желанная кума! — обратилась царица к супруге сахлтухуцеси.

— Ох, государыня! — в смущении хлопнула себя по щеке Дареджан, встав рядом с Зосимэ: — Святой отец, опозорились мы с вами перед Алазани и перед всем честным народом! Но кто мог ожидать?.. С пустыми руками явиться на столь славные крестины!

Но все необходимое сразу нашлось... Простынка, полотенце, миро... Даже ножницы для волос. Алавердели ускорил и сократил обряд крещения. Хоть погода и была теплая, солнечная, а все-таки — январь...

Первосвященник окропил водой из Алазани головку и ножки дитяти и передал его нянькам. Зосимэ пошарил рукой у себя на груди, — он хотел было принести в дар крестнику свой тяжелый медный крест, но вдруг спохватился:

— Голубиный крест, государь! Вовремя вспомнил!

Он извлек из-за пазухи крестик, принесенный голубем из крепости Торгва в знак победы, повесил его своему крестнику на грудь и завернул дитя в простынку и одеяльце.

— Даже не заплакал! Гляди, какой молодчина! — дивился народ.

— Разом окрестили и отца и сына!.. Разом! Ужель и судьба у нас одна? — говорил растроганный Александр.

Царь вновь окинул взором народ свой и войско...

Все словно ждали еще чего-то... Неподалеку, на проезжей дороге, показался обоз, а за ним — пленные, среди них и царевич Кайхосро. Сзади, с обнаженной головой, но подтянутый и настороженный, ехал новый начальник царских телохранителей Давид Джандиери.

Необычайная легкость и доселе неиспытанное счастье переполняли душу государя... В это время раздался голос Зосимэ:

— Милосердие — лучшее оружие победителя!

Царь Александр воздел руку к небу.

— Воинам, сверх военной добычи, будут розданы награды. Пленным — дарую жизнь. Четвертую часть владений и имущества изменников-царевичей жертвую церкви и монастырям! Вторую четверть — городу Греми... Крестьянам по всей Кахети уменьшаю поземельную подать.

— Аминь! — загудел народ.

С веселым шумом и песнями потянулись толпы людей по гремской дороге.

ГЛАВА III

ВДАЛИ ОТ ПИРШЕСТВА

Пир по случаю крестин царевича Константина был в разгаре. Вина и дичь — богатые дары Алазанской долины — были достойны такого события.

Тамада орлиным оком окидывал пиршественные столы. Нугзар Эристави был великий мастер коварных происков и хитросплетений. Владения его вклинились между Картли и Кахети, он заигрывал с обоими государями, но не служил ни одному. Это был полновластный хозяин Дарьяла — «враг Севера», могущественный «повелитель гор».

Неприступность города-крепости Ананури и горного края еще более укрепляла его мощь и умножала его богатство. Цари Картли и Кахети заискивали перед гордым эриставом—немало было принесено ему щедрых даров и немало заключено брачных союзов, чтобы завоевать его дружбу.

Непревзойденным тамадой слыл великан с берегов Арагви. Каждому, бывало, воздаст должное, всему знает свое время. И так обернет дело, что все останутся довольны. А ведь

это не так-то просто за столом, где собрались вместе соперничающие, завистливые и спесивые кахетинские князья.

Сегодня, как и всегда, Нугзар не дал ни единого промаха. Уверенно вел он поперек реки свой корабль, преодолевая бурное течение.

На той грани, когда «щедрое хлебосольство» должно было перейти в «пир горой», Нугзар провозгласил столь хитро придуманные здравицы за святых отцов, что дал им возможность покинуть столы.

Первым поднялся Алавердели. В путь собираться пора да и дорога предстоит дальняя... Его примеру последовали другие архиереи, а с ними и кое-кто из сановников постарше.

После этого веселье стало более непринужденным. На хорах тотчас появились музыканты и лицедеи.

Царь также улучил минуту и удалился в книгохранилище — обычную свою рабочую комнату. Это было самое тихое и уединенное место во дворце. А обилие книг и рукописей невольно настраивало на серьезные мысли.

Александр послал за отцом Зосимэ, попросил пригласить и Алавердели. Он задумал устроить как бы невзначай небольшой совет. Это было как бы неподготовленное и тем более почетное собрание. Непринужденностью этой Александр хотел привлечь к себе владетельных князей.

Еще во времена царя Левана — отца Александра, пошатнулся в Кахети «эриставский строй» и стал насаждаться «строй моуравский»[1].

Однако эриставы не сложили оружия и время от времени делали попытку вернуть себе прежнее влияние. Любые смуты в государстве шли им на пользу, и потому они постоянно принимали живейшее участие во всех дворцовых интригах.

Так было и в первые годы царствования Александра. Но потом молодой государь еще более укрепил новые порядки в Кахетинском царстве. Эриставы были окончательно отстранены от управления страной и набора войск. Царь сам осуществлял власть через посредство своих моуравов. Командование войском царь поручил на словах епископам, главам садрошо[2], а на деле сосредоточил в собственных руках. Однако он про-

[1] Эриставы — наследственные владетели и правители крупных областей. Моуравы — назначаемые царем управляющие более дробленых областей.

[2] Садрошо — военно-территориальная единица в древней Грузии; от «дроша» — знамя (груз.).

должал созывать совет владетельных князей и высокородных как бы признавая их былые права и привилегии.

Когда старец Зосимэ и Алавердели явились к царю, они застали у него уже собравшихся Горджаспа Эндроникашвили, Омана Чолокашвили, Ясона Чавчавадзе, Каплана Вачнадзе и Андермана Вахахишвили.

— Светлейшие! Не буду омрачать вам празднество долгим совещанием... Однако вовсе без совета не обойтись! Мы с вами на пиру — но надобно осмотреться и вокруг: что творится за стенами пиршественной залы? Быть может, пора уже вступить Картли и Кахети на единый путь? — и Александр обвел взором присутствующих. Таков был его обычай: испытующе вглядываться в лицо каждого советника.

Он нимало не смущался, внезапно прервав течение беседы, между тем как все остальные чувствовали от этого неловкость.

Зосимэ отлично знал: эта внезапная скованность находит на его питомца не от недостатка красноречия, а от подозрительности.

С тех пор как мать Александра, царица Тинатин, ушла в монастырь (где вскоре и умерла), наследник престола воспитывался у мачехи. Сводные братья завидовали ему с ранних лет. И в сердце юноши поселились недоверие и подозрительность.

Его сводную сестру Нестан-Дареджан мачеха выдала замуж за картлийского царя Симона.

С той поры из Картли постоянно подстрекали младших царевичей к соперничеству с Александром, — так было, покуда сам царь Симон не попал в плен к персам.

Торгвайская победа решила судьбу кахетинского престола, но старая рана Александра так и не зажила.

«Не беда, затянется... Ведь мудрость правителя не дается государю от рождения! Венценосец больше, чем кто-либо другой, должен быть чуток к людскому горю, снисходителен к ошибкам и заблуждениям!» — думал Зосимэ, с верой глядя на Александра. В этого человека вложил он всю свою нравственную чистоту, все свои силы и знания.

Владетель Гурии, отец Тинатин, некогда послал Зосимэ — подающего большие надежды послушника Джуматского монастыря — на учение в Афон, а потом к дочери своей Тинатин, в Кахети, где он стал наставником кахетинского цареви-

ча. Искусству красноречия и греческому языку обучал Зосимэ наследника.

Зосимэ оказался самым молодым из воспитателей Александра. Он был лишь пятнадцатью годами старше своего питомца.

Глубокие познания, искусство воспитателя и христианские добродетели столь возвысили Зосимэ в глазах Тинатин, что после пострижения в монахини именно ему поручила она своего первенца. Да и ребенок привязался к нему — упрямый и своенравный от природы, он слушался отца Зосимэ больше, чем кого бы то ни было другого.

Зосимэ оказался в средоточии всевозможных дворцовых интриг. Но коварству и двуличию он противопоставил мудрость и монашескую строгость. Грязь к нему не приставала. Он вдумчиво и самоотверженно занимался воспитанием своего ученика, чтобы вырастить из него человека, христианина и, наконец, царя, который призван посвятить себя отчизне.

А слово «отчизна» в его понимании означало не Кахети, не Картли, Самегрело, Гурию или Имерети, взятую в отдельности, а всю Грузию, в которой, по словам летописца, «на языке грузинском отправляют церковную службу и творят молитву».

Такие взгляды прививал он будущему государю.

Александр получил в наследство богатое, успевшее залечить прежние раны царство. Отец его, царь Леван, немало потрудился на благо Кахети. Он уладил внутренние и внешние неурядицы, заручился поддержкой соседей. Союзнической верностью, крепостью слова, щедрыми дарами царь Леван завоевал дружбу Ирана. От напора турок укрылся за спиною Картли. С Дагестаном установил мир, взял дочь шамхала в жены, свою же дочь отдал за царя Картли — Симона. Все средства пустил он в ход, чтобы оградить свое владение, Кахети, от войн и разорения. О единстве Грузии он и не помышлял.

Сын намеревался пойти по стопам отца. Но Александру с самого начала своего царствования не довелось править мирно. Братья-соперники заставили его сойти с избранного пути. Они возмущали его подданных, подняли против него владетельных князей, стравили его с Картли, втянули в нескончаемую войну с шамхалом Дагестанским. Вновь появились в Кахети грабители с гор — лезгины. Вновь разгорелась вражда между Ираном и Османской империей; война подступила к границам Кахети.

И турки, и персы требовали покорности.

А кахетинский царь не хотел покоряться ни тем, ни другим. Это и был главный предмет обсуждения на совете.

— Напор турок становится с каждым днем все сильней, — говорил Александр. — Они уже прочно обосновались в Самцхе. После столь прискорбного для нас пленения царя Симона турки почти покорили и Картли.

Князья украдкой переглянулись. От Зосимэ не укрылось их безмолвное осуждение, да и самого его покоробило от притворных сожалений Александра по поводу пленения царя Картли. Все знали о вражде между Александром и Симоном. И отсутствие «полузятя», как называл Симона сам Александр, немало содействовало его восшествию на престол, а затем усилению его за счет Картли.

После венчания на царство и первой победы Александр заметно переменился. Как это часто бывает, власть обострила отрицательные черты его характера.

Зосимэ чувствовал эту перемену в своем бывшем ученике и не удивлялся. «Новый жернов крупно мелет!» — думал он и прилагал все старания, чтобы молодой государь не утратил стремления к объединению Грузии и высоких нравственных добродетелей. В этом Зосимэ был непреклонен.

Власть с ее коварными соблазнами пробудила в Александре необузданность натуры, которую воспитателю с трудом удалось смирить. В юности царевич всех слушал, всем верил. Когда же иные его обманули, он отвратился душой от всех, стал недоверчив и подозрителен.

Александр окинул взглядом мужей совета и продолжал:

— О землях грузинских по ту сторону Лихских гор вам известно... Там, как и здесь, нет единства, утрачен «совместный путь»... как и везде в землях грузинских.

Александр встал, заслонил своим телом узкое оконце, через которое доносился отдаленный шум пиршества.

— Нынешним летом надо ждать нашествия... Лала-паша готовит большое войско... Извещаю об этом всех. — Александр снова оглядел собравшихся одного за другим, понизил голос. — Тыл и фланг наши ненадежны: как Иран, так и Дагестан не дружественны нам. Мы одиноки! Обрести союзников среди иноземных народов мы не смогли. Дайте совет — как выковать надежный новый щит?

Александр вдруг оборвал речь и сел. Пальцы его постукивали по подлокотникам кресла.

Воцарилось молчание. Только пение пирующих доносилось издалека, глухо отдаваясь под сводами книгохранилища.

Советники выжидали... Каждый уступал очередь соседу... Из учтивости, а больше — из осторожности. Ибо, как гласит восточная мудрость: «Второй знает больше первого, а последний из говорящих — больше всех!»

И каждый исходил из своих личных, скрытых расчетов.

— Светлейшие! Печься о создании нового щита следует нам всем. Вам же, предводителям и отцам Кахети — более всех!

Дабы развязать языки другим, слово взял Зосимэ.

«Эх, опять сейчас запоет свое «аллилуйя»! — подумал Оман Чолокашвили, а сам с елейной улыбкой учтиво обратился к монаху:

— Говори, преподобный отец! Слово твое поучительно для нас!

Зосимэ вопросительно глядел на царя. Они ведь сговорились, что государь сам изложит пред Советом избранных «размышления о новом щите и едином пути». Однако Александр несколько отступил от заранее намеченного плана. Не созвал Совета избранных и сам не пожелал открыто и определенно объявить о каких-либо своих далеко идущих замыслах.

Царь оставлял за собою возможность выбора и путь к отступлению.

Старец в душе похвалил Александра за прозорливость, но усомнился в его искренности:

— Говори, отче! — наклонил голову царь.

Зосимэ поднялся. Он привык проповедовать с амвона, и говорить стоя ему было легче. В юности редкостным красноречием отличался Зосимэ, но потом взяла верх накопленная с годами мудрость, и он стал придавать основное значение смыслу речей, отметая цветистую витиеватость слога. Каждое слово его имело далекий прицел.

— Многому учат нас летописи... Вам это ведомо, светлейшие! «Житие Грузии» описывает не меньше деяний зависти и вероломства, нежели геройских подвигов!.. Сеятелей раздора и вершителей зла было много у нас в прошлом... Однако запечатлена в летописях и стойкость племен грузинских! — возвысил голос монах. — Не раз приходила мне мысль, что извечной основой жизни народа нашего было многоединство...

— Многоединство? — повторил Андерман Вахахишвили: он был туговат на ухо и часто проверял, верно ли расслышал.

— Да, именно многоединство! Грузия была не единой страной, а как бы многоединой! Но была у нее всегда подвижная, менявшая место «главная ось»... Да и «новый щит» в прежние времена существовал. Если за горами Лихи сгорал наш феникс, тотчас по эту сторону расправлял он крылья именем всего народа.

«Уж очень высоко он воспарил со своими «фениксами», — думал про себя Горджасп... Да и прочие вельможи, внимая словам монаха, испытывали смешанное чувство волнения и недоверия.

— Семь светил в нашем небе. И семь пар волов в упряжке нашего плуга... Но все вместе они прокладывают одну борозду! Было время, когда вздымалось знамя грузинское в Тао-Кларджети, затем подхватили его грузины-месхи! Потом залихские, абхазско-имерские грузины... И, наконец, Картли со славой главенствовала над всеми... Все они отдавали многоединой отчизне свою кровь, свой созидательный дух, все внесли свою лепту в общее дело.

Монах умолк, затем неожиданно подошел к митрополиту Иоанну:

— Благослови нас, святой отец!

— Да поможет тебе господь! — слегка недоумевая, осенил его крестным знамением Алавердели.

Советники догадались. Сейчас они услышат самое главное.

А Зосимэ обернулся к царю:

— Сейчас, полагаю, пришел черед Кахети!

— Кахети? — переспросил Александр, как будто мысли эти были для него новостью.

— Да, государь! Отец твой, царь Леван, счастливо царствовал на благо Кахети. Край наш при нем обрел мощь и богатство... Картли внесла огромный вклад в общее дело, положила на него все силы. Но на горе нам хребет Картли переломлен, щит ее расколот, разодрано ее знамя... А беды Картли — наши общие беды!

Монах снова в упор посмотрел на Александра. Бесстрашно коснулся он самого больного места царя кахетинского:

— Возвращение из плена царя Картли, Симона... весьма сомнительно!

Упоминание о зяте уязвило Александра. Ведь в деле объединения Грузии Симон, царь Картли, был главным его соперником, и ныне именно отсутствие соперника окрылило недо-

верчивого государя Кахети и внушило ему этот замысел — объединение грузинской земли.

— Замкнутость Кахети при царе Леване должна теперь, при Александре, смениться первенством ее среди земель грузинских! Вы, старейшины, должны поднять и понести крест всего народа грузинского. Решайте же — будет ли выкован новый щит здесь или в другом месте?!

Пока что слова Зосимэ выковали молчание.

Александр явственно ощутил безмолвное сопротивление князей. Ведь они рассчитывали на свои крепостные стены, на укрепленные рубежи собственных владений — и противопоставляли эти бастионы проповеди Зосимэ.

Но знал Александр и то, что главный упрямец Нугзар Эристави на время прикован к праздничному столу.

Царь безмолвствовал. Совет последовал его примеру. Ответом старцу Зосимэ были молчание или недомолвки.

Алавердели призывал блюсти веру христову и возлагал надежду на католикоса как на посредника, способного внушить благородные мысли Зосимэ картлийской знати... Впрочем, все знали, что он завидовал Мцхетскому католикосу и не раз высказывал желание стать самому самостоятельным главою церкви кахетинского царства.

Оман Чолокашвили в общем разделял «строй премудрых мыслей» старца, но при этом прозрачно намекал на необходимость «уравнения» новых кахетинских порядков с исконно грузинскими, картлийскими, а если это не удастся, требовал, чтобы Кахети держалась в стороне, искала мира...

Каплан Вачнадзе и Андерман Вахахишвили с виду одобряли возвышенные и столь своевременные мысли старца Зосимэ, но призывали к чрезвычайной осмотрительности в действиях...

Горджасп вообще отмалчивался — ведь «многоединство», в его понимании, ущемляло права высокородства.

Один Ясон Чавчавадзе без колебаний признал правоту Зосимэ и привел новые доводы в подтверждение «общенародной мудрости» его слов.

— Не минует и нас нашествие. Лала-паша придет и сюда... Стало быть, всем нам, грузинам, надо готовиться к большой войне... Турецкую чуму мы должны одолеть общими силами, если не хотим пасть поодиночке в этой великой борьбе... Нам нужны и новый щит и старый меч!.. Кахети в наши дни — самое сильное среди грузинских царств. Ей придется

стать знаменосцем всей Грузии — волей или неволей!.. В борьбе против турок Иран нам будет союзником... Если и не окажет нам прямой военной поддержки, то хоть прикроет наш тыл, обуздает Дагестан!

Совет затянулся недолго. Все сознавали, что высказано было меньше, чем утаено.

Зосимэ не вымолвил больше ни слова. Никто против него открыто не выступил. А это в годину великих раздоров уже было немалым успехом.

Александр осторожно наметил новый путь:

— Направим посла в Иран, разведаем, как там обстоят дела... Подошлем людей к католикосу, к картлийским и самцхийским владетельным князьям... Узнаем их мнения о «новом щите» и «едином пути». Донесем глас мудрости общенародной и до Имерети. И не откладывая начнем подготовку к войне.

Все чувствовали, впереди — опасный брод, переправа через стремнину. И как знать, быть может этот брод окажется гибельным... для одного или для всех?

А из пиршественной залы по-прежнему доносились раскаты песен, музыка, громкий говор...

ГЛАВА IV

ХРОМОЙ КУПЕЦ

Между тем хромой купец подошел к городским воротам. Там ему преградили путь стражники и сборщики пошлин. Спросили, кто он, откуда путь держит, какие товары везет. Шелка и иранскую бумагу обнаружили в тюках Мирвана. Он выдал себя за тбилисского армянина. Пошлину купец заплатил без промедления. И даже взятку подсунул.

Ему сразу отвели хорошее помещение в Тарса-галавани. На базаре народу было пока мало: еще не вернулись из храма Архангела богомольцы и зеваки, которые отправились туда поглазеть на царские крестины. Купец Мирван не преминул

этим воспользоваться: разместил свой караван, достал товары, отряхнул дорожную пыль, обошел торговые ряды и оглядел их «глазами покупателя».

Богато, но просто одет был купец. От остальных торговцев он ничем особенным не отличался. Да никто и не обращал на него внимания. Он же, прихрамывая, прошелся перед лавками токарей, слесарей, золотых дел мастеров. Обойдя их ряды, купец направился к оружейникам. Они занимали целый квартал против царского караван-сарая. Здесь были искусные мастера, ковавшие оружие и доспехи: кахетинские короткие мечи и хевсурские «франгули»[1], двуострые и желобчатые клинки, латы, шлемы и шишаки.

Купец окинул зорким оком весь ряд. Как видно, он отлично знал цену такого рода товарам.

Поблизости, в тупике, он приметил группу крестьян. То были гончары — делатели знаменитой кахетинской посуды и широкогорлых кувшинов — хелада.

Первым долгом чужеземцу бросились в глаза каменные ступки для селитры и пороха. На станках он увидел стволы без приклада, формы для отливки пуль. «Смотри-ка, в Греми свое огнестрельное оружие завелось!» — подумал купец и подошел к крестьянам.

Седой благообразный старик рассматривал ружье. Купец присмотрелся. Не такая уж хорошая работа, но, по беглой оценке, получше иранского самопала с фитилем... Длинный граненый ствол, на конце небольшое утолщение. Курок величиной с большой палец... Зажатый в нем кремень с силой бьет в огниво. Почти прямой приклад обтянут пояском из бычьего рога.

— Окропир! Хорошая работа, бог свидетель! Это ведь тебе не лук со стрелами — не просто смастерить... Давай по рукам, — и дело с концом... От такого ружья лезгину не уйти — пусть попробует!

Оружейник Джаба откинул разрезные рукава, бросил шапку на прилавок и протянул Окропиру руку с отрубленным большим пальцем. Однако старик ударил по ней не ладонью, а ребром руки.

— Дорого ценишь, почтенный! Я ведь не для себя покупаю. Сельчане наши что скажут! Девять коди[2] хлеба — пропи-

[1] Франгули — род сабли.
[2] Коди — мера пшеницы, примерно 4 пуда.

тание на год для целой семьи. Со всей деревни ведь по горсточке собирали!

— А причем тут деревня, старик? — вмешался в беседу хромой купец.

— Как причем? Для полевого сторожа покупаем ружье всей деревней... Разве же под силу одному хозяину купить такую штуковину?

— Да ты на товар посмотри!.. Умом пораскинь... Велика ли корысть — девять коди хлеба? Да за это ружье и все ваше добро не жалко отдать! Разве неправду я говорю?

Мастер обрубком пальца взвел курок и со скрежетом спустил его.

— Глянь, искры какие сыплются, — что твои светлячки! Эх, жаль, тут нельзя стрельнуть, а то бы я крепостную стену пробил навылет, ей-богу!

— Бери, дедушка Окро! Бери! — уговаривали кузнецы.

— Мы согласны! — посовещавшись, заявили крестьяне из Кеди.

— Ну, что ж, по рукам! Смотри, мастер Джаба, чтоб ружье тебя не посрамило. — Дедушка Окро пожал оружейнику руку и, прикрыв глаза ладонью, окликнул кого-то на площади: — Мачуча!

— А ну-ка, подай сюда кувшин студеного вина! — крикнул Джаба стоящему за прилавком ученику.

— Ну, за добрый почин! Да куда же ты, парень? — Дедушка Окро поманил рукой сидевшего на арбе мальчонку. — Сюда гони!

На облучке сидел всклокоченный парнишка, с любопытством озиравшийся по сторонам.

— Чего глаза пялишь? Тебе говорят! — прикрикнул на него Джаба. — Это что еще за олух?!

— Ну, ну, потише, добрый человек! — заступился за мальчугана дед Окро. — Это же «свирель» нашего села, сиротка горемычный. В первый раз привез я его в город...

К дальнейшей беседе хромой купец не прислушивался. Главное он узнал — пищаль в Кахети стоит дорого и достать ее трудно. «Стало быть, стрельцов у Александра не так уж много», — прикидывал в уме купец.

За кварталом цирюльников тянулось длинное каменное строение с невысоким куполом. Купец знал, что это городская баня.

У входа, пристроившись в тени под каменным парапетом, сладко дремал банщик.

— Клянусь аллахом, предо мною Рагим-ага, мирно почивающий. А неплохо бы гремская баня освежила усталое тело путника после дальней дороги! — витиеватой персидской речью разбудил спящего купец.

Рагим-ага протер глаза и часто замигал. Возглас изумления чуть не вырвался из его глотки, но он вовремя опомнился и нарочито лениво перевернулся с боку на бок... поглядел на дорогу и на дверь бани... собирался было встать, но, заметив идущих в сторону бани стражников, снова растянулся на каменных плитах...

— Нынче баня будет после базарного дня, — громко сказал он по-грузински и равнодушно отвернулся.

— Пришли ко мне Мурада-оглы в Тарса-галавани... Пусть спросит купца Мирвана, — тихо отозвался хромой и удалился.

— Башуста, почтеннейший! — банщик искоса глянул на проходящих мимо стражников и испугался, заметив среди них статную фигуру Давида Джандиери. Банщик тотчас же испустил громкий храп. Немного погодя, окинув снова взглядом окрестность и не обнаружив ничего подозрительного, он захихикал и с дробным стуком деревянных подошв взбежал по лестнице.

Хромой купец между тем обогнул царские конюшни, вышел на площадь к фонтану, а оттуда по тополевой аллее вернулся к Тарса-галавани.

Мурадаисдзе, выходец из Дагестана, которого купец называл Мурад-оглы, уже поджидал его там.

Купец сразу узнал посетителя, но не подал виду и, прихрамывая, прошел мимо, даже толкнул его в бок и не извинился. Пока он сам не подозвал лезгина, тот его не признал.

— Али-Махмад?

— Я — купец Мирван! — отвечал довольный перс, провел Мурада в дом и запер за собой дверь. — А теперь зови меня как хочешь — Али-Махмад или Махмад-Али... Я и тот, и другой...

Вскоре Али-Махмад преспокойно расхаживал по комнате, нисколько не хромая и не прикидываясь купцом, и внимательно прислушивался к рассказу о событиях последних лет в Кахети.

Беседа шла на грузинском языке. Мурадаисдзе плохо владел персидским. Зато Али-Махмад свободно говорил по-грузински.

Али-Махмад был предан делу и неуклонно шел к цели. Еще в ранней молодости он с успехом подвизался на поприще проникновения в чужие тайны и мысли. Сначала его засылали лазутчиком на грузинские земли, потом стали доверять особо важные поручения.

Это был человек невысокого роста, но широкоплечий и пышущий здоровьем. Смуглое, невыразительное лицо делало его незаметным и позволяло легко изменять наружность до неузнаваемости. То, бывало, он, выбрив подбородок, отпустит висячие усы и двойную бороду на турецкий манер, то выщиплет усы под ноздрями, выкрасит бороду хной, повяжет голову чалмой — и становится похожим на паломника из Мекки, а то вдруг вовсе сбреет бороду, слегка закрутит усы, завьет волосы, наденет на себя щегольскую куладжу — и тогда никто не сможет отличить его от молодого грузинского азнаура.

При помощи подобных уловок он легко сходил за индийца или грузина, армянина или турка, араба или еврея...

Помогало ему и знание разных языков. В общем он прокладывал себе дорогу при дворе иранского великого визиря. А торговля, которой он занимался зачастую поневоле, приносила ему, между прочим, изрядное богатство.

Это был его второй приезд в Кахети. Впервые он был здесь в 1574 году, когда присутствовал негласно на похоронах царя Левана. Проник он в ту пору сюда через Картли, под видом ученика одного тбилисского ювелира, привезшего в Греми и Дзегами на продажу кое-какие золотые изделия.

Долго тогда он пробыл в Кахети, свел знакомство с нужными людьми, не жалел усердия и золота — ловкости ему было не занимать! Он основательно разведал тогда положение дел в стране.

На этот раз он объездил сначала Ширван и другие былые владения шахиншаха. Из Кахети ему предстояло пробраться в Дагестан, во владения шамхала.

Кавказские дела основательно запутались, благодаря засилью турок. Да и в самом Иране ничто не осталось незыблемым.

После кончины шаха Тамаза при дворе, как обычно, начались внутренние распри. Наконец престол захватил шах Исмаил, но царствовал он недолго. Его убили и посадили на престол его брата — шаха Худабанду. Борьба за престол стоила Худабанде зрения, которое у него отняли незадолго до того, но потом именно благодаря выколотым глазам он взошел на

этот самый престол. Ибо слепого, покорного их воле шаха, вожди племен предпочитали зрячему, но непокорному.

Али-Махмад продолжал настойчивые расспросы:

— Что предпримет Александр в случае возобновления ирано-турецкой войны?

— Трудно сказать. К туркам во всяком случае не примкнет. Если шамхал даст ему передохнуть, то и дани не заплатит. Воевать будет! Усилилась Кахети... И царь укрепился на троне.

— Какого сына он сегодня крестил?

— Четвертого... Константина.

— В заложники годится?

— Мал еще... Самый любимый... Так говорят...

— Годится... — Али-Махмад прищурил один глаз. — Пушки не стал еще лить кахетинский царь?

— Нет, мастера еще не нашел.

Долго расспрашивал Али-Махмад своего гостя о положении дел в Кахети — интересовался всеми подробностями, событиями важными и неважными.

Мурадаисдзе был отлично осведомлен обо всем, что делалось в стране. Торговые дела сталкивали его с множеством людей, от которых узнавал он всевозможные новости.

— Надо соблюдать осторожность! Люди Александра берут на заметку каждого чужестранца, — предостерег Али-Махмада купец.

— Что ты там болтаешь? Какой я тебе чужестранец?! — хитро улыбнулся Али-Махмад. — Я купец-армянин из Тбилиси... Ай, тер-аствац![1] Ей-богу! — купец Мирван заговорил на тбилисском базарном жаргоне и перекрестился на армянский лад.

Но предостережение Мурадаисдзе он все-таки намотал себе на ус. Отправился в церковь Суб-Саркиса... Помолился, поставил свечку. Потом справился о возможных покупателях на бумагу и принялся торговать.

После обедни и крещения народ хлынул на базарную площадь. Многоголосый гам достигал даже окон высившегося на горе царского дворца.

День клонился к закату, когда базарный есаул объявил народу, что на берегах Алазани показались лезгины. Он посоветовал всем принять меры предосторожности и разъехаться до темноты.

---

[1] Тер-аствац — «святый боже» (арм.).

Немного погодя у царских конюшен собрался отряд, чтобы отразить нападение. Воины под водительством Давида Джандиери поскакали к Алазани.

— Аслан-мурза напал! — пояснил «купцу» Мурадаисдзе, тайно поддерживавший связь с лезгинами.

Али-Махмад тотчас велел ему разыскать Аслан-мурзу и условиться о встрече после набега. Он решил сразу же, когда лезгины будут уходить в горы после набега, присоединиться к ним и пробраться в Дагестан к шамхалу Тарковскому.

Мурадаисдзе свел купца с покупателем бумаги, Мамукой Кахниаури, а сам поехал выполнять наказ.

Уже вечерело, когда он подъехал на лошади к городским воротам.

— Стемнеет скоро! Не стоит... Успеешь завтра! — крикнул ему страж.

— Не беда... Мне недалеко! — отозвался Мурадаисдзе и нащупал спрятанные в голенище сапога грамоты с печатями шаха и шамхала. Немало плутал Мурадаисдзе по кварельской дороге, по лесам у подножия Некреси и вокруг Куди-гора... Нигде не было ни души.

Вновь повернул он к Алазани и уже в ночном сумраке нагнал арбу.

Скрипела ось... Заглушая скрип, над дорогой неслись сладостные звуки свирели.

На облучке сидел мальчуган, а на высокой арбе лежал, завернувшись в бурку, мужчина.

Буйволы медленно шествовали по дороге.

— Лезгин не боитесь? — надеясь узнать что-нибудь новое, окликнул путников Мурадаисдзе.

— Ружье заряжено! — гордо ответил Мачуча, и вновь в скрип арбы вплелся серебряной нитью звук свирели. — Да и дедушка Окро со мной!

ГЛАВА V

БЕСХВОСТЫЙ БУЙВОЛЕНОК

Когда Мачуча узнал, что и нынче ему пасти деревенское стадо, он не испугался, хоть повод к тому и был: ведь пастуха Сосию вместе с отбившимися от стада овцами на прошлой

неделе похитили лезгины. Мальчик сам видел, как рвала на себе волосы мать Сосии, встречая вернувшуюся ни с чем погоню.

Отчаянные крики слышны были во всех концах деревни.

Но где уж было горемычной вдове предаваться скорби! Она отослала домой детей-малолеток и побежала собирать распуганное стадо, бросилась на поиски своей коровы. Поздно вечером несчастная мать Сосии вернулась в деревню. Корова нашлась.

Когда она проходила мимо источника, Мачуча и его сверстники сразу заметили — платье на бедняжке было надето наизнанку![1] Ветхое, залатанное платье имело с изнанки вид совсем уж жалких лохмотьев.

Повод для опасений у Мачучи был, но ему ведь еще не исполнилось двенадцати. А сознательный страх, как говорил дедушка Окро, появляется у людей с двенадцати лет.

Кроме того, побывав в Греми на базаре и приняв участие в покупке ружья, мальчик преисполнился ребяческой гордости.

Мачучу даже обрадовало поручение односельчан. Что ж — будет пасти скот, и хоть душу отведет, играя на дудочке.

Больно уж он любил играть на дудке и на свирели! Этот дар передался ему по наследству. А сейчас, в пору лезгинских набегов, людям уж не до веселья. Умолкла пандури, замерли пляски. Замкнулось в своем горе село. Мужчины ходили вооруженные днем и ночью. По очереди охраняли они край от лезгин — на деревенских околицах, на дорогах и в теснинах. У женщин дела было по горло. В деревнях старые и малые стерегли пожитки, собранные на случай отъезда — со дня на день ожидали большого набега.

А Мачуча ничем не владел — ни землей, ни каким иным добром, — нечего обрабатывать и нечего спасать. Только и было у него, что хибарка да свирель. За то его, наверно, и прозвали в деревне Кохсаламурой[2].

Скот обычно пасли в излучине Алазани. Это место было недалеко от деревни, да и трудно было ожидать появление врага с этой стороны.

— Ты, парень, посматривай за реку. Тебе доверяется бое-

---

[1] Близкие уведенного в плен обычно носили платье наизнанку до выкупа пленника.

[2] К о х и — лачуга, хижина; с а л а м у р и — свирель (груз.).

вой пост! — ласково наставлял Мачучу дедушка Окро. — Только не трусь! И полевой сторож тут же близко... Теперь у него ружье есть... Упаси нас бог, но в случае чего дай знать! Ты хорошо играешь на свирели, в твоих руках и эта труба запоет. — С этими словами он протянул ее Кохсаламуре.

Мальчик обрадованно схватил обеими руками медную махину, жадными губами припал к сверкавшему под утренним солнцем металлу.

— Только ты без нужды не труби, людей не скликай! Время нынче тревожное! Смотри, не переполоши деревню.

Дед Окро сунул трубу в кожаную суму с прорванным дном и повесил ее Мачуче на спину.

Мальчуган степенно слушал старейшего в селе — шуточное ли дело: дедушка Окро беседует с ним, как с равным!

И подросток, как бы придавленный к земле сиротской долей, выпрямился, расправил плечи. Всей спиной ощущал он тяжесть трубы. Доселе неиспытанное, сладкое и щекочущее чувство гордости переполняло его. Ведь голос и богатство всей деревни были в его власти!

Сейчас он позабыл обо всем на свете, кроме своего превосходства: и о лезгинах, и о стаде, и о дедушке Окро, и о безрадостном детстве...

— Эй, разиня! Стадо твое вон куда ушло! — Окро вдруг вернул на землю нахохлившегося от гордости паренька.

А стадо и вправду прошло мимо деревни.

Мачуча сунул за пазуху хлеб, который дал ему дедушка Окро, и со всех ног пустился догонять стадо.

За ним неслась с заливистым лаем Гишера.

Пастушок сначала повернул назад коров, погнал их к Алазани, потом подбежал к буйволам, улегшимся было в грязь, поднял их, вывел на дорогу.

Уже на порядочном расстоянии от деревни он заметил, что за буйволицей увязался буйволенок.

— Вот паршивец бесхвостый!

Мальчик оглянулся назад — поворачивать уже поздно... В глубине души Мачуча даже обрадовался.

Очень уж любил мальчик буйволят. А этот до того забавный!.. Серо-черный крепыш с простодушными выпученными глазами и оттопыренными ушами...

Хвост у буйволенка отгрыз прошлой зимой волк. Смешной обрубок вихлялся из стороны в сторону, точно у козы.

— Ну, конечно, он у тебя все молоко высосет! А я буду виноват, — сказал Мачуча буйволице и обнял буйволенка.

Тот выскользнул у пастушка из рук и пустился вдогонку за матерью.

Стадо рассыпалось по склону, а Мачуча взялся за свирель, висевшую у него сбоку на шнурке. Быстро забегали по тростниковой дудочке гибкие ребячьи пальцы, и свирель запела, засвистала удивительно похоже на скворца.

Мальчику стало скучно одному. Он во весь голос пропел все шаири[1], какие знал... При этом он все поглядывал за реку... Нет, он не боялся, а просто соблюдал осторожность! Как это сказал дедушка Окро? «Стадо береги... боевой пост... Только деревню зря не переполоши!»... Значит, он, Мачуча, может разом поднять на ноги все село!

— Выходит, я всемогущий Караман![2] Судьба всей деревни в моих руках! — вслух рассуждал он. — Ух ты, негодник! Глянька на этого бесхвостого, какие коленца откалывает! — Мальчишка тряхнул взъерошенным чубом и при виде куцего хвостика буйволенка забыл все назидания дедушки Окро.

Обходя дозором поле, Мачуча подражал на свирели голосу перепела, а в зарослях ежевики — квохтанью фазана... Вообще в его представлении каждый дом имел своего ангела, а каждому месту соответствовал свой лад... Ну, а мастером на все лады был он сам. Тут уж он чувствовал себя как рыба в воде.

В любую минуту можно было ждать появления лезгин. И Мачуча не мог играть привольно, без оглядки.

Нет, он вовсе не боялся... Разве труба не при нем?

Он то и дело похлопывал рукой по висящей за спиной кожаной сумке, чтобы лишний раз в этом убедиться... В случае чего он так протрубит, что нагонит страху на весь Дагестан.

Сколько раз он, бывало, выпрашивал рог у полевого сторожа. Разок протрубит и за это охапку хвороста ему принесет... А потом, играя в кости со сверстниками, хвастает:

— Только я в него дунул, как на Гомборском хребте все воронье переполошилось! — уверял он, стараясь говорить басом, изумленных мальчишек и сам в тот миг верил: «Ну, конечно, переполошилось, — а то как же?»

А когда стадо спустилось к Алазани, Мачуча присел под

---

[1] Шаири — народные шуточные песни, частушки.

[2] Караман — богатырь, персонаж грузинского фольклора.

дерево, снял с плеча кожаный мешок, достал трубу, долго гладил ее, ласкал, прикинул про себя: «Труба-то, небось, всемеро длинней моей свирели. Пожалуй, даже повыше меня самого. Зато я потолще ее!» — утешал себя мальчуган.

Заметив на сверкающей поверхности меди свое искривленное, скособоченное отражение, он обрадовался, стал всматриваться — даже как будто легкий пушок разглядел у себя на подбородке. Потом прикоснулся языком и губами к костяному мундштуку заветного рога.

«А что, если дунуть разок? — в сотый раз спрашивал себя Кохсаламура и тут же решительно отвечал: — Нет. Как это так! Деревня переполошится! Война ведь! — И сердито добавлял: — Разве можно пугать людей понапрасну», — с опаской поглядывая сверху, с горы, на противоположный берег Алазани, не идут ли окаянные. В тот миг Мачуче, кажется, даже хотелось, чтоб «окаянные» появились в самом деле...

А за рекой царила таинственная тишина... Густой лес подступал к самой воде — прибрежные тростники плавно колыхали желтоватую бахрому своих метелок.

Неизвестно, долго ли продолжалась бы борьба Мачучи с самим собой и чем бы она закончилась, если бы не спасли его от искушения все те же буйволы. Они вошли в реку всем стадом и замутили прозрачную воду. Их пепельно-черные спины огромными каменными глыбами вырисовывались на водной глади.

Зажиточное было село Кеди. И скот жители его держали породистый. Особенно славились у них буйволы. И вот сейчас казалось, будто в реке не две сотни буйволов, а гораздо больше. «Как бы не ушли за реку!» — испугался пастушок. Вновь взвалил он на спину трубу и, покрикивая на животных: «Х-и-о! Хи-и-о!», опрометью бросился к реке. Буйволы лежали под пригорком, в холодке. Только уши да рога возвышались над поверхностью воды.

И Мачуча успокоился. Он повернул обратно, направился к стоящей на пригорке буйволице... Скорее, к ее буйволенку, который, виляя куцым хвостиком и тыкаясь мордой в тугое вымя, жадно сосал молоко.

— Я же говорил! — махнул рукой пастушок. — Ну, ладно, на здоровье! Хоть раз материнского молочка напейся всласть, бесхвостый!

Он обернулся к собаке, яростно огрызавшейся на докучливых комаров и блох. Разломил краюху хлеба и бросил Ги-

шере облепленную золой корку. А сам сел под грушей и стал есть.

Из-за реки повеял легкий ветерок, разметал по лбу мальчика вихры, оживляя в памяти сироты нежную материнскую ласку. Вот так, бывало, зажмурит он глаза и уткнется матери в подол... Нет, сейчас он, конечно, не уснет! Только глаза закроет... А глаза-то его и подвели... Так, сидя с трубой на спине, Мачуча мало-помалу притих и мирно засопел.

...Сколько времени проспал Мачуча, он и сам не мог бы сказать. Что-то разбудило его. Гишера опять зарычала и беспокойно заерзала. Не на шутку рассердился на нее Мачуча:

— Прочь! Что под ногами вертишься?

Гишера с приглушенным лаем кинулась к берегу. Мачуча вскочил и посмотрел за реку.

Вдруг он заметил скакавших к Алазани всадников. Их было человек десять.

Сердце у мальчика забилось.

— Это, наверно, наши! Но откуда? — подумал он.

Лишь когда из чащи вырвался лавиной целый отряд всадников в островерхих бухарских шапках, мальчик догадался... Догадался и струсил... Язык у него присох к гортани.

— Лезгины! Лезгины! Лезгины! — бессмысленно твердил он. Но как надо было сейчас поступить, Мачуча позабыл со страху. Что-то он должен был совершить, большое, молодецкое...

А, может, лезгины уже отрезали обратный путь? Ноги у мальчика похолодели, и он сорвался с места. Прыжок получился неуклюжий — совсем как у буйволенка! Свирель волочилась за ним на шнурке, и Мачуча нечаянно наступил на нее, споткнулся. Ему вдруг показалось, что это лезгины схватили его.

«Схватили...» — от ужаса Мачуча перекувырнулся.

Голова его стукнулась обо что-то твердое.

— Труба! — не успел он произнести это слово, как вдруг исчезли страх и желание бежать куда глаза глядят. Словно он обрел вдруг какое-то верное и всемогущее оружие. Мачуча приник с бешено бьющимся сердцем к трубе... Всю душу вдунул в нее, всю силу вложил. Львиным рыком прокатился трубный звук над рекой.

Не помнил уже пастушок, что было дальше... Только все смешалось: звук трубы, лай собаки, мычание скота...

Прикорнувший было буйволенок вскочил в испуге и опро-

метью скатился с пригорка прямо в реку; за ним последовала буйволица...

Вспугнутое стадо бросилось врассыпную; казалось, сама Алазани встала на дыбы и затопила огромными валами округу.

Передовые лезгины доскакали до берега, стали искать брод.

Сначала им преградило путь бурное течение, потом бегущие буйволы. Выстрелами и криками они пытались разогнать животных, но только взбесили стадо. Сбившись кучей, буйволы налетели на отряд. Они сталкивались с всадниками, топтали их и скрывались в тростниках.

— Разбежалось стадо! Помогите! — кричал Мачуча и что было мочи трубил в трубу.

В деревне уже звонили в колокола. Над сторожевой башней закурился дымок.

Над крышами неслся боевой клич.

...Мачуча взбежал на холм, постоял, поглядел вокруг и не поверил своим глазам.

На противоположном берегу в тростниковых зарослях ничего кроме двух-трех буйволов не было видно. Лезгины исчезли — словно их и не бывало. Лишь слышались неровная пальба и конский топот. Что там, в зарослях, заварилось, пока было неясно... Но одно было несомненно — лезгины ушли, убежали. Пастушок остолбенело смотрел на вошедшую в берега Алазани и бормотал:

— Удрали! Удрали!

Мальчик вдруг почувствовал такое облегчение, что у него ослабели колени и стеснилось сердце. Он засмеялся и зарыдал.

Это были его последние ребяческие слезы...

Из бурьяна выползла Гишера. Собака лизнула мальчика в мокрую щеку, весело залаяла и принялась кубыркаться в траве.

Вдруг пастушок услышал жалобное мычание буйволенка. Свесившись с обрыва, посмотрел он вниз. Буйволенок, увязший в прибрежной грязи, задрав куцый хвост, барахтался в ней и отчаянно мычал.

Пастушонок побежал туда к буйволенку. А с противоположного берега с ревом бросилась в реку мать-буйволица. За ней последовали и другие животные.

Стадо возвращалось назад.

Мачуча бросился в воду. Он теперь уже ничего не боялся. Добравшись до буйволенка, мальчик ухватил его за обрубок хвоста и потянул, потом сгреб в обе руки его оттопыренные уши и кое-как вытащил бесхвостого на сушу.

...Когда вооруженные сельчане вышли к берегу Алазани, навстречу им двигалось спасенное стадо. В самом его хвосте, важно восседая верхом на буйволице, замыкал шествие буйволиного войска пастушок...

За спиной у Мачучи висела труба, во рту торчала воркующая по-голубиному свирель.

В самом конце стада лениво брел облепленный грязью бесхвостый буйволенок.

ГЛАВА VI

СОЦВЕТИЕ СЛОВ

Ремесло Мамуки Кахниаури требовало большого труда и усердия. Да и прибыль оно приносило небольшую.

На пергаменты и свитки спрос теперь был не так уж велик, особенно с тех пор, как из Ирана стали завозить сравнительно дешевую бумагу.

Собственно говоря, ремеслом Мамуки была выделка кожи. Но страстная любовь к книге придала ему смелость, заставила взяться за новое дело. За ученого книжника вряд ли сошел бы этот доморощенный переписчик, но работу свою он любил страстно и отдавал ей все свое время и все силы.

В церковном писании он не был силен и не очень тужил об этом. Грамоте Мамука выучился по таким мирским книгам, как «Хвала азбуке» и «Хвала плодам»[1].

Скорописью он владел изрядно, почерк имел четкий, ровный. Стоит ему, бывало, покончить с обработкой куска сафьяна или замши, как он тотчас отложит скребок и возьмется за

[1] «Хвала азбуке», «Хвала плодам» — произведения древнегрузинских поэтов.

перо. Заказчиками его были ремесленники и купцы. Кто книгу велит переписать в приданое дочери, кому надо вексель заготовить, кому — снять копию с купчей крепости... А на досуге Мамука размножал на дешевой бумаге «Хвалу плодам» и «Азбуку», главные, героические отрывки из «Амиран-Дареджаниани» и «Ростом-Зурабиани»...

Рукописи эти он продавал ремесленникам по доступным ценам.

Не раз им переписанные «Притчи» и длинные стихотворные сочинения Мамука знал наизусть и безотказно читал их любому желающему на площадях и базарах.

Зачастую, когда у Мамуки переводились покупатели и заказчики, он навьючивал на свою лошадку переметную суму, набивал оба отделения исписанной и неисписанной бумагой и отправлялся в Телави, в Дзегами или попросту по деревням. А уж на храмовых праздниках «алавердоба» или «шуамтоба» он был непременным гостем.

— Книга должна уподобиться доброму пастырю, — говаривал Мамука. — Если прихожане к нему не идут, он сам навестит их!..

Воскресенье на этот раз выдалось счастливое. И младенца в золотой купели окрестили, и кое-что из товаров удалось сбыть... Да и с почтенным купцом попировал не без выгоды.

Мирван по дешевке уступил ему тонкую бумагу. Он милостиво соизволил сесть за стол у Мамуки на крестинах, выпил много вина.

Хоть он и снял с себя дорожное платье и оделся богато и пышно, Заза по черной бороде, похожей на лопату, тотчас узнал в нем давешнего хромого незнакомца. Наряд у купца, что и говорить, драгоценный! Особенно пояс диковинный бросился Зазе в глаза. Снаружи он был выложен серебряной чешуей, а изнутри подбит красной сафьяновой подкладкой, расшитой золотом. Возле пряжки на цепочке болтались разноцветные подвески, а пряжкой служил большой черный паук из гишера.

Во время пира гости бросили кости, чтобы испытать счастье вновь окрещенного христианина. Когда пришел черед купца Мирвана, он схватился за пояс, рванул цепочку — к ней оказались подвешены три игральные кости: из слоновой кости, из серебра и из золота.

— Бог троицу любит!.. Ай, тер-аствац!.. Мои нарды[1] с тремя костяшками... Так и будем бросать, почтенные мастера!

— На какую выпадет шаши[2], та пусть и будет подарком крещеному! — сказал Мирван. Со стуком покатились кости.

Ремесленников растрогал широкий жест гостя. Они обступили играющих.

— Ду шаши! — в один голос воскликнули гости.

— Гляди-ка, вот счастье ему привалило!

Шаши выпал и на серебряной кости, и на костяной.

Купец вручил вместе с выигранными деньгами отцу младенца счастливые кости.

Дивился Заза: все захмелели и, уходя с крестин, нетвердо держались на ногах; а купец Мирван шагал уверенно и даже не хромал.

— Отец, разве вино помогает от хромоты?!

Однако Мамука был сильно навеселе — на вопрос Зазы он ответил застольной песней «Мравалжамиер». Потом, собравшись с мыслями, пошел к дверям:

— Схожу-ка я к Джигаури, поздравлю их с крестинами...

Жена одобрительно улыбнулась, покачала разревевшегося ребенка, успокоила его...

— Сатино, женушка! — обернулся в дверях Мамука. — На той неделе соберешь нас с Зазой в путь, в Дзегами поедем. Зазу хочу с собой взять. Как ты думаешь?

— Утро вечера мудренее! Завтрашнее дело завтра и решать будем, — тихо ответила Сатино.

Когда отец ушел, Заза повис на шее матери, стал умолять:

— Матушка-голубушка! На три дня воды тебе натаскаю, хворосту на неделю соберу и огород вскопаю — только отпусти!

— Ну ладно, ладно уж! — пообещала мать, ласково потрепав сына по вихру. Мальчуган чмокнул мать в шею и выбежал из дому.

Когда он вошел во двор Джигаури, до него донеслись громкий хохот и веселые голоса. Заза прибавил шагу и пробрался в дом к соседям через черный ход.

За столом сидело человек десять. Один из них, размахивая руками, что-то оживленно рассказывал.

Заза узнал звонаря Фило.

---

[1] Нарды — старинная игра.

[2] Шаши — шесть (перс.).

Не успел Заза переступить порог, как Кита схватил его за руку и втащил внутрь.

— Этот?

— Этот самый! — воскликнул звонарь. — Вот он, крестный отец мой... И воротник этот — его... Бруцо мне отдал.

— Ха-ха-ха! Повелитель колоколов, говоришь, а? — веселились захмелевшие гости.

— Вот как, значит, он тебя окрестил?!

А громче всех хохотала, сидя на коленях у Манасэ-костоправа, виновница торжества, Халиана. Звонкий голосок ее заливался серебряным колокольчиком.

Фило, воспользовавшись смущением мальчика, схватил его за уши.

— Ну, а теперь давай звонить в колокола! — Звонарь принялся в шутку тянуть Зазу то за одно, то за другое ухо.

— Бом! Бом! Значит, малец заставил онеметь «Мать-колокол», а? — балагурили ремесленники.

Но тут Халиана закричала:

— Колокольный дяденька! Разве уши Зазы колокола? Больно ведь ему!

Гости помирали со смеху, а девочка не смолкала до тех пор, пока звонарь не выпустил из рук уши Зазы.

— Гляди-ка на эту егозу! Никак и ей приглянулся паренек? — гоготал хмельной звонарь.

— На, держи свой воротник! Фило, повелителя колоколов, не бойся. А вот сторожу Бруцо не попадайся на глаза!

Но Заза, улучив минуту, выскочил во двор — даже не обернулся.

Перед отъездом в Дзегами Заза отпросился на три дня у писца Шаншэ, у которого учился грамоте и чистописанию. Диван-хана помещалась недалеко от караван-сарая. У Шаншэ было десять учеников, все, кроме Зазы, старше пятнадцати лет. Зазу взяли в ученье, несмотря на малые годы, за способности и прилежание. Заботу об учениках принял на себя отец Зосимэ. Обычно подбирал он их сам. Еще в монастыре Цхракара пришелся по душе старцу смышленый мальчуган с блестящими глазами и открытым лбом.

Чтобы испытать его, Зосимэ сказал:

— Пожалуй, рано еще ему в книжники записываться — пусть пока голубей гоняет!

Ребенок обиженно надул губы, в глазах у него потух огонек.

— Он и на это мастер, преподобный отец! — заверил Мамука.

Зосимэ поглядел на работу Зазы — это было духовное песнопение, переписанное красивыми крупными буквами.

— Сколько лет мальчику?

— Восемь, отче! Девятый пошел...

Зосимэ заметил: у мальчика за пазухой был спрятан свиток.

— У тебя, верно, еще что-нибудь есть? — спросил он Зазу.

Тот не смог солгать, смутился и шепнул что-то отцу.

— Ничего стоящего, отче! — сказал Мамука.

— А ну-ка, покажи!

Заза расстегнул ворот и вынул небольшой свиток.

Зосимэ развернул его. Это была «Хвала плодам»...

Старец обратил внимание на то, что «Хвала плодам» переписана гораздо тщательнее, с явной любовью. Заглавные буквы были выведены киноварью. Между тем в рукописи «Божественного песнопения» заметна была поспешность, недостаток терпения.

Зосимэ вновь поглядел на Зазу.

У мальчугана были густые лохматые брови, мохнатые ресницы, взлетавшие, точно крылья мотылька, и такие тонкие, изящные черты лица, что старец не мог представить себе его в рясе послушника.

«Книжник из него выйдет, а не ученый монах, не церковник! Чувствуется, что ребенок наделен недюжинными способностями», — заключил про себя Зосимэ и велел принять его учеником в диван-хана. И за один год мальчик опередил по знаниям всех остальных учеников, а по красоте письма — даже своего учителя, писца Шаншэ.

Отец с сыном побывали на ярмарке в Дзегами. Для них это оказалось выгодное и приятное путешествие.

В Дзегами ярмарки бывали побольше, чем даже в Греми. Здесь скрещивались дороги, соединявшие Дербент и Турцию, Тбилиси и Ширван, горный Кавказ и Мугань, Греми и Иран.

Особенно славился Дзегами оптовой торговлей, да еще скотопригонным рынком.

Здесь продавали знаменитых тушинских овец, кахетинских лошадей, эретских буйволов, шакских ослов... Здесь же бывали и большие верблюжьи базары.

Три крепости охраняли Дзегами. Город был окружен садами и виноградниками.

У Мамуки было здесь немало друзей и знакомых, а среди них и постоянные покупатели. Он сбыл тут свои бумажные товары и сам сделал удачные покупки... Во-первых, приобрел новый чихти-копи[1] для Сатино и, во-вторых, — что самое главное — обнаружил среди всякого старья у одной вдовы-дьяконицы грузинский словарь «Соцветие слов». В книге, правда, не было заглавного листа, да и конец был оторван, но страстного книголюба очень обрадовала эта находка. Словарь был переписан старинным почерком, с заглавными буквами, а кое-где и незнакомыми Мамуке титлами.

На третий день отец и сын тронулись спозаранок в обратный путь.

Дорога шла по ущелью, потом — по приалазанским лесам.

Денек выдался погожий, не очень жаркий. В этих местах Алазани текла уже неторопливо, образуя тихие заводи. Таинственно шуршали тростники. Под сенью густо сплетенных ветвей ежевики и граната пахло земляникой и грибами.

Заза, сидя на лошади за спиной отца, следил взглядом за проносящимися по небу птицами и мысленно вновь переживал дзегамские впечатления.

Отец с сыном присели отдохнуть под дикой сливой.

Мамука снял с лошади уздечку и пустил ее пастись. А сам вынул «Соцветие слов» и открыл книгу наудачу...

— Проводник — знаток троп, проезжих, проселочных и всех иных дорог...

— Еще прочитай, другое место! — попросил Заза.

— Человек есть животное, наделенное даром речи, смертное... — Мамука с трудом переворачивал большим пальцем истрепанные листы. Он раскрыл книгу на другой странице.

— Зависть — тоже горе, только причиняемое благополучием другого...

Сын сел рядом с отцом, и вскоре его мысли вплелись в «Соцветие слов»...

...Спасшись бегством от удивительной атаки буйволов Кохсаламуры, лезгинская орда беспрестанно металась по Алазанской долине.

У грабительских шаек было правило — если почуют по-

[1] Чихти-копи — грузинский женский головной убор.

гоню, надо опередить ее хоть на два дня пути. Ни труда, ни даже головы своей не жалели, лишь бы сохранить, увезти в горы добычу и пленников.

Шайка Аслана-мурзы именно так и поступила... Тем более, что отряд Давида Джандиери преследовал ее по пятам. Никак не удавалось сбить его со следа.

В прибрежных лесах затаились лезгины, пробирались сквозь высокие тростниковые заросли. Незаметно пересекли они большую дзегамскую дорогу и лишь в лесистом ущелье, у реки Белакнис-цкали сделали привал. Потом, чтобы отвлечь погоню, повернули в сторону Дзегами — а ночью втихомолку снова тайно кружным путем вышли к Алазани.

Разведчики принесли весть: погоня пошла по ложному следу, но потом Джандиери понял свою ошибку и поскакал со своим отрядом в горы, чтобы перекрыть дорогу через перевалы. Но откуда было знать преследователям, в каком месте непрошеные гости перейдут Кавкасиони?[1]

Тем не менее лезгины соблюдали осторожность и на села нападать не решались. Они задумали погреть руки на длинной и многолюдной дороге между Греми и Дзегами.

А тут подвернулось еще одно прибыльное дело.

После долгих скитаний по лесам и ночных поисков Мурадаисдзе удалось вступить в переговоры с Асланом-мурзой. Он подкрепил шахские и шамхальские грамоты Али-Махмада новыми «грамотами из чистого золота».

Встреча была назначена именно на этой дороге.

Все было оговорено: день, место, условный знак.

Мурадаисдзе должен был лично сопровождать Али-Махмада, которого Аслан-мурза охотно взялся переправить в Дагестан.

И вот в ожидании встречи лезгины пробирались звериными тропами вдоль проезжей дороги.

Заметив на дороге путников, они тотчас перерезали им путь спереди и сзади. Если жертва оказывалась с деньгами — очень хорошо, а нет — тоже не беда: ведь каждый пленник был сам по себе целым состоянием.

Аслан-мурза, дерзкий и расчетливый мастер набегов, называл пленников «гюрджи-довлат» — «казна-грузины».

Он часто наведывался в Кахети и даже некогда служил

[1] Кавкасиони — Кавказский хребет.

в наемном войске у царя Александра. Но набеги были куда более прибыльным занятием, а смерть одинаково подстерегала джигита и «тут», и «там».

Вот и сейчас шамхал Сурхай доверил ему крупное дело.

О предстоящем походе Лала-паши шамхалу заранее сообщили из Стамбула. Сам Сурхай также готовился к нашествию на Кахети. Аслану-мурзе было поручено выяснить, готовы ли кахетинцы к войне, установить численность их войска.

На этот раз, правда, Аслану-мурзе особенно поживиться не удалось, но вернется он далеко не с пустыми руками, да еще привезет к шамхалу посланца от шаха Ирана.

Большую часть добычи и пленников он уже отправил; не сегодня-завтра он встретится с «шахским человеком» и сам пустится в обратный путь. Перебраться в Дагестан он решил через Сабуе и перевал Кадори...

Вдруг передовые подали знак. Заметив возле зарослей дикой сливы навьюченную лошадь, лезгины притаились. Хозяина не было видно...

Аслан-мурза велел передовым двигаться в обход.

Сначала обшарили все кругом. Частенько кахетинцы расставляли им ловушки с такими вот лошадьми да хурджинами.

Особым искусством ловить на приманку славился «этот верзила Джандиери»...

«Буйволы на Алазани — это тоже его выдумка», — подумал Аслан-мурза.

Он махнул волосатой рукой, и по земле змеями скользнули пятеро лезгин.

Обыскали сливовые заросли — и тут никого.

Подползли поближе. Послышалась тихая беседа. Еще немного и... у дороги, под деревом, заметили двоих: мальчишку и взрослого. Лезгины осмелели. Подкрались совсем близко, выглянули из-за кустов. У взрослого на коленях лежал «китаб», который он читал вслух. А мальчик, подперев рукой подбородок, следил за его взглядом.

Гюрджи ходжа? Грузинский священник? — вздернул бровь лезгин.

— Должно быть.

Между тем подошли и остальные.

Увлеченные «Соцветием слов», отец с сыном подпустили к себе лезгин вплотную и очнулись только от их окрика.

— Горе нам, сынок! — простонал Мамука, прижимая к груди «Соцветие» и Зазу...

— На вар? Что это? — резко спросил Аслан и вырвал у него книгу из рук. Мамука хотел было вскочить, но лезгины схватили его, бросили наземь и скрутили ему руки за спиной.

— Беги, сынок! — крикнул Мамука, отбиваясь изо всех сил от лезгин.

Заза нырнул было в кусты, но стон отца остановил его. Мамука лежал ничком, связанный по рукам и ногам. Заза вскрикнул и с проворством рыси бросился на лезгина, который, придавив коленом спину его отца, затягивал петлю...

Мальчик схватил насильника за руку и что было сил впился в нее зубами.

— Ах ты, паршивец, шайтан бала! — взревел лезгин и, выпустив Мамуку, ударил наотмашь ребенка.

Заза полетел кувырком в колючий кустарник и громко заплакал.

Лезгин подул на кровоточащий след укуса и бросился к мальчику, чтобы поколотить его.

— Шавлох! — взмахнул рукой, останавливая своего подчиненного, Аслан-мурза. Ему пришлась по нраву смелость мальчугана. Он нагнулся, потянул Зазу за ворот, помог ему подняться. Ребенок больше не плакал.

Широко раскрытые влажные ребячьи глаза сверкали теперь мрачным пламенем, сросшиеся брови были грозно насуплены.

Лезгины расхохотались.

— Меним! Мой! — положил руку на плечо мальчику Аслан-мурза и, обернувшись к сидящему Мамуке, сказал: — Клянусь аллахом! Хороший у тебя сын растет!

А затем, указывая на рукопись, спросил:

— Он тоже умеет читать?

Мамука, не разжимая губ, утвердительно кивнул головой.

— Шабаш! Хороший мальчик! — повернулся к своим людям главарь лезгин. А те уже успели снять с лошади переметную суму и удивленно перебирали непроданные рукописи...

— Гюрджи-коран! — объяснил им Аслан, хотя сам ничего в книгах не смыслил.

Из-за реки послышался неясный шум.

Лезгины заторопились. Связанного Мамуку посадили на его же лошадь, стянули ему ноги под конским брюхом.

В знак «покровительства» Аслан-мурза сунул «Соцветие слов» Зазе за пазуху, посадил его на лошадь позади Мамуки

и, велев мальчику обхватить отца за грудь, связал им вместе руки.

Все вскочили на коней и вновь пустились в путь сквозь густые камыши, по глухим звериным тропам.

ГЛАВА VII

ПОРА УТЕХ

У царя Александра оказался довольно-таки крутой нрав. Особенно явственно проявилось это после венчания на царство.

Златокованный, густо усеянный алмазами, лалами, жемчугом царский венец как бы подавил своей тяжестью мягкость и доброту, пробужденные в своем питомце отцом Зосимэ. Да Александр и сам чувствовал — жизненные испытания и борьба со злом меняли его характер.

После воцарения и утверждения на престоле Александр стал совсем другим; изменились и отношения между государем и его подданными — один лишь старец Зосимэ остался таким, как прежде — справедливым и полным доброты.

Александр объяснял это его жизненным призванием: «Монаху подобает искать правду и быть милосердным. Правителю же необходима твердость, в ней — его правда и справедливость. Иначе не удастся царствование его, и все в стране пойдет прахом. Времена нынче суровые и человеку порой приходится проявлять суровость».

Но, несмотря на такие взгляды, Александр был отличным семьянином. Стоило ему урвать свободное время, как он тотчас же спешил к детям.

— Матушка Мариам! — так называл Александр в семейном кругу свою венценосную супругу. — Пойдем-ка навестим наших петушков!

Если при этом, оглядевшись вокруг, царь вдруг замечал кого-нибудь из прислуги или приближенных, он снова надевал на себя маску величия и размеренно, чуть певуче, продолжал:

— Прошу прощения, государыня!.. Мы желали бы узреть царевичей... Если, разумеется, будет на то и ваша воля!

Привлекательное лицо царицы Мариам заливалось румянцем, губы, оттененные легким пушком, вздрагивали от удовольствия.

— Пожалуйте, мой государь, милости просим!

Удивительно тихая и добросердечная, она была исключением в роду надменных Амилахвари.

Не доведись ей стать царицей кахетинской, Мариам непременно постриглась бы в монахини. С малых лет была она набожной и богобоязненной.

Да и выйдя замуж и сделавшись царицей, Мариам осталась такой же, как была, — только к обожаемому ею образу спасителя теперь присоединился другой, земной образ — царственный супруг, которого Мариам любила какой-то сверхземной любовью.

Тоненькая и хрупкая в юности, став матерью, она пополнела и расцвела пышной красотой. Ведь она произвела на свет уже четвертого сына.

Отдавать царевичей на воспитание кормилице было в те времена непреложным обычаем.

И царице предлагалось множество кормилиц на выбор, но она сама тайком кормила грудью сыновей, а кормилиц часто меняла, ибо в ней зарождалось чувство, похожее на ревность, когда она видела свое дитя у груди другой женщины.

— Ты своего корми, а я своего! — бывало, тихонько говорила Мариам очередной кормилице и, одарив, отпускала ее.

Опять не приглянулась мне кормилица! — объясняла она Александру, когда он замечал перемену.

Александр знал, что царица тайком кормит детей, но не подавал виду. Сам он был воспитан мачехой и материнские добродетели супруги восхищали его.

В гремском дворце Александр ввел правило — когда царь-отец входил в детскую к сыновьям, все должны были удалиться — мамки, няньки, наставники и духовники.

Александр терпеливо дожидался их ухода. А сыновья нетерпеливо, с сияющими глазами ждали первого отцовского слова.

Он вглядывался в лица детей, и суровое сердце его оттаивало, морщины на лбу разглаживались.

— Ну-ка, кто скорей взберется ко мне на плечи? — восклицал он, садясь в кресло.

Братья были почти погодками, кроме Константина, который был моложе на несколько лет и только начинал ходить.

Ему, как самому младшему, принадлежали «отцовские колени». Так раздала царица детям «уделы» на теле отца.

Ираклий был старше. Ему уже назначили воспитателем Горджаспа Эндроникашвили, который прививал степенность и выдержку наследнику престола.

Давид и Георгий были в той счастливой поре детства, когда ребенок ласковее, добрее и, возможно, именно поэтому любимее, чем когда-либо.

Давид — худощавый, болезненного вида мальчик, а Георгий плотный и круглолицый, но при этом озорник и непоседа. Он обычно опережает всех — мигом вскарабкается к отцу на плечи и закричит:

— Нишха! Нишха![1]

— Балбалука! — откликнется снизу Давид.

— Кому щит?

— Отец! — даже Ираклий не в силах усидеть вдалеке и подходит поближе.

— Опять Георгий победитель!

— Ну что, Давид? — ласково спрашивает отец обиженного.

— Это правда?

— Кому щит? — поддразнивает сверху Георгий.

— Выходи, я готов!

Черные глаза Давида сверкают огнем... Откинув рукой волосы со лба, он схватил деревянные щит и меч, но споткнулся о расстеленную на полу медвежью шкуру и сразу уткнулся носом в подол подоспевшей матери.

Братья расхохотались.

— Ха-ха-ха! Так тебе и надо, малыш! — смеялся от души Георгий.

Ираклий держался степенно, как старший, и открыто смеяться не решался, но не мог подавить веселье и то и дело потихоньку фыркал. А больше всех веселился, заливался звонким счастливым смехом малютка Константин, которому вообще все казалось смешным с отцовских колен.

— Отец, знаешь, что сказал Давид? — свесился сверху Георгий, прижимаясь подбородком ко лбу отца. — Дайте, говорит, только стать царем, — зачем мне тогда махать саблей, — прикажу врагу, он сам себе голову отрубит и мне поднесет!

---

[1] Нишха-нишха — детская игра (груз.).

— Как же, поднесет! — презрительно фыркнул Ираклий.

Александр весело рассмеялся.

Матери было не по душе это соперничество между братьями. Она тотчас вмешалась и всех успокоила.

— Ну-ка, кто угадает, что у меня в этой руке?! — говорила она, чтобы отвлечь внимание детей.

— Я! Я! Я! — перебивали друг друга голоса. К ним присоединился и маленький Константин.

— Я... я...

— Леденец?

— Засахаренный миндаль?

— Гозинаки?

— Нет, еще слаще!

— Молочка! — потянулся к матери Константин.

И царица Мариам позабыла обо всем на свете...

Она поспешно раздала детям сласти и подхватила на руки Константина.

— Константин угадал! — радостно воскликнул Александр и ласково посмотрел на Мариам — не как царь на царицу, а просто как добрый муж на свою жену.

— Матушка Мариам, хорошая моя! Эх, кабы четверым братьям да еще одну сестричку... Вот бы хорошо было!

Мальчики навострили уши, а Мариам стыдливо потупилась, крепче прижала к груди Константина.

Она была сейчас на седьмом небе — счастливая мать и жена, не уставала она благодарить судьбу. Нет, ошиблась ее старая няня, когда сравнивала семью сказочного «царя Вахо» с гнездом скорпионов. «Подрастут — накопят яд. Мед обернется желчью, кровь и слезы затопят любовь».

Вновь и вновь с безграничной любовью обводила взглядом «матушка Мариам» рожденных ею... С каждым из них связывали ее тысячи зримых и незримых уз. Вот они... Всех она носила у себя под сердцем и родила, но в сердце все навеки так и остались нерожденными: изящный и немного замкнутый Ираклий, чуточку строптивый Давид, капельку своенравный Георгий и маленький, сам весь пока еще «чуточка» и «капелька» — Константин.

В семейной жизни очень счастлива царица Мариам. Нет, неправа была старая няня. Ее семья вовсе не похожа на гнездо скорпионов «царя Вахо»... Но, к сожалению, весьма редки минуты такого неомраченного семейного благополучия.

Не часто выпадала хозяевам гремского дворца «пора утех» — так называли эти мгновения венценосные супруги.

Вот и сейчас слуги доложили о приходе Горджаспа Эндроникашвили. Он приглашал царевича Ираклия засесть за книги — настала пора учения.

Скоро и Оман Чолокашвили явится за Давидом...

...Царь сдвигал с неудовольствием брови, приказывал строго:

— Ну, к порядку, царевичи!

Георгий мигом соскакивал с отцовских плеч, другие тоже выпускали отца.

Внезапный холодок пробирал царя, — словно сдернули с него теплую бурку. Александр подтягивался, напрягал разомлевшее тело. Царица утихомиривала Константина, потом садилась рядом с супругом, а сыновья располагались около них, в порядке старшинства... И уподоблялись они написанному на стене храма «Счастливому царскому семейству», как бы отринув все земное, и превращались в заоблачное, бесплотное олицетворение внешнего блеска и величия.

Так они встречали приближенных...

Потом царь некоторое время слушал, с каким прилежанием и усердием вникает царевич Ираклий в «Дворцовый устав» или «Сокровищницу царей».

Равнодушно внимал Александр «сомнительной мудрости сочиненных правил и витиеватым словесам нравоучительных притч». Душу его теснила печаль. По собственному опыту он знал: все суета, все напрасно, если человеку не дано счастья и мудрости. Заученное и вытверженное наизусть быстро перемелется под беспощадными жерновами жизни, развеется шелухой и пылью.

Отец вглядывался в лица своих внезапно присмиревших сыновей. Как знать, какие испытания ждут царевичей, как жестоко обойдется с ними жизнь...

Со смятенной душой вышел из детской царь Александр.

Там, на его половине, ждали царя тысячи забот и головоломных дел.

Кончилась «пора утех» — настала «пора трудов и тягот».

ГЛАВА VIII

СЛОМАННЫЙ ЛЕНЧИК

Знойным маревом была окутана земля. Весенние дожди сменились ясной погодой. Над пашнями поднимался пар.

Семьи, где были работники, уже управились с севом.

Огороды с их частыми полосами грядок напоминали раскинутые стеганые одеяла.

Только кое-где земля еще ждала хозяина. Невспаханные полосы выглядели сиротливыми и заброшенными среди дружных всходов.

У вдовы Цибаури, Тутии, и огород, и поле остались почти что необработанными. Правда, бедная женщина начала было перекапывать огород, да много ли могла она сделать с малыми детьми на руках, и притом без рабочей скотины?

Дедушка Окро зашел как-то обнадежить ее:

— Немножко погоди, Тутия. Я одолжу тебе своих бычков. Их, правда, только недавно начали запрягать, но с твоим полем и огородом как-нибудь сладят. Ты лучше сохой землю вспаши, лопатой ее за год не перекопаешь.

В ожидании бычков Тутия хваталась то за одно, то за другое — сегодня забор поправит, завтра очистит и углубит дно ручья.

Сегодня она рано управилась с домашними делами, — сварила детям нехитрую похлебку. Скоро и они проснулись.

— Мама, молочка! — тотчас закричал кудрявый крепыш и, взобравшись к Тутии на колени, маленькими ручонками вцепился в ее грудь.

— Мама, когда ты его, наконец, отнимешь от груди? — как взрослая спросила вдову пятилетняя дочурка Тако.

— Да уж и впрямь пора малышу, два с половиной года, — так же как взрослой ответила ей мать. — Эх, худо без отца. Жалко ребенка... И коровы у нас нет. Тебя-то я годовалой от груди отняла...

— Помню... — обиженно кивнула девочка и, склонив голову набок, стала заплетать тоненькую косичку. Потом спрыгнула на земляной пол.

— Что ты можешь помнить? — грустно улыбнулась мать.

укрывая обрывком одеяла голого малыша, уткнувшегося носом в ее грудь.

— Вот сейчас Гуца тебя укусит! Глянь, глаза зажмурил! — вскричала Тако и схватила братишку за толстые ножки.

— Перестань, малыш! — прикрикнула на сына мать, но в глубине души молодая вдова вместе с болью ощутила сладкую дрожь...

Вспомнился ей муж, «тот несчастный», такой же кудрявый... Тутия вышла за него по любви, и жили они душа в душу.

Но недолго довелось ей побыть с мужем. Еще и двух лет не было Тако, когда Эстате Цибаури ушел с царем Александром на войну. Веселым покинул дом, полным надежд, словно ехал на праздник. Лепешку из виноградного сока и десяток-другой чурчхел захватил в дорогу. Тутия была на сносях... Вскоре она рыдала над мужниным кинжалом и пустым хурджином, доставленными ей с поля боя.

Через месяц у Тутии родился сын. Вдова назвала его Гуцой — не отцовским именем, не в память убитого... Эстате она считала живым. Так и детям говорила: «Уехал, скоро вернется». И ребятишки говорили об отце так, как если бы он ушел куда-то недалеко.

Так и жили мирно под этой худой крышей трое живых и один мертвый...

— Мамочка, почему отец так долго не приходит? Разве ему не надо отдохнуть?

— Придет! — глухо отзывалась мать.

— Ты всегда так говоришь, а...

Придет, придет! — Гуца выпустил материнскую грудь и блаженно сощурился. — И мне что-нибудь вкусное принесет. Тогда я и молочка не захочу.

Тутия застегнула платье и спустила ребенка с колен.

— Присматривай за братцем, Тако. Надень на него рубашку, — наставляла Тутия дочь. — Мне пора идти. Подмети в доме. Помнишь, как отец говорил: «Подрастет Тако, помогать тебе будет».

— Помню, помню! — охотно подтвердила девочка и своими чуть раскосыми глазами украдкой глянула на стену, где висели отцовская чоха и кинжал. Только их и знала Тако, а лица отцовского не помнила. И уж конечно — не помнила «его» слов — так же, как и дня, когда мать отнимала ее от груди. Но детским своим чутьем девочка догадывалась, что матери будет приятно, если она скажет «помню».

— И отца приведи! — крикнула вдогонку матери Тако. Потом, деловито, как взрослая, «в ожидании отца» принялась хозяйничать и заботиться о брате.

— Вот тебе быки, соседка. Привел, как обещал... Немножко запоздал правда. Как говорится, своя рубашка... — дед Окро пригнал своих бычков прямо в поле к Тутии. — Соха у тебя есть?

— Тут. Дай бог тебе здоровья!..

— Ну вот. А то ведь, если женщина возьмется за лопату, детей ей больше не рожать.

— Какие дети! Мне бы только моих сироток поднять, больше ничего не надо!

— Отчего же, свет не без добрых людей! — отозвался дедушка Окро, но не продолжил разговора, зная, что Тутия не любит вольных шуток. Да он и сам был до них не охотник. Но в мыслях, сплетающихся где-то в глубине, словно узловатые древесные корни, он что-то неясно, по-стариковски, прикидывал...

Бычков дед Окро оставил вдове, а сам повернул назад, к деревне. Шел он, а чувство недовольства собой неотступно преследовало его.

— Да разве я сделал доброе дело?! — вслух рассуждал старик. — Творить добро, так уж до конца. Ну много ли может вспахать эта бедная вдова?! В одиночку, да еще сохой! — бормотал он себе под нос. — Будь у меня силы, я бы не поленился, пособил бы горемычной. Но где уж мне...

Он умолк и, по-стариковски волоча ноги, побрел по проселочной дороге.

Дедушка Окро, с его обычно ясным умом, на этот раз никак не мог свести концы с концами. Точно необъезженные бычки, натыкались мысли друг на друга.

«Отдать в починку этот ленчик или заказать новый?» — заключил он, из множества мыслей, наконец, выделив одну, и все же с сомнением. Не замедляя шага, прошел старик мимо своего дома. На окраине деревни он со вздохом перешагнул через сломанный забор и, подойдя к низенькой халупе, крикнул:

— Хосита! Ты дома?

— Дома! — ответил сонный голос. — Кто там?

— Вставай, выходи, добрый человек! Слыханное ли дело — дрыхнуть в этакую горячую пору? На пашнях работы по

горло, — напустился дед Окро на Хоситу, когда тот вышел во двор. — Знаю, душа у тебя ни к чему не лежит, — но ведь руки-то на что-нибудь годятся? Пойдем со мной, выточи мне ленчик. Ремесло у тебя хорошее, а вот сам ты плоховат, ей-богу, а то бы...

Хосита протер глаза, распялил рот в зевоте, посмотрел на посетителя и спросил — словно ничего и не слышав:

— Дедушка Окро, это ты?

— Я это, я, — махнул рукой старик. — Мужчина ты или нет?.. Ведь, в конце концов, у каждого из нас есть свое горе. Возьми себя в руки, ты же среди людей, в деревне — не на погосте...

— Живу, как могу, — невесело усмехнулся Хосита. — Ленчик, говоришь?

— Ну да, ленчик. Пошли!

Дед Окро повернул назад и, чтобы колебания не осилили нерадивого, зашагал побыстрее. Позади, в некотором отдалении брел Хосита, едва передвигая ноги.

С той поры как у Хоситы Шилдаури погибли жена и дети, он стал не похож на себя. Опустился, отгородился от всех, все ему стало безразлично — и беды, и радости людские, словно хребет перебили человеку.

Хосита вырос в семье дьякона и был человеком глубоко верующим. Вот почему особенно потрясло его то, что его жену и детей лезгины сожгли именно в церкви.

Появилась у Хоситы привычка — в мыслях своих боязливо уходить от самого важного, подменять его чем-нибудь сторонним, второстепенным, и считать это за главное. «Что жена и дети — бога я потерял, бога! Чем мне теперь жить? Кого молить? О чем молиться?» — теснились в его голове черные думы. Окруженные венцом пламени лица жены и детей, образы горящей церкви и распятия, библейский лик бога мешались в его голове все более, все глубже потрясая его.

Людей Хосита сторонился — особенно женщин. При виде их слезы душили его.

И чего только женщины не приметят! Одного не могли они понять — жену свою Хосита не может забыть или одиночество его гнетет? Сначала они стеснялись спрашивать, потом стали понемногу его поддразнивать. В конце концов и это им наскучило — они махнули рукой на Хоситу, окаменевшего в своем горе.

А Хосита не постригся в монахи, не и к жизни лицом не повернулся. Обнищал бедняга, изголодался.

— Иди рядом. Что плетешься сзади, точно лиходей какой?

Хосита, даже не расслышав слов дедушки Окро, наобум ответил:

Ну да, может оно и так...

Дед Окро остановился, заглянул ему в глаза. Хосита догадался, что ответил невпопад, поежился.

— Да нет... Как ты сказал?

— Эх, сынок, надо бы тебя расшевелить, а то ты, пожалуй, совсем спятишь. Жить в деревне, на миру, среди людей — да так одичать, слыханное ли дело? И в кого это ты вышел — ни на мать, ни на отца не похож, царство им небесное, обходительные были люди, хлебосольные...

— Ну, а я каков?

— Ты, сынок, непропеченный какой-то... И душа твоя мелкая... уместится в горсти. Кто бы мог ожидать?

— Эх, жизнь меня допекла...

Старик промолчал, свернул с дороги. Хосита этого и не заметил. И лишь заслышав шум мельницы, остановился как вкопанный.

Это место всегда обходил стороной Хосита. Ведь отцовская мельница «в тот страшный день» была разорена лезгинами... И бросил ее Хосита на произвол судьбы.

— Пошли, пошли... На большой дороге грязь, тут пройдем. Отцовскую мельницу видел? Отстроили мы ее всем миром, снова вертится, мелет. Смекай, в чем тут смысл, если голова у тебя на месте?

И дедушка Окро замедлил шаг — но кресало чиркнуло зря, не высекло огня. Хосита прошел мимо мельницы, ни разу не взглянув в ту сторону.

— Посмотри туда, посмотри... Не бойся встречи с прошлым! — подбодрил его старик. Но Хосита еще ниже склонил голову.

— Отстань... Ну чего тебе от меня нужно?

Даже в верховье ручья не свернул в сторону дед Окро, а стал на берегу, словно трудно ему было перешагнуть через поток.

— Давай-ка обойдем его! Эх, старость не радость! А застарелая кручина! И того хуже, знай!.. Я тебе это не впер

вой говорю... Послушайся меня, добрый человек! — взяв Хоситу за руку, старик потянул его, велел идти поскорей.

...Церковная ограда была разрушена, и тропинка пролегала прямо по двору храма. Откуда было знать об этом бедняге Хосите — ведь он всегда обходил эти места стороной. А сейчас совершенно неожиданно оказался перед сгоревшим храмом!

Сердце у Хоситы бешено забилось. Именно здесь — в этой церкви шесть лет назад заживо сгорели его жена и дети, да так, что даже пепла не осталось. Хосита винил в этом самого себя — зачем он укрыл семью в храме? Почему не отвел своих домашних в крепость, хотя жена об этом просила?! И вот, сгорел храм! А сам Хосита уцелел. Этого он простить себе никак не мог.

С тех пор он ни разу даже не заглянул за церковную ограду.

Дед Окро перекрестился и остановился у закопченных развалин...

— Боже всемогущий, упокой души усопших, а живым дай утешение!

Глаза Хоситы наполнились слезами, он отвернулся. Душа у него была чувствительная, а плакать он стеснялся.

— Сынок, ты бы перекрестился! А слез не стыдись и дум не бойся. Только нищий духом не может ни горевать, ни веселиться!

Старик сел на обгорелую, разрушенную стену, кончиком посоха разрыл землю, смешанную с известью.

— Нет, человек — не мельничный жернов: тот, как сотрется — перевернешь, насечешь и, глядишь, снова мелет! — словно продолжая начатый разговор, возражал кому-то дедушка Окро. — Нет, человек сам должен свое горе пересилить!

Хосита махнул рукой, почуяв, куда гнет дотошный старик.

— Сколько ты у меня сил отнял, знаем только я один да горе мое! — упрекнул он дедушку Окро и хотел было уйти...

— Почему это ты один? Разве только твое оно, горе-то? А мы что, не люди?! — возразил дед Окро, преграждая дорогу Хосите.

— Сердце человеческое — просто кусок мяса, если в нем не гнездится ни горе, ни радость, — немного погодя продолжал дедушка Окро, еще усерднее разгребая опаленную землю.

— К чему ты клонишь?!

— Да к тому, чтоб не думал ты, будто горе у тебя одного. Погляди вокруг — мимо скольких домов мы с тобой прошли, и ведь что ни дом, то своя беда. Без печали разве что пташка божья порхает! Но горе, как святой крест, надо нести, а не тащить кряхтя на спине, точно камень. Не ожесточиться ты должен, а стать еще добрее к людям!

Хосита стоял и не шевелился. Дед Окро, ни на миг не усомнившись, что Шилдаури слушает его, поднялся, взял его за полу рваной чохи и сказал проникновенно:

— Если для самого себя жить и радоваться не можешь, тогда хоть для других живи... Попробуй, по крайней мере.

— Ничего не понимаю.

— Поймешь. Утри слезы и пойдем. Или сломанный ленчик починим, или новый выточим. У каждого свое: у кого жена и детишки сгорели, у кого мужа убили, кто круглым сиротой остался...

Старик еще раз оглянулся на развалины, со вздохом нагнулся и взял горсть земли.

— В этой земле есть и прах твоих близких, Хосита... Не так ли?

Хосита встрепенулся. Жила у него на шее вздулась, мелкая дрожь пробежала по всему телу — по каждому суставу, до кончиков пальцев. Он сжал зубы — под рано поседевшими усами вздулись желваки.

— Что ты говоришь?! Жалости в тебе нет! Не думал я, что ты такой жестокий! — возмутился было Хосита, но опять вдруг испугался, что разбередит свою рану, опять скрыл от себя самое главное. — Что ж, земля — она земля и есть, и только!

Однако дед Окро почувствовал, как глубоко проняло Хоситу. Он сжал руку и ощутил, как у него в горсти вместе с землей из-под сгоревшего храма, трепещет взволнованное сердце Хоситы.

— Жестокий я, говоришь? Смотри, я тебе это попомню! — Старик сунул посох подмышку и пошел дальше.

Еще раз испуганно покосился Хосита на почернелые развалины храма и невольно, сам того не желая, последовал за стариком.

Теперь дед Окро пошел по короткой дороге. Ни ручей, ни заборы не остановили его. Миновали огороды. Тут и там работали крестьяне. Запах вскопанной, политой потом земли бил в ноздри Хосите. Но до запахов ли ему было — дед Окро,

зажав в кулаке горсть земли, шагал впереди, увлекая за собой и его, Хоситу.

Сомнение точило мозг Хосите: «Уж не ту ли землю несет старик? Ну и что ж? Пусть себе... — Земля — она земля и есть!» Но чем больше старался успокоить себя Хосита, тем сильнее овладевало им волнение. В этот миг он ненавидел весь свет, а больше всех — этого злоязычного деда, который так грубо нарушил его обманчивый покой. Но и этого старику показалось мало — он осквернил пепел его близких, несет куда-то, зажав в горсти.

И когда дедушка Окро остановился возле участка Цибаури, Хосита выпалил со злостью:

— Стыд и позор!

— Вот именно, стыд и позор! — подхватил старик, окидывая взглядом огород. — Когда баба землю пашет, позор для деревни! Это каждого порядочного человека касается.

Хосита был тугодум. Ответ озадачил его. Он вытаращил глаза...

За оградой он заметил вдову Тутию. Старая соха, уныло понурясь, врезалась в землю. В упряжке шел только один бычок — другой отвязался.

— Что случилось, соседка? — окликнул Тутию дед Окро.

— Да вот, бычок постромки пооборвал!

— Стой, Ниша! — дедушка Окро схватил бычка за ухо и притянул к ярму.

— Хосита, сюда становись! А ну-ка, дай мне твой пояс, тебе он все равно не впору.

Хосита пропустил мимо ушей это «сюда становись» и стал теребить свой вытертый пояс.

— Живей! Что ты — что эти упрямые быки!..

Хосита лениво перелез через забор и, не глядя на женщину, пробурчал что-то вроде приветствия.

— Благослови тебя бог! — ответила слегка удивленная Тутия.

— Ну, снимай пояс! Новый за мной — с серебряной насечкой. Давай, подсобим сиротам. Вот тебе и божье благословение!

Хосита сорвал с себя небрежно затянутый поясок и подвязал его к деревянному шкворню.

— Теперь подождите! — дед Окро подвел бычка под ярмо и затянул ремень под его шеей.

Старик ласково погладил бычков.

«Эге, да это, должно быть, его бычки! — догадался Хосита и удивился: — Что ему вдова Цибаури?» Но мысль его опять прервалась: рука-то у старика была по-прежнему сжата в кулак.

Хосита отвернулся, окинул взглядом пашню.

Огород был вскопан лопатой с краю, а дальше тянулась неровная, с огрехами полоса, вспаханная сохой.

Дед Окро тоже, конечно, приметил, что рука у пахаря неумелая.

— Жаль мне тебя, соседка! Горькая твоя вдовья доля! — покачал он головой и сказал, обращаясь к Хосите: — А ну-ка, проложим бороздку помаленьку...

Он прикрикнул на бычков и пошел впереди. Соха накренилась набок и, пока Хосита стоял в нерешительности, женщина ухватилась за рукоятку. А когда наконец и Хосита дотянулся до сохи, его отвыкшая от работы ладонь коснулась женской руки.

— Дай-ка, уж лучше я... — И Хосита нерешительно стал в борозду.

Женщина шла рядом...

Трижды прошли они по участку взад и вперед; дед Окро искоса глянул на пахаря, против своей воли следовавшего за сохой.

— Эх, пожалуй, ты и прав, Хосита, земля — она земля и есть! Добрые дела земной жизни зачтутся на том свете! — и старик рассеял по полю, как семена, опаленную землю, зажатую в горсти.

У Хоситы дрогнула рука, и он еще сильнее налег на соху. Глубоко врезалась соха в землю. Понатужились бычки, но вытянули.

— Земля-то неплоха, да хозяина у нее нет, вот в чем вся беда... — простодушно посетовала Тутия.

Старик усмехнулся и снова повернулся к Хосите:

— Ты не устал?.. Тутия, теперь ты веди бычков, а я его сменю.

Но Хосита хмуро процедил сквозь зубы:

— Отчего бы мне устать? Вот только... — он замялся — искал слово погорше, да никак не мог найти. Кто знает, что хотел сказать замкнувшийся в себе человек!

— Что «только»! — не отставал старик.

— Эту оглоблю сменить бы надо... — уклончиво ответил Хосита.

— Ну, бог тебе в помощь! — словно только этого и ждал старик. — Делаем доброе дело — так доведем его до конца! Схожу-ка я домой, принесу топор да лесу на оглоблю, а вы тут пока работайте, ладно? — спросил он обоих и, не дожидаясь ответа, повернулся и пошел.

Женщина застеснялась:

— Ну, с какой стати?.. Вы же по делу куда-то шли...

— Давай. Погоняй!.. — оборвал ее Хосита и прорезал сохой глубокую борозду.

Когда у Хоситы была семья, он трудился не покладая рук. Силы и ловкости у него было хоть отбавляй. Убитый горем, он все же не утратил сноровки: сердце погасло, но руки не отнялись. Мужская рука сразу заметна на пашне. Борозда пошла ровно и прямо.

Сначала Хосита работал по привычке, без души. Не поднимал глаз, не глядел по сторонам, ничего вокруг себя не замечал. Солнце светило ему то в лицо, то в затылок... Он в сердцах вспоминал слова старика. А потом и их выкинул из головы.

Понемногу, незаметно, внимание Хоситы приковалось к пахоте. Но почему-то, стоило ему увидеть комочек смешанный с известью обожженной земли, как сердце у него ёкало; навалившись на соху изо всех сил, он старался обойти, не задеть этот комочек...

Заметив это, он сразу догадался и о причине: «Земля с церковного двора. Из этой горсти! Из пепла!»

«Так значит, земля — не просто земля? Выходит, земля земле рознь! Ну, да, есть чернозем, а есть суглинок и есть песок...» — пытался он вильнуть в сторону. Но непослушная мысль шла своим извилистым путем, нити сплетались в затейливую паутину и, по мере того как Хосита прокладывал борозду за бороздой, чужая эта земля рисовалась его воображению все более цветущей. Он уже ощущал ее своей собственностью, кровным своим достоянием.

«Так вот и бывает — потрудишься и невольно полюбишь то, что полито твоим по́том...» — вильнул теперь в другую сторону Хосита, пытаясь остаться в тесном мирке повседневных забот рачительного хозяина. Но сердце, точно вот эти своенравные бычки, тянуло его прямо вперед: «Не в поте дело — в пепле!».

— Точно околдовал меня этот старик! — проворчал Хоси-

та и, сделав над собой усилие, оторвал взгляд от земли, посмотрел вперед. А там, впереди, покачиваясь, плыла стройная женская спина. В душе Хоситы всколыхнулось далекое воспоминание. «Она!» Да, это она — словно восставшая из пепла, одевшаяся плотью и шагающая по борозде, как когда-то...

Хосита не мог оторвать взгляд от женщины.

Она почувствовала это, оглянулась.

— Устал, наверно? — Тутия оправила платье на полной груди.

— Точь-в-точь как та... До чего похожа! Неужели все женщины одинаковы? — удивился Хосита.

Бычки остановились, дойдя до конца борозды.

— Эй, Ниша! Лома! — повернул Хосита и опять уставился в развороченную землю, которая шевелилась под сохой, как живая.

«Да, так бывало и раньше!»... Тогда он имел и жену, и детей, и упряжку быков, и душа у него была на месте. И точно так же, как сейчас, отваливались тогда подрезанные лемехом пласты, ложились комья один на другой.

— Гей, гей, милые! — И кажется Хосите, будто он перепахивает заново свой вчерашний день.. Восставшее из развеянного ветром праха и ожившее на груди матери-земли прошлое.

Была уже обеденная пора, когда воротился дедушка Окро. За спиной у него висел небольшой кожаный мешок, с плотничьим топориком, а на плече — материал для оглобли.

— Давайте присядем, подкрепимся! Небось, проголодался, рабочий человек?

Он выпряг бычков и отогнал их в тенистое место.

— Как мне перед вами совестно! Нежданно-негаданно пришли и помогли мне!.. — смущенно проговорила Тутия.

— Полно тебе, женщина! Хосита нынче на меня работает, ты-то тут при чем? Он мне ленчик починить обещал! А что он тут каких-то две пяди земли расковырял, это я и за труд ему считать не буду, пусть не надеется!

— Что это ты, добрый человек, тяжбу со мной затеваешь с утра. Давай уж заодно и оглоблю тебе сделаю...

— Потом... успеется! — успокоил его старик...

— Ну, соседка, твой покойник, помнится, хвалил тебя за расторопность. Займись-ка вон той котомкой.

Мужчины сели под ивой. Женщина нарвала на меже, у ручья широких листьев лопуха и расстелила их на земле вместо

скатерти. Она достала из котомки три длинных хлебца-шоти, сыр и чищеные орехи, принесла и свое «угощение» — ячменную лепешку с солью. Слезы застилали ей глаза. Чтобы не дать им воли, она схватила кувшин и побежала к ручью. Она не хотела, чтобы посторонние видели эти слезы, вызванные горем и нищетой.

Дедушка Окро многозначительно посмотрел на Хоситу.

А Хосита удивился чужому горю необычайно — словно впервые видел такое... Когда же Тутия принесла воду, Хосита стал приглядываться к ней уже другими глазами. Женщина умылась в ручье — но глаза ее были красны от слез. Даже веснушки на ее лице заметил Хосита, и опять невольно стал сравнивать: «У моей-то лицо было почище...» Но когда женщина подняла на него черные, грустные глаза, Хосита снова смутился и отвернул лицо.

— Эх, да поможет бог всем нам, старикам, вдовам да сиротам! — разломил хлеб дедушка Окро.

Хосита ел молча, сосредоточенно, а когда насытился, заметил, что никто, кроме него, к еде не притронулся. Кусок застрял у него в горле, он обвел взглядом сотрапезников... Тутия догадалась, в чем дело, отломила кусок хлеба и пожевала, а дедушка Окро показал ему свои редкие зубы.

— Будь у меня твои зубы, я бы завел себе новую жену и детишек!

Хосита ничего не ответил. Кончив есть, он попробовал острие топора и принялся тесать новую оглоблю.

Дед Окро по-стариковски клевал носом, прислонясь спиной к стволу дерева. Потом голова его как бы вросла в плечи, и он испустил храп.

Но вскоре проснулся. Ноги у старика затекли, он с трудом поднялся, оглядел пашню: Тутия опять шла впереди бычков, а Хосита, навалившись на соху, усердно пахал.

Многое передумал дедушка Окро, а потом сделал мудрый вывод: «судьбу надо только подтолкнуть, а потом уж она сама себе путь проложит!»

Старик встал, взвалил на спину котомку и догнал пахарей:

— Эй, Хосита, если ты мой работник, пойдем со мной, а нет, так хоть скажи, когда мне ленчик выточишь!

Женщина придержала бычков.

— А ты ступай вперед! Что остановилась? Разве идя по борозде нельзя разговаривать? — прикрикнул на женщину дед

Окро. — Я тебе бычков дал для работы, не для того, чтобы они простаивали!

Старик шел рядом с упряжкой, по непаханной земле.

— Добро добром, только... У меня ведь тоже свой расчет!—вновь обратился дед Окро к Хосите. — А тут вот земля вдове досталась... Одной ей никак не управиться... — И старик махнул рукой, словно опять рассыпал по полю горсть пепла.

Хосита отер со лба пот:

– Чего же ты от меня хочешь?

— Чего мне хотеть, добрый человек?! Да вот, бычков тебе одолжу. Вы между собой сговоритесь обрабатывать землю исполу. А ты мне за бычков новый ленчик выточишь. Чтоб и я не остался в убытке!

Женщина обернулась к ним, прошла несколько шагов, пятясь задом, а затем снова, как будто все это ее не касалось, зашагала впереди бычков.

Никто не говорил ни слова. Слышалось лишь шуршание земли, взрезаемой сохой. Звук этот напоминал Хосите шипение далекого огня...

— Ну, по рукам? — на повороте преградил ему дорогу дед Окро.

«На кой черт сдалось мне это поле?! — недоумевал Хосита. — На кусок хлеба всегда заработаю. Ремесло у меня есть — как-нибудь проживу. И чего ко мне этот старикашка привязался? Не хочу — вот и все!»

Соха пошла вкривь. Хосита выправил ее и посмотрел на женщину; мысль его отклонилась от прежней борозды: «Эта статная, моя-то была пониже... Да и пожиже!» ...Его опять удивило это сравнение. И тут у Хоситы точно пелена спала с глаз — он осознал, что уже долгое время сравнивает между собой двух женщин... ту, что обратилась в пепел, развеянный ветром, рассыпавшийся по этой тучной земле, и вот эту — живую, идущую перед упряжкой... И чем больше ищет он различий между ними, тем больше обнаруживает сходства.

— Я свое сказал, а вы как знаете... — донесся сзади голос деда Окро.

— Ну, а я почем знаю, сама-то хозяйка ничего не говорит.

Хосита не закончил — да и разве он это хотел сказать? Сорвалось с языка, а думал он совсем другое... На кой черт

ему, Хосите, работать на чужом поле? Для чего? Так он и скажет напрямик — чего тут стесняться!

— Эй, ты, волчья сыть! — сердито прикрикнул он на свернувшего в сторону бычка. Тогда другой лягнул ногой и замотал головой, отмахиваясь от овода.

— Только овода тут не хватало! — проворчал Хосита.

Женщина лаской и хворостинкой восстановила нарушенное было согласие в упряжке.

— Неволить никого не хочу! — негромко пробормотала она и сорвала наполовину сползший с головы платок. Темные волнистые пряди разметались по ее плечам.

«Вот наваждение! До чего же одинаково треплются волосы у этих баб!» — подумал Хосита; он даже не расслышал толком, что сказала Тутия. Неожиданно для самого себя он крикнул старику, что согласен и только тогда до сознания его смутно дошли слова женщины.

— Что? Как ты сказала?!

Но женщина не проронила больше ни слова.

Дед Окро ушел.

Хосита внимательно присмотрелся к идущей впереди... Плечи у Тутии слегка вздрагивали, Хосита мужским чутьем угадал, что она плачет. Вот этого уж он никак не ожидал!

«Эх!.. И до чего эти окаянные бабы похожи друг на друга, когда плачут! И моя вот точно так же ревела.... Точь-в-точь!»

Потом он снова замкнул свое сердце и навалился на соху.

ГЛАВА IX

ФОНТАН СЛЕЗ

Военные приготовления близились к концу.

Все четыре садрошо должны были выступить в поход. Арагвский эристав обещал также участвовать в нем. Новые законы о кахетинских моуравах на него не распространя-

лись. Нугзар сумел сохранить полную самостоятельность. В горах и на Арагви он был полновластным хозяином. Не раз Нугзар говорил с затаенной угрозой:

— В Кахети ныне один царь и один эристав!

А это «ныне» означало: если царь станет оспаривать его эриставские права, то он, Нугзар, отступится от кахетинского царя и станет вассалом повелителя Картли.

Обстановка, сложившаяся в Картли в это смутное время, укрепила согласие Нугзара с кахетинским государем. И покуда дело еще не дошло до «окончательного выбора», эристав решил поддержать царя Александра в его действиях против турок.

Александр проявлял большую осторожность. Царские моуравы, а также другие средние и мелкие чиновники знали лишь об «общей подготовке», а в суть дела были посвящены только знатные вельможи.

В народе пошли толки.

Военные приготовления были особенно заметны в кварталах ремесленников.

Гремские и телавские кузнецы и оружейники трудились днем и ночью, дзегамские войлочники и чувячники без устали валяли шерсть, дубили и выделывали кожу.

Предполагалось, что все снаряжение идущего на войну крестьянина — конь, оружие, одежда и продовольствие — должно быть приобретено за счет помещика, заботами моурава. Но на деле и расходы, и заботы ложились на плечи самого крестьянина, разоряя его семью, но так и не обеспечивая воина всем необходимым.

Своим помощником по набору войска Александр назначил Давида Джандиери. Это был азнаур средней руки, возвышенный царской милостью. В Торгвайской битве он отличился своей «рассудительностью и усердием». Эти слова молодой Александр вписал в жалованную грамоту, которою возвел Джандиери в княжеское достоинство.

При взятии крепости Торгва Джандиери самолично захватил в плен и доставил царю его сводного брата и соперника — царевича Кайхосро.

Вот почему Александр назначил Джандиери смотрителем гремского узилища. «Опаснейших узников», а среди них и Кайхосро, поручил ему государь. Стража и телохранители были в подчинении у Джандиери. А тот служил царю верой и правдой.

Могучее богатырское тело Джандиери было увенчано трезвой головой с высоким лбом и зоркими проницательными глазами.

Хлопот полон рот у человека-горы.

Не щадит ни себя, ни коня своего, ни моуравов. И всюду появляется он неожиданно и вовремя. О каждом ему известно все — наветы и истина, дурное и хорошее, явное и тайное — и все помнит. Для пользы дела он готов на все: ласка и угрозы, хитрость и принуждение — любой способ для него одинаково хорош, за это и ценит его так царь Александр.

— На длинный ус Давида Джандиери намотаны нити любого дела! — не без основания говаривал, бывало, царь кахетинский.

А усы у начальника царских телохранителей были великолепные — пышные и черные как смоль. В этом, как и в воинской доблести, с Давидом мог сравниться разве лишь полководец Шермазан Чолокашвили.

И царь, и простой народ верили Джандиери и ценили его. Зато высокородные феодалы и бывшие эриставы недолюбливали этого «выскочку» так же, как и не одобряли нового порядка набора войск.

Давид же по указанию Александра сделал этот порядок еще более жестоким.

— Джандиери! Что, недовольны... иные из высокородных?.. Не смирились? — царь слегка пощекотал шпорой бок своего коня, дернул за поводья.

Выехав из ворот верхнего дворца, он погнал лошадь по дороге, пролегавшей вдоль высокой стены.

— Не смирились, государь! — догнав царя, ответил Давид.

— Умножай ряды моуравов! Воинов и надежных азнауров на эту должность назначай. И обо всем подробно доноси мне! — Царь знал немногословность Джандиери.

— Считаю долгом доложить вам, государь!.. Введение моуравов улучшило состав войска, его оснащение, укрепило внутренний порядок.

— Это все? — допытывался царь. — Ты только это хотел сказать?

— Войско теперь подчинено одному вам, государь, и служит целям всего царства Кахетинского...

— Скажи и о недостатках, не умалчивай. Вот Зосимэ был, тот мне сказал. — Александр откинулся в седле.

Дорога круто спускалась вниз. Гремя отсюда не был ви-

ден. Всадников обступила ласковая лесная тишь. Царь и начальник стражи из верхнего дворца возвращались в нижний Большой дворец. Хоть он и был близко, тут же под горой, все-таки поодаль за царем следовала охрана.

Давид вначале отмалчивался, почтительно, но упорно наблюдал за царем. Он хорошо знал, что дозволено иноку Зосимэ, о том иной раз даже думать предосудительно ему, лишь с недавних пор удостоенному царского доверия. Уж давно тонким чутьем разгадал он нрав государя и по едва заметной смене оттенков голоса угадывал скрытые извивы мысли грозного властелина.

Вот и сейчас Давид посмотрел на царя и понял, что тот желает знать правду. Поэтому он решительно начал:

— Есть и недостатки. О чем говорил святой отец, мне неведомо, но...

— Тем лучше! Слушаю тебя! — и Александр сдвинул брови.

Давид снова догадался: это означало внимание, а не гнев

— Как вам известно, по прежним законам эриставы были полновластными хозяевами садроше...

— Совершенно верно, — перебил его Александр, — садроше считалось наследственным владением эристава, которым он волен был править по собственному усмотрению.

— Позвольте доложить подробнее...

Александр слегка улыбнулся. Его всегда удивляла преждевременная, не по возрасту, степенность, рассудительность и неторопливость беседы Джандиери, который даже неугомонного царя заставлял терпеливо себя выслушивать.

— Эристав сам набирал войско среди своих крестьян, сам его вооружал и сам вел в поход. Он был прижимистым хозяином, урезывал оснащение и продовольствие, старался приберечь, не вывести в поход лучших из своих людей. И представьте себе, даже на победу скупился, если она возвышала царский трон сверх меры.

— Потому-то отец мой и отверг прежний порядок. И мне завещал следовать его примеру.

Всадники выехали на взгорье. Небольшая поляна, окруженная чащей сосен и елей, была как бы обрамлена мохнатыми ресницами. А сверху над нею, точно бровь, навис гребень хребта. Возможно, потому и называли это место Царбула[1].

---

[1] Царбула — от «царби» — бровь (груз.).

Александр придержал коня, поглядел вокруг. Это место он любил больше всего.

— Что за красота! — проговорил он как бы про себя и снова стал допытываться у Джандиери: — Ну, так каковы же недостатки?

— Доложу. Сейчас крестьянином повелевает князь, часто бывший эристав, правит краем и набирает войско — моурав, покровительствует знамени, но не обладает им — епископ. Бразды же верховного военачалия в твоих руках, государь!

Давид посмотрел в упор на Александра и продолжал:

— И каждый требует от крестьянина — тот оброка, тот верной службы и хорошего снаряжения, а тот — защиты веры и отечества.

— Что ж, тем лучше! —вставил царь.

— Да, государь, мудро задумано. Сейчас крестьянин не выступает в поход оборванным и голодным, но зато, чтобы снарядить воина, крестьяне должны чуть ли не по миру пойти. Господин ничего ему сам не дает, а оброка не простит.

— Так и Зосимэ полагает! Он прав: в Кахетии достояние крестьянина — это богатство царя! Я должен всегда об этом помнить... Ты это хотел мне сказать?

Остальную часть спуска проехали молча. И лишь у Большого дворца вновь заговорил государь:

— Что ж — надо и на это решиться! Облегчим долю крестьянина, поможем ему: при уплате повинностей, скинем стоимость снаряжения.

Даже на лице всегда сдержанного Джандиери кахетинский государь прочел восхищение. Ведь от этого нововведения весьма выиграет оснащение войска! К тому же крепостным, а тем более вольным крестьянам, станет легче. Но Александру было о чем призадуматься: теперь князья да азнауры в свою очередь потребуют поблажек. А этого уж царская казна не выдержит... И все-таки отважился на новшество Александр, хоть и действовал на этот раз осторожно. У него, помимо общих, были и свои собственные, пока еще тайные цели. Но прежде всего необходимо было создать сильное войско — тем более, что слух о будущем походе Лала-паши на Иран и на Грузию подтвердился. В ожидании турок иранцы вооружались. Войска двух могучих противников, по расчетам Александра, должны были встретиться совсем близко, у Чилдыра.

Решающую битву тут же надо ожидать. Черная тень войны и лишений нависла над грузинскими царствами.

Между Греми, Тбилиси, Самцхе и Имерети завязалась оживленная тайная переписка, засновали гонцы.

После пленения царя Симона в Тбилиси сидел на троне принявший ислам Дауд. Народ не признавал его, да и большинство князей не поддерживало царя-мусульманина. Раздоры и соперничество омрачали небо Картли едва ли не больше, чем угроза турецкого нашествия.

И вот в эту пору безвременья до картлийских князей дошел через тайных посланцев призыв Александра к объединению и «совместному действию». Многие призадумались над словами кахетинского государя о «едином пути».

Александр действовал хитро: посредником для согласования своих замыслов с картлийскими князьями он избрал Нугзара Эристави, разумеется, не посвящая его в свои конечные цели. «Пусть уж лучше мой вероломный арагвинец расставляет ловушки в Картли... Если зверя не поймает, может, хоть сам в них попадет», — столь же вероломно рассуждал царь.

Тщеславному арагвинцу весьма польстило это поручение. У Нугзара тоже было свое «Соцветие слов», неписаное, но прочно запечатленное в памяти. «Посредничество» он истолковывал как «первенство» или «корысть», а «согласование»—как «присвоение».

Александр знал все это отлично — для картлийских эриставов «посредничество» Нугзара уже само по себе было залогом умеренности кахетинского государя, свидетельством того, что он не посягает на исконные права эриставов. Лучшей маски Александр и не мог придумать.

К концу лета все уже было готово к вступлению в Картли; ожидали, что картлийские князья и эриставы тотчас же примут сторону кахетинского царя. А потом соединенные грузинские силы двинутся на Самцхе, поднимут меч против турок, против османского мира. Грядущее рисовалось в радужном свете. Почти полностью объединенная под знаменем кахетинского царя, Грузия явится «надежной» союзницей для Ирана, уже вышедшего на поле битвы. А это, в свою очередь, заставит Иран признать «почти объединенную» Грузию и посмотреть сквозь пальцы на изгнание из Тбилиси никчемного Дауда.

Сам кахетинский царь по большей части молчал, но зато внимательно выслушивал возвышенные назидания старца

Зосимэ, а на частых дворцовых советах приказывал слушать его и других.

Весьма искушенные в подобных хитросплетениях кахетинские вельможи чувствовали, к чему клонилось дело, но такой «уклон» и им был на́ руку. Они знали, что картлийские князья сумеют сохранить и уберечь свои права и преимущества, в первую очередь, власть эриставов и старый порядок управления садрошо — все то, что у кахетинских феодалов было отнято царем, а в Картли по-прежнему безраздельно принадлежало высокородным.

Вот тут-то они и расставят сети царю Александру.

Близилось время соединения войск.

В Кахети все чаще прибывали гонцы. Католикос Мцхетский призывал торопиться. Полоненная турками Самцхе молила о помощи.

Если первые сражения принесут грузинскому оружию успех, Имерети готова была примкнуть к победителю.

Однако Нугзар Эристави что-то задерживался в Картли. А ведь главный узел был именно там.

Царь трижды в течение дня держал совет. Сначала он велел Давиду Джандиери собрать моуравов и подробно расспросить их, как идет набор войска.

Затем Александр призвал во дворец четырех епископов: Иоанна Алавердели, Кирилла Уджармели, Стефаноза Некреселн и Саба Бодбели, которые считались предводителями четырех садрошо. С согласия епископов царь дал им в помощь опытных полководцев.

И, наконец, собрал государь высокородных и вельмож. В самый разгар совета в залу ворвался Нугзар Эристави. Брызги гомборской грязи еще не обсохли на его одежде. Он долго извинялся за то, что явился в таком виде. Арагвский эристав привез согласие и присягу на верность от многих знатных картлийских князей.

— Государь! Почти все картлийские князья готовы поддержать вас, стать на вашу сторону в этом великом деле. Но в столь изменчивое время, когда никто не знает, с какой стороны завтра взойдет солнце и где таятся иглы ежа и своекорыстные расчеты, в столь смутное время прочный договор ободрил бы правдолюбцев, умножил бы ряды войск великих эриставов. Луку надобна стрела, пищали — пуля, а обоим — согласование усилий и порядок!

Из этой витиеватой, тяжеловесной речи кахетинский государь и его вельможи вынесли заключение: князья Картли, как и следовало ожидать, требуют от Александра заверений в том, что права их останутся неприкосновенными.

— Весьма мудро и справедливо рассудили картлийские князья! — тотчас со свойственной ему гибкостью согласился кахетинский царь, а в глубине души у него уже созрел новый замысел. Быть может, побеседовать с Нугзаром наедине? То, что так страшит картлийских эриставов, как видно, еще не успели переварить и бывшие кахетинские эриставы.

Ведь и эти, — что собрались здесь и держат совет о том, как спасти страну, — подвержены тем же искушениям. Почти у каждого — есть что-то свое, личное, кровное, некий корыстный расчет... Быть может, и у него самого, у царя?..

Но на этом мысль его оборвалась.

— Светлейшие! Не из каких-либо личных побуждений собрались мы здесь сегодня... И подобает нам все обсудить мудро, без поспешности. А князю Нугзару дадим немного отдохнуть с дороги. После ужина пусть он расскажет нам, какие еще заверения надобны картлийским князьям.

Все поняли — царь хочет сначала побеседовать с Нугзаром наедине.

— Воля ваша — закон, государь! Видимо, слишком уж утомлен князь Нугзар. Что ж — раз он так устал, придется уважить его... — заключил Горджасп Эндроникашвили, повернувшись к Нугзару.

Двусмысленно согласившись с царем, он оскалил уцелевшие клыки и тотчас же их спрятал.

Князья сразу оценили это «видимо, слишком». А Нугзар, попавшись на удочку «уважения», выступил вперед.

— Вы весьма заботливы, государь и светлейшие князья! Начав речь, он не ведал еще, чем ее закончит, что ему выгоднее — здесь, при всех, обсуждать дела или с глазу на глаз с Александром.

— Хоть я и устал, а все же придется мне сразу уехать домой, на Арагви. — Предлог этот, только что изобретенный, был лишь прикрытием, под которым змеей извивалась совсем другая мысль: «Пусть думают князья и государь, что я хочу говорить при всех. А на деле с глазу на глаз мне выгоднее — ни с кем не надо будет делиться... Ну, а если не сговоримся, тогда и на совете можно будет потолковать».

— Тяжко занемогла, сообщают мне, супруга моя... И если будет на то и ваша воля...

Царь поднялся, обещал Нугзару послать с ним врача, а участников совета поручил заботам домоправителя. А немного погодя, «слишком усталого» Нугзара пригласили в беседку, куда должен был явиться врач.

Поднимаясь по аллее фонтанов, Нугзар в самом деле ощутил усталость. На лбу его, увенчанном лысиной, заблестели капельки пота.

Беседка была увита густой листвой винограда, среди которой поблескивали тяжелые, влажные от росы гроздья. Посередине круглого мраморного фонтана стоял на возвышении олень из темного камня. Из глаз оленя струились ручьи «слез». А у ног оленя, в воде между камнями, носились рыбки.

На каменной скамье сидели царь Александр и старец Зосимэ.

— Потревожили мы тебя, усталого! Врач готов ехать с тобой. — Царь оборвал листья с молодого побега и крохотным ножом подрезал лозу.

— Верно, новые кахетинские порядки заставили призадуматься высокородных картлийцев? — как бы между прочим спросил царь, хлестнув по воде только что срезанным прутиком.

Вспугнутые рыбки, словно отблески солнечного луча, заметались в воде и попрятались в щелях, в подножии оленя.

— Вам это ведомо лучше, чем мне, государь! Только помощи против турок просят они, а не самовластия моуравов и не военачалия епископов, — вкрадчиво произнес Нугзар эти два «не» и из-под бровей посмотрел на Зосимэ, но тот как бы вовсе и не глядел на него. Склонив голову, он двумя пальцами теребил уже изрядно поседевшую бороду.

Александр быстро рассчитал, что за этими двумя «не» последуют бесчисленные «да» — надобно только сначала немного прощупать, а затем и завоевать арагвинца.

— Я приду в Картли только как помощник! Но, быть может, я опять ошибаюсь? Быть может, они боятся нас больше, чем турок?

Царь переломил прут пополам и отбросил его. Затем стал кидать рыбкам крошки хлебного мякиша.

Нугзар молчал. Правда, его владений новые порядки не коснулись. Однако, сломив других эриставов, царь захватил в свои руки большую силу. Но, может быть, теперь, стремясь

укрепить свое влияние в Картли, царь восстановит старые порядки и в Кахети?

Проворная форель выпрыгнула из водоема и, ударившись о гладкий бок плачущего оленя, соскользнула назад, в воду.

— Форель — рыба из семьи лососевых, а лосося у нас называют «арагвули» — «арагвинцем». Вам, должно быть, это ведомо, господин Нугзар? — не подымая головы, произнес Зосимэ...

— Да, святой отец.

— Высоко прыгает! Только вот крыльев у нее все же нет!

У эристава был обычай: если чего-нибудь сразу не поймет, прикинется глухим, но ни за что не переспросит. Александр же продолжал понемножку сплетать сеть.

— Опять упала в воду, не так ли? Вознаградим ее за столь великое усердие!

И царь подсыпал рыбкам корму.

«Уж не мне ли эту приманку бросают? — заподозрил Нугзар. — Нет, уж, извольте, я вам не какой-нибудь крохобор! Мне оленя подавай!» — заключил он про себя и погрузился в молчание.

А вода в фонтане подернулась рябью. Из воды вынырнул сом. Длинные усы, точно оборванные бечевки, колыхались в воде перед его мордой. Множество мелкой рыбешки выплыло вслед за большеголовым.

Зосимэ подошел к фонтану Слез.

— Поглядите-ка, алазанский сом! Вот эту остроносую рыбку имеретины зовут усачом, водится она в стремнинах Риони. Вот эта, с серебристыми жабрами — сазан из Куры. А посмотрите на эту мелюзгу — разве не напоминает она серебряную стружку в чаше побратимов?[1] И все они плавают вместе, в одном фонтане Слез. Ну, а пустите сюда хищную рыбу — и все с жизнью распрощаются.

Нугзар слушал с притворным вниманием.

Царь потянулся за серебряным узкогорлым сосудом. И заговорил иносказательно, притчами:

— Говорят, в турецких водах водится много щук. — Александр наполнил сосуд из глаз оленя и осушил его залпом.

---

[1] Названые братья, по обычаю, клянясь друг другу в верности, пьют из одной чаши вино, настрогав в него серебра с рукоятки кинжала.

— Нугзар! Введение моуравов в Кахети не затронуло прав Арагвского эристава... — и, словно только что вспомнив, продолжал: — Слыхал я, князь, будто в старинных книгах упоминается, что твои владения некогда граничили с поместьями Мухран-батони и даже соперничали с ними!

— Святая правда, государь!

— Я большой почитатель старинных книг и грамот...

Царь снова наполнил сосуд, выпил воды.

— Ух, какая холодная!

Нугзар взял второй сосуд. Вода, приятно булькая, потекла в него из оленьих глаз. Нугзар не спешил, вода перелилась через край. Приятно «булькала» мысль: «До самых владений Мухран-батони! Вот это уже олень, а не корм для рыбок!» Такой щедрости Нугзар даже не ожидал. Эристав испил оленьих слез, вытащил из кармана куладжи пестрый платок и вытер лицо...

— Государь! Воду, подобную этой, пил я лишь из одного источника в Тианети — называют его источником Согласия. Тианети ведь тоже прежде входила в Арагвское эриставство, — как бы между прочим обронил Нугзар, обращаясь к царю, и вновь пригубил слезы, струившиеся из глаз оленя. — Чудесная вода — разум просветляет. Будь этот источник в моих владениях, я бы только эту воду и пил...

Зосимэ больше не мог этого вынести и, обогнув фонтан, вышел из беседки. Он слушал бульканье «оленьих слез», а в душе его нарастало чувство омерзения. Ведь в беседке, около фонтана Слез, шел торг — благопристойный, подслащенный, но все же торг, подсказанный низменными, корыстными расчетами.

ГЛАВА X

ТРЕТЬЯ ИГРАЛЬНАЯ КОСТЬ

Давид Джандиери преследовал лезгин по пятам и никак не мог их настигнуть. Лезгины брали не быстротой своих коней, а хитростью. То они переправлялись через Алазани без брода, то обвязывали копыта лошадей войлоком, чтобы не

оставлять следов. то разделялись на мелкие отряды, прокладывали ложный след к деревням, а затем верхом на лошадях, подкованных задом наперед, возвращались к месту встречи.

Джандиери отлично знал их уловки и ошибался редко. «Давид читает следы лезгин, как Зосимэ — евангелие», — говорил о нем Александр.

Однако напасть на верный след еще не значит победить. Надо выследить, настичь и разгромить главные силы, освободить пленных, отбить награбленное добро, защитить еще нетронутые селения.

Эта «малая война» требовала большого искусства и самоотверженности.

Бороться с лезгинскими набегами было столь же трудно, как переплывать множество рукавов разлившегося потока.

Кахетинцам, наконец, удалось ограничить пространство, подвергавшееся набегам. Вокруг дороги Греми—Дзегами петляли и грабители, и их преследователи.

Близ Чиаурского леса, на перекрестке нескольких дорог и троп, Джандиери разгадал новую увертку врага. Если верить следам, то часть лезгин углубилась в приалазанские леса, другая же часть перешла вброд Алазани и перерезала Греми-Дзегамскую дорогу.

Судя по отпечаткам кахетинских подков и вмятинам от неподкованных копыт, пленников и награбленное добро лезгины уже успели отправить в горы. Но главари их, как читалось «между строк», видимо, повернули на восток.

— Не хотят ли они угнать табун?

Джандиери засел со своим отрядом в засаду, пустил по следам лезгин разведчиков, а сам стал дожидаться темноты, чтобы сделать решающий скачок в полной тайне.

Под вечер разведчики заметили на большой дороге двоих всадников. Они походили на торговцев и, по-видимому, держали путь из Греми в Дзегами. Один из них был одет богато и ехал на добром коне. Обо всем этом немедленно донесли Джандиери. Тот приказал не упускать из виду путников.

— Только не перепугайте купцов. Если лезгины где-то близко, непременно их схватят. Вот тогда вы их и спасайте. Смотрите, не осрамитесь — чтоб «приманка» не пострадала! — Так наставлял Джандиери мастеров погони — тушина Белкана и Фидо Бацацаисдзе, которым дал в подмогу десять стрелков.

Ехали они за купцами довольно долго. Чуть пониже первого сакобского брода всадники почему-то заторопились.

— Может, что-нибудь подозрительное заметили? Нас почуяли или лезгин? — Белкан остановил своих людей и спешился.

— Они и нас, пожалуй, могут за лезгин принять!

Сумерки окрашивались в серые тона, кругом ложились легкие, пока еще почти незримые тени. Дорога круто поднималась в гору. Пока купцы не одолеют подъем, пройти незамеченными, пожалуй, не удастся. И преследователям пришлось ждать довольно долго. А когда Белкан со своими спутниками поднялся на вершину горы, на ее противоположном склоне никого уже не было видно.

— Заметили нас... заспешили!

Разведчики пришпорили лошадей. Но на опушке леса Белкан резко придержал коня, взялся за ружье, спрыгнул на землю и залег в кустах. Остальные последовали его примеру. Словно ветром сдуло всадников. Только один — конюх остался с лошадьми. Он отвел коней в сторону.

— В кустарнике человек в бурке. Обойдем! — тихо распорядился Белкан и пополз, скользнул неслышно по земле.

Сгущался туман, своими мягкими влажным лапами он захватывал все вокруг. У дороги, в колючем кустарнике отчетливо вырисовывались очертания бурки. Преследователи стали приближаться к ней со всех сторон.

— Что-то он не подает признаков жизни! Неужто не заметил нас? — шепнул Белкан своему товарищу Фидо. — Уж не мертвец ли? Подберусь-ка я сзади!..

Бацацаисдзе был более нетерпелив:

— Напрямик ступай! Я пулю в него пущу, если посмеет руку на тебя поднять!

— Эй, кто там?! — окликнул человека в бурке Белкан и, вскинув ружье, подался вперед.

Ответа не было, бурка не шелохнулась. Тушин дулом ружья повалил свернутую и прислоненную стоймя к дереву пустую бурку.

— Фу ты, пропасть! Сколько времени потерял зря! Все сюда, ребята! На коней!

— Уловка! Но кто это нас провел? Неужто купцы? — уже вскакивая в седло, крикнул Белкан и бросил Фидо найденную бурку. — Что ж, увидим!

Въехав в темный лес, они у первого же поворота наткнулись на верхового, который сломя голову мчался под гору,

При виде погони он не смог сдержать коня, метнулся в сторону и с криком свалился в колючий кустарник.

— Ни с места! Кто такой? — окликнул его Белкан.

— Вы христиане?! — упавший приподнялся с земли и перекрестился... — Боже, это ты мне помог! Лезгины за мной гнались! — едва переводя дух, проговорил он.

Белкан узнал одного из купцов.

— Кто ты? Где твой попутчик?

— Я Мурадаисдзе из Греми! Ты что, не узнал меня, Белкан? Спасибо той, что тебя на свет родила! — И вдруг, как бы спохватившись, закричал прерывающимся голосом: — Скорей! Спасайте! Лезгины захватили в плен купца Мирвана! Я сам едва ноги унес... Не подоспей вы, кто знает, где высохла бы моя отрубленная голова!

— На коня! За мной! — коротко отрезал тушин, рысью пуская лошадь по спуску. Все поскакали следом. Цокот копыт прокатился по темной лесной дороге.

— Где? — после довольно долгой бесплодной скачки спросил тушин.

— Вот здесь, в этой лощине была их засада, отсюда они выскочили. Я ехал сзади, потому и спасся! — отвечал Мурадаисдзе.

На тропе, пролегавшей вдоль дороги, в самом деле было много следов.

— Куда они направились, не разобрал?

— В ту сторону! — Мурадаисдзе протянул руку к востоку.

— Ладно. Фидо, отвези купца к Джандиери! А вы следуйте за мной! — крикнул своим людям тушин и, спешившись, пошел по тропе.

К северу тянулось множество следов, а к востоку, куда показывал Мурадаисдзе, не вел ни один...

— Со страху, что ли купец напутал?

Сумрак и туман окутали землю. Не то что след — даже тропу едва можно было различить.

— Стыд-то какой! Из-под носа у нас купца увели! — ворчал тушин, помечая свой путь кинжалом: то зарубку оставит на коре бука или осины, то переломит верхушку придорожного куста бузины. В одном месте, где легко было сбиться с дороги, он даже оставил проводника, так как знал, что по пятам за ним будет послано подкрепление.

Джандиери послал Фидо Бацацаисдзе с запасным отрядом в горы, на север, куда ушла главная часть лезгин, а сам с

довольно значительными силами двинулся по следам Белкана.

Мурадаисдзе поведал в подробностях Джандиери и всем прочим историю похищения купца Мирвана и собственного чудесного избавления. Но заметив, что Белкан и шедший по его следам Джандиери направились не в ту сторону, куда он указал, Мурадаисдзе тотчас умолк и неохотно поплелся сзади.

В полночь они повстречали оставленных Белканом проводников.

Дорога становилась все труднее.

— Завтра днем догоним! — решил Джандиери. Он сделал привал, чтобы дать возможность передохнуть людям и лошадям, послал к Белкану лучших своих разведчиков, а сам, завернувшись в бурку, прилег на охапку веток и смежил веки.

На этот раз его не столько изумило странное похищение купца, сколько происшествие с буркой, о которой Мурадаисдзе, по его словам, ничего не знал.

«Если настигнем лезгин, и эту хитрость разгадаем. Будущее покажет... На свете, кажется, не было такой тайны, которая бы осталась нераскрытой».

Дремота мало-помалу перешла в сон, дума сменилась грезами.

На другое утро неподалеку от села Гавази, в горном лесу, Джандиери отослал от себя Мурадаисдзе, а сам пустился в погоню за лезгинами.

К полудню наткнулись на их становище.

Лезгины, по-видимому, всю ночь провели без сна, в бешеной скачке, и лишь на рассвете ненадолго сделали привал.

На том месте, где стоял их шатер, теперь валялись старый войлок и тулупы, на колышках болтались обрывки шелковых шнурков, перерезанных в спешке, когда снимались с места.

— Видно, какую-то важную птицу везут — шатры богатые.

Там и сям находил Джандиери знаменательные приметы, точно палые плоды, которые потом дозревали в его голове.

Вскоре головная часть отряда догнала Белкана.

— Лезгины недалеко,—доложил тушин Давиду Джандиери.

Местность была очень неудобная для погони. В ложбинах, заросших высоким лесом и кустарником, впереди ничего как следует не разглядишь, да и в обход не пойдешь — негде. По свежим следам и дымящемуся конскому навозу преследователи заключили, что лезгины где-то совсем близко. Наконец, обнаружили их засаду. Лезгины тотчас открыли стрельбу.

А когда кахетинцы пошли напролом, в засаде никого уже не оказалось.

Времени было потеряно много. Кое-как удалось опять настичь беглецов и вновь произошло то же самое — лезгины ускользнули.

Тогда Джандиери пустился на хитрость. У очередной лезгинской засады он задержался с главными силами, а небольшой отряд послал в обход, лесом.

Неутомимый тушин Белкан, пробираясь по лощинам и крутым лесистым склонам, вышел в тыл лезгинам и устроил засаду в теснине.

Главные силы лезгин, между тем, успели уйти далеко вперед.

В назначенный срок кахетинцы снова пошли в наступление. Лезгины в засаде сначала отбивались, выигрывая время, а потом поскакали вдогонку за своими.

Но тут они сами напоролись на засаду Белкана.

Всего лезгин было пятеро. Один убежал, троих уложили на месте, одного захватили в плен — тяжело раненного.

Джандиери заставил пленника говорить. Оказалось, что он из отряда Аслана-мурзы.

Выяснилось, что основные силы лезгин направились по северной дороге.

«Это тот самый отряд, за которым гонится Бацацаисдзе. Дело идет на лад, — размышлял Давид. — А эта маленькая группа — для отвода глаз».

О пленении богатого гостя раненый ни словом не обмолвился. Упомянул он только об одном старом «гюрджи-мулле» да его «китаб-бала» — мальчишке с книгой.

Говорил он также о некоем закадычном друге — «бейюк конаг» — Аслана-мурзы.

«Неужели лезгины убили купца Мирвана? Уж нет ли и тут ловушки? И что это за «бейюк конаг»? Откуда он взялся, «гюрджи-мулла»? — недоумевал Джандиери и торопил людей, нахлестывая взмыленного коня.

Лезгины еще раз изменили направление. Но Джандиери было теперь ясно, что они хотят прорваться в Дагестан через Кадорский перевал. А к новой хитрости они прибегли скорее всего для того, чтобы замести следы главного отряда, который вез награбленную добычу.

До Кадорского перевала оставалось всего полдня пути.

Джандиери приказал своим людям идти напрямик к хра-

му-крепости Крестителя. Едва преследователи пересекли ущелье, как с противоположной его стороны донесся далекий выстрел. По узенькой тропинке спускался с гор отряд лезгин.

Джандиери разглядел тяжело навьюченных лошадей — их было множество, — а люди, которые брели пешком, были, по-видимому, пленники.

Следом за лезгинами во весь опор неслись кахетинцы, не отставая ни на шаг и изредка стреляя.

Это был отряд Бацацаисдзе.

— Молодчина, Фидо! Ну, Белкан, теперь наш черед!

Кахетинцы прошли незамеченными по гребню хребта, а затем, бросив лошадей, сползли вниз по скале и очутились у верхнего края ущелья, на берегу реки.

Они опередили лезгин, перекрыли дорогу, завалив ее каменными глыбами, вырыли наскоро окопы, устроили из камней укрытие.

Джандиери предполагал, что где-то поблизости должны быть и отряды Аслана-мурзы. Поэтому он разослал разведчиков во все концы.

Выстрелы и крики, ржанье лошадей и рев угнанной скотины — весь этот шум, многократно усиленный эхом и смешанный с гулом водопадов, катился вверх по ущелью.

...А над Кадори ярко и беззаботно сияло солнце. Оно с одинаковой щедростью посылало свои лучи и преследователям, и преследуемым.

Связанные вместе, Мамука и Заза стали невольными свидетелями бегства лезгин, преследуемых кахетинцами.

Этот нескончаемый изнурительный путь по лесам и тростниковым зарослям, по мрачным теснинам и безлюдным местам лишил последних сил и отца, и сына. А впереди вздымались снежные горные цепи. Мамука понял, что пленников везут в Дагестан.

— Должно быть, через Кадорский перевал думают перейти! — шепнул про себя Мамука.

По спешке и растерянности лезгин, по беспорядочной стрельбе он чувствовал, что за ними мчится погоня.

— О боже всемогущий, сделай так, чтоб нас освободили, не то мы тут погибнем, а там, дома, все наши пропадут... — Жена и дети неотступно стояли у него перед глазами. Все смешалось в его потрясенной душе: плен, семья, веревка, руки

Зазы, жажда, Кадори, погоня и беглецы... Мамука слабо стонал и бредил.

— Мы погибли! Погибли! Господи! — слышались Зазе причитания Мамуки. Но, хоть и связанные одной веревкой, они совершенно по-разному воспринимали внешние события.

Заза вовсе не чувствовал себя погибшим.

Это похищение, трудный путь, предстоящий переход через Кадорский перевал, возможное спасение или гибель как-то странно отражались в незрелом детском сознании — они касались как-будто бы всех, кроме него самого... вот хотя бы этих лезгин, других кахетинцев, их лошадей — но не его, Зазы. Он был привязан к отцовской спине, а более уютное местечко ребенок не мог себе и представить. Правда, руки у него затекли, но разве во время игры в «тянем-потянем» они болели меньше? Так далеко от дома и так высоко в горах он еще никогда не бывал.

И мальчуган с любопытством глядел широко раскрытыми глазами по сторонам.

Первый испуг давно уже прошел. Только вот устал Заза от верховой езды, язык распух от жажды. Ну, да и это не беда — как будто съел чересчур соленую лепешку! Заза был точно в каком-то дурмане. Его стало знобить. Захотелось плакать — чтобы отец этого не заметил, мальчик прикусил губу и проглотил слезы.

Но вскоре и тут подоспела помощь — голова мальчика склонилась на отцовскую спину, Заза прижался к ней щекой и уснул.

На рассвете, у опушки леса, лезгины решили сделать короткий привал. Кони и люди падали от усталости. Когда лошадь, на которой сидели отец с сыном, добрела до лагеря, Заза проснулся и увидел два шатра.

— Видишь, шатры, папа? Один — для лезгинского вождя, а другой для кого?

— Это не горский шатер, а иранский! — тихо ответил Мамука.

Перед шелковым шатром, устланным внутри коврами, лезгин лил какому-то толстяку воду на руки. Чоха у толстяка была богатая, лезгинского покроя, с очень крупными и дорогими газырями. Но на жирном теле она сидела плохо. Пояс и кинжал были у незнакомца золоченые. Он умывался, не снимая шапки. Высокую папаху обвивала спускающаяся на спину белая чалма.

— Должно быть, шейх! — решил Мамука. Лицо шейха показалось ему знакомым... но ему было не до размышлений — лихорадило, ныла спина, онемевшая от долгой езды.

Отца с сыном провели совсем близко от шатра.

— Папа, а я видал этого человека в Греми! — прошептал вдруг чему-то обрадованный Заза... — Правда, видал! Не могу только вспомнить, где...

Пленников ссадили с лошади. Они тут же повалились наземь и впали в тяжкое забытье.

Все перепуталось в голове у Зазы — сон и явь. Ему привиделась мать... и Сиауш... Вспомнились крестины, звонарь Фило...

И вдруг, словно его ударили:

— Отец! Вспомнил... неужели это он?! — Заза зажмурился. А отец спал, из его груди, стянутой веревкой, вырывалось тяжелое, прерывистое дыхание.

Вдали слышалась стрельба. Заза хотел было разбудить отца, но вдруг заметил Аслана-мурзу и того самого знакомого незнакомца, идущих по тропинке.

Притих ребенок, исподтишка поглядел на ноги «шейха».

На нем, как и на Аслане-мурзе, были замшевые ноговицы, перетянутые у лодыжек красивыми шнурками.

Нет, совсем не хромал незнакомец!

Это опять сбило с толку Зазу. Но ему некогда было уже раздумывать — участившиеся выстрелы подняли всех на ноги.

Лезгины стали взбираться на гору, гордо высившуюся над ущельем.

В храме Крестителя Мамука бывал и раньше. Он знал, что до него отсюда недалеко. Храм ведь стоял у выхода из Кадорского ущелья. Слабая надежда на спасение все еще теплилась в душе Мамуки.

Но лезгины обошли ущелье сверху, по гребню гор. И последняя надежда погасла.

Мамука не мог без боли смотреть на раскинувшиеся кругом пастбища, на замшелые и влажные скалы, на тонувшее во мгле ущелье Кадори... Сердце его оставалось внизу, позади, но там лежал утренний туман.

К полудню мгла в ущелье стала редеть, молочные клубы подымались к небу и таяли.

Словно сдернули покрывало с храма Крестителя.

Лезгины остановились. Они ликовали — сзади была тишина, наверно, погоня отстала. Одно только тревожило их —

на условном месте не оказалось отряда с награбленной добычей. Это и заставило Аслана-мурзу остановиться.

Долго ждали горцы.

— Идут! Идут! — раздались наконец радостные возгласы. И в самом деле, в нижнем конце ущелья показался отряд с добычей. Извиваясь змеей, он медленно полз вверх по ущелью. Лезгины подгоняли пленных, нахлестывали вьючных лошадей, понукали пестрое стадо угнанного скота... А сзади, из-за поворота доносились далекие выстрелы. Звуки их едва достигали ушей Аслана-мурзы. «Значит, кахетинцы отстали — они сзади, а не впереди! Еще немного, и мы в Дагестане!».

Еще в конце ущелья не показался хвост каравана, а голова его уже достигла узкой горловины посередине.

Радовал душу Аслана-мурзы длинный и пестрый караван. Богатую добычу увозил он с собой в Дагестан.

Внезапно все переменилось.

В верхнем конце ущелья появились маленькие белые облачка, как бы покатились вниз. Донесся грохот выстрелов — правда, с опозданием, но устрашающе умноженный горным эхо.

Словно ошпаренная, отчаянно забилась, заметалась змея... Свернулась в клубок... Бросалась из стороны в сторону...

Потом сверху, с гребня, сорвались огромные валуны, обрушились на змею каменным градом, окончательно расстроили стройное шествие.

В теснине человек сшибался с человеком, животное — с животным... Все смешалось — пестрое и черное, живое и мертвое...

Казалось, это сам Кадори ополчился против лезгин.

Обреченная на смерть ядовитая змея поползла вниз, но и там ее встретила стрельба, послышались боевые клики.

Трепет ужаса объял лезгин в отряде Аслана-мурзы. Нет, они-то сами вне опасности, но главный караван с добычей попал в западню, из которой нет выхода.

Ошеломленный Аслан-мурза, наконец, собрался с мыслями. И когда, выскочив из засады, отряд Джандиери с воинственным кличем напал на караван, Аслан-мурза в свою очередь бросил клич и послал своих людей вниз, в теснину.

Однако у верхнего входа в ущелье они наткнулись еще на одну засаду и вступили в бой. Надо было сначала выбить их. А пока лезгинские воины преодолевали сопротивление врага, до Аслана-мурзы успели добраться отдельные уцелевшие

лезгины из каравана... Они сообщили, что ничто не поможет — добыча уже «сдана владельцу». А стоит-ли рисковать головой? Аслан-мурза со скрежетом зубовным повернул назад.

До конца дня простоял он на высокогорных пастбищах, поджидая уцелевших в сражении, но вернулись лишь немногие, да и те раненые.

До добычи ли тут было, когда множество добытчиков само стало добычей воронья!

Но вот солнце закатилось за Кадори. Дольше ждать было нельзя. И очевидцы, и участники сражения — все торопились засветло миновать перевал.

Наконец Аслан-мурза подал знак.

Молча, уныло тронулись в путь лезгины.

Мамука и Заза теперь уже одинаково воспринимали виденное. Сердца их одинаково щемила тоска от того, что они не были в ущелье вместе с другими пленниками.

Теперь нет спасения. Они уже на перевале.

Мамука повернул голову и оглянулся на милую сердцу, отныне утраченную Кахети. Однако внизу опять сгустился туман. Вечерний сумрак поднялся из ущелья и разлился по пастбищам — казалось, рассыпалась по лугам отара черных овец. А на самом верху, над перевалом еще алело зарево заката.

— Отец! Игральная кость!

— Что, сынок? — рассеянно переспросил Мамука, но волнение дрожащего мальчугана передалось и ему, заставило его посмотреть в сторону перевала.

Узкий проход был похож на дверь, пробитую в слоистой породе хребта. Охваченный отчаянием, Мамука не сразу заметил шедших мимо Аслана-мурзу и шейха. Они оставили лошадей проводникам, а сами взбирались к горловине по короткой пешеходной тропе.

На самом верху они остановились, как видно, поджидая, чтобы подошли остальные. Сюда еще достигали с запада ослепительно яркие лучи заходящего солнца.

— Посмотри на его пояс! — шепнул Заза отцу.

Проявить такое настойчивое любопытство, да еще в столь тяжелый час, мог только ребенок в возрасте Зазы, — в той поре, когда напасть на разгадку тайны и раскрыть ее, кажется важнее, чем сохранить жизнь.

Связанных пленников провели совсем близко от шейха.

Чалма у шейха была надвинута на самые брови, виднелись только черная борода да редкие выщипанные усы. Одна-

ко красный сафьяновый, шитый золотом пояс отцу с сыном удалось разглядеть получше. На нем по-прежнему чернела пряжка — гишеровый паук, золотая цепочка блестела в солнечных лучах.

— Третья игральная кость! Да ведь это купец Мирван! — убежденно шептал Заза.

— Но этот не хромает!

— Он и на крестинах Сиауша, захмелев, перестал хромать!

Ребяческая догадка на этом кончалась. Но Мамука сообразил, что человек этот, по-видимому, был чьим-то посланцем или тайным лазутчиком, а не армянским купцом и не лезгинским шейхом.

— Смотри, нигде не проговорись, что ты его узнал! — предостерег Мамука сына. И внезапно воскресшая надежда затеплилась в душе. — Если когда-нибудь вернемся домой, расскажу Джандиери — вот кто мастер разгадывать вражьи хитрости!

Лошадь оступилась на крутом спуске. Отец и сын столкнулись.

— Эх, лишь бы только вернуться! Помоги нам, господи!

Взгляды обоих были обращены назад.

Там, вровень с перевалом и внизу, раскинулось бескрайнее море белых пушистых облаков.

Тут и там из этого моря торчали, как копья, остроконечные заснеженные вершины гор Дагестана. Копья эти пронзали тоской сердца пленников. Точно головня, подернутая серым пеплом, угасало вечернее зарево и вместе с ним — надежда на возвращение в родные края.

ГЛАВА XI

ПЕРВАЯ ТРЕЩИНА

Кахетинский царь и его гордый эристав и воды испили, и рыбок покормили. А после ужина продолжался совет, и в речи Нугзара ни о новых порядках, ни о моуравах и епископах не было ни слова.

Бывшие эриставы и высокородные князья тотчас смекнули, что соглашение уже достигнуто без их участия и в тайне от них.

Им оставалось только одно — отложить осуществление своих замыслов до лучших времен, а пока утвердить сроки набора войск и основные наметки Картлийского похода.

Передовое садрошо и арагвское эриставство должны были выступить в начале августа; остальные три садрошо в богородицын день, 28 августа, должны были собраться в Греми и Алаверди...

Чтобы замаскировать истинный смысл этих приготовлений, царь Александр распустил слух, будто ожидается большой лезгинский набег и будто, с целью предотвратить это нашествие, он решил опередить врага и первым вторгнуться в аулы дидойцев и дзурдзуков. Это выглядело тем правдоподобнее, что в последнее время особенно участились набеги лезгин на Кахети.

К шамхалу прибыл чрезвычайный посол от Лала-паши: Тарковскому владетелю поручалось поднять горские племена против «гюрдж-гяуров».

Передовые войска выступили в назначенный срок.

Нугзар Эристави проявил великое усердие. Уж он-то наверняка оставался в выигрыше! Чтобы известить государя о своей готовности к походу, эристав послал в Греми гонцом своего первенца Баадура.

Александр денно и нощно ждал вестей из Ирана и Картли, из Самцхе и Ширвана.

Исход военного столкновения персов и турок на берегу Чилдыра был чрезвычайно важен. Именно там решалось — зловещая тень какого из двух стервятников нависнет над всеми грузинскими царствами, какой из двух коршунов станет «естественным союзником» Грузии. В ожидании войны Кахети готовилась, трудилась, заново отстраивала разрушенное лезгинами, по-прежнему свято блюла дедовские обычаи, скорбела, отдыхала и даже по праздникам предавалась веселью.

Церковь гремского дворца была посвящена деве Марии. Здесь покоился чудотворный образ Гремской богоматери. В богородицын день сюда стекались толпы народа.

Так и в этот год — многолюдье здесь было необычайное; воины смешались с богомольцами.

В день престольного праздника Мариинские врата в ограде дворца были открыты для каждого.

А во внутреннем дворе церкви и в шатрах паломники могли оставаться для ночного бдения.

Церковь была небольшая. Поэтому после всенощной образ Гремской богоматери торжественно переносили в собор Архангела, который высился неподалеку на горе... С закатом солнца, отслужив обедню, чудотворный образ водворяли обратно, в его постоянную обитель.

В этот день на колокольне придворной церкви обычно звонили в маленький, но благозвучный «богородицын колокол».

Иоанн Алавердели служил обедню торжественно и благоговейно. По совету Зосимэ он произнес проповедь...

Архиепископ Алавердский коснулся в ней единства веры и общности древних корней Картли, Кахети и всех семи грузинских царств, напомнил пастве о притеснениях турок и лезгин, воздал должное христианским добродетелям и мудрости царя Кахети — «щита веры».

Он молил богородицу быть защитницей выступающего в поход воинства, даровать победу идущим по единому всегрузинскому пути. И призвал покровительство чудотворного образа Гремской богоматери на всех сородичей-грузин, на весь мир христианский.

А после храмового праздника пришла весть о полном разгроме персов у озера Чилдыр.

С этой поры путь на Кавказ для Лала-паши был открыт. Теперь разве только грузины могли оказать ему противодействие.

Это событие встревожило всех. Взоры всей Грузии были теперь прикованы к царю Александру.

Послание князей Самцхе и Картли написано было в просительном тоне. Картлийские эриставы, забыв о всех своих предварительных условиях, изощрялись в самоуничижении. До могущественного царя Александра доносились из-за Лихского перевала смиренные голоса, взывавшие к единению.

Старец Зосимэ советовал Александру торопиться, приложить все силы, чтобы побороть коварного хищника и покрыть славой Кахети.

Царю Александру было ясно — кто ныне сумеет возглавить народ грузинский, повести его вперед, тот и будет единственным полновластным правителем будущего объединенного царства. Необходимо только одно — самое простое и для всех желанное: победа!

Войско Александра было готово к походу и хорошо оснащено. Стрелков у царя теперь было достаточно. В Тбилиси он рассчитывал раздобыть и пушки. Отвагу же, военные знания и дар алазанскому властителю было не занимать стать...

— На этом пути... Упаси бог, конечно... Но даже поражение — залог грядущей победы! — накануне последнего решающего совета сказал царю старец Зосимэ. Александр препоясался мечом и так явился на совет.

...Между тем гонцы привезли спешные известия...

Одно обычное: в северную часть Хеви и в окраинные области Кахети вторглись кабардинцы и кумыки.

А другое — из Картли, совершенно неожиданное и поразительное: узник, который провел в заточении почти десять лет... Картлийский царь Симон, столь долго томившийся в иранском плену, ныне отпущен на свободу и доставлен с почестями в Грузию, дабы возглавить борьбу против турок...

Александр почувствовал себя глубоко уязвленным. Все сразу переменилось. Вновь подняли голову прежние зависть и соперничество. Крепко задумался Александр. Теперь уж не быть ему единственным претендентом на первенство...

Симону, царю Картли, покровительствует ныне Иран, да и среди грузин во всех грузинских царствах и княжествах он пользовался за прошлые свои труды и деяния большой славой и уважением.

Картина на совете изменилась. На этот раз знать требовала поддержки царя Симона и вообще — Самцхе и Картли, помощи им военной силой...

Однако кахетинский государь безмолвствовал. Ничего не мог поделать с ним Зосимэ. Он замкнулся в себе и, по молчаливой оценке старца, вновь погрузился во мрак подозрений и зависти.

Тут-то и возникла первая трещина в отношениях между царем и его воспитателем. Александр «на время» отложил большой поход и решил сначала изгнать кабардинцев и кумыков: «Дабы укрепить тыл, воздать разбойникам должное и обуздать прочих охотников до грабежей».

Для этого царь выделил передовое садрошо и арагвскую рать, остальным же войскам приказал стоять наготове на рубежах Кахети до тех пор, пока не прояснится обстановка в Картли. Он замыслил также договориться о мире с Лала-пашой. Во всяком случае попытаться прощупать почву!

Александр отрядил в Турцию посольство во главе с Горд-

жаспом Эндроникашвили, которого облек широкими полномочиями и снабдил богатыми дарами.

Короче говоря, вопреки благим помышлениям о всегрузинском единстве, кахетинский государь по существу вернулся на старый, испытанный отцовский путь, — прикрывая с тыла Картли, послал войско для усмирения горских племен.

Дабы ублаготворить «коварного арагвинца», Александр поставил его во главе этого войска. А в помощники ему дал молодых военачальников, братьев Бебура и Тамаза Вачнадзе. Царским советником при войске был назначен отец их Каплан Вачнадзе.

Каплан получил от Александра особый наказ — действовать не только мечом, но и хитростью: не скупиться на дары и обещания, отторгнуть от шамхала Тарковского как можно больше дагестанских племен и, самое главное, доподлинно и подробно узнать, как обстоят дела у единоверцев — русских, тщательно изучить обстановку на Каспийском побережье и дальше на севере.

Перед тем как выступить в поход, в соборе Архангела отслужили молебен. Сам царь, вся знать, военачальники и моуравы присутствовали на богослужении.

Служил опять архиепископ Иоанн Алавердский. Но проповедь на этот раз читал инок Зосимэ.

Силы и бодрости пожелал он воинам в горах и в долинах... Возвышенного проникновения в заповеди христовы и сострадания горестям народным...

— Вот что должно быть начертано на честных мечах ваших, — тогда на них будет начертана и победа!

Зосимэ говорил громко, полным голосом, но потом мысль его приняла иное направление и голос зазвучал задушевно.

— Поход в горы своевременен и необходим... Но... ужели на берегах Куры, Риони или Алазани не цветут более прекрасные цветы единомыслия? Ужели не ложинают там более жатвы единения? — задумчиво и огорченно вопрошал он молящихся... — Ужели кто-нибудь среди нас понимает объединение лишь как присвоение?!

Многих крупных и мелких собственников уязвило в самое сердце острие этих слов. Иные втайне почувствовали угрызения совести и залились краской... Иные опечалились... Иные рассердились...

— Вам, идущим на брань, нужно ожесточиться сердцем, но и очистить свои помыслы! Уповая на господа, да не соб-

лазнитесь вы ничем преходящим, сомнительными благами мира сего.

— Аминь! — возгласила паства.

— Постигните возвышенность цели! Загляните в глубь сердца! Могущество единения сил узрите... И господь... господь будет с вами, — воздев руки к небу, возгласил старец и вдруг понизил голос, произнес раздельно, почти шепотом:

— ...Но служение ваше должно быть служением правде... Тогда ваше самопожертвование окажется делом великого благочестия — как крестная мука распятого! Да пребудет с вами его благодать...

— Аминь! Аминь! — гулко прокатилось под сводами храма.

А старец Зосимэ, выпрямившись во весь рост на амвоне, осенил себя крестом, обвел взором растроганную паству и растрогался сам — слезы затуманили его глаза.

Посвященные в суть дела и, прежде всего, сам кахетинский государь, ясно поняли, куда и в кого метил старец.

Александр про себя отметил — его любимый воспитатель и наставник не станет следовать без разбора за ним, своим питомцем и царем, хотя души в нем не чает.

Царь увидел в новом свете своего порядком уже постаревшего наставника... подметил слезу на его щеке... Внезапная мысль оленьим прыжком перенесла Александра в беседку дворцового сада... Не то вспомнились, не то пригрезились ему струящиеся из оленьих глаз слезы... фонтан Слез...

А святой отец, между тем, проповедовал:

— В годину тяжких испытаний не смотрите на общее дело со своей колокольни! Не то всем вам горьким покажется вино причастия!.. И зачем охотнику, преследующему рысь, идти по шакальему следу?!

«Не последует?.. Более того, он и не пощадит меня! — размышлял Александр. — Обличит перед всем народом, если сочтет достойным осуждения!»

Но пока еще кахетинский государь не знал за собой никакой вины... И поэтому сознание своей «безупречности и безгрешности» заставило Александра, с одной стороны, еще больше оценить и полюбить своего воспитателя, а с другой — в глубине души угрюмо заметить:

«Посмотрите-ка на этого черного дятла — долбит и долбит себе одно и то же! Беда, когда учитель состарится на глазах у царя!»

ГЛАВА XII

«ПАПА ВЕРНУЛСЯ»

В испольном огороде уже поспели ранние овощи и дозревали бобы, а в поле хлеба были по колено, когда Хосита расплатился со своим долгом, выточил дедушке Окро новый ленчик.

Кстати, и старый оказался целым, не сломанным...

Хосита не обижался на старика за то, что тот уговорил его стать испольщиком.

Тутия оказалась терпеливой, безответной труженицей. Да и Хосита не подкачал. Вот только разговор у них никак не клеился. Иногда, бывало, по целым дням бок о бок работают, а и двумя словами не перекинутся.

Каждый думал свою думу, переживал свое горе.

То ли труд, то ли что-то новое, неизведанное вернуло к жизни Хоситу. С трогательной заботливостью ухаживал он за всходами, лелеял каждую грядку. Когда он перекапывал огород, удар его мотыги напоминал отцовскую ласку. А когда Хосита проходил по зеленеющей ниве, у него было такое чувство, словно это его родные малые дети ласкаются к нему.

Хосита и к женщине привык. Чего-то ему даже не хватало, когда ее не было в огороде. Не то, чтоб он ждал от Тутии благодарности, нет, чего-то существенного лишался труд его, вся природа.

Тутия часто убегала домой, чтобы за детьми приглядеть, накормить их.

— Отнеси ребятам поесть... Корми их получше, чтобы не оголодали! — собирая овощи, Хосита большую часть отдавал Тутии. А сам к ней — ни ногой. Даже не видал ни разу ребятишек. На огород и в поле женщина почему-то детей с собой не брала.

— Почему не приведешь их сюда? Порезвились бы на воле... Пробежались бы по свежей росе, — сказал он однажды.

— Эх, хворает мой меньшой!.. — И тотчас перевела разговор.

Каждый знал о прошлом другого. И некое молчаливое соглашение установилось между ними. Каждый уважал чужое

горе и считал его чем-то неприкосновенным. Вот так — каждый сам по себе, и в то же время дружно, трудились бок о бок эти необычные испольщики.

Когда Хосита приступил к окончательной отделке ленчика, дедушка Окро вынес ему угощение: кувшин водки, хлеб, сухие фрукты и сацебели[1].

— Выпьем по чарке, и бог нам поможет... Да святится имя его! — Он осушил небольшой рог, снова наполнил его и протянул Хосите.

С той поры как Хосита взвалил на себя бремя испольщины, он избегал вина. Но на этот раз не решился отказаться, взял рог, пробормотал себе в усы что-то неразборчивое и выпил...

— Ух, крепка!

— В водке ценят люди крепость, а в приправе — остроту! — ответил ему стихом дедушка Окро, протягивая краюху хлеба и сацебели. Старик был в отличном настроении.

Хосита закусил и вернулся к делу. Он отрезал кусок невыделанной кожи, чтобы обтянуть ленчик.

— А теперь за здоровье старшего из нас, как обычай велит! — снова протянул рог Хосите дедушка Окро.

— Постой! Боюсь, как бы этот ленчик не остался недоделанным, надо же мне с долгом расквитаться! Потом будет недосуг...

— Ты думаешь, я сам не мог бы ленчик выточить? Или так уж мне седло чинить приспичило? Ты из моего долга так легко не выпутаешься! Ну, скажи что-нибудь!

— За тебя, каков ты есть... Будь здоров... с твоими чадами и домочадцами!

А когда выпили до дна, водка уж не показалась ему такой крепкой. Потянуло на еду — и Хосита приналег на сухие фрукты.

— Еще одну... А тут, глядишь, и обед поспеет... Правда, невестушка? — крикнул он в сторону пекарни.

Там женщины пекли хлеб. Хосита заметил среди них и Тутию. Выделялась она из всех...

— А этот рог за тебя, Хосита! Да избавит тебя господь от скорбей и одиночества... Горе да обратится в радость, пе-

---

[1] Сацебели — густая подливка, приправа к мясу или просто к хлебу.

чаль — в веселье!.. Жизнь, сынок, как вот этот ленчик... Если сломалась, надо новую начинать!

Пока Хосита не приладил подхвостный ремешок, он не взял рог. А потом тряхнул головой и осушил его не переводя духа.

Когда принесли горячую еду и свежий хлеб, Хосита был уже изрядно навеселе. Но он все-таки кончил дело. И когда дедушка Окро пригласил к столу проходившего мимо Хапро Кандарели, Хосита охотно составил ему компанию.

За первым кувшинчиком последовал второй...

Уже совсем завечерело, когда Хапро ушел. Хоситу здорово развезло. Хозяин попробовал было оставить его у себя на ночь, но тот — и слышать не хотел. Тогда вмешались женщины и совсем испортили дело — еще пуще заупрямился Хосита.

— Дедушка Окро, зачем ты так напоил моего испольщика, ведь завтра нам с утра работать! — упрекнула старика Тутия.

— Не беда, до утра протрезвится... Разок отвести душу и ему не грех! — И старик пошел к калитке следом за Хоситой, который нетвердо держался на ногах.

Последние хлеба Тутия доставала из тонэ[1] при свете лучины.

Соседки успели разойтись. И Тутия, покончив с делом, заторопилась домой.

Ночь была безлунная, вокруг — тьма и тишь. В воздухе носились запахи свежеиспеченного хлеба, киндзы и шафрана. Притихший проулок дремал под сенью черешен и миндальных деревьев. Косые очертания высокой горы вырисовывались на темном фоне неба. Откуда-то доносился однообразный шум вертящихся вхолостую мельничных жерновов.

Возле моста через ручей Тутия заметила какую-то неясную, полусидящую — полулежащую фигуру.

— Кто это?

Ответа не последовало. Послышалось только тихое сопение.

Она скорее догадалась, чем узнала своего испольщика.

Тутия прошла было мимо — очень уж не любила она пьяных, но тут ей стало жаль Хоситу. Женщина остановилась.

— Вставай, простынешь!

Но Хосита не просыпался.

---

[1] Тонэ — грузинская хлебопекарня.

«Не бросить же тут беднягу!»

Она переборола себя, подошла, потрясла спящего, расстегнула ему ворот.

— Вставай, Хосита, вставай, тебе говорю!

Когда и это не подействовало, она зачерпнула в горсть воды из потока и плеснула на Хоситу. Спящий поежился.

— А теперь идем со мной! — затормошила его Тутия и подняла на ноги.

В лицо ей пахнуло винным перегаром. Тутия отвернулась и при этом крепко схватила пьяного за руку.

Потеряв равновесие, Хосита невольно коснулся груди женщины. Вздрогнула Тутия, не выпуская руки, отстранила мужчину от себя и потянула за собой.

— Ну, чего тебе? — бормотал Хосита и, шатаясь, покорно шел за женщиной.

— Как чего? Иди, иди, — как ребенка, уговаривала Тутия своего испольщика, а при этом думала: «Ох, до чего же похожи друг на друга пьяные мужчины! Вот и у моего, бывало, так язык заплетался!»

А когда поравнялась со своим развалленным забором, вдруг испугалась: «Как же теперь? Куда я веду этого человека?»

До сих пор ей и в голову не приходило, что до лачуги Хоситы надо идти через всю деревню. У нее просто сил не хватит тащить пьяного в этакую даль. Она выпустила руку Хоситы.

— Ну, найдешь дальше сам дорогу?

— Чего тебе от меня нужно? — едва ворочая языком пробормотал Хосита и опять улегся тут же у дороги.

— Полюбуйтесь-ка на молодца, а? — прикрикнула на него Тутия и потянула пьяного к своему двору. — Пойдем, пойдем... Ну что с них взять?.. Напьются в стельку... А потом дорогу домой не могут найти...

Так выговаривала она Хосите, но злости не было у нее в душе. А, главное, женщина чувствовала, что под «этими пьяными» она подразумевала и своего мужа...

— Смотри, детей не разбуди! — лишний разок одернула она Хоситу, втаскивая его в дом.

В горнице, над камином тускло мерцала коптилка. На широкой тахте спали дети.

Женщина посадила Хоситу на другом конце тахты, ловко сняла с него чоху, расстелила циновку и уложила на нее хмельного.

Когда с первыми заботами было покончено, Тутия вдруг ощутила, что в ее доме спит мужчина... Странное чувство сначала удивило, а потом даже испугало женщину. Она прислушалась.

Голова у Хоситы лежала низко, он тяжело дышал. Женщина принесла ему свою подушку. Подушка была для Тутии не просто изголовьем, а немой соучастницей сокровенных ее мыслей, слез, скорби, целомудрия... И все же не пожалела для гостя Тутия подушку. Но когда ей надо было поднять голову Хоситы, робость сковала ее.

Тут Хосита испустил громкий храп.

Тутия испуганно посмотрела на детей, потом решилась и, подсунув руку под голову Хоситы, приподняла ее, бережно положила на подушку.

Сердце у нее при этом все же екнуло — своего молчаливого испольщика она вдруг представила себе бодрствующим и трезвым...

— Чего тебе от меня надо? — слабым голосом еще раз прошептал Хосита. Теперь уже больно задели женщину эти слова. Она резко выдернула руку из-под головы и подошла к коптилке, чтобы поднять фитиль.

Всегда спокойная и рассудительная, Тутия была сейчас в смятении... Мысли у нее путались. Она обвела взглядом дом... Все как будто такое же, как всегда, — а дом выглядит совсем по-иному. На стене висят мужнины вещи — чоха и кинжал. Сбоку в стене большая ниша. В ней — кувшины, горшки, ненужная маслобойка, на верхней полке — колыбель, тоже ненужная. Наверно, больше уж никогда не понадобится...

Тутия сняла с полки колыбель, поставила ее на тахту, а сверху накрыла старым паласом. Итак, между матерью с детьми и чужим мужчиной теперь имелась преграда — пустая колыбель.

Не раздеваясь, прилегла Тутия рядом с ребятишками. Она только сбросила обувь. Долго не приходил к ней сон. Тутия явственно слышала дыхание чужака. В комнате ощущалось присутствие мужчины...

Тутия всегда-то вставала рано, а в то утро даже опередила рассвет. Ведь в доме был гость!

Чтоб не разбудить Хоситу, она вышла во двор. Поставила варить фасоль, быстро управилась с домашними делами. Потом вернулась в дом. Дети сладко спали. Помимо своей воли, Тутия застенчиво глянула на гостя. На обычно угрюмом

лице его сейчас, во сне, играла удивительно добрая, блаженная улыбка. Даже складки на лбу разгладились, а пробившиеся кое-где во всклокоченной бороде и усах седые волоски придавали ему добродушный вид.

Чоха, которой спящий был укрыт, сползла на пол...

Женщина подняла ее и вдруг вспомнила, что ее ипольщик давно уж ходит в рваной чохе. Она отыскала в старом сундуке шерстяной лоскуток, вышла во двор и принялась за шитье.

Когда Тутия воротилась в дом, она застала гостя сидящим на тахте. Хосита растерянно озирался по сторонам, видимо, гадал — где он, и как сюда попал. Увидев Тутию, бедняга совсем смутился. Лицо его залилось багровым румянцем, он поспешно спустил ноги с тахты, оправил на себе архалук и стал искать глазами чоху. А увидев ее в руках у женщины, совсем застыдился: он же помнил — рваная, засаленная была чоха...

Тутия без слов протянула чоху хозяину.

Хосите бросилась в глаза заплатка другого цвета, он готов был провалиться сквозь землю от стыда.

Женщина это почувствовала, взяла кувшин и вышла.

Хосита чувствовал себя, точно вор, пойманный с поличным. Тщетно пытался он восстановить в памяти вчерашние события и решил бежать без оглядки. Он впопыхах надел чоху и только было направился к двери, как вдруг в углу проснулся ребенок. Девочка вскочила с радостным криком, пробежала в одной рубашонке по тахте и повисла на шее у Хоситы.

— Папа! Мой папа пришел! Вернулся!

Девочка прижималась к груди Хоситы, покрывала поцелуями его лицо...

И «папа» невольно крепко обхватил ребенка... Прикосновение нежных детских губ всколыхнуло в нем всю душу, лишило его сил и заставило опуститься на тахту.

Девчушка, между тем, продолжала ласкать его, приговаривая со слезами в голосе:

— Теперь у меня есть папа! Хороший папа! — Она потянула Хоситу за бороду, повернула его к себе лицом и, надув губки, спросила: — Почему ты так долго не приходил? Сколько мы тебя ждали! Ты, верно, проголодался?

Хосита не смог выдержать укоризненного взгляда больших

черных глаз, отвел свои. А девочка теперь уже другим, таинственным голосом доверительно зашептала ему на ухо:

— А я «Отче наш» знаю... Мама меня научила... Мы все время тебя вспоминали... Каждое утро и каждый вечер! — И она опять обвила ручонками шею Хоситы. — Теперь мы тебя больше никуда не отпустим!

Хосита нерешительно потрепал по щеке девочку... А тут еще кто-то подкатился к его ногам.

— Я тоже хочу к папе! Он и мой папа! И мой! — малыш пытался вскарабкаться к нему на колени. Курчавый карапуз с голым животиком предъявлял на него свои права.

— Ой, Гуца проснулся... Он тоже хочет на руки! — серьезно объяснила ему Тако и посмотрела сверху на готового зареветь братишку. Слезы душили Хоситу, когда он обнял мальчика правой рукой и посадил его к себе на колени. Давно знакомый, хоть и позабытый сладкий молочный запах ударил ему в нос.

Малыш одной рукой тянул Хоситу за ус, а другой шарил у него за пазухой. Девочка так звонко расхохоталась, что невольно улыбнулся и Хосита.

— Грудь ищет дурачок! — объяснила Тако. — Да ведь это не мама! Это папа! Эх, ты, обжора! — подтрунивала девочка над братишкой.

— Ты знаешь, папочка, Гуца-то еще грудь сосет! — тотчас наябедничала она «отцу» и опять обернулась к братцу: — Ну, теперь ты отстанешь от матери? Ты же говорил — «когда отец придет...»

Она затормошила братца, который удивленно разглядывал всклокоченную бороду и колючие усы «папы», недоумевая, куда же его поцеловать? Самым безопасным местом показались ему глаза, возможно потому, что в них стояли слезы — точь в точь такие, какие он часто замечал у матери. И малыш чмокнул Хоситу в глаза.

— Это мой глазок! — заспорила с ним Тако.

С Хоситой творилось что-то странное. Эта искренняя простодушная ласка чужих детей перевернула ему всю душу. В горле у него застрял комок. Капельки пота просеянными зернышками усеяли лоб.

А когда Хосита нечаянно коснулся шелковистых кудрей малыша, он невольно зажмурился и отчетливо представил себе своего покойного сынишку. Сердце у него больно сжалось.

— Ах ты, мой миленький!.. Ах вы, родимые мои! — он по-

рывисто прижал к себе обоих, спрятал между ними голову, чтобы скрыть от детей свои слезы.

Когда же он, наконец, поднял голову, то заметил у дверей кувшин. Влажный кувшин... Хосита вздрогнул, огляделся. В углу стояла безмолвная Тутия, утирала слезы. Она давно уже вошла и видела, как ласкали ее дети «долгожданного отца».

Хосита окончательно смутился. Вора поймали на месте преступления! Вора, невольного похитителя ласки, предназначенной другому... Похитителя чужих детей!

— Что мне было делать?.. Вот, повисли на мне... — забормотал Хосита что-то невнятное в свое оправдание... Детей, однако, он не спустил с рук.

И, кажется, в это именно мгновение... А может — чуть раньше или позже... Только почувствовал Хосита, что это — его дети. Именно его и никого другого. Точно это молодая поросль, взошедшая из рассеянного по пашне пепла, а он сам — долгожданный отец.

— Дети, не приставайте к человеку... Стыдно! — едва выговорила вдова, задыхаясь от внезапно нахлынувших чувств.

— Мамочка, больше его никуда не отпускай! — закричала Тако, и дети еще крепче прильнули к Хосите.

— Никуда! Никуда! — повторял малыш вслед за сестренкой.

— Папа! Гляди-ка, мама тебе чоху сберегла! Вон она, — девочка показала на стену. — Мама ее каждый день снимала, чистила... И все над ней плакала, плакала...

— Молчи! — не в силах сдержать слезы, мать выбежала во двор.

Хосита как бы всем телом ощутил новую заплату... Она была из той же домотканной шерсти, что и «та», на стене... «Его чоха!»

— Папа, почему у Гуцы волосы вьются, а у тебя нет?

— Он в мать пошел... — с трудом нашелся Хосита.

— А мама говорила, что в отца?.. — У меня вот твои волосы... Смотри... Видишь? — сравнивала девочка свою тоненькую каштановую косичку с седеющими волосами Хоситы.

— Значит, ты мой папа!

— Нет, мой! — захныкал Гуца.

— И твой, и ее, — как-то само собой вырвалось у Хоситы. И вдруг он почувствовал такое облегчение, как-будто, наконец, высказал то, что давно уже носил в сердце.

— Хозяйка! — позвал Тутию Хосита, а когда она вошла,

многозначительно взглянул на нее. — Знаешь, что я тебе скажу? — от волнения он запнулся, откашлялся и, успокоившись, продолжал: — Ни тебе, ни мне счастья на роду, видать, не написано... Что ж, давай хоть этих мальцов сделаем счастливыми!

Женщина не отвечала. Тогда Хосита, повинуясь внутреннему чутью, повернулся к мальчику:

— Ну, так слушай, Гуца! С этого дня к матери больше не приставай! Как тебе не стыдно грудь сосать, ты ведь уже мужчина!..

— Ну, а ты, старшая, читай молитву — говорила же мне, что умеешь — вот и докажи.

Хосита встал, по старой незабытой привычке посадил ребенка к себе на плечо, и тем окончательно завоевал сердце Гуцы. А девочка опустилась там же, на тахте, на колени, сложила руки для молитвы и начала тоненьким голоском:

— Отче наш, иже еси на небеси,

Да святится имя твое, да приидет царствие твое,

Да будет воля твоя, яко на небеси так и на земли...

Хлеб наш насущный даждь нам днесь...

Хосита не мог больше выдержать. Сунув ребенка матери, он опрометью выбежал из дома.

Хосита был уже за забором, когда женщина окликнула его:

— Поел бы сперва!

— Подождите меня, я сейчас вернусь! — не оглядываясь отозвался он и зашагал еще шире.

...А немного погодя дедушка Окро увидел из окошка своего дома Хоситу, который шагал по деревенской улице, таща за собой на веревке козу.

Коза была дойная, Хосита взял ее в долг у Хапро Кандарели. «Господи, да будет благословенна твоя справедливость! Авось две недоли, соединившись, обернутся счастьем...» — Старик перекрестился и отнес на чердак вытесанный Хоситой ленчик.

А Хосита между тем тащил за собой упирающуюся козу. Животное, расставив передние ноги, изо всех сил сопротивлялось человеку. Не желала коза идти!.. Упрямилась... Зато «долгожданного папу» ожившее его сердце властно влекло к новообретенной семье.

ГЛАВА XIII

РАДОСТЬ И ГОРЕЧЬ

Гремский дворец опустел.

Александр отдал распоряжение сахлтухуцеси: ввести строгий распорядок, отменить приемы и пиршества, быть в постоянной готовности.

Царское семейство перебралось в верхний, «Круглый», дворец. Несмотря на жару, Александр не отпустил своих домашних в какое-нибудь далекое место.

В Круглом дворце было тихо. Он был близко — на горе над самым городом Греми, и все-таки тут было не так жарко, как внизу. Эта неприступная твердыня сообщалась с большим гремским замком при помощи открытого, наземного, и подземного, тайного, ходов.

Все внутренние дела царь Александр уладил заранее. Он велел усилить охрану крепостных стен, рано запирать ворота и не спускать глаз с проезжих дорог.

Управление страной он временно поручил Бараму Чолокашвили и Давиду Джандиери, а сам выступил с войском в Телави.

Там царь заперся в обновленном им замке и призвал к себе писцов и гонцов. Отсюда по всей стране протянулись явные и тайные нити. «В Греми много посторонних глаз... И злопыхатели, и доброжелатели одинаково будут мешать мне... А здесь — и уединенно и удобно во всех отношениях», — думал Александр.

Он правильно учел все преимущества Телави. В самом деле, крепость тут была чуть ли не больше самого города. Подступы к ней защищены лесом... Днем и ночью мчались во все концы гонцы с военными распоряжениями, с приказаниями и наставлениями для послов.

Одни направлялись в горы, другие — в долины. А Александр, сидя в сводчатой зале замка, за коваными дверьми, вершил дела и гор, и долин.

В просторной палате на длинных мягких скамьях вдоль стен восседали советники, военачальники, моуравы, писцы и другие чиновные лица. А за дверью дожидались гонцы.

Царь приказал им быть наготове и днем и ночью.

Он и сам не знал покоя, и другим его не давал.

— Писца Шанше к царю! — выкликал служитель, и Шанше с бумагой и пером в руках скрывался за низенькой кованой дверью... А оттуда писец Шанше выходил уже с готовыми грамотами.

— Бацацаисдзе Тедо, гонец! Догонишь Бебура Вачнадзе у Панкиси. Да возвращайся с ответом поскорей!

— Бацацаисдзе Фидо — начальник стражи, готовься к выезду в Греми!

Братья вдвоем покинули залу.

Толстый приземистый Матарса отер пот с квадратного лба и жирного двойного подбородка.

— Прошу военачальника князя Шермазана Чолокашвили! — провозгласил, появляясь в проеме кованой двери, Леван, худощавый и стройный молодой человек.

— Государь повелел испробовать это новое ружье! — сказал он, приблизившись к вставшему навстречу Шермазану. — О достоинствах и недостатках его доложить государю!

— Откуда оно? — спросил Шермазан, взяв в руки ружье.

— Из Двалети... Сказывают, крымское... Тамаз Вачнадзе прислал государю первый военный трофей.

Из рук в руки переходило новенькое крымское ружье, с кремневым курком и серебряной насечкой на стволе.

— Я буду в оружейной палате! — бросил Шермазан, удаляясь.

Следом за полководцем вышел было и князь Иорам, но писец Леван воротил его:

— Батоно Иорам! Вас просит государь.

— Отец Иовел! — появившись в дверях, вызвал очередного гонца писец Саба. — Спешите в Алаверди! Вот письмо к отцу Зосимэ!

— Будет исполнено, сударь, с божьей помощью! — приняв из его рук свитки, монах Иовел спрятал их где-то в бесчисленных потайных карманах под своей рясой и направился в конюшню.

То и дело возвращались во дворец усталые, запыленные, обожженные солнцем гонцы.

Царь взял за правило лично принимать и расспрашивать вестников сразу же по приезде — еще запыленных и изнемогающих от усталости. Он первым должен был все узнать... А потом уж открывал приближенным то, что считал нужным.

Военные действия в Хеви и Дарьяльском ущелье оказались недолгими. Нугзар Эристави стремительным ударом выбил оттуда противника, нанеся ему большой урон. Он очистил ущелья и горные проходы от врагов и закрепил их за собой. Но вскоре прискакал к нему гонец от Александра, который повелевал Нугзару выступить в новый поход.

«Карабкаясь тут по диким скалам, не упустить бы пиршество в долине!» — подумал Эристави. Однако гонец сообщил ему, что Горджасп Эндроникашвили пока еще не вернулся в Телави...

Это несколько успокоило Нугзара. Именем царя Александра он призвал на помощь мохевцев, которые самому эриставу не очень-то доверяли. Он ведь издавна бросал алчные взгляды на Хеви — да только никак не удавалось захватить эти места, стать там хозяином. Поэтому новый царский наказ обрадовал его, ибо сулил возможность закрепиться у подножия Казбека. Оттуда Нугзар мог обрушиться грозной лавиной на осетин, чеченцев и ингушей. В ущелья Хде и Трусо эристав направил опытных бойцов-скалолазов, ввел войска в Джариехское, Гизелдонское и Санибское ущелья.

Бебур Вачнадзе прошел со своим войском через Панкиси и Борбало. Хевсуры его поддержали, дали проводников. Воины Бебура спустились в Аргунское и Асанское ущелья и вернулись с большой добычей, освободив пленных грузин и отбив угнанный у хевсуров скот.

А Тамаз Вачнадзе двинулся со своими воинами через Тушети. Двигаясь маленькими группами, «по-хевсурски», пробрались грузины по нехоженым тропам в Чечню.

Другие ворвались в долину Андийской Койсу и на горные пастбища, напали на лезгин, отомстили им за разбойничьи набеги, захватили множество рогатого скота и лошадей.

К середине осени военные действия в горах по существу были закончены... Зато «делам долинным» не видно было конца.

Уж немалый срок прошел с тех пор, как прибыло в стан Лала-паши посольство Горджаспа Эндроникашвили. Лишь один раз паша соизволил побеседовать с послом, принять царские дары... Никакого ответа он не дал, но держал кахетинского князя при себе...

«Хочет выиграть время, хитрый турок! Что ж, и я наберусь терпения!» — думал упрямый Александр. Но терпение давалось ему нелегко. Если не распустить победоносное вой-

ско, то прокормить его будет нелегко. Вот что тревожило царя Александра... И потому царь приказывал своим полководцам завоевывать все новые и новые ущелья. Повелевал «жечь села врага, разрушать его крепости, возводить и укреплять твердыни на рубежах».

И еще один довод брезжил где-то в глубине сознания Александра, — он не решался отдать в нем отчет даже самому себе. Ведь возвращение войска в долину бросилось бы всем в глаза и навело бы на мысль — почему же кахетинский царь не выступает на помощь Картли?

Две оставшиеся в долине рати из двух садрошо стояли на рубеже Картли. Одно в Рустави, другое — в Марткоби.

По словам Александра — в ожидании дальнейшего развития событий.

А черные тучи над Кавказом все более сгущались. Потоки крови лились на истерзанной земле Самцхе. Мужественно и одиноко сражался с врагом этот край.

Лала-паша заполонил весь юг.

Один за другим прибывали в Телави вестники черной беды:

— Атабаг Кайхосро бежал в Картли... искать убежища и помощи...

— К большой войне готовится царь Симон...

— Лала-паша на подступах к Еревану!..

— В Самцхе многие крепости осаждены... Борется Хертвиси... Сражается Ахалцихе... Воюет Ацкури!

— Передовые войска Лала-паши вторглись в пределы Картли... Доблестно отразили натиск пограничные войска и обратили турок вспять...

Наконец-то прискакал еще один вестник: под Ереванской крепостью Лала-паша вновь соблаговолил принять Горджаспа-эфенди, посланца Кахети.

При беседе присутствовал бывший картлийский правитель мусульманин Дауд-хан. Изгнанный из Картли царем Симоном, он искал теперь счастья в стане Лала-паши.

Царя Александра задело за живое, что сошлись в шатре турка пути его посла и предателя Дауд-хана.

Отец Зосимэ был далеко. Он даже не появился в Телави. И все же мысленно оправдывался перед ним кахетинский государь: «Дауд-хан пресмыкается пред турками, движимый низменными побуждениями, — жаждет вернуть себе незаконно за-

хваченный им престол. Я же ратую за спасение и процветание Кахети».

Александр понимал: чем сильнее будет сопротивление Самцхе и Картли, тем более выгодные условия удастся выторговать у турок для Кахети. Поэтому Александр сердечно поздравил царя Симона с освобождением из плена и обещал ему обеспечить безопасность с тыла, укрепить северные рубежи страны. Заботой об этом он объяснил свой большой и трудный поход в горы.

Большего, впрочем, и не ожидал картлийский царь от своего ненадежного родича и друга. — каким он считал Александра.

А в горах, между тем, продолжался захват добычи. Нугзар Эристави понемногу укреплял свою власть над вольными общинами мохевцев. Богатая добыча доставалась и Александру. Угнанные лезгинами стада возвращались в Кахети.

Но Александр не обманывал себя. «Сегодня мы завладели добычей — завтра они устроят набег на наши села... И в конечном счете, все в проигрыше, — писал он Каплану Вачнадзе. — Внуши это алдарам, мурзам дидойским и черкесским князьям. Покажи им силу нашего меча — но и доброе сердце, не скупись на сладкие речи и на дары».

Все новые царские наказы везли в горы гонцы.

«Сологе, Алказу-мурзе, черкесам, — писал царь Александр, — нагнав на них сначала страху, предложите союз против шамхала Тарковского. Требуйте заложников, а дани не берите. Быть может, и среди родни самого шамхала сумеете найти поддержку? Разве только у нас есть ищущие власти без права на нее? Чем ближе родич, тем глубже распря».

Усердствовал Каплан... Потряхивая седыми кудрями, еще уцелевшими на висках и затылке, он вел переговоры на разных языках — то гудел грозным басом, то источал мед из уст.

Недаром в Гремском дворце шутили: взамен каждого потерянного зуба Каплан приобретает знание еще одного языка. Семи зубов не хватало у Каплана — семью языками он владел: грузинским, армянским, персидским, турецким, черкесским, аварским и осетинским.

Безошибочное чутье и прозорливость помогали Каплану тотчас находить ключ к сердцу человека. Действуя то лаской, то угрозой, то уговорами, то посулами, он любого умел привлечь на свою сторону. И за горами старый князь всеми прав-

дами и неправдами отстаивал интересы Кахети. Много верных людей и союзников приобрел его стараниями царь Александр. И заложников Каплан ему привез, и перебежчиков доставил.

Племянник черкесского князя Сологи, Куршита отступился от своего свирепого дяди. И вот Каплан Вачнадзе «навечно, с чадами и домочадцами» пригласил его и немедля доставил к царю. Александр обласкал перебежчика и притом знатока многих языков, приютил его, одарил и назначил своим толмачом, как только узнал, что черкес Куршита хорошо говорит и по-русски.

Каплан свел дружбу со знатным черкесом Алказом-мурзой, подослал его к шамхалу Элиму, чтобы натравить того на старшего брата — владетеля Тарковского, шамхала Сурхая. И, как он убедился, шамхал Элим вовсе непрочь был вступить в борьбу за власть...

Когда вершины запорошило новым снегом, кахетинцы заторопились домой. Зима закроет горные дороги... И по этой же самой причине не спешил в долину кахетинский царь: бездорожье должно было остановить войну... Зато теперь Лала-пашу подгоняло наступление зимы.

И снова от Горджаспа Эндроникашвили прибыл в Телави гонец — еще раз удостоился кахетинский посол приема у грозного полководца. Черные вести принесла грамота Горджаспа. Тяжелые условия поставил Лала-паша: он требовал, чтобы Александр разместил турецкие войска в главных крепостях Кахети, заплатил туркам большую дань и выставил войско против Ирана и Картли. Взамен он обещал не разорять страну, утвердить за Александром титул беглар-бега Кахети, помочь ему заключить вечный мир с шамхалом и усмирить горцев. Эти условия были равноценны полному завоеванию страны.

Александр никому не сказал ни слова. Запершись в одиночестве, он долго метался и неистовствовал. Захотелось повидать Зосимэ... Однако вспомнилась царю последняя проповедь наставника. «К чему было мне, охотясь на рысь, идти по шакальему следу? И вот сейчас эта рысь сама впилась мне в горло... и, кажется, поделом? Поделом...» — Он и вопрошал, и порицал самого себя. Вывод напрашивался удивительный: кахетинский государь прав, а царь Александр виновен! Что же ныне начертать мне на моем «честном мече»? Ковать ли общий щит? Но стоит ли, — если другой использует этот щит против меня же самого? Одержим победу — это будет двойная победа, но чужая, не моя... А если поражение... Оно

тоже будет двойным... но уж моим, моим в первую голову... А впрочем, поздно уж думать об этом, поздно!

«Нет! На моем мече я должен начертать слово «Победа». И это будет моя победа, а не чужая... Да, так — во что бы то ни стало!»

Вдруг Александр вспомнил, что давно не молился.

Он прошел в часовню.

Перед образом святого Георгия горела свеча. Отсвет ее играл на медном копье. Больше ничего нельзя было разглядеть. Царь тяжело смежил веки, а когда разомкнул их, совершенно ясно увидел верхом на белом коне не святого Георгия, а... царя Александра! Он узнал самого себя. И вдруг на Александра снизошел покой. Он решился, тотчас послал за писцом Шанше и тут же, перед иконой, сказал ему:

— Напиши Горджаспу... Пусть распрощается с Лала-пашой и явится сюда!

Сам же царь вернулся к себе, в залу с кованой дверью, и собственноручно написал то, что посол должен сказать Лала-паше на прощание. «Не вручать, а пересказать слово в слово», — еще раз приписал он, запечатывая грамоту сургучом.

В витиеватом послании говорилось следующее:

«Божьей милостью и мощью копья святого Георгия, Александр — царь кахов и эретцев, осетин и дидойцев... властитель Арагви, Дарьяльских врат и иных земель Кавказа... выражает благодарность и почтение непобедимому сардару сардаров Мустафе Лала-паше! Весьма высоко оценили мы его благосклонное желание видеть нас своим надежным союзником и вместе с нами изгнать из Картли временного ее царя Симона, дабы утвердить за нами картлийский престол. Для замирения же с шамхалом и горцами, как и для укрепления крепостей наших, мы не осмеливаемся просить помощи сардара, отягощенного неотложными заботами у твердынь Самцхе, под Ереваном и на рубежах Кавказа».

Многозначительное прощальнсе послание попало точно в цель. Ответ задержался. И лишь неделю спустя в Телави примчался всадник. Опять гонец от посла, но не сам посол.

Оказалось, что Лала-паша взял Ереван и Ахалцихе. Он также вторгся в рубежи Картли — турецкое войско двинулось на Тбилиси. Однако Ацкури оказывал туркам сопротивление, а зима была уже не за горами.

Лала-паша не отпустил от себя посла, которого именовал уже Горджасп-ага, а не эфенди... На сей раз он принял посла

в Ахалцихе, велел передать привет беглар-бегу Кахети. Дань и дары он требовал по-прежнему, а по поводу крепостей выразился иначе: «Преданный блистательной Порте, Искандер, беглар-бег Кахети с воинством своим укрепит горные и внутренние твердыни». Вот что слово в слово сообщал Горджасп. Сардар теперь требовал уступки одной лишь крепости Карагаджи — для военных действий против иранцев. Лала-паша выразил также пожелание видеть своим гостем одного из кахетинских царевичей.

Змеиным ядом отравило, обожгло огнем душу Александра это пожелание. Промелькнули в воображении лица сыновей — сначала все вместе, потом каждое в отдельности. Горечь затаил в душе царь кахетинский. Примечательно, что о картлийском престоле в послании не было и речи.

Сон бежал от глаз государя. Тут же в зале велел он постелить себе постель, лег рано. Никого из приближенных к себе не допустил.

Всех отослал. Даже монаха-постельничего.

На сердце царя точно навалился камень. Все тело его пылало в лихорадочном жару.

Скользкая прохладная поверхность шелкового одеяла напомнила Александру прикосновение змеи. Он сбросил с себя одеяло, вскочил с ложа, бросил на постель бурку, лег на нее... Закрыл глаза, затих...

Сомнения обуревали, мучительные мысли терзали его.

В тысячный раз повторял он имена сыновей. И ни на одном не мог остановиться.

«Кого из них принесу в жертву, если придется сделать выбор? — повторял он, и не находил ответа. — Ужели придется выбирать? Да, придется... Не сегодня — так завтра! Не сегодня — завтра! — И, точно маятник на длинном подвесе, мысль его кидало из стороны в сторону: — Бог милостив, но... а все же, которого принесу в жертву?.. Которого? — с каким-то ожесточением вновь и вновь вставал вопрос в его пылающем мозгу...

— Никого! Ни одного! Всех или ни единого! — внезапно, словно хриплый кашель коклюшного больного вырвалось у него — он вскочил с постели весь в жару.

— Как это всех или ни одного?! — успокоившись здраво рассуждал он. Слишком поздно осознал он, что эта борьба с самим собой была скорее лихорадочным бредом, нежели трезвым размышлением царя и правителя.

Александр позвал лекаря, приказал пустить себе кровь.

После кровопускания ослабевшей рукой написал он царице Мариам письмо, в котором ставил перед нею все тот же мучительный вопрос. Подыскивая более мягкие выражения, он вдруг увидел между строками письма царицу Мариам в обмороке. Он порвал записку и стал писать теперь отцу Зосимэ: «Какого из детей отдать в заложники? Посоветуй, отче!»

Лишь только гонец-монах Иовел скрылся за дверью, жгучий стыд охватил Александра. «Опять иду по шакальему следу! Последуй я совету Зосимэ, все было бы по-иному! Лишь теперь, когда беда грозит моей семье, меня задело за живое! Ужели Зосимэ прав, и я — всего лишь себялюбец, не ведающий иных расчетов, кроме корыстных?»

— Вернуть гонца назад! — крикнул он в темный коридор.

Послание к Зосимэ, так же как первое, к царице, он разорвал в клочки.

Вновь бросаю жребий! Хочу испытать судьбу!

Он послал за Шанше, своим секретарем, велел ему написать две грамоты: одну — виноградной черной, другую — киноварью. В первой он выражал согласие на условия Лала-паши, только царевича отказывался посылать в Стамбул, ссылаясь на малолетство своих сыновей. Другая грамота содержала повеление послу возвратиться в Кахети, «дабы подробно доложить о переговорах и сообщить окончательные условия».

— Шанше, ты сам повезешь обе грамоты! Зашей черную в левый обшлаг, красную — в правый. Будешь ехать мимо Ацкури: если сражается еще крепость — левую выпорешь и уничтожишь, если же пала — сожжешь другую.

Когда Шанше проехал мимо Ацкури, он выпорол «левую» и сжег — ибо крепость все еще сражалась. Большие силы турок стояли под нею и не могли двинуться дальше. В Ахалцихе еще раз явился Горджасп к Лала-паше. Наставил на него седые кустистые брови, повел медоточивые речи:

— Не гостить мне у вас гостно, о сардар сардаров, а трудно вести счет взятых вами крепостей... Впереди еще много возможных побед, и немалая вас ожидает добыча... Хвалят позлащенный меч начальника Ацкурской крепости... Копье и доспехи царя Симона... В Кахети военной добычи ныне вдоволь — на всех хватает. И по этому случаю зовет меня на празднество мой государь.

Турецкий военачальник показал в насильственной улыбке зубы и скрыл недовольство. А на намек ответил намеком:

— Если бы посол беглар-бега подождал немного, я послал бы его повелителю в дар позлащенный меч начальника Ацкурской крепости. Да и труды посла не остались бы без награды.

Горджасп догадался, что Лала-паша отпускает его в Кахети, но ждет от посла еще какой-то услуги.

— Я готов сослужить вам любую службу, прибыв в Кахети. Во имя дружбы между сардаром сардаров и моим государем!

— В знак верной дружбы посылаю беглар-бегу Искандер-паше трех арабских скакунов! — не проговорил, а скорее пропел сладким голосом сардар. — И два текинских седла... Достойных султана. И еще стамбульское ружье.

Горджасп мысленно оценил подношение. Неоседланный конь значил на языке даров, что переговоры о мире оставались открытыми. Посылка оружия тоже имела свой тайный смысл...

Горджасп остался доволен предварительной оценкой.

— Я хочу также просить царя Кахети, — присовокупил турок, — в знак дружбы пропустить наших послов в Ширван... через кахетинские земли, по кратчайшей дороге.

— Будут ли они возвращаться той же дорогой? — Горджасп понял, что от слов и подарков сардар переходил к делу.

— Послы незамедлительно возвратятся к нам. По всей вероятности, они найдут меня уже в Тбилиси. Надеюсь вновь узреть у себя и послов кахетинского царя... Иначе мне самому придется к вам пожаловать! — под широкой ухмылкой и ласковыми речами Лала-паши скрывалась угроза. «Лазутчиков к нам засылает... А потом, смотря по обстоятельствам, либо пойдет на уступки, либо станет свирепствовать!» — подумал кахетинец и согнулся в низком поклоне.

— Дело это беру на себя... Именем государя моего обещаю им неприкосновенность и открытую дорогу... Не дары нам дороги, а дружеское расположение ваше и сердечное слово!

Секретаря Шанше посол отправил вперед на одном из дареных коней. Шанше доложил царю обо всем происшедшем.

Снова во все края поскакали гонцы.

Посольство Лала-паши, державшее путь на Ширван, на рубеже Кахети было встречено почетной охраной...

Александр был искусным шахматным игроком... Он начал новую партию и первый ход решил сделать конем... О путях и точных сроках он втайне договорился с Горджаспом, ко-

торому поручил провести турецкое посольство через Кахети по весьма извилистому пути — через Рустави — Иори — Магаро — Чиаури — Дзегами. А уж оттуда послы сами доберутся до Ширвана и Шемахи.

Кахетинский царь показал турецким послам сначала войска первого садрошо, стоявшие у Рустави. Показал издали — дабы почувствовали послы силу воинства, а недостатков не заметили. Войска второго садрошо растянулись от Рустави до Иори. Многочисленной и могущественной показалась турецким соглядатаям кахетинская рать. На Алазани турки наткнулись на дружину Бебура Вачнадзе, спускавшуюся с богатой добычей с гор в Ширакскую долину. Послов удивили огромные стада, угнанные Бебуром у горцев.

По дороге к Дзегами как бы невзначай попались на глаза послам стрелки Давида Джандиери.

Подозрительно кратковременным оказалось пребывание посольства в Ширване.

На обратном пути их встретил в Дзегами Горджасп — поздравив со скорым возвращением, проводил он турок до Греми.

К этому времени туда подоспел и Тамаз Вачнадзе со своим войском и с трофеями. Народ устроил торжественную встречу победителям.

У каждого копейщика, по тушинско-хевсурскому обычаю, была насажена на острие копья отрубленная вражеская рука. Это зрелище поразило турецких лазутчиков.

— У нас врагам головы рубят! А такое мы видим впервые!

— Голова одна, а на каждой руке по пяти пальцев!

Послы вновь и вновь пересчитывали собственные пальцы, и все, что они видели, вырастало впятеро в их глазах.

— Это кисть десницы, поднявшей оружие против нас, — многозначительно объяснял послам Горджасп.

Турки изъявили желание повидать кахетинского царя, но Горджасп пропустил их слова мимо ушей.

Тогда чужеземцы сбавили тон — попросили удостоить их лицезрения царя Александра, дабы они могли «выразить ему свое нижайшее почтение». Но и на этот раз их просьба не была выполнена.

Царский секретарь Матарса объявил туркам от имени Александра:

— Дворец — не караван-сарай, и Греми — не Ширван.

Принимать послов, не к нам присланных, полагаем мы столь же неуместным, как вести тайное наблюдение за чужим войском или вскрывать чужие письма... «Чужой не нужен даже рай — какая в нем корысть», — сказал Омар Хайям.

И Матарса перевел беседу на торговые дела.

Когда послы вернулись в Рустави, там происходили большие конные ристания; турки посмотрели джигитовку, воинские игрища и воочию убедились в доблести и военном искусстве кахетинцев.

Послы попросили разрешения остановиться здесь дня на два для отдыха. Под тем предлогом, будто бы им не известно, где сейчас лагерь Лала-паши, они отрядили к сардару гонца. Вскоре пришел и ответ. Сардар, оказывается, уже овладел крепостью Ацкури, и теперь ведет бои на подступах Тбилиси.

Послам своим Лала-паша назначил встречу в Тбилиси. Приглашал он туда и Горджаспа-пашу, высокочтимого визиря царя и беглар-бега Кахети Искандера.

— Какая учтивость! Вот и добрый плод «ширванского посольства»! — во всеуслышание объяснял это приглашение Александр. А втайне задавал себе тревожный вопрос: «Что больше подействовало — скрытая мощь Кахети или открытая борьба картлийцев!

Так или иначе, мирное соглашение было достигнуто.

Вместе с горестной вестью о падении Тбилиси достигла кахетинского царя эта приятная новость.

Лала-паша не требовал больше ни заложников, ни крепостей... Он удовольствовался умеренной данью и дарами.

А когда после взятия Тбилиси Лала-паша повернул свое войско назад и двинулся в сторону Гори, Александр облегченно вздохнул и распустил своих воинов по домам.

...Подъехав к Алазани на резвом коне, Александр любовно и не без гордости окинул взором расшитые серебром первого снега поля и леса.

«Я спас этот край от гибели! Я! Если б не я, то... окрасился бы он багрянцем!» — Глаза и душа отдыхали, как бы погружаясь в прозрачную лазурь Алазани... Белыми мотыльками опускались на нее и тут же таяли бесчисленные снежинки.

— На пороге зимы мы поймали сразу двух зайцев — вопреки пословице! — говорил он отцу Зосимэ по возвращении в Греми. — Будем теперь лакомиться шашлыком.

— Не пойдет кахетинцам впрок заяц, зажаренный на костре сожженной Картли... Встанет поперек горла! — печально бормотал старец, подмешивая горечь к всеобщему ликованию.

ГЛАВА XIV

ТАЙНЫЙ ЗАМЫСЕЛ

Тяжело, очень тяжело переживал старец Зосимэ новое крушение своего замысла. «Единый щит» по-прежнему оставался лишь мечтой. По его убеждению, в этот раз причиной были половинчатость и криводушие.

Зосимэ был сам как бы отлит из чистой стали и по природе своей ненавидел «половинчатость» от всего сердца. Он и не мог себе представить людей такого склада, пока мудрость, пришедшая с годами, не научила его безошибочно разгадывать чужие мысли и чаяния.

Тогда-то он и заключил, что большинство людей мелко по самой своей сути. Характер, помыслы, поступки их отмечены печатью двойственности, света и тьмы, добра и зла. Они несут на себе бремя полудурных, полухороших свойств, как переметную суму с двумя отделениями. У меньшинства перевешивают хорошие качества. У большинства же — много дурных свойств, мало хороших... Так мало, что едва их отыщешь... словно жемчужину в стоге сена.

Святой отец считал нравственность основой душевных качеств человека. И именно потому болело у него сердце за своего питомца. Однако для определенного суждения о его нравственности ему еще недоставало наблюдений, картина была еще далеко не полна.

«В сложной обстановке нравственное от безнравственного обычно нескоро отличишь».

Зосимэ все чаще обращался к назиданиям:

«Добро и зло — то и другое досталось нам в удел! Будем терпеливы, покуда терпится! Будем проповедовать достойное

проповеди, обличать — достойное обличения! Осудим двоедушных, половинчатых! Такие неспособны возглавить большое, жизненно важное дело... Вершителю власти подобает быть либо дурным до конца, либо по-настоящему великодушным! Лишь тогда дело сдвинется с места... либо по пути зла, либо по пути добра... А полусырой-полусухой пень ни для костра не годен, ни для посадки!»

Александра Зосимэ не считал человеком мелкотравчатым. Правда, необузданный нрав ученика причудливо сочетал в себе дурное и хорошее, но половинчатым учитель не мог его назвать. Вот почему так глубоко огорчала Зосимэ трещина, возникшая в их отношениях.

На первых порах Зосимэ даже решил удалиться в пустыню, жить отшельником. Тем более, что давно уж чувствовал к этому призвание.

Но все еще теплилась в нем надежда на осуществление своих чаяний касательно всегрузинского единства. В глубине души он чувствовал, что неожиданное возвращение царя Симона создало новую обстановку, и острый ум его уже искал нового направления для поисков многоединства «всех Грузий». Впрочем, Картли уже не могла взять на себя главенство, хоть и был у нее знаменосец, а Кахети могла бы, но знаменосец ее, по-видимому, пока еще не возвысился до осознания высокой цели.

Однако во имя спасения Кахети Александр действовал с поразительным искусством и истинным бескорыстием.

«Не порицай молодое деревце за то, что первый плод его горек... Наберись мудрости и жди!» — пытался оправдать своего воспитанника Зосимэ. И еще один, самый веский довод определил решение старца:

«Великие помыслы многих поколений... Коль не дано и нам претворить их в жизнь, то хотя бы завещаем потомкам высокие эти стремления...»

И отец Зосимэ остался при дворе. Ревностно относился он к своим обязанностям, считал своим прямым долгом участие в воспитании царевичей.

Привольно и беззаботно текла жизнь юных царских сыновей, особенно в отсутствие отца. Бесконечная доброта царицы Мариам не позволяла ей не только наказывать детей, но даже сердиться на них. К ее материнской любви всегда почему-то примешивался страх. Она произвела на свет «своих

летушков» и теперь боялась потерять их. Предчувствия, обостренные вещим материнским чутьем, не давали ей покоя...

Под надзором матери дети своевольничали... Именно потому требовалась твердая и справедливая рука Зосимэ.

Щедро одарила природа сыновей Александра. Одно лишь тревожило инока Зосимэ — ни один из них не отличался набожностью и усердием в делах веры. Не любили они листать церковные книги и рыться в писаниях богословов. Зато жадно воспринимали все мирское, языческое. Зосимэ наблюдал за детьми: Ираклий любил стихи и сам слагал их; он хорошо играл на чанги и пандури; его пленяло стройное пение хора.

Давид увлекался баснями, притчами и рыцарскими повестями. Он легко усваивал языки — и говорил на них хоть и не всегда правильно, но бегло. Изящный и гибкий, он любил нарядно одеваться, держался гордо и надменно.

Георгий ни одного молочного зуба не сменил естественным путем: иные потерял в джигитовке, другие — при игре в мяч или в лапту. Счету и игре в шахматы он научился раньше, чем чтению и письму.

Константин был пока еще несмышленышем... Он вечно путался в ногах у старших братьев, смеялся по любому поводу, обожал кошек, боялся верблюдов и грома и совершенно не выносил щекотки.

Пока царское семейство пребывало в Круглом замке, Зосимэ устроился по соседству — в дворцовой церкви.

Невзирая на высоту, каждый день спускался он в город по широкой каменной лестнице в тысячу ступеней.

В городе Зосимэ обычно наведывался в приходское училище церкви Цхракара или посещал учеников диван-ханы. Не забывал он и о странноприимных домах, о приютах для увечных и убогих, заглядывал в бедные кварталы. Зосимэ часто брал с собой царевичей. Они раздавали беднякам маленькие кошельки, полученные от матери.

Было, однако, в городе одно место, куда старец Зосимэ ходил всегда один... Из-за посещений узилища у него даже вышли горячие споры с Александром еще в первые годы его царствования.

По приказу кахетинского государя узники гремской темницы содержались в строгом уединении. За «самых опасных» преступников отвечал головой верный их страж Давид Джандиери.

Когда отец Зосимэ пришел сюда в первый раз, ему даже

не открыли дверь. Джандиери не вышел к нему... Отказать иноку было неловко, а впускать его — не велено. После его многократных посещений Джандиери, наконец, с почтительным извинением осмелился ответить старцу отказом. Он не советовал даже заговаривать об этом с государем. Но Зосимэ не сдался.

После долгих просьб и увещеваний он все-таки добился от царя разрешения посещать темницу. Ему одному предоставлялось право входить к любому узнику «для молитвы и свершения святых таинств».

Отныне каждую субботу, за редкими исключениями, посещал монах сумрачные и сырые темницы, принося с собой милосердие и утешение. А сам позднее, удрученный, возвращался к себе в келью.

Он никого не обвинял и никого не оправдывал... Да ничего и не обещал... Зосимэ старался побороть ожесточение в сердцах узников, призывал их к добродетели, вселял в души отчаявшихся волю к жизни.

Многим облегчил он тяжесть сурового наказания.

...Когда Давид Джандиери впервые отомкнул перед старцем самую тяжелую, кованную железом и покрытую ржавчиной дверь, Зосимэ с первого взгляда ничего не мог разглядеть во мраке, который царил за нею.

Лишь зловещее позвякивание оков свидетельствовало о присутствии узника.

— Свечу! — попросил Зосимэ.

— Не велено! Это же «Торгваец»! Приговорен к заключению во мраке!

— Свечу для молитвы! Запретить это не властен ни один смертный... В том числе и царь, — смиренно возразил инок.

Джандиери колебался.

— Ну что ж, сами тогда и держите ответ перед государем! — решился он наконец и велел принести зажженную свечу. При тусклом ее свете с трудом разглядел Зосимэ вскочившего при входе его и вытянувшегося у стены царевича Кайхосро. Узник был прикован за ногу к кольцу, вделанному в стену. Он очень изменился, инок едва узнал его.

Царевич утратил не только свой юношеский облик и осанку, но даже имя и титул. Он звался теперь коротко «Торгвайцем», так как был схвачен под крепостью Торгва.

Дрожащий огонек свечи падал на его всклокоченную, сильно отросшую бороду и усы, на длинные локоны, глубоко запавшие глаза и заострившиеся скулы, на тощую шею.

Призраком во плоти стоял он, ожидая чего-то ужасного.

— Отец Зосимэ! — дрогнувшим голосом воскликнул Кайхосро, как только Джандиери вышел из каземата...

Старец заметил, как вздрогнул в ужасе узник. Ведь священник со святыми дарами был для всякого, ввергнутого в узилище, предвестником смерти.

— Нет, чтобы помолиться вместе... И принять от тебя исповедь...

— А что после? — с дрожью в голосе спросил узник.

Вновь мелькнула у Зосимэ не раз посещавшая его горькая мысль: «Отчего, когда я прихожу с добрыми намерениями, столь многим чудится позади меня тень смерти?

— Успокойся, сын мой! — твердо проговорил монах.

Он огляделся, укрепил свечу в нише, застлал нижнюю плиту ниши куском ткани и положил на нее библию.

— Вместе будем читать священное писание, приобщимся к Ветхому и Новому завету от начала до конца. И да умудрит нам душу божественное слово! Да поможет избегнуть искушения и да облегчит нам страдания и печали!

Днем и ночью в страхе ожидавший смерти царевич жадно внимал речам Зосимэ. Слова монаха доносились до него откуда-то из-за пределов сознания, перед отвыкшими же от света очами неотступно стоял призрак смерти. А огромная, увесистая книга лежала перед ним в нише, подобно длинной, многострадальной жизни...

— Библия. От начала и до конца, — с опозданием дошел до сознания Кайхосро смысл слов Зосимэ.

На тисненном золотом сафьяновом переплете, на медных застежках играл отблеск свечи, вселяя надежду в душу обреченного узника. И вдруг робко шевельнулась в нем радость, дрожащие руки потянулись к нише... Символом обновленного бытия показалась несчастному эта большая книга. Кайхосро полюбил ее, как самую жизнь свою, висевшую на волоске.

Монах присел на каменное ложе, осенил крестом библию, раскрыл ее: «В начале сотворил бог небо и землю. Земля же была безводна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И был свет».

Царевич Кайхосро с ранних лет обучался у ученого книжника. Светские писания он знал хорошо, да и в духовных был начитан. Он говорил по-гречески, знал древних писателей и был искусен в переводе.

Заметив, что Кайхосро плохо слышит, отец Зосимэ предложил ему самому читать священное писание. Вначале узник ушам своим не поверил, — потом благоговейно дотронулся рукою до библии, не посмел коснуться устами. В заточении Кайхосро настолько отвык от чтения, что сначала буквы расплывались перед его глазами. Потом, правда, они выстроились в строки, но когда свеча мигала, опять начинали сновать и метаться, словно муравьи.

Наконец, царевич кое-как подчинил своей воле глаза и голос... Огромная радость овладела им, он упивался звучанием слов. Смысл же не удерживался в памяти.

Почти целый день провел у заключенного Зосимэ.

Он стремился глубоко проникнуть в душевный мир узника, постичь его устремления, испытать его знания и ум.

Кайхосро сохранил здравое суждение, только память у него несколько ослабела. Постоянное ожидание смерти изнурило и опустошало разум.

С той поры отец Зосимэ часто посещал узника, а уходя оставлял ему книги — то евангелие, то молитвенник. С трудом уговорил он Джандиери дозволить заключенному иметь свечу. Догадывался начальник царских телохранителей: какой-то далеко идущий замысел зародился у царского наставника. Джандиери зорко следил за ним, но до поры до времени не вмешивался. Убежденный, что в природе человеческой преобладает дурное начало, он тем не менее верил в «совершенную добродетель» отца Зосимэ. Положившись на него, Давид Джандиери приказал даже, чтобы под потолком каземата пробили узенькое оконце. Кое в чем он потворствовал царевичу и его исповеднику, но и глаз с них не спускал.

Старик и узник часто молились вместе... а, помолившись, обращались к книгам. Немало времени и терпения понадобилось пастырю, чтобы молитва стала для узника привычкой, а потом и насущной потребностью, основой духовной жизни. Однако Зосимэ было этого мало. Ведь молитва была для Кайхосро пока еще лишь неким последним прибежищем; не потребностью души, а тайной жаждой избавления и страхом смерти была подсказана она.

Короче говоря, не душевный порыв заставлял царевича молиться, а звон цепей.

И Зосимэ, подобно терпеливому ваятелю, постепенно, бережно лепил душу молодого узника.

И под влиянием вдумчивого наставника страдание не

ожесточило, а наоборот смягчило и облагородило сердце несчастного.

Куда девался прежний Кайхосро, своенравный и надменный царевич, незаконный искатель престола? Что сталось с угрюмым и озлобленным узником?

За три года совершенно изменился, внутренне обновился и стал выше душой новообращенный. Он усиленно занимался переводом и перепиской священных и богословских книг. Плотские и мирские заботы мало-помалу оставили его, молитва превратилась в насущную потребность, а науки — в необходимую духовную пищу.

Пастырь чувствовал это и втайне ликовал. Его замысел претворялся в действительность. А годы, между тем, шли — и в темнице, и за ее стенами... И Зосимэ, недовольный ходом событий внешнего мира, нередко здесь, в обители страданий, искал душевного отдохновения. Ибо где страдание, там больше тепла!

А время шло...

ГЛАВА XV

КАЛАМАНЫ С ЧЕРНЫМИ РЕМЕШКАМИ

Мирно перезимовала Кахети.

Словно резвый иноходец, промчались по Алазанской долине дни оттепели, пронеслись ветреные ночи.

А несчастная Сатино днем не могла дождаться сумерек, а ночью — рассвета. Безрадостным караваном тянулись для нее дни и ночи, отягченные печалью.

С тех пор как бесследно исчезли ее муж и сын, горе поселилось в доме Мамуки Кахниаури.

Где только не справлялась о них встревоженная Сатино, после того как Мамука с Зазой не вернулись из Дзегами. В конце концов она отправилась к отцу Зосимэ, рассказала ему со слезами о своем горе.

Когда воротился Джандиери, Зосимэ спросил его, не знает ли он о судьбе отца и сына.

И в памяти Джандиери всплыли слова умирающего лезгина: «гюрджи-мулла» и «китаб-бала»... Это все, что узнала Сатино. Весть обожгла ее огнем, но принесла и успокоение. Муж и сын ее были живы! Сатино возблагодарила бога. Отныне она жила обретенной надеждой. А всю свою любовь, всю материнскую заботу перенесла на маленького Сиауша.

Соседи и друзья мужа не покинули ее в беде, не оставили без куска хлеба. Особенно помогала ей семья Джигаури.

Но бесконечное ожидание изнуряет душу. И Сатино не выдержала — жизнь, повседневные заботы стали для нее непосильной ношей. Все валилось у Сатино из рук.

Началось со снов. Потом сон и явь постепенно стали мешаться, сливаться воедино. Она ласкала Сиауша, а мерещился ей Заза, закованный в кандалы. Сатино боролась с собой, но не могла взять себя в руки.

Она исхудала, высохла, перестала ухаживать за ребенком. Дом пришел в запустение.

Стоило Сатино увидеть кого-нибудь из сверстников Зазы, как сердце у нее надрывалось. Перед вечно затуманенным от слез взором вставал при виде каждого мужчины с бородой — Мамука.

Вскоре у Сатино высохло в груди молоко... И словно вдруг оборвалась незримая нить, связывавшая ее с младшим сыном. Сиауш больше не занимал ее. Он даже мешал матери, раздражал ее своими капризами, связывал по рукам и ногам. Если бы не малыш, Сатино давно уже отправилась бы за горы, на поиски мужа и сына. Болезненное озлобление на малыша порой поднималось в окаменевшем материнском сердце... Она вымещала злость на Сиауше, а потом бурными ласками и слезами раскаяния доводила дитя до рыданий.

Манасэ Джигаури был добрый сосед и вдумчивый лекарь. Он как мог утешал Сатино, вспоминал, как сам был с семьею в плену, уговаривал женщину взять себя в руки, присматривать за ребенком.

— Не могу, сосед! Неужто не понимаешь? Лучше бы уж мне знать, что мои родимые погибли! Тогда бы я или в могилу за ними сошла, или выплакала бы свое горюшко! А теперь — как мне быть, что думать, что делать! Стоит мне закрыть глаза, как оба встают передо мной... Молят о чем-то... Укоряют... А открою глаза — нет их!

Манасэ внешне спокойно выслушал Сатино... Чутье подсказало ему, что искусство лекаря тут бессильно. Он понял — недолго протянет так несчастная женщина.

— Дни Сатино сочтены, тоска ее извела! — сказал Манасэ своей жене.

Сама хлебнувшая горя в плену, сердобольная Дарья частенько уводила к себе Сиауша. Малыш привязался к ней. Заботилась о нем и подросшая уже Халиана.

Манасэ разыскал отца Зосимэ и подробно рассказал ему о бедах семейства Мамуки Кахниаури.

— Надо как-то помочь им. Я похлопочу, чтобы ребенка взяли во дворец. Его ведь крестили в один день с царевичем Константином! — вспомнил Зосимэ.

Однажды вечером, на исходе зимы, к больной Сатино постучали в дверь...

Подавленная горем Сатино даже не подняла головы.

— Кто там?

— Это я, горемычная Сабедо[1], хозяюшка! Сабедо из Кеди.

Сатино никогда прежде не видала Сабедо... Сперва безучастно, потом повнимательнее пригляделась она к посетительнице. Из-под старого головного платка выбивались растрепанные седые пряди, платье было в лохмотьях...

— Отец Зосимэ меня к тебе прислал! — нерешительно продолжала Сабедо, заметив на лице хозяйки недовольство.

— Ты хоть ради деток-то... не надрывай себе сердце... Лица на тебе нет!

Сатино едва слышала ласковое шамканье старухи... Ей только бросились в глаза складки и швы на платье неизвестной посетительницы — оно было вывернуто наизнанку... Вдруг Сатино поняла...

— И у тебя? — едва выговорила она, сдерживая душившие ее рыдания.

— Да... и у меня! Сосия пастух — это мой сын!

Сатино тотчас села на постели.

— Поди ко мне, сестра моя... Сестра по несчастью! Я тебя узнала!

Не могла Сатино узнать старуху, ведь они никогда раньше не встречались! Но что за беда? Все равно Сабедо была ей так близка! Сатино узнала ее по этим заплаканным глазам...

---

[1] Сабедо — «рожденная для счастья» (груз.).

По распущенным седым волосам... По горестным морщинам на лбу и возле рта...

Сатино обняла женщину, усадила ее рядом с собой на постель.

Они без слов поплакали вместе, облегчили душу. Потом зашептались — голова к голове, словно заговорщики:

— Я решилась, сестра... Больше мне невмоготу.

— На что решилась? — спросила Сатино, и вдруг ясно поняла, что у нее самой давным-давно «решено» то же самое.

Разговор получился странный. Ничего как будто не было выяснено до конца, а обеим все стало ясно. Ибо скорбящие сердца говорили красноречивее слов, на языке горя и тяжких испытаний.

— Так значит... договорились!

И на удивление соседям Сатино неожиданно выздоровела. Она встала с постели, обошла соседей, справилась, нет ли у кого для нее работы. Односельчане пошли ей навстречу. Кто позвал печь хлеб, кто — постирать, кто — заняться шитьем...

— Что с ней случилось? — допытывался у жены удивленный Манасэ.

— Да ничего... — Дарья прятала глаза от мужа.

А Сатино совершенно преобразилась: захлопотала, навела порядок в доме, во дворе. В глубине ее глаз опять засветился тайный луч надежды.

Манасэ замечал — у соседки Сатино частенько собираются по ночам знакомые и незнакомые старухи, шепчутся о чем-то подолгу.

— Должно быть, гадают! — И махнув рукой, костоправ проходил мимо.

— Отец! А ты меня пустишь к Зазе? — спросила отца Халиана.

— Куда?

— Доченька! Скорей поди сюда, засучи мне рукава! — приоткрыв локтем дверь и протягивая выпачканные в тесте руки, крикнула Дарья. — Живей, а то тесто не ждет...

Халиана посмотрела на сдвинутые брови матери, виновато съежилась и пошла за нею. Манасэ застыл в изумлении. Он, наконец, догадался, кто, куда и зачем собирался, но почему же от него все скрывали?

«Эти женщины считают нас, мужчин, совсем уж бессердечными и безмозглыми дураками. Боятся, что помешаем? Мо-

жет, и надо бы помешать?.. Но... в одном они, пожалуй, правы. Догадки нам не хватает!»

Манасэ надел шапку и вышел из дому.

Он направился к кварталу ремесленников.

Близился вечер. Тень от храма Архангела протянулась через весь город. А со стороны поля уже наползал сиреневый сумрак.

В Тарса-галавани подмастерья подметали лавки. На рыночной площади, возле больших весов собрались ремесленники потолковать на досуге...

— Манасэ, друг! Добро пожаловать! Заходи, поговорим о том, о сем! — окликнул мастер Джаба костоправа.

Джигаури прошел в погребок. Там стоял запах вина, веяло прохладой.

Ни с кем не поздоровавшись и ни на кого не глядя, Манасэ достал из кармана кошелек, положил на стол шапку подкладкой вверх, вытряхнул в нее содержимое кошелька. Со звоном посыпались серебряные монеты.

— Складчина на хлеб-соль? — полюбопытствовали ремесленники.

— Нет, горю пособим в складчину! Перехитрили нас, брат, бабы! Придется, кажется, нам всем повязаться женскими платками.

— О чем ты, добрый человек? Толком скажи! — обступили костоправа торговцы и ремесленники.

— В лезгинские земли, за горы собрались.

— К лезгинам? Своими ногами? Кто? Зачем? — загалдели люди.

— Жена Мамуки Кахниаури!

Воцарилась тишина.

— Сатино? — переспросил лишь один, сидевший дальше всех и самый старый. — Вот это женщина! Есть чем мужу гордиться!

Больше не было сказано ни слова. Все схватились за карманы, опорожнили кошельки.

Скоро шапка Манасэ была доверху полна серебряных монет.

Мастер Джаба расстелил свой шелковый платок, высыпал в него деньги, сверху положил крест-накрест два продолговатых хлеба-шоти и завязал все это в узел.

— Благословляем в путь-дорогу! А свеча и молитва за тобой! — кивнул он звонарю Фило и вручил узел Джигаури.

Когда настала пора молотьбы, Сабедо сняла головной платок, распустила седые волосы, взяла кувшин виноградной водки, купленной на скопленные с трудом гроши, и отправилась к деду Окро.

— Соседушка! Человека почтеннее тебя в деревне не сыщешь... Теперь за тобой дело!

— Значит, в путь собралась, стоишь на своем, — почесал затылок старик. — Ну, ладно, ладно уж, перечить тебе не стану... Теперь тебя, пожалуй, никакой силой не удержишь! Да поможет тебе бог!

— Да разве ж я одна иду? Ну, да бог милостив! — Сабедо хотела было подробно рассказать обо всем, потому что ведь пока этим толстокожим мужикам хорошенько не разжуешь, они и в толк не возьмут...

Но дедушка Окро прервал ее.

— Ну, теперь за дело. Пришли ко мне Кохсаламуру, а со стадом нынче пусть пойдут твои ребятишки... Да еще Хоситу позови — испольщика Цибаури. А ты приготовь мешки... Деревня в беде... но уж чем сумеют — помогут...

Расставшись с Сабедо, дед Окро смерил взглядом кувшин, взял для питья маленький рог, продел суковатую палку сквозь ручку кувшина, взвалил его себе на спину и зашагал в сторону гумен.

Немного погодя дед Окро вместе с Хоситой подошел к току Хапро Кандарели.

Хосита Шилдаури, обзаведясь новой семьей, переродился, распрямил плечи, вновь завоевал уважение деревни. Когда Сабедо пришла к нему, он тотчас смекнул, в чем дело, и без слов последовал за ней.

Сзади шагал смущенный Кохсаламура. В таком «мирском» деле, вместе «с большими» паренек участвовал впервые. Он гордился этим и в то же время изрядно трусил.

Сабедо остановилась поодаль — простоволосая, со слезами на глазах, в платье наизнанку.

— Хапро, мое почтение! Мир и благодать! Пусть дом твой всегда будет полной чашей! — Дедушка Окро вступил на ток со свежераскинутыми снопами, посторонился перед быками, запряженными в кеври[1], и присел на корточки посередине гумна.

Хосита неохотно последовал за стариком.

---

[1] Кеври — молотильная доска (груз.).

— Бог да пошлет тебе удачу! — с груды снопов отозвался Хапро. — Сюда пожалуйте, в холодок...

— Поди сюда! — дедушка Окро налил водки в маленький рог и воскликнул: — Поможем Сабедо перевернуть платье с изнанки на лицо!

Хапро прикрыл глаза рукой и вдалеке, за гумном увидал Сабедо.

— Ну, так бы сразу и сказали! — Он воткнул вилы в стог и спустился вниз. — А то я было подумал... гумно мне загородили...

Еще что-то хотел добавить Хапро, но дедушка Окро протянул ему рог и махнул рукой Кохсаламуре, пристроившемуся на кеври среди ребят и девчат. И Мачуча заиграл на дудочке.

Девушки и юноши рассыпались по гумну. Кто-то стал отбивать веселую дробь на опрокинутом деревянном корыте. Вихрем понеслась пляска. Даже волы задвигались быстрей, вытянули шеи.

— За возвращение Сосии! Нашего пастуха... За счастье Сабедо! Играй, Кохсаламура, наяривай! — Хапро осушил рог.

— Пей на здоровье, Хапро! Человек ты богатый и щедрый. Легкая у тебя рука. Твой и почин пусть будет: покажи пример. К тебе первому мы пришли.

— Мера за каждый рог! Расчет после молотьбы.

— Быть тому! — Дед Окро сделал на суковатой палке первую отметину и налил еще водки.

Хапро отстранил было рог. Тут дед Окро подбоченился, и, указывая на Хапро, спросил у парней и девушек:

— Как, бишь, его зовут?

— Хапро! Будто не знает! Да это он так, для шутки. Понарошку, — зашумела молодежь.

Кружились доски по гумну... Кружилось все кругом... Дедушка Окро заговорил в лад общему кружению стихами:

Бережлив наш друг Хапро —
А зачем копить добро?
Славен он на целый свет,
Гладок, толст — уж толще нет.
Слово у Хапро — как мед,
А спроси, куда он гнет?

По гумну прокатился хохот...

— Ну, будь здорова, Сабедо! Доброго тебе пути и благополучного возвращения! — осушая рог, воскликнул Хапро.

А Сабедо одновременно смеялась и плакала.

Дед Окро взял кувшин и перекинул палку через плечо.

— Ну, теперь пойдем к Нинике на гумно, люди добрые!

...Так обошли они чуть ли не всю деревню. Кое-где сразу с ними «расквитались». Дедушка Окро тут же велел наполнить мешки Сабедо свежеобмолоченным золотистым зерном, взвалил их Хосите на спину...

А кое-где хозяева оказались прижимистые — больше одного рога ни за что не захотели осушить.

К обеду палка дедушки Окро была уже больше чем на половину в зарубках.

— Вы только поглядите! Вот это урожай! — воскликнул уже разрумянившийся дед Окро, высоко поднимая палку. — Этой клюкой я достану до самого Дагестана! Правда свой путь найдет! — Так от гумна к гумну ради доброго дела шагал старик, согбенный годами и невзгодами.

Скоро он устал. Да и захмелел изрядно.

Еще один-два рога дед Окро выпил вместе с жертвователями — а больше уж и не мог. На одном гумне чуть было молотильной доской не раздавило кувшин, потом суковатая палка затерялась в соломе. Еле нашли... Всей деревней искали палку с отметинами.

— Хосита, дальше ты ступай! — передавая ему кувшин, сказал старик. — Я больше не могу... Мачуча! Кто не выпьет, про того спой частушку... Ты же видел — это самое лучшее средство.

Захмелевший старик продолжал наставлять своих помощников:

— Вы только со счету не сбейтесь!

С этими словами дедушка Окро торжественно вручил Хосите суковатую палку, точно жезл мандатуртухуцеси[1]. А сам прилег в тени скирды и тут же уснул.

Когда Сабедо и Сатино собрали достаточно зерна, они вспомнили о боге, а вместе с ним и о языческом домашнем ангеле, покровителе очага.

Женщины исповедались и причастились у отца Зосимэ, а потом побывали у гадалки.

---

[1] Мандатуртухуцеси — один из высших сановников при дворе грузинского царя.

Старец утешил их добрым словом, помог советом и деньгами.

— В какую бы страну вы ни пришли, — поучал отец Зосимэ, — бога своего в душе носите, а обычая тамошнего держитесь. И не страшитесь — там тоже люди живут, найдутся среди них и добрые... Думаете, все разбойники?

Обеим странницам он надел на шею маленькие крестики, пожелал удачи — выкупить пленников и вернуться с миром.

Совсем иной прием ждал их у прорицательницы.

В старой заброшенной часовне, которую жители Гремы прозвали «Вороньей церковью», поселилась какая-то старуха. Никто не знал ни имени ее, ни откуда она родом. А прозвали старуху, по ее жилищу, Колченогой Вороной.

Гремцы и подтрунивали над ней, и жалели ее, но испытывали перед нею и бессознательный страх. Среди деревенских женщин она слыла всеведущей гадалкой и пророчицей.

Когда Сатино и Сабедо вошли в «Воронью церковь», гадалка недвижно лежала на каменной плите, у разрушенной алтарной преграды и беззвучно шевелила губами.

Вокруг изголовья прорицательницы горело множество свечей, и от этого лишенное теней лицо выглядело плоским.

Густая паутина красных жилок покрывала впалые щеки. Глаза вещуньи были закрыты.

— Свечи поставьте! Свечи! — тотчас вскричала находившаяся при гадалке толковательница предсказаний. Поверх платья на ней было надето белое одеяние с короткими рукавами.

Сатино и Сабедо зажгли по две свечки и, держа по одной в каждой руке, ожидали новых повелений.

В часовне было жарко... Воздух был пропитан тяжелым запахом пота, воска и паленой шерсти. Вдоль стен, по обе стороны сидели женщины в белых кисейных покрывалах, с белыми платками в руках, которыми они лениво обмахивали пророчицу и, низко склонив головы, что-то шептали...

— Ох, ох... Это они! Идут... Муж и сыновья у них в плену, в чужом краю!

— Волосы ей подпалите! Волосы! — схватила за руку вошедших толковательница пророчества. Сабедо и Сатино дрожащими руками подожгли поредевшие от частого опаливания растрепанные пряди волос.

Колченогая Ворона часто заморгала и открыла выпученные глаза... В уголках стиснутых губ показалась пена... Послышались отрывистые бессвязные слова:

— Породу свою не теряйте... Породу... Надо умилостивить святого Георгия Некресского... Принесите в жертву кабана... Клык и каламан земли не касаются... Защитите. Заступитесь.

Иавнана... вардо... нана...
Иав нани... наaоо![1]

— негромко, высокими голосами запели сидевшие вдоль стен женщины в белом.

— Какого цвета каламаны? — тихо спросила толковательница, уголком белого покрывала отирая пену с губ прорицательницы.

— С черными ремешками! С черными ремешками! — взвизгнула гадалка, и брызги ее слюны долетели до свеч. Заколыхалось пламя, а с ним и тени в старой часовне.

— Не касаются земли? — не отставала толковательница в белом одеянии.

— Гор... долин... земли христианской и басурманской! — резко выкрикнула прорицательница, сотрясаясь всем телом.

Женщины запели громче.

Задрожали, тесно прижавшись друг к другу, Сатино и Сабедо.

— Спроси ее о судьбе пленников! — еле разжала зубы Сабедо.

Солнце месяц породило,
Иав... нани... наaоо...

— пели женщины в белом, обмахивая гадалку белыми платками.

— Царица Луны, тебя вопрошают! — провозгласила толковательница.

— Кто хром, кто быстроног... явите усердие! — выкрикнула гадалка и захрипела.

— Явите усердие! — ей в лад крикнула женщина в белом и подняла всех на ноги.

В богородицын месяц Сабедо и Сатино купили кабана, босиком поднялись в Некресский монастырь, точно выполнили наказ прорицательницы... И в один из туманных дней две женщины пересекли дальний, опасный Кадорский перевал.

В лямках котомок было запрятано серебро для выкупа

[1] Припев грузинской колыбельной песни.

пленников. На груди у них, помимо подаренных отцом Зосимэ крестов, висели талисманы — кабаньи клыки. А обуты они были в каламаны из свиной кожи, с черными ремешками.

Перейдя Кадори, перекрестились, закрылись длинными лезгинскими платками и стали спускаться по крутому склону.

ГЛАВА XVI

ПРИТЧА О ДЕТЕНЫШЕ КОСУЛИ И О МИЗИНЦЕ

Все было готово, загонщики и псари расставлены по местам. Все ожидали, когда затрубит в рог главный ловчий. А тот не сводил глаз с царя.

Александр был страстным и неутомимым охотником, терпеливым в засаде, самозабвенным при травле. Словом, это был настоящий охотник, а не просто любитель царской охоты-забавы.

Впрочем, нередко доводилось ему участвовать и в подобных охотничьих потехах. Но, обычно, едва выполнив тягостный долг по случаю приезда почетных гостей или какого-нибудь торжества, Александр тут же вновь созывал своих «лесных охотников», и, забыв всяческое царственное величие, сам распоряжался охотой.

Тут уж не было «знатных ловцов», на копья и стрелы которых зверь сам бежит. Тут надо было проявить ловкость и силу.

Говаривали, будто в приалазанских лесах водится множество кабанов. Будто целыми стадами совершают они набеги на поля и огороды. Поросшая лесом котловина тянулась от старого русла Алазани до нового брода. Место — удобное для гона.

Александр взял за правило на охоте не применять огнестрельного оружия, которое он считал необходимым на войне. Он старался увеличить число ружейных стрелков в Кахети, но охотиться предпочитал с луком и стрелами.

— Дичь, убитая из ружья — падаль, мертвечина, найденная в лесу... И притом — не моя добыча. А стрела — мое клеймо. Не пригвоздит зверя — тогда дело за моим копьем и конем.

Александр стоял в засаде на берегу, у брода... Судя по звериным тропам, дичь, поднятая в котловине, должна была двинуться сюда. И вот, только было царь вознамерился подать знак начала охоты, как вдруг к противоположному берегу Алазани подскакал на лошади царский секретарь Саба.

Александр и на той стороне реки расставил людей, чтобы перехватить дичь, которая будет искать спасение в воде.

Егеря пытались остановить гонца, но тот хлестнул коня и загнал его в Алазани.

«Что-то случилось! Что-то дурное!» — екнуло сердце у Александра. Он знал, что без важной причины никто не посмел бы потревожить его на охоте.

Царь окинул взором окрестность... Много зверья пряталось в этих дремучих и с виду столь мирно шелестящих лесах.

«Так вот и в нашей цветущей Кахети... Сколько тайных опасностей грозит со всех сторон! — подумал Александр. — Что же там такое случилось? Лезгины напали? Нет, не в этом дело — это мелочь...» Ясону Чавчавадзе сообщили из Ирана — и он доложил об этом в свое время царю, — что при дворе шаха недовольны Александром «из-за замирения его с турками...» Это почиталось за измену, и персы не скупились на угрозы... А Горджасп Эндроникашвили передавал почти то же самое из Тбилиси — турки в свою очередь обвиняли кахетинского царя в «тайной приверженности» к Ирану.

И Турция и Иран «в знак верности» настойчиво требовали от Александра заложников. Вот что больше всего ожесточало царя-отца... Зловещей кровавой тенью нависла над ним эта угроза.

От нее бежал Александр из дворца, пытаясь хоть ненадолго забыться на охоте. Но, как видно, по пятам преследует его проклятый этот вопрос! Ведомо отцу — заложников требуют чудовища, которые пожирают мясо царевичей. И еще он знает — ни тому, ни другому чудовищу не собирается он давать заложников. И Александр всячески изворачивается, лавирует между двумя пропастями. Пока еще он не загнан в тупик, как эти животные, что затаились в зарослях.

Пока длится соперничество «барса с рысью», Александр как-то еще ухитряется спасать Кахети и собственных сыновей.

Царь пристально наблюдал за секретарем — тот нерешительно переправлялся через реку вброд (бедняга боялся воды). Тревога и нетерпение обуревали Александра.

— Скорей! — крикнул он гонцу и взмахнул рукой, торопливая его... А главный егерь, которому из засады не видно было брода, истолковал знак царя как приказ начинать охоту. Пришпорив коня, он въехал на пригорок и затрубил в рог.

Со всех сторон отозвались рога.

Тотчас круто повернулся царь, пытаясь задержать охотников, но было поздно... Теперь уже ничто не могло остановить травлю.

Сорвались с места егеря и псари. По котловине понеслись гончие и ищейки. Огласилась гиканьем лесная чаща.

Вскоре заливистый лай и тявканье подсказали Александру, что собаки учуяли дичь.

Там и сям вспорхнули фазаны, с протяжным криком пролетели над засадой, но у Александра было заведено: когда идешь на крупного зверя, на фазана не заглядывайся.

У края котловины в тростниках что-то зашуршало, затрещало. Сперва выбежал волк... Потянув носом воздух, он почуял человека и тотчас метнулся в сторону. Но стрела Александра настигла его, вонзилась хищнику в бок... Зашатался волк, но удержался на ногах и пустился наутек.

— Спустить борзых! — крикнул Александр. Из боковой засады появились гончие. Волк, спасаясь от преследователей, с высокого берега бросился в Алазани.

— Волкодавов!

Огромные псы ринулись с обрыва вслед за зверем. Борьба не на жизнь, а на смерть завязалась в волнах Алазани.

Вдруг на луговой простор лавиной хлынуло целое стадо диких свиней.

Оруженосец подал царю лук и стрелу. Александр натянул тетиву, всадил стрелу вожаку в загривок. Взревел кабан, повернул назад — а за ним и все стадо!

Еще раз пустил стрелу Александр, уже охваченный охотничьим пылом. На этот раз он попал в правую ляжку матерой самки.

— Коня!

Ему подвели быстроногого жеребца... Вот теперь-то и начиналась самая захватывающая часть травли.

С громким гиканьем скакал Шермазан Чолокашвили, пышные усы его развевались, точно фазаний хвост, по ветру. Молча,

сосредоточенно преследовал кабанов Тамаз Вачнадзе. Остальные охотники тоже верхом, гнались за стадом.

В траве то и дело мелькали зайцы, шакалы, лисицы... По пригоркам неслись вскачь косули. Сквозь тростники пробирались дикие свиньи. Появившись точно из-под земли, яркими цветами распускали хвосты фазаны и турачи.

Охрипшие от лая собаки рыскали по колючим кустарникам.

Жеребец Александра, круша, ломая кусты и ветви деревьев, скакал по следу. У крутого, обрывистого яра он опять наткнулся на стадо, а вскоре поравнялся с раненым кабаном. Александр воткнул свинье в бок копье и не смог вытащить — крупный попался зверь. Места тут были ухабистые. Жеребец не рассчитал прыжка и задними ногами провалился в колдобину.

Прежде чем лошадь упала, Александр соскочил с нее и выхватил у подоспевшего оруженосца новое копье... Потом снова вскочил в седло и погнался вдоль берега за убегавшим стадом диких свиней.

Раненого кабана среди них уже не было. Кольцо постепенно сжималось, со всех сторон стадо окружали охотники.

Чье-то копье повалило молодого кабана. Пронзительно завизжал сраженный зверь.

Жеребец рванулся вперед, помчался, унося вперед царя.

Обернувшись назад, Александр заметил по следам, что стадо разделилось. Большая его часть направилась к Алазани. И Александр помчался наперерез сквозь тростниковые заросли.

Царь ликовал — теперь уж добыча не уйдет от него. Он не спешил... Настал миг утоления охотничьей страсти.

Венценосный охотник, не торопясь взялся за копье и, обойдя стадо со стороны реки, вонзил его прямо в грудь самой большой свинье.

Перекувырнулась кабаниха, повалилась под ноги жеребцу. Испуганная лошадь взвилась на дыбы.

— Оруженосец! Копье! — громовым голосом потребовал охотник, но вдруг, оглянувшись, заметил невдалеке гонца-секретаря.

— Что случилось, Саба? — крикнул ему царь рассерженным голосом — охваченному азартом охоты, ему было не до дел, хотя бы и неотложных...

Ни одно его первоначальное предположение не оправдалось.

— Царица занемогла! Худо ей... Кажется, преждевременные роды.

Больше ничего не расслышал царь. Гончие и ищейки с громким лаем пронеслись мимо... Лошадь опять понеслась вдогонку за остатками стада, загнанного в тупик.

У Александра не оказалось под рукой ни копья, ни лука. «Разрешается от бремени? Скоро ли?» — подумал царь, принимая от оруженосца лук и стрелу, потом послал того за гонцом, а сам повернул коня и поехал назад, к засаде.

Охота была отравлена. На душе у царя вдруг стало тяжело.

Когда Александр подъехал к Алазани, заливистые собачьи голоса заставили его оглянуться. По склону горы прямо на него бежала маленькая косуля. Белое пятнышко на ее груди то и дело мелькало среди кустов.

Косулю преследовали собаки, высунув языки и захлебываясь от лая. Быстрее мысли сорвалась стрела с лука охотника, и лишь после этого пронеслась в голове его мысль: «Дочь или сын?»

Маленькую косулю-самочку поднес ему главный егерь.

Около шатра уже была свалена окровавленная добыча. Девять диких свиней, джейран, косуля, олень, дикая кошка... Тут же валялся волк, мокрый, со вздутым брюхом.

Спешился царь, вошел в шатер.

Саба доложил ему обо всем подробно. Домоправитель просил государя поскорей воротиться во дворец. У царицы Мариам начались роды, как полагают, тяжелые.

— Она жива? Не скрывайте от меня! — дрожь прозвучала в голосе Александра.

— В муках рожает... государь!

Александр не стал ждать сбора охотников. Он поблагодарил главного егеря за удачную охоту, звание «Лесного царя» на этот раз пожаловал Тамазу Вачнадзе, который убил оленя...

Царь велел отвезти во дворец первые охотничьи трофеи, и сам с небольшой свитой также поскакал в Греми.

Во дворце царил переполох. Шептались по углам повивальные бабки.

Женщины заполнили комнаты для гостей и покои царицы.

При виде царя все сначала засуетились, потом сразу

притихли. Александр пытался прочесть что-нибудь на лицах придворных, но все при его появлении опускали головы... А сами исподтишка подглядывали за царем: как подействует на него «домашняя беда»?

Насупился Александр, лицо его стало строгим, непроницаемым. Он охотно выгнал бы всех из дворца, но овладел собой и надел на себя маску царственного величия и бесстрастия.

Царь послал за придворным лекарем.

— Роды тяжелые... Мать или дитя... Быть может, встанет выбор...

— Мать! — прервал Александр лекаря и вновь замкнулся в себе.

— Нет... Ныне, кажется, самое страшное позади... Только... — лекарь посмотрел на царя, не решаясь продолжать.

«И этот тоже испытывает мою выдержку!» — лицо Александра приняло еще более непроницаемое выражение.

— Только пока не извольте навещать царицу...

Александр отвернулся, справился о сыновьях.

Они были в зале для игр вместе, с отцом Зосимэ. Дети обрадовались приезду отца. О нездоровье матери они слыхали, но, разумеется, не могли себе даже представить, что ей грозит опасность. С приездом отца для них вновь начались праздник и веселье. Узнав, что привезли охотничью добычу, царевичи тотчас побежали смотреть ее.

Александр остался наедине с Зосимэ.

Долго сидели они оба в молчании. Каждый думал о своем. Александр волновался как никогда, и это его сердило. Значит, тихая и безответная супруга его... мать его детей и царица... заняла столь важное место в его душе и сердце, что ее участь не дает ему подумать о других, казалось бы, не менее тяжких, важных для царства и неотложных делах?..

«Опять личное? Опять семейное? А общее, государственное вон из сердца!» — Глядя на воспитателя, в глубине души укорял себя Александр и волновался еще сильней.

Сердился он и на отца Зосимэ, который сидел тихо, но своим безмолвием говорил столь красноречиво.

«Он, конечно, молча упрекает меня, хотя и кажется внешне спокойным!» Александр знал — ничто не укроется от взора Зосимэ. Уж он-то замечает тщательно скрываемое царем волнение!

О, ему ведь горя мало! Не ведает он ни любви к родному

сыну... Ни страха за будущее детей своих... Не потрясали его страдания супруги-роженицы... Вот так и идет он один по поверхности жизни, от всех требуя справедливости и самопожертвования! Подавления всего личного... Проповедует смирение и высокую добродетель! Так жить легко!

Настроение у Александра окончательно испортилось, вскипел запоздалый гнев: «Как осмелился этот жалкий лекаришка? Запретил мне видеть Мариам... Мне — мою же собственную супругу!»

Вдруг Александр почувствовал, что в левом глазу у него дрожит слеза — вот-вот скатится.

Ну, как вам это нравится! Царь кахетинский! Не сегодня-завтра, быть может, повелитель всей Грузии! Борец против Ирана! Гроза лезгин! И вот — проливает слезы! Да, Александр воочию видит свое малодушие. Баба он, а не мужчина!

Переборов себя, царь отбросил «мелкие помыслы» и обратился к «делам общенародным и государственным».

Он велел позвать Джандиери, спросил, были ли новые лезгинские набеги.

— Ужель опять осмелились? Ужель забыли о возмездии?

— Тремя небольшими отрядами вторглись они в Кахети со стороны Сакорния... Похоже, что явились для мести.

— А ты что предпринял? — хотя царь слушал внимательно и задавал много вопросов, весь этот разговор не задевал его души.

Александр отослал Джандиери, и снова все мысли его были поглощены страданиями роженицы. Лишь бы все обошлось благополучно... Тогда семья пополнится еще одним человеком! Гм! Пополнится ли? А как с заложниками?

— Отче! Заложников от меня требуют... И те, и другие... Какой дашь совет?

Зосимэ вздрогнул. Не ждал он такого вопроса, тем более в столь тревожные минуты. Он сдвинул брови, испытующе посмотрел на своего воспитанника... Но Александр упорно разглядывал свою обувь — на ней еще оставались следы грязи после охоты.

«Да, теперь охота как бы пошла навыворот. Ты уже не охотник, а дичь», — словно кто-то третий думает за Александра Думы неотступно, точно борзые, преследуют его, кусают, рвут на части. Не дают ему роздыха — как отравленному зверю Да разве только думы — и злобные охотники тоже! Вот уж хотят отнять у него детей... Ему расставляют сети, загоняют

его в тупик... Чтобы уничтожить его вместе со всем его гнездовьем...

Неужто у него снова начинается лихорадка? Телавская лихорадка... Тогда он написал письмо — сначала царице Мариам, а потом Зосимэ... Что он с ними сделал? Порвал оба? Жаль! Вот бы сейчас показать отцу Зосимэ... Тогда бы он поверил, что я не просто волнуюсь за роженицу! Что трезвый рассудок и необходимая твердость не изменяют мне даже в эти минуты!

Одного только не может Александр уяснить себе — почему он во что бы то ни стало хочет, чтобы монах считал его таким уж бессердечным? Сейчас он понял, вернее, почувствовал подсознательно, что между ним и Зосимэ все еще продолжается спор по главному вопросу. Вопрос этот объемлет все другие, проклятые вопросы. Здесь, в этом тупике, все: заложники... всегрузинский венец... беды Грузии... тяготы Кахети... обилие врагов... коварство и измена... Все это преследует Александра — или он сам преследует все это? По пятам, как того кабана — сперва стрелу вонзил ему в грудь, потом проткнул копьем... Или как волка — которого сначала сразил из лука, а потом затравил борзыми и утопил в Алазани!.. И он ни за что не отступит, нет!

А Зосимэ все молчал. Это еще больше рассердило царя.

— Как посоветуешь... Которого из них — в заложники?..

Не успел он договорить, как вбежали дети... Ираклий насадил на шапку маленькие джейраньи рожки, а в руках держал клыки... Давид же, завернувшись в волчью шкуру и свирепо рыча, гнался за джейраном... Георгий, вооружившись оленьими рогами, грозил забодать волка.

А маленький Константин, оседлав незашитое еще чучело дикой кошки, гарцевал на нем.

— Отец! — окружили дети Александра. — Какой зверь лучше всех? Которого выбираешь?

Так вот как обернулась охота! Теперь Александр сам загнан в тупик, окружен преследователями — собственными детьми!

— Спросите отца Зосимэ, кого он выберет?

Царевичи обступили старого пастыря.

— Меня выберите, меня! — кричали «зверята» наперебой, с горящими глазами.

Холодный пот выступил на лбу у Зосимэ.

— Вообще... Я ничего не смыслю в зверях и в дичи.

— А в частности? — спросил царь. И язвительно отметил про себя: «Ага, и ты на сей раз взволнован! Всемудрейший!.. Святой старец... И ты? То-то! А как же ты думал?»

Все дети, за исключением малютки Константина, почувствовали, что дело не так просто и речь идет о каком-то другом выборе. Они еще больше расшумелись, повисли на отце и на старце Зосимэ.

— Меня! Меня! Меня выберите!

— И меня! Мау-у-у! — не отставал от старших братьев Константин.

Александр горько усмехнулся и потрепал малыша по шее.

— Ой, какая у тебя холодная рука! — вскричал Константин и хотел было взобраться к отцу на колени... Но Александр внезапно встал и резко отвернулся к окну.

— Значит, так и не скажешь, какого выберешь, отец? — допытывался Ираклий.

— Там видно будет! — не оборачиваясь, ответил царь. — Тише, дети! Вы же знаете, что матушка больна... А вы здесь так расшалились!

Царевичи смутились, сразу угомонились и ушли в другую комнату — все, кроме Константина, который прицепил кошачий хвост к носку отцовского сапога и хохотал в восторге.

— Папа, смотри, смотри... Какой хвостатый!

— Что молчишь, отец Зосимэ? — холодно и многозначительно спросил царь.

— Да тут... Советовать мне не пристало! И как могу я выбрать?!

— Так, стало быть, мне пристало выбирать? Ты ведь всего лишь их наставник... А я — отец! Ну, скажи же, отче! Или не хочешь грех на душу взять? А если я ошибусь, будешь потом меня обличать?

Александр взял на руки маленького Константина.

— Осуждать легко! А вот принять правильное решение... Пожертвовать родным детищем...

У Александра стеснилось дыхание, он спрятал лицо в кудрях ребенка.

Зосимэ, взволнованный, молчал.

— Раз... два... три... четыре... — считал волоски усов дикой кошки мальчик.

— Папа, смотри... У нее пять волосков!

— Пять? — поднял голову царь...

— А у меня пять пальцев. Матушка сказала, мизинчик — самый маленький...

Александр похолодевшей рукой ухватился за мизинец:

— Выбираю пятого...

— Пятого? — осенил себя крестным знамением и отвернул лицо монах.

А Александр с содроганием представил себе муки царицы Мариам, рожающей пятого ребенка... и заложника.

— Да... Пятого! Пятого! — укреплял себя в своем решении Александр, лаская четвертого — Константина. Любого из них так трудно вырвать из сердца... А пятый... пятый то же что мизинец. Да к тому же сердце Александра с самого начала не приняло недоноска...

Это дитя едва не стоило матери жизни, а он, Александр, не даст Мариам к нему привязаться, да и сам не привяжется... К тому же, приверженцев у младенца пока еще нет... Тысячу доводов нашел отец в пользу своего выбора. Никогда враги не смогут использовать этого заложника, как посягателя на престол. Пока младенец вырастет, мощь Кахети возрастет... Да и разве одной Кахети? Александр позаботится об этом. Потом ему и соседи будут уже не столь опасны...

В заключение Александр нашел еще один удивительный довод: «Право, это злой дух явился на свет — еще до своего рождения успел он отравить мне охоту!» Впрочем, последний довод лишь дал ему понять, что все остальные были построены на песке, что все его рассуждения — всего лишь самообман!

И рухнуло здание, лишенное опоры.

— А если родится дочь? — печально спросил Зосимэ.

Александр не сразу понял вопрос.

— Назову ее Нестан-Дареджан... А сына — Ростомом.

И вдруг всплыла в памяти убитая косуля-самочка... Как мастерски он поразил цель! Многие охотники могли бы ему позавидовать. Но когда царь-отец осознал смысл слов пастыря, вдруг отяжелел у него на руках притихший «четвертый», Константин, он чуть не выронил сына... Александр отворил дверь и передал мальчика подбежавшей няньке.

Когда Александр вернулся, самообладание покинуло его, скула нервно подрагивала, левый глаз дергался. «Кажется, начинается лихорадка», — подумал он.

— Жду от тебя совета, отче!.. Многое предстоит нам взвесить... Обдумать...

Нет, никто не может понять его до конца, — никто, кроме той, что переживает сейчас тяжкие муки материнства!

Вновь овладел им какой-то животный страх... Совсем близко, всего за несколько покоев отсюда идет поединок между жизнью и смертью!

Александр рванулся к двери:

— Все-таки я ее повидаю!..

Но как раз в эту минуту дверь отворилась, и вошел лекарь.

— Поздравляю, государь! Царица благополучно разрешилась от бремени! У вас родилась дочь, государь!

— Слава богу! — распрямил спину Александр... — Накрыть стол для гостей! Царице от меня преподнесите косулю... На охоте добытую... Встреченную на счастье. А награда доброму вестнику — за мной! Дайте мне знать, когда можно будет навестить государыню!

Когда лекарь вышел, Александр обернулся к Зосимэ и, ссутулясь, печально проговорил:

— Кажется, я попал в тупик...

Притча о мизинце превращалась в притчу о безымянном пальце.

ГЛАВА XVII

РУБАХА СКОРБИ

Безмолвно шли по незнакомым местам путницы, опираясь на заостренные посохи. Чужая земля одновременно и жгла, и холодила ноги, обутые в каламаны с черными ремешками.

Придорожные села и стада на пастбищах женщины обходили стороной. Ночевали они среди скал, в пещерах, держались поближе к лесам и кустарникам, избегали людей! Страху и лишений натерпелись вдоволь.

В аулах, лепившихся к скалам, мирно играла детвора, хлопотали женщины. Мужчин почти не было видно.

И странницы мало-помалу осмелели. Они перестали обхо-

дить села издалека. Никто не обращал внимания на двух женщин, со скрытыми чадрою лицами, которые ни одеждой, ни поведением не отличались от местных жительниц.

На шестой день путницы вошли в широкое ущелье. Они решили порасспросить местных жителей и потому не стали обходить село.

Плоские кровли лестницей карабкались на скалу.

Две высокие башни стерегли рубеж между небом и теснины.

По ущелью бежал поток. Вдоль него пролегала дорога. Маленькие дома-башенки глядели неприветливо и, как казалось путницам, таили в себе угрозу.

Недалеко от мечети, под скалой стояли тощие березки.

Женщины миновали середину аула.

У самой дороги, по каменному желобу в большой водоем стекала родниковая вода.

Лезгинские женщины толпились у родника — иные набирали воду, а иные, приподняв подол платья так, что видны были разноцветные шаровары, стирали белье. И при этом разговаривали все вместе, — громко и наперебой.

Оказалось, что горские женщины любят посудачить ничуть не меньше, чем их сестры в долине.

Женщины в каламанах с черными ремешками остановились неподалеку.

— Подойдем? — робко спросила Сатино.

— Конечно! До каких пор нам ходить околицами?

— И все расскажем?

— А как же! Они ведь тоже люди... Женщины, как и мы.

Сатино и Сабедо приоткрыли лица и несмело подошли к источнику.

— Мир да ниспошлет вам господь! — запинаясь, проговорила Сатино.

— Салами! — более понятно для лезгинок добавила Сабедо.

Услыхав приветствие на чужом языке, женщины у родника обернулись и замолчали. Они с любопытством разглядывали незнакомок.

Воцарилась тишина. Лишь журчал родник.

Одна из женщин выступила вперед... Прикрыв глаза ладонью и подбоченясь, она осмотрела пришедших с ног до головы.

— Гяур гюрджи?

— Да, мы гюрджи! — кивнула Сабедо, но лезгинка отвернулась, что-то сказав остальным. Женщины зашептались. Все опустили головы и вновь принялись за свои дела. Сатино больно задел такой недружелюбный прием, а Сабедо рассердилась.

— Вы что, не женщины? Души в вас нет? Что носы воротите? Мы к вам пришли, чтобы о муже и сыновьях разузнать... Уж не думаете ли вы, что мы бродяги какие бездомные, а? — не сдавалась Сабедо. Она подошла к роднику.

Молодая женщина, наполнявшая кувшин, преградила ей путь и убрала свою посудину.

— Погоди, молодка! Хоть напои нас водой. — Она положила руку на плечо лезгинки, та резко отстранилась.

— Да постой ты! Чего шарахаешься? Неужто не знаешь, что такое вода?! — И Сабедо взялась за кувшин.

Женщина не препятствовала ей.

Сабедо сперва налила воды на руку, потом влажной рукой провела по лицу, перекрестилась и с жадностью стала пить.

Лезгинские женщины наблюдали за ней и тихонько переговаривались.

Молодая лезгинка взяла из рук Сабедо кувшин, вылила из него воду и трижды ополоснула.

— Ты посмотри на нее! Вот еще... Чумная я, что ли? До чего я дожила! Чтобы мной, грузинской женщиной, басурманка гнушалась! — И Сабедо взглянула на Сатино. У той стояли в глазах слезы... — Поди сюда! Чтоб они лопнули, эти противные злючки! Теперь ты выпей воды!

Одна пожилая женщина поднялась со вздохом и протянула кувшин Сатино. Та выпила, сама вылила воду, наполнила кувшин и с благодарностью вернула его хозяйке.

— Баркат! — ответила лезгинка. Это была первая ласточка мира.

Женщины усадили путниц на бревно, недалеко от водоема, окружили их и завели разговор. Знаки и жесты оказались красноречивее слов. «За горами» — взмах руки... «Оковы на руках и ногах» — понятно без слов.

В самый разгар беседы, когда суть дела уже начала проясняться, раздался конский топот. Молодые лезгинки бросились врассыпную, попрятались за источником. А старухи надвинули платки до самых бровей и отошли в сторону.

«Мужчины едут!» — проведя руками по верхней губе, дали

они понять грузинкам. Пожилая лезгинка схватила их за руки и укрыла за спинами своих односельчанок.

У въезда в аул показались всадники. Довольно большой вооруженный отряд скакал по направлению к горам.

«Может, в Кахети?» — подумали кахетинки.

У кого кувшины были пустые, те опрокинули их, а у кого полные — оставили у дороги, а сами отвернулись.

Безмолвно и угрюмо, без слова привета, проехали мимо верховые. Некоторые попросили воды. Женщины молча, не поднимая взгляда, подали им кувшины.

— Баркат! — и отставшие поскакали вдогонку за остальными.

Точно наседки после налета ястреба, раскудахтались женщины... Посмеявшись тому, как ловко они провели мужчин, лезгинки усадили путешественниц у родника, и немая беседа потекла еще оживленнее...

Вскоре имена Мамуки, Зазы, Сосии, Сатино, Сабедо были уже на устах у лезгинских женщин — так, как имена старых знакомых. А кахетинки успели узнать, какую из горянок зовут Меседо, а какую — Зулейха, Зенаге, Салихат... Лед вражды и недоверия был сломан. Смягчившись сердцем, горянки дружески беседовали с гостьями из долины, давали им советы и наставления, обещали помощь, обнадеживали их...

— Зухра-ханум! — вдруг вскрикнула вдова Зулейха, которая особенно сердечно отнеслась к грузинкам.

Вдова бросила стирку и с тревогой в голосе что-то сказала соседкам.

По дороге шла статная женщина в черном. Она была хороша собой. Но почему при ее появлении все всполошились?

Причина выяснилась незамедлительно. Зухра тотчас распознала чужих, красивые глаза ее сверкнули злобным огнем... Воздев руки к небу, она яростно потрясла кулаками.

— Ках? Ках-иасал?

— Ну да... кахетинки мы! — кивком головы подкрепила свои слова Сабедо.

Зухра схватила камень и замахнулась, но вдова Зулейха остановила ее. Остальные женщины поддержали Зулейху и хором загалдели.

У Сатино опять навернулись слезы на глаза, а Сабедо сама перешла в наступление.

— Разрази тебя гром! Ох, попалась бы ты мне за де-

ревней! Ну что мы тебе сделали, а? С чего ты на нас окрысилась?

На Зухру безмолвные слезы Сатино подействовали больше, чем гневные речи Сабедо. Она выпустила из рук камень и начала громко причитать.

Зулейха поспешно увела кахетинок в свою убогую саклю.

Вечером в доме Зулейхи собрались лезгинки, чтобы сказать женщинам, разыскивающим своих близких, слова надежды и утешения.

Когда над горами поднялась луна, издалека донесся стон, полный безутешной скорби. Кахетинки узнали голос Зухры. Вдруг послышался еще чей-то горестный вопль... Так, усиливаясь и как бы перелетая с кровли на кровлю, плач лезгинских женщин оглашал весь аул.

Кахетинки спросили у хозяйки, что случилось. Долго твердила что-то в ответ Зулейха-ханум, но так и не смогла объяснить смысл обращенных к луне жалоб.

Наконец Сатино догадалась:

— Горе нам! У этих несчастных, должно быть, у кого отца, у кого сына или мужа убили... в нашем краю!

— В Кахети? Так вот почему они на нас с камнями! — И Сабедо, выйдя на крышу сакли, прислушалась к воплям... — Бедняжки! И они вроде нас плачут, убиваются. Ох, сынок ты мой, Сосия!

Она стала тихонько причитать. Потом заплакала громче:

— Неужто и тебя... придется мне так горько оплакивать! Горе тебе, несчастный... Горе мне, бедной матери твоей!

Тут и у Сатино вырвался из груди сдавленный крик.

— Где вы, муж мой и детки мои родимые?.. И по ту, и по эту сторону гор остались вы, сироты горькие, без матери!

Плачущие при луне лезгинские и кахетинские женщины причитали на разный лад, но на общем языке горя...

Два дня пробыли кахетинки в ауле. Ни один мужчина так и не узнал о пребывании женщин из вражеской страны. Это было частным делом женщин.

Сатино и Сабедо прослышали, что не так далеко, в одном из соседних ущелий, содержится в плену молодой кахетинец, привезенный в прошлом году. Приметы его подходили к Сосин. Сабедо отправилась на поиски сына. Путь Сатино лежал еще дальше...

Сочувствуя их горю, лезгинки дали обеим женщинам провожатых.

Что самое неожиданное, попутчицей Сатино оказалась Зухра-ханум, которая рано поутру сама пришла за ней с лошадью и с припасами на дорогу. Она возвращалась в свой аул.

Сатино без колебаний последовала за той, которая хотела забросать камнями «ках-иасалов».

Сатино и Сабедо расцеловались на прощание, условились подавать друг другу вести о себе через вдову Зулейху и пошли каждая своей дорогой.

Зухра ехала верхом, Сатино шла пешком за нею следом.

Долго обе молчали. Одно и то же чувство и объединяло и разделяло их.

После полудня у Сатино лопнул черный ремешок. Она остановилась, чтобы завязать его, потом нагнала спутницу, — но скоро почувствовала усталость и начала отставать.

Зухра спрыгнула с лошади и, невзирая на отказы Сатино, заставила ее сесть в седло. Так по очереди ехали они верхом. К концу дня женщины уже печально и дружелюбно улыбались друг другу.

А под вечер Зухра-ханум привезла свою гостью к дому погибшего мужа.

У старого Абдул-шейха была большая семья. Сам он жил в башне. А четыре живых сына — все женатые — разместились в пристройках, вокруг башни... Старший сын шейха Абубекир, муж Зухры, год назад был убит в битве при Кадори.

Итак, горе у Сатино и Зухры было одинаковой давности.

У Зухры подрастал сын — бойкий мальчуган со слегка раскосыми глазами и пухлыми щеками, года на два постарше Зазы. Вас-Меджиду предстояло отомстить кахетинцам за смерть отца. Висевшие на стене отцовски[illegible] и кинжал принадлежали теперь ему. В предвкушении грядущих кровавых битв подросток сражался пока с крапивой да колючим кустарником...

Хотя Зухра-ханум, старшая невестка, жила в отдельном помещении, жены деверей всегда собирались у нее. Особенно по вторникам и субботам, когда души усопших обычно возвращаются домой, — как учили адат и его воплощение Абдул-шейх.

А сегодня и суббота, и диковинную гостью привезла с собою старшая невестка. Быстро покончив с домашними дела-

ми, невестки пришли к Зухре. Та в первую голову строго-настрого запретила им рассказывать кому бы то ни было, в особенности же мужьям, кто такая ее гостья. Даже Вас-Меджида, который исподлобья поглядывал на незнакомку, мать отослала на ночь к деду. Женщины вымылись, надели на себя длинные рубахи и чистые носки. Гостье принесли такую же одежду.

Сатино почувствовала себя виноватой. Ведь она вошла в дом этих мусульман, обутая в каламаны из кожи жертвенного кабана.

Нет, никто об этом не догадался, но ведь сама-то она знает! И втайне считает это неучтивым по отношению к хозяевам. Тем более теперь, когда они явно выполняют какой-то свой обряд.

Сатино тотчас сбросила с ног каламаны с черными шнурками, сняла с шеи кабаньи клыки, вынесла все это из дома и спрятала под лестницей.

А когда она вернулась в горницу, на полу уже был разостлан большой ковер. В пристройке было приготовлено для Сатино корыто с водой. Она поспешно разделась и с наслаждением окунулась.

Младшая невестка полила ей воды на голову, принесла чем вытереться, потом надела на гостью черную рубаху, а сама удалилась.

Рубаха оказалась настолько длинна, что волочилась по полу. Сатино немного подобрала ее и вошла в комнату.

Женщины, оборотясь к востоку, молились.

Все были в длинных белых рубахах — все, кроме Зухры, одетой, как и гостья, в черную...

«Рубаха скорби!» — поняла кахетинка, и в памяти ее всплыло наставление отца Зосимэ — о «своем боге» и «чужих обычаях». Сатино перекрестилась на восток и встала вместе с другими на молитву, преклонив колени рядом с Зухрой.

После молитвы младшие невестки засуетились.

Они наперебой потчевали гостью.

Тем временем стемнело. Непогода опередила восход луны. В ущелье ворвался студеный ветер с дождем. Женщины засветили плошку, убрали в горнице, вытерли полки на стенах, вынесли в кладовую все, что могло издавать неприятный запах.

«Верно, ждут почетного гостя», — предположила Сатино. Понимай она язык своих хозяев, Зухра-ханум объяснила бы

ей, что душа усопшего не войдет в свое прежнее обиталище, если оно не источает благоухание.

Именно для этого развесили у окна плоды айвы, устлали низенький столик и полки ореховыми листьями.

Пояс и кинжал павшего воина уложили на подстилку и окружили мешочками с благовониями.

Лишь тогда догадалась Сатино, что женщины совершали обряд «возвращения душ».

Невестки расстелили прямо на ковре общую постель. Посередине уложили Зухру и Сатино, а сами улеглись по бокам.

С почтительным вниманием выслушали младшие рассказ старшей невестки. Потом стали наперебой расспрашивать Сатино: та поняла, что они хотят узнать все о ней, о ее судьбе и злоключениях. Лезгинки интересовались, как живут люди по ту сторону гор. Они пытались мысленно представить себе сказочную долину с большими и богатыми городами... Где течет «ширим-су», сладкая река, называемая «Халазан»... Куда уходят их мужчины, чтобы вернуться домой с богатой добычей, а то и вовсе не вернуться, как, например, тот, чью душу в эту ночь ожидают в этом доме...

...И Сатино поведала им все без утайки — и о Мамуке, и о Зазе. И Сиауша не забыла... И доброе семейство Джигаури, и свою подругу по несчастью Сабедо... Рассказала и о святом старце Зосимэ, и о Колченогой Вороне... Даже крестик женщинам показала.

Сатино совсем забыла о том, что слушательницы ее ни слова не понимают по-грузински. Затаив дыхание внимали женщины рассказу гостьи из долины, и незнакомые слова чужого языка обретали в их восприятии какой-то особенно глубокий и таинственный смысл.

Звуки чужой речи всегда оказывают на нас магическое воздействие.

Трижды поднимала в плошке фитиль младшая невестка. Потом она отворила ставню узенького оконца и посмотрела на башню. Там света уже не было. Видно, уснул Абдул-шейх — старейшина рода. Теперь пора было уходить. Верно, заждался ее муж на брачном ложе...

Младшая невестка прикрыла ставню и потихоньку скрылась — с распущенными волосами, в длинной, до пят, рубахе... Остальные последовали ее примеру и поодиночке разошлись.

Остались только две женщины в черных рубахах.

С уходом каждой из счастливых невесток Зухра менялась

в лице. А когда все ушли, она украдкой бросила взгляд на опустевшее ложе и вздрогнула — ей почудилось, будто муж провел по ее груди горячей рукой. Она глухо зарыдала, потом придвинулась поближе к Сатино, укрыла ее своим одеялом и завела с ней долгую тихую беседу.

Настал ее черед рассказывать о своем. Зухра подробно поведала Сатино о доблести своего покойного мужа, о его большой любви... Дрожащей рукой она касалась меча и кинжала, мерцавших при тусклом свете плошки... Упоминала Кахети и Кадори...

Многострадальным сердцем своим Сатино понимала все, на Кадорском перевале она сама видела лезгинские могилы: проходящие мимо кахетинцы с проклятием бросали в них камнями, а лезгины накладывали сверху тех же камней, но только со скорбью и благоговением... И росли каменные холмики над могилами, а в могилах лежали люди по существу одного и того же мира и одинаковой недоли...

На дворе шел дождь, ветер крепчал, а душой Зухры овладевало волнение. Безутешная вдова, не помня себя, обнимала Сатино, прижималась к ней... Потом она начала потихоньку причитать, нежно поглаживая ладонью вещи покойного мужа...

Булачин батана...
Ханджар батана...
Тагур батана...
Мун ватко дида? Войх! Войх![1]

Сатино заплакала навзрыд. Она сейчас оплакивала чужого — но погибшего... Врага, но безвременно ушедшего из жизни человека... Может быть, того самого, кто похитил ее близких?.. Но как не пожалеть погибшего на чужбине? Кто бы он ни был — враг или друг!

Вдруг откуда-то налетел яростный ветер, распахнул ставни, ворвался в дом... Разнес по нему запахи росы и благовоний, погасил плошку...

В горнице повисла тьма, черная, как рубаха скорби.

Ветер своим могучим дыханием овеял испуганных женщин.

— Абубекир! — шептала Зухра, прижимаясь к Сатино. Той тоже показалось, будто не то с кровли, через верхнее оконце,

[1] Твой меч здесь, кинжал здесь, шапка здесь... А где же ты сам?

не то через окно галереи влетел кто-то, прошелестел по постели, сдвинул с места шапку, меч и кинжал...

— Абубекир! — исступленно шептала Зухра...

...Булачин батана...
Ханджар батана...
Тагур батана...
Зухра... батана... Войх! Войх!

ГЛАВА XVIII

ЦЕПЬ СЛОВЕСНАЯ И ЦЕПЬ ЖЕЛЕЗНАЯ

Откуда было знать бедняжке Сатино, что именно в эту ненастную ночь, всего в двух днях пути, ее близкие переживали тяжкие испытания?

Когда пленников доставили на место назначения, Аслан-мурза оказал им снисхождение — вместо того, чтобы посадить их в яму, запер отца с сыном в своей башне, на четвертом этаже.

Это была дань уважения их мастерству. Искусство Мамуки, как переписчика книг, было Аслану-мурзе ни к чему, зато ремесло кожевника он ценил высоко. На всякий случай, чтоб отбить у узников охоту к бегству, Аслан-мурза убрал с четвертого яруса башни обе лестницы — ту, которая вела на крышу, и ту, что вела вниз. Но как-то он вдруг заметил, что Заза преспокойно разгуливает по плоской кровле башни. Привыкший лазить в Греми по крепостным стенам, мальчик без труда поднялся на крышу.

«Как бы не улетел соколенок!» — подумал Аслан-мурза и отправил отца с сыном к кузнецу. Толстой цепью связали вместе отца с сыном: один конец цепи приковали к левой ноге Мамуки, другой — к правой ноге сына.

Мурза остался доволен. Цепь не мешала в работе мастеру-отцу, а подмастерье у Мамуки оказался усердный и неотлучный.

Превосходную, тонкую кожу выделывал Мамука. Сил не

жалел, лишь бы накормить сына досыта, — но перестарался по простоте душевной.

Пленник оказался прибыточный, и Аслан-мурза крепко ухватился за него — слышать не хотел о выкупе, не позволил написать домой и не намеревался его отпускать.

Сперва для себя и своих домашних велел он Мамуке выделать кахетинский опоек — на сапоги и для обтяжки седел. Потом заставил его делать кожи для «пешкеша», похвалялся перед мурзами и шейхами редкостным мастерством своего пленника. И, наконец, стал продавать работы Мамуки на базарах Тарковского княжества и Дербента. Оказавшись с барышом, он «милостиво» перевел отца с сыном на третий ярус и обещал лучше их кормить. Выделал Мамука белый сафьян. Ходжа обтянул им коран и вознес к аллаху молитву о благоденствии Аслана-мурзы. А сам Аслан сделал себе из сафьяна нагрудник для газырей на черкеске.

Еще на один ярус спустил хозяин пленников.

Зима застала отца с сыном уже на первом ярусе башни. Это событие было ускорено тем, что Мамука сварил для жены Аслана-мурзы мыло, наподобие гремского. А очаг был только на первом ярусе. Притом для варки мыла нужен огонь, а огонь «делается» из дров и кизяка, как на смеси татарского, лезгинского и грузинского языков объяснил хозяину Мамука. Тогда Аслан снял с двери замок и днем разрешил пленникам выходить во двор.

А тут пришел к Аслану один торговец-кумык, попросил продать ему опоек и сафьян. У Мамуки же как раз в эту пору нога отекла — не то от цепи, не то от сердечного недуга. Аслан-мурза почесал затылок и велел кузнецу приварить цепь к наручникам. Правая рука отца была теперь прикована к левой руке сына.

— Дай мальчишке хоть немного побегать на просторе! — попросил Мамука и чуть было не испортил все дело. Аслан-мурза заподозрил неладное и не позволил. Но пообещал перековать наручники:

— Тебе, Мамука, для работы больше нужна правая рука...

Сердце сжалось у Мамуки. Ведь если ему наденут наручник на левую, тогда у Зазы будет закована правая рука. Единственной утехи лишится ребенок — ведь он так старательно переписывал «Соцветие слов»...

Тогда Мамука солгал, будто он левша, и попросил оставить ему свободной левую руку.

Лезгины не жалели для выгодных пленников ячменных лепешек и сыра.

Итак, главными бедами были цепь, грязь и блохи.

Воду для питья женщины носили издалека. Кто стал бы тратить ее на мытье?

Тяжко было Мамуке видеть сына в неволе. Он затосковал. Ранним снегом запорошило ему голову и бороду. А Заза подрос, но щеки у него стали бледными. Прикованный к отцовской руке, оторванный от сверстников, лишенный игр и забав, он остепенился, стал деловит. «Соцветие слов» он выучил на память, от начала до конца. И по-лезгински заговорил раньше отца.

У Мамуки частенько, в разгаре работы, застывала рука, невидящий взгляд приковывался к камину.

Зазу это пугало.

— Отец! — дергал за цепь сын. — Что значит это слово? — спрашивал он, водя пальцем свободной руки по странице книги, с которой никогда не расставался.

— Что, сынок? Какое слово?

— Соплеменник.

Мамука, разгадав невинную хитрость сына, все же терпеливо давал ему объяснения.

— Люди одного племени, из одного края — соплеменники... Родичи по крови и земле...

— Так, значит, если нам тут кахетинец или арагвинец встретится, то он наш соплеменник? — нарочито затягивал беседу Заза.

— Соплеменник наш, сынок, — любой грузин! Только упаси нас бог увидеть соплеменника в неволе! — При этих словах Мамука выглянул в открытую дверь. Вдали протянулся цепью, сверкающей белизной, величавый Кавкасиони.

— А если купца Мирвана... Он тоже соплеменник? — опять прибегал к помощи цепи Заза.

— Нет, сынок! Он вовсе не соплеменник наш, а тайный лазутчик врага!

Тут Заза тоже поворачивал голову, и взор его приковывался к белоснежному Кавкасиони. Все помыслы обоих были устремлены туда, за горы. Но пока еще было мало надежды на то, что мечты сбудутся. Это лучше чувствовал отец, чем сын.

Кто положит предел надеждам юнца? Крушение надежд приходит с возрастом...

Закончив трудовой день, отец с сыном усаживались рядышком у коптилки. С ними было «Соцветие слов» — их духовная пища, родное прибежище, бережно принесенное на чужбину.

По незримым тропинкам слов пленники быстрее ласточек переносились через горы, к берегам Алазани... «Дорога», «очаг», «гумно», «виноградник», «книга», «родина»... Толкование каждого слова звучало для узников, как молитва... А из цепи слов создавалась, вставала в воображении как бы вторая родина, родина их мечты.

— Отец! Сколь велика, оказывается, сила слова, — дивился Заза. — Да ведь это не просто «Соцветие слов», а вся Грузия перед нами!

— Еще бы! Я тоже осознал это лишь теперь глазами и сердцем узника...

Каждое прочитанное слово как бы имело внутри и снаружи по девять зеркал, и отражениям их не было числа...

Произносишь, к примеру, слово «семья»... И перед глазами встает балкон с недостающими столбиками, посеревшая дверная рама; стол и полки, заваленные рукописями. Обкусанные Зазой гусиные перья... А в спальне — Сатино со слезами на глазах... Колыбель Сиауша... Нет, малыш, наверно, уже ползает по ковру...

А Мамуке при этом слове приходит на память оставленный в стенном шкафу тощий кошелек, опустевшая кладовая. «Как там мои горемычные? По миру пошли?»

А произнесешь слово «колокол», и взору открывается Гремн...

Город, раскинувшийся у подножия колокольни звонаря Фило... Наверху «колоколом» возвышается Круглый замок... Кварталы ремесленников звенят «бубенчиками». Торговые ряды... Колокольчики на шеях верблюдов позвякивают вокруг караван-сарая...

До поздней ночи засиживались пленники над «задушевной Грузией», черпая в ней надежду, утешение.

Так «цепь словесная» единоборствовала с «цепью железной», с неволей, с одиночеством на чужбине.

Отец с сыном до того привыкли все время быть вместе, вместе трудиться, мечтать, спать и бодрствовать, что, несмотря на разницу в возрасте, любой из них без труда мог продолжить мысль другого, угадать каждое его желание...

Однако весной все изменилось. Полное единодушие было нарушено.

Потоки, рожденные талыми снегами, принесли тревогу в жилище пленников.

Общая цепь теперь нередко лязгала непонятно для обоих. В душах отца и сына теперь уже не было единства стремлений.

Однажды лезгины повели пленников в ближний лес нарвать ягод и веток желтинника для дубления кожи. Заза был вне себя от радости... Мальчик скакал козленком, резвился, обнимал деревья и кусты, хлестал себя молодыми листьями по лбу, по глазам... Собирал незрелые плоды дымчатки... А увидеть ранний гриб было для него настоящим праздником. Зато ночью, во сне, он расплакался и не унимался, пока отец не разбудил его.

— Что случилось, сынок?

— Ничего...

Как-то сводили пленников на реку. Они разделись догола, с наслаждением искупались, выстирали свою одежду.

Заза весело плескался в «Алазани».

Чуть не сорвался с цепи. И отца увлек за собой в стремнину.

— Куда течет эта река?

— Эх, дитятко! Прочь от Грузии... к морю... Кажется, зовут его лезгины Аштарханским... А персы — Гурганским.

На этот раз ночью Заза разбудил отца, который во сне громко стонал и метался. С тех пор лишился сна Мамука. Бывало, положит руку под голову и до утра глаз не сомкнет. А днем вдруг засыпает. Он стал вялым, постоянно чувствовал усталость. Теперь уже редко сидели отец и сын за книгой — предпочитали в одиночку перебирать слова и невеселые мысли.

Цепь железная одолевала «цепь словесную»!

Однажды Заза обнаружил в «Соцветии слов» какие-то пометки, сделанные рукой отца. Возле некоторых слов стояли двойные черточки, «птички» в виде ласточкиного хвоста. Мальчик в недоумении посмотрел на отца. Тот спал тяжелым сном. Закрытые глаза, казалось, запали еще глубже. На лбу от забот и напряженных дум вздулась синяя жилка.

Заза прочел на лице спящего глубокую тоску и вздрогнул.

Он вдруг представил, что остался без отца... Мальчуган снова стал вглядываться в отцовские пометки... Перелистывать книгу... Размышлять...

На первый взгляд, как будто ничего общего не было между помеченными словами, и в то же время все они невольно нанизывались одно на другое, словно звенья единой цепи. Поэтому Заза начал с буквы «а»...

«Азати» — вольный, не раб... Не крепостной... «Значит, и не пленник?!» — подумал Заза. Влажный палец передвинулся пониже...

«Аштархан» — большой торговый город, там, где река Волга-Итил впадает в Гурганское море...

«Да ведь и эта здешняя река тоже течет в Аштарханское море?» — Заза вспомнил слова отца. Мальчик перелистывал книгу в поисках отцовских знаков.

«Бандули» — горские каламаны с плетеной подошвой.

«Гуда» — кожаный мешок для съестных припасов и других надобностей.

Буквы «д» и «е» — без единой пометки. И дальше... на «к» помечено: «Квеси» — огниво, рождающее пламя...

«А для огнива нужен трут».

Заза почувствовал внутреннюю связь между словами. Но он не стал забегать вперед, а продолжал терпеливо просматривать лист за листом. Словно идя по следу зайца-догадки.

«Матара» — кожаная фляжка... — Опять ускользал «заяц».

«Марили» — соль... След терялся...

«Набади» — войлок, бурка, укрывающая от непогоды... Ага, вот он, след!

«Нузли» — дорожные припасы. Тут уж совсем ясно разглядел Заза след, и у него самого, точно у зайчишки, сильно забилось сердце!..

А когда дошел он до слова «сабели» — веревка, косой, казалось, уже трепыхался у него в руках.

«Сулак» — река, образованная слиянием двух других — Андийской и Аварской Койсу — впадает в море Гурганское.

Сын больше не вдумывался в скрытый смысл отмеченных слов.

Он понял отцовский замысел... И встрепенулся от радости...

Понял чутьем, подсказанным ему общностью чаяний.

И Заза сам начал отмечать нужные слова.

Но теперь цепь как бы перевернулась... От вещей, необходимых для того дела, мысль переносилась к словам.

«Тали» — кремень, камень для высекания искр... Это слово, как Заза и ожидал, было отмечено. Тогда он перескочил вперед и поставил «птичку» возле слова «ханджари» — клинок

смертоносный. Мечта подхватила его, понесла на своих крыльях. Мальчик поспешно листал книгу...

Попалось на глаза слово «Моско» — прочитал: «Город и царство северное... Обитатели — руссы, равнинные жители, христиане...» Отметил и это слово...

Умчавшись вдаль на скакуне своей мечты, Заза даже замахнулся «плетью»... Железо заскрежетало...

— Цепь? — мальчик уже воображал себя на свободе, а цепь напомнила ему о печальной действительности...

«Что-то я забыл! Что-то нужное дозарезу», — Заза смотрел на свой железный наручник, рассеянно перелистывал книгу...

«Напильник», — вдруг выпорхнуло откуда-то слово. Мальчик едва не вскрикнул...

Тотчас пометил это слово — да не двойной, а тройной черточкой. Обернулся к отцу. Мамука лежал с открытыми глазами, глядя в окно... Словно картина в раме, на фоне небесной лазури четко выделялась зубчатая линия ослепительно белого Кавкасиони.

— Ох, как трудно! Туда нельзя... По пятам... Может, вниз, к равнине?.. — шепотом разговаривал сам с собой Мамука.

Долго прислушивался к его шепоту Заза. Потом прилег рядом с ним.

— Папа! — тихонько окликнул он отца. Но Мамука не услышал.

— А ну-ка, сынок, поищи слово «Терек»...

— Нет его, отец... Я уже искал...

— Что искал?

— «Терек»... и «Русс»... Отдельно их нет... А вот «Сулак» и «Моско»... Эти есть... Вот!

Мальчик раскрыл книгу. Мамука приподнялся на локтях.

Цепь удавом навалилась на книгу. Мамука с ненавистью ее отбросил и прочел отчеркнутое место. Потом принялся искать другое слово и наткнулся на «напильник».

— Это ты пометил? — отец порывисто обнял притихшего мальчика... — Эх, сынок... И тебе пришлось хлебнуть горя. Ты уже не дитя... — Он указал в сторону Кавкасиони: — Туда не возможно... А вниз трудновато... Да и далеко... Дорога незнакомая... Но если повезет...

«Повезет?!» Заза только сейчас вспомнил одну важную новость, о которой прослышал краем уха:

— Сын Аслана-мурзы нынче говорил другому мальчику, что Аслан собирается в поход на Терек и гостинцы ему оттуда привезет.

С этого дня отец с сыном стали втайне готовиться к побегу.

«Цепь словесная» с новой силой вступила в единоборство с цепью железной!

Мамука сломал нож для выделки кожи и под этим предлогом отпросился к кузнецу. А здесь Заза, после долгой борьбы с самим собой, краснея от стыда, украл старый напильник.

Неделю спустя Аслан-мурза повел воинов в поход на Терек, для набега на рубежи Российского царства.

Менее строгим стал надзор за пленниками.

Лишь по вечерам проверял цепь подслеповатый конюх Кара-Беко.

Запертая дверь башни не была препятствием, так как петли к ней были приделаны изнутри.

Отец и сын дожидались безлунных ночей.

Вновь раскрыли они «Соцветие слов». По нему Мамука высчитал, когда луна будет на ущербе. Выходило — через пять дней. На этот день они и наметили побег. Однако два дня спустя погода вдруг прочно испортилась, и пленники решили не медлить. В тот же вечер, когда в покоях Аслана-мурзы погас свет, они собрались в путь.

Мамука сложил в кожаный мешок все нехитрые свои пожитки и взвалил его себе на спину, а сверху накинул бурку. На то, чтобы распилить цепь, понадобилось бы по крайней мере дня два. Но время не терпело.

Зазе отец вручил топор и словарь:

— Береги, сынок! На них вся наша надежда!

Заза спрятал книгу на грудь, за пазухой.

«Цепь словесная» вступала в решительную схватку с цепью железной!

Мамука и Заза сняли дверь с петель.

— Ну, да поможет нам господь!

Мамука перекрестился и ступил в темноту. Заза шел следом за отцом.

Косой холодный дождь хлестал по лицам путников. Они низко нагнули головы и в кромешной тьме пересекли двор усадьбы Аслана-мурзы.

Где-то залаяла собака, но и ей, должно быть, не хотелось вылезать из своей конуры в этакое ненастье.

Когда беглецы спустились к реке, Мамука заколебался: «Вверх, в горы — или вниз?.. Пусть решает мост!»

Где-то поблизости должен быть мост, ведущий в горы, к Кавкасиони.

Но мост оказался снесенным. Река вздулась от дождя, перейти ее вброд нечего было и думать.

Мамука махнул рукой и пошел вниз по течению.

Вскоре отец с сыном достигли ущелья Койсу.

Здесь стоял страшный грохот. Раскаты грома сменялись шумом обвалов, буйные потоки несли вырванные с корнем деревья, катили огромные каменные глыбы. Дождь то хлестал, то лил как из ведра. Размытые дороги превратились в потоки. Отец с сыном, промокшие до нитки, шагали вниз по ущелью. Они спешили уйти подальше, пока не распогодилось.

На этот раз ненастье оказалось союзником беглецов.

Скованные одной цепью, они шли рядом, но во мраке едва различали друг друга... Больше ощущали...

Чем более сгущалась тьма, тем чаще спотыкался Мамука. Раза два он чуть было не свалился в реку. Сердце у него колотилось от волнения и быстрой ходьбы.

Шли они, не разбирая дороги, не остерегаясь ни потоков, ни обвалов... Лишь бы поскорей добраться до моста! За-за то повисал на руке у отца, то, наоборот, сам помогал оступившемуся Мамуке.

Перед мостом путники оказались неожиданно, уже совсем выбившись из сил.

Слева из ущелья с ревом мчалась Андийская Койсу. Над теснинoй со скалы на скалу был перекинут шаткий горбатый мостик без перил.

Не доверяя даже цепи, отец с сыном рука об руку перешли через мост. Вскоре показался какой-то спящий аул. Мамука доверился судьбе и, низко нагнув голову, двинулся вперед через него. Миновав последние сакли, он вздохнул свободно.

Путники едва держались на ногах, но об отдыхе и не помышляли. Едва они останавливались, чтобы дух перевести, как сквозь шум и ненастье им слышался топот погони. И беглецы сразу ускоряли шаг. Так они брели до утра.

На их счастье дорога все время шла под гору. Рассвет застал отца и сына на тропинке, сбегавшей к подножию ска-

лы. Когда мгла рассеялась, они увидели перед собой большую реку, привольно катившую вдаль свои волны.

— Наверно, Сулак! — предположил Мамука.

Когда тропинка достигла лесной чащи, заросшей кустами ежевики, путники свернули в сторону, выбрали укромное место и прилегли на траву. Страшная усталость сковывала все тело. Но отец с сыном жадно вдыхали «привольный» запах мокрой травы. А Заза даже полакомился ежевикой.

Надо бы перепилить кандалы, но на веках усталых людей словно повисли свинцовые гири.

Проснулись беглецы поздно. Отвыкшие от ходьбы ноги плохо их слушались.

Одолеть кандалы оказалось нелегким делом. Напильник был старый и стертый, а наручник — широкий, кованый!

Мамука стал пилить первое звено цепи. Вскоре он выбился из сил, а бороздка, проведенная напильником, была едва заметна.

Тогда Заза сменил отца. Немного погодя обоих опять сморил сон. Проснулись они уже под вечер. Немного перекусили подмокшим хлебом и сыром — дождь просочился даже под бурку. Тем временем спустилась ночь, и беглецы предпочли двинуться дальше, чем без толку пилить кандалы.

Дорога вела через лес... Ливень прекратился, и лишь изредка моросил мелкий дождик.

Путники шли теперь более уверенно. О погоне думали уже мельком. Зато цепь страшно отяжелела и мешала в ходьбе. Около полуночи Мамука и Заза оказались на распутье. Дорога здесь разделялась на две: одна шла дальше по левому берегу Сулака, другая сворачивала на длинный мост, сложенный из бревен.

Мамука, поразмыслив, решил идти через мост. На том берегу реки начинался подъем в гору. К рассвету беглецы достигли перевала. Здесь они решили отдохнуть, в ожидании восхода солнца. Чтобы выбрать верное направление, надо было посмотреть с горы...

Все вокруг тонуло в густом тумане. Они были в пихтовом лесу. Веял прохладный ветерок, от запаха хвои утомленным путникам дышалось привольно.

Мамука снова взялся за напильник.

«Совсем затупился, окаянный! — думал он, с силой налегая на него. Когда пилил Заза, след от напильника был гораздо слабее — силенок мальчику не хватало.

Между тем северный ветер разогнал туман, и солнце внезапно ударило Зазе в глаза.

— Что это? — воскликнул мальчик, схватив отца за руку.

Мамука повернулся и замер в изумлении.

Солнце всходило над серебряным зеркалом. Тысячами цветов переливались гладь зеркала и склоненный над ним небосвод.

— Море! — догадался Мамука, который когда-то бывал в Баку.

— Значит, это и есть дорога в княжество Тарковское!

Заза глядел, как зачарованный, ничего не слыша...

Солнце, между тем, оторвалось от зеркальной поверхности воды, заблестевшей золотом... Потом зеркало стало бирюзовым, лазурным.

— Это вода?! Столько воды? Берегов не видать! Море-то, вижу, побольше Алазани!

Из словаря он знал: «Море — вместилище множества рек...» Но знать — это одно, а видеть — другое...

Мамука мысленно проложил дальнейший свой путь, а потом лег и скоро уснул.

Зазе же было не до сна. Он не сводил глаз с морского простора, и у него кружилась голова. Под конец мальчиком овладело одно желание... Хоть бы побывать на берегу моря!.. Совсем близко, дотронуться рукой, набрать воды в пригоршню...

Вдруг он услышал какой-то шум. Заза юркнул в кусты и выглянул оттуда на дорогу... Со стороны Сулака скакали всадники.

Когда они поднялись на пригорок, Заза обмер.

Впереди ехал конюх Кара-Беко! Заза потянул цепь. Мамука тотчас встрепенулся. Он прижал к себе сына, как бы пытаясь прикрыть его своим телом.

Верховые промчались всего в нескольких шагах от затаившихся беглецов, по направлению к Тарки.

— Слава богу, опасность миновала! Теперь — назад! И через реку.

Отец с сыном пошли напрямик, срезая дорогу, и скоро уже были у моста. Однако на мосту они увидели стражу.

Беглецы свернули в сторону и пошли по еле заметной стежке на правом берегу Сулака.

Вдогонку раздались выстрелы, послышались крики.

— Приметил нас, окаянный! — простонал Мамука. Долго

бежали отец с сыном по тропе, потом свернули в сторону и спрятались в зарослях у реки.

— Напильник! — И Мамука что было сил налег на первое звено цепи, примыкавшее к наручнику Зазы.

Оставалось распилить совсем немного...

— Погоня! — вверху на тропинке Заза разглядел всадников. К счастью, преследователи пронеслись мимо.

— Кара-Беко среди них нет! Наверно, и те скоро возвратятся! — сказал Мамука, снова поспешно хватаясь за напильник!.. Наконец он перепилил звено с одной стороны. Тогда он поддел его уголком топора, что было сил вывернул и рассек цепь, хоть и оставив синяк на запястье у Зазы.

— Ух! — облегченно вздохнул отец, когда конец цепи со звоном упал на землю. На руке у Зазы остался только наручник, зато у Мамуки — вся цепь... К сожалению, он не был левшой... И левой рукой никак не мог сладить с напильником...

Тогда за напильник взялся Заза... А издали уже доносился лай собак.

— Мы пропали! Сейчас собаки нас учуют!

Заза продолжал пилить, но скоро выбился из сил и заплакал.

— Не надо, сынок! Ну, что ж поделаешь...

— Не берет напильник! Нисколько не берет... — рыдал мальчик, но слезы, хоть и самые горячие, не могут расплавить железо оков...

Лай все приближался.

— За мной, сынок, наше спасение на том берегу!

Мамука намотал цепь себе на руку и спрыгнул на прибрежную гальку. На берегу громоздились бревна. Мамука стащил в воду большую колоду и, обернувшись к сыну, крикнул:

— Скорей, садись на нее верхом!.. И держись за нее покрепче. — Мамука вонзил топор в колоду, привязал к ней сверху сумку и бурку... Отяжелевшей рукой, с обмотанной вокруг нее цепью, перекрестился и подтолкнул колоду.

Волна тотчас подхватила ее, закружила, захлестнула, обдала Зазе лицо брызгами. Заза отвернулся... И увидел, как подбежавшие к берегу собаки рычали, оскалив зубы, ощерив кровожадные пасти. Шум реки заглушал их свирепый лай.

Едва переводя дух, Заза заметил у своих ног вцепившуюся в колоду отцовскую руку. Вода то и дело покрывала пловца с головой. Шапки на нем уже не было. Редкие седые во-

лосы на темени слиплись. В шею, неловко изогнутую, вцепилась тысячью зубов яростная волна.

Колоду несло течением все дальше.

Заза поглядел на противоположный берег — далеко... Сулак, пожалуй, пошире Алазани. И течение в нем гораздо быстрее. Но мальчику совсем не было страшно. На Алазани он научился хорошо плавать... Словно алазанского буйвола, оседлал Заза колоду. Вдруг впереди возникла зазубренная, как хребет дракона, скала. С обеих сторон над ней нависали отвесные кручи.

Мамука, отчаянно рассекая волны левой рукой, тяжело отдувался... Колоду стремительно затянуло в быстрину. Кругом кипела пена. Волна, вздыбясь и взмахнув гривой, ринулась вниз со скалистой крутизны.

Колода встала, как живая, во весь рост, а потом полетела кувырком в пенный водоворот, скрылась под водой.

Заза изрядно нахлебался воды, пока, изловчась, не выплыл на поверхность... Он провел рукой по лицу, перевел дух... Сердце у него подступило к самому горлу... Волна чуть не утащила Зазу в пучину. Он едва удержался на поверхности. Течение подхватило, помчало его.

Когда Заза понял, что страшное место осталось позади, он тревожно огляделся... Однако кругом, кроме бурлящей пены, ничего не было...

Ни колоды... ни отца... Волны не давали ему поразмыслить... Они сами неслись быстрее мысли...

Понатужившись, мальчик поплыл саженками наискось, поперек течения... Вдруг посредине реки он увидел распластанную черную бурку...

— Отец! — вырвался из его груди сдавленный крик... Но волна тотчас зажала мальчику рот.

А река уносила Зазу все дальше... Долго боролся он с быстрым течением, потом выбился из сил и отдался на волю волн. Всплывая на поверхность, он жадно хватал воздух — и ртом, и носом, и даже, кажется, руками.

Наконец волна прибила его к скалистому берегу. Заза нащупал рукой камень, но тело у него страшно отяжелело, никак не удавалось выбраться из воды. Тихие струи увлекли мальчика вниз по течению и вынесли на илистый берег.

Ощутив под ногами дно, Заза подтянулся вперед, отползая подальше от кромки воды. Встать у него не хватало сил...

Мальчик никак не мог отдышаться. Он хватал пригоршня-

ми ил. Вода, которой он наглотался, распирала ему грудь, в широко раскрытых глазах все еще мелькали пенные валы.

Стукнувшись подбородком о камень, Заза прикусил себе язык, и от боли очнулся. Набежавшая волна лизнула ему ноги и заставила вскочить...

Перед ним, сверкая в лучах солнца, несся стремительный Сулак. У Зазы зарябило в глазах. В пестрой этой быстрине ему померещилась вздыбленная колода.

— Отец! — хрипло, надрывно крикнул он, взбегая на холм... Нигде ни души...

Отчаяние удвоило силы Зазы.

— Отец! — исступленно звал мальчик. Спотыкаясь и падая, он бежал вдоль берега Сулака.

Никто не откликнулся на его зов, — только шумела чужая, полноводная река, катившая свои высокие волны среди каменных громад.

ГЛАВА XIX

ЯД ПОДОЗРЕНИЯ

Царское семейство часто проводило лето в Телави, но этой весной царевич Давид жаловался на боли в суставах, да и царица Мариам что-то все хворала после тяжелых родов, и поэтому Александр отправил своих домашних на Торгвайские горячие источники, сам же остался в Греми.

Правда, чудовищ, которые требовали заложников, он вновь сумел подкупить. Золотом и ценными дарами, хитростью и посулами набил прожорливую пасть обоих насильников. И все же Александр был неспокоен... Он ведь отлично знал, что насытить врага так же невозможно, как остановить время. И Александр был все время настороже.

Он переселился в отцовский верхний дворец, откуда Греми был виден как на ладони.

В Круглом замке царила прохлада. Здесь в знойные дни дышалось гораздо легче, чем в нижнем, Большом, дворце.

Были и еще привлекательные стороны у Верхнего дворца. Часто, очень часто для Александра расстилали на плоской крыше крепости пушистый ковер. Это была высшая точка Круглого замка. И царь полулежа оглядывал с орлиной этой высоты прекраснейшую и богатейшую Алазанскую долину — жемчужину его владений.

Так и сейчас — перед ним раскинулась просторная долина — вид, с детства знакомый и близкий сердцу, но всякий раз по-новому пленяющий душу.

Алазанская долина залита солнцем.

Широкая, раздольная, простерлась она от Борбало до Гомбори, и дальше, насколько хватает глаз, пестрея ухоженными виноградниками и спелыми нивами, точно полосатая шкура тигра.

Среди тенистых рощ струится неиссякающим серебряным потоком дивная река Алазани... По краям долины, накрывшись шапками лесов, дремлют горные цепи, опьяненные солнечным зноем... Повыше виднеются сенокосы и пастбища. А еще выше, под самым небом, хрустальные вершины водят свой белый праздничный хоровод...

В ущельях, среди виноградников, стайками серых куропаток притаились многочисленные деревушки... Тут и там сверкают венчающие их золотые церковные купола и кресты.

А у самого подножия горы, на которой стоит Круглый замок, деловито, как улей, роится, хлопочет многолюдный и красивый город.

— И подумать только — этот рай принадлежит мне... И не только этот... Но только мой! — любил повторять Александр, преисполняясь при этом гордостью... Гордостью и подозрениями... А сегодня как раз день подозрений и дурного расположения духа... В последнее время приходят из Картли «несомненно сомнительные» вести...

— Подозрительность — удел царей... И недуг! — вспоминаются Александру слова отца Зосимэ. Вновь и вновь ворошит царь свои мысли и убеждается, что подозрения его не лишены оснований... Правда, он уже семь лет единовластно правит Кахети. Врагов и соперников у него почти не осталось. Кто убит, кто побежден и сломлен... Сводный брат Кайхосро надежно упрятан в темницу... Самых опасных внешних врагов пока что удается утихомирить без большого для себя ущерба. Подозрение, однако, прочно укрепилось в душе, точно рыбья кость стала поперек горла. С тех пор как воротился из

Ирана «полузять». царь картлийский Симон, потерял покой Александр. То и дело бросает он подозрительные взоры на Гомборский перевал.

А подозрение влечет за собой зависть.

Чувство соперничества Александр обычно прикрывал общенародными или государственными соображениями:

— Ведь, в конце концов, кто-нибудь должен объединить Картли и Кахети — либо я, либо он! Нет, разумеется, не вместе, а один или другой, но кто одолеет? Кто из нас двоих возьмет верх?

Из Ирана Александр получил недвусмысленное донесение — будто царю Симону в случае победы над турками обещана в награду Кахети.

«Быть может, потому и уступили мне в вопросе о заложниках? Выдают меня с головой другому — вместе с заложниками и со всей моей страной!»

На почве старых обид обильно взошла жгучая крапива новых подозрений... Из-за этой крапивы «общегрузинские горести» старца Зосимэ показались кахетинскому царю не столь уж важными.

Картли, хоть и побеждена, но не захвачена врагом. Аскеры Лала-паши бдительно охраняют Метехи, Нарикалу, Горийскую крепость, но Александр отлично сознает, что хозяин Картли — все-таки царь Симон, который вот уже третий год подряд ведет упорную борьбу против турецкой империи... И турецкие гарнизоны, в сущности, скорее пленники, чем хозяева занимаемых ими крепостей... А страна не сломлена, и борьба в ней продолжается.

Побежденного царя Симона Александр боялся больше, чем его победителей-турок!

А этот общий большой страх порождал другие мелкие страхи и подозрения. «Ныне и арагвский эристав, верно, завязывает тайные сношения с Картли!» И Александр сразу вскипел:

— Знаю, знаю — кое-кто из кахетинских князей присягнул на верность Симону! Во мраке, исподтишка, плетут против меня сети! Что ж, пусть остерегутся вероломные — на студеном Цив-Гомбори оледенеют те, что заглядывают на ту сторону.

Так с болью и тоской угрожал изменникам государь, и окружающая красота теряла все свое очарование...

В состоянии раздражения царь совершал поступки непоследовательные и поспешные. И тогда благое влияние на не-

го оказывал один лишь старец Зосимэ. Советы же других обычно только еще больше портили дело.

Даже Давид Джандиери, хоть и был правой рукой царя, а предпочитал в таких случаях помалкивать и ловко обходил острые углы.

Наверное, он и на этот раз не впустил бы к царю лазутчика с закутанным лицом... Но, на беду, Джандиери не оказалось во дворце, а домоправитель немедля доложил государю о приходе неизвестного. Да еще многозначительно добавил:

— Ничего не говорит о своем деле пришелец, одному государю кахетинскому обещает все открыть.

Царь велел привести лазутчика и, едва взглянув на него, тотчас отослал всех. Это был Гурген из Дигоми, сторож летнего дворца Симона и тайный соглядатай кахетинского властителя.

— Что случилось? — брюзгливо спросил Александр.

— Симон, царь Картли... С царицею и небольшой свитой пребывает в Дигоми... ожидает войска! — согнувшись в низком поклоне, шепотом доложил царю Гурген.

Александр поднял голову.

— И куда он собирается в поход? Какие слухи?

— Говорят, на ваши владения, государь. Потому я и поспешил к вам, — набивал цену своему сообщению лазутчик.

— Гм! Вот как?! — Александр устремил взор на далекий Гомбори; у него нервно задергалось веко. — Все подбирается к Кахети мой свойственник?

— Да, государь! Должно быть, так, — угодливо поддакнул лазутчик — ему это было выгодно.

Александр размышлял вслух, постепенно впадая в ярость, забыв обо всем на свете.

— Уж не задумал ли царь Симон вызволить из темницы своего шурина?!

Злосчастный узник вспомнился ему в этот день уже во второй раз.

— Ходит такая молва! — подобострастно кивал соглядатай.

— Однажды уже воздал я должное под крепостью Торгвы моим врагам. Ничего другого пусть не ожидают они и впредь.

Кровь бросилась Александру в голову. В порыве ярости он всегда действовал сгоряча: блеснет, как молния, мысль, и тотчас же прогремит гром.

Внезапно родился у него новый замысел.

— Говоришь, еще не подошло войско?

— Нет, государь! Во дворце с царем только свита...

— Твердо знаешь? Сам видал? — допытывался царь.

— Да, государь, своими собственными глазами.

— Смотри, не обмани! Если попаду впросак... — Александр угрожающе согнул указательный палец, точно коготь хищной птицы.

— Воля ваша, государь! А я обоими глазами видал... обоими... — лазутчик поперхнулся слюной...

— Если же мои расчеты оправдаются и я захвачу в свои руки...

Гурген навострил уши — речь, кажется, пошла о награде... Ради нее он рисковал головой и ждал поистине царского вознаграждения. Но царь перестал думать вслух...

...Если захватить царя Картли... Кто же еще тогда осмелится протянуть руку к его, Александра, владениям?.. Он вновь загляделся на Алазани, которая серебрилась вдали, среди зелени. Но мысль его незримыми путями вдруг перенеслась на Куру... «А тогда, пожалуй... Не одна лишь Кахети... Но и Картли!..»

— Не бренной славы ради, а во имя объединения царств грузинских! — тут он призвал на помощь излюбленные слова отца Зосимэ.

«В тот раз не вышло! А теперь, кажется, час объединения пробил!»

Однако в глубине души Александр чувствовал — личное и пристрастное начало преобладает в его помыслах... У него хватило мужества признать это.

«Меня не щадят — и я не буду щадить!» И тут же, внезапно, Александр решил никому более не поверять своих мыслей... Ни с кем не совещаться... Он ведь заранее знает: тысячи доводов выставят против него — разумных и неразумных... Отец Зосимэ не преминет пристыдить царя, начнет поучения и проповеди... Да и Ясон Чавчавадзе станет ему подпевать... Объявят, что благосостояние Кахети завоевано ценой самоотверженной борьбы Картли...

А Давид Джандиери проглотит язык. Прикажу, так пойдет за мной, а нет — сочтет за лучшее умыть руки.

Остальные тоже опустят головы. «Втайне недовольные, а то и вероломные князья, бывшие эриставы... Исподтишка они нет-нет да и поглядывают в сторону Цив-Гомбори».

Подозрения и страх все плели свои зловещие тенета... Он должен решать все сам, один... Покончить с опасностью — окончательно и бесповоротно... И безотлагательно... Довольно примеряться — надо, наконец, раз навсегда отрубить. Нечего пережевывать да медлить — тут глотать надо, глотать живьем! Вот так... Как застрявшую в горле кость! Пусть даже кровавый след после этого останется... И не очень-то добродетельный привкус...

Что проглочено — переварено! Потом всякий скажет, что плод был зрелый и достался Александру по праву!

Царь встал и, опершись на зубчатую стену, посмотрел вниз, на город... Но ничего не увидел... Ибо зрение ему застилали мысли. Долгое время стоял он задумавшись, потом вдруг вспомнил о лазутчике из Дигоми... В нем-то и была причина, непосредственная причина этого волнения и, быть может, рокового шага...

Царь пошевелил застывшими пальцами и заставил обостренную, точно клинок, мысль окончательно разрубить гордиев узел.

— Солгал — в петлю угодишь, удачу принесешь — в князья пожалую, — сказал он соглядатаю. А потом окликнул стражу и велел запереть лазутчика в башню: «Мой замок надежней его языка!»

Долго еще расхаживал Александр по кровле. Пытаясь унять волнение, раза два принимался считать шаги...

От Зосимэ он слыхал: погорячишься — сосчитай до ста и успокоишься... И вот теперь в одну сторону выходило десять шагов, а в обратную — тринадцать.

Да и мысли никак не укладывались.

Память у Александра была отличная, и если ему надо было подкрепить свое мнение, он сразу припоминал самую выгодную для себя часть какого-нибудь чужого высказывания, когда-либо прочитанного или слышанного.

«Так было исстари в многоединой Грузии. Главный очаг страны с течением времени перемещался. Стоило погаснуть очагу в одном месте, как тотчас возвышался другой край земли грузинской, где сохранялись сила и богатство, умелые предводители и государственная мысль... возвышался во славу всей Грузии».

В этом мудрец должен усмотреть великий закон... И сделать выводы!

И вот выгодные для себя выгоды кахетинский государь со-

бирался претворить в жизнь. На этот раз он слово в слово повторял проповедь отца Зосимэ...

Грузинские войска поведет он — царь Кахети! И не пощадит того, кто станет ему поперек дороги! Он будет душой и телом новой, многоединой Грузии!

Правда, Зосимэ обычно добавлял: «Венценосец венценосцу рознь — лишь тот, в ком счастливо сочетаются ум, доблесть и добродетель, вознесется в сиянии славы».

Вот тут-то Александр и спотыкался... А обладает ли он всеми этими достоинствами? Он был не слишком самоуверен... Но и чрезмерной скромностью не страдал. «Высокая добродетель — это, конечно, прекрасно. Но ведь покушаются на мой трон», — вновь начинала закручиваться пружина подозрений.

И опять Александр извлекал из кладезя премудрости отца Зосимэ то, что ему было выгодно. «Чем искать золотой мост, человек со здравым смыслом предпочтет перейти реку вброд!» И Александр перейдет вброд... То, чего три года назад, после возвращения царя Симона, не могли решить все сообща, открыто и гласно, теперь один Александр решит тайно, одним смелым ударом!

— Кончено — решено!

У сводчатой двери он обернулся и, приблизив лицо к отверстию в стене, крикнул в трубу, проведенную в служебные помещения дворца: «Джандиери приехал?»

Джандиери, уже прибывший из города, тотчас явился.

Александр назначил на следующий день смотр войскам стрелков и царской гвардии.

— Так скоро? Всех сразу не собрать... — замялся в удивлении Джандиери. — Быть может, изволите отложить на воскресенье?

— Завтра поутру! Тех, кого найдешь. Хоть пять сотен... Я сам проверю их боевую готовность. Созови отборных воинов. Снаряженных, как на войну!

— Провиант не понадобится, государь? — осторожно осведомился Давид.

— Нет.

Во дворце поднялся переполох. Внезапный смотр не предвещал ничего хорошего. Царский приказ связали с посещением неизвестного, — тем более, что никто не видел его выходящим из замка.

Пошли толки и пересуды.

А царь никого не допускал к себе.

Домоправитель повидался с Зосимэ, поделился с ним своими опасениями.

Старец постучался в дверь царских покоев. Ко всеобщему удивлению, и его не принял государь. Назначил ему свидание на следующее утро... А сам под покровом ночи уехал с небольшой свитой в Телави, приказав Давиду Джандиери явиться туда поутру с войском. Вестника из Дигоми царь прихватил с собой.

Когда же Джандиери с пятьюстами воинов достиг к полудню Телави, он никого там уже не застал... Войску велено было догнать государя в Уджарме. И еще узнал начальник царских телохранителей, что полководец Шермазан Чолокашвили сопровождает царя Александра. А Шермазан славился в Кахети искусством ведения малых войн.

Тут только стал догадываться Давид о смысле происходящего.

«Ужели — на Арагви? Но против кого? Нугзар как будто верен нам... Хотя бы для виду! Да и с Картли у нас, кажется, мир и лад? На турок с таким малочисленным войском мы, конечно, не ударим...» — размышлял озадаченный Джандиери, гарцуя на коне впереди войска.

Одно только знал он наверняка — и в Уджарме не нагнать войско государя.

На перевале моросил мелкий дождь.

Угрюмый Гомбори тонул в сумеречной мгле, наползающей из ущелий.

Безлунная ночь застала воинов на подходе к Уджарме.

У крепости Горгасали встретил их гонец. Да еще с десяток конных проводников из Уджармы, оставленных Александром. Они не дали ратникам даже сделать привал, чтобы передохнуть.

Лишь на рассвете увидел Джандиери перед собой в лесу огни.

Здесь дожидался войска царь. С ним было четыре десятка всадников.

В огромных чанах над кострами варилось мясо, на ветвях дуба висели бараньи туши.

Войско разбило лагерь тут же в лесу. Всем строго-настрого запрещалось выходить за пределы лагеря. Царь сам проверил посты.

Лошадей собрали в одно место и приставили к ним стражу.

— Глядите в оба, люди добрые!.. Уж не угодили ли мы в

плен к врагу? — балагурили всадники без лошадей. Воины по мере сил бодрились, но веселого было мало... Куда они идут, крадучись, точно воры? И что им понадобилось на самом рубеже Картли?

После ужина Джандиери вновь попытался проникнуть к царю, но напрасно — тот уединился в шатре и никого не допускал к себе.

Целый день кахетинцы не двигались с места... Александр сам проверял боевую готовность ратников. Все делалось в полной тишине. Войско накормили досыта, но холодной пищей. Днем костров не жгли — царь приказал их погасить, чтобы дым не выдал пребывания воинов в пограничном лесу.

Джандиери повидался с Шермазаном с глазу на глаз. Полководец пожал плечами, взъерошил бороду и усы. Такая у него была привычка, когда он попадал в затруднительное положение.

— Неслыханное дело! — говорил он. — Не похоже ни на войну, ни на охоту! Уж не уподобились ли мы лезгинам? — Шермазан удивленно покосился на царский шатер: — Не пойму... Если он нам не доверяет — зачем взял с собой, а если доверяет, почему не объяснит, в чем дело?

Усам и бороде Шермазана в этот день порядком досталось.

ГЛАВА XX

ПОЗОРНЫЕ ТРОФЕИ

Под вечер в лагерь явился лазутчик. Джандиери сам привел его к царю.

Александр допросил лазутчика в присутствии Джандиери.

— Побывал в Тбилиси?

— Так точно, государь! Царя Симона нет в городе!

— Где же он?

— В Дигоми, говорят...

Вслед за первым лазутчиком появился другой. Джандиери узнал Гургена из Дигоми. Сердце его почуяло недоброе.

— Царь Симон с супругой по-прежнему в летнем дворце, — доложил Гурген Александру.

— Он там с войском?

— Я видел в Дигоми лишь малочисленную свиту. Не сегодня-завтра, говорят, должны подойти полки из Внутренней Картли.

Александр, отпустив лазутчика, вопросительно посмотрел на Джандиери:

— Понял?

— Ничего не понял, государь!

Александр догадался, что Давиду не по душе его замысел. Он поднял одну бровь, другая сама собой нахмурилась. Глаза гневно блеснули.

— Прежде ты был проницателен! Что ж, быть может, Шермазан окажется понятливей.

Джандиери чувствовал, как гнев постепенно овладевал Александром. Вступать сейчас с ним в пререкания было опасно.

— Приказывайте, государь! Я готов служить вам, — Давид склонил голову. Но он знал, что и этого недостаточно... Предупреждая взрыв царского гнева, Джандиери приподнял полог шатра и громко крикнул:

— Все на коней!

В лагере поднялась тревога. Давид помедлил у входа в шатер... А между тем и у государя немного отлегло от сердца. Все приготовления Александр взял на себя... Слова никому не молвил... Даже от Шермазана прятал глаза — прошел мимо него молча, точно дулся на него. И тут Давид понял, зачем был нужен царю второй полководец.

Когда Джандиери вернулся в шатер, государь кахетинский молился... Александр не мог побороть волнение, когда он крестился, рука его дрожала.

Джандиери хотел неслышно удалиться, но Александр вдруг схватил его за плечи, притянул к себе лицо Давида.

— Озолочу тебя! Сделаю своим везирем! Лишь бы только захватить царя с царицей... Войска с ними нет... Застигнем их врасплох... Говорил же Зосимэ о единстве Картли и Кахети... Вот и случай. Знамение божье!..

Все это Александр выговорил задыхаясь, прерывистым шепотом.

Джандиери отнюдь не был «белоручкой». Напротив, назидания отца Зосимэ и призывы его к «высокой нравственности» казались Давиду подчас наивными и слишком уж «неземными». Он сам для успеха важного дела не гнушался порой и сомнительных средств...

Но в нынешнем деле речь шла о сестре самого государя! Джандиери же претила вражда между братом и сестрой... А самое главное, захватить в руки царя Симона вовсе еще не значило овладеть Картли... Зато это несомненно означало турецкое засилье... И крушение передового бастиона грузинской свободы.

— Ночью нагрянем... Захватим в плен! Никуда от нас не уйдут! Это же большое общенародное дело... И без всяких жертв... Почти без жертв... Сейчас с ними только свита... А не сегодня-завтра подойдет большое войско... — вдруг сообразил он, что это-то и есть главный довод... — И знаешь, зачем? На нас войной идут... Да, на нас! Теперь вопрос стоит так: я или он! — скороговоркой убеждал не то Давида, не то самого себя Александр.

И настолько завладела им навязчивая мысль, что он едва заметил молчание собеседника.

— Ну, говори! Как ты думаешь?

— Как прикажете, государь... Я буду служить вам верой и правдой! — громко ответил Джандиери и опять, предваряя взрыв царского гнева, приподнял полог шатра...

Сотники доложили государю, что войско готово выступить.

Мимо Тбилиси сотни прошли незамеченными. И незадолго до полуночи взмыленные кони кахетинцев мчались по Дигомской равнине.

Джандиери не отходил от царя ни на шаг.

Зато «запасной» полководец Шермазан нехотя плелся в самом хвосте войска.

Давид, в точности придерживаясь намеченного направления, обошел Дигоми, перерезав дороги, ведущие к Тбилиси и к Мцхета.

На западе вздымались голые скалы, с севера раскинулись сады и огороды, а дальше за ними был каменистый берег Куры.

Когда кахетинцы подъехали к деревне, там и сям залаяли собаки. Александр вздрогнул, придержал коня, подозвал к се-

бе Джандиери. В темноте заглянул ему в глаза и сдавленным голосом спросил:

— Может быть, не стоит? Не воротиться ли назад?

Давид хорошо знал своего господина. Он угадал в словах царя ловушку — Александр испытывал его. Тень сомнения — и его первого прикажет бросить в темницу грозный властитель. А от своего замысла не откажется.

— Мы у летнего дворца, нас заметят! Ждем приказа, государь!

— Ну, ступай! Я за тобой, напролом! — До слуха изумленного Джандиери донеслось насмешливое хихиканье... Но размышлять было некогда, и он подозвал к себе сотников:

— Не выпускайте из деревни ни одного человека: кто б это ни был — крестьянин, князь или сам царь с царицей!

— Награжу по-царски! — отрывисто бросил Александр, и тут только впервые ясно, ощутимо понял, что сейчас прольется кровь... И, главное, кровь не вражеская...

— Народу зла не причинять! Тоже ведь грузины... — задумчиво добавил царь и скомандовал: «Вперед!»

Воины пришпорили коней. Джандиери скакал впереди. За ночными гостями с громким лаем неслись деревенские дворняги...

— Эй, кто там? — окликнули с крепостной стены, и возле самого уха Джандиери прожужжала пуля.

В летнем дворце погас свет. Стража открыла огонь по неизвестным.

Ратники верхом на конях ворвались в ворота усадьбы. Другие спешились и, отстреливаясь, залегли снаружи, за изгородями и заборами.

В деревенских проулках, во дворах и на плоских крышах домов завязался бой.

В темноте все смешалось. Одно лишь было ясно — каждый воин кричал по-грузински, каждый раненый по-грузински стонал.

Во дворе царской усадьбы кахетинцы замешкались. Здесь стояло много крытых арб, двор не простреливался и было трудно пробираться вперед... И вот, правое крыло кахетинского войска в темноте схватилось с левым...

С трудом уладил Джандиери это недоразумение.

— Скорей! За мной! — крикнул, выпрыгнув из седла, Александр. Оруженосец хотел посветить ему, но кахетинский царь

замахал на него руками — он предпочитал пока оставаться в тени.

Главный вход в летний дворец оказался запертым изнутри... А снаружи, на верхней площадке лестницы, ничком лежал тяжело раненный воин.

— Допросить! — указал на него Александр и сам нагнулся к нему.

Джандиери перевернул раненого на спину, осветил его лицо.

Ворот его рубахи был пропитан кровью. Тяжелое, хриплое дыхание вырывалось из его горла. Раненый едва открыл глаза...

— Братец! Царь с царицею здесь? — спросил Джандиери.

— Братец? — мутным взглядом окинул раненый нагнувшихся к нему людей, пристально посмотрел на царя Александра и приподнялся: — Тьфу, ты... А я-то принял вас за грабителей-лезгин!.. Чтоб вам... — раненый не договорил — кровь хлынула у него горлом.

Александр пошатнулся, спрятался в тень... И пока не убрали умирающего с лестничной площадки, кахетинский царь не мог сдвинуться с места: все тело его оцепенело и покрылось холодным потом.

Когда взламывали дверь, лазутчик Гурген доложил, что видел в конюшне лошадей царя и царицы.

— Копьеносцам окружить усадьбу! — опьяненный удачей, Александр ворвался во дворец.

Проходы были завалены стульями, столами и иной мебелью.

Копьеносцы расчистили путь царю.

У дверей опочивальни царя и царицы Джандиери отступил в сторону:

— А это уж не в моих правах, государь!

Александр выхватил у оруженосца копье и ударил им в дверь.

Дверь бесшумно отворилась. За нею горел свет.

— Сдавайтесь! — Александр с криком ворвался в опочивальню.

Но никто не отозвался.

Расшитый шелковый полог скрывал царское ложе.

Александр копьем сорвал полог и ступил вперед.

На постели никого не оказалось. От неожиданности Александр застыл на месте, глазам своим не веря.

Он окинул взглядом опочивальню.

Небольшой покой был облицован голубовато-зеленоватыми изразцами. Под расшитым золотом пологом с бахромой стояла неубранная, покинутая в спешке, широкая постель. Рядом с нею, на резном кресле лежали накидка из дорогого меха и другая одежда... Вот, даже бархатные туфельки без задников стоят возле ложа... А самих не видно!

Александр обернулся.

В дверях стоял с опущенной головой Джандиери.

До сознания Александра только сейчас дошло, что на ложе в самом деле никого нет!

— Где же они? Здесь должны быть! — И разъяренный преследователь, ударив копьем по постели, подбросил атласное покрывало... Потом проткнул разложенную на кресле одежду... Насадил на острие копья бледно-кизиловые шейдиши[1].

«Это сестрины!» — где-то в глубине сердца он почувствовал укол. Но гнев душил Александра, и он прохрипел:

— Они тут! Никуда им от нас не уйти!

Он распахнул окно. Внизу во дворе толпились копейщики. Изредка доносились откуда-то отдельные выстрелы.

— Обыскать все вокруг!.. Живо!.. В награду — княжество! Они здесь! Вот знак!.. — и копье с насаженной на него постыдной добычей полетело в них.

Кто-то подхватил копье, высоко поднял его.

До самого утра кахетинские ратники рыскали по деревне, обшарили каждый ее уголок. Но царя с царицей так и не удалось найти. Лишь на рассвете заметили они переправившуюся через полноводную Куру группу всадников... Среди них была и женщина.

Александр выместил свою злобу на летнем дворце царя Картли, приказал спалить его, оставил сопернику лишь дымящиеся развалины.

Кахетинцы спозаранку поскакали назад. Войско уходило в мрачном молчании. То там, то здесь слышался негромкий ропот недовольства и осуждения...

На окраине деревни царь обернулся. На копье у одного из всадников развевался какой-то необычный надутый ветром стяг. Бледно-кизиловый цвет его о чем-то напомнил царю, но он не мог собраться с мыслями... В моменты сильного душевного волнения всегда трудно было Александру восстанавли-

[1] Шейдиши — женские шаровары (груз.).

вать в памяти пережитое. Нет, он не терялся — просто слабела память, не могла угнаться за быстрой сменой впечатлений.

— Что это за тряпка болтается там на копье? — грубо спросил он Давида.

— Добыча, государь!.. Из опочивальни, — сдавленным голосом, запинаясь, ответил Давид и отвел глаза.

Александр покраснел до кончиков ушей.

— Пусть снимет! — Государь кахетинский в сердцах пришпорил коня и вырвался было вперед... Но вдруг натянул поводья и поднял скакуна на дыбы.

— Видишь вон то дерево? — кивком указал вдаль Александр подъехавшему к нему Джандиери. — Вздернуть на нем змия-искусителя!.. Соглядатая окаянного!

Больше не оглядывался назад царь Александр.

Воины же, пока не миновали Дигомскую равнину, нет-нет да оглядывались на бездыханное тело Гургена из Дигоми, болтавшееся на суку одинокого дерева.

ГЛАВА XXI

МУДРОСТЬ ОСИНОВЫХ ЛИСТЬЕВ

В Марткоби кахетинцы сделали привал. Здесь догнал их гонец от царя Симона. Горькое послание велел передать царю кахетинскому его зять...

«Что ты плохой родич и неверный друг — это не новость... Но и враждовать, оказывается, ты не умеешь! Яко тать в нощи напал ты на нас — разве подобает такое царю, да к тому же царю из рода Багратиони? Быть может, ты продал совесть туркам или утопил ее в Алазани?.. Почто кахетинцев позоришь? Теперь жди нас и встречай — мы придем среди бела дня!»

Быстро пробежал глазами письмо Александр. Во второй раз читать не лежало сердце... Лицо его застыло, уподобилось высеченному из мрамора. Он попросил воды — ему подали.

— Что это за гадость? Холодной воды!

Мигом принесли царю новой, из источника... Но и на этот раз не притронулся к воде царь.

Она показалась царю теплой, кислой и даже горькой. Его знобило.

Царь оставил у себя кувшин и отослал всех из шатра. Он всей душой рвался прочь от этих мест. Уйти, бежать — как будто ничего не было...

Правда не на его стороне... Нет больше правды... Если бы он победил, то был бы прав, а ныне... Александр стыдился неудачи... И самого замысла стыдился, но в этом даже себе не решался признаться и еще более ожесточился. «Эх, если бы я захватил его в плен!» А теперь тяжким бременем придавило его сознание неправоты и неудачи.

Мысль Александра все кружила над обескровленными трупами, над источенными скелетами былых надежд, и в свете их рассматривал плачевное положение, в которое попал.

На древко копья насажено его собственное сердце, а не та постыдная добыча. И как с таким сердцем продолжать борьбу? А если не бороться... Как позволить себе уйти, бежать «средь бела дня»?.. А если даже уйти, разве тот не явится к нему на Алазани? Сам-то Александр дошел ведь до Куры?!

...Неудачи по пятам преследовали побежденных.

Лазутчики донесли кахетинскому государю, что все краткие пути, ведущие в Кахети, перерезаны картлийцами.

Вновь созвал совет Александр.

Ему надо было оправдаться... Хотя бы перед подчиненными... Он нуждался в сочувствии — хотя бы даже лицемерном, неискреннем...

Князья, моуравы и сотники, находившиеся при войске, собрались у царя.

Но когда Александр обвел взором присутствующих, он понял, что все оправдания напрасны... Он предпочел не распространяться. И уж, конечно, не стал читать письмо царя Симона...

— Враг угрожает нам... Какой дадите совет? — холодно спросил царь.

Все молчали. Долгому и тяжелому молчанию не было конца...

— Ну, что скажете? — вскинул голову Александр. Взгляд его, острый, как копье, вонзился в Шермазана Чолокашвили, сидевшего у входа в шатер.

Не намеренно, а совершенно случайно остановил Алек-

сандр взгляд на нем. Быть может, потому, что полководец сидел у выхода... У выхода из шатра, к которому так рвалась потрясенная душа царя.

— Гм! Что скажу? — Шермазан поддел рукой бороду, откашлялся, окинул взглядом мужей совета. Ни один не поднял глаз. — Сейчас доложу! — полководец погладил пышные усы, словно желая упрятать в них ответ.

Речь его оказалась весьма краткой:

— Прошлой ночью неуместен был наш приход... А сейчас уход кажется мне неуместным!

Остальные безмолвно с ним согласились.

— Тогда приступайте к делу... Шермазан Чолокашвили поведет войско в сражение!

Когда все вышли, царь остановил Джандиери:

— Я буду здесь — в шатре. Моих копьеносцев поставь у входа. Да и сам далеко не уходи... Где бы меня ни увидел, следуй за мной! Понял?

На этот раз даже проницательный Джандиери не уразумел, куда клонит царь... Он охотно сложил с себя обязанности командующего, уступив их Шермазану Чолокашвили.

— Гм! Милостив ко мне государь, когда запутаются дела... — пробормотал Шермазан и скрепя сердце приступил к построению войска...

Стрелков он укрыл в засаде за поворотом дороги, в осиннике. Всадников разделил на два отряда, которые расположил в лощинах по соседству. У въезда в Марткоби разместил еще два запасных отряда.

Ждать пришлось недолго.

Картлийцы неслись напрямик, развернутым строем, слегка заворачивая вправо. Ряды копьеносцев в доспехах выгнулись дугой. Ни стрел не метали, ни из пищалей не палили.

Смотрел Шермазан на наступающих, и в сердце у него не было вражды. Но как же тогда сражаться отважному воину? Он стал искать повод для озлобления. Искал, но под рукой, кроме длинных усов, ничего ощутимого не оказалось. А когда передовые картлийские всадники грянули грузинское «ваша!», совсем растерялся Шермазан...

Картлийцы выступали с подветренной стороны, и их боевой клич тотчас доносился до кахетинских заслонов.

...Нет, не лежала душа к бою у военачальника. И вместо того, чтобы взяться за саблю, он снова и снова хватался за длинный ус...

— До чего же легок бег их коней! Славно обучил свое войско царь Симон!

Шермазан совсем позабыл о том, что наверху, в шатре сидит его повелитель, грозный, мрачнее тучи. Не ощущал он и присутствия царской свиты — вельможи стояли со стыдливо потупленными головами... Даже свое собственное войско полководец потерял из виду... Сердце у него замерло... Он уже не отличал врагов от друзей...

Засевшие в осиннике кахетинцы преждевременно открыли огонь. Сперва раздался стройный залп, потом пальба стала сбивчивой, неровной.

— Эх, рано начали! — не то с сожалением, не то без сожаления воскликнул, опомнившись вдруг Шермазан и поскакал к осиннику.

Ветер швырнул ему в лицо окутанные дымом листья. Один из них прилип ко лбу, — и мелькнула в голове мысль: «Эх! не про этих отливали мы наши пули!»

Но когда военачальник заметил по краям дороги груды свежих осиновых листьев, он не на шутку удивился...

— Господи, что это за ранний листопад?! — И Шермазан посмотрел вверх.

Словно множество рук обрывало листву и ветки с высоких осин... Серебристо-зеленые листья вихрем кружились в пороховом дыму и опускались на землю...

А наступающие все гнали коней вперед, и ряды их не расстраивались.

Бывалый воин безошибочным чутьем понял — ни одного человека не потерял противник. Ни одна кахетинская пуля не попала в цель. Картлийцы быстро приближались.

Кахетинские всадники, затаившиеся в засаде, еще не натянули поводьев... Стрелки продолжали стрелять из осинника... А осиновые листья все падали и падали...

У кахетинского военачальника отлегло от сердца. Он поглубже уселся в седле, смахнул со лба пот и вместе с ним — загадочный листок, но не бросил его...

Битву Шермазан считал законченной. Он подъехал к Джандиери, вручил ему осиновый лист... Показал на оголенные деревья и послал Давида к царю...

— Доложи государю, сколь премудры осиновые листья!

Копьеносцы не преградили путь Давиду Джандиери у шатра.

Да и в шатре никого не оказалось.

Давид вскочил в седло и въехал на пригорок. Здесь он придержал коня и огляделся. Вдали без оглядки мчались по ущелью на восток всадники. Отблески солнца сверкали на остриях копий. Джандиери узнал копьеносцев — телохранителей кахетинского царя... И вспомнил царский наказ. Лишь сейчас он постиг его тайный смысл: надо было уходить подобру-поздорову. Давид хлестнул плетью своего скакуна и пустился вслед за обращенным в бегство господином.

ГЛАВА XXII

ПРИЗРАК СМЕРТИ

Еще из Уджармы разослал Александр гонцов с приказанием моуравам набрать новое войско и держать его наготове. Гонцов он выбрал из тех уджармцев, до которых не дошла еще весть о его неудачах в Дигоми и Марткоби. К тому же строго-настрого предупредил всех, что за лишнее слово будет наказывать отсечением языка.

Своих личных копьеносцев, невольных свидетелей его поражения, царь оставил в Уджармской крепости, а с собою в Телави прихватил воинов из крепостного гарнизона. В Телави он снова сделал замену: в Греми за государем последовали уже телавские ратники. До поры до времени, казалось, он обрубил ноги неотступной молве... Джандиери Александр оставил при себе, зная, что тот умеет держать язык за зубами.

По приезде в Греми кахетинский государь заперся в церкви Цхракара, выстроенной еще покойной царицей Тинатин, и долго молился перед материнской иконой божьей матери. Он не призвал к себе ни придворного священника, ни отца Зосимэ.

Во дворце воцарилось смятение.

Князья и чиновники перешептывались по углам, боязливо прикрывая рот рукой. Шептуны измышляли самые разные небылицы и тотчас же сами начинали в них верить.

Царя никто не решался расспрашивать. А из Джандиери не могли вытянуть ни слова. Лишь о военных приготовлениях было объявлено всем и каждому. Слухи распространились и по городу, правда сплеталась с вымыслом. На постоялых дворах, в торговых рядах стало еще шумней. А купцы побогаче уже начинали припрятывать золото и серебро. Меньше работали ремесленники — все галдели на базарных площадях. Цены на рынке повысились.

Матери и жены гремских воинов, поднявшись на городские стены, поджидали своих, негромко причитая.

Зосимэ дважды пробовал повидаться с царем. Он один имел право переступать порог государевой опочивальни. Но на этот раз старика не впустили к царю.

В коридоре он столкнулся с Джандиери.

Недолюбливал старец Зосимэ «тюремщика». Но он сознавал, что этот «чиновник по тайным делам» был совершенно необходим и глубоко предан Александру. Вот почему между ними с самого же начала сложились холодные, деловые отношения.

— За что над нами немилость? — спросил его при встрече Зосимэ, даже не поздоровавшись, и прошел в дворцовую церковь.

— Плохи дела, святой отец! Больше ни о чем меня не спрашивайте. Говорить мне запрещено. Да вам, наверно, сам государь все откроет! Только пока не извольте входить к государю. Чувствую заранее — немилость на себя навлечете. Пусть уляжется обида... Авось на душе у него полегчает, — многозначительно ответил Джандиери.

Печально и недоверчиво смотрел инок на собеседника.

— Так, значит, еще может... понадобиться жертва для облегчения души?

— Вам лучше знать государя, отче!

Джандиери не договорил — срочно призывал его к себе Александр. То и дело посылал за ним царь кахетинский.

Александр все еще бушевал.

Никак не мог он обрести вновь душевное равновесие.

— На меня теперь нападет Симон! Сюда нагрянет! Я бы на его месте поступил именно так. Или я, или он — это ведь и ему понятно! Или я, или он, — и вдруг Александр вспомнил о «третьем», о своем первом сопернике и сводном брате Кайхосро, заточенном в темницу.

С каких уж пор государь не справлялся об узнике!

Если бы не отец Зосимэ, с самого начала не о ком было бы и спрашивать.

«Нет... Если б не было на свете «третьего», даже поражение на войне не лишило бы меня кахетинского престола», — против воли зародилась у Александра мысль, пустила недобрые корни...

Правда, мысль была недостаточно четкой, но все-таки заставила заглянуть в заветный тайник. Что-то Александр искал, пока еще неопределенное, но определенно необходимое. Искал, но сразу не нашел... Это его испугало, еще более обострило его мысль и заставило разворошить тайник до дна...

Здесь, в тайнике, хранились: завещание отца, материнский перстень с алмазом и ядом, небольшой образок, тайная переписка, царские печати разных времен... Но то, чего он искал, Александр не находил. Это еще больше рассердило и без того раздраженного государя.

— Что это значит? Где же ключи?

Он перевернул в тайнике все вверх дном и, наконец, под образком нащупал ржавые ключи от оков Кайхосро «Торгвайского». Однако сжигавшая его злоба не остывала.

— Раз и навсегда!

Александр с шумом захлопнул тайник и послал за Джандиери.

— Еще жив? — спросил он вошедшего.

— Кто, государь?

Александр бросил ключи на стол.

— Да, жив, — медленно взвешивая сказанное, отвечал Давид. Он-то отлично знал, что означал такой оборот беседы, и не спешил брать ключи.

— Ну, и хватит, — бросил царь слово, точно ржавые ключи.

Джандиери посмотрел на царя долгим взглядом. Хотел было он напомнить государю о просьбе, о трудах и заботах отца Зосимэ, но Александр опередил его:

— Я сказал, довольно!

Джандиери взял ключи.

— Голову вам доставить? — спросил он как бы у ключей.

Острием кинжала полоснуло Александра по сердцу ужасное видение задуманного.

— Нет! Да!.. — прохрипел царь. — Ни да... Ни нет! Там видно будет! — Он почувствовал, что стал сам себе противен. Еще с минуту царь колебался, а потом решил: — Завтра по-

утру! Он сам — понял? Сам! Только помогите ему, если не захочет! Понял?

И Александр отвернулся.

Зосимэ смутно догадывался о том, что произошло. Он поспешил к себе в келью и стал на молитву.

«Ужели единение и союз Картли и Кахети вновь под угрозой? — горестно размышлял он. — Ужели вновь не хватило духовной чистоты и благородства моему питомцу? Хоть бы узнать наверняка — какая над ним беда... Что предпринять?»

На руках у отца Зосимэ вырос и возмужал Александр. Казалось бы, тайные его помыслы должны быть у наставника как на ладони... И он лучше всех знал — наряду со многими добродетелями немало темного, мрачного таится в омуте царской души. От него можно ожидать чего угодно, если вдруг сорвутся выпестованные воспитанием нравственные устои.

Болезнь века, ядовитым цветом расцветшая на недоброй почве безвременья, рисовалась отцу Зосимэ чудовищем о трех головах, и эти три головы были: нравственное падение, незрелость, притупление нравственного чувства. И по твердому убеждению проницательного, но ожесточившегося сердца монаха эта болезнь века грозила опасностью всем грузинам — от венценосных властителей до босоногих пастухов. Вот почему всегда был начеку пастырь, наблюдая за действиями своего щедро одаренного от природы, но необузданного царственного питомца.

С тяжелым сердцем вернулся старец к себе в келью, но и тут ему не сиделось.

Вспомнил он своего нового ученика — узника Кайхосро. А когда потянулась нить мысли, он внезапно вздрогнул:

— Если кахетинского царя постигла в Картли какая-то неудача... Ужель захочет он выместить злобу на Кайхосро?

И тут же вспомнилось отцу Зосимэ, что сегодня собирался исповедовать своего ученика. Старик заторопился, взял с собой крест и епитрахиль.

У входа в темницу монаха остановили. Обычно открывали ему сразу. А сейчас не отперли, пока не вышел Джандиери.

— Мы ждем тебя, святой отец! Ты ведь не пробудешь долго у заключенного?

— Нет, вот только приму исповедь...

— Только?! А может и... — как бы между прочим, спросил Джандиери и проводил пастыря в каземат. Зосимэ хорошо знал

обычай Джандиери — каждое слово его имело скрытый смысл. Он ответил уклончиво:

— Причастить успею и завтра.

— Да будет на то воля божья! — И Давид осенил себя крестом широким, как его богатырские плечи.

Ни ответ, ни это мрачное крестное знамение не пришлись по душе монаху.

«К добру ли?» — размышлял он тревожно. Душа отказывалась постичь скрытый смысл слышанного. Зосимэ проговорил многозначительно.

— А называют Джандиери всемогущим!

— Я был бессилен... Быть может, вы поможете, святой отец?

Он снял с двери замок и, прежде чем впустить инока в келью, тихо добавил:

— Знаем мы двое... Моя голова в ваших руках... Если проведает... И его, и меня! — И Джандиери провел по горлу рукой, точно топором...

Монах обернулся к нему, грозно сдвинул брови:

— Меня зовут Зосимэ!

Джандиери опустил голову и удалился.

В темнице уже нетерпеливо позванивала цепь.

Кайхосро, хоть и не мог дотянуться до двери, все же обычно выходил навстречу пастырю.

И на этот раз, как обычно, он собрал в руку цепь — верно, затем, чтоб поменьше скрежетали ржавые звенья.

«Мир тебе!» — хотел было выговорить Зосимэ, но слово «мир» застыло у него в горле. Он прибегнул к помощи руки — перекрестился и с печальной улыбкой скользнул взглядом по цепи, протянувшейся до темного угла.

— Отче! Пастырь пастырей!

Кайхосро приложился к руке отца Зосимэ и взволнованно воскликнул:

— Как отрадно для меня твое посещение!

Как это часто свойственно людям, насильственно ввергнутым в одиночество, истосковавшимся по человеческому голосу, узник торопливо, скороговоркой повел беседу:

— Дня два назад было мне вещее видение... Нет, не обычный сон узника... Нечто более живое и ощутимое... Ощутимое, как вот эта цепь...

Рассказчик слегка замялся, не решаясь продолжать. Но

поскольку духовный отец молчал, узник истолковал его молчание как знак ожидания и не переводя духа продолжал:

— Будто бы иду я по рядам темниц и келий. Заключенные звенят цепями, а монахи кадят ладаном... У меня же в руках вместо этой цепи — янтарные четки... Тоже из тридцати семи зерен... Проверил я, молясь, сосчитал!.. К девяти дверям подошел — все девять предо мною открылись... Девять палачей меня встречали... Меня-то пропустили, но от моей тени все девятеро отрезали по пяди... Один отрезал, потом другой — и так добрались до самых пят... Оглядываюсь — тень моя исчезла. Под ярким солнцем шел я без тени! Разверзлись предо мною девять могил... Лег я в каждую из них по очереди — одни оказались мне малы, другие — велики, ни одна не пришлась впору. А по ту сторону могил ждала меня одна-единственная келья. В ней на амвоне покоилось священное писание. С благоговением приложился я к нему и раскрыл наудачу. И дивные слова попались мне на глаза... Врезались в память. Заглавными буквами было начертано: «Будь доволен тем, что обрел ты в страданиях, муках и раскаянии, ибо ныне богат ты сокровищами духа, мудростью добродетели и нравственной силою...» С той поры все ищу это место в библии и не могу найти.

На мгновение опустил голову Кайхосро, потом поднял на монаха сияющий взгляд и продолжал:

— Зато многое другое нашел я там для себя. Постиг глубоко... Добрый мой пастырь!

Узник положил дрожащую руку на библию и сразу успокоился...

— Покуда читал я зрением, не мог я проникнуться духом ее... Самая сердцевина слова оказалась недоступной мне... Когда же начал я читать взором разума и души, в простейших словах открылся мне великий смысл... Высокая мудрость!.. А из нее родилась в душе любовь и добродетель... Войди сейчас ко мне палач, я приму его как брата, с распростертыми объятиями... Если попросит — следуя великому примеру, ноги ему омою... Ибо я уже более не тот пленник, что семь лет назад вошел сюда с хулою и проклятиями на устах! Чудный покой снизошел на душу мою! Что эта цепь, когда обрел я внутреннюю свободу? Духовный отец и просветитель мой! Я готов к исповеди!

Кайхосро преклонил колена. Цепь со звоном упала на каменные плиты. Пастырь невольно вздрогнул. Он лишь сей-

час почувствовал — свеча почти догорела в его руке... Заменив ее новой, Зосимэ укрепил ее в нише и развернул епитрахиль.

— И вот еще что, — уже совсем другим, переходящим в шепот голосом поведал пастырю коленопреклоненный узник. — Сегодня в это узенькое окошко каким-то чудом залетел воробей. Я замер — как бы не вспугнуть! Долго он тут чирикал, точил себе клюв, а потом взмахнул крыльями и улетел... — простонал узник. — Я знаю эту примету... Не иначе, как узнаю что-нибудь новое...

Старец окаменел, слушал узника, дрожавшего, словно жертвенный агнец, предчувствующий гибель. И на глаза ему навертывались слезы. Такую неприкрытую тоску выражало лицо Зосимэ, что он сам испугался — как бы взглянув на него, не почуял беды узник. И он быстро накрыл епитрахилью коленопреклоненного Кайхосро.

Как положено, возложил он на исповедующегося руку...

— Сын мой! Настал час исповеди... После многих прегрешений... и раскаяния... исповедью облегчи душу свою и... вместе помолимся...

«Нет, нет... Совсем не те слова... Как найти нужные сердцу слова?!» — думал встревоженный пастырь. — Ужели порвались духовные узы меж нами? И отчего? Ужели встала меж нами безмолвная и бесплотная тень, призрак обезглавленный?»

Духовник виновато склонился над своим учеником, участь которого была предрешена.

Зосимэ сунул руку под епитрахиль и положил ее прямо на голову исповедника. «Вот так-то лучше», — подумал он и замер... Теперь он и вправду чувствовал близость своего ученика, ощущал волнистый шелк волос, биение жилки на виске.

— Да, сын мой, внимает тебе твой духовный отец и наставник! Не отягощай души своей... Если есть у тебя в сердце... сомнение... Грех — вольный и невольный... Признай и покайся!.. Ибо для грядущего... Ибо...

Монаху тяжело было продолжать... Ибо он знал «грядущее» своего ученика.

Наступило молчание. Пастырю трудно было вопрошать, но не менее трудно было ученику исповедоваться.

Кайхосро окинул мысленным взглядом всю свою недолгую жизнь. И до того пустой и незначительной представилась ему она, что узник покраснел от стыда. Никакое большое чувство не одухотворяло ее в прошлом. Ни доброе, ни злое... Он рос, словно тепличное растение — цветущее, но бесплодное.

Младший из царевичей, счастливо избавленный от участи заложника... Беззаботно жилось ему во дворце — дни проходили в веселье и забавах.

И осудил свое прошлое Кайхосро.

— Святой отец! Во всех смертных грехах повинен я, несчастный! — с трудом выговорил он. — В юные годы не пытался я постигнуть премудрость божественных писаний... Вел праздную и рассеянную жизнь... Потом впутался в распри, враждовал с братьями, действовал по расчету... Обуяла меня жажда власти... Каюсь... отче!

Переведя дух Кайхосро продолжал:

— Мечтал я завладеть престолом... замыслил бежать в Тегеран, подумывал даже, не отступиться ли от веры... Каюсь! Остальное ведомо тебе, отче... Здесь, в тяжком заключении, многое я передумал, грезя и терзаясь... Вначале ожесточилась душа моя, и кощунственные упреки нередко срывались с уст моих... — Он коснулся рукой колена Зосимэ...

— Ты воскресил во мне душу и вернул ее к добродетели... Святой отец! Я не только приобщился к священному писанию, но отныне предназначаю себя лишь для духовной жизни... Ни следа ожесточения не осталось в возрожденном сердце моем. Даже эту цепь возлюбил я... Сердцем приобщился к ней... В ее звеньях как бы струится моя кровь. И если завтра ее снимут с меня, не захочу с нею расстаться.

— Если даже снимут? — прошептал потрясенный пастырь.

Но Кайхосро, всецело погруженный в свои мысли, ничего не слышал, даже не чувствовал.

— Святой отец, прими мою чистосердечную исповедь! Горько раскаиваюсь я! Во всех грехах каюсь. И в изреченных и в неизреченных... Если почтешь меня достойным, постриги в монахи... Душою я свободен как никогда! Не в темнице узником — в келье отшельником меня нареки!

Ответа ждал Кайхосро и, поскольку пастырь молчал, ученик вновь заговорил... Но голос его зазвучал еще печальнее:

— Если суждено мне еще жить — без молитвы и подвижничества не вижу я смысла в жизни.

При этих словах у духовника невольно вырвался еле слышный стон. Он нагнулся и прижал к сердцу обреченного ученика своего.

Кайхосро слегка вздрогнул и растроганно продолжал:

— Ни малейшей злобы нет в сердце моем... Все в божьей воле! Если нужно, и смерть приму со смиренной молитвой, без страха...

— Если нужно? — сорвался с уст пастыря невольный шепот.

Кайхосро словно проник в тайный смысл этого шепота и заговорил еще более взволнованно:

— Только я попросил бы причастия... Если удостоят...

Узник умолк — глухой звон цепи замер где-то в углу...

Потрясенный слышанным Зосимэ долго гладил несчастного по волосам, и чудилось ему, будто уже некрепко держится на плечах голова кающегося грешника... Зосимэ невольно провел ладонью по его шее. Маленькая выпуклая родинка коснулась его ладони. Содрогнулся духовник.

— Сын мой! Да отпустит господь прегрешения твои... Ибо... беспредельна милость божия... — вполголоса промолвил Зосимэ, но в глубине души чувствовал, что все это было очень расплывчато... И на этот раз не нашел он нужных слов... Другие слова тут надобны — и более теплые, и более мудрые. К тому же основное, определяющее все, было ведь не изречено, а обреченному и неведомо.

Противоречие раздирало душу отца Зосимэ. По соображениям нравственности он полагал себя обязанным ничего не утаивать, возвестить своему духовному сыну о предстоящем тяжком испытании... Подготовить его... Дать последнее напутствие... Приобщить святых тайн... Как он просил... «Верно, так и поступили бы на моем месте святые отцы древности — Яков Цуртавели, Григорий Хандзтели, Евфимий и Георгий Мтацминдели, Георгий Чкондидели и другие истинные духовные отцы...» Но как причастить, если не сказать? А язык не поворачивается объявить ему... Ужели именно сейчас, когда искренняя вера вернула узника на путь добродетельной, духовной жизни, ему суждено вообще распроститься с нею?

Это казалось Зосимэ чудовищной несправедливостью, как с точки зрения христианского милосердия, так и просто по-человечески...

Старый пастырь вынашивал с самого начала в душе еще один весьма далеко нацеленный замысел... Он хотел видеть рядом со своим царственным питомцем бывшего его соперника и врага — уже не врагом, а соратником в большом всенародном, общегосударственном деле.

И вот теперь, когда Зосимэ добился самого главного — человека убивают... А с ним вместе — милосердие, справедливость и само дело! И кто убийца? Его же воспитанник, тот, кто родился царем!

«Не доброе это дело, не доброе!» — пламенела мысль, а в воображении стоял гневный, ожесточенный поражением Александр.

— Да отпустит тебе отец небесный прегрешения твои, я же властию, им дарованной, даю тебе отпущение... Ибо был ты на исповеди правдив и откровенен!..

Похолодевшими губами произносил он по слогам привычные слова и, словно призрак, подступал к нему внутренний обличитель: «А имеешь ли ты право не открывать ему правды? И так принять исповедь? Ты сам не правдив... А стало быть, и не чист сердцем... Или скажи ему и причасти — или спаси, хотя бы пожертвовав собой...»

— Во имя отца... и сына... и святого духа...

— Аминь! — отозвался голос из-под епитрахили... словно из могилы. И по движению узника пастырь догадался, что тот, получив отпущение, хочет приложиться к его руке.

Пора бы уж снять епитрахиль, поднять его... Но... Что поделать со слезами, которые струятся по щекам, со слезами бессилия? Как скрыть их?

Нет, он не покажет своих слез! Не нарушит покоя его души! Завтра, если уж ничем не удастся помочь... Завтра, во время причастия... А до того он приложит все усилия... Ведь спас же он Кайхосро, когда того захватили в плен... И сейчас во что бы то ни стало он должен вырвать узника из лап смерти! Брат не прольет крови брата! Не бывать тому!

Слезы высохли на глазах у Зосимэ.

Из-за двери темницы послышалось почтительное покашливание. Зосимэ тотчас узнал голос.

— Встань, сын мой! Облобызаемся, как подобает духовному отцу и сыну... — Они обменялись троекратным лобзанием. Старик не в силах был долее оставаться в узилище.

— Сын мой! Молю всевышнего — пусть ничто тебя не встревожит. В молитве и чтении писаний святых апостолов да обретешь ты покой душевный. А завтра с утра я навещу тебя. Оставляю этот крест, да хранит он тебя от бед... — Духовник положил свой крест так, что на него падал свет из оконца под потолком и, не снимая с себя епитрахили, вышел из темницы.

В темном коридоре ждал его Джандиери, который сообщил ему свежую новость:

— Войско благополучно вернулось из Картли! Шермазан Чолокашвили прибыл во дворец. Я не пустил его к царю, —

хочу, чтоб он сначала повидался с вами, святой отец. Там-то, в Картли войско спаслось от гибели, но как обойдется здесь... вот в чем дело!..

— Шермазан? — Зосимэ задумался. Поведение Джандиери удивило его: сначала — утаил от него, Зосимэ, пребывание кахетинской рати в Картли, в точности выполняя царский приказ... А теперь, напротив, привел к нему Шермазана Чолокашвили — раньше, чем тот повидался с государем...

Подозрение шевельнулось в душе Зосимэ. Он ответил уклончиво:

— Шермазану сначала следовало бы явиться к царю... и обо всем доложить ему.

— Отче, боюсь, как бы тогда не пришлось вам причащать вместо одного многих... — многозначительно отвечал Джандиери. Зосимэ понял намек, и подозрения его усилились.

— Я до сих пор не знаю, что случилось за гомборскими горами.

— Что ж, расскажу... Теперь уже все стало известно и без меня... Запрет государя утратил силу...

И Джандиери поведал монаху в скупых словах обо всем случившемся в последние дни, умолчав лишь о постыдной добыче, взятой в Дигомском дворце.

— Что я слышу, боже всемогущий! Ждал я дурного. Но вероломства, столь неслыханного?.. — возвысил голос взволнованный старец.

Джандиери поспешно увел Зосимэ подальше.

— Святой отец, здесь даже стены имеют уши...

— О лозор! Что ты мне рассказал! — пылал негодованием старец. — Стены у вас с ушами, а вот людям вы головы рубите! Но если государь голову потерял, вы-то где были? Горе-советники...

— Вероятно, там же, где воспитатель и главный поверенный тайн государевых! — спокойно отразил упрек Джандиери.

Зосимэ вздрогнул, грозно сдвинул брови.

— По заслугам мне! Но ты не известил меня до похода?

— Ведает бог... До самого Дигоми я сам ни о чем не подозревал!

— А потом, возвратясь, отчего скрывал? Как мне тебе поверить? Как убедиться в твоей правдивости? Или ты только шкуру свою берег?

— Не свою, отче, — невозмутимо отвечал Джандиери.

— Так, может быть, мою, а?.. Герой темных дел! — кипел Зосимэ, но чем больше он выходил из терпения и горячился, тем спокойнее становился Джандиери.

— Да, именно вашу! Подумайте, святой отец, к чему бы это привело, если бы вы в подобном настроении посетили государя!

Гнев охватил Зосимэ, но он понял, что Джандиери прав, и постарался взять себя в руки.

— Святой отец!.. — подчеркивая слова, продолжал начальник царских телохранителей. — Тяжелую и черную работу взвалил я на свои плечи... Но она нужна для государства. Впрочем, сейчас не время об этом. Князь Шермазан ожидает свидания с вами. А потом нужно обо всем доложить государю. Судите сами — кто войдет в клетку к разгневанному льву?

Джандиери направился к двери.

Старец изумленно смотрел на удалявшуюся от него богатырскую спину.

«Нет, это не просто ловкий и честолюбивый выскочка, ищущий лишь собственной выгоды... В нем таится еще что-то — либо большая правда, либо большое вероломство. Или... и то, и другое!» — терзаясь сомнениями, думал старик.

Когда они вошли в дворцовую залу, Зосимэ выглядел по обыкновению спокойным и невозмутимым.

Шермазан Чолокашвили встретил его с непокрытой головой.

— Святой отец! Благословите! — обратился к Зосимэ военачальник. — Нет! Смилуйтесь! Простите мне тяжкие прегрешения! Горе мне, невольному очевидцу и соучастнику суетных дел...

— Бог простит! — процедил сквозь зубы Зосимэ. К руке Шермазана не допустил и сесть ему не предложил. Да и сам не сел, а принялся расхаживать из угла в угол.

Джандиери заметил — у отца Зосимэ вздрагивало плечо. Он счел это за признак сильного волнения, и подумал: «Нет, пока его опасно посылать к государю. Оба горячие... Как бы не кончилось дело неудачей!»

Шермазан обиженно молчал, следя взглядом за монахом. Наконец чаша терпения его переполнилась, и он взволнованно заговорил:

— Люди добрые! Верните мне честь мою! Препояшьте меня мечом! Как показаться на людях, куда девать глаза мне, кахетинцу и честному человеку?

Зосимэ исподлобья смерил взглядом военачальника... На Шермазане не было пояса с саблей и кинжалом, рядом на кресле валялись его бурка и башлык.

— Где войско твое, полководец? — из дальнего угла спросил старец.

— Я уехал вперед... Прискакал сюда первым.

— Князь Шермазан... Доныне было правило — полководцу неотлучно находиться при войске... Вы что же, новые законы завели?

— Святой отец, я остался с войском... Делил с ним все невзгоды... Хотя царь, воспитанник ваш, подал нам иной пример! Должно быть, ведомо вам об этом?.. — Шермазан покосился на Джандиери.

— И у моего воспитанника потребую я ответа перед богом. Так где же войско?

— Я оставил ратников в Телави. До темноты все как один будут здесь.

— Все как один?

— Да, почти все... Кроме тех, кто не пожелал вернуться в Кахети... Ибо войско наше не столь страшится нашего врага — Картли и ее царя, сколько собственного государя.

— «Врага?» С каких это пор Картли стала нашим врагом? Уж не отуречился ли ты, христианский воитель?!

Шермазан закусил кончики усов... Оглядевшись и убедившись в том, что двери и окна палаты наглухо закрыты, а в ней, кроме него самого, отца Зосимэ и Джандиери, никого нет, он схватился за голову и воскликнул:

— Да, картлийский царь наш враг, с тех пор, как наш государь насадил на копье как знамя шейдиши своей сестры. Где это слыхано?

Зосимэ вздрогнул.

— Ничего не понимаю! Джандиери, ты опять не все мне сказал? — похолодев, строго спросил старец у начальника царских телохранителей...

И услышал в ответ:

— Разве о каждом промахе надо говорить?

Слышит он голос, но не видит говорящего — такого большого и непонятного...

Внезапно Зосимэ словно ослеп. Острая боль сжала грудь. Он попробовал сесть в кресло, но не мог согнуть колени...

— Обо всем подробно поведайте мне.

Огнем обжигал его рассказ Шермазана.

— А после Дигоми... настигли они нас в Марткоби... Никто не сражался... Когда же государь с копейщиками нас покинул, ни один не поднял руку на братьев... На картлийцев... На их стороне были честь и правда! Они окружили нас. Но пальцем не тронули. Мудрость и великодушие явили необычайные. Взяли в плен — и приняли нас как гостей в Мцхета... И взяли с нас клятву в том, что не будем мы поднимать меч на братьев. И отпустили покрытых позором домой...

Шермазан помолчал, потом подошел совсем близко к Зосимэ.

— Перед отъездом царь Симон вернул мне саблю и кинжал... Я не мог прикоснуться к осквернённому клинку... Царь Симон утешал меня... Потом сказал: «К непомнящему родства я не дам тебе никаких поручений, а его воспитателя Зосимэ, святого старца, посети и подробно ему обо всем поведай... Да рассудит он нас пред богом!.. И еще спроси — «кого вырастил он царем кахетинским?»

Отец Зосимэ рухнул в кресло и закрыл лицо руками.

— И мужеством, и мудростью превзошли нас картлийцы!

Шермазан зажал в кулак длинный ус и сел.

— И добродетелью! Вот что главное! Честь и слава им! Но кем же оказались мы?

Старец внезапно встал с кресла и, не подымая головы, направился к выходу. У дверей его остановил Джандиери:

— Может, и нам с вами пойти, отче?

— Нет, лучше ждите меня здесь... Государь сам позовет вас, или... — Зосимэ не закончил речи.

— Отче, выслушай меня! Идти к государю так, ни с чем, не стоит, сомневаюсь, чтоб это принесло пользу. Быть может, еще одно средство испытаем... Возьмем с полководца Шермазана клятву в том, что он не совершил измены. Надо успокоить государя... Вы знаете, как он подозрителен — пожалуй, всех нас в предательстве обвинит.

— Я готов!.. — тотчас согласился Шермазан.

Понял отец Зосимэ — не так заботило Джандиери доказательство верности Шермазана, как волнение и горячность отца Зосимэ. Он надеялся, что обряд клятвы и молитвы перед образами поможет иноку обрести спокойствие духа.

Вновь изумила Зосимэ прозорливость и нежданная чуткость Давида. «Как заботлив! Или строит козни?» — все еще не доверяло сердце «вершителю темных дел».

— Нет! Слово полководца Шермазана Чолокашвили не

нуждается в клятвенном подтверждении, и меня сейчас не сможет успокоить никакая молитва! Я, мнится мне, виноват более всех!

Зосимэ как бы вырос. И в голосе его зазвенела сталь.

— Не согласия и ласковых речей жду я от государя... Я ищу правды и справедливости, божьей правды. Иду к нему для суда нравственного. Настала пора все высказать. Горячность тут не помешает... Напротив! После полного и открытого обличения — либо полное согласие... либо разрыв!.. Тоже полный! Половинчатость сейчас равна безнравственности и измене!

Лицо старца Зосимэ выражало столь непреклонную решимость, что никто больше не осмелился давать ему советы.

— Мы будем ждать здесь вестей от вас, святой отец! Об этом деле еще никто ничего не ведает! Так и доложите государю! Если задержитесь, я сам явлюсь во дворец.

Джандиери отворил перед стариком дверь и еще раз остановил его:

— Отче, епитрахиль!

— Ах да, сын мой! Совсем запамятовал! — И он поспешно снял епитрахиль через голову. Волосы и борода у него при этом растрепались.

Зосимэ ушел, даже не пригладив их.

От внимательного взгляда Джандиери не укрылось, что за эти десять минут лет на десять постарел и без того обремененный годами отец Зосимэ.

ГЛАВА XXIII

СУД НРАВСТВЕННЫЙ

Явившись во дворец, Зосимэ попросил домоправителя доложить о нем царю. Однако Александр опять отказался его принять.

— Государь в опочивальне.

— Что ж, там с ним и повидаюсь!

— Приказано не тревожить. Подступиться к государю

нельзя, — тихо жаловался старцу домоправитель. — Всех и каждого подозревает. Носит днем и ночью под платьем кольчугу. Телохранителей стало во дворце видимо-невидимо.

Зосимэ все же не сдался и направился прямо к царской опочивальне.

В прихожей его задержала стража:

— Не велено, отче... Смилуйтесь!

Зосимэ велел позвать Доротэ — постельничего монаха, попросил принести ему перо и красивым почерком «хуцури» вывел:

«Весьма неотложные и пока еще тайные сведения из Картли... Ради господа Иисуса, прошу принять меня!»

— Передай государю!

Постельничий приложился к руке монаха, прошептал скрывая слезы:

— Не надо, святой отец... Не извольте. Недоброе предвещает мне сердце!

— Я буду ждать здесь, — строго ответил инок.

— Что случилось? — нетерпеливо бросил Александр старцу, едва тот переступил порог опочивальни.

Царь стоял у несмятой постели, рассеянно перебирая крупные янтарные четки.

Зосимэ медлил с ответом; он пытался смирить свое волнение. Наконец усилием воли он взял себя в руки и внешне успокоился. Пристальный взгляд его был устремлен на царя. Александр был бледен, щеки у него ввалились.

Молчание раздражало царя.

— Что случилось?.. Так и не скажешь? — голос его звучал хрипло, он топнул ногой.

— Прибыл Шермазан Чолокашвили с войском.

— Победа?.. — подался всем телом вперед Александр. Щеки его окрасил румянец надежды.

— Не могли там одержать победу кахетинцы, — скрывая волнение под напускным спокойствием отвечал Зосимэ. — Потерпели поражение, но вернулись невредимыми... Все до одного, — еще спокойнее отчеканил старец.

— Как — невредимыми? — потемнело лицо у царя.

— Повелителя кахов, кажется, не очень-то радует благополучное возвращение его рати?

Царь отвел взгляд, уклонился от ответа:

— Где же они были до сих пор?

— В Мцхета...

— Где? — резко, точно его хлестнули плетью, обернулся Александр.

— В Мцхета... По велению царя Симона.

— Измена? — вспыхнул государь кахетинский.

— О нет! Дело благостное и справедливое: клятвенное условие о мире и ненападении между картлийцами и кахетинцами!

— Союз с врагом? Вероломство, скрепленное клятвой?

— Нет, великодушие истинного государя! Высокая мудрость! Деяния, подсказанные добродетелью! — терпение отца Зосимэ было на исходе.

— И ты, отче? И ты?.. Этого только недоставало! Значит и ты с ними заодно?

— С кем?

— С заговорщиками! С тайными и явными врагами моими! С посягателями на мой престол! — закричал в гневе царь. Вместо умудренного годами мужа перед глазами Зосимэ вдруг возник образ юного Александра... Отравленного ядом вечных подозрений, постоянно опасающегося мачехи и ее сыновей.

Вновь почувствовал воспитатель — старые раны не зажили в душе его питомца, наложили на характер его неизгладимый отпечаток.

— После Торгвайской победы лишились почвы все подобные подозрения! — попытался успокоить своего воспитанника расстроганный воспоминаниями Зосимэ. — Государь и сын мой! Запавшее в душу сомнение разъедает его... Порой даже губит! Государь, ты должен меня выслушать!

— Не хочу слушать! Так, по-твоему, подозрения — беспочвенны? Что ж, я сделаю так, чтобы ты оказался прав! Пусть полетят головы! Тогда не будет почвы для подозрений... И не останется почвы под ногами у изменников!

Перед мысленным взором Зосимэ возник образ царевича Кайхосро под епитрахилью, «лишенного головы и почвы», беспомощно дергающего ногами... И многих других представил он себе в подобном же положении. Он воздел руки, потрясенный... Но Александр вновь перешел в наступление:

— Где Шермазан? Почему не явился ко мне? Выходит, что его голова понадобится мне первой! Подставил мне подножку? Так пусть пеняет на себя.

Новое подозрение зародилось в разгоряченном воображении Александра.

— Это я не пустил Шермазана к разгневанному царю! — взял на себя вину Зосимэ.

— Отчего? Не оспариваешь ли и ты у меня власти над моим царством? — зловеще понизил голос Александр; в глазах его разгорался ледяной блеск.

Зосимэ отлично знал — это был признак необузданной ярости...

— Видно, и в самом деле необходимы клятвы верности от полководца, а от тебя, государь — ручательство в неприкосновенности.

— Для полководца? — уточнил Александр. — Или, быть может... и для других нужна тебе от меня охранная грамота?

— Да, и для других! Для всего войска твоего... Пощаженного царем Картли!

Инок чувствовал, как разгорались в душе царя жаркие уголья гнева. Но и сам не уступал ему.

— Придворным льстецом я не был никогда! Скажу, что думаю!

Александр готов был взорваться.

— Ну, так говори! Для кого еще?

«Будь что будет!.. Все сразу! Раз и навсегда!.. Либо вступит на добрый путь заблудший царь, либо я заблуждался вместе с ним. А тогда — господи, прими заодно и мою душу, истерзанную и опустошенную! — приняв бесповоротное решение, Зосимэ шагнул вперед:

— Да, еще для одного несчастного... Для жертвы заблуждений юных лет... ныне вернувшейся на путь добродетели. Для моего нового ученика, изъявившего желание постричься в монахи... Давнего узника, коего пора уже простить...

— Кайхосро! Наконец-то у меня раскрылись глаза! Вот до чего дошло дело! — вскричал царь и взмахнул рукой — скрежетом отозвались зажатые в руке четки. — Значит так, святой отец! Воспитатель мой и неизменный единомышленник! Условия ставишь? Посредником ко мне явился?

— Нет, судьей.

Александр злобно усмехнулся.

— Я сам — высший судия в моем царстве.

— Я пришел к тебе, дабы вершить суд нравственный. Во имя господа! — возвысил голос Зосимэ.

— Уходи, пока еще я не перестал владеть собой.

Гнев в голосе царя был смешан с мольбой. Это тронуло воспитателя...

— Сын и воспитанник мой! — задушевно проговорил Зосимэ.

Но было уже поздно... Один был слишком прям, другой — слишком непреклонен.

— Не попрекай тем, что воспитал меня! Может вознаграждения требуешь? Что ж, велю сшить тебе золотые одежды в награду за науку!

Зосимэ смертельно побледнел и процедил сквозь сжатые зубы:

— В награду? Стало быть, сейчас у тебя есть чем платить? Разбогател... Ценную добычу захватил — сестрины шейдиши... Унес, как стяг на боевом копье!

Зерна оборвавшихся четок со стуком, точно орехи, рассыпались по полу.

У Александра перехватило дыхание, глаза выкатились из орбит... Царь схватил большой глиняный кувшин — первое что попалось под руку.

— Ты-то хоть должен знать, что ратовал я за объединение Картли и Кахети! Возвышение Грузии — вот что было моей главной мыслью. И эту мысль внушил мне ты... Ужели будешь отрицать?! — желчно, внезапно охрипшим голосом оправдывался царь... Но копье со «знаменем» вонзилось ему в самое сердце...

Обличитель же усилил свой натиск:

— Никогда никого не учил я междоусобным войнам! Повести общегрузинские дела лучше, чем Картли, — вот наша цель. И тогда Картли сама примкнет к нам — и не только Картли. Общий щит нам нужен, а не лезгинский аркан! Твоими побудителями были низменная зависть и подозрения! И стремился ты к цели недостойными путями!

Зосимэ не помнил себя от гнева и, наставив перст на Александра, разил его огненными словами обличения.

— Уйди, говорю тебе! — нечеловеческим голосом вскричал Александр и швырнул кувшин в стену. Глиняный сосуд угодил в зеркало и оба разлетелись на тысячу кусков.

— Настал час обличения! Бей кувшины, только оставь в покое честных людей! Дурными делами всех от себя отвратишь. А в конце концов потеряешь и престол!

— Как ты смеешь?!

На миг изумление взяло верх над гневом. Зосимэ, который уже сказал все самое горькое, вдруг стих и неторопливо осенил себя крестным знамением:

— Имя божие и забота о благе страны придали мне смелость! А отныне — поступай, как знаешь...

Застывшие, как бы остекленевшие глаза Александра не видели обличителя, зато слух его даже в звуках голоса Зосимэ улавливал осуждение.

— Раскаешься! Горько пожалеешь! Все пожалеют!

— Тогда пусть моя голова падет первой! Я тебя воспитал — я за тебя и в ответе!

Прерывистое старческое дыхание еще более подчеркивало скорбный смысл слов Зосимэ:

— Ты хочешь мечом утвердить власть свою и силу... Истинная же сила в мудрости и добродетели!

Лицо Александра исказилось!

— Я царь, а не ученик! Те времена давно миновали!

— Высоконравственный ученик во сто крат лучше безнравственного властелина.

Дальше зияла пропасть.

— Стража! Джандиери! — громовым голосом крикнул Александр и вытянулся так, что сразу стал чуть ли не на три головы выше своего воспитателя.

А когда Джандиери, уже находившийся во дворце, явился, Александр подвел ледяным голосом итог беседы:

— Тяжкое оскорбление, нанесенное царю, смывается только кровью. Это я также слышал от тебя, учитель! — Он обернулся к Джандиери и повелительно бросил, указывая на Зосимэ:

— Сначала его! Потом — торгвайского узника! Об остальных получишь указание особо. Новое войско держать наготове. Шермазана Чолокашвили схватить, как только представится случай!

— Государь!.. — еле вымолвил Джандиери.

— Быть может, и ты вздумаешь меня поучать? — прервал его царь. — Уж не замешан ли и ты в измене? — Он сверлил глазами начальника стражи. — В последнее время твое поведение кажется мне подозрительным. Уж не пригрел ли я у себя на груди ядовитую змею?

Джандиери молчал. Он хорошо знал, что в такие минуты лишнее слово может стоить головы.

Однако его молчание и взволнованное лицо натолкнули царя на новые подозрения. Александр прибег к персидской хитрости...

— Ты сам затянешь старцу Зосимэ на шее петлю! Возьми с собой пятерых телохранителей... Вон на ту гору... — по-

казал рукой на зеленую вершину за окном. — Запомни место... Я поставлю там после памятник. Заплачу за учение — не поскуплюсь.

Он повернулся к Зосимэ.

— Видишь, как спокойно я вершу суд? Не сгоряча и не наспех — не можешь меня упрекнуть!

— Да, вижу... Отличного я вырастил палача, — с глубокой скорбью промолвил Зосимэ.

— Уберите его отсюда! — вновь разъярился Александр. — Делай, как велено, Джандиери.

— Государь! — не утерпел Джандиери. — Воля ваша, но слыханное ли дело, чтобы служителя Христа, благочестивого инока удавила веревкой христианская рука?

— Ты прав!.. — неожиданно согласился царь. — Хорошо что напомнил.

Тень надежды мелькнула перед Джандиери: «Время надо выиграть, время! Может еще смилуется!»

Александр задумался, испытующе посмотрел на своего учителя, словно от него самого ждал совета. Где-то в глубине он чувствовал ожог, как от крапивы.

— Тогда пулей... Из пистолета!.. — поспешил он кончить дело. — Да могилу выройте побольше и поглубже. Земли мне не жалко, хоть он и почитает меня за стяжателя!

— Государь! Об одном прошу... Если услышишь мою просьбу... — тихо проговорил инок, низко опустив голову.

Александр удивленно взглянул на своего обличителя... Сначала он не поверил своим ушам, но когда и Джандиери уставился на Зосимэ, царь обратился в слух.

Великая любовь к учителю и глубокая вера в него с отроческих лет укрепились глубоко в душе Александра. И сейчас эти чувства на мгновение всколыхнулись в нем: «Быть может, попросит прощения?»

О, с какой радостью простил бы учителя Александр. Хоть он и очень разгневан... Он сумеет проявить великодушие! Пусть только Зосимэ попросит... Пусть!

— Слушаю!

— Дай палачу твой собственный пистолет. Я заслужил от тебя эту милость. И тогда в этой жизни мы будем в расчете. И еще... — не переводя дыхания, продолжал Зосимэ. — Пощади хоть брата твоего и всех остальных... Именем бога и матери твоей, покойной царицы Тинатин, заклинаю...

— Прочь! Уведите его! На, возьми! Только скорей! Скорей!

Александр сорвал с ковра на стене гурийский пистолет, оставшийся ему от матери, и протянул его Джандиери...

— Вот! Сам заряжал... Доволен? Теперь мы в расчете?

И Александр сам бросился к двери.

— Оковы забыл! Оковы! — неслся ему вдогонку голос инока...

— Наложите! Немедля!

Когда Александр закрывал за собой дверь, обостренный слух донес до него слова Зосимэ:

— Да простит ему господь, ибо не ведает, что творит.

Потом зазвенело железо оков... И царь бежал прочь, подальше от своей опочивальни...

Александр как бы оторвался от своего прошлого... От детства и отрочества... Осталось ему лишь сиротливое одиночество зрелости... Страшную пустоту ощутил он. Сердце его пересохло — точно мельница без воды. Но гнев, беспощадный и безжалостный, не покидал его.

ГЛАВА XXIV

ЛОПНУВШАЯ ПОДПРУГА

Когда закованного Зосимэ вели по дворцовым переходам, ни один человек не попался ему на пути.

Лишь из дверных щелей, из темных закоулков и чуть приоткрытых окон доносились сдержанные вздохи и тихие причитания.

Старец шел медленной поступью, прямой, как бы оцепенелый, с взором, устремленным ввысь. Он ничего не видел и не слышал. Так прошел он по всему дворцу.

Спускаться по лестнице было ему трудно. Ноги одеревенели, плохо сгибались. Сегодня это было с ним уже во второй раз.

Когда Зосимэ вышел во двор, взор его утонул в бездонной голубизне неба.

Старец глубоко вздохнул и продолжал путь.

Пятеро стражников понуро следовали за ним.

До крепостной стены проводил его Джандиери, затем показал страже место, где должен был свершиться приговор, а сам вернулся назад.

Джандиери заглянул в жилые покои, миновал конюшни, прошел к садовникам... И опять самым дальним путем, не спеша обошел вокруг дворца...

«Время надо выиграть! Быть может, еще уляжется у царя ярость? Быть может...» — думал Джандиери в смятении. И всегда хладнокровный «вершитель тайных дел» теперь дрожал как осиновый лист.

А спину леденил заткнутый за пояс царский пистолет — старинное драгоценное оружие.

«Время надо выиграть, время!» — И Джандиери слонялся по двору, на глазах у царя, словно бы ведя приготовления к казни.

Надо протянуть время... Нарочно протянуть — а то ведь долго ли вышибить дух из человека?

Давид вновь направился к конюшням — на эту сторону выходило окно царской опочивальни...

«Авось увидит меня?.. Авось позовет».

— Коня! — нарочно громко крикнул он конюшему... И при этом украдкой покосился на открытое окно царского покоя.

— Которого!

— Все равно! — Уже упавшим голосом ответил невольный палач.

В окне никто не появлялся...

А за ковровым занавесом стоял Александр и с замиранием сердца следил за начальником телохранителей, бесцельно слонявшимся по двору. Царь сразу проник в его мысли... И теперь злился на него. Но не настолько, чтобы вновь потерять самообладание.

Это промедление бередило ему душу, лишало сил...

— Не поспешил ли я? Нет, конечно! Как сказал, так и будет, — упорствовал Александр наедине с самим собой, но не отходил от окна...

— Это не произвол! Он не может обвинить меня... Я выслушал его... Чего только я не стерпел! — словно продолжал он спор с посланным на смерть Зосимэ. Ни на что другое не мог Александр направить свои мысли...

Домоправитель и епископы Руставский и Некресский на коленях молили государя простить. Ожидали самого Алаверди-ли. Мдиванбег Ясон Чавчавадзе прибежал растерянный во

дворец. Скоро, наверно, явятся и другие сановники... будут одолевать царя просьбами... А царица Мариам от огорчения слегла и велит передать ему, что уповает на его милосердие... Заклинает его всеми святыми... И детьми заклинает...

Александр никого не хотел видеть. Он знает, сам знает, что ему скажут... Даже слуг к себе не пустил, не дал убрать осколки кувшина и зеркала. Никого не захотел принять, запер ся в опочивальне.

Он хорошо помнил одно мудрое изречение: царское решение бесповоротно; изменить его без веской причины — значит проявить недостаток мудрости или слабоволие.

...Чье же, чье это изречение?.. От кого узнал это правило Александр?.. От кого же, как не от него — приговоренного к смерти! Он и многому другому научил царя... Даже сегодня поучал... И, возможно, был прав...

Неужели именно потому Александр так сильно разъярился?! Но какая дерзость! «Отличный палач...» — как он осмелился? — размышлял Александр, то и дело выглядывая в окно.

Коня привели Давиду Джандиери... Тот повернул его мордой к себе, потрогал седло... Проверил узду и подпруги...

— Ох, как он медлит! Сил больше нет! — Царь стиснул в горсти ковровую ткань занавески. Джандиери подтянул подпругу, но не рассчитал усилия, подпруга лопнула. Царь увидел... Скорее почувствовал... Странно, почему на него так подействовала... эта мелочь... Словно у него самого внутри что-то оборвалось...

— Лопнула! Лопнула!.. — прошептал Александр, закрывая глаза руками...

— Так что же случилось? Что лопнуло? Жила на лбу? — И как бы в ответ царю со двора донесся голос Джандиери:

— Новую подпругу!

«Новую причину ищу», — уличил себя Александр и захлопнул окно. Сквозь красные и синие стекла витража, как сквозь полосатый занавес, пробивался солнечный свет. Покой словно вернулся в опочивальню. Все стало четким, выпуклым.

Взгляд Александра задержался на рассыпанных по полу осколках зеркала и кувшина. Они напоминали черепах, улиток, раков, ящериц... Однако внимание царя было по-прежнему приковано к окну.

«Наверно, уже принесли новую подпругу!.. А вдруг опять лопнет?» — У царя задергалось веко. Вот почему он начал считать осколки...

— Раз... два... три... — Девятым по счету оказался большой круглый осколок кувшина. Кусок серой глины был удивительно похож на свод черепа.

Александр порывисто обернулся к окну, распахнул его... Джандиери уже сидел на коне и медленно направлялся к воротам. Широкая спина его ссутулилась. Четко вырисовывался на ней заткнутый за пояс гурийский пистолет, вокруг которого обвивался змейкой какой-то шнурок... А может, это была лопнувшая подпруга?..

— Все медлит!.. — Александр попытался рассердиться, но какая-то подпруга, должно быть, лопнула в нем самом, и мысль опять перескочила на другое.

— Мой пистолет! Материнский! Закаленный в честных боях... Не осквернённый ни единым выстрелом из-за угла...

Александр высунулся в окно. Как будто во дворе не было никого. Однако зоркий глаз царя отлично заметил, что в тени ниш, арок и деревьев прятались люди и с робкой надеждой смотрели на окно... Он-то знает, чего они ждут... Едва заметного знака, слова... О, он знает — но не может... Чем глубже вникает он в хитросплетения жизни, тем более жестоким и вместе с тем нерешительным становится! Но почему? Ужели тот, осужденный, прав?

«Еще немного... И широкая спина Джандиери скроется за воротами... И гурийский пистолет — вместе с ним... И потом уже не воротишь».

Александр по старой привычке рассуждал вслух, а левый глаз затуманился непрошеной слезой...

— Вернуть Джандиери! — еле выдавил он из себя и отошел от окна.

— К государю! Джандиери — к государю!

Понесся зов по двору — сначала под самым окном, потом вдоль колонн, пробудил эхо у крепостной стены, прошелестел под сенью деревьев... Передаваясь из уст в уста, он нарастал и креп. У сводчатых ворот он настиг Джандиери, схватил коня под уздцы... Тотчас повернул назад начальника царских телохранителей, заставил его спешиться...

Джандиери выглядел внешне спокойным.

«Надо протянуть время! Еще! Еще!» — шептал он и шел медленно, усилием воли сдерживая готовые сорваться и побежать ноги.

Когда он вошел в царский покой, Александр сидел в кресле, рассеянно вертя в руке осколок кувшина, похожий на череп.

— Мой пистолет! Или нет... Ладно уж, возьми, только... Вот что... — никак не мог собраться с мыслями Александр; он бросил осколок, отпихнул его ногой... — Для меня он мертв! Слышишь — мертв! Ну, так ты разряди пистолет... Но его... отпусти... Пусть уходит... Куда ему угодно. На все четыре стороны...

Отголосок гнева вновь поднимался в душе царя.

— Чего он тут мне не наговорил! Я считаю его казненным — понимаешь? А его спасение и бегство... Это будет как бы твоя личная заслуга. — Царь подошел к Джандиери вплотную. — Смотри, держи язык за зубами. Пусть он даже не подозревает, что это я его помиловал. Иначе обоим вам не жить. Да и другие не должны знать. Вот сейчас и будет видно — верный ли ты мне слуга. И чтоб могила, и все прочее было честь честью!

Александр заметил, как зашевелились уста, и дрогнули уголки губ у Джандиери. Царь вдруг рассердился, растопырил длинные точеные пальцы.

— Ни слова! Ни звука! Да не мешкай — торопись отсюда... пока я не передумал! И возвращайся поскорей. В поход выступаем... Страну надо очистить от заговорщиков! И про другого не забудь — про давнего узника... Сегодня же!..

На минуту Александр задумался.

— Но тут... Мне понадобится голова, понятно? И чтобы никаких умышленных проволочек! На этот раз никакие лопнувшие подпруги за новые причины не сойдут! Ну, ступай, пока я не передумал!

ГЛАВА XXV

ПУСТАЯ МОГИЛА

Лишь на опушке леса догнал Джандиери стражей. Он спешился, а коня привязал тут же, в зарослях ежевики.

Зосимэ по-прежнему шел впереди с высоко вскинутой головой и стянутыми за спиной руками. По знаку Давида с него сняли наручники, но он так и продолжал держать руки за

спиной — словно они одеревенели. Зосимэ и не почувствовал, что его расковали.

Начальник царских телохранителей послал людей в лес рыть могилу, негромко отдав приказание:

— Поторапливайтесь. Не надо очень глубокую... Чтоб готова была, пока мы подойдем.

А сам медленным шагом последовал за монахом. Он старался казаться спокойным, но сердце так и колотилось у него в груди.

Какие только трудные и запутанные дела не приходилось ему брать на себя! Каких только поручений не выполнял «вершитель тайных дел», поверенный скрытых помыслов государя.. Но такое поручение возложено на него впервые!

Сегодня каждое его действие должно быть осмыслено наизнанку и выполнено вверх дном.

«Нет, не дело это! Жестокость в открытую лучше, чем милосердие наизнанку!» — думал Джандиери... И все же успокаивал ему душу такой исход, хоть и вывернутый наизнанку.

Начался лесистый подъем. Зосимэ замедлил шаг. Впрочем, никто и не торопил его. На поворотах Давид оставил и остальных стражей. Теперь они шли вдвоем.

Узкая и извилистая была лесная тропинка — словно жизнь доброго человека. Джандиери еще в пути пробовал завязать беседу, но не дождался ответа. Старец шел углубившись в свои мысли, уйдя в молитву. Посередине подъема, на одном из поворотов Зосимэ оторвал взор от неба, посмотрел назад. Отсюда был виден купол храма Архангела.

— Слава тебе, всевышний! — сорвалось с уст инока. Он по привычке прижал руки к груди и перекрестился. Вдруг он вспомнил о наручниках и удивленно посмотрел на свои руки...

— Неужели я потерял оковы?

Обернувшись, он оказался лицом к лицу с Джандиери — должно быть, не ожидал. Он сдвинул брови и гневно, по-стариковски затряс головой:

— Стало быть, ты лучше знал моего воспитанника.

Еще что-то хотел он сказать, но непонятное недоверие к Джандиери сковало ему язык...

— Стало быть, и я знал его недостаточно! Вот сейчас есть один выход... — осторожно начал Джандиери.

Но отец Зосимэ его не слушал. Он отвернулся и, сложив руки на груди, зашагал еще медленнее.

Тропинка причудливо петляла. Молодой лесок становился

все гуще. Впереди, наверху виднелся Круглый замок. Он увенчивал зеленую гору, похожий на массивный кубок.

Кружевная тень густой листвы ложилась на белые волосы и бледное лицо старика.

Наконец Зосимэ и Давид вышли на пригорок. Слева от дороги люди Джандиери копали могилу.

Совсем уж медленно двигался теперь старец. На краю могилы нечего спешить. С приближением тех двоих стражи стали копать усерднее, потом, избегая взгляда осужденного, вылезли из ямы.

Зосимэ заглянул в могилу. Она была узкой и неглубокой — едва по грудь ему.

— Дети мои, хоть земли-то для меня не жалейте! Гроба я у вас не прошу — только заройте поглубже.

Стражники снова дружно вонзили лопаты и кирки в ненасытную землю.

А Зосимэ отошел в сторону, стал на колени и начал читать отходную молитву. Совсем отдалился он от земной суеты...

Вскоре Джандиери отпустил стражей-могильщиков.

— Хватит! Ждите меня внизу, в кустарнике.

Одну лопату Давид велел им оставить здесь.

Убедившись, что стражи ушли далеко, Джандиери обратился к молящемуся:

— Поспешите, отче!

— Сейчас, сын мой! Доныне молился я за других... А теперь имею право отслужить панихиду по себе.

И Зосимэ продолжал молиться.

Но и Джандиери не стоял без дела. Схватившись за лопату, он принялся засыпать могилу, и управился с делом раньше, чем Зосимэ кончил молиться. Над могилой он насыпал холмик, обложил его дерном и отшвырнул лопату далеко вниз, в чашу леса.

Инок отслужил по самом себе панихиду, поднялся с колен, повернулся к Джандиери...

— Сын мой, я готов принять...

Не договорив, он изумленно уставился на засыпанную и прибранную могилу...

— Что это значит?

— Здесь покоится святой отец Зосимэ... За тяжкое оскорбление государя приговоренный к смерти! — слегка подняв голос, проговорил Джандиери.

— Моя могила? А я сам?

— Вы, святой отец, отныне безымянный странник, навеки обреченный на изгнание...

Однако у Джандиери не хватило выдержки, и он продолжал скороговоркой:

— К вечеру у часовни в каштановой роще вы найдете мула, нагруженного припасами на дорогу... А до тех пор оставайтесь в лесу...

— Как это? Почему?.. — голос и руки у Зосимэ задрожали. Мелькнул проблеск надежды. — Или царь, мой питомец... Все-таки... Не смог...

И уже примирившийся со смертью, готовый лечь в могилу старец почувствовал огромное облегчение... Глаза у него заблестели.

— Быть может, воскрес душой, мой...

Джандиери прервал его:

— Нет, никто об этом не знает, кроме меня.. А я... Ну, мог ли я поднять на вас руку, святой отец?

— И ты не в силах превозмочь себя? — с сомнением проговорил инок.

Джандиери не раз в своей жизни приходилось лгать. Правду и ложь расценивал он лишь как средства к достижению цели. Эта цель и была мерилом. Но сейчас... все мерила оказывались непригодными. Все смешалось... все перепуталось... Ложь и добро, правда и зло...

Перед начальником царских телохранителей стоял старец Зосимэ, как сама обличающая совесть, и требовал ответа. Тут, однако, чего-то не хватило Джандиери: не то высокой мудрости, не то знания людей большой души. И он солгал так, как это было ему велено.

— Не мог я перебороть себя, отче... Уповаю на то, что не забудете добра... Навеки сохраните тайну... И навсегда покинете Кахети. А если государь проведает о моем поступке, меня самого уложит вместо вас в эту пустую могилу!

Опять упало сердце у приговоренного к смерти...

— Для меня сейчас смысл жизни в том, чтобы обратить царя на путь добра. Иначе что толку мне влачить жалкое существование? А ты недоброе замыслил, сын мой! Думаешь, всякое добро — благо? Да и куда мне идти? — рассеянно посмотрел вокруг себя Зосимэ, будто ища ответа где-то возле могилы.

— В Картли... В Имерети... В Гурию — откуда вы пришли некогда... Всюду вас примут с радостью.

У Зосимэ кружилась голова, щемило сердце. Пережитые волнения давали о себе знать.

Лишь недавно он был на пороге смерти — и мысль у него работала гораздо ясней, чем сейчас. Зосимэ потер себе виски и попытался яснее разобраться в положении, изменившемся столь неожиданным образом. Он строго спросил Джандиери:

— А какая участь ждет Шермазана?

Тут уж Джандиери не сумел солгать.

— Заточение, а потом, вероятно, смерть... Если не сумею и ему как-нибудь помочь!

— А Кайхосро?

— Смерть. Немедля... И голову потребовал, — упавшим голосом отозвался Давид.

Голос Зосимэ, между тем, становился все тверже:

— А против Картли что он замыслил?

— Велел привести войско в боевую готовность. Нынче куда-то выступаем... Быть войне с Картли, если какой-то хитростью не помешать... Жизни не пожалею!

— Не могу, не могу я покинуть Кахети! Уж лучше смерть! — печально, но твердо заключил Зосимэ. — Если воспитанник мой пойдет на такое... Я первый достоин кары... Выполняй приказ царя! — сложив руки на груди, инок стал у могилы.

Джандиери растерялся.

— Что вы, святой отец?

Такого поворота дела вовсе не ожидал начальник царских телохранителей.

— Ваша жизнь нужна всем. Поезжайте к царю Симону... Расскажите ему обо всем... Примет по-царски.

— Как своего приверженца? Противника государя кахетинского? — воскликнул Зосимэ.

Джандиери прикусил язык. Теперь уж он совсем не знал, как поправить дело. А у инока где-то в глубине души с новой силой вспыхнуло недоверие к «вершителю тайных дел». «Вот доказательство! Он же ясно сказал! Открыл свой тайный замысел!».

— Тут что-то неладно... Я тебе не доверяю! — уже грозно возразил Зосимэ Давиду Джандиери. — Государь упоминал о заговорщиках, связанных клятвой. Быть может, он был прав? Уж не из их ли ты числа?! Как ты смеешь идти против царского повеления? Какая у тебя цель? Не темные ли замыслы тебя понуждают?

— Нет, отче! — совсем смутился Джандиери. — Только человеколюбие. Только милосердие... У меня ведь тоже есть сердце.

— Лжешь! Оно так же пусто, как эта могила! — пнул ногой земляной холмик монах. — Или ты предлагаешь мне жизнь ценой измены?!

— Святой отец! Не говорите так... Где же тут измена?!

— Всюду чую я тут измену и ложь! И в этой могиле — прежде всего. Стало быть, воспользовавшись моим разрывом с государем кахетинским, ты хочешь меня толкнуть в стан его врагов, как своекорыстного очевидца и заговорщика? Я предпочитаю лежать здесь, в земле.

И Зосимэ перешагнул через свою могилу.

— Выполняй приказ. От царя я принял бы милость, а от тебя — ни за что.

По грозному лицу Зосимэ Джандиери понял, что переубедить старца невозможно.

— Замешкались мы, святой отец! Меня там ждут... И царь ждет!

— Чего ждет царь?

— Донесения о вашей смерти!

Джандиери выхватил царский пистолет, взвел курок...

— Что ж! — инок сложил руки на груди. — Выполняй и доноси!

Начальник царских телохранителей всадил пулю в могильный холмик... Дым окутал обоих.

Оглушенный звуком выстрела, Зосимэ едва расслышал:

— Кончено! Дорога к жизни вам отныне отрезана! Прощайте, отче! И простите меня! Значит, под вечер, у часовни, в каштановой роще.

Когда дым рассеялся, Джандиери был уже далеко: он быстро шагал под гору.

— Куда ты?! Не уйдешь! Стой! — погнался было за ним Зосимэ, но споткнулся о свою собственную могилу и упал. Джандиери даже не оглянулся и вскоре скрылся в лесной чаще.

Инок еще раз приподнялся и, никого не увидев, что было сил закричал:

— Я тебя разоблачу, так и знай! Разоблачу! Выведу на чистую воду! Ценой измены мне ничего не нужно! Ничего!

И когда лесное эхо возвратило его одинокий голос, Зосимэ почудилось, будто это кто-то окликнул его из могилы...

Черная грусть с новой силой налегла ему на сердце.

Ох, до чего же он устал! Как отдохнул бы он в этой земле. В прохладном лоне ее... Зосимэ, утомленный, провел рукой по могильному холмику.

А теперь — опять в водоворот суетной жизни! Жить среди неправедных и лживых. Быть свидетелем собственного падения. Уподобиться жалким людишкам, которые отвергли свое высокое естество... И ради немногих дней бренного величия готовы попрать и отвергнуть бога, человечность, отчизну... Высокую цель, любовь и честь... Лишь бы жить и наслаждаться жизнью... Дышать ими же самими отравленным воздухом... И есть ими же осквернённый, горький хлеб!

Вдруг осенила его новая догадка:

— А может быть... это все-таки мой царственный воспитанник?.. Не смог обречь меня на смерть, но не открыл мне этого? Значит, сердце его обратилось к добру? Но так, но таким образом? — вопрошал он свою пустую могилу и сам же отвечал:

— Это еще худшая кара! Убить меня для всего мира, вычеркнуть из числа верных и преданных, а для измены и вражды — оставить в живых!

— Нет!.. — приподнял голову Зосимэ. — Это все козни «вершителя темных дел», вдвойне вероломного! Он замышляет сделать из меня слепое орудие, и в то же время расставляет царю сети!

Он попытался встать, но почувствовал такое головокружение и боль в спине, что не смог выпрямиться.

Голова у него кружилась. Сама могила, казалось, ходила ходуном... В ушах все еще стоял грохот выстрела, а запах пороха раздражал раздутые от неровного дыхания ноздри. Зосимэ благоговейно поднял глаза ввысь... В воздухе все еще носилась прозрачная дымка... Быть может, это просто глаза у него застланы туманом, — и отныне Зосимэ осужден видеть весь мир как бы сквозь пороховой дым и воспринимать его как пустую могилу! У старика пересохло в горле, мысль его прерывалась. Он весь похолодел. Лишь сейчас, в сущности, понял он ощутимо, сколь близок был к смерти. Он вдруг обессилел, руки и ноги у него онемели. Через некоторое время он понемногу стал приходить в себя. Немного погодя он с трудом встал и неровным шагом побрел по тропинке, которая вскоре привела его к зарослям ежевики.

Здесь Зосимэ присел отдохнуть, осмотрелся.

Отсюда ответвлялась тропа к каштановой роще. Но Зосимэ даже не взглянул в ту сторону.

Взор его обратился к югу. Отсюда хорошо были видны проезжая дорога и Большой дворец. По-прежнему летели туда мысли Зосимэ...

Синий купол храма Архангела также оказался в поле его зрения. При виде его инок с изумлением подумал, что после безмолвной и, как оказалось, ненужной панихиды имя божие ни разу не приходило ему на память!

Это его встревожило и настроило на молитвенный лад.

Но на этот раз что-то ему помешало. Сила воображения заставила Зосимэ вновь обратить взор в сторону дворца... Он увидел, как из ворот выезжали всадники.

Войско растянулось по дороге, но направилось не в сторону Греми, а почему-то свернуло налево.

Впереди ехали двое. Зосимэ легко их узнал — один был царь Александр, он гарцевал на вороном скакуне...

Другой был Джандиери.

Догадался инок — тайно, в обход Греми вел царь в поход новое войско. И тотчас стало ему ясно, какая большая опасность угрожает отношениям Картли и Кахети и самому Александру. Намерение Джандиери «помешать» теперь явилось ему в ином свете... «Жизни не пожалею!» — сказал он. Чьей жизни? Ясно — моего воспитанника! И всадит предательскую пулю уже не в пустую могилу! Не потому ли едет он сзади, следом за царем?

Размышлять больше не было времени. Зосимэ прикинул на глаз расстояние и испугался: ему ли, старику, нагнать всадников?

Инок вскочил и пустился бегом через заросли, не разбирая дороги... Колючки цеплялись за полы монашеской рясы. Ветки кустарников сорвали с его головы куколь, растрепали ему волосы.

Путь ему преграждали чащи держи-дерева и шиповника и ежевики... Но Зосимэ не сдавался.

Нашлись силы и решимость. Он бежал, не щадя себя — только бороду прикрывал левой рукой...

И все равно он не успел бы догнать войско, не замешкайся всадники у родника...

Когда головные ряды достигли разрушенного моста, на горе показался Зосимэ. Спрыгнув на дорогу, он бросился наперерез всадникам и закричал:

— Стой, государь! Ты выступаешь в поход... А за спиной у тебя — измена!

Александр придержал коня. Гневно посмотрел он сначала на Зосимэ, потом — на свою свиту...

— Джандиери! — крикнул он громовым голосом, хотя тот был тут же, позади него.

— Он и есть... коварный изменник! Вот я здесь, перед вами — живой свидетель! — распростер руки инок.

Воины съехались, окружили его. Всем хотелось своими глазами увидеть «вставшего из могилы».

Приподнявшись на стременах, выглядывали ратники из задних рядов.

Тихий ропот изумления и сочувствия прошелестел в толпе. Александр вновь обвел взором всех...

Войско сгрудилось на дороге, остановилось в замешательстве.

Царь провел рукой по лбу и повернулся к свите и войскам:

— Назад, во дворец! Там дожидайтесь меня!

Никто, однако, не спешил исполнить приказ. Тогда царь повысил голос:

— Прочь! Все назад!

И направил лошадь прямо на передние ряды...

Тотчас все повернули коней и рысью поскакали назад, к дворцу.

Царь проследил за ними взглядом и, когда всадники отдалились, сошел с коня. Медленным шагом подошел он к старику...

Долго, в молчаливом недоумении смотрел он на своего разгневанного, непогребенного обличителя... Потом левый глаз у него затуманился слезой...

— Отец и учитель! Пастырь пастырей! Так вот ты каков?— Больше ничего не смог вымолвить Александр...

Он опустился на колени... И стал истово целовать белую бороду и подол монашеской рясы, утыканной шипами и колючками.

— Да будет воля твоя! Да будет воля твоя!

...Немного погодя столпившиеся у ворот дворца войско и сановники увидели на дороге идущих бок о бок царя и его воспитателя.

За ними вслед, волоча уздечку и понуря голову, шел боевой конь государя.

Конец первой части

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЕРЕВОД И. ДАДИАНИ

ГЛАВА I

БРАТЬЯ

Понурив голову, внимал царь Александр подробному рассказу Шермазана Чолокашвили о вынужденном посещении Мцхета кахетинским войском. С горькой отчетливостью вставало перед его мысленным взором недавнее прошлое, и воспоминание это то бросало его в краску, то заставляло бледнеть.

В душе царя шла нелегкая борьба. Александр из Торгва пытался переспорить Александра из Дигоми и Марткоби, а третий, живущий в душе царя Александр из Маквлиани, краснел и сгорал от стыда за поведение первых двух.

Название каждого места сочеталось с тем или иным деянием и как бы лежало в его уме отдельно, подобно сброшенной шелковичным червем коже.

«Сколько раз еще буду менять я кожу?» — думал царь в досаде.

Вернувшемуся «из гостей» войску царь выслал навстречу арбы с провиантом и велел военачальнику распустить людей, не доходя до Греми. Потом вызвал к себе Давида Джандиери, и в его сопровождении отправился в дворцовую церковь к отцу Зосимэ.

Старец встретил его в часовне богородицы. Он лежал навзничь на узком ложе и тяжело дышал, свесив голову с пушистых ковров.

— Занемог святой отец, государь! — шепотом доложил

келейник Дорофей и, побрызгав старца водой, поправил бессильно свесившуюся голову, растер ему уксусом виски.

Зосимэ с трудом приоткрыл глаза, попробовал привстать, но не смог сдвинуть с места обессиленное тело. Джандиери подставил руку, приподнял старику голову. Усталые глаза Зосимэ остановились на Давиде, которого он узнал лишь по длинным усам.

— Будь я прав перед целым светом, перед тобой я все же виноват... Оклеветал тебя! Взял грех на душу, — вздохнул старец и снова смежил веки.

Царя старик даже не заметил.

Александр повелел перенести больного во дворец, окружил его лекарями.

Старик долго был без сознания, потом у него поднялся жар, он стал бредить. Монахи и епископы бодрствовали по ночам у ложа Зосимэ. И не раз соборовали старца.

«Я пощадил его... Так неужели он все-таки скончается у меня на руках?» — в волнении думал царь. Покончив со спешными делами, он тотчас шел навестить наставника, присаживался в кресло, стоявшее в головах у ложа больного и смятенно вслушивался в неровное дыхание старца, в отрывистые его выкрики и стоны. Часто слышал Александр и свое имя, словно молитва, повторяемое монахом в бреду. И еще чье-то имя поминал Зосимэ, но царь никак не мог его разобрать... Потом, наконец, понял, почувствовал сердцем, догадался.

Вернувшись во дворец, Александр заперся в опочивальне. Долго он размышлял, доискивался до корней, разбирал подробно происшедшее. И все же не сумел постичь все до конца, достигнуть самого дна своих сомнений. Тут под руку ему попалась летопись, составленная старцем Зосимэ. Он листал ее до полуночи, словно желая почерпнуть в ней высоконравственный, мудрый и верный для дела ответ.

— Эта тройственность меня губит! Что мне делать, если я не могу слить, соединить все воедино? — И царь снова читал вслух, выбирая даты из «Алазанского Гулани»[1], составленного монахом.

«В лето 1574-го от рождества Христова... Скончался славный царь кахов Леван и началась среди его сыновей распря и междоусобная война... Господь даровал Александру победу при Торгва, и он воцарился в Кахети.

---

[1] Гулани — церковные записи, или летопись.

1578 год — Лала-паша напал на Самцхе и захватил всю землю сию от края до края... Заняли турки и Картли... Царь кахов заключил перемирие с захватчиками. И освободили царя Симона иранцы, дабы напал он на турецкие войска и прибыл Симон в Картли, и поднял меч против турок...

1580 год — была война с шамхалом и со многими мурзами и черкесскими правителями, и победили кахетинцы.

1582 год — царь кахов Александр тайно напал... на...» Запись обрывалась... именно об этом были горькие мысли царя — что же впишут далее... И на чистых еще страницах Александр ясно увидел свои черные, задуманные в ослеплении, дела.

Александр закрыл летопись, посмотрел в окно. Гремская крепость и узилище, крепостная ограда... Казалось, они были продолжением летописи, словно писанная кровью и известью строка, протянувшаяся вдоль края небесного свода и гор.

— Запишем и мы! — решил царь, повел рукой, как бы отбрасывая паутину сомнений, и поставил на окно светильник.

Вскоре в окне узилища зажегся ответный огонек.

Александр открыл потайной шкаф, спрятанный за большим ковром, затем внутреннюю дверь и вступил в узкий коридор.

Между крепостью и обоими дворцами был тайный ход с целой сетью разветвлений. Александр слыхал еще от отца: «Уют царской перины — это потайной ход».

Тоннель сначала спускался вниз, а затем ровно тянулся до самого родника. Здесь сходились три развилки-хода, ведущие к храму Архангела, к узилищу, к лесу и дальше — к верхнему дворцу.

Александр стал подниматься по подземной лестнице и подошел к узилищу.

— Родник!

— Сто мечей!

Дверь отворилась. Наверху ожидал Давид Джандиери. Александр закутал лицо башлыком и пошел вслед за ним.

Давид угадал безошибочно и, не спрашивая, отпер нужную одиночку.

«Воистину правильно я поступаю! Коль скоро и другим все ясно без слов!» — подумал Александр и вошел в келью.

Два брата, сыновья одного отца, стояли лицом к лицу и глядели друг на друга, не узнавая.

Кайхосро, когда глаза его привыкли к неожиданному свету,

разглядел незнакомца в бурке, с закутанным лицом, и еще теснее прижался к сырой стене.

— Кто ты?

— Кто бы... — Александр оборвал на полуслове.

Кайхосро преодолел страх.

— Кто бы ты ни был — ты человек, христианин... Значит, ты — брат мне... Я приму тебя и сочту за брата, даже если ты несешь мне беду и горе!

Давид укрепил свечу и вышел, прикрыв за собою дверь.

Царь почувствовал, что задыхается. Откуда-то, из далеких провалов памяти нахлынули воспоминания... Знакомые лица и образы... Детство... Мачеха... Единокровные братья... Смерть отца... Победа при Торгва..., Радости и печали шли рядом, сопряженные, слитые воедино...

Узнику молчание незнакомца в бурке показалось дурным предзнаменованием.

— Значит?.. — Кайхосро не хватило дыхания. Он прижал к сердцу закованную руку.

Александр молчал. По дороге сюда все казалось ему легким — а здесь он стоял и не знал, с чего начать.

— Чего ты у меня просишь? — спросил он неожиданно.

Кайхосро не сумел выговорить ни слова. Ему уже пришлось однажды пережить свою смерть. Он понял: на этот раз дни сочтены.

— Чего ты просишь? — вновь спросил незнакомец в бурке.

— Только причастия!

— А еще?

Кайхосро пристально посмотрел на собеседника с закрытым лицом, затем огляделся вокруг, словно прощаясь с привычными, как старая одежда, стенами узилища. Даже руку протянул, загремев цепью.

— Эту цепь... Если ты облечен властью.

— Ты не узнал меня? — И Александр распахнул бурку, откинул край башлыка, но, не соразмерив движений, случайно задел свечу, и она погасла. Черная бурка, казалось, окутала всю келью.

Нет, не узнал! Не успел рассмотреть... Может быть, ты изменился, или же я и не знал тебя никогда!

В голосе Кайхосро Александру послышались отголоски отцовской хрипотцы.

— Изменился? Да, немало времени прошло... — и Александр вспомнил о своих поседелых висках, о складке, рассек-

шен лоб, и сети морщин, сплетенной временем под глазами. Пошарив рукой, он открыл дверь. Джандиери подоспел с новой свечой, но тот, кого приняли, как брата-христианина, не признав в нем единокровного брата, не вернулся в келью. Расположение духа его изменилось. Он вновь направился к подземному ходу.

— Что посоветуешь? — глухо спросил царь Давида. — Это — твоя добыча... овца из твоей паствы!

— Не моя — отца Зосимэ... Государь!

Давид открыл дверь тайника, осветил лестницу и заключил уверенно: — Вне подозрений... Опасности нет...

Царь знал, слова эти относятся к узнику, а не к темному пути в подземелье.

— Чего потребует от меня царевич?

— Ничего, кроме своей цепи!..

— Что вы привязались к этой цепи? — вспылил Александр. — Именно от нее я и хочу его избавить!

Джандиери знал, что это благодатный гнев, и не оробел:

— Голову даю на отсечение, больше он ничего не попросит...

— Ладно, отдай ему эту цепь... Пусть утром будет там, у своего пастыря! — Александр махнул рукой, согнувшись, нырнул в лаз и пробормотал:

— Не узнал меня! Да разве я сам себя узнаю?

Джандиери поспешно закрыл дверь на засов; царь не выносил даже невольных свидетелей своих мыслей вслух. Испытанный царедворец погасил сигнальный огонь и вернулся к узнику.

Когда он вошел в келью, Кайхосро молился, преклонив колени. Бледный, но примиренный, успевший побороть предсмертную тоску.

Даже не приподнявшись, взглянул он на Давида:

— Пастырь не придет ко мне?

— Встаньте, царевич!

Плечи Кайхосро дрогнули. За все эти семь лет ни разу не называл его царевичем Джандиери.

«Царевич»... Слово, потерявшее свое значение... Там при Торгва... И вдруг... «Смерть — или свобода!» — одна лишь отчетливая мысль светилась в сознании узника. Все это походило на сон и наваждение.

Лязгнул ржавый замок у самого подножия стены. Цепь осталась в руках узника... А потом — не он вышел из тьмы, а светлая комната пришла сама и окружила его, волочащего

цепь за собой. Кузнецы ломали оковы на его щиколотке. Растерянный, он не мог отличить грохота их молотков от биения собственного сердца. От ветра, дувшего на воле, у него закружилась голова. Он невольно провел рукой по ставшему необычайно легким телу. Ему казалось, что он обнажен... Одет, и все-таки гол, словно новорожденный... Без привычного покрова, без цепи, он будто лишился оболочки, и казалось, его беззащитную грудную клетку окружает необъятное пространство. Кайхосро отвык ходить. Нога, освободившись от цепи, то волочилась позади, то забегала вперед, мешая идти, он то и дело терял равновесие.

Он шел посреди улицы, но уже не опустив голову: напротив — смотрел вверх. Небо, усеянное звездами, еще больше усилило сходство происшедшего со сном... Он закрыл глаза, но все равно продолжал видеть звезды. Потом кто-то помог ему встать и повел вперед. По тени усов он узнал Джандиери. Тот говорил ему что-то приятное, но Кайхосро ничего не понял. Привычный к тишине, он слышал тысячи шумов. Тысячи разных ароматов впивались ему в ноздри, привыкшие к сладковатому запаху сырости и тления. Мир ослеплял его множеством красок, хотя была полночь. А вот булыжника мостовой он не замечал. Дома казались ему тенями — зато он осторожно обходил тени деревьев, лежащие на дороге. Когда его подвели к какому-то длинному строению, он замешкался на лестнице. Потом его ослепил свет. Шатаясь и сдерживая себя, поднимался он наверх, и пока рокот воды, стекающей по желобу, не донесся до его слуха, глаза ничего не смогли различить вокруг. Он невольно заглянул в полный бассейн и вздрогнул — на зеркальной поверхности воды отражался какой-то незнакомец с всклокоченной бородой... Но банщик пустил сильную струю из желоба и отражение исчезло.

— Эваллах! Я узнал вас, мирза-царевич! Чтобы смыть семилетнюю грязь, понадобится немало воды! Я Рахим-ага, ваш старый банщик!

Когда после купания банщик накинул на него белоснежную простыню. Кайхосро побрызгал себя холодной водой и попытался собраться с мыслями.

— А цепь? — вспомнил он, повернулся к мраморному ложу... Банщика уже не было. Около шкафа с одеждой, он увидел два узла.

«Для меня оставили!» — Кайхосро открыл первый узел. Там оказалась богатая одежда из шелка и бархата — шарова-

ры, куладжа, такие он носил раньше, когда был царевичем. И не одну пару сносил. Кайхосро зажмурился, провел рукой по ворсистой поверхности, погладил отороченный мехом ворот, пощупал мягкие сафьяновые сапоги, мысленно одобрил шитые золотом застежки... Думы о прошлом заставили его вздрогнуть, но Кайхосро уже не мог представить себя в прежнем нарядном уборе. Он открыл глаза и взялся за второй узел.

В нем оказалась темная, хорошо сшитая монашеская ряса с куколью. Было там еще нечто тяжелое и гибкое, завернутое отдельно.

— Это мое! Я здесь! — и Кайхосро прижал к груди зазвеневшую цепь. Протянул ее накрест по голому телу и, препоясавшись, сразу успокоился... Привычная холодная форма пришлась как раз впору. Все тридцать семь звеньев его цепи вновь были с ним... но отныне не как оковы, а как духовная броня.

Он надел поверх цепи белье и монашеское одеяние. Кто-то, видимо, следил за ним. Тотчас явился цирюльник, подал бритву, ножницы, зеркало. Кайхосро попросил только гребень, сам расчесал себе волосы и бороду. Заглянул в зеркало. Перед ним стоял уже заметно седеющий священнослужитель. Таких Кайхосро видел нарисованными на стенах храмов. Рука его дрогнула, зеркало выпало, разлетелось на мелкие осколки.

— Пусть оно унесет с собой все ваши горести, царевич!

У дверей стоял Давид Джандиери и почтительно ждал. Кайхосро, словно недавно научившийся ходить младенец, шел вслед за своим бывшим тюремщиком и с болью в сердце думал об оставшейся позади, разбитой, как это зеркало, молодости...

Перед дворцовыми воротами сердце у него заколотилось, а у ложа отца Зосимэ он расплакался, — когда лобызал метавшегося в жару больного.

— Сынок! Кайхосро, ты? — с трудом узнал его Зосимэ. — Хвала всевышнему.

Когда коленопреклоненный, прильнувший к груди отца Зосимэ, Кайхосро поднял голову, то заметил у изголовья больного незнакомца с суровым лицом и черными с проседью волосами. Подрагивающее веко и дергающаяся бровь неизвестного привлекли его внимание.

— Лекарь, не причиняю ли я вреда пастырю? — негромко спросил Кайхосро.

— Ты все еще меня не узнаешь?

— Александр?!

ГЛАВА II

В СУЛАКСКИХ ЗАРОСЛЯХ

Северный Дагестан был тенистым и солнечным одновременно. Горный туман смешивался с паром, поднимавшимся с долины и с Каспия, пониже могучих хребтов вокруг высились небольшие скалы и холмы, изрезанные каменистыми ущельями. По берегам Сулака холмы и равнины сменяли друг друга...

За поворотом неожиданно вставала перед путником вершина, а следом за ней открывалась поросшая колючим кустарником низина.

Леса, покрывавшие склоны, словно подвязанные к горам передники, защищали долину от камнепадов и осыпей. А у самого подножия горы были как бы оторочены молодой порослью кустарника и камыша.

Между гор текла полноводная, бурная река. Шелестели обрызганные росой листья. Ныряли и барахтались бесчисленные дикие утки, длинноклювые водяные курочки. В зарослях ежевики по утрам кричали фазаны.

Но гремскому грамотею Зазе все представлялось совсем иным. Да и мудрено ли — в десять лет заблудиться невесть где, на чужой стороне.

Он даже не помнил хорошенько, сколько уже дней и ночей бродит по этим холмам — то вверх, то вниз. Заза боялся всего и всех — людей и бессловесных тварей. Но пуще всего он избегал дороги. Там его ждал самый опасный зверь.

Перед его глазами стояли лесистые берега Алазани, нападение лезгин, неожиданное пленение, башня Аслана-мурзы, оковы, — и побег в темную, дождливую ночь. Тень отца, идущего впереди, погоня... И, наконец, эта река — и спасшая, и

погубившая его. Мальчик помнил корягу, плывшую по волнам, мокрую голову исстрадавшегося отца и нежданно... Как обухом по голове — возникшая впереди скала, похожая на спину чудовища.

Но тут все смешалось в его памяти — вздыбившаяся коряга, омут, отчаянная борьба с водоворотом...

Мальчика спасло умение плавать — навыки, приобретенные на Алазани. Он-то уцелел, но что отец?

Вот и берег, куда прибила его волна, измученного, обессиленного. Пустынный, чужой берег... Полное одиночество, а быть может, и сиротство?!

— Нет, нет... Отец! — из груди Зазы вновь рвался тщетный зов.

Мальчик охрип, исхудал, остались лишь кожа и кости, даже слезы, казалось, иссякли в глазах. Но выхода не было — нужно идти, и Заза поплелся вдоль берега.

Он был одинок в этом чужом краю. Лишь маленький материнский крестик на груди да отцовская рукопись «Соцветие слов» — вот все, что осталось ему взамен отца и матери, стало его надеждой и утешением.

И он берег их как зеницу ока. Особенно «Соцветие» — начертанные отцом знаки, родные и близкие сердцу. Заза с трудом высушил рукопись на солнце и спрятал ее на груди.

Он шел осторожно, выбирая безлюдные места, но вскоре выбился из сил от голода и был вынужден выйти на дорогу.

Мальчик крался, прислушиваясь к каждому шороху.

Сзади послышался топот копыт. Заза тотчас залег, спрятался в кустах, проводил всадников взглядом. Это были лезгины, но Заза не почувствовал на этот раз обычного страха. Гораздо сильнее волновало его другое. «В хурджине у них верно есть еда?!» — И он словно завороженный стал красться вслед за путниками.

Лезгины расположились на перекрестке, возле родника и стали есть. Когда они уехали, Заза кинулся к источнику, подобрал куски хлеба и крошки сыра и съел. Потом укрылся в кустарнике над родником и стал наблюдать.

Появились еще путники. На этот раз они ехали вверх. Эти тоже остановились возле родника передохнуть и подкрепиться. На месте привала остались полуобглоданные кости, куски хлеба, обломок каменной соли и множество других вкуснейших вещей.

Заза решил остаться здесь. Он по-царски наелся и вскоре даже заснул в своем убежище.

Его разбудили шум и фырканье лошадей.

Была уже ночь. У родника остановился целый отряд. Незнакомцы громко переговаривались на непонятном языке.

Нет, язык их не походил на лезгинский. К тому же ни лезгины, ни другие горцы не стали бы так громко разговаривать и шуметь ночью в лесу.

Пришельцы не походили на лезгин и одеждой. Правда, на них были черкески, но несколько иного покроя, и не на всех. Изредка раздавались женские голоса. «Может, это пленные?» — подумал Заза и весь обратился в слух... крепко сжал рот, чтобы пришельцы не услыхали, как у него стучат зубы.

Незнакомцы разожгли огонь, расположились лагерем. Развернули бурки и достали еду. При свете костра Заза заметил, всадники пирамидами сложили ружья в сторонке и выставили дозорных по краям лагеря.

Затем они поставили шатры и сняли поклажу с лошадей.

Один костер горел прямо на обочине дороги у самого родника. Когда огонь разгорелся, мальчик заметил мужчину с обвислыми усами. Он всем указывал место. Его раскатистый голос раздавался по всему лагерю. Шапка на нем была одета набекрень, а на бок свешивался чуб.

«Верно, главный?» — подумал Заза, и им овладел беспричинный страх.

Но присмотревшись, мальчик понял, что в лагере собрались мирные люди, были там и женщины. Их смелость и громкий смех удивили Зазу.

Усач прошел совсем близко от затаившегося мальчугана.

Нет, главарь этот вовсе не походил на лезгина, он оказался курносым и белокурым, с заметной проседью. Мысли Зазы путались. От котлов, стоящих на костре, поднимались колдовские запахи. Некоторые из путников уже приступили к ужину.

«Сколько еды останется после такой трапезы!» — думал мальчик, но вместе с голодными мечтами улиткой вползло в душу и любопытство: «Господи, но кто же это такие?!»

Страх все-таки сдерживал нетерпение, и мальчик, не покидая своего убежища, дрожащими ноздрями вдыхал соблазнительные ароматы.

А в лагере покончили с ужином. Главный зарокотал палочками по маленькому барабану. Звук был похож на стук

градин, падающих на кровлю. Услышав барабан, сменились дозорные. Путники улеглись спать. Лагерь сразу затих.

«Смотри ты, какая сила в этом маленьком барабане! Видно, он вместо колокола?! — думал Заза, внимательно приглядываясь к каждой мелочи.

Постепенно в лагере все уснули; и главарь подсел поближе к огню, может, даже задремал.

Вот тогда и случилось нечто очень важное для Зазы. Сначала старик громко чихнул, потом приложил большой палец к ноздре, и звучно, «на одну ноздрю», высморкался:

«Нет, это не горец! Так в горах не сморкаются!», — заключил ребенок и стал приглядываться к старику еще внимательнее.

А того уже одолевал сон. Он зевнул и перекрестил открытый рот. Заза ясно это увидел. Схватился за грудь. Ведь и у него есть крест и «Соцветие» — его «запазушная» Грузия, которую он носит с собой. Там написано, да, он помнит это отлично: по ту сторону хребта... Христиане... Только русские... «Верно, это и есть русские! Христиане!»

Заза чуть было не вскочил, но снова его одолел страх. Мальчик уже был умудрен опытом. «А что, если я ошибся? Пусть рассветет... Утром посмотрю хорошенько!» — и он уже не отрывал глаз от усача.

Давно уже лагерь спит сладким сном, только дозорные движутся, ходят взад-вперед, словно тени.

Бодрствует в своем убежище и Заза. Вот только от страха и волнений усталое тело клонит ко сну.

Луна лениво катится по небу. Легкий ветерок колышет кустарник. А веки становятся все тяжелее.

Сон умчал его вдаль: Заза видит отца... И курносого усатого незнакомца... Потом перед глазами мальчика возник Гремн. Властитель колоколов пономарь Фило обеими руками звонит в колокол. У дворовой калитки плачет соседская Халиана — дочь Манасэ Джигаури. А совсем наверху мама: она сыплет цыплятам корм.

Шорох, раздавшийся неподалеку от кустарника, разбудил мальчика. Заза сразу очнулся, затаился, словно зверек. Он явственно различил в туманной утренней дымке — кто-то осторожно крался в кустах. Вскоре показалась вторая тень. Обе продвигались по земле ползком... И совсем рядом Заза услышал шепот. Говорили по-лезгински:

— Пора?

— Нет, пусть еще немного рассветет... Сначала дозорного... Только без шума...

Испуганному Зазе померещился голос его похитителя Аслана-мурзы. Он затрепетал, как лист на ветру.

А на востоке стремительно пробуждалась заря. Она окутала сонный лагерь светло-розовой пеленой. Вокруг Зазы словно ожили политые росой кусты, зашелестели со скрытой злобой. Лезгины ползком обходили спящих. У костра раздавался громкий храп. А дозорные лениво слонялись в верхнем и нижнем конце лагеря.

Внезапно один из дозорных исчез, словно его сдуло ветром. Кустарник зашелестел и тотчас все смолкло. Никто ничего не слышал. Только Заза понял, в чем дело. Мальчик одним прыжком скатился к родничку, прополз по-лезгински и очутился рядом со стариком, уснувшим у костра.

— Лезгины! Дяденька русский, лезгины! — приглушенно крикнул он, затормошил спящего. Русский приподнял голову, удивленно уставился на худого мальчишку в лохмотьях.

— Скорее, они уже близко! — Заза торопил его, размахивал руками, бил себя в грудь и совсем изумил старика.

Заза сообразил — прежде чем они поймут друг друга, лезгины нападут и перебьют спящий лагерь. Он вспомнил о барабане, заменяющем колокол, подбежал и ударил по нему своими дрожащими кулачками. Выбил неровную, но звучную дробь.

В лагере тотчас поднялся переполох. Русский схватил его за руку. Но барабанная дробь достигла своей цели, вскочившие воины уже бряцали оружием. Старик сердито прикрикнул на Зазу и даже дернул его за ухо, но в это время грянуло ружье дозорного.

Еще немного, и лагерь огласился ружейными залпами и боевыми кликами.

Лезгины все же попытались вырваться на дорогу, но казаки обратили их в бегство.

Уже рассвело, лезгины отступали. Все-таки им удалось похитить с десяток лошадей. Убили дозорного, были в лагере русских и раненые.

Придя в себя, казаки обступили Зазу. Они что-то говорили, а мальчик стоял и глотал слезы. Усач подозвал его, взял за руку, посмотрел на остатки оков на кисти. Потом расстегнул рубашку на груди... Вначале под руку попалась

рукопись, он долго вертел ее в руках, потом наткнулся на крестик.

— Гурджи?

— Да, да — гурджи. Грузин я... кахетинец! — наконец-то Заза понял хоть одно слово! Снова слезы потекли у него из глаз.

Старик вытер мальчику глаза и худые впалые щеки пестрым платком. Усадил его возле огня и кивая головой, протянул хлеб.

Заза забыл обо всем на свете, обеими руками схватился за хлеб и проглотил слезы вместе с неразжеванным куском. Казаки засуетились: одни принесли мяса, другие творог, кто-то даже предложил водки, но старик не позволил.

— Ну, Ногирин, что ты узнал? Кто он такой? — возле кучки казаков остановился сотник Данилов-Русин. Матвей Ногирин вытянулся перед стариком и доложил:

— Грузин он, бежал из лезгинского плена! Это он поднял тревогу! Спас нас!

— Молодец! — сотник провел рукой по курчавой голове мальчугана.

Насытившись, Заза снова стал размышлять: «Значит, главарь этот огромный белокурый воин, а не усач».

В лагере все занялись своим делом, только Заза остался сидеть возле угасающего костра.

Когда все были готовы тронуться в путь, старый Матвей Ногирин подъехал к мальчику. Долго говорил о чем-то, постукивал указательным пальцем по рваной рубашке на его груди.

— Заза меня зовут, Заза! — понял наконец мальчик.

— Ну, Зазай, так залезай! — и Ногирин помог сытому и успокоившемуся Зазе сесть в седло.

Астраханский сотник Данилов-Русин охранял со своими стрельцами русских купцов, отправившихся покупать ширванско-шемахинские шелка. Было у него и тайное задание разведать дороги торгового и военного значения на северных и на южных склонах Кавказского хребта. А также выкупить русских пленных, отобрать среди них толмачей, знающих язык. Но около Тарки купцам преградили путь всадники шамхала, не пустили отряд дальше. Ограбить их не сумели, но все время препятствовали продвижению вперед. Русские купцы повернули обратно.

На Тереке у русских была лодочная пристань. На другом берегу находились станицы вольных казаков.

У места слияния Сунджи и Терека и по сей день оставались развалины крепости, поставленной еще Иоанном Грозным.

Крепость разрушили для успокоения Крыма и стамбульских турок. Царские стрельцы ушли. По существу же, у Терской крепости оставалась еще довольно крепкая ограда. На ее зубцах дозорные вольных казаков вновь стучали сторожевыми колотушками и якобы по собственной воле закрывали туркам Шамхальско-Дербентскую дорогу.

Миновав лодочную пристань и крепость, караван попал в сравнительно спокойное русло. Теперь уже не спешили. Отдохнули на тихом лесистом берегу Терека.

— Ну как ты там со своим пленником? — спрашивали Матвея Ногирина казаки.

— Не пленник, а наш спаситель! Не подними он тревоги, поглядел бы я на ваши пустые продырявленные башки! — ворчал Матвей.

— Верно, но этот чубастый... Все-таки твой пленник!

— Не пленник, а приемный сын. Да, да — господь и на меня взглянул милостиво — решил: хватит шататься одному по белу свету.

Во время привала Матвей сводил своего приемыша на Терек. Прохладным вечером вода была особенно приятной. Путники шумно и весело купались. Матвей степенно шел по берегу, Заза удивленно глядел на богатырей казаков.

— Матвей! Сюда идите, сюда! — закричали женщины, увидев их.

— Веди его сюда... Выкупаем твоего кудрявого! — и две бабы вышли навстречу.

— Может, и впрямь, а? Доброе дело! — названый отец обернулся к Зазе, но тот выскользнул у него из рук и спрятался в зарослях.

Матвей растерялся. Потом напал на баб:

— Бесстыжие вы! С толку мальчонку сбиваете! Ну-ка, отойдите прочь! — и он пригрозил им прутом.

Громкий хохот, достигнув другого берега, вспугнул стаю диких уток.

Матвей отыскал в зарослях мальчика и, ласково приговаривая, свел в укромное местечко. Дал ему мыло, потер спину и голову вымыл. Попробовал снять с руки остатки оков, но не смог. Заза молча подчинялся незнакомому старику и тем

острее ощущал тоску по своему отцу. Наконец он разразился бурными рыданиями.

Чтобы как-то овладеть собой, Заза, несмотря на страх перед водой, все-таки окунулся с головой, ушел в глубину... А когда вынырнул — больше уже не плакал.

Матвей надел на приемыша свою запасную рубашку. И крикнул купающимся внизу:

— Ну-ка, пожертвуйте для кудрявого, для нашего спасителя по одежке...

...Вскоре причудливо выряженный Заза сидел под деревом, а вокруг него расселись русские.

Шаровары выбирали все вместе, но все-таки они оказались большими, и пришлось подвернуть штанины снизу. Бабы отыскали непарные носки и наспех сплели мальчику лапти из бересты.

Зазины лохмотья Матвей осмотрел самолично, и кроме малюсенького крестика и «Соцветия», все выбросил. А рукопись раскрыл и с невольным почтением непривычного к книгам человека, долго ее листал.

— Что это такое? Зачем тебе? — в сотый раз спрашивал он и кивал.

— Цигни?.. Картули?..[1] — повторил Матвей за мальчиком грузинские слова, но ничего не понял.

— Неужели эдакий малец умеет читать? — спросил сотник. — Давай, проверим! — он наобум раскрыл книгу, ткнул пальцем в первую строчку:

— Ну-ка?

Заза понял, прочел:

— Куди...

— Куди? — повторил Данилов-Русин. — Ишь ты, оказывается, умеет!

— Куди — это, — не имея собственной шапки, Заза коснулся шапки Матвея.

— Шапка? — воскликнул Матвей и гордо оглянулся на слушателей.

— Шап-ка... — по слогам повторил Заза. — Шап-ка, — оглянулся, увидел ложку за голенищем у Матвея, вытащил ее и рукоятью написал на песке грузинскими буквами — шапка.

Люди смотрели на грузинские буквы, как на чудо.

---

[1] Книга... Грузинская...

— А ну-ка и мне! — белобровый казак взял сумку и достал оттуда хлеб.

— Хлеб! Пиши!

— Место! Место! — Матвей расширил кольцо, разровнял рукой песок и сам протянул мальчику ложку.

— Хлеб — пури! — написал Заза и раскрыл книгу.

— Вот!

Все с любопытством заглянули в растрепанную, без первых страниц книгу, принесенную из-за гор.

Надписей на песке становилось все больше. Каждый хотел, чтобы написали сказанное им слово.

Только в сумерки разошлись книголюбы. Последними расстались с песочной книгой Матвей и его приемыш.

Перед сном вместе помолились. А в полночь, обнявшись, как родные, оба спокойно посапывали во сне.

Заза притих рядом со старым казаком, который ничем не походил на его отца, и в то же время, словно имел в корне своем что-то общее с ним.

Утром, когда Матвей проснулся, Зазы нигде не было. Матвей, состарившийся в одиночестве без жены и детей, почувствовал в сердце необыкновенную пустоту. Он тотчас встал и принялся искать Зазу. Расспросил всех, но парня никто не видел.

Вскоре пробудился весь лагерь, и люди стали искать пропавшего с большим усердием.

— Улетел твой грамотей! — говорили Матвею.

— Но-но! Не может того быть! — волновался Матвей. — Ну куда пойдет бежавший из плена?

— Поищи-ка его на песках возле Терека! — сообразил Данилов-Русин.

— Верно! Верно! — все устремились туда. Заза действительно был там. Он рассматривал написанное на песке и отмечал что-то в своей рукописи.

Казаки порывались окружить его, но Матвей остановил их, приложил руку к губам и тихонько шепнул:

— Не видите, на своем родном языке пишет парень. Это все равно, что молитва, не мешайте ему!

Разогнал всех, а сам присел неподалеку и стал терпеливо ждать.

ГЛАВА III

ТЕНЬ ЧЕРНОЙ КОЗЫ

Когда Сатино при помощи расспросов добралась до башни Аслана-мурзы, она нашла Мамуку в тяжелом состоянии. Его недавно привели с берега Сулака. Избитый, связанный по рукам и ногам, валялся он в верхнем этаже башни, и некому было даже подать ему воду. Мамука, казалось, не ощущал собственных страданий. Притихший, глядел он на чердачный ход запавшими и горячечными глазами, и все мерещилась ему тень сына, бревно, вздыбившееся на волнах Сулака и на нем бледный, весь вымокший Заза...

Это бревно погубило Мамуку... Оглушило, подмяло его под себя... Но оно же и спасло его нежданно: цепь запуталась в сучьях и волна вместе с бревном выбросила его, наглотавшегося воды, на берег. Здесь Мамуку настигли лезгины и избили до полусмерти.

Придя в себя, он тотчас спросил о Зазе. Ему показали на волны и всыпали еще. Несчастный отец только застонал и стих. После этого он не чувствовал ни побоев, ни горечи обратного пути. А потом его одолела лихорадка.

Пленника отвезли в аул, связали и заперли в башне.

Аслан-мурза еще был в отсутствии, когда Сатино при помощи Зухры напала на след Мамуки.

Встреча их была ужасна. Сатино впустили в башню, ничего ей не сказав. Мечущийся в горячке и убитый горем Мамука поначалу даже не узнал жену. Да и мог ли он ее ожидать здесь?

Тень Зазы, преследовавшая его, внезапно исчезла, и в светлом проеме открытой двери возникла нежданно тень другого близкого существа...

Дверь затворилась, но тень женщины не исчезла.

Мамука почувствовал, что это смешались бред и явь... Он видит... узнает ее... несчастный даже разобрал слова своего бреда...

— Сатино! Ты ли это? Отвечай...

Связанный Мамука с трудом приподнялся на локте.

Сатино молчала... Озиралась вокруг ошалелыми глазами — Зазы нигде не было видно.

Мамука не выдержал, голова его упала на пол, бред и смятение вновь объяли несчастного.

Нет... Из такой дали... Через горы... Невозможно! — И слава богу... Иначе, что бы я ей ответил?.. Что?!.. Я жив, а он...

— Заза, — вырвалось у Сатино.

— Погибли мы! — И Мамука с такой силой стал биться затылком о каменный пол, что в глазах у него потемнело. Стон застрял в высохшей глотке.

А потом... Лишь долгое время спустя он почувствовал, что голову и грудь словно отпустило... Постепенно Мамука пришел в себя, казалось, он медленно выходит из темной глубокой ямы. Больной ощутил под головой мягкую, желанную теплую и знакомую опору. Неповторимое чувство, оставшееся там за горами... Словно предстало в иной жизни... Заботливые руки и родные колени... Сердце его не умещалось в груди, он снова попробовал вскочить...

— Лежи... Лежи! Успокойся... На, выпей!

Мамука ощутил на пересохших губах прохладу глиняного кувшина. Жадно, не переводя дыхания, выпил воду.

— Слава господу! Кто ты, благодетель?

Внезапно он почувствовал, что руки его больше не связаны за спиной, и не затекли, а свободно лежат на груди... Он снова схватился за кувшин, запрокинул его и стал пить, но не удержал, и вода вылилась на шею, попала в дыхательное горло... Снова перед глазами его возникли взбаламученные воды Сулака, но кто-то вытер ему грудь, взял кувшин... Будто спас от сулакских волн.

— Кто ты? Я, кажется, схожу с ума!

Сатино женским чутьем поняла, что нужно сказать все сразу, и как можно короче:

— Я Сатино! Пришла выкупить тебя и мальчика. Успокойся, соберись с силами. Дома ведь другой, младший, остался! — Сатино еще ниже склонилась над больным.

— Слава тебе господи! — лежащий навзничь Мамука еще крепче прильнул к коленям жены, дотянулся рукой до ее шеи, заставил наклонить голову, но почувствовал, что женщина не подчинилась ему. Невидимой трещиной между ними пролегла тень Зазы.

— Дома? Горе мне, сынок! — беззвучно всхлипнул Мамука.

— Дома остался наш Сиауш... Больше ни о чем не говори мне, ни о чем!

У женщины дрожали колени, но она не плакала... Сатино будто окаменела. Она настойчиво шептала мужу:

— Молчи! За дверью стоит страж, не показывай ему своего бессилия! Мы среди врагов! Крепись!

Мамука закусил губу. Боль напомнила ему, что у него выбиты зубы. Он снова уставился на Сатино. В окно проникал луч света.

Уже совсем рассвело, или может, обретя надежду, он вновь прозрел? Мамука искал в затуманенных глазах жены сочувствия и былого понимания. В них светилась самоотверженность, любовь и заботливость, но чувствовался немой укор. Между мужем и женой не получилось сердечной беседы. Казалось, помимо их воли, меж ними шел молчаливый спор:

— Я требую своего сына!

— ...Я старался, как только мог...

— Не знаю... Ты-то сам жив!

— Горе мне! Лучше бы я погиб сам... Но господь пожелал иначе!

— Несчастный! Я не у всевышнего требую ответа — у отца! Где мой сын, мой первенец?..

Тут сердце отца смолкло, не вынесло осуждения матери.

Все остальное уладилось совсем просто. Сатино легко дали выкупить искалеченного пленника. Возвратившийся Аслан-мурза взял с горюющей матери не столь уж большой выкуп. Он вручил ей охранную грамоту — сделанный самим же Мамукой кусок пергамента со своим знаком.

Благодаря заботливому уходу Сатино Мамука быстро оправился и через две недели был здоров.

Дольше медлить уже было нельзя.

На обратном пути Сатино зашла к Зухре. Она оставила Мамуку за околицей — чутье подсказало ей, что так лучше. Зухра уже слышала об истории Мамуки и Зазы и встретила ее со слезами, но целовать не стала. Для нее Сатино была теперь женщиной, которая нашла своего мужа, то есть, по-женски была счастливее ее и, следовательно, в чем-то была ей враждебна... Чтобы излить желчь, Зухра спросила:

— Как твой муж? Трудно будет его перевести через горы? — Зухра картинно согнулась, провела рукой под носом сверху вниз, словно показывая свисающие усы.

Сатино по язвительному тону догадалась о смысле лезгинских слов и издали показала ей мужа.

— Быстро перейдем, сейчас ему хорошо... слава богу! — перекрестилась и задорно подняла кверху большой палец.

Расставаясь, Зухра все-таки прижала к груди кахетинку.

Сатино еще не успела выйти со двора, как ее нагнал сын Зухры — Вас-Меджид, бросил у ее ног связанную черную козу и поднял нож, собираясь ее прирезать. Сатино поняла и этот намек. В Дагестане, так же как и в Грузии, поминая утопленника, согласно обычаю, резали черную козу. Кроме сочувствия, было здесь и нечто иное, понятное только женщинам, — то самое узкое место, где Зухра могла одолеть Сатино.

Но сердце Сатино не подчинилось. Инстинктивно она никак не могла примириться с гибелью Зазы. Она схватила Вас-Меджида за руку, придержала занесенный нож, погладила шею козы, развязала ей ноги. Достала из-за пазухи красивые пестрые рукавички и протянула Вас-Меджиду:

— Носи в память о Зазе... Он твой ровесник — пусть господь пошлет вам обоим счастье! — и вышла со двора.

С кровли Зухры уже доносился глухой, протяжный стон... Лезгинка негромко, но отчетливо, причитала.

Глаза Сатино наполнились слезами. Она заспешила, словно убегая от собственных слез и от черной козы.

В конце деревни Сатино и Мамуку еще раз нагнал Вас-Меджид. За ним вприпрыжку бежала с веревкой на шее черная коза — уже как подарок Зухры.

Кедская женщина давно ожидала у вдовы Зулейхи свою попутчицу. Сабедо успела перевернуть надетое под дорожным лезгинским нарядом наизнанку грузинское платье и не отпускала от себя выкупленного из плена сына Сосию.

Несколько дней спустя кахетинцы перешли Кадорский перевал. Впереди шел Сосия, он больше всех спешил на родину. За ним следовала Сабедо, казалось, она никак не нарадуется на своего сына, но разве мало у кахетинской женщины горестей? Теперь Сабедо оплакивала беду Сатино и просила у господа, чтобы все дагестанские реки потекли вспять.

А за медленно идущими Сатино и Мамукой, как скорбная дума о Зазе, плелась черная коза.

ГЛАВА IV

МОНАХАМ — МОНАШЕСКОЕ

«Моей сестре, царице Картли Нестан!» — писал по совету отца Зосимэ Кайхосро в Тбилиси. Письмо посылалось с ведома Александра. Более того — оно звучало как косвенное извинение за «дигомское оскорбление». — «Брат наш Александр, повелитель кахов, простил мне прошлые грехи... Ныне освободил и вновь почитает за брата...» А в конце Кайхосро даже приписал привет от Александра: «Да будет ныне между нами полное понимание. Мои добрые пожелания мудро борющемуся за счастье грузин зятю нашему царю Картли Симону и его достойной супруге», а от имени Зосимэ: «Благословение и хвала за мудрость, проявленную в Светицховели».

Кайхосро вручил Александру незапечатанное письмо у ложа Зосимэ. Царю кахов было приятно такое доверие, но он не стал читать письма; ничего не сказав, царь тотчас призвал Джандиери, велел в присутствии Зосимэ и Кайхосро, не читая запечатать письмо, поставил свою печать и отправил со скороходом в Тбилиси.

Зосимэ оценил поведение обычно подозрительного Александра.

Братья часто виделись у постели больного, но большей частью молчали... Видимо, стеснялись друг друга.

К Зосимэ приходило бесчисленное множество посетителей: проведать или провести ночь у изголовья больного, а может и затем, чтобы поглядеть на Кайхосро... Но старец никого не принимал, кроме священников. А как только ему немного полегчало, тотчас приступил к завершению своих многочисленных благотворительных и книжных дел.

Пока что он никому не говорил о своих замыслах. Тяжкая болезнь, во время которой он находился на грани жизни и смерти, дала почувствовать суровому отшельнику, что годы идут, а времени для исполнения самых сокровенных намерений и для молитв у него так и не остается.

Не сумел изгнать Зосимэ из сердца и горечь от последних событий. И еще одно: Картли и Кахети находились теперь в столь сложной обстановке, что дело их объединения могло ограничиться разве что молчаливым примирением Александра

и Симона. Посредничество Кайхосро в данном вопросе казалось вполне надежным. Что же касается судьбы Кахети в частности, то с этим справится и сам Александр. И однажды, когда царь вновь посетил его, старец встретил его уже на ногах.

— Хвала господу, я вижу тебя здоровым!

Зосимэ благословил царя и ввел его в малую келью.

— Государь! Я прошу милости...

Александр сдвинул брови.

— Царевич Кайхосро осмелился просить... он решил постричься в монахи. Молит о разрешении... Как государя и как главу его семьи.

— А ты мне что посоветуешь?

— Я обучил его всесторонне... Он проявил большое рвение в богословии... Выковал в себе нравственную силу и чистоту... Думаю, когда-нибудь как достойный сын своей родины он станет рядом с тобою и украсит страну, как высоконравственный пастырь!

Александру уже было известно об этом мудром замысле, но и он заглянул далеко вперед:

— Я согласен! Вручу ему первую же свободную епископскую кафедру! — царь встал, но Зосимэ заговорил снова:

— И еще одна просьба, сын мой и государь! Постарел я... И святые дела требуют своего. Трудно мне дольше пребывать в миру... Прошу тебя, отпусти меня! Поселюсь где-нибудь в дальней пещере или келье и проведу оставшиеся мне дни в чтении и молитвах.

— Нет, не могу я тебя отпустить, отец мой! — после долгого молчания твердо ответил Александр.

— Отпусти, бога ради! Заклинаю светлым именем твоей матери, блаженной Тинатин! Я выполнил данное ей обещание, — монах встал. — Сын, порученный ею моим заботам, доблестно правит страной... Что я мог, чем обладал, все отдал ему, не жалея! Ужели не могу я располагать оставшимся мне коротким временем, чтобы позаботиться о своей душе?

— Кто служит стране, тот уже не принадлежит самому себе, отец мой! От тебя познал я эту вечную мудрость! Не могу я тебя отпустить!

— Когда человек перешагнет за шестьдесят, он совсем по-иному глядит на мир... И спокойствие духа кажется ему желанным, как далекая мать!

У перенесшего тяжкую болезнь старца истощились силы, и он закончил нетерпеливо:

— Не неволь меня, государь. Мое присутствие во дворце сейчас тебе не так уж необходимо.

Царь почувствовал в словах Зосимэ скрытый упрек.

После возвращения из Маквлиани о последней стычке между ними не было сказано ни слова... Словно оба вычеркнули из жизни это дурное воспоминание. А теперь Александра что-то кольнуло в глубине сердца, будто заныл старый шрам... Но это не разгневало его как раньше, а лишь устыдило. Ведь в конце концов и Зосимэ человек — из крови и плоти, перенесший болезнь, усталый, знающий, как другие, радость и печаль, имеющий свою судьбу!

— Хорошо! Но на время, только на время! И если дело того потребует, я тотчас призову тебя! Не обессудь! — Не давая старику времени для возражения, Александр направился к двери. В коридоре ему повстречался Кайхосро.

— Хосро! — обратился он к нему уже по-домашнему. — Где ты предпочитаешь принять схиму?

Лицо Кайхосро озарила радость, сердце его дрогнуло при звуке позабытого имени детских лет...

— Спасибо, брат мой, за разрешение! Там, где посоветует мне мой пастырь.

Это были первые братские слова, сказанные меж братьями.

У Александра зародилось подозрение. Он чувствовал — духовно Кайхосро гораздо ближе к наставнику. «Неужто он возьмет его с собою? Может, они договорились заранее», — Александр оглянулся на идущего следом старца и обронил словно бы невзначай:

— Отец Зосимэ и сам собирается укрыться от мирской суеты!

— Неужто? — испуганно вырвалось у Кайхосро, и он обернулся к старцу.

— Правда, сын мой и брат!

Беспокойство Александра рассеялось, и как это обычно случается с недоверчивыми людьми, мысли его сразу приняли противоположное направление: «А может, хорошо если они уедут вместе?» — И тотчас решил: «Да, так будет лучше для всех... И для них, и для меня и, кажется, для страны!»

— Отец мой! Не взять ли тебе с собой Кайхосро? Пока освободится епископское место?

Старец молчал.

— Святой отец! — Кайхосро молитвенно воздел руки.

— На время... Да будет так, государь мой и брат государев!

Удовлетворенный Александр, опустив голову, быстро шагнул к двери и уже в коридоре вспомнил то, что давно уже собирался сказать, но до сегодняшнего дня не говорил, так как что-то внутреннее ему мешало.

— Кайхосро, Мариам просила передать, что ждет тебя в гости! И племянники заждались тебя, Хосро!

По неловкости, звучавшей в словах царя, Кайхосро почувствовал — приглашение искренне.

— Приду... Непременно приду!

ГЛАВА V

ЧАША БРАТСТВА

Царица Мариам была озабочена и взволнована. Сегодня ее семью должен был посетить деверь. Тот самый, что раньше враждовал с ними, а потом сидел в застенке. Царица украсила голову домашним чихти-копи и одела простое грузинское платье. Слегка нарумянила свое все еще красивое лицо.

— Ну, дорогие мои, не подведите, — предупредила она служанок. — Кто толк знает, деверь дороже свекра!.. Чтобы всего было вдоволь: и постного и скоромного. Он у нас впервые, неизвестно, чего пожелает! А потом уж я и сама буду знать! — Мариам поручила свою уже начавшую ходить и рано заговорившую Нестан нянькам и занялась мальчиками: каждому в отдельности выбрала одежду. Все рассчитала, все предусмотрела и предупредила каждого:

— К нам в гости придет дядя Кайхосро! Вы должны его поцеловать — он брат вашего отца! И почет ему окажите, не дичитесь. Он нам близкий, очень близкий родственник. Однако не надоедайте ему, в особенности ты, Георгий! Постой, да ты же вовсе меня не слушаешь?!

— Слышу, мама, придет дядя Кайхосро! Но... Откуда он взялся? Его ведь не было? — И, заметив растерянность мате-

ри, мальчик стал настойчивее: — Ведь у папы не было брата!

— Много ты знаешь, — махнул рукой Ираклий.

— Как будто сам ты знаешь? — насмешливо бросил Давид.

— Конечно, знаю!

— Ну так скажи!

— Не скажу... — Ираклий стал еще степеннее.

— Почему? Если знаешь — говори!

— Нет. Лишние разговоры ни к чему. Верно, мама?

— Да, сынок, и сообщи эту мудрость тому, кто тебе что-то рассказал.

— Значит, не скажешь? — заупрямился Давид. — Ну, я и сам узнаю!

Мать уже доставала сладости, чтобы успокоить сыновей, но тут служанка сообщила о приходе государя и его брата. И тотчас вслед за ней вошли Александр и Кайхосро.

Сыновья окружили отца.

— Вы жаловались, что у вас нет дяди — вот вам дядя: настоящий, родной...

— Дядя Кайхосро? — вскричал Георгий. — Тот, о котором мама сказала — окажите ему почет, но не надоедайте?

— Он самый! — улыбнулся Александр.

Кайхосро почтительно подошел к Мариам и приложился к ее плечу. Царица поцеловала деверя в лоб. Окинула его быстрым взглядом, со свойственной женщинам прозорливостью сравнила, взвесила и с безошибочностью первого женского впечатления тотчас отметила: нет, это уже не тот горделивый и самоуверенный царевич, которого некогда, будучи невестой, видела Мариам, а почтительный, бледный, поседелый, бородатый старец. И почему-то царица Мариам подумала о своих сыновьях. Ведь и они — царевичи. И по крайней мере троих из них ожидают заложничество или плен. Жизнь, полная вероломства, неожиданных перемен и непредвиденных обстоятельств. А может, их ждет и худшая доля?!

Напуганная этими мыслями, царица знакомила сыновей с деверем и от волнения даже перепутала имена детей.

Кайхосро расцеловал племянников. Больше всех ему понравились Ираклий и Константин. Старший, видимо, был хорошо воспитан и умен. Он с сочувствием глядел на вернувшегося из заточения дядю, а самый младший — кудрявый Константин — тотчас подбежал к Кайхосро, схватил его за полы темной чохи и воскликнул:

— Ой! Какой бедный дядюшка! У него нет ни кинжала, ни красивой одежды!

Александр невольно расхохотался и потрепал ребенка за вихор. Это как бы послужило знаком. Теперь Давид подбежал к Кайхосро и спросил в упор:

— А где ты был до сих пор, дядя Кайхосро?

Все растерялись.

— Я молился, сынок... в келье! — нерешительно ответил Кайхосро Давиду и всмотрелся в него внимательнее.

Бегающие, колючие глаза подозрительно глядели на дядюшку, «явившегося из кельи».

— С отцом Зосимэ... верно? Дядя Хосро! — помог кто-то Кайхосро. Он оглянулся, это был Ираклий — чуткий, с открытым лицом и взглядом.

— Да... хороший мой!

— Молиться — это хорошо, дядюшка. Но умеешь ли ты воевать? — вмешался Георгий. — А вот у меня лук и колчан стрел. И я попадаю в цель без промаха!

Царица Мариам оттеснила детей и пригласила деверя к столу. Ираклий почтительно коснулся рукой дяди и пошел вперед него.

Обед был семейный. Никого из посторонних не приглашали. За столом прислуживали лишь две-три служанки. Царица Мариам сама потчевала всех, следила и за детьми, чтобы они не задавали и без того несколько растерявшемуся дядюшке неловкие вопросы.

Пятилетний Костала немного нарушил чинность стола... Он захотел сидеть на коленях у отца и есть прямо из его тарелки.

— Иди ко мне, сынок, иди!

Малыш, вскарабкавшись на колени к Александру, тотчас оторвал головку у лежавшей на тарелке форели.

Угощение было разнообразным. Сама Мариам соблюдала пост... Обильные постные блюда подали и для деверя. Из сочувствия к дяде Ираклий тоже не прикоснулся к скоромному. Он сел рядом с Кайхосро и завязал «ученую» беседу, прочел ему наизусть «Хвалу грузинскому языку» Иоанна Синайского.

Другим подали жаркое и разные вкусные блюда. Давид ел мало и без аппетита, только Георгий с удовольствием отведал от всех кушаний. Он успевал и говорить — рассмешил всех рассказом о шалостях маленького Косталы.

Первая неловкость прошла, и за столом в царских палатах воцарились спокойствие и непринужденность.

Старшим налили вино в кованые серебряные пиалы, младшим — в небольшие стаканчики.

— Подайте пиалу и Ираклию! — велел Александр и сам налил вино своему первенцу: — Ну-ка, сынок! Царь кахов должен быть хорошим тамадой! Давид Строитель был не старше тебя, когда вступил на престол объединенной Грузии...

— Я тоже хочу большую пиалу! — закричал Давид.

— Вечно ты своевольничаешь! Не спеши, придет и твой черед.

Давид не посмел перечить отцу, и упрямо шепнул матери:

— Тогда я буду пить по два стакана сразу! И меня ведь тоже зовут Давидом!

Александр вручил Ираклию пиалу:

— Выпей за здоровье своего дяди!

Ираклий слегка покраснел... Встал, принял чашу из рук отца...

Бывший узник, собравшийся стать монахом, глядел на счастливую семью брата, и в сердце его пробуждались угасшие было желания и чувства, но они не в силах были побороть броню из тюремной цепи, опоясанной вокруг его тела.

— Наш... доныне неизвестный... а ныне любимый дядя Кайхосро!.. — дрожащим голосом, но не торопясь, повел речь Ираклий, потом голос его окреп. — Царевич Кайхосро! За ваш новый добрый приход в нашу семью!

— Да... Сынок... Правильно! Правильно! — поддакивал Александр, и это взволнованное «правильно» больше относилось к Кайхосро, чем к Ираклию. А юный тамада замолк, смущенно оглядел сидящих за столом и продолжал уже тише:

— Сегодня очень счастливый день в нашей семье... Я это вижу, глядя на мать и на отца, и кажется, читаю и по вашему лицу, дядя!

Царица Мариам уже не могла скрыть растроганной улыбки, слез. Александр спрятал лицо в кудрях маленького Костаны... А взволнованное биение сердца Кайхосро достигало цепи, обвивавшей его грудь и словно заставляло ее звенеть изнутри. Ираклий почувствовал, что невольно коснулся болезненных струн. Он смешался и уже не знал, как завершить свою речь.

— Желаю всем нам счастья и светлых, солнечных дней.

отец мой... мама... Давид, Георгий, Константин и... сестренка, та, что спит сейчас — от волнения он забыл ее имя.

— И Нестан! Ура! — воскликнул Георгий с полным ртом и обнял любимого старшего брата.

— А самого себя забыл! — бормотал Давид. — Себя забыл!

— Хосро... Эх, братец — что было... было... — вздохнул Александр, — я раскрываю тебе свое сердце. Будем отныне вместе нести бремя нашего долга перед родиной и семьей нашего отца, пригубим из одной чаши и вино и горе... За братство и дружбу! Перед лицом моего первенца и остальных сыновей! — Он провел ножом по краю своей чаши, соскоблил с нее серебро, перекрестился, выпил и протянул половину брату, чтобы и тот принес клятву верности, а чашу, отпитую им, взял сам, прильнул к ней губами и жадно, от всего сердца выпил ее до дна.

ГЛАВА VI

ПОВЕСТЬ О ГОРАХ И ДОЛАХ

Хотя город и дворец находились совсем рядом, жизнь в них текла по-разному.

Город жил повседневным, сегодняшним, настоящим: трудился, торговал, обменивался ложными и правдивыми толками, пировал или печалился, не отказывал себе ни в праздниках, ни в веселье. Много молился. Беззаботно отдавался жизни, не особенно задумываясь, что происходит за его оградой.

Иногда из-за какого-нибудь незначительного происшествия где-нибудь в переулке возникали споры, на которые уходило больше времени, чем во дворце на обсуждение важных для страны дел.

Вот и теперь, возвращение Сатино и Мамуки и приключения пастуха Сосии заставили людей позабыть о неудачном походе царя кахов на Картли. Уже успели переварить опалу

старца Зосимэ и примирение с ним, освобождение царевича Кайхосро и его пострижение в монахи. Новое монашеское имя Николоз люди связали со старым и теперь называли его двойным именем Нико-Хосро; впрочем, вскоре позабыли и об этом.

Город забыл и о том, с каким упованием и благолепием внимал народ последней проповеди отца Зосимэ в храме, как провожали отправлявшихся в далекую пещеру на горе Борбало — Обитель героев, старца Зосимэ, нового монаха Нико-Хосро и их проводника деда Окро из Кеди. Царь, царица и царевичи вышли вместе с ними и довольно долго сопровождали путников пешком.

Жизнь дворца строилась совсем иначе. Здесь чаще господствовало прошлое или будущее: в воздухе чувствовались незаметно сгущающиеся тучи — дворец был омрачен постоянной тенью. В нем царили лицемерие и интриги. Непосредственность была утрачена из-за взаимной вражды; окаменелые распорядки, ритуалы были замшелыми, словно стены дворцовых башен...

Правда, дворец кахетинских Багратионов не был столь блистательным, как тбилисские дворцы, но по богатству как накопленному, так и наследственному, превосходил их.

В сущности, цари Кахети не имели стольного града, они были скорее царями этого дворца и селений. В особенности после того как упразднили эриставов и установили правление моуравов, ставшее опорой престола.

У них было много собственного добра, а к чужому они не стремились...

Но дворец, ясное дело, не мог предаваться суете и судить лишь по внешнему виду, как город или деревня. Алазанский тупик мешал править страной как следует.

После ухода старца Зосимэ царь Александр совсем ограничил поприще своей деятельности. Он не заглядывал дальше Иори и Алазани. Царь старался как-нибудь спасти Кахети, одну лишь Кахети от турецкого нашествия. Александр понимал, что отдаляется от общегрузинского дела и ничем ему не может содействовать. Но он любил повторять:

— Я предпочитаю свободно по собственной воле сидеть в Алазанском, «буйволином роге», чем лежать у чужих ног на богатом ковре, устилающем трон Грузии.

Но и тут ему не давали покоя. Турецкого пашу сменял иранский хан. За витиеватыми речами послов следовали отточенные мечи полководцев. Все требовали дани и заложников.

Перед царем и отцом вечно стоял головоломный выбор между мизинцем и безымянным пальцем.

А шайки шамхала Сурхая тайно, по-воровски грабили села.

Александр дрался самозабвенно. То он разил мечом, то прибегал к подаркам и обещаниям, расставлял ловушки. Извивался, словно гибкий ремень, но не мог поступиться заложниками. «До каких же пор? До каких еще пор?» — спрашивал он самого себя и старался уйти от ответа.

А Алазани струила свои воды, летело время — за ночью день, за зимой лето, за годом год... У одних прибавлялось седины и горя, у других пробивался пушок над губой. Только дела Кахети по-прежнему не выходили из тупика. Внешне — все было как обычно: солнце умывалось в волнах, над городом вставали радуги; дремучие леса, плодородные поля и виноградники радовали глаз. Но все это походило на мост, с виду надежный, но у которого под водой не осталось уже ни одной опоры; правда, пока что он не тонул...

Александр твердо знал, что после Самцхе, Имерети и Картли турецкая волна зальет и Кахети. Поэтому он денно и нощно ломал себе голову, ища внутренней и внешней опоры.

И пока Иран и Турция воевали друг с другом, царь кахов еще раз решил укрепить свой горный тыл.

Он прибегнул к испытанному средству:

— Мой Каплан! Я не раз слышал, как Куршита восхваляет дочерей шамхала. У меня подрастают сыновья. Может, попробовать нам породниться с шамхалом Сурхаем или с его братом шамхалом Элимом? Попробуем, посмотрим, как пойдет дело. Или породнимся или внесем разлад в «осиное гнездо».

Каплан Вачнадзе одобрил этот замысел. Переговорили обо всем, учли все возможности. Не торопясь подготовили посольство для отправления в Тарки. Отобрали и людей, и подарки.

Переговоры с горцами были обычно сопряжены с большой опасностью, они скорее походили на тайную войну или «набег с беседами». Что касается подарков, то гордые и подозрительные горцы ценили их не по стоимости, а по иносказательному значению дара.

Прошла зима, и, когда открылись горные дороги, подготовка посольства была уже завершена.

Кроме Куршиты, Каплан взял с собой сыновей — Бебура и Тамаза. В свиту входили также тушин Белкан и Гедо Баца-

цаисдзе — как хорошие знатоки местности и языка, не раз бывавшие в Дагестане для разведки.

Кахетинские послы везли в горы письмо царевича-монаха Кайхосро. Александр специально послал за письмом в Борбало гонца — монаха Иовела. Мать Кайхосро ведь была дочерью шамхала Кара-Мусала, так что принявший постриг царевич приходился родственником обоим нынешним шамхалам.

Кайхосро сообщал горным родичам о своем добром здоровье и примирении с братом Александром. Писал о необходимости вечного мира между Кахети и Дагестаном и предлагал породниться «по старому обычаю». Хвалил подросших сыновей царя Александра — Ираклия, Давида, Георгия. «Кто знает, может новое родство, ко всеобщему благоденствию, объединит живущих по обе стороны хребта!»

Письмо было без адреса. Каплан должен был решить на месте — кому именно его вручить: Сурхаю, шамхалу Тарковскому, или же Элиму, шамхалу Буйнакскому.

Горы пересекли благополучно. С Капланом Вачнадзе отправилась в Дагестан довольно внушительная свита. Предполагалось вначале напугать горцев, а затем уже повести почтительную и рассудительную беседу с извинениями.

Сначала захватили в селах заложников — стариков, а молодых повели за собой до Кафир-Кумуха — одних силой, а других лаской. В Кафир-Кумух ворвались неожиданно и сразу же направились в мечеть, задержав всех, кого только смогли. Заставили раз десять прокричать Куршиту и тушинца Белкана ло-лезгински, по-аварски и на местном кумухском наречии:

— Мы пришли с миром! Мы гости шамхала! Несем подарки и царскую грамоту!

Потом подвели стариков аксакалов, и Каплан Вачнадзе лично побеседовал с ними, попросил у общины проводника, чтобы беспрепятственно перейти через мост. Обещал подарки, но и дал почувствовать скрытую угрозу. Вскоре договорились и обменялись заложниками.

В полдень тушинец Белкан и проводник лезгин с телохранителями перешли через мост и помчались к Таркам.

Каплан оповещал владетеля гор о приезде посольства царя кахов и, перечисляя многочисленные привезенные им дары, требовал неприкосновенности и заложников: «Не в обиду, а дабы подчеркнуть значительность дела». В заложники

он просил сына шамхала Андию-мурзу и младшего брата Сурхая, шамхала Элима.

Через три дня и впрямь появились отряженные шамхалом для приема гостей люди и заложники.

Андия оказался красивым и ловким юношей. Тамаз принял его как своего гостя и повел к себе в шатер. Шамхала Элима пригласил Куршита и долго с ним беседовал. А Каплан Вачнадзе держался в стороне, он знал, что лазутчики Сурхая следят за каждым его шагом.

В Тарки Каплан взял с собой старшего сына Бебура, которому поручено было запомнить месторасположение Таркской крепости и подходы, ведущие к ней. С ними поехали также черкес Куршита, тушинец Белкан, телохранители и дароносцы.

Из Кафир-Кумуха уже были видны соленые озера, а чуть позже показалось и море.

На следующий день выехали на равнину и подступили к Таркам.

Вокруг простирались пашни. Склоны гор были лесистые, часто дорогу перерезали журчащие ручьи. Там и сям шумели маленькие мельницы... А у самих Тарков, наискосок от дороги и реки, виднелись мельницы.

Таркский дворец был окружен крепостной оградой с башнями; он казался взметнувшимся в гору, горделивым и неприступным. Небольшая ограда окружала и селение.

— Вот оно, «Осиное гнездо!» — повторял Каплан Вачнадзе кахетинцам слова Александра. — Я требую сдержанности и осторожности! Этим людям тоже присуще мужество, знание дела, гордость и изворотливость. Нужно во всем их одолеть!

Шамхал Сурхай не хотел устраивать послам царя кахов торжественную встречу. Как же избежать праздничной встречи в крепости? Шамхал решил прибегнуть к охоте и по дороге «случайно» повстречался с послами, в окружении ловчих с соколами, кречетами, гончими и ищейками.

Здесь-то и произошел как будто незначительный случай, повлекший за собой множество толков, пересудов и неудовольствий. «Случай» этот был знаменательным. Он еще раз показывал, как трудно проложить тропинку меж горами и равниной, перекинуть надежный мост, несмотря на племенное родство и общность интересов.

Среди подарков, которые кахетинцы везли шамхалу, были павлин с павой. Услышав лай собак, павлины подняли пронзительный

зительный крик. Сурхай провел свою молодость при дворе иранского шаха и крик павлина считал дурным предзнаменованием. Шамхала обуял гнев, он велел егерям спустить собак. И вот, как раз в тот миг, когда на дороге появилось кахетинское посольство, собаки с лаем и рычанием набросились на людей.

По знаку Каплана, посольство невозмутимо продолжало свой путь, словно и не замечая собак. Известное дело: собака лает — караван идет!

Одна мохнатая гончая, особенно злая и смелая, подпрыгнула, бросилась на конного кахетинца, везущего павлина, и даже укусила его в ногу. Тот замахнулся хлыстом.

— Остановись! Уважение к охотнику распространяется и на его собаку. Такова пословица! — нарочито громко крикнул Каплан.

Тут и сам Сурхай появился на дороге. Встреча произошла как бы случайно.

Шамхалу сопутствовали знатоки грузинского языка, которые перевели ему слова Каплана. Сурхай тотчас понял их скрытый смысл.

— Уважение к послу обязательно для каждого! Я и любимой собаке не прощу недостойного поведения! — ловко возвратил шамхал кинутый ему камешек и отпустил охотников.

Приезжие и хозяева повернули назад.

Возле ограды крепости под ноги кахетинцам бросили обезглавленную собаку. Каплан узнал мохнатую гончую и изобразил на лице удовольствие.

— У врат крепости Тарки ощущается сила и справедливость горного властителя! Виновник наказан, а о первопричине мы рассудим сами! — Каплан спешился первым, сложив руки на груди, приветствовал Сурхая.

По движению бровей отца Бебур догадался, чего желал глава посольства. Он что-то шепнул тушину Белкану, и прежде чем шамхал успел спешиться, у ног его забился обезглавленный павлин.

— Это он кричал, батоно-шамхал! — с лицемерной улыбкой склонил голову Каплан.

— Справедливость восстановлена, достойный князь! Добро пожаловать! — шамхал пожал Каплану руку, а про себя подумал: «Сегодня я понес двойной урон — потерял и свое и дареное! Да, опытную старую лису послал ко мне Искандер — повелитель кахов! Надо быть осторожным!»

Сурхай-шамхал угощал послов на славу. За пиршеством

следовала охота, за охотой — прогулка на парусных лодках, фехтование, веселые игры. И все это преследовало определенную цель.

Сами горцы называли шамхала Сурхая не только горным властителем, но и горным пауком. Он мастерски умел плести коварные сети, был деятелен и красноречив. Лишь только Каплан заводил речь о примирении гор с равниной, хозяин тотчас отвлекал его мысли, устраивал скачки и фехтование, показывал стамбульские и крымские короткоствольные ружья, скрытно давая понять свое превосходство. Едва лишь начиналась речь о возобновлении былого родства, шамхал приглашал послов на веселый пир. Статные горные хатуны[1], словно мерные волны Каспия, раскачивались в хороводе. А в лезгинских или дагестанских плясках соревновались стремительностью с горными водопадами.

— Это пригожие лицом и статные горские девушки! Невесты на выданьи! — прикрывшись рукой, словно тайком от Сурхая шептали послам горные мирзы. А хатуны все кружились в хороводе, то попарно, то цепочкой, или танцевали лезгинку. Каплан запоминал, примеривался, прикидывал. Сравнивал красоту и возраст, одновременно продолжая любезный разговор.

Следовало еще кое-что выяснить.

Каплан, словно бы невзначай, велел спросить Бебура, развлекавшегося вместе с многочисленными сыновьями Сурхая:

— У шамхала Элима, правителя Буйнакского, говорят, есть дочь, рожденная от грузинки. Правда ли это? Не та ли это девушка — чернобровая и черноглазая? — он указал бровью на девочку-подростка.

Девушка привольно плыла в хороводе и с любопытством глядела на пришельца из-за гор. Нежно очерченные лицо и фигура ее сияли необычной, еще не вполне расцветшей красотой. Девушка выделялась среди всех этих избранных красавиц. И где ей было знать, что с этой минуты она стала еще прекрасней и помимо своей воли оказалась втянутой в хоровод больших дел.

— Салиха — дочь черкесской женщины. У Элим-шамхала не было жены-грузинки, — Бебур сразу заговорил о другом. Но Каплан уже узнал то, что ему было нужно, и чем бесплоднее становились переговоры с Сурхаем, тем сильнее хотелось

[1] Хатуна — девушка.

Каплану заполучить в невесты для царевича кахов дочь шамхала Элима — Салиху.

А переговоры зашли в тупик. Кахетинским послам стало ясно, что появление на Тереке огромного и все усиливающегося северного соседа — России — глубоко обеспокоило шамхала и окончательно определило его устремления. Теперь же, в дни упадка старого покровителя шамхала, Ирана, турки и только турки были его естественными и надежными союзниками.

Крым и Стамбул — вот две зеницы очей шамхала. А взаимоотношения с Кахети Сурхай понимал, как дружбу лисицы с курицей. Кахети была лишь местом легкой наживы и короткой дорогой в турецкие земли. Тем более теперь, когда путь через Терек и Крым стал весьма сомнительным и опасным.

Кахетинцы же хотели «укрепить свой тыл» именно ввиду предстоящей борьбы против турок. Могла ли помочь при подобной обстановке краса прелестных дочерей владетеля Тарковского?

Речь Каплана стала еще медоточивее. А письмо царевича Кайхосро он припрятал для шамхала Элима.

Каплан и Сурхай-шамхал расстались большими друзьями. Беседа их была о взаимоотношениях с Ираном, и оба знали, почему. Ведь ни с Кахети, ни с владениями шамхалов Иран больше не граничил непосредственно. И шах, вчерашний грозный властелин казался в настоящее время безвредным... Так что и найти общий язык шамхалу и кахетинцам на этой почве оказалось нетрудно.

Властитель гор послал щедрые ответные дары повелителю равнины. В основном это были похищенные некогда из кахетинских храмов утварь и иконы.

Со своей стороны Сурхай предлагал равнинному брату посредничество между кахетинцами и турками.

«Уносим осиный мед», — думал про себя Каплан и придумывал новые хитрости, чтобы разорить осиное гнездо.

Кахетинские послы проехали обратный путь без происшествий. В Кафир-Кумухе Каплан долго беседовал со своим почетным заложником — шамхалом Элимом. Ему же и вручил он письмо от Кайхосро. Словом, собирал воедино осторожно сплетаемые до сих пор звенья и легко выискивал основу для тайного соглашения.

Владетель Буйнакска, шамхал Элим при помощи царя кахов овладеет Тарками и станет шамхалом Дагестанским... И укрепит в будущем тыл Кахети со стороны гор. Фундамент

соглашения должен быть скреплен нерушимым сплавом родства. Дочь Элима — Салиха предназначалась в жены одному из кахетинских царевичей. Каплан старался не уточнять, какой именно царевич имеется в виду, но Элим заколебался... Он требовал определенности. Тогда Каплан, как ему и было велено, назвал наследника престола — царевича Ираклия. Элим-шамхал тотчас расцвел и дал согласие на все. На будущий год условились устроить тайное обручение, а затем — действовать сообразно обстоятельствам.

Встречи Каплана и шамхала Элима проходили втайне... Зато было условлено, что горная невеста, в знак счастливого перемирия между горами и равниной, когда-нибудь с пышностью и торжеством войдет царицей в Большой гремский дворец.

ГЛАВА VII

ГОСТИ В БОРБАЛО

Вести с гор доставили Александру немалое удовольствие... Но за «горными радостями» последовали «двусторонние» и двойные равнинные неприятности.

Соперничество Ирана и Турции усилилось, оба соперника уже подступили к самой границе Кахети. Но решающая битва все еще не состоялась, не было еще ясно, кто кого одолеет. Тогда Александр встал бы на сторону победителя и, пожертвовав лишь «необходимым», спас бы главную, большую часть Кахети и свою семью. Теперь же, лавируя между двумя соперниками, он опасался, как бы ему не пришлось пожертвовать гораздо большим.

Пока была возможность — Александр держался в стороне от могущественных соседей и заставлял сражающихся платить за свое вмешательство. Но арена постепенно суживалась...

Поначалу обе стороны с ним заигрывали. Каждая хватала его за полу, пыталась соблазнить выгодой и хорошими условиями. Но царь кахов отлично знал — ему не дадут долго оставаться в стороне. Вероятно, вскоре противники вцепятся

ему в горло и принудят принести жертву в знак «верности и содействия».

И в самом деле — Александр почти одновременно получил два известия. Из Дзегами сообщали о приезде иранского посольства, и из Телави — о прибытии турецкого чауша.

— Господи, помоги нам! — Александр взглянул на образ богородицы и вздрогнул: богородица словно преобразилась, он видит малютку-спасителя на коленях у царицы-матери, но его лицо меняется; он походит то на Ираклия, то на Давида или Георгия, а более всего на самого младшего — Константина.

Царю оставалось лишь одно утешение; ни одно из посольств пока не держало наготове у кахетинской границы своего войска... Значит, есть возможность затягивать переговоры... Правда, войско могло появиться каждый божий день, так что все равно следовало принять тяжкое решение. Александр собрал бороду в кулак и ушел в горькие раздумья: «Кажется от семейных расчетов уже никуда не уйти... Нужно все определить: кого женить, кого отдавать в заложники!» И царем кахов овладело такое чувство, будто он с обнаженным мечом ворвался в свою семью и собрался уничтожить собственных сыновей.

Долго думал потрясенный царь, внешне сохраняя спокойствие. Наконец он принял решение. Послов велел подольше продержать как в Дзегами, так и в Телави, сославшись на «недомогание царя кахов». Сам же, взяв с собой Каплана Вачнадзе, направился к царице, пребывавшей в Круглом дворце.

Стояла поздняя осень. В лесу преобладали серые и желтые тона. Тени деревьев стали тоньше, палые листья тихо, печально шелестели под ногами.

Когда всадники добрались до Царбулы, неожиданно до них донесся громкий визг. Вскоре из лесу выбежали босоногие девчонки. При виде всадников они закричали еще громче, бросили на тропинке наполненные каштанами сумки и мешки и сломя голову побежали в молодой лесок, росший внизу. Кто-то гнался за ними по пятам, но преследователь заметил всадников и отступил назад, спрятался в зарослях калины.

Но разве что-либо могло укрыться от зоркого глаза Александра? Он тотчас узнал царевича Давида. Каплан криво усмехнулся и, ничего не сказав, отвел глаза... Настроение у царя совсем испортилось. «Видно, это уже не новость!»

— А я-то ничего не знал... Рано ты начал блудить! — громко сказал Александр и стегнул лошадь кнутом.

Прибыв во дворец, царь отпустил всех и прошел в покои царицы.

Мариам вздрогнула — не ждала его так рано, да еще такого хмурого. Движения души супруга были ей ясны и понятны, как заглавные буквы в открытой книге.

— Не случилось ли чего дурного?

— Нет! — Александр отвел глаза, поцеловал щебетавшую Нестан и отослал ее с нянюшкой.

— Господи! — царица схватилась за сердце, это показалось ей плохим предзнаменованием.

— Нет, говорю тебе... Напротив! — уже увереннее заговорил Александр, — хочу послать сыновей к отцу Зосимэ... Уж третий год, как старец уехал...

— Всех четверых?!

Царь замолк. Но семейный счет был им уже решен.

— Да, всех четверых! — И продолжал негромко: — Ираклий уже возмужал... Я получил ответ из-за гор... Каплан очень расхваливает дочь Элим-шамхала... И дело того требует...

— Мой Ираклий! — царица произнесла это таким голосом, что Александр даже не понял, опечалила мать эта весть или обрадовала... Верно, оба эти чувства сплелись в ее возгласе.

— И Давид... Время подумать об его обручении... Он рано начал шалить, — сердито договорил отец, но тотчас смягчился. — Я думаю о семье Мухран-батони! У Ашотана есть дочь на выданьи... Все хвалят ее... Хочу отпустить Кайхосро в Картли... Все равно я собираюсь вручить ему Руставско-Марткобское епископство, а это как раз рядом.

Александр совсем понизил голос:

— И сестру повидает, и дело устроит... А ты как думаешь?

— Ты прав... Где найдут они лучшего жениха? Мой Давид!

— Пусть Георгий и Константин тоже поедут с ними... Повидают дядю и пастыря!

— А их-то зачем посылать? — упавшим голосом спросила мать. Она даже не заметила, как подросли ее птенцы... Иным пришло время улетать из гнезда... В вечных любовных заботах о них упустила она главное... Вот, все считала детьми... А тут их уже собираются женить...

— Зачем тебе младшие? Они еще должны быть возле матери, они пока что мои! — Мариам с мольбой взглянула на мужа. Знала она, что Александра удивит ее сопротивление... Может, даже обидится ее Александр, которому она еще ни-

когда не перечила. Но на этот раз Мариам ошиблась, и ошибка эта ее еще больше напугала

— Хорошо! Пусть останутся здесь! Не печалься! Сыновья наши подросли... Скоро приведем в дом невесток! Что-то пить мне захотелось... Во рту пересохло, напои меня чем-нибудь, — неожиданно закончил Александр, оставив свою чуткую Мариам в полной растерянности.

На следующий день, после завтрака, к далекой горе Борбало направилась многочисленная группа всадников. Старшим царевичам, кроме воспитателей, сопутствовали также телохранители.

Дорога шла вверх по Алазани. Стоял жаркий, безоблачный день. А вечером в Панкисском ущелье посвежело.

Царевичи резвились. Упрямый и завистливый характер Давида проявлялся и тут, он все время старался догнать Ираклия, но Ираклий сидел на замечательном белом скакуне, предназначенном для наследника, и хотя он отпустил поводья, конь не уступал дороги жеребцу Давида.

Мысли Ираклия были далеко отсюда... Он уже знал, что где-то вдали за горами сговорили за него прекрасную, как солнце, девушку Салиху. Бебур Вачнадзе расхваливал ему невесту — описал ее подробно... Но Ираклий никак не мог вообразить свою нареченную. Привыкший к близости матери, тихий и застенчивый, он вообще не думал еще о женитьбе, о супруге... В то же время его одолевало любопытство... Жег еще не испытанный пламень таинственности и необычности предстоящего свидания. А едва пробившиеся усики подзадоривали... Как же так?.. Все виделись заранее... Влюблялись... Тариэл — в Нестан-Дареджан, Автандил — в Тинатин, Рамин — в Виси, Меджнун — в Лейлу... — Ученый царевич может перечислить еще тысячу имен... Что ж из того, если он пока что не видел свою Салиху?

Про себя Ираклий уже давно сократил ее имя. «Сали». Потом придумал ласковое грузинское — Салико. Гораздо труднее было представить себе девушку во плоти, посвятить ей сердце, уже готовое для любви.

Возле Бахтриони передохнули, подзакусили. Ираклий ел мало, он очень устал. Юноше хотелось переночевать тут же, возле крепости, но Давид заупрямился, настоял на своем, и они продолжали путь.

Воспитатель Ираклия Горджасп Эндроникашвили торопил

коня и про себя проклинал упрямство Давида; недоволен он был и своим воспитанником.

«Нет, он скорее рожден святым, книжником, чем царем и повелителем кахов!» — Эта мысль несла в себе и горечь и успокоение. Между воспитателем и учеником никогда не устанавливалось полной откровенности. Весьма ученый, но не в меру честолюбивый, бывший эристав Горджасп до сих пор не мог примириться с ограничением своих «наследственных прав». Он как бы затаился в засаде. Горджасп связывал с судьбой наследника престола возможности своего личного возвышения. А мягкость будущего властителя могла обернуться лично для него большой выгодой.

Пестун Давида, Оман Чолокашвили, ласково и заботливо сдерживал царевича, но под усами у него невольно возникала довольная улыбка... Его воспитанник явно превосходил удальством старшего брата. Когда-нибудь это будет иметь немалое значение. Оман тоже не пренебрегал выгодой, ведь и он был раньше эриставом. Замыслов у него было не меньше, чем у других, но он лучше умел хранить их в тайне.

Военачальник Шермазан, ехавший следом за ними, рисовал себе в охотничьих образах, безопасное пока что соперничество братьев и различие их характеров:

«Один — тур, другой — леопард! Но на престоле... Ни один из них не сумеет заменить Александра!»

Шермазан находил у царя Александра множество недостатков, но никогда не забывал о его силе и изобретательности, изворотливости в делах.

Дорога вела вверх по лесистому склону. Вскоре она сузилась, превратилась в тропинку, вскарабкалась на окутанные туманом пастбища и распалась на множество нитей... Словно щетина, виднелись за спинами хребтов зеленые полосы хвойных рощ. В пропастях вместе с туманом залегли тени... Вершины Кавкасиони были похожи на рассевшихся в небе рождественских дедов-морозов.

Переночевали у высокого склона. Свита поставила шатры. Ночью было прохладно. Ощущалось дыхание снежных хребтов. Ужинать сели у костра. Ираклий рано ушел в шатер, а Давид придумывал все новые и новые тосты. Ахметское вино пришлось ему по вкусу, и он переборщил. Царевич пожелал отведать еще форели и послал людей к истокам Алазани. Долго метался Давид и, одолеваемый вином, уснул до их прихода

у костра, прямо в одежде. По распоряжению Омана Давида покрыли бурками и поставили над ним шатер.

Рано утром, до пробуждения царевичей, Горджасп послал к отшельникам вестника.

Когда гости достигли конца конной тропки под Борбалинской кручей, спустившиеся со скалы монахи встретили их благословениями.

Радостной была их встреча! Ираклий был на седьмом небе. Он многократно облобызал каждого. Зосимэ зорко оглядывал царевичей и громко, не стесняясь, отмечал изменения, происшедшие в них за три года.

— Немало времени прошло... У Ираклия пробились усики! Это ему к лицу! А в характере ощущается больше терпения и доброты... Но он по-прежнему остался мечтателем... И это хорошо — означает мягкость. У Давида на лбу появились морщинки! Под глазами залегли тени — это удивляет меня и заставляет призадуматься... Он рано возмужал, так бывает с людьми сурового нрава... Но и это свойство хорошее и нужное, когда оно направлено на добро!

Старец рассматривал черты лица царевичей и словно провидел их духовные образы.

— Эх, увидеть бы Георгия и Константина! Какими-то они стали! — произнес священник. — А сам он... сам?

Зосимэ умолк, но все догадались, что «сам» это — царь Александр.

Седина отца Зосимэ стала совсем уже снежно-белой. И Кайхосро сильно изменился... Горный воздух необычно подействовал на него после узилища. Лицо загорело. Ранняя седина почти исчезла в пышно разросшейся бороде и усах. Он раздался в плечах и бедрах. Только опытный глаз Шермазана заметил, что он все еще волочит ногу, которая когда-то была в оковах, а под грубошерстной рясой тело его все так же, на манер кольчуги, опоясано цепью.

После обмена приветствиями и объятий отшельники взялись за письма.

Тем временем уже успели поставить шатры, но Зосимэ не пожелал входить в пышно разубранный шатер.

— Нет, сынок, мне лучше здесь, на солнце! — и он развернул послание Александра.

Царь писал: «Отец мой и пастырь, благослови меня вместе с семьей моей и страной. Сообщаем вам, что епископ Руставско-Марткобский преставился. На место его думаем

назначить брата нашего Кайхосро, ныне монаха Николоза; так решили и отцы церкви. Не оставь его без своего совета... И поскорее благослови в путь. Знаем, тяжело будет это тебе, отец мой, но торопит меня и иное дело. Хочу послать его в Картли добрым ходатаем по делам, важным для страны».

...И еще писал Александр:

«Поручаю тебе Ираклия и Давида. Не сочти мирской суетой наши замыслы касательно их женитьбы. Дай им совет и думай... о частном и общем. Мало писать летопись, нужно проторять летописи путь... И еще — не забывай притчу о безымянном и указательном пальцах!»

Старец долго смотрел на руки, на пальцы... Он хорошо знает, что это за притча о пальцах мучает повелителя кахов.

«Двоих — для родных и двоих — для врагов?! Какой страшный счет!» — потрясенный инок украдкой сжал пальцы. Но они словно крючьями уцепились за самое его сокровенное, нутрянное, и Зосимэ спрятал руки в белой бороде, словно это они были виновниками страшного выбора...

Два дня пробыли гости у подножия Борбалинской кручи. К ночи отшельники поднимались наверх в свою пещерную келью. А рано утром, раньше, чем гости успевали встать, спускались вновь.

Зосимэ не приглашал гостей к себе в келью. Там был его мир — его и Нико-Хосро... А отныне он останется там один.

Так решил Зосимэ. Будущий епископ сразу должен последовать за приезжими. Возможность нового сближения Картли и Кахети радовала старца и заставляла его спешить.

Перед расставанием всю ночь пастырь и его ученик не спали.

Вместе помолились, побеседовали, преломили монашеский хлеб. Припомнили бурное прошлое, годы, проведенные в узилище, почти что трехлетнее уединение здесь, в «обители героев», где они обрели спокойствие духа в тишине. Мирные занятия книжников, поучительные беседы и неустанные молитвы.

— Теперь наши пути расходятся... Ты возвращаешься на большую арену жизни! Начинаешь вторично... Сначала... На этот раз на добром пути.... Служи богу и родине! Вечно носи в сердце «Обитель героев», сынок. Броня — это не та кольчуга, что облекает твое тело: высокая нравственность, не признающая суетных желаний, лучше тебя защитит!

Зосимэ осенил уходящего своим крестом и повесил его Кайхосро на шею. За беседой застал их рассвет. Утром мона-

ли вновь облобызались. И старец Зосимэ раскрыл перед Ни колозом свою единственную сокровищницу — сундук с книгами

— Благословляю!

Нико-Хосро взял лишь заново переписанное им самим «Евангелие»... И еще — копию «Новой летописи Кахети»

Когда гости Борбало спускались вниз по крутым склонам горы, над кручей перед «обителью героев», высилась величественная тень старца Зосимэ.

ГЛАВА VIII

СТРАННЫЕ ПРИШЕЛЬЦЫ ИЗ-ЗА ГОР

В тот день границы Кахети на Шекско-Шемахинской дороге охранял отряд Фидо Бацацаисдзе.

Лазутчик принес в Греми тайную весть из Шемахи — с севера в Ширван прибыли чужестранцы. «Ни лезгины, ни черкесы, ни крымские жители» и что главное: «Явно не послы, не всадники и не купцы», а так, занимаются всем понемножку. Между прочим, чужаки расспрашивали о дорогах, ведущих в Кахети и об обстановке, царящей в стране. Джандиери послал Тедо Бацацаисдзе гонцом и помощником к его же брату — Фидо Бацацаисдзе.

Так повстречались два Бацацаисдзе на границе Шеки. Они давненько не виделись. Оба находились на царской службе и были заняты то тут, то там.

Отошли в тень возле дороги... И посты просмотрели, и расспросили друг друга о домашних делах... Ну и конечно, не обошлось и без небольшого угощения... Братья побеседовали полюбовно, что и говорить, немного не рассчитали, лаская бурдючок, переборщили ровно на полбурдючка... Пригласили и других стражей по-одному — и вскоре на кахетинской границе разыгралось изрядное пиршество!

Когда солнце склонилось к закату, нежданно появились какие-то путники. Нагрузившимся сторожам, правда, показа-

лось несколько странным одеяние незнакомцев, но разве из-за такого пустяка кто-нибудь прекращает застолье?!

Братья тотчас пригласили пришельцев.

— Пожалуйте сюда, к нам! Отведайте хлеба-соли, выпейте вина! — громко крикнул Тедо и поднял огромный, длиной с руку дэва[1], рог.

— Погоди, парень... Что это за люди? — Фидо еле собрался с мыслями и вскочил на ноги.

Четверо всадников осадили коней. У идущего впереди, светлоусого и безбородого молодца, была на голове заломленная каракулевая шапка с красным верхом, одет он был в черкеску. Фидо, несмотря на выпитое вино, заметил — черкеска походила на лезгинскую, но все-таки была несколько иной. Особенно удивил его башлык, висящий на спине.

— Гамарджоб! — громко крикнул пришелец, но это грузинское приветствие было произнесено с таким чужеземным выговором, что ни один кахетинец не узнал в нем грузинского слова.

— Что ты там говоришь, человече! — вскричал Фидо и пошел ему навстречу. Теперь и другой, седой коренастый крепыш с маленьким носом прокричал что-то, верно, приветствие.

— Спешивайтесь, угощайтесь! — снова крикнул Тедо, но догадавшись, что они не поймут, показал рукой — дескать, присаживайтесь.

Фидо стал готовить место для гостей, удивляясь про себя их коротким носам.

— Глянь-ка, у всех ружья новехонькие!

— А это кто? Он похож на нашего!

На коне сидел юноша — черноглазый, чернобровый, с курчавыми волосами.

— Наш! Наш! — горячо воскликнул он, спрыгнул с лошади, упал ничком на землю, спрятал голову в траве и зарыдал.

— Но!.. Но!.. — пробасил коренастый, помог парню подняться, вытер ему глаза, усадил рядышком и долго ласково говорил ему что-то на непонятном языке:

— Отец и сын, что ли?.. Да ведь вовсе не похожи? — дивился протрезвевший кахетинец.

Четвертый всадник так и не спешился, — отъехал в сторонку и стал в дозор.

---

[1] Дэв — исполин, сказочное чудовище.

— Должно быть, те самые... Что побывали в Шемахе! — шепнул Фидо брату.

— Сейчас все узнаем!.. — ответил тот и вручил полный рог самому старшему. Но тот не принял, указал на белокурого.

— Игнат Петрович!

— По-нашему — Эгнате! Значит, это и есть — главный?! — Фидо передал ему рог.

Эгнате принял рог, оглядел... Видимо, рог показался ему великоват, и он снова отдал его старику. Старик спросил о чем-то парня, взял рог в другую руку, перекрестился, понюхал.

— Ну... Будем... Ура! — крякнул и разом опрокинул рог в глотку. Вино брызнуло в лицо, но старик только фыркнул, выпил, причмокивая, обсосал усы, и только потом перевел дух.

— Хо... Хо... Да-а!

— На здоровье... На здоровье! — крикнули кахетинцы.

— Оказывается, они христиане!

Тедо поднес вино белокурому. На этот раз выпил и Эгнате.

— Парень, кто вы такие? Объясни... — не вытерпел Фидо.

— Это русские! — ответил по-грузински юноша, у которого в глазах все еще стояли слезы, и прижал к груди кахетинский хлебец — шоти.

— Но... Но... Зазай! — заставил его замолкнуть старик.

Кахетинцы поняли, что пришельцы избегают разговоров и парню запрещают. Они вновь налегли на вино и угощение...

Рог с вином очень скоро сблизил гостей и хозяев. Старик даже расстегнул ворот и стал пить почаще, белокурому тоже понравилось вино, а кудрявый взялся за кахетинский хлебец и курицу с чесночной подливой и уплетал вовсю... Слезы радости блестели на его длинных ресницах.

Заза никак не мог дождаться, когда же можно будет поговорить по-грузински. Он с трудом сдерживал желание расспросить о своих родных, о Греми. Но юноше был дан строжайший наказ — до поры до времени не говорить ни одного лишнего слова. Из уважения к сотнику Данилову-Русину и своему названому отцу — Матвею Ногирину, он молчал, но это давалось ему с трудом.

Вскоре вино сравняло русских и грузин. И незнание языка не было уж столь заметным. Оно даже не мешало... И когда закатилось солнце, кахетинской песне стал вторить русский бас. Застольная гремела вовсю, пугая зверье в ближнем лесу.

Кахетинцы разожгли огонь. Послали одного из пограничников в село за новым бурдюком.

Скоро они узнали, кто такой Заза и эти русские, узнали и о причине их приезда в Кахети...

— Значит, едете в Гремн? Приглашать кахетинских купцов на Астраханскую ярмарку?

— Смотри-ка, куда докатилась весть о гремских караван-сараях? — дивились кахетинцы и щедро поливали вином первую встречу русских с грузинами.

Отлично поладил с рогом и бурдюком Матвей Ногирин — он тотчас взялся исполнять обязанности виночерпия. Подтащил седла, положил одно на другое, а поверх них устроил полный бурдюк. И себя не обижал, и других потчевал. Чем больше он пил, тем степеннее становился.

Кахетинцы вытащили откуда-то пандури.

Кизикиец заиграл, другие захлопали в ладоши. Братья прошлись в неторопливом давлури, потом убыстрили темп, стали танцевать церули[1]. Вино в каждом пробудило свое. Заза был вне себя от радости. Данилов-Русин уже прилег на бурке и храпел. Старик Матвей неторопливо наполнял очередной рог, подозрительно присматриваясь и прислушиваясь к бульканью внутри бурдюка. Один лишь дозорный стоял в отдалении и страдал от жажды. Старик строго-настрого запретил ему приближаться к пирующим.

Когда все уже изнемогли от пляски, с трудом держались на ногах от выпитого и почти ничего не соображали, Матвей еще раз пустил по кругу рог, выпил сам и подмигнул Зазе. Тот мигом понял, взял у кизикийца пандури и заиграл русскую плясовую. Притихшие кахетинцы с любопытством вслушивались в незнакомый напев. Они даже не заметили, что Матвей встал и крутился возле седел.

— Эх-ма! Та-та-та, рата-та! Ра-та-та! — грянул внезапно во всю глотку «степенный старик», перепугав кахов.

Матвей выбежал к костру, хлопнул оземь свою каракулевую папаху и стал топтаться вокруг, словно стреноженный конь. В руке он держал стремена различной величины и формы, связанные вместе.

Бубенцы на них звенели в такт его движениям.

Окутанные тьмой окрестности наполнялись звуками неслыханных инструментов.

---

[1] Давлури и церули — грузинские пляски.

Кахетинцами вновь овладело желание плясать.

— Смотри ты! Все вокруг заставил звенеть этот русский!

— Гляди! Собрал стремена! Там и мои есть... По звуку узнаю, по звуку! — хохотал Фидо. — Вот тебе и «степенный старик!»

Кахетинцы словно протрезвились, набрались сил... Вскочили все разом и стали выплясывать, кто как мог, вокруг Матвея. Ногирин выждал немного, вызывающим взглядом оценил их топтанье, еще выше задрал свой короткий нос, сильнее зазвенел связкой стремян и вдруг пустился вприсядку вокруг огня — только искры засверкали — осыпал зашедшихся от хохота кахов пылью.

Спать улеглись тут же, на бурках. Только сотника уложили в шатре. Заза долго смотрел на усеянное звездами небо Кахети сам не свой от радости. Под головой у него лежала сумка, он часто шарил в ней рукой. В сумке была его драгоценность, ближайший друг, помощник и поверенный его тайн — его «запазушная» Грузия — «Соцветие слов».

Книга увеличилась в объеме, он переплел ее. Рядом с грузинскими словами появилось множество русских соответствий.

Вместе с этой книгой пережил Заза лезгинский плен, побег, жизнь у терских жителей, объездил северный край Кавкасиони... А теперь он снова на границе Кахети, родные звезды светят ему. Он лежит под сенью шелестящих деревьев и грезит... Книга под головой, словно родная земля, нашептывает ему что-то... И вся жизнь его запечатлена в ее словах.

Родная книга вновь достигла отчизны... Она утешает Зазу... Напоминает о былом.

...Матвей Ногирин привел Зазу к развалинам Сунжинско-Терской крепости. Здесь обитал вольный казак, бежавший некогда из средней полосы России. Его собратья не очень-то жаловали русских царей-государей, и проводили всю свою жизнь в боевой готовности.

Матвей Ногирин был одиноким бродягой, махнувшим рукой на очаг и семью. Здесь, у развалин Терской крепости, встретил его стрелецкий сотник Игнат Данилов-Русин, приехавший на Терек с заданием из Астрахани.

Русин взял к себе опытного казака толмачом и проводником. И уже вместе, с целью предварительной разведки, объездили они княжества Малой и Большой Кабарды, владения шамхалов и иные, еще мало известные Московии, но уже

приглянувшиеся ей области. Пристанище астраханского сотника тоже было в основном здесь, в бывшей крепости.

Матвей Ногирин привязался к Зазе с запоздалой любовью бездетного и одинокого старика. Заметив необычайные способности мальчика, он всячески ему потворствовал. Часто заставлял его читать вслух грузинский словарь, и не мог скрыть изумления.

— Гляди-ка! Эдакий малец... Да еще не русский, а как читает по писанному, будто священник какой!

А когда Заза стал записывать грузинскими буквами русские слова, старый вояка был сам не свой от радости. До сих пор единственной его заботой было ружье да сабля, а теперь у него появилось новое занятие — объяснять русские слова.

«А вдруг я ошибусь? — пугался он. — Ведь мои слова в книгу записываются... Слово не воробей! Мудрость!»

И ежедневно в жилище Матвея слышалось:

— Рука! Нога! Голова! Живот!

Когда все части тела и окружающие предметы были названы, Матвей почесал затылок и отвел Зазу к дьякону.

— Научи его... Хочет уметь читать-писать по-русски... Где уж мне... Я тебе отплачу... Только научи его!

Но очень скоро и дьякон отказался, заявив:

— Слишком многого хочет парень... Уж больно жаден! Так быстро учится — не приведет это к добру! Забирай своего чертенка!

Года через три Заза научился бегло говорить по-русски, читать и писать. И прошения в «старую крепость» давали уже составлять ему, а не дьякону.

Мальчик вырос, вытянулся. Глаза и брови у него стали еще красивее. Вот только печаль о родине, о близких не давала ему покоя.

Часто, очень часто поднимался он на башню полуразваленной Сунджинской крепости и глядел вдаль, на Кавкасиони, который словно недостижимая мечта белел на грани неба.

Где-то там... За хребтом находились его родная Кахети и мать — Сатино. Об отце Заза избегал думать... Ну, а если воспоминания были особенно навязчивыми, сначала ему представлялся быстротечный Сулак. Цепь, намотанная на руку... Затем вздыбившееся бревно, и парень тотчас раскрывал «Соцветие», отгоняя неприятные мысли.

После кончины русского царя Иоанна Грозного, Даниловский-Русин отправился в Астрахань, а Матвей Ногирин остался в

Терской крепости. Здесь же вместе с ним остался и Заза. Он привык к беспокойной жизни Матвея, многое повидал, ознакомился с краем.

Через год снова вернулся Данилов-Русин и с небольшим отрядом начал более основательную разведку гор и долин. Теперь вместе с Матвеем Ногириным он возил и возмужавшего Зазу.

Под конец, на счастье Зазы, они проследовали «Шелковым путем» на юг, миновали Тарки и Буйнакск, Дербент, Баку, Ширван с Шемахой... Оставили там изрядный караван купцов с шелками и конвой, а сами с небольшим отрядом подступили к Кахети.

Заза вновь вернулся в свою сказочную страну. Снова он в Алазанских чащах... Его ласкает солнце родины, овевает ее ветерок... И это небо как будто усеяно не звездами, а родными буквами из заветной книги.

Рано утром, позавтракав на скорую руку, отряд русских и кахетинцев тронулся в сторону Дзегами. Каждый занялся своим делом, ограничился своими обязанностями. Каждый привязал свои стремена к собственному седлу.

Данилов-Русин ехал не торопясь, с усердным вниманием присматриваясь к дороге и строениям. Он часто обращался с вопросами к Зазе или через него к другим, но братья Бацаисдзе молчали или отвечали односложно. Воспитанники Давида Джандиери были осторожны с чужаками.

Не остановились и в Дзегами, хотя Данилов-Русин пожелал выйти на базар и объявить о приглашении дзегамских купцов в Астрахань на большую ярмарку. Но Тедо и Фидо отошли в сторонку, посоветовались и решили воздержаться.

— Сначала поезжайте в Греми! А в Дзегами всегда успеете! Ведь и обратно поедете этой дорогой!

Данилов-Русин согласился и снова вскочил на коня.

Заза ехал по Дзегамско-Гремской дороге, словно продолжая путь, прерванный три года тому назад... Вот и то место... Разве не здесь отрезал он ветку от ткемалевого дерева? Ветвь уже подросла... Только рубец остался. Если б и человеческое сердце могло так исцеляться! И трава все та же... Вот, до этого места он доехал, сидя за спиной у отца... Здесь похитили его вместе с отцом лезгины... Столько мест объездил Заза! Сколько чего перевидел, пережил, о чем только не мечтал! И едет опять по той же дороге... Возвращается назад... Но уже верхом на собственной лошади, вооруженный русским

ружьем, познавший многое... Едет в Греми... Домой! Но, господи, с какой радостью он откажется от всего, лишь бы снова сидеть за спиной у отца, на покачивающемся, словно люлька, коняге!

— Но-но! Что ты нос повесил, парень! — прикрикнул на него по-русски Матвей. — Я ведь обещал тебе — отвезу на родину! Ну вот. Теперь дело за тобой! Помни — я люблю медовую брагу! — Матвей обнял Зазу за плечи и шутил. — Ты только носа не вешай! Но-но! У вас, грузин, нос и так книзу клонится! Значит, не забудь — мед за тобой! — Матвей подмигнул ему, и почесал затылок. — Нет, знаешь, что я тебе скажу? Вино у вас благодатное! Получше меда! Гвино карги! — произнес он по-грузински и расхохотался от души, заражая других своим весельем.

Когда выехали на Алазанскую долину и русские огляделись окрест, все изумились:

— Вот, где оказывается, рай! Много стран я видел, но такую... Теперь я понимаю... Потому-то... Все к ней тянутся! — среди «всех» Данилов-Русин подразумевал и Московию. — Понятно! — И он потрогал зашитое на груди, предназначенное для повелителя кахов, тайное послание российского государя.

И кони словно повеселели, заспешили.

У кахетинцев имелась особая причина для спешки. Завтра, в воскресенье, во время празднования в Греми храмового праздника храма Цхракара, как обычно, будет игра в мяч.

Что и говорить, больше всех торопился Заза: ему не терпелось. Он до сих пор ничего не знал о своих родных и каждая задержка в пути была для него мучением.

Все-таки разок усталые и изнуренные жарой путники укрылись под сенью раскидистого ореха и отдохнули. Попросили воды у ближнего жителя, хозяин подал искристое вино. После этого, на горе Зазе, Матвей стал частенько испытывать жажду...

На следующий день, после ужина, вдали, на гребне горы, показался дворец, а на склонах — Гремская цитадель и храм Архангела.

Заза уже ничего не соображал и на вопросы русских взволнованно восклицал:

— Гремская крепость! Гремский дворец! Гремский храм! Город Греми!..

А когда до слуха его достиг перезвон гремских колоколов, воспоминания детства вспорхнули, словно голуби.

— Большой Греми! Мать-колокол! Главный колокол! Пономарь Фило! Голуби! Золотая купель! Крестины царевича! Как его назвали? Да, да — Константин! Ведь он крикнул... — и когда путники приблизились к городской ограде, мысли Зазы совсем смешались. Все и всех хотелось ему прижать к своему сердцу... Заза сравнивал оставшиеся в памяти образы с тем, что видел вновь. Как будто ничего не изменилось... Ограда, вся усеянная гнездами стрижей и ласточек... На арке орнамент — кисть винограда... Скала... Даже инжир все там же... Только разросся и изогнулся. С колокольни храма Архангела слышатся те же чистые, сладостные звуки. Сегодня ведь праздник храма Цхракара. За городом, на площади, будут играть в мяч... Жители верхнего, Зазиного, квартала всегда побеждали противников...

Путники действительно увидели на поле множество народа.

— А вот и игроки! Вынесли мяч! Жители верхнего квартала впереди!

Заза знает, они должны пронести мяч в городские ворота... Шум и крики, словно шелест листьев, сопровождали игроков. Вот народ устремился к ограде... Теперь Заза лучше их видит... Даже узнает того игрока с мячом... Только не может вспомнить, как его зовут... Игрок вырвался вперед тигриным прыжком. Пусть только оглянется, и Заза узнает его, лицо он не может разобрать, все остальное знакомо — и движения... и даже возгласы...

— У нас в Земоубани[1] так не кричат! — Заза погнал лошадь вперед и свистнул, как некогда в детстве.

На минуту громкий свист перекрыл шумные клики и топот бегущих. Несущий мяч быстро обернулся и побежал по направлению свиста «верхних». Лицо его было красным и потным... Сейчас ему требовалась помощь... Игрок изнемогал. Вот он подбежал совсем близко, поравнялся с обочиной, Заза узнал его, узнал!

— Кита! Джигаури, шени чириме! — только и успел он крикнуть и стремглав спрыгнул с седла.

Кита пересек дорогу и хотел было бросить ему мяч, но, не узнав в нем жителя своего квартала, замешкался, выпучил глаза и крикнул:

— На помощь... Верхние ко мне! — Но время было уже упу-

---

[1] Земоубани — верхний квартал.

щено, его настигли противники. Один из них прыгнул ему на спину... повалил наземь... отнял мяч, но их окружил уже целый отряд.

По дороге катилась огромная куча... Смешались руки и ноги, шеи, затылки. Неожиданно подброшенный кем-то мяч, словно заяц, выпрыгнул на дорогу. Заза собрался погнаться за ним, но почувствовал на плече твердую руку Данилова-Русина. Еще секунда, и «верхние» уже опередили мяч. Волна игроков словно ураган промчалась мимо гостей. А потом на них обрушилась пестрая толпа зрителей, с криками преследовавшая игроков... Казалось, все вокруг бежало... Мяч, дорога, арена, ограда, даже солнце... В глазах ошеломленного Зазы мелькали, смешиваясь, знакомые лица и чубы... И он не в силах был остановить взгляд сиявших глаз на ком-нибудь одном, сердце юноши прыгало словно тот мяч...

— Заза! — услышал внезапно он крик, и нежные, как побеги виноградной лозы, руки обвились вокруг его шеи. Нежданный поцелуй, легкий, как бабочка, коснулся его губ. Перед Зазой стояла прелестная девочка, и глаза ее сияли безграничной радостью...

— Заза! — еще раз позвала его девочка. Но в это время обрушилась новая волна народа, разделила их, и живой поток унес девочку, словно щепку.

Когда волна схлынула, девочки нигде уже не было видно. Поток подхватил и Зазу... Хоть бы он успел рассмотреть как следует — была ли родинка у той девочки!

Русские нагнали его у городских ворот.

— Спокойней, сынок! — увещевал парня, сам немало взволнованный названый отец. — Еще немного, и ты всех увидишь!

— Всех! Всех! — Заза дрожал как в лихорадке и стремился вперед.

В воротах им больше никто не повстречался. «Верхние» уже внесли мяч в город.

Главные гремские ворота были распахнуты во всю ширь. Не было видно ни стражи, ни базарных зазывал. Игра увлекла за собой всех.

Данилов-Русин опытным глазом оценил прочность ворот и зубцов ограды. Все учел, но вслух вымерил дело по-новому:

— Где так беззаботно играют в мяч, и ярмарки должны быть хорошие! А? Что ты скажешь, старик?

— Где хорошее вино, там и в мяч умеют играть, и торго

вать! А кинжалы висят у всех!.. Греми, оказывается, пригожий город, — ответил Матвей.

Когда русские достигли ограды Тарса-галавани, ярмарка уже подходила к концу. Тедо Бацацаисдзе, в ожидании ответа от Джандиери, завел их в караван-сарай. Пока искали секретаря-купца Тарса Сомхишвили, гости поднялись по широкой лестнице на кровлю и взглянули оттуда на торговые ряды.

На базаре поднялась суматоха.

— Верно, опять мяч! — решил Данилов-Русин, но на этот раз впереди людей бежала седая женщина с непокрытой головой... За ней, размахивая руками, следовали амкары-ремесленники и горожане.

Волна подкатилась к лестнице, ведущей на кровлю.

— Мама! — крикнул Заза и, прыгнув с лестницы, попал прямо в объятия Сатино.

А потом все смешалось: кто-то плакал, кого-то целовали... Слышны были прерывистые слова и непрерывные возгласы.

— Сынок, и на отца взгляни! Теперь на отца! — Первой очнулась Сатино, услыхав причитания только что подоспевшего Мамуки.

— Отец?! Мамука?! — Заза не верил собственным глазам. Он рванулся навстречу протянутой руке отца, руке, на которой ему все еще мерещились оковы, потом обнял Мамуку и словно вновь погрузился в поток Сулака... И тотчас задохнулся... А Мамука дрогнул всем телом и, не помоги ему соседи, верно, скатился бы с лестницы.

— Это ты! Ты! — повторял он заикаясь и прижимал к груди вернувшегося из плена сына.

— Пошли домой... Домой! — воскликнула Сатино. Схватила обоих — отца и сына за руки, тряхнула хорошенько и немного пришла в себя.

— Домой! Скорее домой... К Сиаушу! — но тут Заза вспомнил про своего названого отца и сотника Данилова-Русина.

— Отец... Я не один! Со мной мои спасители...

— Возьмем их с собой, сынок! Всех возьмем!

— Всех! Всех! — грянули амкары, и пока Заза успел что-либо сообразить, на лестницу вскочили Манасэ Джигаури и мастер Джаба и красноречивыми жестами стали приглашать русских.

Данилов-Русин заколебался, но Матвей Ногирин, сморкаясь, чтобы скрыть слезы, сбежал с лестницы и нагнал вырвавшегося вперед названого сына и его родителей. А когда и другие

ремесленники окружили Данилова-Русина, астраханский сотник подчинился их воле.

Все направились к дому Мамуки.

С быстротой молнии облетела амкаров весть о радостном событии в семье Мамуки и Сатино, о возвращении Зазы, о приходе русских гостей, и тотчас все, у кого имелось дома что-нибудь приготовленное для гостей или просто для себя — сладкое или печеное, вареное или жареное, — потащили все к Сатино.

Виноторговцы и мясники, состязаясь друг с другом в щедрости, посылали Мамуке бурдюки с вином и ягнят. Гости и хозяева проходили через двор в кухонную пристройку, помогали готовить угощенье, а затем шли в комнаты, где был накрыт стол. Некоторые несли прямо на стол чурчхелы и сушеный инжир.

Пономарь Фило даже вкатил в комнату громадный арбуз.

— Чтоб у этой семьи было столько же счастья и достатка! Люди! Где он... Ну-ка покажите моего песенника! Дайте рукой потрогать, слаб я стал на глаза...

Заза обнимал то мать, то отца, то подросшего Сиауша, то соседей, садившихся за стол. Но глаза его искательно глядели по сторонам, словно кого-то ему не хватало.

Сколько ласки и поцелуев выпало на его долю сегодня. Он счастлив... Но тот первый поцелуй, порхнувший, словно бабочка... у Гремских ворот... Он остался у него на губах, незабываемый и несказанно сладостный.

— А где Халиана? — спросил он невольно.

— Придет, сынок, помогает на кухне... Одним нам не управиться, столько гостей... Это она нас порадовала вестью... Она... Пусть будет благословен день, когда она появилась на свет!

И когда Давид Джандиери в сопровождении Тедо Бацаисдзе и Тарса Сомхишвили пришел навестить русских гостей, вокруг дома Мамуки собралось множество народа. Конечно, тут собрались сверстники «Анабаны» — грамотея, девочки и мальчики из Верхнего квартала, соседские женщины... Под ногами путалась мелюзга. А в доме звенело пандури, рокотал барабан. Мамука и Матвей оба вместе пошли вприсядку. Один плясал по-грузински, другой по-русски, а вместе, как говорил пономарь Фило, «еле вижу, но по звуку чувствуется, что получается по-буйволиному».

Поздно ночью довольных и вволю угостившихся вином русских гостей увел к себе Тарса Сомхишвили. А Заза остал-

ся дома. Так велел Джандиери. Секретарю-купцу Тарсе он велел держаться такого распорядка:

— Не давай людям пока что особенно много встречаться с русскими... Пусть гости спят допоздна, затем сведи их в баню, а вечером приведи к ним Зазу Кахниаури и где-нибудь в садах устрой для них обед и ужин. К тому времени и я сообщу, как быть. Доложу обо всем государю.

После ухода русских гостей Джандиери велел позвать Зазу в отдельную комнату, выслушал рассказ о его приключениях, повел речь о русских, кто они и что замышляют.

— Смотри-ка! Он русский язык выучил! Глянь-ка на силу слова! — и Мамука развернул перед Давидом «Соцветие», показал множество русских соответствий, приписанных Зазой.

Джандиери забрал книгу себе, а Зазу оставил в покое, заметив, что тот очень устал.

И правда, Заза, у которого голова шла кругом от дорожной усталости и треволнений, еле держался на ногах; гости еще не разошлись, когда мать завела его в спальню и приготовила постель на старом месте, возле столика для письма.

Тюфяк и одеяло показались Зазе маловатыми, но при первом же прикосновении к ним сердце юноши наполнилось радостью — он узнал свою детскую постель.

— Сынок! Дорогой мой, сегодня спи на этом... А завтра я тебе сделаю все новое... Могла ли я подумать, что ты так вырастешь? — И мать еще раз прижала Зазу к сердцу. Теперь они наедине, и никто не сможет соперничать с нею, матерью... Измученной и исстрадавшейся за время разлуки... Все... Может, даже Мамука... уже оплакал пропавшего... А она нет... Она всегда верила... Как будто знала, что первенец ее жив и в один прекрасный день все равно вернется... Счастье переполняло Сатино, но почему-то именно теперь она боялась по-настоящему потерять сына... И еще Сатино не ожидала увидеть его таким повзрослевшим и вытянувшимся, она как-то не могла с этим примириться, и ей даже было неловко... Мать не знала, как вести себя с ним... Как с ребенком или как с юношей... А между Мамукой и Зазой сразу же установилось равноправие и полное понимание. Сам Заза с соседями и с отцом держался степенно и по-взрослому, а с матерью по-прежнему был необычайно ребячлив.

— Сынок, помой ноги... Небось набегался, весь в песке

— Да, мама, сейчас... Я принесу воду... Она ведь там же, где обычно?

— Ох, да что же я... Не надо, сынок... Теперь ты в сапогах... Не босиком... как раньше!

— Ничего... мама... Помыться все равно неплохо... Если б ты знала из какой дали мы приехали...

— Ох, да я и забыла... Дай искупаю тебя... И вода горячая есть. Скажу Халиане, она мне поможет... Неси таз, девочка! Кувшин и таз! — крикнула Сатино в дверную щель.

— Ну-ка, раздевайся!

— Что ты, мама! Я ведь уже не маленький! Завтра пойду в баню, — Заза затянул пояс, словно испугался, что его разденут насильно.

Мать заметила незнакомое движение, вгляделась в лицо сына, хлопнула себя по щеке:

— Уйме! Да у него уже пушок вырос над губой!

Дверь открылась, и Халиана внесла кувшин и большой медный таз; Заза замер в изумлении. Девушка необычайной красоты, полная очарования, стояла перед ним, спрятавшись за большим медным тазом, как за солнцем.

— Ты, Халиана? — с трудом выговорил Заза.

Сатино взглянула на вспыхнувшее лицо сына, потом на девочку, замершую, словно фазан.

— Позови-ка моего мужа. Тебе говорю, девочка, позови Мамуку! — повторила Сатино нетерпеливо, видя, что та ее не слышит.

— Ну зачем же так, мама? — спросил Заза с досадой. — Пусть остается!

Но Халиана прислонила таз к стене и скрылась за дверью. Таз покатился и вместе с сердцем Зазы долго и гулко звенел медным звоном.

Сатино сняла постель с сундука, положила ковер посреди комнаты, прямо на полу, постелила сверху постель Мамуки, взяла две подушки и обернулась к вошедшему мужу:

— Этой ночью спите вместе... Подрос у нас молодец... Куда уж ему спать на сундуке! А завтра сколотите новую тахту. Вот, и горячая вода тут! Займитесь делом, мужчины! — Сатино отошла к постели Сиауша, взяла спящего на руки и перенесла в другую комнату, на свою постель.

Долго, очень долго беседовали отец с сыном, когда легли. Каждое слово воскрешало множество воспоминаний и чувств. Разговор их словно раскачивался меж Алазани и Сулаком.

А когда сын уснул, отец не стал гасить ночника. Он часто садился, глядел на спящего, потом осторожно дотрагивался до

кисти сына, на которой некогда были оковы, и снова ложился. Под конец не выдержал и встал... Присел на сундук, где когда-то спал Заза... Теперь сын был у него весь на виду, и Мамука успокоился.

Немного погодя дверь тихо отворилась, и в комнату, словно привидение, вошла Сатино, босая, в длинной белой рубашке, взглянула на сына, села рядом с Мамукой... Провела рукой по его лбу и прижалась к плечу мужа. Мамука почувствовал прежнее тепло Сатино, которого тщетно искал после исчезновения Зазы. Он обнял жену левой рукой и так, прижавшись друг к дружке, сидели они и глядели на своего возвратившегося, возмужалого сына.

Лицо спящего Зазы озарилось улыбкой. Погруженный в сладостный сон, он быть может, не думал уже ни о матери, ни об отце, а только о ресницах Халианы, вздрагивающих за огромным, величиною с солнце, медным тазом.

ГЛАВА IX

СВЕТ ВО МРАКЕ

Вернувшись в полдень из бани, отец и сын застали дома Тедо Бацацаисдзе, который ничего не объясняя, забрал обоих в Цхракарский храм.

В келье учеников их встретил Ясон Чавчавадзе. Заза очень обрадовался, увидев наставника, облобызал ему руку. Ясон прижал ученика к груди, поздравил Мамуку с возвращением пропавшего и повел их к келье Тинатин.

Возле кельи их встретил монах-вестник Иовель; улыбнувшись, он скрылся за дверью и вскоре пригласил всех войти внутрь.

Комнатка скупо освещалась светом, льющимся из узкого бокового окна. Внутри горела одна свеча. Монах откинул занавес широкого окна. Луч солнца озарил роспись стен.

Зазе в первую очередь бросился в глаза большой, богато разукрашенный образ богородицы. Икону окружал стен-

ной орнамент, а чуть ниже, справа, художник изобразил коленопреклоненную женщину.

В одной руке она держала маленькое подобие этого храма, другая была обращена к высокому, опоясанному мечом юноше — женщина молилась богоматери за сына.

Заза слыхал об этой келье и о стенной росписи. Знал и о том, что здесь изображены ушедшая в монахини царица Тинатин и ее первенец — Александр.

Возле окна стоял ученический столик с покатой верхней доской, за ним сидел седеющий человек. Заза тотчас заметил, что, несмотря на усы и бороду, он необыкновенно похож на юношу, изображенного на стене. «Царь Александр», — подумал Заза и спрятался за спину Мамуки. По вздрагивающим плечам он заметил, что и отец волнуется. Это еще больше его всполошило.

Александр поднялся и пошел им навстречу:

— Дайте взглянуть, что это за русский-кахетинец? — Но перед ним оказался Мамука, стоявший без шапки с опущенной головой. — Ты Мамука Кахниаури? Помню, помню — ты побывал в плену и знаешь «хромого купца». Джандиери мне докладывал...

— Я самый, государь! — Мамука собрался облобызать край царской одежды, но Александр отмахнулся. — А это мой сын... Да не лишит его господь ваших милостей и покровительства! — растерянно забормотал Мамука и отошел в сторону.

Заза оказался перед царем Александром. Он растерялся, не сумел даже поздороваться, только все старался как-нибудь унять предательскую дрожь и не краснеть. Все мысли его, казалось, остались где-то за дверью или за спиной у отца.

— Значит, ты и есть русский Заза? Ну-ка, покажись как следует, — и, заметив волнение юноши, царь провел рукой по его курчавым волосам... — Что же ты! Лезгинский плен перенес, на чужбине не растерялся, а меня испугался?! — подбодрил его Александр. Парень ему понравился. Отцовское сердце невольно сравнило его со своими подросшими сыновьями.

Вообще в последнее время Александр был в тревожном настроении. Внешнее положение Кахети все более усложнялось. В Телави прочно засел турецкий чауш, в Дзегами ждали иранские послы. Они терпеливо, но упорно ожидали «выздоровления» повелителя кахов. Их требования, словно сапоги, выкроенные по одной колодке, походили друг на друга... Какой же дать ответ? Ведь у царя просили не только дани, но и его

детей! Требовали не только послушания, но и крепостей, военной помощи друг против друга.

А теперь еще появился русский сотник, и кто знает, что означает его неожиданный приезд.

— Сколько тебе лет?

— Пятнадцать, государь!

— Ровесник моего Давида!.. Прочти-ка, что тут написано? — Александр подвел Зазу к столику и положил его руку на раскрытую страницу «Соцветия».

Попав в свою стихию, Заза тотчас поборол волнение, кинул взгляд на указанное место, а большего ему и не требовалось.

— Птица, — прочел он и разъяснил по-грузински.

Александр проверил, что написано в грузинской части и указал теперь на другое место.

— Щит! — уже смелее заговорил Заза.

— А кто это приписал? Грузинскими буквами русское слово?

— Я, — Заза оглянулся на отца и советника Ясона, словно извиняясь перед своим наставником: — Почерк очень плохой... иногда спешил, а иногда чернил и пера хорошего не было.

— А вот это... русскими буквами?

— Тоже я... Потом выучился... Вот только не удалось до конца...

Царь не понял толком, что он имел в виду — «Соцветие» или изучение русского языка. Он с сомнением поглядел на юношу, взял бумагу — и написал целый ряд первых попавшихся грузинских слов.

— Припиши соответствия грузинскими и русскими буквами.

— Когда прикажете доставить, государь? — спросил Ясон Чавчавадзе.

— Сейчас же. Тут же... Садись! — и Александр силком усадил Зазу на свое место.

— Мой Ясон! Возьми «Соцветие» и вместе будем проверять нашего знатока русского языка!

Пока Заза переводил, Александр повернулся к Мамуке:

— Чего ты испугался, старик? А сын у тебя, оказывается, молодец! Расскажи нам, кем были и твой отец, и твой дед.

— Отец мой рано скончался, государь... Говорили, он из обедневших азнауров... У нас не осталось ни дворянских грамот, ни имущества... Второй мой сын — Сиауш — ровесник

вашего Константина и его крестный брат... Остальное вам все известно, государь...

Мамука растерянно умолк и взглянул на Зазу, словно ожидая от него помощи. Заза уже закончил перевод и почтительно положил позолоченное царское перо. Ясон сравнил с «Соцветием».

— Все верно, государь! Как бы этот безусый грамотей не срезал своего государя и его советника!

Александр, улыбаясь, внимательно просмотрел округлое и связное письмо, ему понравился четкий почерк Зазы:

— Хорошо выучился! Молодец! — царь хлопнул его рукой по плечу. — Значит, не всегда у тебя было подходящее перо? Бери! Будет моим первым подарком! — Царь протянул Зазе позолоченное павлинье перо.

— Ясон! Пусть отцу и сыну помогут писари. Перепишите «Соцветие» вместе со всеми добавлениями. Мамука, ты снова станешь азнауром, и я не оставлю тебя своими милостями... А за сыном присматривай... Чтоб не зазнался! Ты ведь понимаешь... А то решит еще — я, мол, способный, много знаю, многое повидал... загордится... Нам, грузинам, это свойственно! — Александр захлопнул «Соцветие» и передал побледневшему Зазе.

— Так-то, юноша! Я на тебя надеюсь... Остальное скажу после. Ясон! Разреши русским гостям пригласить кахетинских купцов на Астраханскую ярмарку... А ты готовься быть толмачом... На сходе выяснится, как ты знаешь русский язык!

Александр поднялся. Советник Ясон и Мамука низко ему поклонились и направились к двери, а Заза замешкался и тихим голосом обратился к царю:

— Государь! У меня к вам тайная речь, если не прогневаетесь!

Слова эти прозвучали многозначительно и по-детски наивно. Александр улыбнулся:

— Тайная?.. Говори.

Заза оглянулся на Мамуку и Ясона Чавчавадзе и промолчал. Александр внимательно вгляделся в задумчивые глаза юноши, велел ему подойти поближе, а Мамуку и Ясона отослал.

— Слушаю тебя!

— Не отпускайте русского сотника, не повидавшись с ним наедине, государь! Это тайный посол...

Александр удивленно поглядел на ставшего вдруг очень серьезным Зазу.

— Ни Джандиери, ни Сомхишвили ничего мне об этом не докладывали.

— Он и не стал бы им говорить... Соблюдает осторожность... Множество тайных осведомителей, вроде «хромого купца» шныряют по базарам... У сотника есть послание на ваше имя — грамота с золотой печатью...

— От кого?

— От северного христианского государя! Больше я ничего не знаю. Он сам вам сообщит.

Александр вновь с сомнением поглядел на Зазу. До сих пор перед ним стоял просто способный подросток...

Царь кахов выглянул в окно. Там все еще сиял отблеск солнечного света, а вокруг, словно чалма, все было окутано черным маревом. Мысль, обратившись вспять, выудила из этой тьмы малых и крупных насильников, и луч солнца показался царю добрым предзнаменованием: «Может, какая-нибудь надежда, какой-нибудь просвет!» — подумал Александр.

— Северный... Христианский? — шепотом повторил он и затем спросил Зазу: — А ты никому не говорил об этом?

— Нет... Я хранил тайну!

— Отлично... И не говори... А русского сотника я вызову, — Александр заложил руки за спину, прошелся по келье. — Видно, ты хорошо умеешь хранить тайны, а это часто ценится больше, чем мудрость!

Царь простился с Зазой уже как со взрослым, а сам позвал Ясона Чавчавадзе и Джандиери.

— Обучите этого юношу, чтобы он мог быть секретарем. Видно, он не без способностей... Да и находчив! — Александр обернулся к Джандиери: — Доставь ко мне русских так, чтобы никто не узнал... В особенности турок в Телави. Может, лучше встретиться вне дворца, — ведь они не послы?

Чем внимательнее присматривался повелитель кахов к обстоятельствам появления посланца русского государя, тем больше спешил встретиться с ним.

Александр уже твердо знал, что русский сотник оставил в Шемахе богатый караван с шелком и немалый отряд стрельцов; сам же как бы «между прочим», отправился на кахетинские базары в Зазину страну. В подобном поведении чувствовались большая прозорливость и далеко идущие замыслы тех, кто послал сотника... «И нам не хотят мешать и услож-

нять дело, и сами не хотят преждевременно ввязываться... Может, какой-нибудь просвет? Какой-нибудь проблеск?»

— Не использовать ли нам сход в караван-сарае? — посоветовал Джандиери.

— Хорошая мысль! Установим правильные меры и вес... Примем русского посланца как предводителя купцов... И народу покажем русских, и мы покажемся во время веселья!

В тот день Александр решил и другие дела. Послал в Телави к чаушу Горджаспа Эндроникашвили, а в Дзегами — к иранскому послу — Омана Чолокашвили. Обоим дал одинаковые задания.

— Задержите их на месте, чтобы не явились сюда на сход... Плетите что угодно, запрягите восемь упряжек волов, но борозды не вспашите. Будьте сладкоречивы... Но чтобы ни одно обещание не имело под собой почвы... Время выиграйте, время! Потом я сообщу вам, может, появится какой-нибудь просвет! — Сам царь сел на коня и с небольшой свитой тайно отправился в Марткоби.

После дигомского поражения Александр избегал Марткоби. При каждом воспоминании об этой битве, краска заливала его лицо и болезненно сжималось сердце. Не поехал он даже тогда, когда с большим почетом проводил в Марткоби приехавшего из Борбало Нико-Хосро. А теперь пересилил себя и тайком посетил брата, ныне Руставско-Марткобского епископа и владетеля знамени Внешней Кахети.

Нико-Хосро оказался старательным пастырем, радеющим о пастве. Он позаботился о Марткобских и Давид-Гареджских храмах и монастырях... Вновь заселил опустевшие монашеские жилища, дал монахам хлеб насущный. И прихожанам помог, оказался для них высоконравственным отцом и наставником.

Узнав о приезде брата-царя, Николоз выехал ему навстречу на дорогу — принял с радостью, благословил и облобызал.

— Хвала отцу Зосимэ... Он излечил мое сердце, Хосро! Вернул мне брата! — Скрывать радость Александру было труднее, чем печаль, верно, потому, что она реже выпадала на его долю.

— По-братски прошу, пусть никто меня не посещает! Я приехал тайком... Хочу побыть только с тобой, побеседовать... Я убежал от людей. От пиров и посещений... Убежал от ирано-турецких послов. Мне не с кем поговорить по душам... Что бы я ни сказал царице Мариам о детях — плохое или хорошее — она одинаково печалится... Зосимэ далеко... Один

лишь ты у меня остался... Пойдем, побродим по саду, как в детстве...

Они отослали всех и пошли по тропинке осеннего сада, заглянули в пустой виноградник. Остановились возле стога сена. В воздухе носилось благоухание перезревших плодов, трав и листвы, пьянящее, словно виноградное сусло.

— Не ругай меня, братец, этот стог я тебе испорчу. — Александр разворошил верх и опустился на сено.

— Давай, давай... Раньше мы не помещались в одном царстве, а теперь уместимся на одной копне! Наша жизнь большего и не стоит!

Нико-Хосро прилег на сено, под рясой загремела цепь.

— Все еще носишь? Ограбил, взял надо мной верх, отнял мое имущество? Перед господом признаюсь — завидую я тебе. Как же быть? Неужто я во всем такой завистливый? — Александр зарылся головой в свежее сено и жадно вдохнул его запах. — Ух, от него пахнет всей грузинской землей! И не потому ли запах этот похож на бальзам, что его питает щедрая кровь?

А Нико-Хосро молча глядел вдаль на горы. Быть может, мысленным взором он видел Борбало.

Внезапно Александр поднял голову:

— Когда ты собираешься в Картли? — И не дожидаясь ответа, добавил: — Поезжай поскорее, на этой же неделе, и сестру повидай. — Александр снова спрятал лицо в сене.

Нико-Хосро долго глядел на брата.

— Может, это тебе не по сердцу? Может, ты мне не доверяешь? Тогда я не поеду!

— Нет, поезжай, непременно поезжай... Есть у меня и другое дело... Выбери невесту для Давида... Потрудись для племянника... Все хвалят дочь Ашотана Мухран-батони... Не погнушайся поручением из-за своего монашеского сана, семья — богоугодное дело! Ираклию я уже выбрал невесту... один лишь Давид у меня остался... А остальные...

Царь кахов снова прервал на полуслове, со всего маху ударил рукой по стогу, еще больше разворошил верхушку.

— Иранские и турецкие послы дожидаются меня у обеих границ Кахети. Ты ведь понимаешь, что это означает? — Александр не досказал мысли до конца, но из молчания брата явствовало, что тот понимает его и принимает все — общее и частное — очень близко к сердцу.

— Попробуем сделать по-нашему и будем надеяться на пресветлый крест господний!

— Пресветлый крест? Появился просвет? Может — белое сияние? — задумчиво перебирал слова Александр, словно разламывая скорлупу, искал ядрышко... — «Белое сияние». «Белый светоч», — нашел он, подразумевая «северного государя», но образу этому не хватало плоти и крови. А нужна была твердая почва под ногами, чтобы проторить путь или хотя бы топтаться на месте...

— Горит стог... Горит без дыма... Горит и не гаснет. Нам бы опору, пусть вдалеке, но чтоб можно было надеяться... Тогда все оправдано — и старые и новые жертвы... И нескончаемая борьба, и страшный счет заложников... И самоотверженность, даже стог с разворошенным верхом! — Александр пнул ногой сено и вскочил, словно и впрямь оно загорелось. Поднялся и Нико-Хосро, зазвенел невольно нагрудной цепью. Услышав звон, Александр снова заговорил о повседневном:

— Значит, поедешь в Тбилиси? После дигомской и мартколбской вражды ты будешь первой дружеской ласточкой с Алазанской долины!

ГЛАВА X

СХОД В КАРАВАН-САРАЕ

Повелителю кахов принадлежали самые лучшие караван-сараи Греми. Так повелось издавна, караван-сараи и торжища царя были не только в Греми и Дзегами, но и в других значительных селениях — и выгодно и весьма удобно для улаживания разных внутренних дел. По обычаю, Александр считался не только владетелем и царем Кахети, но и первым купцом и первым ремесленником. Ему принадлежало право устанавливать рыночные цены.

В караван-сараях имелся свой распорядок: в конце осенней ярмарки устраивались празднества. В этот день купцы и ремесленники собирались в царском караван-сарае. Совеща-

лись, рассматривали жалобы, улаживали тяжбы. Судьей и распорядителем был сам повелитель кахов.

Наступил день схода. С самого утра закипела торговля. Сегодня всякий залежалый товар продавался по дешевке. Купцы и ремесленники или прибавляли к изделию еще какой-нибудь предмет или сбавляли цену, чтобы «оживить» торговлю.

Оптовая ярмарка была в разгаре. Царский караван-сарай подал пример для «оживления» — снизил цены. Не отстали и купцы из Тарса-галавани... А потом уже вся ярмарка последовала их примеру, и торговля действительно оживилась и закипела.

Там и сям зашевелились певцы и скоморохи! На кровлях лавок устроились трубачи и глашатаи. Вышли и зазывалы, вынесли большую трубу караван-сарая. Желающие сделать объявление, выносили флаги и под звуки трубы вывешивали их. Труба гремела, а купцы сообщали людям о своей стране, о достоинствах своих изделий и о ценах на товар. Много объявляли в тот день дзегамские, гремские, тбилисские купцы. Вывесили знамена святого Георгия с крестами. Купцы, приехавшие из Ширвана, Ганджи, Тегерана, вывесили над лавками расписную парчу, на ней были изображены львы с поднятым мечом, а над ними солнце.

Румские купцы развернули зеленое знамя с полумесяцем — они зазывали по-турецки, от имени Эрзерума и Стамбула.

Но все-таки общее внимание привлекли русские глашатаи. Возле трубы висело круглое, словно щит, знамя. На нем был нарисован большой золотистый двуглавый орел, а сверху красовался меч.

Русин и Ногирин сняли военную одежду и, не взирая на жару, облачились в дорогие русские торговые меховые шубы. На головы свои они нахлобучили меховые шапки высотой с аршин. Заза Кахниаури слово в слово переводил сказанное ими:

— Всякий прибывший в Астрахань из Гремн, Кахети и других грузинских земель... Гость северного государя великой христианской Руси... Вас не оставят милостью и покровительством! Большая прибыль! Большой барыш!

Гремела труба... Звуки ее заполняли ярмарку и выходили за границы базара, лавок и караван-сараев.

— Дуди, русский! Дуди во всю мочь! Может, твой двуглавый орел разгонит это пестрое торговое воронье! — кричал дед Окро. И он был тут вместе с другими жителями Кеди: Хо-

ситой Шилдаури, Хапро, Кохсаламурой, полевым сторожем Кака. А женщин уж ничто не могло удержать дома во время такой большой ярмарки. На ярмарку пришло множество крестьян. Кроме кахетинцев, с гор спустились одетые в кольчуги тушины и хевсуры.

Жители Эли погоняли татарских лошадей. Белаканские мирные лезгины размахивали бурками, вынесенными для продажи. Бежавшие в Кахети и осевшие там армяне, длиннобородые евреи и многочисленные представители разных других народностей перемешались вместе и слушали русских глашатаев. Тут же суетились женщины в лечаки и в платках, горожане и ремесленники.

— Труби, рус! Труби! А они, оказывается, христиане: видал крест? — Теперь и крестьяне ринулись к лавкам.

За оградой волновалось стадо навьюченных верблюдов, отъевшиеся в горах кони, резвые быки, много всякого скота и мелкой живности.

— Парень, Сосия! Видишь, чубатый кричит — говорят, и он был в плену у лезгин как раз в одно время с тобой... Это сын Мамуки — Заза! — сказал пастуху Сосия Кохсаламура.

— Что ты говоришь, парень? — вскричал Сосия и бросился искать по ремесленным рядам свою мать — Сабедо.

— Матушка! Ну, время сейчас для этого? — Сосия чуть не заставил ее выронить из рук кувшин, вымененный на яйца. — Вернулся он! Вернулся!

— Кто, сынок?

— Заза вернулся! Сын Мамуки!

Сабедо чуть сама не разбила кувшин, засуетилась, собрала всех жителей Кеди, отнесла Сатино подарок на счастье. Но у женщин, некогда вместе молчаливо переживших горе, радость получилась многослезной.

Царский караван-сарай был празднично разубран, с балкона свисали ковры и паласы, лестницы устлали ковровыми дорожками... На полках сложили лучшие товары, двери и ставни разукрасили золотистыми дубовыми листьями. А помещение для приезжих купцов — напротив, совершенно освободили, — здесь и накрыли праздничный стол.

У входа, в начале широкой лестницы, лежали гири разнообразной величины, коди[1], кувшины и кувшинчики и иные

[1] Коди — мера сыпучих тел, равная приблизительно двум пудам.

мерные сосуды для сыпучих товаров... На отдельной доске лежали серебряный аршин и золотой таз.

В этот день здесь проверялись меры и веса всех торговцев и ремесленников. Негодные ломались тут же на наковальне в присутствии хозяина и народа. А с хозяина полагался штраф в пользу царя и для угощения торгового люда.

Когда царь пожаловал в караван-сарай, проверка еще не была закончена. Александр присел на тахте, стоявшей в самом начале лестницы, показался народу.

Сегодня царь был в платье горожанина и, как у владельца первого караван-сарая, на поясе у него висели золотые ключи. Неподалеку от царя сидел Матарса Сомхишвили — в царских делах — секретарь Александра, а в торговых — его соперник.

У Матарса, как у купца второй степени, висели на поясе серебряные ключи. У остальных купцов были ключи из меди, у одних они висели вместе с четками, другие завязали их в уголок платка. У мастеров-ремесленников знаки цеховых различий висели на цепочках на груди или на кисти. Тут были: советник Ясон Чавчавадзе, военачальник Шермазан Чолокашвили, Каплан Вачнадзе с сыновьями, Джандиери и другие высокородные. Вскоре пожаловали старшие и младшие царевичи.

Заза отвел русских гостей на бревенчатый помост правее лестницы. Они были в купеческом платье. Русские с минуты на минуту ожидали, что их пригласят «для приветствия и чтобы отведать хлеба-соли».

Александр, веселый и радостный, вошел в караван-сарай. Взял с собой только советника Ясона и Джандиери. Остальные ожидали приглашения домоправителя. В этот день застолье в караван-сарае должно было протекать по принятому во дворце распорядку.

В большом зале, где обычно были сложены ткани и стоял гомон от разноголосицы продавцов и покупателей, сейчас красовался накрытый большой стол. Кравчие суетились в ожидании гостей.

Александр внимательно осмотрел стол.

— Поздравьте домоправителя с должностью тамады, пусть пригласит всех почетных людей... И крестьян чтобы не забыл.

В царском караван-сарае имелось помещение для отдыха и игр. Здесь, в малом зале, убранном с особой пышностью, часто собирались важные купцы, распорядители, представители городских властей и беседовали с иноземными купцами...

Угощали их кальяном и чаем... Играли в шахматы, нарды и ганджапу, обсуждали торговые дела, плели и распутывали сети.

Не одно важное дело было улажено здесь под видом торгового.

Ясон и Давид остановились у дверей игорного зала, ожидая царского повеления.

— Приведешь ко мне русских посланцев через боковую дверь. Пусть идут коридором.

Джандиери наклонил голову и молча вышел.

— Мой Ясон, расставь фигуры. Давненько мы с тобой не играли в шахматы.

Александр сел за шахматный столик. Ясон удивился, но, связав это с тайным приемом посланцев русского государя, подумал, что подобная «случайная» игра в шахматы, возможно, превратится в совсем иную шахматную партию на Кавказе и на Ближнем и Среднем Востоке.

Александр был хорошим игроком. Он вел обычно острую и запутанную борьбу. Правда, царь немного спешил. Тем более, теперь, когда у него не было ни времени, ни настроения для раздумий... Фигурки из слоновой кости, выточенные на иранский манер, словно живые двигались по перламутровым и агатовым клеткам, а в мыслях было иное: «Если посланец северного государя привез грамоту с золотой печатью, это не простое приветственное письмо, и дело тут не в торговле шелком!» — Задумавшись, Александр допустил ошибку и поставил своего ферзя в опасное положение.

— Шах королю! — Царь кахов повел атаку на черного короля и выиграл время. Тут Джандиери объявил о приходе русских гостей. Александр переставил пешку и поднял голову.

Данилов-Русин и Матвей Ногирин приветствовали царя кахов по русскому обычаю. Склонившись в поясном поклоне, коснулись пола правой рукой. Советник поднялся. Царь продолжал сидеть за шахматной доской. Встреча казалась случайной и внешне как бы незначительной. Видимо, это устраивало обе стороны.

Сотник астраханских стрельцов басом заговорил по-русски, Матвей Ногирин то и дело кивал головой, но ни царь, ни советник не понимали по-русски.

— Где же толмач? — спросил у Джандиери Александр.

— Государь, черкес Куршита болен... А другой — не подходит по юности лет — и я не осмелился...

— Толмач оценивается по знанию языка, а не по возрасту.

— Я тотчас приведу его.

Пока Джандиери ходил за Зазой, Данилов-Русин достал спрятанный на груди свиток и обеими руками протянул Александру.

Ясон Чавчавадзе подошел, чтобы передать его царю, но Русин покачал головой, любезно улыбнулся и снова сделал шаг в сторону царя.

Александр самолично принял от него запечатанный свиток; когда царь проносил его над столом, висящая на свитке небольшая золотая печать задела шахматные фигурки, смешала их. Казалось, на поле брани вышел новый богатырь.

Царь пригляделся к печати. Двуглавый орел смотрел в разные стороны, когти его были растопырены, и казалось, он что-то держит в лапах.

Царь кахов поднялся, взглянул через окно на Греми. На небе виднелось облако, похожее на раскрытые крылья орла. На площади все еще суетился народ. Слышны были громкие возгласы, кто-то напевал отрывки из песенок скоморохов. Царь прислушался. Мысли его блуждали. «Вот им ни до чего нет дела! Ведь их не касается это зловещее ожидание иранских и турецких послов в Дзегами и в Телави. И этот тайный посланец с севера для них еще ничего не значит... Александр должен отвечать... Данью и плотью... Собственной плотью... И кровью... Но горе в том, что ведь это касается всех! Всех! И поэтому каждый должен нести свою ношу, вершить свое дело!»

Дверь открылась, и Джандиери ввел Зазу.

— Переведи: я благодарю великого русского государя! Мы ознакомимся с грамотой и не замедлим с ответом. А теперь попроси, чтобы гости посетили наш праздник. И ты оставайся, смотри, чтобы русские не скучали, пусть и отец тебе поможет.

Александр внимательно слушал, как неторопливо и точно переводил Заза.

— И еще — пусть пока нигде не говорят о том, что посещали меня.

Русские снова низко поклонились царю и, пятясь, вышли вслед за Джандиери и Зазой.

Александр снял печать со свитка и развернул грамоту.

— Это уже лучше! Грамота писана по-гречески, — царь пробежал глазами золоченые буквы.

Благодаря отцу Зосимэ Александр хорошо знал греческий.

Он начал читать негромко, а потом и вовсе замолк. Чем ниже он спускался, тем сильнее хмурились его брови, глубже становилась морщина, перерезавшая лоб, и так как оставшиеся на шахматной доске фигуры мешали ему, царь смахнул их рукой.

Ясон Чавчавадзе потихоньку поднял с пола пешки, выделанные на иранский манер, и сложил их на стуле.

Вошел Джандиери, остановился у дверей. Большой зал был уже полон гостей: крупные купцы и именитые горожане ожидали выхода царя.

Александр, не поднимая головы, дочитал грамоту до конца.

— Феодор Иоаннович! — уйдя в мысли, повторил он подпись, прошелся по комнате с грамотой в руках. Затем повернулся к советнику.

— Какой сегодня день?

— 1585 год от рождества Христова, 14-е октября, пятница... первый индиктион вашего царствования, — с расстановкой ответил советник, отмечая значительность даты.

— Сегодняшний день принесет или большое счастье странам по эту сторону Кавкасиони, или — огромное несчастье! — задумчиво произнес Александр, затем передал грамоту Ясону Чавчавадзе. — Прочитай, присмотрись внимательно... Проникни в знамение времени и подробно мне доложи... Мне нужно знать точно, безо всяких обиняков... Нечто ясное на сегодняшний день и нацеленное на грядущее, — затем царь обернулся к Джандиери и пошел вместе с ним к гостям.

ГЛАВА XI

ЖРЕБИЙ ИКОНЫ

Царь кахов так неожиданно собрался на гору Борбало, что даже Джандиери растерялся. «Когда Александр посылал Ираклия и Давида к Зосимэ и Нико-Хосро, все было понятно. А сейчас он везет с собой Георгия и даже малолетнего Константина! Что бы это могло означать?!» — размышлял посвященный почти во все дела царства Джандиери.

Во время схода в караван-сарае царь отменно повеселился. А вот на общем обеде был печален и задумчив. Больше обычного налегал на вино, но Давид знал — это не от радости. Конечно, тут замешан посланец русского государя... «Но при чем старец Зосимэ?» — размышлял стольник.

Что касается придворных, то на их взгляд, царь был в меру оживлен во время пира; затем поохотился; успел побывать и в Дзегами, повидался с иранскими послами, не дал согласия на их условия, но и не отпустил. Был Александр и в Телави, уладил тамошние дела. Побеседовал с турецким чаушем, оплел речами, удержал на месте двусмысленным ответом.

По вторичным и малозаметным, но более безошибочным признакам Давид чувствовал, что царь занят тяжкими расчетами. Таится ото всех... За последнее время он все чаще уединялся с Ясоном Чавчавадзе для игры в шахматы. Несколько раз Джандиери заметил, что фигуры смешаны. Потом Александр зачастил «играть в шахматы» с Капланом Вачнадзе, хотя тот был весьма плохим игроком и обычно предпочитал нарды или ганджапу.

Без сомнения, решался вопрос о заложничестве царевичей, но Джандиери чувствовал, — вплетен тут и иной, новый узел. Ведь недаром торопил государь с перепиской Зазиного «Соцветия».

Днем и ночью сидели над отдельными страницами расчлененной книги Заза, Мамука, секретари Шанше и Саба. И царевич Ираклий заходил почти ежедневно, торопил их от имени отца, подбадривал, помогал и сам, — у него был красивый почерк. Царевич не успокоился, пока в небывало короткий срок работа не была закончена. Джандиери видел все это, и делал собственные заключения, но все-таки не мог понять — зачем царю понадобился отшельник Зосимэ.

Подниматься по лесистому склону было нелегко. Константин с трудом держался в седле. Лошадь Георгия споткнулась на неровном месте и упала.

К закату истоки Алазани остались внизу. Путники достигли верхней кромки леса. Перед ними высилась огромная отвесная скала. Поставили царский шатер. Александр, не ужиная, прилег и заснул, овеваемый прохладным ветерком. Георгий и Константин с удивлением разглядывали высящуюся перед ними кручу. В середине скалы виднелась пещера.

— Кто там живет наверху — человек или птица! — спрашивал Константин.

— Там обитает отец Зосимэ... Наш наставник, не помнишь, белобородый, с белыми бровями?! — объяснял Георгий.

— Бороду не помню, а белые брови — да!

«Верно, государь пожелает утром пригласить святого старца?» — размышлял Джандиери и торопил поваров с ужином. Но лишь только стемнело и поужинали, царь отослал всех, велел царевичам ложиться спать, а сам, призвав Джандиери и одного факельщика, стал подниматься наверх.

Скалистая тропинка была опасна даже днем, но Джандиери не успел вымолвить слово, как Александр ушел вперед и начал подниматься с необычайной быстротой.

Во тьме, сгустившейся у подножия, трудно было что-либо различить, и они освещали себе путь факелами; потом им светила луна. Александр отослал факельщика. «Верно, до утра не собирается спускаться!» — подумал Джандиери и поспешил вслед за государем.

Долгое время шли в полном молчании.

— Давид, завтра утром приведешь сюда моих сыновей. Будешь сопутствовать им один — ничего с ними не случится! — и царь умолк.

Когда достигли украшенного орнаментом креста, Александр снова заговорил:

— Костале будет трудно, — но ничего, лучше запомнит.. Может, воспоминание об «Обители героев» останется с ним на всю жизнь...

— Здесь уже не опасно, поднимусь и сам... Ведь я иду к моему Зосимэ — не к врагу! К чему мне проводник! — Царь отослал Давида, а сам исчез за высоким уступом.

Дверь в пещеру была открыта. Внутри горела свеча. Зосимэ сидел на каменной скамье и, казалось, ждал его. Когда у входа возникла тень, старец тотчас узнал Александра и словно продолжая прерванную беседу, сказал:

— Ты и в детстве был такой. Ночь была тебе нипочем! — Зосимэ поднялся, благословил царя, поцеловал его в лоб и в плечо. Александр обнял старца, словно сын, украдкой вытер набежавшую на левый глаз слезу.

— Что тебя привело?

— Все «то же». Есть и новая забота. Сначала прочти вот это... Нужно спешить... Иначе нам не хватит ночи.

Зосимэ всмотрелся в Александра издали. Заметил проис-

шедшие в нем перемены: по лбу пролегли новые морщины, голос звучал озабоченно, и хрипотцы прибавилось. Священник молча принял от царя грамоту с золотой печатью, развернул, вгляделся при свете свечи.

— Писано по-гречески!

Александр молча сел и стал следить за выражением лица монаха, пытаясь угадать, какое впечатление производит грамота.

«Сейчас он читает титулы. Сколько их... Государь и повелитель, великий князь и владетель множества стран. Некоторые из них Александр запомнил. У него точная память, незнакомые слова крепко засели в ней: «Всея Руси, Володимира, Москвы, Смоленска, Твери... Новгорода... Царь Казанский и Астраханский... Всея Сибири... Князь Черкесско-Кабардинского и прочих Терских княжеств, владетель многих стран Востока, Запада и Севера...» Даже не произнесешь одним духом. Какое огромное государство! Как здесь написано: «В нашей стране не заходит солнце, так она обширна!» Значит, весь Восток и Запад принадлежат ему?» — в третий раз спрашивал у себя владетель Алазанской долины, — а моя страна длиной с Алазани, — думал Александр, глядя на схимника. — Вот теперь лоб его разгладился — верно, читает про христианство. Москва, мол, второй Константинополь и третий Рим... Оплот и защита всех православных на свете! Сдвинул брови! Ага. Теперь дошел до этого места... «Слыхали мы о вашей одинокой самоотверженной борьбе за веру. О невзгодах Иверских христиан, о разрозненности их земель по причине мусульман...» «Именем божьим и волею божьей, замыслили мы оказать покровительство и бескорыстную помощь против всех ваших врагов...»

«Всех врагов»... — перед мысленным взором Александра, воплощенные в образе послов-чаушей и разбойничьих отрядов... В образе выкрашенных хною бородачей с крашеными ногтями толпой предстали — иранцы и турки... шамхальцы и крымские татары... Малые и большие насильники.

Верно, и русские их имеют в виду! «Ибо ваши враги — наши враги! А длань помогающая и дарующая утешение — святой долг православных!»

Да, старец читает сейчас эти слова. Потому и поднес грамоту так близко к свету... Может, старец уже не доверяет своим глазам... Грамота словно сияет новым светом, среди этих низких закопченных сводов.

Зосимэ закончил чтение и перекрестился:

— Кажется, господь вспомнил о нас!

— И я в это верю! Неужто опять ошибусь? — Александр не сумел скрыть своего смятения. Зосимэ осмотрел золотого орла на печати. Конечно, крест или святой Георгий порадовали бы его больше, чем этот золотой хищник.

— Кто это привез? Русские послы?

Александр коротко поведал о приезде Данилова-Русина, о возвращении Зазы Кахниаури и протянул заново переписанное «Соцветие», дополненное русскими соответствиями.

Зосимэ весьма обрадовался, что Заза нашелся; полистал рукопись и остался очень доволен.

— Оставишь мне «Соцветие»?

— Для тебя и велел переписать...

— Спасибо! Господь тебе воздаст! — старец глянул украдкой в сторону каменной ниши. Там лежала завершенная рукопись «Алазанской летописи»... Летопись царства Александра... Но отшельник ничего не сказал царю.

— Как поживают царевичи?

— Старших ты уже видел, а младшие здесь, внизу. Посетят тебя утром.

Во взгляде Зосимэ отразилась тревога. Ему совсем не понравилось, что детей привезли в такую даль. Дурное предчувствие не оставляло его.

— Не случилось ли беды? — Зосимэ с надеждой оглянулся на иконы.

— В Дзегами иранский посол, в Телави — турецкий... Оба требуют у меня дани и заложников... Я обещал дать или то или другое.

— Обещал?

— Иного выхода не было... Но и это не помогло — оба требуют в первую очередь заложников, — глухо договорил Александр и отвернулся. В келье было полутемно. Две свечи горели возле них и две около икон.

Простые, лишенные всяких украшений, иконы печально взирали на Александра. Одна — образ святой Нино, другая — богородицы со спасителем.

— Пусть эти всемогущие иконы будут покровителями отца и сыновей! — прошептал старец, попробовал укрыться за иконами, но почувствовал, как прорвалась изнутри притаившаяся в глубине забота о суетных мирских делах.

— Что ты предпринял?! Каковы твои замыслы?!

— Хочу послать в Россию тайное посольство.

Зосимэ не удивился. Проследил внутреннюю связь:

— А каким путем оно проедет?

— Через горы, по владению шамхалов... Кази-Кумухским путем или через Дербент.

— Через Тарку опасно... Не пройдут... Шамхал не пропустит.

— Пошлю с ними русского сотника, а у него телохранители и конвой в Шемахе. Там и русские купцы. Наши поедут с ними тайно. Выведут заранее заложников.

— Хорошо задумал. Лучшего и не посоветуешь.

Александр горько улыбнулся, и старец понял — это еще не главное! Отметил и иное: каждый поступок и замысел царя кахов носил отпечаток обретенной им мудрости и опыта.

— Кого посылаешь?

— Греческого монаха Кирилэ... Отменный книжник и предан нам. Хорошо знает и греческий и грузинский. К тому же — не кахетинец — во всяком случае вызовет меньше подозрений. Еще черкеса Куршиту — он знает русский. И отрока Зазу пошлю, пусть подучится, пригодится в будущем... Пошлю секретарей... И купца... Прощупаем и эту сторону.

Александр умолк. Теперь царя и священника озаряла одна и та же свеча. Одна и та же мысль завладела обоими.

— Все это хорошо... А глава посольства?

— Не знаю... Ясона посылаю в Иран, Каплан Вачнадзе нужен мне здесь — он занят шамхальскими делами. Горджасп понадобится для турок, на Омана нельзя положиться, в чем-нибудь непременно проявится его корыстолюбие. Может, ты кого-нибудь посоветуешь? В России мне нужен опытный во всех отношениях наблюдатель, прозорливец, радеющий обо всей Грузии в целом, понимаешь! Обо всей Грузии! Ведь здесь так и написано, — царь кахов указал на грамоту: «Великий князь иверских земель!» Может, и впрямь при их содействии и покровительстве... — Александр замолк. Он хорошо знал, что может заставить сильнее биться сердце Зосимэ. И повторил его же мысль: — Если разъединителей у нас больше, чем соединителей, то мне уже не на что надеяться!

Зосимэ вздрогнул, поднялся.

— Господи! Может, при помощи северных христиан мы завтра или послезавтра... обретем утерянное единство?! — Белые брови монаха дрогнули. И взор его, казалось, пронизав сумрачную ночь, устремился по ту сторону времени.

— А сегодня... Сегодня не станем давать иранцам и туркам заложников! Вы дайте мне надежду на будущее, а борьба за настоящее — мое дело! Мне нужен в России всевидящий, безошибочный глаз... Чтобы посмотрел на месте, попробовал на зуб... И предвидел грядущее!

Александр взялся за грамоту:

— Нужно проверить силу когтей этого двуглавого орла, разузнать его желания, совместить его замыслы с нашими. Я теперь уже никому не верю. Никому! Сам должен поехать! — неожиданно закончил Александр.

— Как?! — изумился священник. — В такую даль? По столь опасной дороге? В совершенно незнакомую страну? На год или два? Ни в коем случае! — уже с прежней твердостью заговорил старец, даже былая строгость прозвучала в его голосе. — А что будет с кахетинцами? Неужели об этом ты не подумал? И что это за тайна, если царь на столь долгое время покидает свою страну? — После каждого вопроса Зосимэ умолкал, ожидая ответа, но Александр молчал. А Зосимэ знал — молчание его воспитанника никогда не означало согласия. Старец стал горячиться.

— Ну, а твоя семья? Какой ответ ты дашь горцам, а Ирану и туркам? На кого оставляешь престол? Кто знает, с чем ты вернешься из России. Не делай этого! Заклинаю тебя светлым именем твоей матери! Ни за что!

— Тогда должен ехать ты! — неожиданно отрезал ему все пути Александр.

Зосимэ замолк в растерянности. Этого он никак не ожидал.

— Я?

— Да, ты — мудрый инок Зосимэ!

— Я... Отшельник... Находящийся уже по ту сторону земных дел... Нет, не могу, — заикаясь, пробормотал Зосимэ

Наступила тишина.

Одна свеча догорела, заколебалось пламя. В келье запахло гарью. Старец зажег новую. Попискивая, залетела летучая мышь, ее неровная тень упала на людей и иконы. Точно так же, попискивая, она вылетела вон. Вновь воцарилось молчание. Зосимэ опустил голову и глухим голосом продолжал:

— Бога ради, оставь меня в покое! Не втягивай в мирские заботы... В молитвах и славословии господа хочу я закончить оставшиеся дни! Я всем пожертвовал, оставь мне мои молитвы!

— Стоит ли говорить... Но я ведь жертвую гораздо большим... Два свидетеля, быть может, два мученика дожидаются там, внизу!

— Кто? — не понял священник. Мысли его мешались.

— Завтра утром они поднимутся к тебе! — В голосе Александра зазвучали колючие нотки. — Посоветуй, это — старый вопрос, не новый: которого из них отдать Ирану, а которого — туркам?.. Выберем, помолимся... Или станем в сторонке... Решим, что многим уже пожертвовали!..

Зосимэ сгорбился, поник — Александр поразил его в больное место.

Царь кахов продолжал:

— Думаю, в Иран лучше послать Георгия — он старше и кажется более твердым, такого не превратят в перса, не сделают из него свою игрушку. А Константина отдадим в Стамбул, может, пока подрастет — могущество Стамбула будет ограничено силой той же России, или лучше — наоборот? Посоветуй, взвесим все хладнокровно и беспристрастно. Забудем, что они мои сыновья! — От Александра веяло таким холодом, что Зосимэ задрожал.

— Почему именно я должен решать эту головоломку? — взмолился он.

— Почему? А разве только для себя отдаю я этих заложников?! Или — дело касается только меня, как скажем, твои молитвы?! Не взваливайте все только на отца! Разве Кахети принадлежит одному мне? Пусть другие решают, а я соглашусь! Я отдаю — двоих сразу! Вы решайте — кого в какую печь бросать! — И так как Зосимэ умолк, Александр продолжал: — Есть еще один путь... Довериться судьбе... Кидать жребий! Как в детстве... Чет-нечет! Ведь и теперь это касается детей! Как же быть?

Зосимэ почувствовал, что Александр задыхается. И сам старец был не в лучшем состоянии. Он не в силах был вымолвить ни слова... Да и нечего было говорить.

Озлобленный отец не щадил ни себя, ни его, своего старого наставника, духовного пастыря.

Александр повернул голову. Снова две иконы попали в поле его зрения:

— Подари мне эти иконы... Не для меня — для детей заложников. Пусть эти могущественные иконы окажут им покровительство... Я пришлю тебе другие, богато разукрашенные.

— Изволь! Да снизойдет на царевичей их благодать!

Александр перекрестился, положил руку на иконы...

— Богородица — для Ирана, святая Нино — для Турции, пусть икона решает, икона! Жребий иконы!

— Что ты делаешь? Это кощунство! Сын мой и царь! Это поругание икон! Святотатство! — стряхнув тяжелое оцепенение, сурово воскликнул священник.

— Да, да, — сник, уступая, Александр. — Но что же мне делать? В конце концов и я ведь человек... Отец... — Александр поднялся и погасил оплывшую свечу.

Снаружи уже проникал луч рассвета. Прошла ночь, а они даже и не заметили.

— Вот и рассвело! Еще немного, и они придут! Все-таки ты, пастырь и мудрец, ни на один вопрос не дал мне ответа! А выхода нет! Нужно решать... А может, эта поездка спасет нас от заложничества и дарует единство? — Александр протянул руку к простиравшемуся вдали Кавкасиони и произнес: — Некогда ты превзошел меня нравственностью, и я покорился... Склонил голову... Подчинился твоей воле! А теперь, мне кажется, ты повернул плуг вспять. Как же мы вспашем поле? Как снимем урожай высокой нравственности и истины?

Зосимэ молчал, он почти явственно увидел, как над челом необычайно возвысившегося перед ним Александра появился ореол мученичества... А он, схимник, словно Пилат, отошел в сторону, умывал руки и хранил молчание...

В это время снаружи послышались детский голос и смех.

— Костала! — вскричал Александр. — Они пришли!

У Зосимэ полегчало на сердце; не в силах дольше оставаться наедине с Александром, он поспешил навстречу пришельцам.

Старец увидел Джандиери, посадившего себе на плечи уставшего на подъеме Константина. Ребенок, обрадованный игрой в «лошадки», шалил, размахивал ногами, пришпоривал «коня» и звонко смеялся. Следом неторопливо шагал Георгий.

Увидев Зосимэ, Джандиери посадил ребенка на землю и снял шапку. Обнажил голову и царевич Георгий.

Зосимэ благословил их и собрался поцеловать царевичей, но Александр, опередив его, крикнул сыновьям:

— Отец Зосимэ сделал вам подарки... Две иконы... Нука, кто которую выберет? Кто которую? — Царь прислонил иконы к камню перед кельей.

«Пусть икона решит! Жребий иконы!» — Казалось, звенел в ушах старца голос отца.

— Эта мне! Какой хорошенький мальчик! — вскричал Константин и схватился за икону богородицы.

На долю Георгия осталась святая Нино.

— Господи... Всемогущий! — вырвалось у старика. Он уже не смог подойти к детям с поцелуем. Отвернулся, пошел в келью, упал на колени перед крестом.

Позднее, когда Александр, Давид и дети вошли в келью, Зосимэ уже кончил молитву и обратился к Александру, как некогда в Маквлиани, теми же словами и, кажется, даже тем же самым голосом, будто возвращал ему его же слова:

— Да будет воля твоя! Да будет воля твоя!

ГЛАВА XII

НЕОЖИДАННОЕ ОТКРОВЕНИЕ

Русским очень понравилась Кахети: «Земля отменная и плодородная, особенно в Алазанской долине. Леса много, а гор и того более. Климат приятный, умеренно-теплый. Все здесь произрастает, хлеб и овощи, особенно фрукты, — неведомые по виду, бесчисленные количеством. Скота множество. В особенности овец с большими, словно луна, курдюками. А еще скакуны — аргамаки и длинногривые. И — черные, рогатые рабочие скоты, больше быка. Страшные, но совершенно безобидные, не кусаются, не бодаются и лягаться не умеют. Много шелка и шерсти, но более всего — вина, сока виноградного. Питье лучше медовой браги и, кажется, крепче, чем самогонная водка, и без вина никакого дела здесь быть не может. Народ — древние христиане, гостеприимные и воинственные. Танцуют по-своему, поют и представляют. Принято у них похищать пленных, продавать и выкупать их, а воровать не умеют. И что тоже странно!» — так заставлял Данилов-Русин писать Зазу в дневнике посольства. Иные вещи, например, о «Владетеле или князе Кахетинском» и прочих «неторговых» взаимоотношениях с восточными странами Русин запоминал сам. Зазу он уже считал приспешником царя кахов. Сам сот-

ник, хоть и с запинкой, все же умел читать, но письмо ему вовсе не давалось. А дьяка-секретаря Афанасия сотник оставил в Шемахе.

Часто он поручал что-либо запомнить и Матвею Ногирину, но старый вояка запомнил в основном обилие вина и щедрость кахов. Матвей с утра выходил обычно прогуляться по винному ряду. Пройдет, бывало, вдоль сваленных в ряд мехов и бурдюков, похожих на тела убитых воинов, остановится возле первого же крестьянина с бурдюком и крикнет два-три слова, выученные от Зазы:

— Гамарджоб! Рогор гвино? — потрогает затычку булькающего бурдюка.

— Иди, русский, сначала попробуй... благослови!

— А-а, проба? Можно... Можно! — Матвей цедил через зубы вино из небольшого, величиной с ладонь рога. — Ишь ты! — и удовлетворенно проводил рукой по усам.

— А теперь у нас попробуй, — протягивали ему чашу рядом.

— Можно! Можно! — изредка Матвей крестился, зная, что за этим последует рог побольше — уже длиною с аршин. К середине ряда он подходил уже изрядно нагрузившись.

В конце базара начинался тупичок посудных дел мастеров.

Матвей давненько уже облюбовал себе треснутый квеври[1], валяющийся на месте старого марани. Матвей садился рядом и пел над ним русские песни.

Поначалу собирался народ, становились вокруг певца... Потом торговцы привыкли и назвали это место «посудиной русского». Если Матвей запаздывал домой, Мамука, Заза или сам Данилов-Русин приходили за ним сюда:

— Что ты орешь в эту «китову глотку». Чего к ней прицепился? — спрашивал сотник.

— Никто здесь не знает русских песен... Что же мне делать? А этот, — Матвей ласково проводил рукой по глотке квеври, — оказывается, лучше меня умеет! Прямо чудо! Попробуй-ка тут — не пей и не пой!

Когда подошло время возвращаться в Россию, Матвей заволновался:

— И Заза мой тут остается, и этот квеври... Куда же мне

[1] Квеври — глиняный сосуд больших размеров для хранения вина.

ехать одинокому старому хрычу? — Матвей даже запил сильнее обычного с горя. Он замыслил подать прошение, чтобы навечно остаться в Греми, но Данилов-Русин запретил ему и сообщил новость:

— И Заза едет с нами, сопровождает кахетинских послов. А вот, когда они вернутся обратно в Кахети, тогда другое дело. Решайте сами — ты да твой треснутый кувшин! — улыбаясь говорил сотник, в глубине души полностью соглашаясь с доводами старого казака.

Царь Александр все предусмотрел. Русские в сопровождении старых знакомых — братьев Бацацаисдзе, должны были отправиться в Дзегами, там, на границе, к ним присоединятся черкес Куршита, греческий монах, секретарь Джаба, купец Матарса Сомхишвили и некто, чьей личности и назначения царь кахов никому не открыл. Тут же, на границе, кахетинцы должны переодеться в одежды русских купцов. Но чтобы дорога была надежнее и безопасней, Александр подробно разъяснил русским старый обычай брать попутно заложников и затем отпустил их, изрядно одарив каждого члена посольства.

Неожиданно осложнился вопрос с Зазой. Мамука, поняв, как важен отъезд сына в Московию вообще, и в частности для юного грамотея, смирил свое отцовское сердце. Но Сатино заупрямилась и ни за что не давала согласия.

Вывернув наизнанку свое платье, она явилась к царице Мариам, пала ей в ноги:

— Где это слыхано? Еле нашла сына, а его опять отнимают, посылают куда-то в ледовитые края? Умоляю, помоги — и ты ведь мать... Ты знаешь, что такое печаль по сыне.

Царица Мариам разволновалась, заплаканная вошла к Александру.

Царь слушал супругу, но думал совсем о другом. Наконец тихо сказал:

— Не печалься, Заза вернется к родителям, но кто знает, вернутся ли наши сыновья, если им придется ехать в Иран и Турцию... А если вернутся, то как? Молись, чтобы Заза и другие хорошо съездили... И привезли бы добрую весть.

Царицу словно громом поразило. Мариам знала, что в Кахети находятся послы Ирана и Турции, но о заложниках ей ничего не говорили. Увидев ее смятение, Александр смягчил свои слова:

— Успокойся... Подготовь сыновей для обручения, нужно спешить. А той женщине передай — царевичи, мол, завидуют

судьбе, выпавшей на долю Зазы. Любовь должна быть мудрой, неумная любовь не простительна даже матери. Ведь он не в плен едет и не в заложники! Едет, как наш названый сын, чтобы обрести высокие христианские знания, на славу своим родителям и стране. Втолкуй ей... Потом благодарить меня будет.

Царица-мать и Сатино успокоились и примирились с неизбежной судьбой.

Но было еще одно существо, которое ни за что не соглашалось на Зазин отъезд, и хоть никто ее об этом не спрашивал, но Халиана была непримиримо против.

— Что с тобой, девочка? — удивлялась мать. — Губы кусаешь, вот-вот расплачешься?!

— Ничего, мама, — отвечала девочка и убегала прочь.

Халиана находилась в том возрасте, когда подросток становится девушкой. Среди всех подспудных инстинктов, раньше других начинает развиваться инстинкт любви и налагает на все своеобразный отпечаток. Нынешней весной Халиана ощущала все как-то преувеличенно, словно сквозь призму чувств. Вишни и черешни цвели для нее с каким-то особым очарованием... И сирень этой весной благоухала пленительно, в глазах прямо рябило от множества мелких лепестков. Майские и летние розы распускались, меняя оттенки, становились пышными, горделивыми. На полях взошли колоски и стали смешно топорщиться, как усики на веснушчатом лице мальчишек-подростков. Когда Халиана проводила рукой по налившемуся колосу, лицо ее беспричинно вспыхивало и на нее нападал смешок, словно от щекотки. Среди сверстниц она была задорной, любила пошутить. С юношами же становилась молчаливой. Если с ней заговаривал какой-нибудь незнакомый юноша постарше, она сначала краснела, а потом хмурилась. Когда Халиана заметила, что парни провожают ее загоревшимися глазами и отличают среди других девчонок, на левой щеке ее от удивления и удовольствия стала появляться хорошенькая ямочка. Девушка научилась владеть собой и даже упрямо надувать губки. Все это было до возвращения Зазы. Теперь она стала совсем иной. Словно перед ней внезапно открылся неожиданный мир мечты. Халиана тотчас узнала товарища детских игр, незаметно перешедшего в ее юные девичьи грезы. При первой же встрече Заза стал для нее столь близким, привлекательным и желанным, что похитил ее сердце. Неведомая доселе сила толкнула ее к нему. Очнувшись, Халиана поймала себя на том, что обнимает Зазу за шею и целует его в губы.

Испуганная, с пылающим лицом отступила она прочь. А потом волна людей унесла девушку. Халиана отдалась воле толпы и не смогла разобраться в сумятице своих чувств. Кроме безграничной радости, она ощутила нечто новое, незнакомое. Сердце девушки тревожно забилось, губы словно обожгла ость молодого колоска.

То был последний детский поцелуй Халианы... Она вступала в иной, горький и сладостный мир... Мир, так не похожий на детство...

Затем ею овладели робость и смущение. Лицо озарила тайная улыбка. Никто не обратил внимания на перемену, происшедшую в Халиане. Зато все заметили, что она необычайно похорошела, словно озарилась изнутри неким таинственным сиянием. Но раньше матери это заметил отец.

«Новая забота у меня появилась... Для женщины красота — счастливое, но опасное украшение!» — думал Манасэ и уже глазами будущего тестя смотрел на городских мальчишек.

Лекарь Манасэ давно приучил Киту и Халиану помогать ему во врачевании. Тайны пилюлей от мигрени и цинги, сыворотки от оспы и желтухи, бальзама для обмороженных должны были перейти к Ките, но Халиана была послушнее и прилежней. Никто не мог так хорошо приготовить мазь для притирания, истолочь лекарства. И в изготовлении румян и белил у нее не было равных. Вскоре пошла молва, что у Халианы счастливая рука. Больные часто просили Манасэ:

— Пошли нам лекарство со своей красивой дочерью! Она, словно ангел, озаряет все вокруг больного, вносит утешение, да пошлет ей всевышний счастье!

После возвращения Зазы Халиана стала готовить меньше лекарств и больше притираний. Самой ей они не были нужны, но женский инстинкт заставлял тянуться к этому. В результате были довольны заказчицы ее матери, гремские девушки на выданье и перезрелые, но не падающие духом красотки. Манасэ был противником всяческих румян и белил, вообще «малеванья».

— Поганое дело... Пусть уж араб-разносчик этим занимается, а я взял на себя заботу о здоровье!

Поэтому его жена Даро часто потихоньку от мужа изготовляла «притиранья для красы», а Халиана помогала ей.

— Эх, разве мужчины знают счет деньгам! Притирания красивой женщины гораздо выгоднее, чем банки и пиявки для

калек. Почему это гремские женщины должны ждать помощи от одного только араба? Да и нам не повредят их денежки.

Под конец Даро все-таки настояла на своем. Манасэ больше не вмешивался в «женскую возню».

Часто, очень часто встречались Заза и Халиана. Соседство и дружба между семьями помогали их новому сближению. Они настолько привыкли бывать вместе, что считали это совершенно естественным, и родители, казалось, вполне им сочувствовали. Только думали, что пока рано считать их взрослыми и решать их судьбу. Опасались и сплетен соседей. Сатино и Даро бдительно, но молча следили, чтобы подросший ястреб не утащил закудахтавшую раньше времени курочку. В отношениях самих подростков проявлялась не только дружба, но и некоторая робость.

Халиана вспыхивала при виде Зазы, а потом сразу гасла и замирала. Вся обращаясь в слух. А ямочка, возникшая на левой щеке, становилась отчетливее.

Заза же напротив — сначала даже не замечал невольную краску на лице девочки, не понимал он и смысла ее смущения... А ямочку на щеке примечал, и вдруг посередине рассказа у него начинал заплетаться язык, а потом, напротив, он становился оживленнее.

И все это происходило как-то само собой. Оба бродили в саду чистой, только что распустившейся любви, но девушка любила, и знала об этом, а юноша любил, но пока не догадывался ни о чем.

Вокруг юноши, побывавшего у лезгин и русских, часто собирались слушатели. И он рассказывал о своих приключениях и о всяких иноземных историях. Переводил слова Матвея. Домашние, соседи и сверстники Зазы внимательно слушали его. А когда расходились все, оставалась одна Халиана. Заза вновь и вновь повторял уже рассказанное, но теперь его повесть получалась более красивой и мужественной.

От Матвея не укрылась тайная влюбленность Зазы и Халианы. Застигнув Зазу, который, блестя глазами и широко разводя руками, что-то увлеченно рассказывал, старик предостерегал его по-русски:

— Смотри у меня, петушок, кабы эта девочка не сделала из тебя хвастунишку! Помни: у тебя два отца, и ни один из них не любит лжи и бахвальства!

Заза растерянно умолкал, присматривался к себе. Долго не мог он понять в чем «неправда и похвальба», но под конец

признал, что названый отец прав. Все что он рассказывал, действительно с ним произошло, но при Халиане все эти обычные вещи превращались в необыкновенные приключения, связанные со всякими опасностями.

Заметил юноша и то, что он неотступно помнит о Халиане во время занятий и во время игр. Это открытие даже испугало его немного. Но чем больше приближалось время отъезда, тем чаще он думал о девушке, кажется, даже против своей воли... Она являлась ему в конце каждой строфы «Витязя в тигровой шкуре». Всякий раз, когда он засыпал, все та же Халиана возникала на пороге его сновидений, опуская над ним черный бархатистый полог...

Все новое и хорошее! — «Похвала фруктам» или «Похвала азбуке» — предназначалось им для Халианы. Даже сверяя вновь переписанную копию «Соцветия», предназначенную для поездки, влюбленный юноша обнаруживал в ней множество соответствий, звучанием своим похожих на имя любимой: Халбаде — тройная сеть; Хали — родинка; Халиси — желание искреннее и приятное.

Читая вслух, он внезапно поднял голову — перед ним стояла Халиана. Но не та, жившая в его мыслях, бесплотная, а живая, розовощекая, с влажными глазами. Заза заметил слезу, блеснувшую в ее глазах.

— Когда вы едете?

— Завтра, — ответил он и протянул ей руку. — Погляди — тут все про тебя написано! — и он прочел, но слова эти ничего не говорили Халиане, она думала о том, что сообщил ей Заза.

— Завтра? Здесь обо мне написано? — она полистала книгу, но не нашла там ответа на свой вопрос и, опустив голову, с мольбой спросила Зазу: — А что ты мне оставишь до своего приезда?

Заза не понял, слово ли имеет в виду девушка или какой-либо памятный предмет.

— «Похвалу фруктам»! — невольно вырвалось у него, и он взял небольшой лист бумаги и неожиданно для самого себя написал на бумаге любовные стихи.

Заза чуть не задохнулся, выпалив это неожиданное откровение. Казалось, он лишь теперь понял владевшее им чувство.

Заза привлек девушку к себе, заглянул в глаза, похожие на спелую ежевику, и обнаружил новый неведомый мир. И бы-

стрсе, чем смущенная мысль, по губам его порхнули крылья бабочки. Заза коснулся уст Халианы. Что-то безгранично желанное встретило его, обожгло, наполнило смятением. Рука как-то сама собой обвилась вокруг стана Халианы. А прикосновение ее кос и вовсе заставило выронить «Соцветие». Исчезли слова и мысли... Но Халиана выскользнула из его рук, пригнула голову Зазы, расцеловала оба его глаза и выбежала вон.

Когда Заза пришел в себя, в комнате уже никого не было, но в воздухе, казалось, вместе с солнечным лучом витал и невидимый аромат Халианы. А под ногами валялось «Соцветие». «Похвалы фруктам» же, открывшей им тайну их сердец, нигде не было видно.

На другой день, перед отправлением Зазы, дома собрались все его родственники и доброжелатели. Благословили на дорогу, было много слез и утешений, осенений крестом и поцелуев. А Халианы нигде не было видно. Заза не смел спросить о ней. Только, когда он уже садился на коня, младший брат его, восьмилетний Сиауш, тайком передал ему маленький свертоk...

— Это Халиана тебе прислала... Чтобы ты носил с собой! — шепнул мальчик и убежал куда-то в конец двора, к огородам, видно — сообщить, что выполнил поручение.

ГЛАВА XIII

СЕВЕРНЫЙ ПУТЬ

В конце ноября отправились из Гремн на север сотник Игнат Данилов-Русин, Матвей Ногирин, Заза и братья Бацаисдзе. Фидо должен был проводить путников до границы, а Тедо — следовать с посольством до самой Москвы.

С Матвеем ехал гремский купец Саргис Сомхишвили, младший брат владельца Тарса-галавани. Он вез в Астрахань вьюки с образцами кахетинского шелка.

В Дзегами их нагнал Давид Джандиери. С ним были гре-

ческий монах Кирилэ, черкес Куршита, мастер-литейщик Джаба и человек пять охраны и слуг, везших подарки. Караван был обильно снабжен дорожными припасами. У сокольничьих сидели на руке натасканные для охоты годовалые соколы. Дарственные скакуны и сменные лошади шарахались от рева двух детенышей леопарда, сидевших в клетке.

Все уже было готово к путешествию — люди снаряжены, лошади навьючены, караван ждал знака, чтобы тронуться в путь. Нет еще только главы посольства.

— Где он? — через Зазу и Куршиту спрашивал Данилов-Русин у Джандиери.

— Пожалуй, сначала вызовите из Шемахи свою охрану и прикажите привезти русское платье.

Сотник так и поступил — послал Матвея Ногирина и Тедо Бацацаисдзе вперед.

Через неделю Давид сообщил Данилову, что тот может покинуть Дзегами.

Когда караван миновал торговую часть города, вновь появился Джандиери, поехал вперед, повел караван через лес. Вскоре нагнали одинокого путника. Старик с закутанным лицом восседал на откормленном муле.

Джандиери низко поклонился и представил ему Данилова, а сам повернулся к ехавшему сзади кахетинскому посольству и негромко сказал:

— Посол едет под именем Иоакима, греческого пастыря... Эту тайну должны знать одни лишь члены кахетинского посольства — больше никто! Заза, ты самый младший в посольстве!

Юноша ничего не понял; когда же приблизился к первопосланнику, радостно изумился, узнав в нем отца Зосимэ.

Остальные кахетинцы также удивились и обрадовались тому, что старец едет с ними.

На границе встретил их Матвей Ногирин, уехавший вперед и дожидавшийся здесь с русскими купцами и охраной. Кахетинцы тут же переменили облик: скинули грузинскую одежду и надели русские купеческие кафтаны и военное платье, а священнослужители, не взирая на теплый, как бы весенний день, облачились в длинные меховые шубы.

Высокому статному отцу Зосимэ шуба была к лицу — зато толстяк-коротышка Кирилэ, монах-грек, выглядел в мехах еще короче и круглее.

У самой границы, возле ручья в камышах, Давид Джан-

диери сердечно распрощался с путниками, пожелал счастливого пути преображенному посольству и русским гостям.

Заза ехал в самом хвосте каравана. Во второй раз родная его сторона оставалась позади. Он привычным движением сунул руку за пазуху и невольно улыбнулся, вспомнив, что на этот раз красиво переписанное «Соцветие» уже не могло уместиться у него на груди! Оно было надежно уложено и заперто в сундуках посольства. На груди же у Зазы, кроме материнского креста, висел талисман, подаренный Халианой. Словно жемчужина, блестел вставленный в небольшой кусок гишера молочный зуб Халианы смененный ею еще в детстве. Невинный дар этот получил Заза от своей застенчивой возлюбленной через Сиауша. Дочь лекаря не позабыла и о «трудностях жизни в ледовой стране» и, кроме талисмана, прислала ему изрядный запас мази «турманаули» — бесценного средства против обморожения и ожогов.

Русские купцы, успевшие объездить Ганджу, Баку и Ширван, везли с собой закупленные там шелка; тяжело нагруженный караван их, соединившись с кахетинскими купцами, тотчас двинулся по Дербентской дороге. Ехали, соблюдая всяческие предосторожности, с частыми привалами. Обогнув Кавказские горы с востока и благополучно миновав «Железные ворота», путники вздохнули с облегчением. Узкое ущелье это было особенно опасным — стража турецких крепостей и местные мусульманские племена нападали на караваны. Но теперь, выйдя к морю, путники надеялись, что поблизости от Дербента или у устья Самура, подоспеют к ним русские струги. Трижды посылали они разными дорогами в старую Сунжинскую крепость маленькие отряды вооруженных гонцов, просили немедля выслать струги. А пока русские и кахетинцы разбили близ Дербента укрепленный лагерь и стали ждать. Подступы к лагерю тщательно охранялись. Бдительность была необходима: по ночам шныряли вокруг подозрительные тени.

Дербентский паша потребовал за проход через свои земли подарки и непомерную пошлину. Сверх того, он захотел обыскать вьюки с товаром и установить личность купцов.

Сотник и купцы посовещались. Прибавили конвойным казакам дневную выдачу еды, увеличили плату, а дербентскому паше ответили отказом.

Произошло столкновение, но огнестрельное оружие и сабли казаков тотчас заставили обратиться вспять зарвавшегося пашу, охотника до пошлин и разбоя.

Все понимали, что это только начало...

К счастью, подоспели струги. Послы и купцы разместились в них, погрузили и дары для Московии, шелк и иные ценные товары. А лошади и часть конвоя, уже свободно и налегке отправились сушей, по возможности не удаляясь от берега моря.

Так, морем и сушей, обошли они Кайтаг-Буйнак и достигли Тарков.

Заза явственно различил высокий хребет, по которому он некогда убегал из плена и откуда впервые увидел море. А теперь он с моря глядит на горы. «Как в те дни не стоило падать духом, так, верно, и теперь я не должен возгордиться», — скитания воспитали характер юноши.

Тедо Бацацаисдзе издали показал кахетинским послам дворец-крепость шамхала — «Осиное гнездо», где он побывал, когда сопровождал Каплана Вачнадзе.

Зосимэ долго разглядывал гнездовье горцев, совершавших разбойничьи набеги на Картли и Кахети. Печалило его, что население этой многоязычной горной страны лишь недавно, всего три или четыре поколения назад, насильно омусульманенное, превратилось в коварного врага былых своих просветителей, по крови и племени родственных ему, да и сами грузины невольно должны были враждовать с горцами, не имея иного выхода.

Зосимэ отвернулся. Он казался усталым. Годы брали свое, да и путешествие по морю оказалось утомительным. Привыкший к скалистой тверди Борбало, старец с трудом переносил постоянное колыхание легкого судна.

Но его занятиям ученого книжника не мешали ни усталость, ни необычная обстановка. Зосимэ заставлял Зазу записывать неизвестные ему русские слова.

«Струг — плоскодонное судно с множеством весел. Есть на нем парус и длинная цепь, чтобы тянуть его с суши...»

С необычным для его лет усердием изучал старец Зосимэ русский язык. Еще в своей келье в Борбало заучил он и запомнил слова из переписанного в Греми «Соцветия». В Шемахе Зосимэ условился с русским дьяком разговаривать по-русски, чтоб упражняться правильному выговору. Он призвал на помощь Зазу с Куршитой и с большим рвением учился читать и писать.

В Тарках ни русские, ни кахетинцы не стали сходить со стругов. Только Данилов-Русин с десятком стрельцов отправился на назначенное место, чтобы встретить отряд конников,

следующих сушей. Они оказались уже на месте. По пути на всадников было совершено два нападения. До Терско-Сунжинской крепости предстояло миновать еще более опасное ущелье Койсу и Сулакские леса. Несмотря на то, что по морю и Тереку путь был вдвое длиннее, все же единогласно решили плыть на стругах.

Сотник взял на судно и часть «сухопутного» конвоя, а взамен послал со стругов других людей, чтобы они ехали по суше коротким путем. С ними отправился и Тедо Бацацаисдзе, которому было поручено пробраться в Кафир-Кумух, повидаться с шамхалом Элимом и передать ему тайное послание от Каплана Вачнадзе. Струги пошли морем сначала прямо на север, до широко разлившегося устья Терека, а отсюда свернули вверх по реке, на запад.

Зосимэ, Куршита и мастер Джаба бывали раньше в Хеви, в Степанцминда, видали низвергающиеся с головокружительных круч водопады, слыхали рев беснующегося Терека в теснине Дарьяла. А теперь, поднимаясь по Тереку от устья, они изумлялись. Можно ли поверить, что эта широко разлившаяся в камышах меж зарослей неторопливая голубая река и есть тот самый рожденный в грузинских горах буйный и неугомонный Терек?

У первой же излучины суда подошли к небольшому причалу. Здесь встретили их русские лоцманы и гребцы, знающие русло Терека. Вынужденных гребцов, стрельцов из конвоя, сменили чубатые и белокурые, румяные и веснушчатые, сильные парни.

— А это уже нашинские! Молодцы-ребята! Забубенные, удалые казаки... Ну, что каковы, а Заза? — Матвей весь расплылся в улыбке и, обменявшись приветствиями с вновь пришедшими, расцеловался с каждым троекратно.

Новый рулевой и гребцы, поднявшись на струге довольно высоко по Тереку, повели его по середине реки и в один голос грянули громкую песню.

Зосимэ внимательно слушал. Слов он не различал, да, верно, и не понял бы. Но он хорошо чувствовал неукротимую силу песни, постигал ее внутреннее значение.

У слияния Терека с Сунжей, близ упраздненной крепости, их поджидали конвойные, шедшие по суше и опередившие струги на несколько дней. Только Бацацаисдзе не вышел пока на Терек.

В Сунжинской крепости послы и купцы ждали доволь-

но долго. Отсюда в Астрахань вел нескончаемый конный путь. Был и иной путь — морской, но, во-первых, в открытом море нужны были струги побольше и лучше снаряженные, а, во-вторых, на всем протяжении этого морского пути на островах, в зарослях, скрывались казаки-разбойники. Они шныряли по морю на быстрых лодчонках и грабили все, какие попадались, суда без разбора. Поэтому Данилов-Русин предпочел на этот раз сухопутную дорогу.

Заза вновь посетил знакомые места. Он повел старца Зосимэ и других кахетинцев на полуразваленную большую крепость, некогда возведенную Иоанном Грозным. Зосимэ представил себе крепость восстановленной, и тотчас в воображении его возник царь кахов Александр и «осиное гнездо», уничтоженное и поверженное к его ногам.

Вскоре явился на Сунжу и Тедо Бацацансдзе. Он уже передал шамхалу Элиму царское послание, ответ на которое будущий сват должен был переслать прямо в Кахети.

Подарки и товары снова сняли со стругов и нагрузили на лошадей. Грозное рычанье детенышей леопарда опять напугало вьючных животных.

В жаркие июньские дни выступил караван в путь по раскаленной и пыльной дороге. Кахетинцы все время оглядывались назад. Там, вдали, где кончалось небо, все еще виднелась белоснежная цепь гор, словно серебряный пояс, протянувшаяся от моря до моря.

За горами лежали разрозненные и порабощенные иверские земли — родная Кахети, Цив-Гомбори, Алазанская долина, величественный храм Алаверди... Где-то вдали оставалась родная страна, а сыновья ее направлялись на север, в поисках единства и спасения своей отчизны.

Понемногу Кавкасиони скрылся из глаз. Дольше всех продолжали видеть его Заза и старец Зосимэ. Зазе помогали юношеская острота зрения и мечта, а монаху — старческая дальнозоркость и прозорливость.

Когда путники перешли через реку Куму, они вновь оказались у моря и обогнули бухту. Потом они миновали множество соленых озер и солончаков. Все здесь было соленым... Вода, трава, ветер... И кажется, даже немилосердно палящие лучи солнца.

Вскоре перед ними простерлись пустынные ногайские степи.

Само море здесь казалось продолжением низких, песча-

ых берегов — только оно было слегка подернуто зыбью, а на суше, в безветренную погоду царила полная неподвижность безжизненной солончаковой пустыни.

— Что это за места? Что их сделало такими бесплодными? Глазу не на чем задержаться! И не поймешь — где тут небо отделяется от земли! Как дорогу разобрать! — жаловался, обливаясь потом, мастер Джаба, у которого пересохло в глотке.

— Слыханное ли дело, столько уже прошли, и опять вокруг одни пески, одни пустынные равнины! Ни единой вехи — как тут место заметить? Ни холма, ни даже дерева! Куда хоть растения девались?

— Откуда здесь взяться растению, на чем ему расти — сплошные солончаки вокруг! — Бацацаисдзе пробовал шутить, но хруст соли, похожей на толченое стекло, портил настроение и ему. «Эх, поглядеть бы сейчас на Алазанскую долину! Какая там благодать! Видно, потому все нас и одолевают — не дают покоя!»

— Нет, теперь я понимаю, что не может быть человеку счастья по эту сторону Кавкасиони... На Тереке еще можно жить... а дальше — нет, брат! Если это — земля, то Кахети, значит, рай небесный, а мы, неблагодарные, еще ропщем! — говорил секретарю Саба охрипшим, осевшим голосом Саргис Сомхишвили.

— Не пойму я, идем ли мы вперед или все кружим на одном месте?

Кахетинцы уныло погоняли обессилевших от жары лошадей, обливаясь потом, вели беседу, столь же безрадостную, как и все вокруг.

Но совсем иными были мысли Зосимэ. «Какой огромной мощью должна обладать Россия, Московия... Если она может одолеть столь огромные расстояния и достигает столь дальних стран, чтобы торговать с ними или завоевывать их!» — Он часто беседовал с русскими, порой даже и не прибегал к толмачу. Старец уже не обращал внимания на свое произношение. Ему хотелось проникнуться русским духом, понять характер русских. Зосимэ считал, что в конечном итоге за судьбу свою, за свое настоящее и будущее ответствен сам народ... А его больше всего можно узнать именно в путешествии, на широких путях и перепутьях... Самое основное и значительное скорее всего выяснится именно здесь, а не там, где царят ложь и лицемерие, среди заросших мхом и плесенью высших и силь-

ных мира сего, в их хоть и позолоченных, но прогнивших дворцах...

У Зазы, изнемогающего от жары, эта солончаковая пустыня порождала волнующие видения... Перед глазами его возникали лесистые берега Алазани и ее прохладные струи. А в мыслях его главное место занимала Халиана, а после нее — отец с матерью и Сиауш.

В пути не раз возникали препятствия. Лошади часто останавливались, многие пали. Порой дул в лицо горячий ветер. Порой же на караваны нападали потомки татарской орды — кочевые калмыки или ногайцы... А то и буйные разбойники казаки, для которых все были едины — русские и татары, князья или купцы, лишь бы было что пограбить и похвалиться своим молодечеством.

Путь шел вдоль редкой цепи крепостных оград и опоясанных земляными рвами или насыпями поселков. Повсюду караван ожидал запас провианта и оружия. Везде ощущалась твердая, сильная рука.

Внимательно вникавший во все Зосимэ уже теперь отметил для себя одно характерное обстоятельство: сотники или иные начальники на местах не брали на себя решения ни одного, даже самого простого, мелкого вопроса: «Не предписано! Не приказано! Без начальства — ничего не знаю! Там знают наверху! Предпишут — выполню!»

Зато «предписанное» они действительно выполняли и притом с необычайной точностью.

Зосимэ увидел на этой как будто бы однообразной и скучной дороге много нового и значительного... У него было такое чувство, будто все дороги, пройденные им в прошлом, сбегались сюда, к этому новому пути, будто здесь начиналась борьба старых и новых путей.

Когда до Астрахани оставалось всего несколько дней, русские почувствовали волжский воздух и заметно повеселели. На их запыленных лицах и запекшихся губах заиграла улыбка.

Изменилась и природа. Появились небольшие круглые холмы и поля, поросшие душистыми травами. Потом пошел кустарник и вскоре перед ними простерлась лесистая местность — как рубеж и преддверие нового края. Все чаще встречались усталым путникам стаи диких уток, казалось, несших на своих крыльях свежесть и прохладу.

В последний день путники испытывали недостаток воды.

Зной отнимал последние силы — и все же в первую субботу июля они достигли своей цели.

— Что это — снова море? — воскликнул Заза, которого жажда погнала вперед.

С высокого откоса неожиданно открылся перед ним широкий водный простор.

— Нет, это Волга! Матушка-Волга! — ликовал Матвей. Он скинул шапку, перекрестился, соскочил с коня и, сбежав вниз по береговой осыпи, жадно припал к воде.

— Эгей! Смотри, не выпей всю до дна! — закричали ему товарищи и с необычайной быстротой скатились вслед за ним по откосу.

Вскоре наверху остались одни изумленные кахетинцы.

— Это российская Алазани, — объяснил им Зосимэ.

— Алазани? — почесал в затылке Джаба, — а я-то думал, море!

— Необъятны русские просторы, и река у них огромная! Вишь, до того берега глаз едва достигает!

— Смотри!.. Смотри!.. Что это вдалеке? Как будто-бы город!

— Верно, это и есть Астрахань, — заключил Зосимэ и весь обратился во внимание.

За рекой, чуть ниже по течению, и впрямь виднелась сквозь голубую дымку обширная крепостная ограда, многозубчатые башни и круглые, высокие блестящие купола.

— А это, верно, храмы.

Словно подтверждая их догадку, до кахетинцев донесся далекий колокольный звон. Он становился все сильней, в общий хор вплетались все новые и новые колокола. Волшебное зрелище и пенье колоколов заставили кахетинцев забыть даже о жажде.

— Издали — точно звонит Гремский колокол! — зашептал Заза. Никто ему не ответил. Перезвон христианских колоколов после этого тяжелого, казалось бы, бесконечного пути наполнил души кахетинцев глубокой надеждой.

— Завтра воскресенье! Да сойдет на вас его благодать! — благословил Зосимэ своих соплеменников. — Начиная отсюда, перед нами уже сплошь христианская земля.

Снизу, со стороны реки, донеслось стройное, благозвучное пение. Русские разделись, вошли по грудь в реку, лили себе воду на голову и под звон колоколов в один голос пели молитву в честь благополучного возвращения из дальних стран.

— Слава тебе, господи! Таков уж человек — сердцем любит свое, а ищет далекое чужое! — Зосимэ невольно оглянулся назад. Где-то там, на расстоянии месяца тяжелого пути, затерялся за горизонтом белый гребень Кавкасиони. — Одним кажется трудной и опасной дорога через горы, другим — эта безграничная равнина!

Вскоре весь караван — люди и лошади — собрался на берегу Волги. С лошадей сняли вьюки, пустили их к реке. Кони громко фыркали и ржали, слышались возгласы проводников и погонщиков. Берег Волги пробудился, голоса звучали протяжно и гулко. Но кахетинцы чувствовали, это не рожденное в горах знакомое им эхо, а нечто новое, неизвестное, как бы созвучие пространства и равнин.

Общее волнение передалось и кахетинцам. Вскоре и они спустились к реке, чтобы искупаться. Все жители долины Алазани были умелыми пловцами.

— Ну-ка, Заза! По-алазански! — кричал Тедо и рассекал волны саженками, высоко вынося руки.

Оба священнослужителя также, устроившись в сторонке, освежали себе водой лицо, руки и ноги.

Смыли пыль, прилипшую к лицу и телу, повеселели... Заза соревновался в плавании с Тедо. Джаба плавал «по-лягушачьи», дышал глубоко и часто, как кузнечный мех, и отплевывался. У берега барахтались Куршита, Саргис, секретарь Саба и другие кахетинцы.

— Эге! Смотри, она глубокая! Не нащупать дна — громко кричал Заза, встряхивая мокрым чубом, прилипшим к лицу.

— Нет, сынок, тут ни дна не найти, ни до другого берега не добраться! Вот был бы здесь алазанский буйвол... Схватился бы я за его хвост и рванул бы в ту самую Астрахань.

— Нет, подумать только! — разглагольствовал Джаба. — Если к Алазани прибавить Иори, да еще Куру и Рioни, словом, если соединить вместе все грузинские реки, все равно получится меньше, чем половина этой! В самом деле, нет ей меры и края! Ну, какие ключи да родники такую породили?

Отец Зосимэ слышал голос мастера Джаба, и чудилось ему в привольном рокоте Волги спасение, «слияние воедино рек всея Грузии». Мечтательным взором следил он за лазурными переливами волжской глади, у него слегка кружилась голова и по-новому сплетались мысли. Быть может, это ей, волжской стороне, суждено собрать, слить воедино грузинские реки и края: Иори и Алазани, Терек и Арагви, Куру и Рioни, Чорох

и Энгури — Зосимэ остудил себе виски волжской водой, потом зачерпнул ее горстью из глубины и пригубил... Пастырь жаждал, несказанно жаждал испить поскорее «единой» воды...

После купания выяснилось, что один из детенышей кахетинского леопарда издох. Больно уколола сердце размечтавшегося отца Зосимэ весть о гибели жителя Алазанских лесов по пути в Россию.

ГЛАВА XIV

КОЗНИ И ХИТРОСПЛЕТЕНИЯ

Выпроводив тайных посланцев, царь Александр задержался в Дзегами лишь до наступления сумерек. Никому, кроме двух-трех царедворцев и телохранителей, не было известно его местонахождение. Весь день и всю ночь напролет совещался царь с прибывшим из Борбало старцем Зосимэ. Они рассмотрели десятки разных возможностей, обсудили все обстоятельства, пришли к общему заключению и расстались в полном согласии. Зосимэ присоединился к посольству, а Александр, дождавшись сумерек, закутал лицо и в сопровождении малой свиты уехал назад в Греми.

«Что за напасть, — думал царь удрученно. — Словно вор, тайком пробираюсь я по собственному царству. В глубокой тайне отправляю посольство, прячусь от чужеземных послов и даже обручение наследника вынужден отпраздновать в тайне! Мечусь, как затравленный заяц, петляю, запутываю следы... Но в один прекрасный день ведь все тайное станет явным... Что тогда? — Тут мысль его становилась скованной и неуверенной. — Хорошо, если сбудутся надежды... Ну, а если нет?.. И все-таки я должен совершить невозможное, да, да, должен!»

Царь слегка отклонился от дороги, завернул в древний храм «Окромуха» — под золотым дубом, — разбудил сельского священника и попросил его отслужить среди ночи тайный молебен.

— За успех Северного дела! — объяснил Александр перепуганному и изумленному священнику.

Царь не велел звать дьякона, а сам взялся за псалтырь и за требник и принялся перелистывать страницы, заложенные виноградными листьями.

Слушая бормотание беззубого сельского попа, Александр с болью в сердце взирал на убогое убранство храма, не раз разоренного и ограбленного. Быть может, именно поэтому царю кахетинскому хотелось молиться еще усерднее. Припомнил он присланное ему Нико-Хосро письмо от инокини Марты иерусалимской.

«...Не обрекайте святые места на запустение... Не оставляйте церквей без присмотра и без средств... Иноверцы отторгают от нас монастыри грузинские... Да не останется моление мое гласом вопиющего в пустыне...»

Нет, не останется! Не будет этого! Слово царя тому порукой! Если вернутся с миром и привезут новую надежду те, что сегодня уехали в Москву, — царь сделает богатые вклады в грузинские монастыри в Иерусалиме и на Афоне... Он клянется своими детьми! Детьми, которых нужно спасти от неволи, избавить от заложничества!

Беззубый священник продолжал служить молебен, а «дьякон» все листал и листал евангелие, и мысль его следовала за сухими виноградными листьями. «Матвей, Марк, Лука, Иоанн...» Царь невольно вчитывался в места, на которые случайно падал его выбор, но не находил слов, которые тронули бы его сердце. Наконец Александр набрел на следующий стих у Иоанна: «...Я есть свет и пришел в мир сей, дабы всяк верующий в меня не остался во тьме...» Евангельский «свет» царь воспринял как «сияние христианского Севера». На душе у него стало легче. «Я прав, я верю, и не жалею стараний — и спасение придет, оно должно прийти». Александр снова раскрыл книгу, перелистал ее и прочел уже вслух: «Истинно, истинно говорю вам, вы рыдали и сокрушались, а мир радовался, а будете вы печалиться, но печаль ваша в радость будет».

Царь закрыл евангелие. В глубине души он почувствовал облегчение. Нет, он не обманывал себя.

«Воистину чудесная книга! В ней всегда нахожу я ответ на все мучительные вопросы и иносказания ее дарują мне утешение».

Александр вручил беззубому старику-священнику кошелек для обновления креста и икон и вновь умчался вдаль, исчез, как тень в ночи.

Оставив Греми в стороне, царь направился в Телави. Надо было во что бы то ни стало отпустить турецкого чауша, прежде чем до турок достигнут слухи о «северном посольстве».

Неподалеку от Телави Александр велел поставить в лесу шатер, послал нескольких человек в долину поохотиться, а сам, чувствуя свинцовую усталость после стольких совещаний, бессонных ночей и стольких часов в седле, прилег и проспал целых полтора дня.

«Устал-таки наш неутомимый государь!» — подумал Джандиери, лишь здесь нагнавший царя.

Когда Александр проснулся, ему поднесли изрядное количество убитой дичи, и царь вновь выехал на Телавскую дорогу, поехал по деревням, сделав вид, что возвращается с охоты.

Горджасп Эндроникашвили, согласно полученному заранее повелению, привез в Телави царевича Георгия, и в Телави нежданно-негаданно Александра посетил высокородный Нугзар Эристави. Чувствовал Александр — Нугзар хочет чего-то добиться от него и приехал торговаться в эту тяжелую пору турецкой угрозы.

«Хотелось бы знать, чего он потребует от меня: Тианети или подтверждения власти его над вольными жителями Хеви? Улучшил минуту и схватил меня за горло. Но мы еще поглядим, кто кого... Да и, пожалуй, сам окажусь в выигрыше. Ведь не так уж плохо, если турецкому соглядатаю покажется, будто Нугзар со мною в ладу и стоит за меня твердо и нерушимо», — мысленно решил царь и пригласил Нугзара на пир, отведать дичи. А сахлтухуцеси Оману повелел позвать турок.

Пиршество-совещание состоялось в телавском замке. Царь сам встречал гостей. За столом, по правую сторону от него сидел Нугзар, по левую — царевич Георгий, около них турецкие послы, а дальше кахетинское дворянство.

На лице Александра играла спокойная улыбка, а в душе у него пылал огонь, тлели раскаленные угольи. Царь рано отослал сына с пира, больно было смотреть на эту неоперившуюся юность. Александр вспоминал собственные, давно минувшие, молодые годы. Он так часто сопровождал охотников на соколиной охоте! И иные картины прошлого возникали перед его мысленным взором и порождали желчные мысли: «Словно пташку-приманку в сетке, заставляю порхать моего Георгия перед этими турецкими насильниками».

В надежде на «Свет с севера» решился он сделать столь

важный и трудный шаг. По существу, у царя и не было выбора даже если бы он не отправил в Россию тайного посольства, ему пришлось бы склонить голову перед турками. Теперь же он мог делать небольшие уступки, считая, что лучше по доброй воле лишиться малого, нежели дожидаться, пока у него силой отнимут все.

За недолгим пиром последовало совещание. Царь согласился уплатить дань и предложил богатые дары, что подтверждалось специальным списком на грузинском и турецком языках. Одно только это уже доставило послам отменное удовольствие. Когда же Александр повел речь о «посещении Стамбула» любимым его сыном, послы совсем растаяли. А царь плел и плел словесное кружево:

— Мы полны надежды, что солнцеликий султан не забудет о давних наших добрососедских отношениях и окажет покровительство нашему достойному сыну — царевичу Георгию и его свите, которых мы предполагаем отправить в блистательную столицу вашу и в святой град Иерусалим, дабы доказать нашу верность падишаху и доставить денежное вспомоществование нашим грузинским святыням.

Послы заверили его, что коль скоро грузинский царевич пожелает посетить Стамбул, грузинским монастырям будет оказано высочайшее покровительство.

Царь кахетинский отправлял с турецкими послами дань, следуемую за два предыдущих года. А кроме того — почтительную грамоту на имя султана Мурада, в которой витиевато и цветисто восхвалял властителя, недавно взошедшего на трон. Александр просил предоставить царевичу свиту и конвой, подобающие сыну царя кахетинского и отныне приемному сыну солнцеликого султана.

Мысленно же он сравнивал оба «долгих пути»: «Что ближе — Москва или Стамбул? Которое из посланий дойдет раньше?»

Царь щедро одарил послов и выразил надежду, что до их следующего приезда юный царевич возмужает. Александр даже высказал пожелание в будущем вместе разить врагов в сиянии «молодого полумесяца».

Турки возрадовались — казалось, непреклонный властитель Кахети во всем следовал их желаниям. Послы считали это большой победой; ведь сломить Кахети мечом было не так-то просто, тем более сейчас, когда «побежденная» Картли все еще сражалась, и к тому же, как выяснилось на пиру-сове-

щания, сам Нугзар Эристави, «властелин гор», был покорен царю кахетинскому и твердо держал его сторону.

Пока турецкие послы готовились к отъезду из Телави, Александр решил расставить силки коварному Нугзару Эристави.

Ненасытный властелин гор выразил твердое желание покорить и закрепить за собой вольную горскую область Хеви.

— Вы в долгу передо мной, государь. Вспомните, вы обещали мне границу у Мухрани... Обещали Тианети... А теперь прошу лишь отдать мне горы и ущелье, некогда составлявшие мое владение. Я хочу лишь вновь утвердить их за собой. Увенчаем новым договором наши добрые отношения господина и его эристава и уладим старые недоразумения.

Александр приветливо улыбнулся, но в душе его возник тревожный вопрос: «Отчего ему так хочется овладеть северными воротами? Учуял «северные» наши дела или это — свойственная ему слепая жадность, желание поживиться за счет собственных соотечественников?» Потом царь припомнил свои столь похожие недавние помыслы, и улыбка, которой он прикрывал свои истинные заботы, погасла. И еще заметил за собой Александр: на сей раз поведение Нугзара более всего возмущало его с точки зрения нравственной. Царь незамедлил ответить отказом и одновременно постарался сбить с толку хитрого противника.

— Новых обещаний дать не могу... Да и могу ли я дарить то, чем сам не владею? А что до старых условий... Надо их выполнять, хоть наши общие замыслы и потерпели неудачу не по моей вине... Итак, хоть и не сбылись наши чаяния... Я все-же отдам тебе Тианети. Присоединяй ее к своему Саарагво! Но знай — я потребую от тебя за это большей службы и поставлю особое условие: ты должен изменить порядки в твоих владениях.

Совсем иного ответа ждал от царя эристав.

— Как это изменить порядки?

— Я дарую тебе звание великого эристава, зато внутри твоей области мы заведем моуравов, как во всей Кахети. — Александр пристально посмотрел на седые усы Нугзара, как бы оценивая на глаз их длину.

Нугзар растерялся. Ловушка это или царь струсил и проявляет слабость? Великий эристав Саарагво и Тианети — звучит недурно! А что это за «моуравские порядки»? Не тот ли

самый это бубенчик, что делает лесного сокола ручным? Нугзар не мог так быстро разобраться во всех этих хитросплетениях:

— Я подумаю... И сообщу ответ, государь! — глухо проговорил эристав и умолк.

Вопрос о Хеви и горах вновь окутался туманом.

«Значит, им руководит жадность, а о «делах северных» он пока еще не проведал», — Александр вздохнул с облегчением, когда же турецкие послы миновали Рустави, на душе у царя стало почти спокойно. Один сын был спасен—на некоторое время.

Теперь неутомимый повелитель Кахети занялся иранскими послами. Для начала он пригласил иранцев в Греми. На этот раз царь имел дело с более изворотливыми людьми, но зато соотношение сил было более выгодным для Александра. Иран, притесняемый Турцией, не мог проявлять особенную настойчивость.

Послы требовали словесного обещания выплаты дани за многие годы, а также назначения сроков выплаты. Кроме того, Александр должен был торжественно подтвердить, что Кахети и впредь будет стоять заодно с Ираном против турок. В подкрепление этого обещания иранцы требовали в заложники одного из царевичей.

В Греми царь нашел сложное положение. Невзирая на строжайшую тайну, по Кахети все-таки поползли слухи об отправке людей в дальние края, за кавказские горы. Весть эта не доставила радости князьям, сразу разгадавшим, в чем дело.

— Теперь придется иметь глаза и уши на спине! — язвил Горджасп. — За нашими спинами происходит что-то такое, что следует знать. — Когда ему удавалось разговориться с единомышленниками, такими же эриставами в прошлом, как он сам, Горджасп выказывал свое недовольство более определенно: — Если государь раздобудет себе русских ратников с ружьями, — туго нам придется, тогда одними моуравами дело не ограничится.

Тайный заговор высокородных получил новое обоснование — тлеющий огонь готов был разгореться.

Теперь хевская дорога и обладание ею обрели в глазах Нугзара Эристави совсем иную цену.

Джандиери все это было известно. Он подробно доложил государю о толках во дворце. Однако гораздо более неприятным оказалось сообщение мдиванбега Ясона. Ему были поручены предварительные переговоры с иранскими послами. Но

в хорошо начатом деле неожиданно встретились затруднения и шероховатости. Иранцы настаивали на немедленной выдаче заложника. Они говорили о близости Ганджи и восхваляли храбрость великого Аббаса-Мирзы, наследника старого шаха. Во время переговоров иносказательно и вскользь было упомянуто также и о нежелательном посольстве в далекие края, о простуде, которую могли схватить кахетинские князья в северных странах, и о тяжких последствиях этой простуды для самой Кахети. Это было уже угрозой войны...

Давид Джандиери доискался до причин подобной перемены в поведении иранцев. Лазутчики донесли ему, что из Ганджи прибыл к послам новый гонец. При дознании выяснилось: ганджийский гонец явился из Шемахи под видом торговца скотом, а потом уже пробрался в Ганджу. А на Гремских торжищах он не раз посещал купца Мурадаисдзе, выходца из лезгин.

Джандиери задумался над этим многозначительным стечением обстоятельств. Он все еще не терял надежды раскрыть тайну исчезновения купца Мирвана и того странного происшествия с буркой. Теперь, когда он держал концы переплетенных нитей в руках, все должно было наконец раскрыться. Джандиери все время продолжал следить за Мурадаисдзе. Он вызвал к себе Мамуку Кахниаури и показал ему издали ганджинского гонца.

— Где-то я его уже видел... Пожалуй, похож на купца Мирвана и на того горного шейха. Но этот — светлый, — а те оба были смуглыми, — шептал Мамука. — Эх, жаль, нет Зазы, он сразу во всем бы разобрался...

Но Давиду все уже было совершенно ясно. Он намотал на свой длинный ус все старые и новые случаи и совпадения.

— Значит, нас посетил все тот же испытанный мастер козней и хитросплетений, понятно. Ступай домой, Мамука, и забудь о нашем разговоре.

Сам же он отправился к государю с докладом. На следующий день хозяин Тарса-галавани Матарса Сомхишвили вызвал к себе нескольких старых купцов, среди которых был и Мурадаисдзе.

— Почтеннейшие! Царский караван вывез в Астрахань на рынок шелка — чем же мы хуже? Как вам известно, мой брат отправился с тем караваном. Недавно получил я вести от Саргиса — пишет, что они получили хорошие барыши. Путь туда не так уж далек и опасен, как говорят, особенно если

плыть морем. Так вот, шелк за мной — пусть только кто-нибудь возьмется вести караван. Вам я доверяю. Вы люди деловые, верные. Того, кто решится, возьму с собой. Дело выгодное. К тому же хороший купец и назад привезет товаров на продажу, сумеет по второму разу получить барыш.

Если уж столь именитый, прославленный своей осторожностью купец считал посылку шелка в Астрахань «весьма выгодным делом» — нечего и говорить, как ухватились за это дело торговцы. Цены на шелк подскочили. Многие изъявили желание отправиться с караваном — среди прочих и Мурадаисдзе. А чтобы получше разобраться в деле, он попросил Матарса дать ему прочесть своими глазами письмо Саргиса. Он даже лично наведался к Матарса для этого! Сначала Матарса не соглашался, а потом, взяв с Мурадаисдзе честное слово, что тот не проболтается, дал ему прочесть письмо.

Саргис писал не только об удачной торговле и скором возвращении с большой прибылью. Он восхвалял гиланских и тегеранских купцов. И еще кое-что важное для себя сумел вычитать в письме Мурадаисдзе. Русские, писал Саргис, воюют с крымскими татарами, подданными султана, и все их силы и внимание направлены на эту войну. А турок русские ненавидят так же, как наш государь и весь грузинский народ. В конце имелась приписка: торговые дела наши подходят к концу, и нет у нас иного поручения. Как только мы приобретем подарки для иранского шаха, пустимся в обратный путь. Не бойтесь незнания языка, мы легко находим тут переводчиков — греков, черкесов, армян.

Мурадаисдзе был чрезвычайно доволен. Он узнал замечательные новости.

А царю в ту ночь выпала трудная задача. Он взялся за совершенно непривычную работу: нужно было сочинить шуточные стихи и в них высмеять самого себя. Александр никому не мог доверить столь важное дело. «Что ж, нужда и стихи заставит писать, а не только сочинять письмо за другого».

За дверью царя ожидали высокородные, а он все писал и перечеркивал, рвал и комкал один листок за другим. То мысль получалась неясной, то не ладилось со стихом. Наконец, утер пот со лба и призвал тихого, незаметного, но в высшей степени достойного доверия секретаря Шанше.

— Перепиши и постарайся, чтобы стишки попали в руки Горджаспу. Мне об этом ничего неизвестно, понятно? Это час-

тушки ряженых, сложенные в городе! Кому смешно — пусть над ними смеются.

Шанше почтительно взял листок, прочел стихи, тихонько фыркнул и вышел вон.

Немного погодя, Горджасп Эндроникашвили отзывал в сторону поодиночке «вечных заговорщиков» и, еле сдерживая хихиканье, читал им вслух.

Высокородные расплывались в улыбке, прикрыв рот рукой, сдержанно смеялись и вспоминали письмо Саргиса Сомхишвили. Лица у них сияли. Стихи воспринимались как лишнее доказательство правильности слуха, распространившегося среди купцов. Князья успокоились, подозрения их почти рассеялись. Посольство оказалось попросту торговым предприятием...

— Что за смысл посылать первых встречных! Посмотреть бы на их барыши!

— Неужто ни одного стоящего человека не нашлось во всей Кахети? Те, кого послали, ни торговать, ни иные дела вести не способны!

Новые «частушки» быстро распространились в городе Гремн. Они дошли до Мурадаисдзе — содержание их было в согласии с сообщением Саргиса и дополнило его.

На другой день, посетив иранских послов, Ясон Чавчавадзе увидел среди них и нового гонца. А когда завязалась беседа, мдиванбег изумился: послы были отменно любезны и, вскоре было достигнуто полное согласие: царевич Константин объявлялся личным гостем шахского сына и наследника Аббаса-Мирзы и его названым братом, поездка же его в Иран откладывалась ввиду малолетства на будущий год.

Было решено также, что Иран и Кахети будут совместно стоять против турок. Договорились и о дани, которая не выплачивалась уже три года. Долг этот кахетинский государь обещал покрыть за счет шелка, который послал в Астрахань. Шелк шел на продажу как иранский, и расчет производился на месте по средним расценкам.

Отпуская послов, царь Александр подтвердил достигнутое соглашение, посылку же каравана с шелком в Астрахань он отложил до возвращения «кахетинских купцов», уже выступивших в обратный путь.

Иранские послы уехали по существу с пустыми руками.

Лишь теперь вздохнул с облегчением царь-отец. И второго сына удалось ему на время спасти от участи заложника!

Все внимание государя было направлено теперь на Север.

— Что нового? — спросил царь Джандиери и многозначительно махнул рукой в сторону Кавкасиони.

— Матарса, старейшина купцов, получил письмо от брата.

— И это все? — поднял бровь государь.

Давид удивился безразличию Александра. «Видно, ему это известно лучше, чем мне» — решил он и продолжал:

— Никаких других вестей издалека нет, мой государь! Ну а тут, рядом с нами... среди тайных заговорщиков ходят по рукам новые стишки... — извольте взглянуть на список, — он дал царю лист бумаги.

Александр прочел стихи, улыбнулся и сказал еще более изумившемуся Джандиери:

— Если ты действительно умеешь раскрывать тайные хитросплетения, то угадай, как можно одновременно поймать трех зайцев!

Джандиери прикусил губу.

— Так вот в чем дело! Наконец-то у меня раскрылись глаза, государь!

— Ну, так как же?

— Первый заяц — иранский посол, второй — высокородные, а третий, по-видимому, я сам! — Джандиери раскинул длинные свои руки. — Мог ли я подумать, что государь одинаково хорошо умеет сочинять и купеческие письма и шуточные частушки.

— Эх, да разве кто-нибудь скажет нам спасибо, мой Давид, и оценит наше умение. У всякого своя беда и свои заботы — а нам приходится нести груз за всех!

Неутомимый царь — повелитель кахов — вышел на этот раз в дворцовый коридор совершенно измученным и обессилевшим. Александра потянуло к царице Мариам. И он без предупреждения прошел в ее покои.

Царица лежала на пуховом, покрытом бархатом ложе и учила шестилетнюю Нестан писать на чисто выскобленной оленьей лопатке. Тут же рядом лежала раскрытая книга. Кудрявая девочка старательно выводила буквы и, изобразив каждую из них, весело смеялась.

При виде отца, Нестан застыдилась. Она любила своего венценосного родителя какой-то робкой любовью. Девочку пугал не столько он сам, сколько его вьющаяся колючая седая бородка, из-за которой она боялась отцовских поцелуев. Кроме того, Нестан всегда становилось неловко от той подобо-

страстной суеты, которую поднимали горничные и нянюшки при появлении Александра.

Вот и теперь Нестан вся сжалась и, притихнув, глядела на вскочившую при появлении царя мать, на служанок и нянюшек, которые тотчас скользнули за дверь.

— Как я устал, моя добрая Мариам! — Александр прилег на ложе. Царица поняла, что супруг ее ищет тишины, душевного покоя... Она протянула навстречу руку, уложила его рядом с собой и спросила тихо, с мольбой в голосе:

— Все благополучно?

— С божьей помощью! — и Александр отвернул лицо — не к востоку, где у царицы висели образа, а к северу. Царица проследила за его взглядом. В окне виднелись предгорья Кавкасиони, а выше, над ними, густел непроницаемый туман.

Александр притянул девочку, уложил ее рядом с собой.

— Нестан, дочка, ну-ка, покажи, как ты умеешь писать! — Он взял оленью лопатку, поглядел на нее, но не сумел разобраться в кружевных завитушках букв. Перед мысленным взором его все еще маячили сплетения мыслей и дел. Козни и хитросплетения всюду — на севере и в Стамбуле, в Иране и в Дагестане, внутри страны и за рубежом... Всюду — узлы, которые не развязать, сети-ловушки... А если север не оправдает надежд?..

Нестан не вытерпела — уж очень долго отец разглядывал ее буковки — просунула кудрявую головку между отцовских рук и в свою очередь уставилась на оленью лопатку. Казалось, она сама попалась в сети, но в то же время невольно разорвала их:

— Хорошо, очень хорошо! Твои буквы похожи на наши кахетинские цветы, это веселые буквы! — Александр приласкал ребенка, отложил лопатку в сторону и глянул на книгу. Это был «Витязь в тигровой шкуре».

— Почитай мне, моя Мариам! Буквы сливаются у меня в глазах. — Александр приложил мягкую ручку ребенка к своему широкому, уже изборожденному морщинами лбу, провел ею несколько раз по лицу... Это было, как целебный бальзам, он ощутил себя снова свободным, вырванным из тягостных пут.

Царица начала негромко, потом голос ее окреп, зазвучал свободней... Мариам читала почти на память. Изредка она опускала книгу и взглядывала на притихших супруга и дочь.

Широко раскрытыми глазами смотрела Нестан на посе-

ребренную ранней сединой бороду отца. Взгляд ребенка таил в себе непостижимую мудрость. Александр прикрыл глаза. Он наслаждался минутным покоем, навеянным волшебными словами, дошедшими от далеких предков, голосами прошлого, вселяющими надежду.

ГЛАВА XV

ГНЕЗДО ДВУГЛАВОГО ОРЛА

Усталые, разморенные зноем путешественники пробыли в Астрахани целую неделю. Они хорошенько отдохнули, набрались сил перед новой, еще более дальней и трудной дорогой.

Астраханский воевода Лобанов-Ростовский принял кахетинское посольство с почетом и отвел им для постоя место неподалеку от главной крепости. Послы пользовались полной свободой. Они целыми днями расхаживали по городу, осматривали астраханскую твердыню; посетили и старый город, находившийся на правом берегу Волги, — лет тридцать тому назад окончательно покоренный и уничтоженный Иоанном Грозным. Новая Астрахань стояла левее, на одном из островов огромной дельты Волги и Ахтубы. Это был город, возведенный уже руками русских из старинных кирпичей, взятых с развалин некогда богатых, ныне же опустошенных городов Золотой Орды и Астраханского ханства.

Всюду побывали послы, осмотрели старые, разрушенные мечети и новые церкви, рынки, открытые и крытые, благоустроенные улицы, а также обиталища ногайских татар. Кирпичную стену, которой была обнесена твердыня, окружала ограда из могучих плотовых бревен; снаружи этой укрепленной земляным валом ограды бревенчатые домики русской слободы соседствовали с глинобитными хижинами и войлочными юртами. Все это было пестро и разнообразно, широко и красочно. Большое, но какое-то неопределенное впечатление оставила в душе старца Зосимэ Астрахань со своими окрестностями. Здесь, казалось,

проходила грань между водой и сушей, оседлостью и кочевой жизнью, старым и новым, христианством и мусульманством...

Уже не восток, но, видимо, еще и не запад. Вероятно, нельзя считать сие и севером! Какая-то смесь — еще не слившаяся в нечто единое и не имеющая собственного облика.

— А вот русская крепость! — объясняли старцу Зосиме Данилов-Русин и Матвей Ногирин.

Кахетинцев удивляло малое количество каменных построек, а еще более поражало обилие бревенчатых. Тем более, что вокруг на целые версты нигде не было строевого леса.

— Все это доставлено на плотах издалека — и бревна, и кирпичи! — объясняли русские, самодовольно улыбаясь. — Нам это нипочем, сила и мощь в наших руках, да и большинство племен нам покорно.

Сравнительно с Кахети здесь было мало садов и виноградников. Зато бахчи и огороды — в изобилии.

Овощи горами высились на базарах, а то и были ссыпаны прямо на берегу реки.

Здешние базары пришлись очень по душе кахетинцам: дивили их и величина торжищ, и обилие разнообразной снеди, и дешевизна товаров.

Особенно сильное впечатление произвел на них рыбный базар.

— Кто наловил такое множество севрюг, осетров и лососей? Кто все это съест? — изумлялся мастер Джаба, бывший большим охотником до красной рыбы.

Икра, обработанная рассолом, совсем уж восхитила кахетинцев, доставила им огромное наслаждение. Но и тут имелась теневая сторона: вокруг роились целые тучи мух. Назойливые насекомые, казалось, проникали в самую душу кахетинцам, а кроме того, всюду в городе чувствовалось зловоние, исходившее от огромных куч рыбных отбросов, высившихся у базаров.

В лавочках торговали множеством иноземных товаров: драгоценной каракульчой из Хорезма и Бухары, самаркандскими шелками, сибирскими мехами — горностаем и соболями. Были здесь и московское полотно и скобяные изделия, персидские вышивки и ковры, индийская чеканка и резьба по металлу и слоновой кости.

На самом берегу, у которого и сейчас стояли на причале несколько плоскодонных суден, высились белые горы соли, приготовленной для отправки. Здесь впервые увидели кахе-

тинцы русские мельницы с многочисленными поставами. Они выстроились вдоль реки в ряд, словно корабли, и вертели своими огромными колесами-крыльями, глубоко погружая их в воду.

У главных ворот кремля, напротив недавно завершенной сторожевой башни, стояла в лесах колокольня новой церкви. «Русские идут к нам с новыми крепостями и церквами!» — с надеждой подумал Зосимэ.

Когда солнце заходило за Волгу, в главной крепости палили из пушки. Это был знак, что пора расходиться с базара и закрывать городские ворота. Вокруг Астрахани бродило множество несмирившихся кочевников татар, были и разбойничьи казачьи шайки. Два казненных разбойника и сейчас болтались на виселице неподалеку от главных ворот.

Кахетинские послы прошли уже немалый путь и порядком устали. Всякого рода мелкие, повседневные неполадки порядком досаждали им. Во-первых, им по нескольку раз пришлось «преображаться». Поначалу их стесняла русская одежда. Они привыкли к легким черкескам и мягким сапогам и с трудом двигались в тяжелых русских сапогах и наскоро сшитых овчинах и тулупах. Но к этому они еще как-то сумели приноровиться. Гораздо хуже обстояло дело с едой. До Астрахани кахетинцам хватило своих запасов. Они готовили себе пищу по вкусу. А теперь припасы кончились — пришлось наложить запрет на оставшиеся чурчхелы, сухие фрукты и грузинское вино, которые предназначались для Москвы.

Очень туго пришлось кахетинцам без вина. Они попытались заменить вино кумысом, русским самогоном и медом, но привыкнуть к ним так и не сумели.

Под воскресенье Лобанов-Ростовский отправил их вверх по Волге.

— До самой Москвы по реке! — радовался Зосимэ, которого очень утомляло путешествие на лошади.

На этот раз кахетинцы дивились, глядя на гребцов. Необычный это был народ. Голые по пояс, румяные, русые великаны с густыми бровями, словно нехотя поводили веслами; казалось, эти исполины бьют батогами вздорную реку, глухо что-то напевая. Их напев таил в себе сдержанную силу. Он вовсе не походил на песни, слышанные кахетинцами на Тереке. В тех была вольность, удаль, упрямство, а в этих как бы отдавалась скрытая печаль, боль, тоскливость, приглушенный

стон. В негромком пении словно звучала тяжкая поступь закованных в кандалы ног.

Зосимэ угадывал в песне озлобленную горечь угнетенных крестьян, обездоленного люда. «Ужели так несчастливы эти курносые богатыри, у которых ничего нет, кроме весел да Волги!» — думал инок.

Но скоро Зосимэ изумился еще более. Струг приблизился к пологому берегу. Вдруг гребцы остановились, не раздеваясь прыгнули в воду, плескаясь и брызгаясь, прошли по воде вброд до берега, размотали канат привязанный к судну, и пока течение не остановило его, перекинули бечеву через плечи, натянули ее и тронулись по берегу, наклонившись вперед. Медленно шли они вверх по берегу и тянули струг по воде. Шли сначала с трудом, потом наладились и двинулись быстрей. Тут грянула песня, разнеслась над широкой рекой.

— Слыханное ли дело? — дивились кахетинцы, глядя, как вспахивала Волгу против течения упряжка этих обездоленных судьбой людей.

— Бурлаки потянули струг! — пояснил Матвей, — «Дубинушку» поют! «Эй, уух-нем!» — невольно подтянул он. Зосимэ ясно почувствовал в песне еще не созревшую, но мощную угрозу.

— Дубинушка — это ведь дубина, палка, ну, а ухнем — значит — ударим, — шептал, поясняя послам то ли Заза, то ли Куршита.

— Вот так народ! Этакая сила! Если такие сдвинутся с места, куда там иранцы или турки, никто с ними не справится! — бормотали монах-грек Кирилэ и оружейник Джаба.

— Да, таких не одолеть — ни вместе, ни порознь, — тихо вторил им Зосимэ. Перед наблюдательным старцем раскрывался новый мир, и Зосимэ все замечал, все запоминал, учитывал, а затем и сопоставлял с расчетами и надеждами той, дальней, страны, оставшейся за горами.

Берега Волги были мало населены. На развалинах старых городов Золотой Орды лишь кое-где выросли новые русские крепости и кремли.

После Черного Яра новых деревень стало больше. Еще издали виднелись деревянные церквушки и бревенчатые избы-срубы.

Иногда кахетинцы останавливались, чтобы посмотреть русские деревни, а раза два даже заночевали в пути.

Повсюду Зосимэ замечал необычайную бедность крестьян,

и в то же время дивился их поразительному здоровью, чувствовал непреклонную веру их в будущее. И еще одно радовало сердце монаха — всюду видел он множество икон, даже в самых убогих избушках. Наивные, безыскусные образа, писанные маслом на небольших досках, обструганных топором, — светло-русый Христос, большеокая богородица, белобородые святые.

В Переволоке отдохнули несколько дней. Здесь сменилась бурлацкая ватага. Дождались конного каравана, двигавшегося по суше вдоль берега.

Данилов-Русин объяснил Зосимэ, что по переволоцкой дороге можно за два дня добраться сушей до реки Дона, оттуда же водный путь ведет через Белое или Азовское, море в Черное и далее — до Крыма и Стамбула.

Зосимэ измерил мысленным оком — это огромная левая лапа Турции. А правая — протянулась от Стамбула, через Трапезунд и Эрзерум к Гурганскому, или Каспийскому, морю. Она протянулась также и к Грузии, образовав вокруг нее широкую, но смертоносную петлю.

Зосимэ изумился, узнав, что лет пятнадцать тому назад султан Селим послал войско и чиновников, чтобы прорыть Переволок и соединить Волгу с Доном, и тем самым проложить водный путь к Астрахани, а впоследствии изгнать русских из этой важной крепости. Но султан Селим не сумел осуществить ни то, ни другое. Сходя в могилу, он завещал свершить это султану Мураду.

«Эту огромную лапу когда-нибудь отсечет, восстав, Волжская страна и богатырский бурлацкий люд!» — все более утверждался в своей мысли старец Зосимэ.

Время шло, водная дорога расстилалась впереди, убегала вдаль зеркальная гладь... Много воды протекло под днищем струга, на котором плыли дальние путники. И все-таки они достигли пока лишь середины пути. Восприятие их было не таким острым, как в первые дни путешествия. Бесконечные расстояния утомили их, и берега казались теперь однообразными. Там простирались безбрежные степи или курчавились подлесок и кустарники, лишь очень редко зеленел настоящий высокий лес.

Только самый старый и самый молодой — Зосимэ и юнец Заза не поддались общей вялости. Они по-прежнему продолжали наблюдать за всем вокруг себя и изучать русский язык.

Саратов оказался не столь благоустроенным городом, не

было в нем и большой крепости, но он был наиболее «русским» из всех доселе виденных кахетинцами поселений. Брусчатая мостовая и большие бревенчатые дома с резными деревянными воротами и крылечками придавали ему новый для них облик.

— Скоро и здесь построят большую крепость, вот тогда поглядите на город! — сказал Данилов-Русин.

Послы стали дожидаться конного каравана, с которым здесь же им предстояло на время распрощаться. До этого места сухопутная дорога проходила неподалеку от берега Волги, а теперь короткий караванный путь сворачивал на Пензу — Касимов. Однако и этот «краткий путь» мог вместить в себя целое Каспийское море.

— Где же мы встретимся? Как разыщем друг друга в этой беспредельной стране?! — сетовал растерянный Бацацаисдзе, который должен был последовать со своими кахетинскими скакунами за караваном.

— Не бойся, разыщем тебя... Встретимся в Касимове, — утешал его Матвей.

А посольский струг все поднимался вверх по течению. Волга здесь образовывала петлю и уходила на восток.

Проплыли Казань — не так давно завоеванное Иоанном Грозным и разрушенное им татарское ханство.

Выше Казани Волга была заметно мелководной. Разок-другой струг даже садился на мель. Однажды вода просочилась сквозь трещину — вычерпывали ее все, включая и пожилых послов.

После долгих мучений, наконец, достигли Нижнего Новгорода. Здесь причалили к берегу и стояли до тех пор, пока основательно не проконопатили все днище и палубу.

Старинные новгородские храмы и монастыри произвели на старца Зосимэ большое впечатление; в душе он дал «стране бурлаков» уже иное наименование — «новоявленного оплота православия».

За время путешествия по Волге незаметно миновало лето; уже под осень продолжили кахетинские послы путь от Новгорода вверх по притоку Волги — Оке и, наконец, достигли Касимова.

Бацацаисдзе встретил их вместе с конным караваном уже на месте. Зосимэ спросил его о пройденной дороге, о виденных городах.

Безупречный проводник и следопыт, знавший все до по-

следней тропки по обе стороны Кавкасиони и непроходимые чащи на берегах Куры и Алазани, на этот раз махнул в растерянности рукой:

— Святой отец! От вида этих равнин, схожих меж собой, как близнецы, поселений, у меня все перемешалось в голове, ничего я не понимаю и не могу разобраться в этой бескрайней стране. Или мы кружим на месте — не пойму!

В средних числах октября, когда было еще тепло, посольство прибыло в Коломну и отсюда поплыло по Москве-реке.

— Вверх мы плывем или вниз? — совсем растерялся Бацацаисдзе.

На реке действительно не заметно было течения. Весла мерно поднимались и опускались над мягкой зеркальной гладью, позади струга оставалась серебристая борозда, потом и она исчезала, и вокруг вновь простиралось недвижимое зеркало.

Вскоре их остановили московские посадские стражи.

Вдали виднелся московский Кремль.

— Так это и есть гнездо двуглавого орла, к которому мы столько времени стремимся? Это и есть новые Афины, второй Иерусалим, новоявленный оплот православия? Град-покровитель, возможный объединитель грузинских земель? — Зосимэ пристально вглядывался в очертания Кремля.

Издали громада Кремля сверкала белизной, а золотой крест над его главой лучезарно сиял... Солнце плыло в безбрежной лазури над ним, пронизывая его своими лучами.

Старец Зосимэ набожно перекрестился:

— Что обещает нам этот сверкающий золотой крест — покровительство и утешение или новую крестную муку?

ГЛАВА XVI

ТАЙНОЕ ОБРУЧЕНИЕ

Отпустив назойливых турецких и иранских послов, Александр вернулся к своим домашним делам.

Наследнику престола — Ираклию уже исполнилось восем-

надцать лет. Ему не подобало оставаться необрученным. Государь призвал Каплана Вачнадзе.

— Продвинем дело еще на одну ступеньку! Что слышно с гор? Почему запаздывает ответ? Попробуем еще кое-что предпринять. Попытка не пытка. Нехорошо спешить, но... запаздывать — и того хуже. Как думаешь, мой Каплан? Ты ведь знаменитый охотник!

Каплан Вачнадзе стоял и почтительно молчал. У этого «отменного охотника», не менее «искушенного в делах», нежели в охоте, были свои приемы и обычаи. Он, как и следует хорошему игроку, не торопился показать свое умение и не спешил сообщить повелителю о течении дел. Ответ шамхала Элима лежал у Каплана в кармане, он медлил, наслаждаясь своей осведомленностью, и собирался сообщить о нем как бы вскользь среди других важных вестей.

— Наше посольство уже давно миновало Тарки... — От Бацацаисдзе пришло известие. Дело продвигается, государь!

Александр молчал, выжидая, что еще скажет Каплан, и тот действительно достал из кармана запечатанный свиток.

— Ответ от шамхала Элима.

Александр оценил тонкое мастерство дипломата-царедворца.

— На целого тура опередил меня, охотник! Победа за тобой! — Сломав печать, царь развернул послание. Письмо было на лезгинском языке, но написано грузинскими буквами. Царь повертел его в руках.

— Непонятное послание, мой охотник!

Каплан чуть заметно улыбнулся.

— Таков был уговор — это условный знак.

— Еще один тур! Вконец меня одолел! Докладывай! — Александр вернул Вачнадзе свиток.

— Элим согласен на обручение, только боится своего брата шамхала Сурхая. Просит устроить смотрины и обручение тайно.

— Тайное обручение? Хорошо, таково и мое желание... Этот меч нужно выковать в тишине, так, чтобы ни одного звука не слышно было из кузницы раньше времени. Зато громкая будет свадьба! — нарочито развеселился Александр. — А места нам не назначают?

— Как же! Элим предлагает совершить обручение в часовне святого Георгия Цахурского.

Царь взглянул в окно на горы.

— Той, что на самой вершине хребта — пограничной, на спорной земле?

— Именно, государь! — подтвердил Каплан, успевший обдумать и предусмотреть почти все. — Одного только я не знаю, по какому обряду обручить христианина и магометанку?

Александр послал гонца к недавно вернувшемуся из Картли епископу Николозу, царевичу Кайхосро. Царю уже было известно, что Симон и царица Картли приняли царевича-монаха с почетом, отслужили в его честь множество молебнов и устроили пышные празднества. Одобрили они и замысел кахетинского государя породниться с Мухран-батони и оказали епископу немалую помощь в сватовстве.

В Мухрани предложение было принято с радостью. Старшая дочь Ашотана Мухран-батони, Дедисимеди, была замужем за самцхийским атабегом, а самой младшей, Кетеван, было всего лишь тринадцать лет. И жених, Давид, не был еще совершеннолетним, поэтому ни в Мухрани, ни в Греми особенно не спешили; посылали друг другу подарки и, не торопясь, разрабатывали в подробностях условия будущего союза.

Через неделю Нико-Хосро поднялся к брату в Греми и подробно рассказал о карталинских делах, не скрывая от царя ни плохого, ни хорошего. Откровенно поведал он брату обо всем. Царь Кахети остался очень доволен. «А ведь и впрямь сделался моим чистосердечным, искренним приверженцем давний враг и соперник!» — думал он, вспоминая про старца Зосимэ. Александр поручил Нико-Хосро уладить всю христианскую обрядовую часть тайного обручения царевича Ираклия.

— Ты дядя царевича и одновременно епископ. Тебе пристало более, чем кому-либо, быть Ираклию отцом и наставником. Сам бог это повелел! Благословляю вас в путь, брат мой и отец духовный!

Александр поручил Нико-Хосро своего первенца и послал их в назначенное время к Цахурской часовне святого Георгия для тайных смотрин и обручения.

В последние дни лета небольшая группа всадников проехала по Цахурскому ущелью и стала подниматься вдоль горных пастбищ и нетронутых лугов. Бросалось в глаза великолепное убранство коней, богатая одежда и пышные бурки всадников.

Вокруг раскинулись тучные эйлаги. Вершины и гребни хребта были кое-где окаймлены осыпями. Низкорослый кус-

тарник карабкался по кручам. Под белоснежными облаками росистые пастбища переливались бирюзой и изумрудом.

Нигде вокруг, насколько хватал глаз, не было видно ни одного стада, ни одной пастушеской стоянки. Лишь под самым гребнем хребта в горной впадине, как бы приютившись у нее на груди, виднелась часовенка, окруженная низенькой оградой. То была древняя часовня Цахурского святого Георгия, выстроенная на границе между Дагестаном и Кахети, и почитаемая всеми. Не раз похищали в былые времена с этих тучных склонов овечьи отары. Не раз бессмысленно лилась кровь дагестанских и кахетинских удальцов на этом спорном месте. Часовню давно забросили, но она так и осталась стоять одиноко на гребне.

Свита жениха, достигнув часовенки, спешилась. Выехавшие вперед кахетинские слуги уже успели разбить два шатра правее часовни; лезгины поставили свои шатры слева от нее. По обе стороны пылал огонь и чувствовалась суматоха приготовлений. На наскоро изготовленных, сплетенных из прутьев столах были разостланы белоснежные шелковые скатерти, расставлены чеканная посуда и утварь. Вокруг стола были разостланы бурки и войлочные подстилки на случай непогоды. Тут же громоздкие тюки — широкие паласы и полотнища для шатров.

Но пока что погода стояла замечательно теплая и спокойная.

Невесты, ее отца шамхала Элима и его приближенных пока не было видно. Лезгины и грузины занимались своим делом, не обращая внимания друг на друга.

Епископ Николоз тотчас по приезде вошел в часовню. Там в небольшой нише покоился образ святого Георгия старинного письма. Никто не тронул иконы — ни враги, ни друзья. Она оставалась единственным здесь христианским знаком, во всем остальном часовенка больше походила на языческое капище. Внутри, на каменном жертвеннике, и снаружи, на каменной кровле, виднелось множество оленьих и турьих рогов, а еще ниже, на низкой ограде и на полуразрушенном очаге, были сложены витые рога жертвенных баранов. Возле самой иконы виднелось веретено с намотанной на него пряжей и петушиные клюв и когти. Снаружи на бревне висел небольшой колокол без языка.

Епископ велел привести внутренность часовни в порядок. Прислужники соорудили амвон. Николоз положил на него

привезенные с собою образ богородицы, крест, чашу для святых даров и молитвенник; велел зажечь свечи, среди них — два витых пятерика. Потом епископ облачился, отслужил молебен, воскурил ладан, окропил углы святой водой, — и вновь освятил заброшенную часовню.

Ираклий не отходил от дяди. С неизъяснимым трепетом и робостью ожидал он смотрин и обручения. Часто слыхал юноша похвалы своей невесте. Он расспрашивал каждого поодиночке, а всего более Тамаза и Бебура. Тамаз и сам не видал Салихи, но слыхал о ней от своего брата. А Бебур принимал участие в выборе невесты.

— Вы только посмотрите на нее, а потом я согласен быть в ответе! Даже мой отец не сумел найти ни единого изъяна в ее совершенной красоте, — убеждал он Ираклия.

Каплан не раз хвалил смущенному жениху девушку, но у Ираклия в мечтах давно уже имелся образ невесты, созданный его воображением. Образ этот был изваян согласно его внутренним стремлениям и обладал особыми свойствами характера. Идеал юноши немного походил на воспетую Руставели Тинатин, возлюбленную Автандила, которая нравилась Ираклию больше, чем Нестан-Дареджан. И еще одна Тинатин была для него олицетворением прелести и женственности, столь необходимых для будущей царицы. Это была бабушка его по отцу, Тинатин, дочь Гуриели, которую Ираклию, правда, не довелось видеть при ее жизни, но о красоте и женственности которой свидетельствовали росписи стен в храмах, монастырях и дворцах Кахети, а с ними и живые свидетели.

Но как мог он ждать из Дагестана, откуда являлись лишь хищные шайки и коварные мачехи, царицу своей мечты, ту, что должна была взвалить вместе с ним на себя невзгоды его родины и быть с ним неразлучной в беде и счастье? К тому же она не христианка! А ведь Ираклий был самым набожным и богомольным среди всех сыновей царя кахетинского.

«Сначала сделать ее христианкой, затем грузинкой и, наконец — царицей».

С тех пор как был решен вопрос о его «горном браке», Ираклий много думал об этой головоломке.

Он знал — необходима жертва; юноша с самого начала смотрел на это обручение и свадьбу, как на жертву, и шел на нее. А о девушке, которая должна стать его супругой, царевич еще не успел как следует подумать. Сегодня он, наконец, увидит ее, вручит ей кольцо — знак верности. Правда, пока

лишь тайно, но все-таки перед лицом бога и нескольких приближенных он поставит ее рядом с собою!

Волнение обуревало Ираклия, но все были настолько заняты приготовлениями, что не обращали внимания на смятение жениха.

Кахетинцы полагали назначить главой пира Шермазана Чолокашвили, вероятно, для того, чтобы за столом было поменьше речей. Шермазан уже занимался приготовлениями — слуги накрывали общий стол.

Каплан Вачнадзе направился к лезгинам для сопоставления обычаев и выработки церемониала. Бебур и Тамаз на всякий случай расставляли дозорных. Все здесь были лучниками. Кахетинцы вовсе не захватили с собой огнестрельного оружия: на свадьбе или при сговоре это обычно плохо кончалось. Такого же правила придерживались и цахурские лезгины.

За часовней начиналась небольшая березовая роща. Лес, издавна окружавший неприступную часовню, почитался заповедным. Ни кахетинцы, ни лезгины не взяли оттуда и щепки. Именно здесь отыскал для себя укромное местечко Ираклий.

В роще было свежо. С небольшой, поросшей мхом скалы, нависшей над нею, стекала каплями родниковая вода. Вокруг скалы зеленела кайма пышно разросшейся травы, на стеблях и листьях алмазами искрились и вздрагивали, словно живые, капли студеной воды.

Над источником, возле мшистых камней, Ираклий заметил затаившегося тетерева. Его пестрая, как у бабочки, грудка была, как картинка, вставленная в зеленую рамку из мха. Очарованный Ираклий медленно шагнул вперед.

Тетерев подпустил его совсем близко, потом вдруг встрепенулся — красивый, красноногий, взлетел, перенесся через часовню и празднично разубранный стол, скрылся где-то за склоном. Опечаленный царевич повернул назад. Возвращаясь, юноша услыхал вблизи конский топот. Это привезли невесту. Сопровождало ее немного людей. В шатрах у лезгин засуетились. От приехавших отделились двое и скрылись в небольшом расписном шатре.

Кахетинцы не вышли навстречу прибывшим. Предполагалось, что здесь обе стороны — хозяева. «Добрососедская» встреча должна была состояться уже во время общей трапезы.

И кахетинцы и люди шамхала Элима расположились соответственно в своих шатрах; и только прислужники поддерживали связь между ними.

Сначала кахетинцы послали горцам в дар фрукты: гроздья винограда и персики, инжир и свежие чурчхелы. Матери невесты подали поджаренный по-особенному миндаль, фисташки и изюм, а поверх этого угощения, по обычаю, положили два одинаковых хлеба.

В ответ кахетинцы получили тем же путем и в той же посуде: только что собранную, еще росистую, ароматную малину, землянику, клюквенное и брусничное варенье, медовые пряники, коврижки, каленые орешки в сахаре, сладкие шербеты, кады и хабизгину; сверху опять-таки лежали два одинаковых лезгинских хлебца.

Тогда кахетинцы поднесли подарок отцу невесты. Шамхалу Элиму подвели кахетинского скакуна — дар от царя Александра. Два конюха с трудом сдерживали жеребца.

Кахетинцы поставили поверх царского тавра — мохнатой звезды — мету шамхала. Сейчас жеребец был мечен грибообразным тавром Элима. Через затканное золотом седло был перевешен ковровый хурджин. В одной половине его лежала расшитая золотом же одежда, в другой — шербеты и традиционные одинаковые хлебцы.

Вскоре кахетинцы получили ответный дар — замечательного кабардинского жеребца с тем же хурджином на спине. В одной половине хурджина лежала каракулевая папаха и бурка, в другой — напиток из меда, осетровый балык, икра и опять-таки два хлеба.

Тем временем солнце уже начало склоняться к закату, озаряя заходящими лучами накрытый для общего веселья стол.

— Время! — подал знак глава пира Шермазан.

Бебур приподнял полу шатра и, не сходя с места, пустил стрелу в колокол. Звоном отозвалась доныне безмолвная медь.

Открылись и шатры горцев — навстречу кахетинцам вышли родичи невесты. Впереди выступал шамхал Элим, за ним старший сын его Салтан-бег и двое-трое особенно близких родичей. Невесты пока не было видно; епископ Николоз так же еще не выпускал из шатра своего племянника.

Каплан Вачнадзе и шамхал Элим поздоровались еще издали. Поравнявшись, они по-родственному прижали друг друга к груди и обменялись приветствиями. Все прочие последовали их примеру.

Тут выступил вперед Шермазан. Как хозяин, привечающий гостей, он пригласил дагестанцев к главному шатру. При их приближении из шатра вышел епископ Николоз и благосло-

вил всех без различия — как христиан, так и мусульман; потом он заглянул в шатер и позвал Ираклия. Ираклий, чуть бледный, вышел из шатра и издали почтительно поздоровался с отцом невесты.

Дорожная усталость и внутреннее волнение придали еще больше привлекательности красивому лицу Ираклия. При виде юноши глаза Элима радостно засияли.

Каплан Вачнадзе, как главный посредник, вынес лежащие на серебряном подносе обручальные подарки. Тут были ожерелья из крупных жемчужин, золотые браслеты с вкрапленными в них алмазами, трехугольные, украшенные лалом и бирюзой сережки. А два одинаковых обручальных кольца были надеты на пальцах у самого Ираклия: одно на указательном, другое на мизинце.

Элим пригласил всех с собой и направился к расписному шатру. Все последовали за ним. Только епископ Николоз отстал — прихватив монаха-келейника, он направился в часовню, чтобы облачиться.

Шамхал остановился у входа в шатер и нарочито громко произнес слова приветствия:

— Ваш приход в мой дом, — начал он по-лезгински и замолк на полуслове.

— Принесет счастье и приведет жениха, — по-грузински продолжил Каплан.

Полу шатра приподнял сам Элим-шамхал.

Ираклий увидел высокую, статную пожилую женщину. Это была старшая жена Элима-шамхала, мать Салихи. Она еще сохранила следы былой красоты. Словно мать-олениха стояла она, выгнув шею, будто заслоняла своим телом олененка.

Каплан по кахетинскому обычаю опустился на одно колено и поднес юной хатун, укрывшейся за спиной матери, серебряное блюдо:

— Мир сему дому и владейте с миром! — провозгласил он по-грузински, обращаясь к будущей царице Кахети.

Вначале мать, сдвинув брови, вглядывалась в пришедших, взор ее, испытующий и проницательный, остановился на Ираклии, постепенно лоб ее разгладился, она отодвинулась, и показалась ее дочь, вся с головы до ног укутанная в покрывало, усеянное золотыми и серебряными блестками. Пестрый, как бабочка, покров изумил Ираклия. Под прозрачной кисеей он ощутил тонкость черт и нежный овал лица взволнованной, тре-

пещущей невесты. «Моя суженая!» — подумал он и, взволнованный, опустил голову. Взору его представились красные сафьяновые башмачки. Он вспомнил красноногого крапчатого тетерева, затаившегося над источником. «Вот сейчас затрепещет, вспорхнет и улетит чудесное видение!» — подумалось ему. И в самом деле, мать движением руки всколыхнула покрывало — словно встрепенулись крылья — повесила на шею еще более смутившейся девушки обручальное ожерелье. Не спеша надела она на дочь и браслеты. Потом сняла с нее девичьи рубиновые сережки-ягодки и прикрепила подвески, поднесенные женихом.

Салиха ни на кого не смотрела. Густые ресницы, окаймлявшие миндалевидные ее глаза, были опущены, розовый ореол смущения и изумления как бы окружал белое лицо.

При виде отца девушка немного успокоилась. Но угадать, который из этих незнакомцев поднес ей обручальный подарок, она никак не могла. Оцепеневшая, как тот тетерев, она не осмелилась поднять глаза. Только когда мать вывела ее из шатра и поставила рядом со стройным юношей, — девушка скорее ощутила телом, чем поняла, что это «он».

Каплан и Шермазан пригласили всех в часовню. Собравшиеся с трудом уместились в тесном помещении. Кахетинцы сняли шапки, а горцы в знак почтения скрестили руки на груди.

У невесты подкашивались ноги. Она даже споткнулась на пороге. И тогда ощутила руку юноши, поддержавшую ее. Это прикосновение взволновало обоих.

Нико-Хосро встретил их уже в облачении, и девушке, привыкшей молиться в магометанской джамэ, чернобородый с проседью епископ в золоченом одеянии, с поднятым крестом в руках показался каким-то сказочным видением.

Все происходящее рисовалось ей в свете колеблющегося пламени светильников, сквозь вздрагивающие ресницы. Девушка не слыхала вопросов и лишь в знак согласия на все кивала головой.

После короткой молитвы епископ дал новообращенной поцеловать крест, повесил ей на шею небольшой золотой крестик с вкрапленными в него алмазами — свой собственный дар, и поздравил ее с принятием христианства.

И еще один раз замерло сердце у Салихи — это когда на ее безымянный палец надели перстень; кольцо, сделанное на мизинец Ираклия, все-таки пришлось велико невесте.

— Смотри, не потеряй! — шепнула мать и заставила девушку сжать пальцы.

Когда они вышли из часовни, солнце уже скрылось и на западе виднелись широкие борозды лучей, перепахавшие небо. Склон ближайшей горы был окутан легким туманом, а в заповедном лесу, возле источника, раздавался взволнованный клекот тетерева.

Глава пира пригласил всех к столу. Элим-хан дал согласие, и жениха с невестой по грузинскому обычаю усадили рядом. Мать и дочь сегодня впервые нарушили горский обычай и уселись за стол вместе с мужчинами.

— Вслед за тайным обручением в горах, в свое время последует пышная свадьба в долине! — начал первую здравицу Шермазан и огладил пышные усы.

— Аминь! Аминь!

— Верное слово! — восклицали лезгины и кахетинцы.

Затянули застольную.

Обручение закончилось около полуночи. На утро кахетинцы должны были спуститься в Цахури, а дагестанцы достичь хотя бы Кафир-Кумухской общины, чтобы тайное обручение не стало явным.

При расставании Ираклию вручили подарки от невесты: на украшенном перламутром бубне лежал златотканый девичий кушак, надетый на нее во время обручения, и платок-багдади, вытканный ее рукой. На внутренней стороне бубна была нарисована рамка с орнаментом — подразумевалось, что Ираклий велит написать внутри ее свой портрет и возвратит бубен возлюбленной.

Сначала удалились горцы. Жених проводил невесту, помог ей сесть в седло. Когда юноша почувствовал на колене и на ладони легкое прикосновение сафьяновых башмачков, сердце его сильно забилось, доселе неизведанное чувство охватило все его существо.

Спускаясь по узкой тропе, Ираклий незаметно оглядывался в сторону горы, на которой стояла часовня... — там все еще мерцал свет непогашенного огня, и Ираклий чувствовал, что с северного склона сейчас также робко глядит на этот огонь из-под своего пестрого покрывала его тайная суженая.

Жар того очага проник в сердце обоих и разгорелся в них — навеки и неугасимо.

ГЛАВА XVII

ВОЗДУХ КРЕМЛЯ

На окраине Москвы кахетинцы увидели разбросанные там и сям бревенчатые строения, кое-где высокие дощатые ограды... Задранные к небу шесты колодезных журавлей... На мостах и по краям дороги были устроены для пешеходов дощатые настилы. Вообще, всюду здесь господствовало дерево. «Не удивительно, такой и должна быть столица страны степей и лесов», — тотчас заключил Зосимэ.

Посадские стражи предоставили послам коней и телеги, дали и провожатых. Вскоре кахетинцы свернули с главной дороги и подъехали со стороны двора к высокой каменной ограде древнего монастыря.

— Это постоялый двор Хозникова. Гостиница при монастыре для богомольцев и почетных христианских путешественников, — пояснил Данилов-Русин. Предоставив кахетинцев попечению почетных стражей, он немедля отправился в Кремль — в посольский приказ.

Кахетинцев встретил сам Хозников. Он отвел гостям отдельные покои и велел тотчас же истопить баню; вокруг приезжих засуетились цирюльники и прачки.

Кахетинцы еще в пути познакомились с русской парильней и вениками. Монаху Кирилэ и некоторым другим понравилась русская баня, но мастер Джаба никак не мог к ней привыкнуть.

— Слыхано ли? Сам по собственной воле ошпарься горячим паром, да еще веником себя секи! Нет уж — я ни в чем не провинился.

Вымывшись, послы достали кахетинскую одежду, велели ее выветрить и отгладить. Вырядившись наконец-то «по-человечески», они вышли отведать впервые хозяйского хлеба-соли.

Хозников был крупным купцом, прижившимся при монастыре, человеком глубоковерующим и опытным в мирских делах. Был он мощного сложения, белокож, широколиц и коротконос. У него была рыжеватая заостренная книзу бородка, а на голове красовалась высокая меховая шапка. В руках купец держал вышитое полотенце, на котором лежали белый высокий хлеб и соль.

Зосимэ благословил хлеб-соль, перекрестил Хозникова и

принял от него первый дар. Хозяин снял меховую шапку, сунул ее под мышку и размашисто перекрестился: от высокого с залысинами лба до самого пупа и до краев прямых широких плеч. Затем Хозников приложился к руке отца Зосимэ, а остальных приветствовал низким поклоном и пригласил к столу. Он и сам сел за трапезу с гостями и сердечно привечал прибывших издалека «христианских братьев».

Вскоре вернулся и Русин. С ним из Кремля приехал чиновник посольского приказа Баламутов — рослый светловолосый мужчина, столь же богатырского сложения, как и Хозников. Под дорогой праздничной шубой на нем был надет богато расшитый русский кафтан, а на ногах — сапоги с загнутыми носами и голенищами гармошкой. Он вошел, тяжело ступая, в трапезную, поклонился всем и тотчас принялся отдавать приказания.

Зосимэ заметил, как Хозников сразу сник и почтительно встал из-за стола; прислуга стала ходить на цыпочках. Простая, сердечная обстановка радушного хлебосольства нарушилась — трапеза превратилась в чопорный торжественный прием.

«Дальние издревле христианские братья» превратились сразу в чужестранных послов, явившихся к русскому государю, а принимать их и вести себя с ними надлежало по особым и строгим правилам.

Две недели отдыхали кахетинцы. За это время они ни разу не выходили в город. Федор Баламутов постоянно находился с ними. Правда, он проявлял большую заботу, но в то же время и сковывал их. Очень вежливо, но наотрез запрещал им куда-либо отлучаться или принимать у себя посторонних.

Привычные к свободе кахетинцы поначалу удивились, а потом стали горячиться, но старец Зосимэ хранил неизменное спокойствие и успокаивал остальных.

— Пока великому государю не будет доложено о нас и пока мы не предстанем перед ним... Нам и дела нет до других... И ходить нам никуда не надобно! Высшая мудрость — это терпение. А потом уж мудрые поступки.

В самом начале октября кахетинцев посетил дьяк посольского приказа Андрей Щелкалов. Это был мужчина среднего роста, краснощекий и скуластый, в бледно-голубых глазах его светился острый, но спокойный ум. Кахетинцев удивили его волосы, причесанные на косой пробор.

— Лысину-то как скрыл, хитрец! Верно, и в речах он так

же скрытен и замысловат, — шептал оружейник Джаба секретарю Сабе.

Щелкалов познакомился с каждым из кахетинцев по отдельности. Толмачом служил ему Куршита, которого он похвалил за отличный русский язык. Для каждого у него нашлось теплое слово. Одних он просто порадовал любезностью, а иным задал вскользь вопрос-другой, явно желая кое-что выведать. Щелкалов составил список членов посольства, отметил, кто чем занимается, особое внимание обратил на звание и титулы. Затем повел беседу со старцем Зосимэ. Глава посольства именовался здесь отцом-настоятелем Иоахимом. Так и было записано в грамотах.

Щелкалов осведомился о верительных грамотах, спросил, имеет ли посол что передать государю устно, согласовал с Зосимэ время приема у царя и объяснил ему правила придворного этикета. Зосимэ вручил ему список даров, присланных Александром русскому государю.

В день аудиенции кахетинцы щегольски нарядились. Все, кроме монахов, надели праздничные черкески и куладжи, опоясались кинжалами и мечами в ножнах из золота и серебра с богатой насечкой.

Послам подали коней из царской конюшни, а монахам предложили пышно разубранную карету. Но Зосимэ не пожелал раздроблять посольство и плестись в хвосте поезда. Тогда ему и монаху Кирилэ привели смирных монастырских меринов.

Казалось, все уже было готово; однако Федор Баламутов все медлил и чего-то дожидался.

В полдень со стороны Кремля донеслось два пушечных выстрела. Баламутов дал знак трогаться в путь.

— Почему стреляли дважды? — спросил Зосимэ у Данилова-Русина, который тоже должен был сопровождать их к государю.

— Верно, государь примет сегодня двух послов.

Баламутов же дал на вопрос Зосимэ уклончивый ответ:

— К великому государю приезжают послы из множества стран! Возможно, явилось и другое посольство! Увидим там, во дворце!

Баламутов повез кахетинское посольство кружным путем. Поезд двигался по главным улицам. Впереди выступала почетная стража с поднятыми копьями — она оттесняла толпившийся народ и встречные телеги, освобождая для посольства дорогу.

— Белгород. Арбатские ворота, — громко объявил Баламутов

Посольство достигло белой стены, с которой еще не были сняты строительные леса, и прошло через большие ворота.

— Первый, наружный, пояс московских укреплений! Строится ныне двадцать девять башен с общей оградой! — гордо объяснял и сам плененный видом столь мощных крепостных стен Данилов-Русин.

Если до сих пор послам попадались почти сплошь бревенчатые строения, то теперь они увидели и множество зданий из белого камня и из кирпича. Всюду виднелись мастерские ремесленников и торговые лавки. Богатые склады распахнули свои ворота, и вокруг них хлопотал, суетился деловой торговый люд.

Вскоре впереди показалась ослепительно белая стена. Кое-где в нее были вкраплены башни с островерхими шапками, похожие на великанов, усевшихся с поджатыми ногами на стене.

— А это, видно, второй пояс? — спросил у Русина старец Зосимэ.

— Китай-город. Двенадцать башен!

Четырехугольные, многоугольные, круглые и овальные башни неусыпными стражами возвышались над наиболее населенной частью города. Здесь уже деревянные строения сплошь сменил кирпич и камень; здания стали выше. Улицы были выложены брусчаткой, и кахетинцам казалось, будто они идут по нескончаемому мосту. Когда же они вступили на настоящий мост с деревянным настилом, то даже и не заметили этого, тем более, что по обоим краям моста плотно выстроились богатые торговые и ремесленные ряды.

— Сколько их тут! — поражался Джаба.

— А крепостей-то, крепостей! Снаружи крепость, внутри — крепость... Сбоку — крепость... Наверху — крепость! — шептал про себя изумленный Бацацаисдзе.

— Сколько же тут церквей! Я даже сбился со счету! — жаловался монах Кирилэ. Он у каждого храма осенял себя крестом и перебирал четки.

— Вот это торговля! — шептали Саргис и Куршита, не сводя глаз с богатых лавок. Заза, ошеломленный невиданным зрелищем, глядел во все глаза и старался не отставать от Зосимэ.

И только глава посольства шел молча, спокойно, степен-

но: неторопливо и внимательно обозревая все вокруг и при виде каждого нового храма, крепости или большой мастерской в сердце его все укреплялась надежда.

Москвичи, в свою очередь, с удивлением взирали на чужеземное посольство, на священнослужителей, ехавших верхом. Их изумляли чудесные скакуны без седла, посланные в дар русскому государю, и прочие дары востока — всего же более — леопард.

Детеныш, подросший в пути и превратившийся во взрослого зверя, привлекал всеобщее внимание. Он помещался в довольно просторной клетке, поставленной на телегу. Взбудораженный многолюдьем и шумом зверь беспокойно бегал по клетке.

Старец Зосимэ не удивлялся скоплению любопытных. Его позабавило, что в задних рядах, которым плохо было видно шествие, судя по возмущенным возгласам, приняли леопарда за «лесного разбойника», посаженного в клетку.

Наконец послы выехали на большую площадь. Перед ними высился Кремль — величественный, обвораживающий. Здесь Китай-город был пересечен искусственными каналами и озерами. Основная твердыня — Кремль — стоял отдельно, окаймленный Москвой-рекой и большими каналами.

— Покровский собор! Василий Блаженный! Девятиглавый! — воскликнул Баламутов и перекрестился.

Кахетинцы посмотрели в ту сторону и последовали его примеру.

По левую руку от них взметнулась ввысь, сверкая на солнце целой гроздью цветных куполов прекрасная лавра. Зосимэ на мгновение померещились девять высящихся до неба зажженных витых свеч — но видение быстро исчезло.

— Московский Алаверди! — шептали восхищенные кахетинцы.

Мысленному взору Зосимэ этот девятиглавый собор представился девятиголовым великаном. И тут же припомнился ему далекий Гремский храм Цхракара — церковь о девяти вратах.

Каким маленьким и скромным, но и уютным, полным мира и покоя, казался он по сравнению с этой горделиво устремленной к небу расписной громадой, которую воздвиг в честь покорения Казанского и Астраханского царств грозный русский царь Иоанн Четвертый!

Разнообразные, пестрые купола, увенчанные золотыми

крестами, скорее поражали блеском горделивой силы и сказочного богатства, нежели внушали христианское смирение и кроткую незлобивую молитву.

— Что такое? — Заза заметил толпу народа, движущуюся через площадь.

Старец Зосимэ взглянул в ту сторону и увидел многолюдное посольство. По одеянию и тюрбанам он догадался, что это турки, посланцы из Стамбула. Зосимэ отнюдь не хотелось с ними встречаться. Первопосланник сдержал коня, пустил его медленным шагом, другие также натянули поводья. Баламутов, при виде турок, напротив, заторопился. Ему было приказано способствовать встрече турок с иверийцами. Но Зосимэ при виде церкви Покрова богородицы проявил исключительную набожность, и пока богомольный монах крестился и шептал молитвы перед храмом, провожатые оказались вынуждены ждать его, остановив лошадей.

Когда кахетинцы вновь тронулись в путь, турецкое посольство уже въезжало в кремлевские ворота.

Тотчас по их въезде мост, висевший на цепях, поднялся, и доступ в Кремль был закрыт.

— Кремль! Фроловские ворота! — объявил громко Баламутов, вытянулся на коне и отъехал в сторону, пропуская послов.

Пока вновь опускали мост, Русин перечислил отцу Зосимэ названия всех восьми кремлевских башен.

Старец рассмотрел, что кладка этих башен была более старинной. Основание было из того же белого камня, выше шла сплошная кирпичная кладка, а посередине, как белоснежный пояс, тянулась еще одна белокаменная полоса, весьма украшающая стену. Три ряда бойниц держали под прицелом всю окрестность.

Если до сих пор Зосимэ удивляло количество башен, то на этот раз старец поразился размаху и качеству крепостного строительства.

Кахети исстари славилась своими неприступными твердынями, и удивить кахетинцев было нелегко. Но здесь высота, красота и мощь так согласно сочетались между собой, что невольно поразили их взор.

Проехав через мост, послы очутились над самыми воротами. Зосимэ заметил вверху выпуклое резное изображение святого Георгия.

— Святой Георгий! Владыка и покровитель! Будь ны-

не нашим предводителем! — прошептал инок, вступая под арку Фроловской башни.

От самых ворот до широких лестниц, ведущих в кремлевские покои, да и на самих ступенях лестницы, стояли с обеих сторон, вытянувшись в струнку, царские стрельцы. Отборные воины в богатой праздничной одежде были все подстать друг другу. Начищенные до блеска ружья слепили глаз своим сверканьем.

Кахетинцев встретили кремлевские гостеприимцы. По сравнению с легко одетыми грузинами, хозяева, облаченные в меховые шубы, казались толстыми и приземистыми богатырями.

Гости спешились. Зосимэ окинул взором свиту, ряды стрельцов. Впереди высилось прямоугольное двухэтажное здание. Вернее, Зосимэ увидел лишь часть его, так как здесь, внутри Кремля, множество построек граничили друг с другом, продолжали одно другое, смыкались или даже пересекались.

Над всем этим множеством зданий высились огромная колокольня и громады храмов и зубчатых башен, каменные лестницы с крылечками на резных столбах вели внутрь толстых крепостных стен.

Кахетинцы почувствовали, что им не хватает воздуха. Они были привычны к горным замкам и крепостям, с их широким обзором, а внутренность Кремля была настолько перегружена разнообразными строениями, что границы между ними совершенно стирались. Словно в этой огромной стране не хватало места для дворцов и храмов! Видимо, поэтому одни из них выделялись высотой, другие шириной, а иные множеством куполов, нарядным убранством, просторными лестницами. В кремлевском воздухе, пронизанном блеском золотых церковных глав, было немало и тени — внизу, у подножия.

Кахетинцы молча взирали на это тяжеловесное величие. Гостеприимцы не торопили их, чтобы образ пышного Кремля нерушимо запечатлелся в памяти чужеземцев.

Не спешил и старец Зосимэ. Он подозвал к себе главного из гостеприимцев и сказал ему через греческого толмача:

— Прошу дать нам возможность отдохнуть где-нибудь в ином месте, пока посольство, прибывшее перед нами, не покинет царских палат. У нас в стране принято так, почтеннейший!

Пристав склонил голову в знак согласия.

— Пожалуйте за мной, в посольскую палату! — стража повернула в сторону. Здесь их встретил уже знакомый дьяк.

Пока кахетинцы готовили дары и грамоты, подоспели слуги, пригласили их в большую золотую палату.

Отец Зосимэ в последний раз окинул взором свое посольство и подал знак.

По грузинскому обычаю впереди несли дары. Во главе процессии шествовал Заза с высоко поднятым над головой крестом. За ним следовал монах Кирилэ с драгоценным образом святого Георгия Алавердского, а дальше все остальные, длинной цепью.

Царь кахетинский посылал русскому государю весьма изысканные, тщательно выбранные дары.

Шествие замыкал секретарь Саба, державший в руках пергамент с длинным списком подарков.

Пропустив шествие вперед, Зосимэ в сопровождении дворцовых гостеприимцев направился к золотой палате. С ним был и Андрей Щелкалов.

Из кремлевского Архангельского собора торжественное шествие стало подниматься по средней лестнице. По пути послам попадались высшие чиновники, боярские дети и служилые дворяне в богатых одеждах.

В самом зале вокруг трона толпилось множество бояр.

Вступив в золотую палату, Заза почувствовал, как затрепетало у него сердце. Хотя внешне он и пытался скрыть свое волнение, но разве можно утаить предательскую дрожь от серебряных колокольчиков на кресте? Позванивание их выдавало его с головой, и в то же время напоминало ему переливчатый звон далеких родных колоколов.

Все молча взирали на гостей.

Высокий трон, сплошь вырезанный из слоновой кости, стоял у подножия единственной колонны — позолоченной и украшенной богатым орнаментом.

Царь Феодор Иоаннович сидел с печальным и озабоченным лицом на троне и перебирал четки. При звуке колокольчиков он прикрыл глаза и перекрестился. Бояре тотчас последовали его примеру.

— Крест Иверский! А это образ святого Георгия... Верно чудотворный? Что скажешь, Борис... а? — негромко спросил Феодор Иоаннович у стоявшего чуть позади чернобородого и видного собою Годунова.

— Государь, он из святой земли древних христиан! — склонив голову, ответил ему всемогущий шурин, первый советник царя, вдохновитель и исполнитель важнейших деяний.

— Очень своевременно! Ты всегда знаешь, что нужно! Сей колокольный звон и лицезрение святынь ниспослали благодать нашей душе после посещения басурман!

С юных лет Феодор был очень набожным, изнурял себя постами и молитвами, и не убей Иоанн Грозный своего старшего сына собственной рукой, царевич, вероятно, с большой радостью вступил бы на монашескую стезю; но удар отцовского посоха даровал ему иной удел — царствование и мирскую суету...

Кахетинцы заняли свои места. Андрей Щелкалов громко возвестил:

— Послы из земли Иверской!

Лишь теперь царь Феодор Иоаннович оборотился и посмотрел в их сторону. При виде старца Зосимэ царь несколько удивился. Он ожидал скорее увидеть полководца или горделиво-надменного высокородного князя... Но вид высокого старца в монашеском одеянии, с суровым и тонким иконописным лицом доставил ему большее удовлетворение.

Шагнув вперед, Зосимэ сначала благословил русского царя, чем полностью пленил Феодора, а затем уже, сложив руки на груди, низко склонился перед ним. Первое слово он произнес по-грузински и тут же сам перевел его на греческий — а греческий толмач уже более велеречиво и цветисто оповестил царя и бояр по-русски.

— Волею божьей, государю и великому князю всея Руси, Феодору Иоанновичу, владетелю земель Володимирских, Московских, Новгородских, царю Казанскому, Астраханскому и многих других земель на востоке, западе и севере, повелителю... Царь земли Иверской, Александр, шлет великому государю нижайший поклон!

Словно сладостный перезвон колокольчиков на кресте, доносилась до Феодора грузинско-греческая речь старца Зосимэ. К переводу он и не прислушивался. Повернувшись всем телом к старцу, царь кивнул головой, даже чуть приподнялся в кресле, и спросил:

— Как поживает правитель Иверский, Александр?

— Волей божьей он пребывал в добром здравии, когда мы отправлялись в посольство к вашему высокому двору! — ответствовал старец и преподнес государю свитки и грамоты Александра.

Царь Феодор сделал знак Щелкалову, чтобы тот взял их, а сам допустил послов к своей руке.

Зосимэ внимательно присмотрелся к царю Феодору — и не заметил в его нежном, тонком, привлекательном лице следа жестокости или твердости. Чуть выступающие скулы были подернуты бледностью от постоянных постов и молитв. Зато лицо стоявшего рядом с троном царского шурина, знатного боярина Бориса Годунова, лицо, увенчанное выпуклым лбом, свидетельствовало о силе ума и твердой, непреклонной воле. «Это и есть настоящий властитель... Видно, не ошибается молва, правду говорят люди осведомленные!» — Зосимэ вгляделся еще пристальнее: «Что-то татарское заметно в лице Годунова... Значит, от него и следует ждать решения?»

Отец Зосимэ оглядел и других: Щелкалов громко оглашал список даров кахетинского государя, а Куршита выставлял подарки так, чтобы их видели царь и бояре.

Привычный к грузинским парадным покоям со множеством колонн, Зосимэ удивился тому, что потолок кремлевского тронного зала опирался лишь на одну колонну. Вдоль пышно расписанных стен сидели и стояли бояре, расположившись по старшинству родов и по чинам.

От зоркого глаза Зосимэ не укрылся потайной глазок в верхней части стены. Такой он видывал во дворцах магометанских владык. Через него глядели обычно на празднества царские жены.

«Неужто и здесь женщин не пускают в парадные покои?» — удивился старец.

В зале не было ни одной женщины!

«Да, тут еще, пожалуй, чувствуются татарские обычаи!» — заключил старец и вновь перенес свое внимание на посольство.

Щелкалов уже зачитывал список тех даров, которые невозможно было представить во дворец.

Аргамакские скакуны кахетинской породы: вороной без отметин и другой, тоже вороной, белолобый. Иранские павлины — самец и самка и девять яиц, снесенных в пути.

Царь рассмеялся. Бояре расхохотались вслед за ним. Зосимэ заметил, с каким вниманием разглядывали бояре «необычные восточные дары». «И у этих, как у наших высокородных, глаза завидущие!» — подумал он.

— Детеныши леопарда. Один — живой, в клетке, а другого — лишь шкура, — объявил Саба и раскинул у ног государя шкуру.

Осмотрев подарки, царь Феодор поблагодарил послов и

через них кахетинского царя. Он поручил ведение переговоров все тому же Щелкалову, определил своим «желанным гостям из дальних земель» щедрое содержание и встал.

Первая аудиенция закончилась. Царь Феодор шагнул вперед, поправ ногой шкуру алазанского леопарда, и скрылся за резной дверью Златой палаты.

ГЛАВА XVIII

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ ДОМАШНЕГО ОЧАГА

Царь Кахети Александр твердо придерживался основного распорядка своего царства. И не только потому, что так завещал ему отец его Леван. Царь на деле убедился в необходимости этого порядка. Царские моуравы положили конец своеволию эриставов, что заметно укрепило и усилило кахетинское государство. Конечно, междоусобная борьба не прекратилась, но все-таки источник смуты был поколеблен...

Бывшие эриставы и крупные феодалы исподтишка продолжали вредить, но теперь у них не было войска.

Александра уже не смущало, что ожесточенная знать в насмешку прозвала его «царем крестьян и моуравов». По существу так оно и было. Гораздо больше беспокоили Александра смутные толки среди крестьян. «Моурав — та же саранча, только новой породы».

Царь знал, что в этом есть доля истины. Для уплаты двойной, ирано-турецкой дани и для других государственных расходов необходимо было ввести новые поборы, легшие бременем на тех же самых крестьян. В тот год на Кахети напали полевые мыши и саранча. Некоторые области сильно пострадали.

Немало постарался царь кахов. Многим поступился, запустил руку в собственную казну, не раз совещался он с моуравами и богатыми купцами. Под конец созвал князей, хотя отлично понимал их замыслы. Ведомо было царю, что тревожные толки, смущавшие народ, зачастую распространялись высокородными.

И все же злоязычная молва преследовала Александра повсюду: он читал упрек на нахмуренных лбах, в опущенных глазах, в сжатых кулаках крестьян. «Что уцелело от мышей и саранчи — достанется бесчисленным моуравам».

А средства были необходимы. Царь не хотел назначать новые поборы. Александр знал, что малые и большие хищники, пользуясь его именем и покровительством, сдерут с крестьян вдвое против необходимого, и всячески постараются разжечь смуту, обвинив во всем царя, стоящего на стороне моуравов.

Александру пришлось заложить гремским и дзегамским купцам свои караван-сараи. Прибег он и к новой мере: не стал учреждать новой подати, а сделал старую меру на полпяди выше. За превышение же положил строжайшее наказание.

Бывшие эриставы и тайные враги все же обвинили в чрезмерном увеличении подати моуравов.

Кое-где и впрямь меру увеличили больше, чем было назначено царем, — и это вызывало недовольство и ропот крестьян.

Александр решил самолично объехать все самоураво, пресечь в корне смуту. Он взял с собой судей и письмоводителей. Как всегда, был неразлучен с царем Джандиери.

Царь начал с правобережья. Тщательно и строго разбирал он каждое дело. Безжалостно наказывал виновных, будь то крестьяне, азнауры или моуравы. Исподволь попадало и князьям. Они это чувствовали и старались избегать Александра.

Зато с крестьянами царь предпочитал общаться непосредственно. Часто засиживался с ними, беседуя о нуждах деревни, откровенно рассказывал о делах страны.

Александр не успел объехать все правобережные села, когда в Вардисубани примчался гонец и отозвал в сторону Джандиери.

— В чем дело? — спросил сидевший с крестьянами царь.

— Доложу вам лично, государь...

— Мы пойдем, шени чириме...[1] Не станем вас беспокоить! — сказал старый, некогда переселившийся из Хевсуретн Бахута Джинчараули. Крестьяне поднялись и собрались было уходить, но Александр остановил их:

— Нет... Садись, Бахута! И вы садитесь! Раз уж мы со-

[1] Шени чириме — ласкательное выражение, часто употребляемое в грузинском языке.

общa радели здесь о делах страны, так и новости выслушаем все вместе.

Польщенные крестьяне молча расположились около царя. Даже пожилые женщины, стоявшие поодаль, поправив головные платки, подошли поближе.

— Докладывай покороче, Джандиери! Здесь чужих нет... Все кахетинцы! Никто не хочет вреда нашему царству... Всем от этого будет вред!

— Верно, государь! — зашумели крестьяне и подошли еще ближе. — Правильно!.. Кто пожелает зла своей стране? Может, князья душу свою ненасытную никак не могут натешить... Ну, а мы... Нет, шени чириме... Мы надежны, как хребет буйвола! — договорил за всех Бахута и добавил уже от себя: — Бойся людей в богатых куладжах — они скорее могут забыть про общую беду, чем те, что в рваных лаптях...

Джандиери шагнул вперед, но, окинув взглядом сгрудившихся крестьян, вновь заколебался.

— Говори! — воскликнул обрадованный словами крестьян царь. Каждый раз, когда Александр стоял вот так, в окружении крестьян, он ощущал прилив какой-то неведомой силы и сердце его билось радостно и уверенно. Иногда эта сила даже заставляла его менять свои решения. Нет, воля его не слабела, но он впитывал в себя неодолимую мудрость народа.

— Говори, говори! — торопил он Джандиери.

— Государь, жители Кеди убили моурава Козьму.

— Как убили? — вспыхнул Александр. Это был уже явный бунт. «Так вот что у них на уме? А может, не только у них одних?» — Значит убили, — царь оглядел собравшихся гневным взглядом, потом обрушился на Бахуту: — Так вот какова ваша верность, старый хитрец?

Наступила тишина. Злоба овладевала Александром. Теперь он сам был готов кнутом и пинками разогнать окружавших его, угрюмо примолкших крестьян. Молчание их душило его. Даже в молчании чувствовалась какая-то невысказанная сила.

— Чего замолчали? — хлестнул он, как бичом, обжег взглядом опустивших головы крестьян.

— Обо всем доложим, государь! — Бахута не спеша поднялся и, опершись на свой посох, посмотрел царю прямо в глаза. — Только не гневайся, государь! Наверно, тот моурав достоин был смерти.

Ярость охватила Александра.

— Что за вздор! Послушайте-ка его! Почем ты знаешь, чего он был достоин? Откуда это тебе известно, старик?

— И об этом доложу, государь, — продолжал Бахута все также степенно. — Есть в Кеди старый Окро — он не допустил бы людей зря до такого греха! Об одном лишь тебя прошу — разберись во всем на месте сам, никому не доверяйся... Тогда и увидишь, правду я говорю или нет! И не надо тебе ни свиты, ни судей... Не давай никому разорять напрасно деревню!

Александра так изумила уверенность Бахуты, что гнев его утих.

— Двух коней! — бросил царь конюху.

— У меня есть свой конь, государь! Крестьянский, но от вас не отстану... А на чужом я не привык сидеть...

Александр удивился.

— Откуда ты знаешь, что я собирался взять с собой именно тебя?

Бахута усмехнулся в седую бороду:

— Когда очень разгневанный человек... да к тому же царь сразу пересилит себя — это признак большой мудрости, государь. А мудрый человек никого, кроме нас с тобой, не послал бы в Кеди. Чтобы уладить дело и там и тут!

Бахута зорко глянул на хмурых крестьян, и царь понял скрытый смысл его слов. Внешне Александр, казалось, совершенно успокоился. Он задумчиво улыбнулся:

— Если дед Окро так же умен, как ты, выйдет, что ты сказал правду. А нет, так пусть на себя пеняет!

До алазанского брода царя и Бахуту сопровождали Джандиери и несколько человек из свиты. В сумерках они расстались.

— Рано утром приедешь в Кеди со стражей, если я ничего не сообщу до тех пор. Строго расследуй дело. Собери всю деревню и дай им жару, а главарей доставь ко мне в Греми, — приказал Александр, отпуская Джандиери.

Всадники перебрались через Алазани. Начался ливень, но деревня была уже совсем близко.

Вскоре двое в бурках подъехали ко двору старого Окро, спешились. Дождь перестал, но луна еще не взошла и было очень темно.

— Это я, Бахута Джинчараули из Вардисубани! — осторожно постучав в дверь, прошептал старик.

Дверь тотчас отворилась, и дед Окро вышел к гостям.

— Верно, почетного гостя привез? — спросил он, увидев возле крыльца еще одну тень. — Сейчас засвечу плошку.

Но Александр остановил старика.

— Откуда ты знаешь, что гость почетный? — спросил он, еще плотнее закутавшись в бурку.

— Десять лет уже я в ссоре с Бахутой... Так ведь, Бахута?

— Не о том теперь речь, — пробормотал Джинчараули.

— Из-за чего поссорились? — подозрительно спросил Александр.

— Когда я был полевым сторожем на Алазани, он пристрелил моего любимого пса. Потом самому же стыдно стало... Избегал меня... А теперь в такую погоду приехал...

Дед Окро пригласил гостей в темное жилище.

— А где твои домочадцы? — спросил Бахута, не слыша голосов детей и внуков деда Окро.

— К Хосите пошли. Он справляет новоселье, ангела очага ублаготворяет.

Дед Окро подошел к незнакомцу, чтобы взять у него папаху и бурку.

— Пожалуйте сюда, тахта здесь. Сейчас и огонь принесу.

Но незнакомец не стал снимать бурки и не дал хозяину пойти за огнем.

— Кто убил моурава? — сурово спросил он.

Наступила тишина.

— Общинное ружье! — прозвучал в темноте спокойный ответ.

— По чьему приказу? Чьим именем?

— Именем царя кахетинского! Хвала его суду!

Этого уж Александр никак не ожидал.

— Верно, и грамота у тебя имеется? — спросил он насмешливо.

— Сейчас, погоди немного, кем бы ты ни был, присядь пока на тахту. Ну хоть ты, Бахута, по-нашему, по-крестьянски, — и дед Окро скрипнул наружной дверью.

— Дождя нет, бурки нам больше не понадобятся, — как бы между прочим проговорил Бахута.

— Понадобятся! — строго возразил Александр.

Дед Окро вернулся скоро, поставил на стол коптилку. При свете ее гости увидели, что в другой руке дед держит кувшин и свернутую телячью кожу.

Взглянув на незнакомца, дед Окро тотчас узнал его. Тень

удивления и испуга промелькнула по его лицу. Дед Окро не осмелился подать высокому гостю руку. Он молча развернул свиток и протянул его Александру.

На грубо выделанной коже было что-то начертано темным соком зеленых орехов. Александр подошел к коптилке и стал читать.

«Приговор суда царя кахов», — гласили выведенные в самом начале крупные каракули, а дальше стояло: «Именем царя и народа учинили мы над моуравом суд и приговорили: за присвоение оброка, собранного с крестьян, за увеличение меры на лишнюю пядь, за присвоение камня и кирпича, заготовленных для восстановления сгоревшей церкви, за присвоение храмового виноградника, за злостную поломку жернова сельской мельницы, за насилие над сироткой, за уничтожение жалобы, посланной царю, за все эти преступления вместе, волею суда царя кахов, присуждена злодею смерть».

Александр внимательно прочитал до конца, рассмотрел и подписи. Весь свиток был заполнен ими. Были здесь имена и фамилии. И только имена. И только крестики — подпись неграмотных, или прямо — отпечаток большого пальца, вымазанного в саже.

— Кто это такие?

— Все село...

— А тело куда дели?

— Свезли в его селение, к родным... Сказали им, что он нечаянно погиб от ружья!

— И он действительно сделал все это? — царь положил руку на свиток.

— Спросим у людей! — Дед Окро наполнил водкой небольшой рог. — Они тут же, рядом... Привести их или сами пожалуете? — Окро протянул рог царю. — Это чача[1], государь! Прошу прощения... наша, крестьянская. За добрый твой приход! Всем нам — царю ли, крестьянину — надлежит твердо стоять за законы и обычаи — в этом корень справедливости.

Александр хотел было рассердиться, но таким непосредственным и мудрым казалось ему каждое слово старика, что в душе он не чувствовал гнева, и сердце его отвергло суровость. Он молча принял рог и выпил чачу. По усталому телу разлилась теплая волна.

— Где они?

---

[1] Чача — виноградная водка.

— У Хоситы... Вот уже и распогодилось... Вам коня подать или... Ведь тут близко. Чего пожелает государь? — Окро снова наполнил рог.

— Пешком пойдем! — Александр расправил на плечах бурку.

— Тогда еще разок извольте, государь! За вторую ногу!

— Повезло мне! Захотелось бы на коне ехать — видно, пришлось бы за все четыре ноги пить! Ну, раз попался в руки таких стариков — терпи уж все! — негромко ворчал Александр.

Осушив второй рог, царь совсем смягчился. Звучно откашлявшись, он расправил плечи и вышел во двор.

Черные тучи время от времени заслоняли луну. Селение смутно вырисовывалось в сумерках, в изменчивых лунных тенях угадывались золотистые краски осеннего увядания. Дождь прошел над селом полосой, так что под ногами было сухо и веял теплый ветерок.

Дед Окро устроил лошадей и нагнал царя и Бахуту. Он провел гостей короткой дорогой. Никто не встретился им по дороге — да если б и повстречался, то все равно не узнал бы царя, а принял бы незнакомца в бурке и в мохнатой пастушьей шапке за пастуха-тушина.

Вскоре поодаль послышались громкие голоса и смех. Когда подошли поближе, Александру показалось: это гудит и рокочет Алазани.

— Смотри, какой дом выстроил Хосита! — удивился Бахута. — А ведь все по твоей милости, дедушка Окро!

В сумерках, в тени раскидистого ореха, белел каменный дом с высоким балконом. Во дворе толпился народ — верно, вся деревня. Хохот и веселые возгласы доносились оттуда.

— Что там происходит? Чему они радуются? — Александр надвинул мохнатую шапку на самые глаза.

— Должно быть, Мачуча тени показывает.

— А это еще кто?

— У нас его зовут Кохсаламура...[1] А вы, государь, как-то на сходе у караван-сарая прозвали его великим скоморохом, — и, догадавшись, что царь не понял, о чем идет речь, добавил: — Он словно рожден на радость всему селу. А у самого ничего нет — только изба да свирель — оттого и прозван так...

Дед Окро и два его спутника в бурках спустились во двор.

— Люди добрые! — начал было громко дед Окро, но Алек-

[1] Кохсаламура (букв.) — изба да свирель (груз.).

сандр схватил кедского старика за руку, сам стал под тенью ореха и крикнул замолчавшему Кохсаламуре:

— Продолжай! Продолжай!

Дед Окро понял, что царь хочет остаться неузнанным, и тотчас пришел ему на помощь:

— Стой здесь, родич мой, из-под ореха лучше видно! — и шагнул навстречу Хосите.

— Наконец-то и ты пришел, дедушка Окро! А мы уже заждались... Без тебя какое новоселье! И дом-то благодаря тебе построен! — Хосита поднес старику рог и угощение.

Это был уже не тот несчастный бобыль, обиженный на весь мир, каким его помнили крестьяне. Хосита стал рачительным, работящим главой семейства, одним из уважаемых людей на селе.

— Ладно, ладно! Ты других потчуй, а я от тебя никуда не сбегу! Обойди тех, кто раньше пришел! — ласково отозвался дед Окро и стал рядом с Александром.

В шуме, в полумраке никто не заметил появления незнакомого гостя.

— Ну-ка, Гуца, пойдем по кругу, попотчуй гостей! — Хосита вручил пасынку кувшин водки, а сам заткнул себе за пояс несколько рогов разной величины и перекрестился. — А ты возьми лоток, Тако!.. — велел он падчерице и сопровождаемый обоими детьми стал обходить собравшихся, одного за другим.

— Благословите ангела-хранителя дома, соседи! Умилостивьте его! Жена! — позвал он Тутию. — Первое слово твое... Кому поднести?

— Кохсаламуре! Ничего, что он молод... Сам веселится и всю деревню веселит! И тени у него лучше получатся и стихи... Вот увидишь! — и она дала второй, полный снеди лоток, своему меньшому, рожденному от Хоситы, сыну.

— Будь по-твоему! Кохсаламуре — великому скомороху! Так назвал его сам царь кахов в Греми! — зашумел народ.

Кохсаламура взял рог, отошел к выбеленной известковой стене и, с рогом в руке, благословил всех доброжелателей и близких этой семьи. Затем одной рукой стал раздавать выступившим вперед парням и девушкам поданные ему Тутией зажженные свечи.

— Нет ли недругов, что злобно к нам пробрались потихоньку? — обратился Кохсаламура к народу. Стало тихо. Все молчали. Над головой у Александра шелестел листвой орех.

Ему стало как-то неловко. Не затем ведь пришел он сюда тайком, чтобы поздравить людей с новосельем!

— Нет! Нет! Тьфу, дьявол! — крикнул наконец дед Окро.

Кохсаламура стал слагать стихи и повторять их нараспев.

Он выпил водку, остаток плеснул на фундамент дома, потом постучал ногтем по рогу и вернул его Хосите.

— Так, дорогой, так! — приговаривал Хосита, потчуя людей водкой. Сначала он обошел с рогом и лотком тех, у кого в руках были зажженные свечи, всех угостил и хлеб заставил преломить... Потом двинулся к подошедшим соседям.

— Тутия! — крикнул он. — Ты хозяйка... Ударь в бубен!

— Как сыграешь, так и спляшем! — крикнул Кохсаламура и, складывая частушки под уханье бубна, повел за собой хоровод.

Он вышел на середину круга и, часто притоптывая, стал петь на мотив «Алило» стихи, складываемые тут же, на ходу.

А Хосита бродил, кружил по двору, обходил гостей, угощал всех водкой и раздавал с лотка кады и назуки[1]. Никого не пропустил — ни тех, что были во дворе, ни тех, что сидели на заборе и на плоских кровлях соседних домов.

— Хосита! Ну-ка, неси сюда! — окликнул его дедушка Окро.

— Сейчас, дорогой! Не подумай, что я льщу тебе. Но ты ведь добрый дух моего дома!

Хосита налил деду водки и продолжал:

— Столько сразу... мне еще никогда не приходилось говорить... Но сегодня мой день! Так что, не обессудьте, соседи... Эх, тут еще мы всей деревней взяли грех на душу... из-за того моурава... Не думал я, что вы все придете ко мне. До веселья ли теперь... А вы, родимые, не забыли меня, заглянули, чтобы благословить...

Тем временем дед Окро осушил рог и, снова наполнив его, поднес стоявшему в тени Александру.

— Та же самая чача! Не изволите ли за новоселье?

Хосита, заметив, что дед Окро с кем-то беседует, достал из-за пояса другой рог и отошел в сторону.

Кохсаламура уже кончил пляску, приблизился к выбеленной известкой стене дома и стал показывать на ней теневые картины. Тень, которую он отбрасывал на стене под неяркими лучами луны, удивительным образом меняла очертания. То у

[1] Када, назуки — сдобные печенья.

нее появлялся потешно длинный нос, то огромная копна растрепанных волос на голове.

Александр заметил, что шутник держал в руках большой клок шерсти, при помощи которого изменял свой облик: удлинял волосы, прицеплял себе бороду.

— Ну-ка, кто это такой? — Кохсаламура выпятил губы, расчесал бороду надвое, тень получилась на редкость выразительной.

— Губошлеп Попия... Наш Попия... Как вылитый!

— Эй, Попия! Узнаешь себя? — смеялись соседи.

— Ну да! Я это, я! Смотри-ка, к стене меня прилепил, чертов сын! — громче всех кричал, нисколько не обижаясь, Попия.

— Ну, а это кто? Все на небо глядит, видно боится, как бы не обрушилось! — затейник взъерошил бороду и чуб, распялил рот, запрокинул голову.

— Ой-ой-ой! Дедушка Харата! До чего похож! — зашумели женщины, дети и старики.

— Покажи нам сторожа Каку! — требовали одни.

— Изобрази Хапро... Хапро! У тебя с ним ведь старые счеты! — кричали другие.

И Кохсаламура тотчас изображал на стене то одного, то другого из односельчан — удивительно характерно и похоже.

Зрелище захватило Александра. Он выпил поднесенную дедом Окро водку, закусил кадой и тоже крикнул:

— А ну-ка, Козьму-моурава изобрази! Моурава!

Кохсаламура вздрогнул. Голос показался ему незнакомым, да к тому же изображать убитого позавчера моурава ему вовсе не хотелось. Народ заволновался. Все стали глядеть в сторону ореха, воцарилась тишина. Лица омрачились. И сумерки стали словно еще гуще.

— Изобрази его, сынок, пусть он «поговорит» с нами! — сказал Кохсаламуре дед Окро, но тот словно онемел. В мертвом молчании явственно слышался шелест листвы ореха. Кохсаламуре послышался чей-то вздох.

— Несчастный... Пусть сгинет без следа самое его имя!

Прежний беспечный смех сменился тревожным безмолвием. Все насторожились, словно в ожидании беды.

Кохсаламура тотчас это почувствовал.

— Да разве это можно, дедушка Окро?

— Можно, сынок... Изобрази все, как было... Как тебе помнится, как сумеешь... И деревня скорее забудет беду...

А скрывать нам нечего! — еще раз подбодрил затейника дед Окро.

— Значит, оживить его?!

— Нет, нет! Что ты! Кому он нужен — слава богу, избавились от напасти! Нет, дорогой, не надо! — закричали вокруг. Видно, некоторые в эту минуту верили, что кудесник Кохсаламура и впрямь может воскресить мертвеца.

— Да ведь это в шутку, люди добрые, не на самом же деле! Только тень увидим! — волновались возбужденные люди. Плясуны погасили свечи, стали полукругом перед стеной.

Небо совсем очистилось от туч. Полная луна, сиявшая высоко в небе, отбрасывала четкие тени на стене.

Кохсаламура прикрепил под носом растрепанный клок шерсти, чтобы изобразить щетинистые усы, скосил челюсть, вздыбил себе волосы — и на стене появилась новая тень.

Люди подошли вплотную к затейнику: передним было видно и лицо Кохсаламуры, остальные смотрели только на тень.

— Из-под ореха хорошо видно! — крикнул кто-то, и задние ряды подвинулись к Александру.

— Вот так искусник! Оживил моурава! И рожа на бок сворочена, и усы как щетина!

— Ох, да это он, моурав — как вылитый! Тьфу, сгинь, проклятый, чтобы и следа твоего не осталось! — завизжали женщины.

Шумели крестьяне — веселье и печаль слышались в их голосах и даже оттенок испуга...

— Тише, вы, скоты! — угрожающе рявкнул Кохсаламура. — Вот я вас, так вашу...

Крестьяне замолкли было испуганно, но потом еще громче захохотали.

Александр узнал тень моурава, его голос.

— Негодяи! Дармоеды! Свинячье отродье! Так вашу!..

— Только без ругани! Без этих моуравских словечек! Не оскверняй хранителя очага! — вскричала Тутия.

Кохсаламура продолжал несколько сдержанней:

— Погодите до завтра! Вот приедут из Греми, тогда посмотрим! Вы что, бунтовать решили? Против меня идете? Не повинуетесь своему моураву?

— Вот так он кричал и бесновался накануне того черного дня! — гремел, заглушая других, полевой сторож Кака.

— Кто меня убил?! Кто из вас? Как вы будете держать ответ перед царевыми людьми? — вскричал вдруг Козьма-Кох-

саламура и, взъерошив свои волосы, снова оживил на стене ненавистного деревне моурава. Крестьяне отшатнулись в ужасе.

Опять наступила тягостная тишина... Слышен был лишь громкий шелест листвы ореха. Никто не видел перед собой Кохсаламуру, внимание всех было приковано к «ожившей» тени. Творение заслонило своего создателя.

— Вас спрашиваю! Кто мой убийца, который из вас стрелял в меня?

— Вся деревня! Ее ружье! — грянули хором в ответ сельчане. Гневом прозвенел единодушный возглас, и у царя кахов дрожь пробежала по телу. Удивительно: единодушие это захватило, покорило его.

— Чьим именем?! По чьему повелению?.. — не унималась тень.

— Именем царя и схода! Именем повелителя кахов и всего народа! — все смелее и громче отвечали крестьяне.

— За что? За что, я спрашиваю, так вашу... — Кохсаламура оборвал на полуслове и вполголоса спросил Тутию: — Можно я разок выругаюсь? По-моуравски, а? А то соли не хватает... Что-то не получается он как живой! Можно, Тутия?

— Не надо! И без того все скажем, пусть люди знают, за что с тобой расправились! — воскликнула Тутия; зашумели и другие женщины.

— Ну, так говорите скорей! А то я уже челюсть себе своротил.

— За лихоимство! За длинную пядь, за ложную меру! За жернов!

— За церковный виноградник! За обман царя и народа!

— За бесчестье сиротки... Ты что, думал, так тебе все сойдет с рук? — перебивали друг друга крестьяне.

Вокруг старого ореха бушевало народное море — казалось, крестьяне в самом деле держат ответ перед царскими посланцами.

Александру даже показалось, что иные схватили камни, чтобы сызнова расправиться с ожившим Козьмой-моуравом.

— Что ж вы челобитной не написали? На имя судьи или царя? — сетовал моурав.

— Написали! Но ведь ты сам отнял ее у нас и разорвал! — уже как с живым человеком спорили люди с тенью.

А у тени совсем отвисла нижняя челюсть и почти пропал голос:

— Да, но... Как же вы меня убили? Кто из вас убийца?

— Вся деревня! Вся деревня! — грянуло со всех сторон. Казалось, гремел вместе с людьми и сам новый дом, и даже орех. — Все вместе!

— Стихами скажи! Стихами! — крикнул дед Окро, лучше всех знавший силу стихов Кохсаламуры.

Скоморох по-мальчишески почесал затылок и отвернулся. Вот он набросил на руку черный платок, и на стене появилась старая женщина. Теперь уже две тени смотрели друг на друга.

Спрашивала тень моурава у своей матери, и отвечал Кохсаламура моураву, изменив голос.

Примолкшая толпа стала раскачиваться в такт словам и, словно далекое эхо, повторяла за ними припев:

— ...Горе матери твоей...

Заволновались и старики, стоявшие под орехом. Александру показалось, что он и сам раскачивается — или это дрожала и двигалась тень ореха?!

— ...Горе матери твоей! — стонал и гудел народ. Царю кахов даже послышались слезы в голосах женщин.

— Суд народа справедливый!

— Горе матери твоей.

— А как же ты думал? — Александр поздно сообразил, что, кажется, и он сам бормочет вместе с другими.

Дед Окро посмотрел на него, видно, догадался, что с ним творится, и взглянул многозначительно на Бахуту. Но в темноте лиц нельзя было различить.

— Злая судьба тебя сюда привела! На твою погибель! — громко воскликнул царь и схватил деда Окро за руку. Рука его дрожала так же, как высохшая, но крепкая еще рука старика-крестьянина. И снова ощущение какого-то всеобщего единства охватило царя «крестьян и моуравов», он целиком ушел во все это праздничное действо освящения домашнего очага, приобщился к мудрости народа.

— Слава тебе, господи! Посмотреть только на них! — бормотал он, отступая назад к калитке. Никто из гостей не заметил исчезновения царя. Выйдя на дорогу, Александр оглянулся: дед Окро и Бахута шли за ним, раскачиваясь, — казалось, все это происходит во сне.

Тени и стена остались позади, но гул толпы еще долго звучал в ушах у царя...

— Суд народа! — вырвалось у повелителя кахов, когда он вышел на дорогу.

...Вернувшись в дом деда Окро, царь потребовал чернил.

Хозяин подал ему в склянице сок зеленого ореха.

Александр развернул грамоту и молча скрепил ее своей печатью. Потом спросил водки. Выпил и за «живые тени» и за «ангела очага», но так и не смог успокоиться. Тогда он вышел из дома. Возле саманника стоял стог сена. Александру казалось, что и стог раскачивается в такт стихам Кохсаламуры. Александр разворошил стог, расстелил на нем бурку и лег.

— Не будите меня до утра! И никому не говорите, что я здесь. Пусть праздник идет своим чередом.

Уже засыпая, он почувствовал, как дед Окро укрыл его крестьянским одеялом и поправил ему изголовье.

Два старика всю ночь молча просидели у стога.

На рассвете звук трубы всполошил всю деревню, — всех, кроме спящего на стогу.

Всадники Джандиери рыскали по деревне, собирая весь народ от мала до велика у сгоревшей церкви.

— Все здесь? — строго спросил царский посланец испуганных крестьян и обвел сход грозным взглядом. — А где дед Окро?

Всадники тотчас привели старика. Копьеносцы окружили крестьян.

— Кто убил моурава?! — спросил Джандиери грозно.

— Наше ружье! — ответили крестьяне в один голос. Казалось, все еще продолжается игра в тени и стихоплетство Кохсаламуры.

— По какому праву?.. Чьим именем?—поднял плеть Джандиери; кольцо копьеносцев теснее сомкнулось вокруг толпы.

Все умолкли. Иная тень возникла перед их взором.

— Именем царя и народа! — ответил дед Окро.

— Где доказательство? — грянул Джандиери, повернув коня к старику, испугав женщин и детей.

— Изволь, батоно! — старый Окро развернул свиток, заслонившись им, словно щитом.

Джандиери взял грамоту, прочитал, рассмотрел подписи. В самом конце, пониже крестов и отпечатков пальцев, темнела царская печать.

— Расходитесь! Желаю удачи! Суд был справедливым! — объявил он и, спешившись, пошел вслед за дедом Окро.

Но когда они подошли к разворошенному стогу, там не было уже ни Бахуты, ни царя Александра.

ГЛАВА XIX

МЫСЛИ О ГРЯДУЩЕМ

Кахетинские послы пробыли в Москве довольно долго. Русские чиновники не спешили их отпускать, да и отцу Зосимэ не хотелось возвращаться домой ни с чем. Остальные члены посольства, напротив, даже стремились к берегам родной Алазани — тем более, что пришла зима и наступили знаменитые московские морозы. Но старец твердо стоял на своем.

— Приглядывайтесь ко всему, изучайте. Примечайте все достойное внимания, — поучал он каждое утро своих нетерпеливых спутников. — Это большой народ, огромное государство своеобразные люди, следует основательно изучить, с кем нам придется иметь дело.

— Придется ли? Ведь даль-то какая! — сомневался Бацацаисдзе. Он даже не представлял себе, что можно иметь дела так далеко на севере. Обычно, ему не приходилось уезжать дальше таркского княжества и Терека.

— Придется, непременно придется! Хотим мы того или нет... Не сегодня, так завтра... или послезавтра! — скупо отвечал старец Зосимэ непосвященным в свои замыслы и предвидения. Инок часто выспрашивал членов посольства о всяческих мелочах. Он обязал каждого сообщать обо всем новом и любопытном, что ему доведется видеть, тем более — о всем важном и примечательном.

После приема у царя кахетинским послам отвели более богатые покои при том же монастыре, положили изысканный стол и щедрое довольствие. Прислуживал им опять-таки Хозников, с особо подчеркнутым уважением и на этот раз совместно с дворцовыми людьми. Стали ходить к грузинам многочисленные гости, среди них крупные чиновники, интересующиеся восточными делами. Они пытались сблизиться с посланцами кахетинского государя и подробно их выспросить. К тому же посетители всячески старались пленить кахетинцев, дабы те уверились во всемогуществе Московского государства.

Всюду и во всем ощущалась твердая рука Бориса Годунова, хотя его самого нигде не было видно. Появление первой ласточки из Иверской долины полностью соответствовало его далеко идущим восточным замыслам.

А переговоры между тем шли обстоятельные и неторопливые. Вникнув в суть послания кахетинского царя Александра и многое поняв из осторожных речей старца Зосимэ, русские почувствовали: если кахетинцы убедятся в мощи Москвы и желании России оказать им помощь, они добровольно склонятся перед двуглавым орлом. Вечному грабительству и насилию мусульман, вечным разбоям горцев они безусловно предпочтут покровительство оберегающей десницы христианской России.

Приставленные к кахетинцам чиновники-гостеприимцы на свой лад убеждали их в силе и мощи Москвы. Послам была предоставлена относительная свобода, когда речь шла о внешней, показной и праздничной стороне, общаться же с простым народом кахетинцам строго запрещалось. Послы же, отлично понимая сколь преходящи и ненадежны властители, умом и сердцем своим стремились к простому люду. Они не останавливались даже перед хитростью, и действовали порой втихомолку.

В первую очередь старцу Зосимэ и иноку Кирилэ показали все большие московские церкви и храмы.

Кремлевские соборы произвели на отца Зосимэ неизгладимое впечатление как внешним своим величием, так и хранящимися в них иконами в богатых окладах и иными сокровищами.

Долго взирал священник на самую высокую в Москве колокольню Ивана Великого, обозревал ее и мысленным оком. Казалось, именно в ней ощутил он нечто существенно важное, присущее, быть может, Москве и России вообще: не оформившееся пока стремление юной и льющейся через край силы к чрезмерности и преувеличению размеров. Подмеченное им «несоответствие между силой порыва и чувством меры» Зосимэ назвал «страстью к величавости».

— Иван Великий! Царь-колокол! — пояснил толмач и стал взбираться вверх по лестнице. Колокольня была все еще одета в леса, хотя и казалась вполне завершенной. Приметил Зосимэ: здесь, казалось, все было еще в лесах, стремилось куда-то.

Среди тридцати колоколов Зосимэ различил четыре необычайной величины. Они походили на китов с разверстыми глотками, а на самом крупном из них действительно был вычеканен то ли кит, то ли крокодил. Зосимэ понял, что именно этот колокол, величиною с дом, и есть царь-колокол.

Заза, как обычно сопутствовавший старцу, ошеломленно

уставился на медный зев. По сравнению с ним его любимый гремский колокол был просто голубкой...

Москва, открывающаяся с высоты Ивана Великого, действительно являла собой замечательное зрелище. Она была опоясана Кремлевской и Китайгородской стенами... За ними виднелся незавершенный, покрытый строительными лесами белокаменный пояс Белгорода. Там и сям сверкала Москва-река и другие узкие серебряные пояски впадающих в нее рек и ручьев. Словно золотые островки, сияли маковки бесчисленных храмов, высились башни, а у их ног теснился целый пестрый мир каменных и деревянных палат, домов и домишек.

Ни гор, ни скал, ни привычных для кахетинского глаза садов и виноградников. Вдали угадывались смешанные лиственные и сосновые леса, темной рамкой окаймляющие город с его окрестностями.

Отец Зосимэ полностью ощущал величие простирающегося перед ним города. Но как все это было не похоже на Гремн и Алазанскую долину, которую он привык наблюдать с высоты Круглого замка! Совсем иным был и Тбилиси, которым он любовался с Мтацминды или из Метехской крепости, и Кутаиси с Рионской долиной, обозреваемые с колокольни храма Баграта и из крепости Ухимериони! И природа, и люди, и их дела были здесь и там так различны.

Как же велики должны быть нужда, желание и стечение обстоятельств, чтобы между этими сравнительно новыми и теми древними христианами был проложен мост и чтобы правда и милосердие проложили свой след на том мосту!

Было здесь немало утешительного, вселявшего надежду в сердце Зосимэ, опечаленное судьбой далекой родины, попавшей в беду. О многом другом он размышлял тщетно, не умея себе ничего объяснить. А иное было и вовсе не по душе старцу.

Как сопоставить сказочное изобилие, виденное им во дворцах и храмах — серебро и золото, снизки жемчуга, вороха драгоценных мехов, — с необычайной бедностью, красноречиво вопиющей на каждом перекрестке!

«Богачи и бедные, крестьяне и князья, дворяне и простой люд — где же их нет, — размышлял Зосимэ, — но видано ли, чтобы их разделяла бездна?»

В царском дворце, в «обеденной палате», Зосимэ сам видел огромную серебряную бочку, обитую золотыми обручами. Двенадцать человек с трудом подкатили ее к столу. «Еще один царь — царь-бочка?» — подумал Зосимэ, и припомнился ему

целый московский квартал, снабжавший многочисленных горожан, обутых в лапти, плохонькими глиняными горшками и деревянными мисками. Или чем объяснить столь невероятные правила, как запрещение ходить ночью по городу? Повсюду — запертые ворота, огромные засовы, лавки — на замках, даже церкви, и те накрепко заперты.

Как-то старец видел пожар, занявшийся в Замоскворечье. Огненный столб взметнулся в небо, и казалось, что на весь город сыпятся бесчисленные искры. Люди выбежали на крыши и как бы сражались с охваченным пламенем небом, с которого низвергались звезды... Гудело многоязыкое пламя. Сосновые домишки трещали, как факелы, и взметали огненные фонтаны. Народ ожесточенно сражался со стихией, разгулявшейся словно бушующее красногривое море. Молчаливые и угрюмые мужики и бабы самоотверженно вбегали в пылающие дома и амбары, вытаскивали на улицу всякую кладь...

Пожар погубил около трех тысяч домов.

С изумлением взирал старец, как возводят новую стену белокаменного города. Огромные тесаные глыбы переходили из рук в руки и с легкостью пушинок взлетали на строительные площадки. Стена росла со сказочной быстротой. Незримая сила незаметно поднимала ее к самым небесам...

...Переговоры затягивались. В Москве, видимо, ожидали, что послы Александра будут нижайше просить о покровительстве. А кахетинцы не спешили. Зосимэ в свою очередь ожидал предложений, желая выяснить, каковы планы и возможности будущего покровителя и союзника.

Долгие наблюдения и осторожные расспросы убедили кахов, что Россией правит не царь, а его шурин Борис Годунов. Внешне Годунов не вмешивался в иверские дела. Для многих именитых дворян России Годунов был все еще выходцем из татар, соратником Иоанна Грозного. Этот не столь давно принявший христианство и быстро выдвинувшийся род достиг при Грозном больших успехов. Сам Борис был вначале царским стремянным, затем конюшим, а потом и ближайшим советником государя. После убийства Грозным сына Борис фактически правил всем государством. Отец Зосимэ с самого начала заинтересовался этим «стремянным». Нужно было лишь уточнить, насколько удастся использовать в целях христиан «этого выходца из татар». «Какое сердце скрывает эта широкая грудь? Какие клыки таятся под соболино-черными усами? Что

знаменует приятная и спокойная улыбка, и какая сила дремлет в узких пытливых глазах?» — вопрошал себя Зосимэ.

Старец решил сначала навестить патриарха всея Руси Иова, а потом уже предпринять новые решительные шаги. Он привез патриарху и послание от Александра, но Иов был болен и никого не принимал. Тогда Зосимэ посетил его местоблюстителя, вручил ему грамоту Александра и дары, а на словах просил передать:

— Не в поисках тщеты мирской приехали мы в Москву, а для того, чтобы просить за гонимых древних христиан, брат наш во Христе, святейший и блаженнейший!

На следующий день патриарх Иов принял Зосимэ неофициально. Был весьма милостив, лично взял из его рук дар — ветвь Алавердской мирты и сосуд с мцхетским елеем. Священнослужители облобызались, благословили друг друга. Беседа протекала в дружеском согласии. Иов, как и Зосимэ, отлично владел греческим. Он отослал всех и сам занялся гостем. Беседовали долго о давних временах, о мучениках, пострадавших за веру. Пожелали предкам вечного блаженства и, как братья во Христе, разлученные в течение тысячи лет, стали делиться горестями. Зосимэ говорил на этот раз открыто, не таясь:

— На Востоке многие отошли от Христа и проявили немалое рвение к Исламу, как это свойственно новообращенным... Наблюдается ли подобное и здесь? Среди ваших высокородных?

Патриарх понял, к чему клонит старец Зосимэ. Повернувшись к окну, указал он на леса, окружавшие колокольню Ивана Великого:

— Вон — строит... Из новых христиан... Возвел этот храм, и еще три, не говоря о прочем... Это великий оплот веры христовой и третьего Рима!

— Пути древних христиан стремятся сюда же!

— Благословляю ваш путь! И помощь окажем — не поскупимся... И не замедлим.

На следующий день к отцу Зосимэ явился Андрей Щелкалов. Он передал приглашение от Бориса Годунова.

Зосимэ всю ночь просидел с Зазой, втолковывал ему общее содержание беседы, при которой тому придется быть переводчиком, и велел заранее выучить все по-русски.

Царский шурин принял священнослужителя в собственных покоях. Низко склонив голову, подошел он к иноку под бла-

гословение. Затем пригласил гостя к столу, усадил его под образами. Под образом богородицы Зосимэ заметил приколотую веточку мирты.

Подзакусили, отведали хлеба-соли, осушили чарку вина.

Заза и толмач-грек Годунова стояли в сторонке.

Несмотря на вчерашнюю подготовку, Заза все-таки волновался. Это было первое полученное им важное задание. Слуги убрали обеденный стол и внесли другой, на котором лежала большая книга в черном сафьяновом переплете с золотым образом и золочеными буквами. Заза с трудом прочел заглавие, это была «Книга большого чертежа».

Годунов раскрыл ее и неловко перелистал. Раскрашенная карта заняла весь стол.

Годунов положил палец на кружок посередине, условное обозначение крепости.

Москва... Кремль... Новый Рим!

Зосимэ подошел поближе, проследил на чертеже голубую извилистую линию Волги до самого моря. Ткнул пальцем в карту, обернулся к Зазе.

— Хвалынское море! — еще издали прочел мальчик.

— Молодец! — отозвался невенчанный царь, внимательно посмотрел на юношу и не спеша повел речь по-русски. — В его возрасте я не знал ничего, кроме стремени... Ну-ка, переведи, — и Борис твердо возложил широкую жилистую руку на карту России.

«Нет, он вовсе не скрывает своего не столь высокого происхождения... и жилистой руки... Это признак острого и сильного ума», — подумал старец и сказал Зазе:

— Передай нашему хозяину, сынок: верно, это хорошее ремесло, если знание стремени помогло ему оседлать столь могучего скакуна! — Зосимэ красноречиво поглядел на карту. Заза, волнуясь и запинаясь, перевел все в точности.

Сняв руку с карты, Годунов спрятал довольную улыбку в густых усах, велел Зазе подойти поближе, а своего толмача отпустил.

Зосимэ окинул взглядом Каспийское море, остановился на Тереке. Здесь ломаной серой линией был обозначен хребет... А по ту сторону хребта, там, где находились желанная его Кахети и другие иверские земли, на карте было пустое место.

Годунов протянул Зосимэ угольный карандаш:

— Покажите, где находится Иверия!

Забыв, что нужно переводить, забыв даже свою робость перед Годуновым, Заза затаив дыхание следил за рукой Зосимэ. Вот на карте появились Кавказский хребет, затем Гремы и Кахети, благодатная Алазани, возник и Тбилиси, воздвигся твердыней в центре страны. Кура приняла в себя Алазани. Затем Кутаиси, Рионы и Черное море, иначе Понт Эвксинский, дополнили карту иверской родины.

— Надпишите, — попросил Годунов. — Сумеешь, юноша? — он похлопал Зазу по плечу.

Гремский грамотей лег грудью на стол, как у себя дома, когда переписывал «Хвалу плодам» или «Ростомиани», закусил губу и кончик языка и усердно стал выводить красивые русские буквы...

— А теперь — переведи и объясни!

«Видно он книголюб!» — решил про себя Зосимэ, пока Заза читал Годунову надписи.

Борис тотчас во всем разобрался. Зосимэ приметил, что у его всемогущего собеседника замечательные память и соображение. Он смелее продолжил повествование: описал страны по ту сторону хребта, рассказал о соотношении сил, о засилии турок, сообщил о существовании двух основных путей от Стамбула до Астрахани, особенно же подробно остановился на втором пути, даже велел Зазе записать: путь из Стамбула через Трапезунд — Эрзерум — Грузию — Шемаху и Дербент, до самого устья Волги. Четко охарактеризовал взаимоотношения между Кахети и шамхалом Дагестанским. Не забыл и об Иране, отметил узловые военные и торговые пути. Годунов внимательно слушал сначала самого Зосимэ, потом — дословный перевод Зазы. А старец говорил со все возрастающим увлечением и пылом:

— Кто взял Казань, тот дотянулся до Астрахани... Кто утвердился в Астрахани — тот полновластный хозяин северной части Кавказского хребта. — По внимательному виду Годунова старец чувствовал, что беседа пошла по желательному руслу. Зосимэ стал красноречивее: — Возвеличение Юлия Цезаря началось с того, что он перешел через Рубикон. Рубиконом создателя нового Рима ныне является Терек. Будущее покажет — достанет ли Северной империи моци и прозорливости.

— Терек... Терек... — задумчиво повторил Борис и снова взглянул на карту «Большого чертежа», провел пальцем от хребта до моря.

— Мощь? Мощи и сейчас достаточно. Что ж, остается прозорливость! — Годунов требовал полной ясности.

— Миновав Терек, сразу попадешь во владения шамхала Тарковского, второй оплот турок по эту сторону моря, используемый против русских.

— Под первым разумеется Крым?

— Именно.

Чем больше разгоралась беседа, тем труднее приходилось Зазе, и тем лучше, даже без перевода, понимали друг друга собеседники.

— Кто сломит шамхалов, тот без боев и потерь овладеет Дербентом — первыми вратами Кавказа.

— Разве есть еще и вторые?

— Да, это — Дарьял, но он в наших руках! — Зосимэ показал на карте, даже приблизительно поставил крестик. — За Дарьялом — Иверские земли, свободные, а другие отторгнутые от нас турками. За Дербентом — Баку и Шемаха. А затем опять-таки грузинские владения.

— А что в тех краях значительного? — Борис прищурился и явственно проступило в его чертах татарское происхождение. Видно было, что он и сам отлично осведомлен, но ждет подтверждения от «тамошнего» человека.

— Кто чего ищет... — уклончиво ответил старец.

— Скажем, если торговли? — Годунов тоже избрал обходной путь. Зосимэ понял, что речь теперь пойдет о самом главном.

— Есть там шелк, руда, золотые и серебряные изделия, благовония, красители.

— А если христианства?

— То есть спасения прославленных издревле христиан... — старец несколько видоизменил вопрос. — Там обитают многочисленные грузинские племена... И армяне... Ассирийцы... Гонимые греки... Есть там поруганные святые места...

— Ясно. А возможны ли более высокие цели? — Годунов приподнялся.

— Более великой цели для христиан и быть не может! Так думает вся крестоносная часть человечества. Все новые и древние христиане! — отчеканил в ответ Зосимэ и велел Зазе: — Переведи слово в слово. — И новые, новые христиане — не пропусти. А перед теми, кому дарована богом сила, открыты все пути и по ту сторону Кавказа. — Старец переждал, пока Заза кончил переводить, и перечислил: — На тех же путях — Иран,

Индия, Эрзерум, Багдад, Иерусалим, Трапезунд и самый Стамбул. — Это Борис понял и без переводчика.

Наступило молчание. Зосимэ чувствовал, что собеседник пытается проникнуть в его мысли. Ему нужны были новые доводы. Царский шурин не отличался легковерием.

— Завладев гробом господним, мусульмане завершили падение Константинополя, овладели душою и телом Востока. — Зосимэ встал — в этот миг он показался Зазе проповедником, вещавшим в храме Архангела.

— Все мы, древние христиане Востока, почитаем великой целью нового Рима и предметом упований наших освобождение святых мест и низвержение Стамбула!

Годунов увлеченно внимал красноречивому пастырю с вдохновенным, выразительным лицом, этому суровому иноку, который с новой точки зрения излагал то, что не раз уже было думано в Кремле.

Зосимэ отлично понимал, что он лишь вновь перепахивает уже возделанную ниву, но вскоре перешел и на целину.

— Иверия сплотится воедино и воспрянет, а объединенная Иверия — тоже немалая сила! — старец-мечтатель произнес это скорее для того, чтобы уверить самого себя.

— Немалая сила? — Борис посмотрел на карту, сравнил, измерив пядью очерченное Зосимэ пространство между двух морей с необъятным простором России...

Но Зосимэ перебил его:

— Россия в пору распрей и раздробленности была столь же обширна, но татары легко покорили ее княжества порознь, и веками продолжалось их господство. Огромное царство первого Рима распалось... Необозримое государство тех же татар не существует более. Исчезла с лица земли Золотая орда... По соседству с нами пала великая Византия... А Грузия стоит и ныне — она одна уцелела! Страна истекает кровью, но борется Распадается на части — но все же не теряет надежды! Ныне Грузия последний, все еще жизнеспособный росток, обитель христианства в бушующем море мусульманской Азии! Это ли не сила? — Зосимэ привстал и взглянул прямо в глаза стоявшему рядом Борису.

— Да, сила и немалая.

— Она удесятерится, если Великая Россия окажет помощь! Именно об этом мне хотелось поговорить! — и тут Зосимэ преподнес собеседнику еще одну «целинную» мысль:

— Почему крестоносцы в конечном счете потерпели поражение?

Годунов совсем не ожидал подобного вопроса. К тому же он не знал и не особенно стремился знать прошлое. Будучи сам «человеком без прошлого», Годунов больше жил настоящим и надеждами на будущее.

— Того не ведаю.

— Они шли с Запада, с моря, и тыл у них не был укреплен!

Годунов нахмурился — это уже превосходило его обычную сметливость. Но Зосимэ снова задал вопрос:

— А в чем причина победы турок? Почему они овладели Иерусалимом и удержали его за собой? Почему сокрушили Византию? Взяли Константинополь? И на позор христианам укрепили на куполе Святой Софии вместо креста свой полумесяц? Они шли с Востока сушей, и тыл у них был крепок. Грузия — ключ Востока! Через Иверию, при ее содействии, имея ее в тылу, новая, пробуждающаяся сила России достигнет святых мест и дойдет до Стамбула... Отворит врата небес и моря! Сослужит великую службу вере христовой и сама воцарится над половиной мира! — старец умолк и выжидательно глядел на Годунова.

На истинного кормчего Руси этот грандиозный план произвел глубокое впечатление. Но врожденная осторожность и сдержанность и тут не изменили ему.

— Грядущие замыслы обширны и благостны, — не торопясь, раздумчиво произнес он. — Ну, а что теперь? Поближе к нам?

— Мы просим заступничества, твердого, нерушимого союза и христианского покровительства против засилья мусульман... Точнее — против турок... Ближайший противник, до которого легче всего дотянется ваша рука — шамхал, владетель Дагестанский.

— Руки-то у нас длинные, достают далеко! Мы окажем вам покровительство! — обещал Борис, но Зосимэ нужна была определенность, точный уговор, а не просто слова.

— Сначала нужно проторить путь между Россией и Иверией... А до тех пор — Москва от нас далеко, а Стамбул и Исфагань — близко!

Под этим заявлением инока-посла Годунову почудилось неверие в силу России.

— Оглянись окрест: у нас ли не хватит сил? Имеющий очи да видит! Вот хоть это, — Годунов указал на окно: в нем до половины виднелась громадная колокольня Ивана Великого, вершина ее терялась где-то вверху. — Царская колокольня, по замыслу достойная храма Святой Софии! Верно, видели вы и царь-колокол? Весит не менее тысячи пудов. Завтра или послезавтра покажем вам и царь-пушку, она пока в литейной, а весит две тысячи четыреста пудов! А столица наша? Погляди на стены белого города! Подумай, какое будущее ожидает Москву!

Зосимэ не стал ждать перевода:

— Вижу и царь-книгу, вот эту, что перед нами! Видел люстру в патриаршем Кремлевском соборе... Величиной с доброе грузинское гумно... Есть у вас и царь-бочка из золота и серебра... Двенадцать человек ее катили.

— Есть такая! — подтвердил Борис.

— И царь-барабан выносили на большом смотре... Его тянули четыре лошади, восемь барабанщиков играли на нем одновременно. В ком не пробудит тревоги его рокот?

— Верно! — горделиво приосанился Борис.

Старец обернулся к Зазе:

— Спроси-ка у него, сынок — сколько царей на Руси? И... скажи, кстати, что величина вовсе еще не означает силы! Так говорят по ту сторону Кавказского хребта.

Заза скрыл усмешку и перевел слово в слово.

Годунов застыл от неожиданности. Сначала он опустил голову, хмурые брови его еще больше сошлись на переносице. Затем лоб его разгладился и совершенно неожиданно он весело, от души расхохотался.

Теперь пришла очередь изумиться старцу... Всего больше удивило его, что в глазах у Бориса мелькнуло нечто, роднившее его с царем кахетинским. Что-то было общее у Годунова с Александром, и это привлекло к нему сердце отца Зосимэ.

— Верно! — Годунов закрыл царь-книгу «Большого чертежа». — Так что же нужно для того, чтобы по ту сторону гор Кавказа поверили в нашу силу и доверились нам?

— Поставить новую крепость на Тереке, покорить Дагестанского шамхала, проторить дорогу в Иверию.

— Да будет так!

ГЛАВА XX

ОБИТЕЛЬ МЕЧТАНИЙ И ЧУДЕС

Коренные москвичи, вероятно, немало удивились бы, узнай они о радости грузинского мастера. Да и с чего было радоваться мерзляку-южанину, когда зима обещала быть суровой и снега навалило видимо-невидимо!

Но у литейщика Джабы имелась на то своя причина.

Снег давно уже выпал, однако «уважаемая госпожа причина» все медлила. И хоть не была она живым существом, Джаба не мог думать о ней как о чем-то неодушевленном.

...Царь-пушку должны были перевезти в Кремль перед новым годом.

Ее отлили еще летом, обточили, отшлифовали на Пушечном дворе. Но разве сдвинешь такую махину? Ведь весу в ней — целых две тысячи четыреста пудов! Разве только по большому снегу на полозьях прокатишь.

В городе только и слышно было разговоров что о пушке.

И кахетинцам не терпелось взглянуть на «величайшую в мире». Особенно волновался оружейник Джаба.

Он давно уже обошел всех русских мастеров-оружейников, осмотрел новые ружья — они почти не отличались от крымских и стамбульских. Старый мастер успел побывать всюду, вот только на Пушечный двор его не пустили. А он туда-то больше всего и стремился. А ведь Джаба понимал в литейном деле! Спросите-ка, кто отлил знаменитый колокол «Большой Гремн»? Правда, в Москве были такие громадные колокола, что о «Большом Гремн» и говорить не стоило, но это уже вопрос количества металла, что же касается мастерства, тут Джаба мог постоять за себя.

И вот пришел долгожданный день. Настали крещенские морозы. В Китай-городе, у ограды Пушечного двора, собралось великое множество народа. Сверкал под косым зимним солнцем подмерзший за ночь снег. На бревенчатых помостах перед торговыми и ремесленными рядами плотной стеной выстроился ремесленный люд. Рядом, словно от ворот, сгрудились кахетинцы. Они мерзли, несмотря на теплые меховые шубы. Только взволнованному и разгоряченному Джабе московская стужа бы-

ла нипочем. Небрежно накинув бурку, он стоял в толпе и не спускал глаз с ворот. Ему понадобилось девять пар быков, чтобы втащить на гору гремский колокол... А тут... две с половиной тысячи пудов! Целая колокольня!

Было с чего волноваться! Литейщик помнил наказ царя Александра: «На тебя надеюсь, Джаба! На что мы годны без ружей да пушек? Гляди в оба и возвращайся не только с новыми образцами, но и с новым мастерством!»

Джаба выполнит, непременно выполнит повеление царя кахов! Ведь и сам Джаба понимает, что в это тяжелое время как никогда нужно его родине оружие. Он уже освоил производство ружей нового образца, а вот к пушкарям пока не сумел подступиться. Правда, гремский мастер уже обо всем наслышан, знает, что главный мастер не чужак, а русский — Андрей Чохов, такой же, как Джаба, холоп, ремесленник.

Тревожное движение прошло по толпе, люди засуетились, поднялись на цыпочки и замерли в ожидании. Ворота широко распахнулись, и появились две первые лошади, понукаемые конюхами. Затем показалась вторая упряжка, третья... Из ворот выползла большая цепь, по обе стороны которой тянулись впряженные в нее две нескончаемые вереницы лошадей.

— Сколько их тут! — пробормотал Джаба и принялся считать, но скоро сбился. К тому же мысли его были заняты другим. — Эй, Заза! Вместе с той, короткогривой — двадцать три пары. Считай дальше! — крикнул он, а сам устремился вперед.

А веренице лошадей не было конца. Взъерошенные гривы плыли, как волны, одна за другой, и толстая цепь, выкованная из многочисленных звеньев, со скрежетом тянулась по ветру.

— Шестьдесят одна, шестьдесят две... — считал Заза.

— Виданное ли дело? Кто же мне в Греми поверит? Обзовут старым вралем! — изумлялся Джаба.

После девяностой пары сбился со счета и Заза... Оглянувшись, юноша увидел, что голова запряжки терялась где-то в конце улицы.

Снег скрипел как-то особенно жалостно. Цепь еще раз застонала и натянулась, словно тетива лука. Лошади двигались теперь с трудом, упираясь в мерзлый снег сильными ногами. Вот из-за ворот показались огромные бревенчатые полозья, а на них — темно-серая, могучая, похожая на исполинский срубленный дуб, пушка. Надвигаясь, она словно становилась все больше.

Джаба сначала не поверил своим глазам. Тут из ворот

выбежал человек с перевязанной рукой, вскочил на полозья и прижался к огромному бронзовому телу своего детища.

— Неужто Чохов? — воскликнул Джаба, пробираясь поближе к пушке.

Чохов казался совсем маленьким и невзрачным рядом с пушкой. Чудище на полозьях было так велико, что мастер мог бы уместиться в его пасти. А длиной она была не менее девяти локтей. Перекинь ее мостом через Алазани возле Алаверди — хватит в самый раз. Пушка была отполирована, с позолотой. Джаба различил на ней даже какую-то резьбу.

— Вот это мастер! Молодец, превзошел меня! Какая рука могла сотворить такое? Глянь-ка, человече! Где вы, гремские умельцы? Жаль, не видите этого бронзового чуда! Посмотреть на нее и то страшно... а уж если выпалит — разнесет всю туретчину. — Джаба шел за пушкой и говорил с таким жаром, что идущие впереди невольно оборачивались и прислушивались к непонятной речи. А он, словно проповедуя, все больше входил в раж.

— Чудо-мастер этот Чохов! Золотые руки! Такая десница целого царства стоит!

— Эх, какая там десница... Не видишь — спалил ее бедняга? — возразил Тедо Бацацаисдзе, который немного говорил по-русски и узнал, что еще летом, отливая пушку, Андрей Чохов сильно обжег себе руку.

— Что ты говоришь! Вот жалость! — Джаба шел следом за пушкой и не мог сдержать желания коснуться ее. — А лекаря на что? Эх, будь у меня здесь мазь «турманаули», живо вылечил бы! За такого мастера голову не грех положить. Вот бы к нему нашего лекаря Манасэ Джигаури! Ты только на пушку погляди! Хоть каменным, хоть чугунным ядром выстрелит. — Джаба все-таки дотянулся до чужого детища, уважительно погладил ствол, заглянул и в жерло. — Красавица! А блестит-то, словно зеркало!

Впереди поднялся переполох. Пушка остановилась.

Передние упряжки, достигнув поворота, завернули за угол и собирались выехать на главную улицу, откуда уже недалеко было до Кремля, но цепь, натянувшись, едва не сбила с ног несколько лошадей. Строй смешался. Ни окрики, ни удары плетей уже не помогали: пушка не двигалась с места.

Вновь вспомнил Джаба Гремскую крепость. Когда быки не смогли втащить на нее колокол, впряглись сами гремцы. Встали рядом с быками во всех девяти упряжках. Правда, ку-

да гремскому колоколу до этой пушки, но ведь и людей здесь больше!

— А ну-ка, русские! Гремулад! По-гремски! — крикнул по-грузински Джаба столпившимся людям, забросил свою бурку на пушку и, став посередине между обеими лошадьми хвостовой пары, взялся за цепь. — По-гремски, «Греми русо!»

— Греми да грянь, — подхватили горожане, по-своему истолковав его возглас. Люди смешались с лошадьми, схватились за цепь.

— Ну-ка вместе... По-гремски! Да быков и буйволов погоняйте! — кричал Джаба.

— Буйволов? — загрохотал Бацацаисдзе. Он был большим шутником, а тут и случай представился позабавиться.

— Мастер! Пахарь! Ты по-русски им втолкуй, они ведь грузинского не понимают. Да и скотину видимо, не различают, думают — это кони!

— Понимают! Понимают! Видишь, пошли за мной! Вместе! Все вместе! Хии-хо! — Окрики Джабы терялись в громком говоре толпы.

— Ради тебя выучились! А ну, еще! Поговори с ними... Не лишай своей мудрости... Ну, а тянуть уж буду я, так и быть. Птвее-хоо![1] — Тедо шутил, но усердно налегал на цепь.

Общими усилиями миновали поворот и выволокли пушку на площадь. Теперь уже сани двигались бесперебойно, но никто все же не отпускал цепи. С радостными криками, не щадя сил, тащили люди громадину — пушку.

Джабе казалось, что не цепь, а зажженный фитиль соединил сердца, и огонь бежит по нему от одного конца к другому.

Люди проводили пушку до самых ворот Кремля.

Старец Зосимэ взирал на эту картину со стороны. Бурный поток чуть было не подхватил и его. Вначале посол ничего не мог разобрать в нескончаемом потоке коней и людей. Припомнилась ему виденная когда-то в Афинах старинная роспись... И здесь, словно кентавры, слившись воедино, шли люди и кони. Приглядевшись, отец Зосимэ заметил женщин, впрягшихся наравне с мужчинами.

— Сила всеобщего единения! Народ с большим будущим... Быть может, он принесет нам спасение... — задумчиво произнес он.

---

[1] Хии-хо! Птвее-хоо! — окрики, которыми понукают буйволов.

У ворот Кремля стража с трудом оттеснила толпу от пушки. А Джаба совсем потерял голову, и даже не чувствовал ни холода, ни усталости. Чохов сбросил ему здоровой рукой бурку, помахал перевязанной правой, крикнул зычным басом:

— Спасибо, брат! — и вместе с пушкой исчез за воротами...

— Жаль руку-то! И какой огонь ее обжег? Вот бы «турманаули», — вздохнул Джаба.

— Есть у меня эта мазь... Халиана дала в дорогу, — шепнул ему Заза. — Помогает от ожога и от обмораживания!

— Молодец! — вскричал мастер. — Я этим бальзамом когда-то свои ожоги вылечил! — обрадовался Джаба и потащил мальчика к отцу Зосимэ.

Вечером Джаба робко стучался в ворота Пушечного двора. Из-под бурки гремского мастера торчали кончик бурдюка и рукоятка кинжала. Джаба поморщился, поправил бурку. Во взгляде его и движениях чувствовалась неловкость. О том, что он ушел из монастырской гостиницы, кроме посла, знали лишь Заза и Гедо. Джаба жил в одном помещении с ними. Остальные кахетинцы расположились рядом, тоже по три человека в комнате. Только духовным лицам были отведены отдельные кельи-молельни. Хозяева засветло приглашали гостей к вечерней трапезе, а после нее, ненавязчиво, но тщательно проверяли, все ли на месте, и удалялись, пожелав покойной ночи! Ворота обители на ночь накрепко запирались. Зосимэ давно уже заметил, что чужеземных послов в Москве ограничивали в свободе передвижения. Грузинам обычай этот в мирное время был чужд. Но старец заметил также, что кахетинцы, сравнительно с другими посольствами, пользовались большими правами и преимуществами. Поэтому он молчал, памятуя к тому же что в чужой монастырь со своим уставом не ходят.

Кахетинцы частенько нарушали предписанный посольству жесткий распорядок. То бывало Гедо убежит пошататься по городу, то Саргис — потолковать с русскими купцами. А сегодня даже степенный Джаба пустился на хитрость: сначала притворился спящим, а затем с помощью друзей благополучно выбрался из монастыря. Теперь уж ему до утра не попасть назад в обитель.

Но не это беспокоило Джабу — где-нибудь да проведет он морозную московскую ночь. Хуже другое: он, Джаба, страстный любитель споров и дружеских бесед, всеми уважаемый участник гремских сходов, здесь, в России, оказался безъязыким — хуже, чем немым!

Другие запомнили десяток-другой самых необходимых слов и кое-как объяснялись с русскими. Ведь времени-то было достаточно! На одну только дорогу ушло полгода, да и в Москве порядком задержались сначала в ожидании аудиенции у царя Феодора Иоанновича, а потом из-за переговоров с Борисом Годуновым.

Вот Заза — толковый парень, он уже отлично владеет языком. Издавна говорит по-русски Куршита. Старый Зосимэ тоже все понимает и может вкратце ответить на вопрос. Инок Кирилэ и другие члены посольства и те выучились. Даже болтун Тедо Бацацаисдзе без стеснения коверкает русскую речь. Только у Джабы ничего не получается, ну, точно сглазили человека!

В воротах показался сторож...

— Чохов! — самозабвенно крикнул ему Джаба. — Андрей Чохов!.. Больше ничего не спрашивай, рус! — И пока сторож силился его понять, шагнул во двор.

— Лекарь, что ли? — и сторож указал на низенькое бревенчатое строение.

— Да не леки![1] Грузин, кахетинец из Греми, — ответил Джаба по-грузински.

Неизвестно, долго ли еще продолжался бы этот разговор, если бы его не прервал отчаянный крик боли. Джаба узнал голос Чохова. Одним прыжком он достиг двери и, не постучавшись, толкнул ее. Очутившись в сенях, он отворил еще одну дверь и наконец оказался в жилом помещении.

За столом сидел Чохов, двое мужчин держали его обнаженную руку, прижав ее к столу, а лекарь отдирал раскаленными щипцами сморщенную, пузырившуюся кожу.

Чохов обливался холодным потом и стонал. А у печи хлопотали заплаканные бабы, они раскаляли в огне еще одни щипцы, молясь и причитая.

Когда-то и Джабе пришлось испытать боль ожога. Но тут было похуже — растравляли старую рану! Мастер из Греми разгневался: «Такую руку калечить, безбожники!»

Сбросив бурку, он положил на стол бурдюк и с силой оттолкнул щипцы. Железо обожгло его. Разозлившись еще больше и не умея объясниться, Джаба прибег к «языку силы» и заставил лекарей выпустить руку Чохова.

Все разом зашумели, засуетились. Один Чохов молчал и

---

[1] Леки — лезгин (груз.).

с удивлением поглядывал то на странного гостя, то на пузатое чудище, лежавшее на столе.

Джаба достал склянку с бальзамом, врученную ему Зазой, и показал ее сначала пушкарю, а затем и встревоженным лекарям. Но эти глупцы продолжали спорить с ним, кликнули сторожа, схватились за дубины.

Джаба выхватил кинжал и решительно шагнул вперед. Те отпрянули и замолчали. Джаба удивился — он ведь не ударить хотел — просто так легче было объясниться!

— Сам же этим, мной же выкованным, кинжалом руку себе отсеку, если за месяц не вылечу! — Джаба говорил по-грузински, но подкреплял свою речь такими выразительными жестами, что Чохов все понял..

— Кто ты? — спросил он пришельца. — Басурман?

Джаба догадался:

— Христианин я, грузин! — буркнул он, но видя, что его не понимают, обернулся к висящим в углу иконам, перекрестился.

Женщины тотчас поставили стул, усадили гостя. Андрей оглянулся на своих мучителей и заговорил. Джаба все понял. На месте Чохова, он, наверное, сказал бы то же самое. «Ну что ж, попробуем и это! Вы уже четыре месяца меня пытаете, скоро всю руку начисто сожжете. А он свою руку готов прозакладывать. Разве вы решитесь на такое? Вижу, человек мне добра желает. И днем помог, на площади, с пушкой. Узнал я его!»

Да, Джаба все понял. Так сразу, нежданно-негаданно «научился» по-русски! В самом деле, что еще иного мог сказать Чохов? Зачем иначе встали и ушли незадачливые лекаря?

Гремский мастер подошел к печи, отыскал горшок с кипятком и, накрыв его крышкой, вынес на двор, чтобы остудить в снегу. Попутно он припоминал, как действовал гремский лекарь Манасэ Джигаури, когда лечил его собственные ожоги.

Когда Джаба снова вошел в комнату, бабы уже успели утереть слезы и, едва сдерживая распиравший их смех, разглядывали бурдюк — диковинное чудище с деревянной затычкой вместо пупа. Андрей здоровой рукой пробовал лезвие кинжала. На столе уже красовались бутыль с самогоном и всякая еда.

Превозмогая боль, Чохов наполнил чарку гостю, но тот вспомнил, как однажды разгневался на него Манасэ, почуяв

во время лечения шедший от больного водочный запах. Лекарь разрешал ему пить только вино, и то в меру — не более трех-четырех чаш в день. Но как дать понять это Чохову? Вообще-го Джаба был степенным воспитанным человеком. Но до этого ли было сейчас? Не долго думая, он выхватил из рук хозяина чарку и выплеснул водку в печь. Потом одним взмахом кинжала так ловко сбил горлышко с бутылки, что основание ее даже не шевельнулось. Так Джаба поймал двух зайцев сразу — наглядно запретил Чохову пить водку и блеснул перед ним качеством гремской стали.

— Ты что? — удивился Андрей.

— Какое там «пишто»[1], это гремский кинжал! — с гордостью сказал Джаба.

Чохов отставил обезглавленную бутылку и, взяв у Джабы кинжал, с интересом стал разглядывать клинок.

Бабы примостились в углу, подперли руками подбородок и опасливо поглядывали на «лекаря», говорившего лишь на «языке кинжала».

Джаба принес остуженную воду, осторожно обмыл руку Андрея обмокнутым в нее чистым гусиным пером, немного подсушил рану и тонким слоем нанес на нее белую мазь «турманаули». При этом он все усиливался вспомнить: так ли в точности проделывал это лекарь Манасэ? Потом, щедро пропитав бальзамом чистую тряпочку, наложил ее на ожог и перевязал больную руку чистым полотенцем.

Боль утихла. Удивленный Андрей улыбнулся гостю, а тот расхаживал по избе, как хозяин, разыскивал что-то. Наконец он обнаружил большую чашу, развязал бурдюк, слегка подул в него — и полилось темно-красной струей густое саперави. Бабы, вытаращив глаза, дивились новому колдовству лекаря. Но когда Джаба протянул Чохову полную чашу, они заголосили и, схватив своего Андрейку, оттащили его назад.

Джаба понял причину их испуга. Он поднял чашу, благословил всех по грузинскому обычаю, пожелал Чохову скорого исцеления и, перекрестившись, выпил. А выпив, провел с блаженным видом рукой по усам. Давненько не приходилось ему отведывать доброго вина. Этот бурдюк был взят из неприкосновенного запаса. Джаба снова наполнил чашу, подал ее Андрею.

Тот, поверив руке, с удовольствием погладившей усы, слег-

[1] Пишто — пистолет (груз.).

ка пригубил неведомое питье, да так и не смог оторваться. Лицо его озарилось улыбкой.

Успокоились и бабы. Дали странному гостю умыться и угостили его пирогами и ватрушками.

Приятное «лекарство» было испробовано еще дважды, и недоразумение между Чоховым и лекарем было улажено. Вот только бабы никак не могли понять, почему целебную кровь этой «безголовой твари» так охотно пьет сам лекарь: ведь у него-то нет ожогов! Только когда немного погодя Андрей и Джаба затянули свои родные песни, уразумели бабы суть «лекарства». Целых четыре месяца эти стены не слыхали ничего, кроме стонов. А теперь... Андрей пел, то поднимая вверх больную руку, то обнимая ею за плечи своего исцелителя.

Чудное творилось с ними — еще недавно мастеров разделяло незнание языков, а теперь, полные общей радостью, они отлично понимали друг друга.

Осушив третью чашу, Джаба вновь вспомнил наставления Манасэ Джигаури и завязал бурдюк.

После встречи с Борисом Годуновым русско-грузинские переговоры пошли гораздо быстрее и успешнее. Вежливый, но непроницаемый и сторонившийся раньше послов Щелкалов стал сразу дружески-сердечным. Была выработана основа для соглашения: «Владетель и покровитель Иверских земель Александр просит, а русский государь берет на себя покровительство христианских православных земель...»

Для уточнения условий взаимопомощи Россия должна была отправить в Кахети ответное посольство. Зосимэ было известно, что в Кремле уже идут приготовления. Писались полномочные грамоты, составлялись наказы, по которым должны были действовать послы. С Зосимэ согласовывали предварительный текст «Клятвенной грамоты» для царя Александра. Выбирали ответные подарки.

Отъезд русских и кахетинских послов, конечно, уже нельзя было держать в тайне — поэтому, следовало проявлять большую осторожность и предусмотрительность. Предстояло еще подобрать соответствующий конвой. Словом, ставилась задача не только доехать до места, но и придать приезду русских послов в Кахети видимость военной помощи.

Этого требовала внешняя и внутренняя политика Кахети. А в дальнейшем крепость на Тереке и поход русских на владе-

ния шамхала должны были окончательно укрепить новый русско-грузинский союз.

На всем пространстве до Терека хозяевами были русские; за Тереком начинались владения горских племен, проехать по которым было не простой задачей. Предусмотрительный Александр именно для этого послал с кахетинцами черкеса Куршиту. Тот отлично был осведомлен обо всех сложных взаимоотношениях многочисленных владетелей гор и долин Северного Кавказа. Он и Щелкалов действовали сообща — разрабатывали маршрут, выбирали наивыгоднейшее направление, составляли соответствующие грамоты и заготовляли «дорожные» подарки.

Кахетинцы надеялись, что отправятся к началу осени в обратный путь и вернутся на родину не с пустыми руками.

Надежда легко порождает радужные мечты. И кахетинцы радостно думали:

— Грузия, как Амирани, прикованный к скале! Сила и мощь России помогут ей разорвать свои цепи, и тогда все увидят, какая сила таится в Иверии!

Один лишь Зосимэ сознавал в глубине души, что перейти через Рубикон-Терек России пока будет не так легко. И не только из-за дальности расстояния или какой-либо внешней причины, а из-за сложной внутренней обстановки.

Лестница общерусского «единства», выкованная с неумолимой жестокостью Иоанном Грозным, вела вверх, но в ней было немало непрочных, покачивавшихся под ногами ступеней, и это ощущалось на каждом шагу.

Лишь одно с несомненностью понял старец после приезда в Москву: «Россия безусловно гораздо сильнее, чем Турция или Иран». Нет, Зосимэ не обманывал себя, он осторожно сравнивал силы всех троих, размышлял в свете этих мыслей о судьбах Кахети и Иверии. «Турция мощное государство, но она лишена творческой способности... Сила ее — сила разящего меча, непрочная и преходящая... Иран, находящийся ныне в стесненном положении, — тоже великая сила, хоть и поколебленная, но издревле обладающая творческим началом. А эта третья сила — новая, растущая... Ей принадлежит будущее. Но созрела ли она настолько, чтобы стать Новым Римом?» — Спрашивал самого себя монах и отвечал двояко: «Да!» — взывали надежда и вожделенная мечта... «Пока еще нет!» — шептали холодный рассудок и осторожность.

— Уляжется, отстоится бродящее вино — и что тогда? — Тут сомнения овладевали его душой. — Сила и мощь ее будут

необычайны... И недалеко это время. Но... Довольствуется ли тогда наш покровитель одним лишь «покровительством»?

Ночи напролет проводил Зосимэ в думах — подводил итоги, спорил с самим собой, даже исповедывался перед собственной совестью. Он ведь брал на себя огромную ответственность! Появление столь большой силы за горной цепью Кавкасиони могло все перевернуть вверх дном. Каждый шаг, каждый поступок были головоломной задачей, решение которой было исключительно важно для будущего.

Нечто странное произошло с благочестивым иноком. Он стал меньше молиться. Как-то не лежала душа к молитве в огромных, обильно украшенных золотом и серебром храмах-лаврах. Этим богатым, изящно написанным иконам недоставало простоты, а с ней и святости. Там, далеко... В Алазанском краю, иконы старинной росписи источали иную благодать... Простые, без всяких украшений... В пещере Борбало, где он искал и обрел спокойствие духа...

— Неужто существует древнее византийское, грузинское и нововизантийское — русское христианство? — Но строгий догматик не мог принять подобной разницы. — Бог един! Аминь и аминь! — И вновь старец сражался с цепью Амирани, вспоминал слова, сказанные ему Александром на прощание: «Грузия не сумела преодолеть свою раздробленность... Своими силами справиться с внутренней рознью... Самцхе погибло... Гибнет Картли... Имерети и Мегрелия, истощив друг друга в междоусобной войне, подпали под иго рабства... Кахети хромает на обе ноги — она сейчас на волосок от беды! Горы — в тупике, завоеванные оползнями, оторванные от мира. Долину затопил поток мусульманский... Куда же заведет нас холодный расчет? Необходим сильный покровитель... И как можно скорее. Иначе будет поздно! Поезжай, взгляни на Россию и решай — можно ли ждать оттуда покровительства и помощи, есть ли у нее сила для этого».

И вот Зосимэ здесь! Он должен дать ответ, решающий ответ... Никаких половинчатых решений... Да или нет!

Больно кольнуло сердце старца Зосимэ воспоминание о выборе перед образами. И сейчас в пламени коптилки мерещится ему страдальческое лицо царя, и бледный луч зари, проникающий в окно, напоминает улыбку заложников-царевичей. А за этими заложниками стоит ведь не только царская семья, а вся Кахети. И если проникнуть взором глубже — судьба всей Иверии! Возможно, пасынком быть лучше, чем залож-

ником... «Даже пасынком судьбы?» — воскликнул Зосимэ... Он продолжил мысленную беседу с собой. «Меньшее зло... Не назвать ли его иначе — ущербным добром?.. Мусульманскому плену мы предпочтем покровительство единоверцев христиан», — заключил инок, сложил руки на груди, поднялся. Сомнения не отпускали его; но все-таки он был полон надежды.

— Нет, до полной гибели не дойдет! Внутренние силы принесут обновление... Зерно прорастет, поднимется колос. Непременно, неизбежно! Дальше душа его исполнялась молитвы—не перед образами, не при свечах, а во тьме с закрытыми глазами и умиротворенным сердцем отрывался он от настоящего и бродил в далеком прошлом или в будущем, вспоминал грузинских богов всех времен, всех иверских мучеников и самопожертвователей и исполнялся надежды.

— Бог един! Аминь и аминь! — суровый пастырь открыв глаза, молился на этот раз перед распятием.

А русско-грузинские переговоры протекали все более слаженно.

Успешно шло и лечение Чохова. Раз в три дня навещал Джаба своего нового друга. Три запрета наложил мастер на Чохова: не пить водки, не ходить в баню и не разглашать имя лекаря.

Бурдюк уже не так распирало. Лекарю приходилось долго его надувать прежде чем нацеживалось вино. Андрею полегчало, снова он спал богатырским сном, вернулся и вкус к еде. Крепкая дружба соединяла теперь мастеров. Степенно беседовали они — говоря каждый о своем, и не смущаясь, что получается невпопад, смеялись от души. Джабе удалось таки втолковать Андрею, что он и сам мастер-оружейник. Это сблизило их еще больше. Чохов осмотрел кинжал придирчивым глазом и похвалил работу, выразительно подняв кверху большой палец.

Джаба тотчас снял кинжал вместе с поясом и кожаной баклагой и подарил их Чохову.

Андрей повел своего друга в оружейный цех и показал ему различные ружья. Кахетинцу особенно понравилось одно, с кремневым курком, и Чохов отдал ему ружье вместе с кожаным чехлом.

Через две недели Джаба еще раз снял повязку с руки Чохова. Рука зажила — нежная, словно шкурка инжира, кожица затянула рану. Радость Андрея не имела границ — мастер снова мог владеть рукой! Домочадцы его молились на Джа-

бу. А тот опять наложил на рану бальзам, перевязал руку и сказал, выразительно двигая растопыренными пальцами:

— Через семь дней сведу тебя в баню, и делу конец! Можешь после этого всласть заниматься своими пушками! Врагто у нас один! Эх, поговорить бы с тобой по душам! — и Джаба стукнул себя кулаком в грудь.

В конце недели гремский мастер зашел к старцу Зосимэ и почтительно попросил отпустить с ним толмача Зазу Кахниаури.

— Только возвращайтесь вовремя или Зазу отпусти домой пораньше! — наказал ему старец. — Помните, мы сейчас в стране чудес. Все что увидите — запоминайте; все важно, все пригодится! — а про себя Зосимэ подумал: «Русские обещали дать нам пушкарей и литейщиков, но когда еще это будет... А вот если Джаба сам чему-нибудь научится, будет не плохо!»

...Молодой толмач попал в переделку! Он сидел между двух пушкарей и каждый кричал о своем, стремясь сразу узнать все, что его занимало, — об ожогах и о лекарстве, о пушках и колоколах, о России и Иверии. Заза даже вспотел с натуги. Куда легче было ему быть переводчиком при беседе Годунова и отца Зосимэ!

Женщины, глядя на эту картину, дивились и смеялись. Наконец сердобольная хозяйка не выдержала и, расставив свои могучие руки, накинулась на обоих мастеров:

— Дайте вздохнуть кудрявому! В чем он провинился? Разорвать готовы парня...

Чохов сперва нахмурился, осерчал на жену, потом рассмеялся, хлопнул Зазу почти уже здоровой рукой по плечу и неожиданно предложил:

— Пошли в литейную! Я покажу вам, на что способны эти руки! — и словно не доверяя переводу, схватил Джабу за руку и потащил.

Гремский мастер во все глаза глядел на давно желанное зрелище. На просторном дворе расположились две литейные избы, кузница, формовочные склады, тут же валялся грудами железный лом, а рядом виднелись громадные весы и колодец с воротом. А в стороне на бревенчатом помосте лежали пушечные стволы. Одни походили на опрокинутые виноградные давильни, другие распластались, словно сверкающие лососи, выброшенные на берег.

И почудилось Джабе, будто все эти пушки ожили и, по-

вернувшись в сторону захватчиков-басурман, грянули в один голос.

— Вот бы нашему народу эту силищу! Тогда прославилось бы Греми! — обернулся он к Зазе.

По другую сторону стояли новенькие колокола. Словно цыплята к наседке, жались они к огромному колоколу. Некоторые, надбитые, лежали вверх дном, напоминая мастеру вынутые из земли сломанные квеври.

При входе в формовочную глаза резнул блеск расплавленного металла, лившегося из печи.

— Колокола и пушки малого размера мы теперь и зимой отливаем, — с гордостью разъяснил мастер, окинув взглядом своих многочисленных учеников.

Другую печь заправляли металлом. Рядом стояла доска, с написанными на ней числами, весовым составом сплава.

— Списать не дам, не дозволено, а коли что так запомните — на здоровье, братья-христиане! — сказал Чохов, и пока Заза переводил, добавил: — Не отпустят меня, а то поехал бы и я к вам, в страну храмов и виноградников. Поглядели бы вы тогда на колокола и пушки!

— Вот это человек! — вскричал Джаба. — Заза, учи наизусть... Клянусь своими усами, пригодится.

Он оставил Зазу у доски, а сам внимательно принялся изучать печь.

И еще раз пришлось Зазе «учить наизусть», когда они попали в пороховой цех.

— Смотри-ка! А русский порох не нашего состава! — удивился Джаба, взглянув на таблицу с весами селитры и угля. — Попробуем и так! Авось пригодится для будущей пушки!

Чохов объяснял гостям, как пользоваться «огненным боем» в борьбе с басурманами...

А в кузнице Джаба скинул чоху и, надев кожаный фартук, показал хевсурский способ закалки холодного оружия; в ружейном цехе он поделился гремским секретом воронения дула.

— Ты — мне, я — тебе. Теперь мы в расчете, — Джаба снял фартук и с сомнением спросил Зазу: — А выйдет это у тебя по-русски, парень?

— Справлюсь!

— Смотри, не подведи... Ну, уж гремская пушка за мной...

Поздно вечером возвратились довольные гости в избу Чохова. Здесь ждало их обильное угощение: щи, сало, дичь, разнообразные пироги, вареники, ватрушки... Джаба в последний

раз надул бурдюк и наполнил чаши. Ели долго. В ознаменование выздоровления Андрея налили и бабам «чертовой крови».

Когда хорошенько поели и попили, Джаба снял с руки Чохова повязку, выбросил все тряпицы, вытер мазь и, оросив зажившее место кахетинским вином, сказал:

— На счастье, северный брат! Тысячу колоколов и пушек! Не забывай в своих молитвах и делах виноградный сок Грузии и добрую силу «турманаули»!

...Но Андрей счел такое «омовение» неполным. Он велел принести простыни, полотенца, березовые веники и повел кахетинцев в русскую баню.

Мороз усилился. У идущих заиндевели лица, хотя баня оказалась совсем недалеко. Приблизившись, кахетинцы остановились в изумлении.

Во дворе, у самого входа в баню высился огромный сугроб. Низенькая дверь выглядела пушечным жерлом. Она то и дело распахивалась, из клубов пара, словно ядро, вылетал докрасна распаренный человек и, вздымая снежную пыль, с хохотом прыгал в сугроб.

— Пушкари мои забавляются! — пояснил Андрей.

— Ну, смотри, что за народ! Нет, с ними не пропадешь, слава тебе господи! — Снова вспомнил Джаба свою терзаемую многочисленными врагами родину и пошел вслед за Андреем.

ГЛАВА XXI

АЛАЗАНСКОЕ РУЖЬЕ

Из России не было никаких вестей. Казалось, север поглотил кахетинское посольство.

А время шло... В Кахети наступила зима, за нею пришла весна, приближалось лето. Прошло уже больше года. Истекли все самые крайние сроки. Турецкие и иранские послы, уехавшие позже, давно уже достигли своих столиц и скоро вновь тронутся в сторону Греми с новыми угрозами и требованиями. А север безмолвствует, не решен и вопрос с «осиным гнездом».

«Неужто Москва настолько дальше Стамбула, Исфагани и Тегерана?» — угрюмо размышлял Александр. Вместе с тревожными мыслями подкрадывалась к вискам седина, лицо бороздили новые морщины, щеки становились все бледней.

Узлы, завязанные Александром в надежде на «Северное сияние», превращались в ловушки, угрожавшие ему самому. И вновь никакого просвета... В последнее время начались смуты внутри страны. К набегам лезгин прибавилось брожение среди крестьянства. У Джорджадзе и Эндроникашвили спалили снопы... У Макашвили перебили скот... У Абелишвили вырубили виноградники... У тушин, спустившихся в Ширакн с гор, угнали овец и подбросили их царским пастухам... Джандиери и моуравы сбились с ног, но так ничего и не выяснили... А владетельные князья в один голос требовали суда и возмещения убытков или свободы действий против внутренних врагов.

Александр отлично понимал, что́ это означает, и старался по мере возможности всех рассудить сам. Но царю никак не удавалось выяснить, кто мутит воду, чья рука сеет смуту. Особенно удивило его похищение овечьих отар у тушин.

— Кому-то мало неурядиц в долине — не терпится натравить на меня горцев! Не бывать тому! Кто бы это ни был, дознаюсь и воздам по заслугам! — и царь рассылал по стране многочисленных лазутчиков и соглядатаев.

И вот одновременно случилось два подозрительных происшествия: в Кеди — уже не впервые — убили недавно назначенного моурава, и совершенно неожиданно царя посетил Нугзар Эристави.

Александр спешно послал в Кеди Джандиери, повелев ему провести строжайшее дознание, схватить старейшин села и доставить их в Греми. А Нугзара пригласил к себе и принял его в саду, приказав накрыть стол на двоих в беседке «фонтана слез».

Из глаз каменного оленя по-прежнему струился ручеек. В бассейне плавали форели, сверху свешивались крупные гроздья незрелого винограда. Все было как прежде. Только старца Зосимэ не было с ними, и Александр даже не знал, вернется ли его наставник и соратник, отправившись в столь дальние страны в поисках надежды...

— Мой Нугзар! Девять лет не встречались мы на этом месте... Сколько слез вытекло из глаз этого оленя!

Нугзар потихоньку пересчитал на пальцах годы... «Тогда был год 1578, а нынче — 1587».

— Истинно так, государь! Уж девять лет минуло с той поры как мы собирались идти войной на Картли!.. Тогда и старец Зосимэ был тут... Значит, он не покидает пещеры Борбало, совсем отвернулся от нас? — словно невзначай спросил Нугзар.

— Да... В делах божьих и монашеских трудно все предусмотреть... Будь ты даже царем или эриставом!

Царь заговорил о другом, но Нугзар настолько увлекся своими мыслями, что не заметил этого «побочного» хода. Стали вспоминать давние времена. Ели много, а еще больше — пили.

Постепенно Нугзар повел беседу по иному руслу:

— В моей вотчине крестьяне по примеру вольных, а скорее своевольных горцев, чинят смуты... Не платят оброка... многие бегут в горы!

— И в Кахети то же самое, — поддакнул Александр. Он уже обо всем догадался и безошибочно знал, что нужно Нугзару... То было всегдашнее и заветное стремление эристава владычествовать над горами. Об этом просил он царя и раньше в этой самой беседке. И год тому назад в Телави... Все ясно... Но почему именно теперь? Эристав сидел, подбоченившись. Царь взглянул на крупную руку Нугзара, выделявшуюся на фоне куладжи неяркого цвета. «Не она ли сеет смуту и внутренние распри?»

— И мои крестьяне бесчинствуют. Слыхал, верно, взбунтовались в Кизихи! — солгал Александр, — в Бодбисхеви разрушили церковь, ранили князей.

Нугзар удивился:

— Не слыхал об этих случаях... Значит, зараза непокорности проникла с гор не только ко мне?

Александр правильно оценил невольный возглас Нугзара «эти случаи». Значит, о других случаях владетель Саарагво осведомлен отлично, решил Александр и раскинул сети хитрее:

— Самые непокорные — тианетцы; не от арагвинцев ли заразились? Поубивали моуравов... Верно, и до Арагви достигли слухи?

Нугзар заколебался, будто даже заподозрил что-то.

— Про одного моурава слыхал, но про нескольких, да еще в Тианети, не ведаю.

Больше Александру не было нужды ни о чем расспрашивать: о мураве, убитом вчера ночью в Кеди, не то что в дальнем Саарагво, даже и в Кахети пока никто не знал. Нугзар сам выдал себя с головой.

— Нужно сообща что-то предпринять против этих смутьянов, государь, затем я и приехал, — неторопливо заговорил Нугзар. — Девять лет тому назад мне было обещано расширение границ Саарагво до самого Мухрани. Но этому не суждено было сбыться. Не о том, однако, речь. Сейчас я легко могу придвинуть к Мухрани свою границу. Но мне не хотелось бы ничего предпринимать за вашей спиной... Не хочется и притеснять вашего будущего свата, — длинно и обстоятельно излагал свои мысли Нугзар.

«Все у него обдуманно и заранее предусмотрено, — отметил про себя царь. — А насчет мухранской границы — это замаскированная угроза перейти на сторону картлийского царя. О моем будущем родстве с Ашотаном Мухран-батони Нугзар тоже пронюхал. Теперь потребует от меня Хеви. Ждет моего согласия, а войска небось давно готовы к набегу. Вернется к себе, и тотчас вденет доспехи», — царь слушал витиеватую, изобилующую скрытыми ходами речь Нугзара и отбрасывал шелуху, добираясь до ядра Нугзаровского орешка.

Александр предпочитал, чтобы жители Хеви были свободны и независимы. Во-первых, это оплот против того же Нугзара... И без того арагвинец слишком занесся, а если станет полновластным хозяином гор, так и вовсе перестанет подчиняться властителю Алазани. К тому же, если будет на то божья воля, северное посольство возвратится с успехом, и пока княжество шамхала Тарковского стоит нерушимо, единственный путь на север ведет через Дарьяльские ворота.

Нугзар тем временем продолжал:

— В позапрошлом году в Телави мне было предложено вами Тианети и звание великого эристава. Тогда это не удалось осуществить, нужно было упорядочить внутренние дела страны. Теперь, однако, выясняется, что моуравы не в состоянии угомонить непокорных крестьян.

Царь наклонил голову в знак согласия. «Понятно... Вот она, рука сеющая смуту... Ее нужно укоротить, непременно нужно укоротить!» — тут-то пригодилась Александру присущая ему находчивость:

— Значит, Хеви и есть гнездо смуты и непокорства?

— Да, государь.

— Значит, придется усмирить их силой... но мне теперь некогда, я должен отправиться в Тианети, — Александр в упор поглядел на Нугзара.

— Готов служить, государь. Уж я заставлю непокорных склонить головы перед вами и овладею дорогой от Хеви до Саарагво, можете на меня положиться. — Нугзару не удалось скрыть своего удовлетворения, и он широким жестом огладил усы.

«Сеющая смуту рука», — снова подумал Александр. — «Рано радуешься, смотри еще заставлю тебя рвать в ярости эти усы!» — Александр успел все обдумать, но делал вид, будто колеблется.

— На этой неделе я затеваю охоту. Поохотимся, побеседуем, посоветуемся... Возьмем с собой и твоего сына Баадура.

— Благодарю вас, государь. — Нугзар по-своему понял слова царя. — Сына я пришлю. А сам... известное дело — горные дороги, подготовка...

Казалось, обо всем уже было договорено, но Александр хотел узнать срок горного похода...

— Когда пришлешь Баадура? Хочу порадовать царевича Ираклия.

— Завтра же, государь!

— Смотри, не покидай меня до приезда сына...

Нугзар любезно развел руками и в знак согласия чуть выгнул шею, не склоняя, впрочем, головы. Только он один осмеливался кланяться царю подобным образом.

Хоть Нугзар и был уверен в своей победе, но все-таки не ожидал столь быстрой уступки. «Видно, Александр уж очень напуган непокорностью крестьян... А что касается Севера, там верно и впрямь у Александра одни торговые дела... Иначе разве царь согласился бы запросто отдать мне Хеви и Дарьял?» — решил арагвинец. Правда, государь брал у него в «заложники» сына Баадура, но Нугзар решил, что Александр просто хочет получить свою долю из хевской добычи.

Как только слуги отвели Нугзара в удобные покои, Александр тотчас отправился из своей спальни потайным ходом в замок. Джандиери, возвратившийся из Кеди, был уже там.

— Выяснил что-нибудь?

— Ничего нового, государь, моурав убит кинжалом в спину. Убийца оставил клинок в ране. Жители деревни клянутся, что невиновны.

— Кого ты привел?

— Деда Окро, Хоситу Шилдаури, Хапро Кандарели, полевого сторожа Каку и Мачучу, прозванного Кохсаламурой...

— Покажи кинжал...

Давид взял с занавешенной полки и положил на стол деревенское ружье и кинжал. Царь внимательно осмотрел его. В желобах еще виднелась запекшаяся кровь.

— Не похоже на кахетинское изделие! — заключил царь и вопросительно посмотрел на Давида.

— Вы правы, государь.

— Приведи кедцев сюда. — Александр повертел кинжал, задумался: «Клинок, кажется, хевсурской или арагвийской работы... Нет, сердце не обманывает меня, это козни Нугзара!»

Когда царь очнулся от дум, перед ним, понурив головы, стояли со связанными руками, жители Кеди...

— Живет у вас в селе или в окрестностях какой-нибудь хевсур? — спросил Александр.

— Нет, государь, в нашей деревне нет. На том берегу Алазани, в Вардисубани есть один — Бахута Джинчараули... Тот самый, что привел вас на праздник освящения очага. — Дед Окро запнулся и опустил голову.

— И тогда тоже речь шла об убийстве моурава — задумчиво подтвердил Александр и обернулся к Джандиери. — Пошли за Бахутой!

— Не извольте беспокоиться, государь! В этом деле и мы не замешаны, а он и слыхом о нем не слыхивал.

Но Александр, казалось, не обратил внимания на слова деда Окро.

— Не шатались ли какие-нибудь чужаки, подозрительные люди около вашей деревни? — снова задал он вопрос и помедлил... Нет, они не виновны, царь это ясно чувствовал, но теперь иная забота владела им.

— Нет, никого мы не видели, государь... Не возьму греха на душу!

— Арагвских никого не замечали поблизости? — продолжал допытываться Александр.

Все молчали. Наконец полевой сторож Кака кашлянул:

— Ежели позволите, государь... так вот, из самого Сарагво никого не было, зато был один из Жинвали... Три дня тому назад... Видел я его возле Алазани... Приезжал покупать коня в Кахети.

— Вот она — ниточка! — воскликнул царь. — Не велика разница — арагвинец или жинвалец. Это все?

— Пожалуй, все, государь! Дед Окро говорит — это еще не доказательство.

— Что скажешь, старик?

— Верно, государь! Это не доказательство. Мы не виновны, но и того жинвальца винить не за что.

— Как же так, дедушка? Твое доказательство — доказательство... А мое — нет? У нас с тобой старые счеты! Или ты забыл про телячью шкуру? — усмехнулся Александр и велел развязать крестьянам руки. — Полевого сторожа тотчас отпусти в деревню... А остальные пускай остаются здесь, — царь встал, прошелся разок-другой и остановился перед кедцами. — В смерти второго моурава вы не повинны... А первый пусть уж будет на вашей совести!

Кедцы удивились необычному обороту дела. Царь уже дошел до порога, когда дед Окро пришел в себя.

— А ружье наше сельское, общинное, государь?

— Отдай сторожу, — Александр повернулся к Давиду, но, видимо, передумал. — Хотя нет... Пусть останется здесь, у деда Окро. Когда приведут Бахуту... Пусть и он и дед Окро дожидаются меня здесь.

Не слушая кедцев, благодаривших его, царь вышел. Он вернулся во дворец прежним тайным путем и некоторое время спустя уже сидел с Нугзаром за шахматами в зале для игр. Одну партию он проиграл, другую выиграл... Увидел в дверях Давида Джандиери, осведомился, который час и, пожелав гостю спокойной ночи, удалился.

В ту ночь царь еще раз воспользовался потайным ходом. В отдельной келье узилища его уже ожидали дед Окро и недавно доставленный Давидом Джандиери Бахута Джинчараули.

— Убийца подослан Нугзаром Эристави. У Нугзара коварные замыслы, он хочет рассорить нас. Но вероломство его идет еще дальше. Нугзар задумал покорить горцев, на этой неделе он намеревается напасть на Хеви. Ну, это уж моя забота! А вам вот что повелеваю: возьмите кедцев, тех кто находится здесь... Я дам вам порох, пули и прочее оружие. Отвезите все это хевисбери Шиоле в Степанцминду. И весточку от меня передайте. Но помните: нужно хранить глубочайшую тайну, будьте немы, как эти стены! — предупредил Александр. — У Нугзара свои расчеты... Видно, решил приурочить поход к храмовому празднику, иначе не стал бы так спешить! Вы должны опередить его и предупредить горцев. И в бою подсобите,

прославьте кахетинскую доблесть! Мне-то отлично известны ваши храбрость и мужество! — ласково закончил Александр, слегка пригнулся и стал необычайно похож на своих седовласых собеседников.

Старики почтительно слушали царя.

— Ваш путь лежит через Панкиси и Борбало. Деду Окро хорошо известна эта дорога, ведь в свое время он сопровождал туда отца Зосимэ. — Александр, казалось, что-то припомнил, посмотрел на деда Окро исподлобья. — Старца Зосимэ на сей раз не беспокойте, и в келью его вам не следует подниматься. Дело ваше спешное, не терпящее отлагательства. Бахута, верно, знает хевсурскую дорогу на Шатили и Архотиони.

— Да, государь! И хевсуры нам помогут... В Хеви на этой неделе праздник Бетлемской Троицы.

— Так вот, чтобы завтрашний рассвет застал вас уже в пути! — заключил Александр и поднялся, — грамоты я писать не стану, свезете им порох и пули — поверят... Впрочем, передашь им этот знак, — Александр протянул деду Окро маленький, зазубренный как пила, кинжал.

— В деревне можете сказать, будто отправлялись в Панкиси на поиски убийцы. Все понятно?

— Понятно, батоно! — коротко ответил дед Окро.

— Да, чуть было не забыл, — Александр глубоко вздохнул и выглянул в окошко. — Если с Севера появятся гости... Мирские или монахи... Русские или грузины, и Нугзар не пропустит их через Арагви... Тотчас шлите вестника по вашей дороге. Остальные пусть ждут в Хеви моего ответа... Передайте этот наказ и Шиоле, но не сразу, а когда соберетесь в обратный путь.

Дед Окро не смог до конца вникнуть в слова царя, а его пытливый ум не терпел неясностей.

— А этим гостям, мирским или духовным, русским или грузинам, можно все сказать? — спросил он обиняком.

— Разумеется! Но запомни — остальные ничего не должны знать! Кстати, мы теперь во владениях Джандиери, так вот, кто тайну выдаст, тому...

— Голову вместе с языком долой! — один за другим воскликнули дед Окро и Бахута.

— Согласен! А ружье ваше общинное возьмите с собой — теперь оно алазанское ружье, старик! — царь самолично вручил ружье деду Окро и обернулся к Давиду: — Поручаю тебе

это дело... Приготовь всего побольше: пороха, пуль, режущего и колющего оружия... коней и хурджины. Одним словом щедрый достойный дар!.. Не осрами посольства стариков-кедцев! Раз там праздник, пусть привечают как положено и народ, и вероломного Нугзара!.. Каждому по заслугам: друзьям за дружбу, предателям за предательство!

ГЛАВА XXII

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

В средних числах апреля кахетинское посольство тронулось в обратный путь. С ними отправились назад в Грузию сотник Игнат Данилов-Русин и Матвей Ногирин. На сей раз грузины ехали на санях до Нижнего Новгорода. Там они должны были дождаться русских послов.

Позванивая бубенчиками, кони мчали послов. Кахетинцы уезжали полные надежд, щедро одаренные русским государем. Но что ожидало их там, за горами... на берегу Алазани, у подножия Борбало, по обе стороны Цив-Гомборского хребта? И вообще на грузинской земле?

Долог был их путь, много они узрели необычного, доселе невиданного, величественного! И еще сильнее полюбили все родимое, далекую отчизну, оценили ее красу и благодать.

— Слушай, а у нас ведь уже зацвели миндаль и персик!

— Зазеленели леса, фиалки и сирень источают благоухание!

— А здесь — все снег да стужа. И реки еще не вскрылись!

В Нижнем Новгороде послы задержались надолго. Сначала ждали, пока на Волге тронется лед, потом поджидали русских послов.

Необычное это было зрелище — ледоход на Волге. На поверхности льдин появились озерца, потом вздутья и трещины, лед потемнел, изменился, загрохотал, как будто изнутри напирала на него неведомая волшебная сила. Словно ожив, огромные ледяные глыбы встали на дыбы. Льдины взгромоздились

друг на друга, выпятились белыми верблюжьими горбами. И вдруг забурлило ледяное зеркало. Протяжный треск и гул разнеслись по окрестностям. Как громадный кит, извивалось расколотое тело льдины, с грохотом разламываясь, поползло оно вперед...

Под бело-синей поверхностью запестрело, затемнело что-то. Вслед за двинувшимся, размолотым на тысячи островков льдом, половодье понесло бревно. Волга словно лишилась берега. Кахетинцы смотрели на это величественное зрелище, и мысль их стремилась вперед, вслед за талыми водами и льдинами.

К концу мая прибыли русские послы. Отец Зосимэ сразу ощутил во всем опытную руку Годунова. Она чувствовалась даже в мелочах. Посольство было богато одето. И люди были подобраны внушительные по внешности. Главой посольства был рослый, статный высоколобый Родион Биркин с белокурыми с проседью усами и бородой. Он не раз уже ездил послом в дальние страны.

Достойным товарищем его выглядел недавно возвратившийся из Польши плотный, широкоплечий Петр Пивов. Далее — рыжебородый подьячий Степан Полуханов, толмач греческого и турецкого Иван Колудалов. Немало было и других чиновных и сопровождающих лиц — не считая многочисленной охраны.

Русские везли с собой много припасов и богатые дары. Во все волжские города были посланы строжайшие предписания. В Новгороде, Казани, Астрахани — всюду оба посольства встречали с отменным почетом и высылали навстречу и вслед большой почетный конвой.

От Астрахани, по совету воеводы Лобанова-Ростовского, было решено продолжить путешествие морем, так как поблизости шатались шайки калмыков и вольных казаков. Часть конвоя и кладь тем не менее отправили сушей.

Тедо Бацацаисдзе ехал по земле, чему был весьма рад. Хоть он и не признавался в своей слабости, но на корабле он чувствовал себя плохо, при малейшем волнении его мутило.

— Кому от того радость, если я изойду тут желчью? И мне плохо, и русским мало прибыли, — отшучивался он. — Нет уж, я предпочитаю твердую почву и надежную землю под ногами.

Кроме того, Бацацаисдзе было поручено пробраться из старых крепостей на Тереке, куда он должен был прибыть

раньше, чем едущие по морю, в Тарки, чтобы вновь тайно повидаться с шамхалом Элимом.

На море путешественников подстерегали непогода и ветры. С непривычки они измучились. Да и времени они не выиграли. Много выпало на их долю невзгод. Пришлось даже натерпеться страха, когда на пути повстречались им морские разбойники, но, к счастью, все обошлось благополучно.

Когда путники миновали устье реки Кумбы, погода прояснилась. У кахетинцев отлегло от сердца. Наконец-то они отогрелись после московских морозов, а потом им даже стало жарко.

Ветер, дувший в спину, и вовсе привел путников в хорошее расположение духа. Усталые гребцы получили облегчение, дали передышку рукам и плечам.

Каждый вечер кахетинцам чудились вдали очертания Кавкасиони, но наутро всякий раз оказывалось, что они ошиблись. И когда, наконец, на грани неба и моря пролег воздушный, изломанный и алмазно-блистающий, как молния, гребень, все решили, что это опять лишь мираж, обман зрения...

Наутро Кавкасиони был уже отчетливо виден.

Кахетинцы запели. Пели они о горделиво взметнувшихся ввысь неприступных вершинах, о стремительных водопадах... О привольных пастбищах, омытых росой и окутанных туманами... О множестве овечьих стад, о сказочных чарах непроходимых лесов, полных дичи, о зеленых, изобильных долинах и взгорьях... О сладости виноградников и о щедрости полей... Об истерзанном, но не побежденном народе... Звонким руладам первых голосов вторили рокочущие, словно вышедшие из берегов Алазани, басы...

Русские слушали их, многоголосая, сладкозвучная грузинская песня казалась им благодарственной молитвой... А, может, так оно и было на самом деле?

Когда посольство достигло устья Терека и струги пошли вверх по течению, грянули русскую песню повеселевшие гребцы-казаки.

Отцу Зосимэ была теперь понятна слышанная им некогда на Тереке песня, полная неведомой силы и мощи. Он уже постиг ее корень и смысл. Старец даже перевел ее для себя при содействии Зазы:

Не белые то гуси в поле гогочут,
Не серые орлы в поднебесьи клекочут,
То гребенские казаки перед царем гуторят,

Перед грозным царем Иваном да Васильевичем,
— Ой ты, батюшка, наш православный царь,
Чем ты нас подаришь, чем пожалуешь?
— Подарю я вас, казаченьки, да пожалую
Рекой вольною Тереком Горынычем
От самого гребня до синя моря,
До синя моря и до Каспицкого.

Так пели казаки. Они считали, что Терек принадлежит им весь — от истока и до самого устья.

Радовались и кахетинцы, глядя на эти воды, — это был как бы привет с отчизны. Ведь Терек брал свои истоки в их родном краю, среди гор Кавкасиони!

В знойный июльский день посольство достигло старой Терской крепости. Ехавшие по суше, благополучно преодолев множество препятствий, давно уже прибыли и дожидались здесь товарищей.

Тедо Бацацаисдзе, как сообщил Матвей Ногирин, исчез без следа за Тереком.

Русские и кахетинские послы принялись обсуждать дальнейший путь. Перед ними было два возможных пути: через Тарки и Кафир-Кумух или через Черкесские земли и Дарьял. Решение зависело от вестей, которые должен был принести Бацацаисдзе, но его нигде не было видно.

Молва о появлении большого русско-грузинского посольства с быстротой молнии облетела Терскую область, и пошли по всей стране толки и пересуды. Вокруг старой крепости стали шнырять подозрительные банды. Казаки усилили караул на развалинах крепости и на валу. Часовые были все время наготове.

Однажды ночью послышалась стрельба, схватка произошла между бродом и лодочной пристанью. Подоспевшие казаки отогнали лезгин. Часовые, сторожившие брод, привели раненного в плечо Бацацаисдзе, с трудом отбившегося от засевших за рекой лезгин.

Тедо принес множество новостей. Шамхал Элим извещал, что брат его, шамхал Сурхай, узнал о тайном проходе кахетинских послов в Россию и об их возвращении. Он решил беспрепятственно пропустить богатое и многочисленное посольство, а в горах напасть на него, захватить в плен и овладеть дарами.

Тем самым вопрос о дальнейшем путешествии был решен. Послы попросили кабардинского владетеля Алказа сослужить

службу русскому государю и пропустить их через свои земли. Чтобы завоевать расположение Алказа, ему вручили царскую грамоту и поднесли меховую шубу.

Так, осторожно и предусмотрительно прокладывая себе путь дарами, послы вступили на терско-дарьяльскую дорогу.

Черкес Алказ самолично проводил их до края своих владений. Около Дзауги послы непосредственно подступили к Кавкасиони и стали подниматься по ущелью Терека. Как не походила эта река на тот, застрявший между болотами, Терек, что медленно течет к морю! И если там, у впадения Терека в Каспий, дивились кахетинцы, то теперь пришел черед русским удивляться мощному реву беснующегося, стремительного потока.

Напугал русских послов и Кавкасиони, когда он оказался вблизи, перед глазами. Издали хребет казался нежно-белым и красивым. А вблизи белизна оказалась режущей глаз и опасной. Страшны были крутые неприступные склоны могучих гор!

Ночь путники провели в Джариехи. На следующий день они должны были вступить в узкие ворота Дарьяла.

Впереди была истерзанная вражескими нашествиями грузинская земля.

ГЛАВА XXIII

ХРАМОВОЙ ПРАЗДНИК

Вдали уже виднелась гора Борбало. Дед Окро остановился, затенил глаза ладонью и поглядел вверх, на высокую скалу. Отсюда хорошо были видны и древняя «обитель героев», и высеченная в скале келья отца Зосимэ.

Путники долго вглядывались, но так и не сумели заметить наверху каких-либо признаков жизни. Даже огонек свечи не теплился в темной глазнице пещеры, будто и дверь в келью монаха была заперта.

— Эх, если б не эта спешка! Да разве слыхано — проез-

жать мимо и не навестить пастыря! Сколько добрых советов мог бы нам дать отец Зосимэ...

Дед Окро оглянулся на Бахуту, но тот был весь погружен в свои мысли.

Бахута возвращался в родную Хевсурети после двадцатилетнего отсутствия. Все эти годы он прожил в долине, и вот уже десять лет, как даже не посещал своей святыни — Шатильского Георгия... Мысль о скорой встрече с родичами заставила взволнованно забиться сердце Джинчараули.

— Как ты думаешь, Бахута? Неужели нам нельзя проведать отца Зосимэ? — окликнул Бахуту Кохсаламура. Очень уж ему хотелось подняться наверх, но он заметил, что дед Окро колеблется.

— Государь не велел! — коротко отрезал Бахута и пришпорил коня.

— Верно! Так он и сказал! — задумчиво подтвердил Окро. И еще разок окинул все случившееся в последние дни мысленным взором. Глаза он зажмурил, доверился коню. «Почему царь так повелел? Только из-за спешки?» — Тысячи мыслей и различных соображений не давали ему покоя в последнее время, но с присущей старикам проницательностью Окро никогда не терял основной нити. — Кохсаламура, скажи-ка, парень, что за стишки напевали ряженые в Греми? Вот те, про поход в Астрахань?

— А на что они тебе понадобились?

— Да так! Едем дальше, парень! — и дед прикрикнул на лошадь. — «Кого же все таки имел в виду государь, говоря о гостях и хозяевах, о монахах и мирянах, о русских и грузинах?» — дивился про себя старик и уже совсем по иному вглядывался в горную обитель отца Зосимэ.

— Надо спешить, иначе опоздаем к празднику Троицы! — недовольно бурчал Бахута, торопя спутников. В сумерках, когда они перевалили к ущельям Хевсурети, Бахута не утерпел:

— Спустимся сразу... Вон — Аргунское ущелье! Перед нами еще дальний путь... Муцо... Шатили... Архоти... и только потом — Хеви.

Кохсаламура, словно драгоценные жемчужины, нанизывал в памяти необычные названия. Он жадно всматривался в горы и долы сказочной Хевсурети.

— А где Бурсачири и Гудамакари?

— Вон там! — Бахута показал налево и, как бы отвечая одновременно на невысказанный вопрос деда Окро, добавил:

— Нет, Нугзар не посмеет спуститься этим путем. Он пойдет через Крестовый перевал и Гуд-гору...

Вскоре подоспели отставшие Хапро и Хосита. Тропинка круто спускалась по отвесному склону, внизу расстилались изумрудные луга плоскогорья Велкетили, а выше, по другую сторону виднелись Ацунта и закованная в кольчугу из снега и льдов гордая Тебуло. Прямо перед ними, словно вздетое на острие пика, на высоте орлиного гнезда, повисло легкое облачко, напротив видны были скалистые берега Аргуна, змеившегося по ущелью. За ним высились отвесные скалы, подпиравшие плечами новые зеленые луга, а дальше вздымалась новая гряда гор. А еще выше, в самом поднебесье, над тенью, отбрасываемой тучами, зубчатой цепью протянулся скалистый гребень — он даже, казалось, раскачивался в синеве, словно вершины его вели хоровод. Впрочем, наверно, это у подножия скал колыхались облака или вздрагивал сам ошеломленный Кохсаламура, у которого голова от всего этого волшебного зрелища пошла кругом. Парень хлопал глазами от изумления. Выросший в Алазанской долине, Кохсаламура был привычен к виду горделиво-неприступного Кавкасиони. Но когда он увидел горы в такой непосредственной близости, прямо с перевала, они показались ему намного выше и круче.

Бахута спешился, поправил подпругу, выравнял сбившиеся набок хурджины и стремительно стал спускаться по тропинке. Остальные, также поправив вьюки на своих лошадях, пошли за ним следом.

У первой же осыпи им повстречался родничок. Бахута подобрал обломок слоистой каменной породы и положил поверх груды камней, венчавших родник.

— Таков закон — в роднике обитает душа усопшего.

Каждый из путников оставил у родника по камню.

Больше Бахута не останавливался; каждый раз, встретив препятствие, он сердился:

— Нельзя так ползти! Нугзар не дремлет! Главное сейчас — кто кого опередит!

Уже стемнело, когда они спустились в ущелье. С большими предосторожностями переправили они лошадей одну за другой через висячий мост. Внизу грохотал Аргун, мост был узкий, без перил. Сквозь щели настила до храпевших лошадей долетали брызги пены. Дальше дорога, пробитая в скалах, все время шла берегом. Кахетинцы продвигались вперед, осыпаемые брызгами и пеной бурливого потока. Они даже не слыша-

ли друг друга — голоса терялись в шуме и грохоте реки. Трудно приходилось лошадям: всхрапывая и шарахаясь, обнюхивали они в полутьме грохочущий коридор, прорезанный в скалах. Но вот путники отошли от Аргуна. Идти стало легче — они продвигались вдоль широкого склона.

Взошла луна, и сонным наваждением предстали перед Кохсаламурой стройные, как бы прильнувшие друг к другу, суровые башни на вершине скалы. Они показались ему крепостью каджей или обиталищем дэвов...

— Шатили! — вырвалось у Бахуты, и он заторопился еще больше.

Возле каменной ограды Бахута неожиданно остановился и достал из хурджина рога жертвенного бычка, припасенные в Кахети.

— Шатильская святыня! Прости, что я десять лет не приносил тебе жертвы — ни убоины, ни свечей, ни соли! Благослови мой путь... Пошли мне удачу! — он опустился на одно колено и прикрепил рога к ограде капища концами книзу.

Совершив обряд, Бахута почел себя прощенным и повел кахов к башне своего родича Мгелики Джинчараули.

Мгелика предоставил гостям всю башню, всячески привечал их, просил остаться подольше, отдохнуть с дороги, но кахетинцы еще до рассвета тронулись в путь в сопровождении юноши — сына Мгелики. А сам Мгелика, Бахута и дед Окро немного задержались, чтобы посовещаться со старейшинами Шатили.

— Если Нугзар покорит Хеви, и здесь прольются кровавые дожди... Дойдет черед до Гудамакари и Хевсурети...

Все было сказано коротко, а несказанное понято без слов. Совещавшиеся пришли к согласию — порешили оказать Хеви помощь. И те, кому надлежало, пустились в путь.

Быстро нагнав своих, путники устремились вперед. Миновали видневшиеся за рекой Архотские общины, отослали сына Мгелики назад вестником, а сами стали подниматься на перевал.

В снегу и льдах путешествие замедлилось. Трудно было идти лошадям. Кое-где путники тащили груз на собственной спине. На пятый день кахетинцы спустились в ущелье Терека.

В Сиони и Степанцминде шли приготовления к празднику. Несмотря на плохую погоду и туман, все спешили к храму Самеба. Шли, гоня перед собой жертвенный скот. В деревнях гнали водку и пиво, пекли кады, хабизгины и лепешки с мя-

сом. О возможном нападении никто и не подозревал. На кахетинцев хевцы не обращали внимания, их принимали за обычных богомольцев, прибывших на престольный праздник.

Дед Окро не стал раньше времени тревожить людей. Не задерживаясь в Степанцминде, путники со всей своей поклажей поднялись в Гергети. Окро надеялся найти там хевисбери Шиолу Пицхелаури, но его не оказалось, и кахетинцы продолжали свое восхождение. В сплошном тумане добрались они до храма Самеба. Густая мгла скрывала церковь и вершину.

Кахетинцев удивило многолюдство. Вокруг церкви были раскинуты войлочные шатры. Котлы для варки пива и хинкали стояли на сложенных из слоистого камня очагах, чадили сырой хворост и кизяк. Деканозы успели благословить тех, что поднялись пораньше, и дастуры по их велению забивали жертвенный скот.

Возле каменной ограды храма и довольно высокой колокольни, стояла невысокая часовенка, там были свалены грудой рога свежезаколотой скотины. Груда была уже выше самой часовенки. Отдельно лежали оленьи и турьи рога — жертвоприношения охотников.

За оградой, недвижимые, словно высеченные из камня, восседали старики в овчинах и бурках. Они или молчали, словно состязались друг с другом в безмолвии, или степенно и неторопливо перебрасывались скупыми словами. На поляне шумели женщины и ребятишки, их гомон разносился по ущелью, достигая до самой Степанцминды. А снизу, по многочисленным тропинкам, все поднимались и поднимались люди, гоня перед собой кротких жертвенных животных.

Кахетинцы тоже раскинули шатер из бурок. Дед Окро быстро распределил обязанности. Одних он поставил стеречь лошадей и поклажу, другим поручил поддерживать огонь. Хосита должен был караулить порох и пули. Кохсаламуру дедушка послал потолкаться среди людей, послушать толки, узнать новости. Хапро он выдал деньги на покупку барана.

— Пусть праздник будет как праздник! И нам тоже не мешает испросить благословения святыни и принести ей жертву. Да и свежее мясо пойдет впрок.

Хапро, несколько порастрясший за время стремительного перехода свое брюхо, тотчас с ним согласился.

Кохсаламура вернулся скоро.

— Хевисбери Шиола ушел на гору, в Бетлеми, за хевским

знаменем... Он отправился один; не дозволено никому, кроме него, туда подниматься... Шиола вряд ли вернется до поздней ночи. Хевисбери положено помолиться в одиночестве, освятить знамя!

Окро внимательно выслушал парня и тотчас принял решение. Вскинул ружье и обернулся к Бахуте.

— Пошли!

— Это тебе не Борбало! Пещера Бетлеми высечена в отвесной скале под неприступной кручей.

— Все равно! Нам нужно хоть до нижнего конца цепи добраться, дать Шиоле знать, чтобы он спустился.

— Ладно! — согласился Бахута и направился было прямо в сторону видневшейся вдали вершины Мкинвари, но дед Окро взял левее, чтобы никто из богомольцев ничего не заподозрил. Скрывшись в тумане, хевсур и старик сразу переменили направление. Вскоре тропинка оборвалась; под ногами у них стлалась влажная от обильной росы трава. Ноговицы и каламаны у них промокли. Вот и скала. Тяжело дыша и обливаясь потом, они торопливо взбирались вверх. Казалось, за ними по пятам гонится Нугзар Эристави. Идти пришлось в сплошном тумане, но Бахута не сбился с пути.

Наконец они достигли подножия исполинской скалы. Зоркий Бахута разглядел в скалах Мариамцминды каменный крест и, руководствуясь этой приметой, отыскал место, куда спускалась цепь, ведущая к Бетлемской пещере.

Наверху клубился молочно-белый туман, сквозь пелену которого ничего нельзя было разобрать. На высоте каких-нибудь полутора саженей терялась в тумане и цепь, лишь нижние, ржавые звенья ее торчали в воздухе — будто росли из земли.

Дед Окро отер пот со лба, обеими руками взялся за цепь и раскачал ее. Где-то наверху цепь ударилась своей средней частью о скалу, и в глухой тишине плотного, как вата, тумана раздался звон.

— Кто там? Кто посмел нарушить обычай? — камнем упал сверху окрик...

— Гости из долины. Спускайся! И захвати с собой боевое знамя.

Цепь дрогнула. На этот раз сверху с грохотом покатились настоящие камни. Дед Окро и Бахута посторонились. Они чуть не вывернули себе шеи, глядя вверх. Камнепад усиливался... Цепь, похожая на гигантскую конечность какого-то чудовища,

дергалась и извивалась... Наконец в тумане возникла неясная тень, распростершая крылья. Существо с орлиными крыльями, но щебечущее, как ласточка, постепенно опускалось вниз.

— Что это? — удивился Окро.

— Знамя с колокольчиками.

На этот раз и дед Окро отчетливо различил сквозь туман хевисбери, приладившего к спине развернутое знамя наподобие крыльев. Ухватившись за цепь обеими руками и упираясь ногами в отвесную скалистую стену, хевисбери спускался вниз. Туман, окутавший все вокруг, придавал происходящему необычайный вид, и спуск хевисбери Шиолы со скалы Бетлеми походил на чудесное сошествие с небес.

Хевисбери оказался худощавым стариком небольшого роста. У него было хмурое лицо с крючковатым носом, который делал его похожим на сокола, а знамя, прикрепленное к спине, и впрямь походило на сложенные крылья.

Очутившись на земле, он поправил на поясе свой длинный кинжал и грозно посмотрел на пришельцев.

— Людей, прервавших молитву, не приветствуют пожеланием победы! Или вы не верите в благодатную силу Бетлемской Троицы? Не слыхали о наших обычаях? Где это видано — подниматься к святыне с оружием? — в голосе сухонького старика гостям послышался звон Бетлемской цепи. Бахута дрогнул и опустил голову, но утомленному долгим путешествием и крутым подъемом деду Окро было не до извинений.

— Ты прав, о победе нам рано говорить — враг наступает, он в полной силе, присядем... Поговорим... мы ведь снизу пришли, издалека — из Кахети!

Шиола вдел древко знамени в звено цепи, укрепил его и, огладив бороду, присел на камень. Дед Окро уселся рядышком, а Бахута по хевсурскому обычаю, опустился на одно колено.

При имени царя Александра Шиола встрепенулся.

— Где знак?

Дед Окро перевернул кинжал и, отделив зазубренную часть, протянул его Шиоле.

— Верю! Вижу — добрые гости пришли. С какими вестями?

— С недобрыми... Нугзар на вас идет.

Шиола принял известие спокойно и, немного помедлив, ответил:

— Не беда... Встретим, как подобает!

Но узнав подробно все обстоятельства, сорвался с места, как раненый тигр.

— Значит, он ждал храмового праздника? Святая Троица Бетлемская! — Шиола воздел руки к небесам, потряс цепью... Потом обнажил кинжал, наточил булат о цепь и снова со звоном вложил его в ножны.

Поднялся и дед Окро. Туман уже рассеялся, и позади Шиолы отчетливо виднелась цепь, свисающая сверху. Потревоженные звенья ее громко звенели и раскачивали боевое знамя. А внизу, где обрывался конец гряды, виднелся храм Троицы... Вокруг него, похожие на муравьев, копошились люди... Еще ниже как на ладони была видна вся община Хеви.

— Значит, пока никто ничего не знает? Праздник престольный нерушим!

— Мы никому не говорили! — ответил на этот раз Бахута, но Шиола уже не слушал, — он был весь, как клинок, отточенный о Бетлемскую цепь.

— Спускайтесь немедля. Затеряйтесь в тумане... Так легче будет сохранить тайну. Поспешу и я. Ночью, по всему видно, распогодится. Ступайте и ждите меня внизу — уже повелительно закончил хевисбери и высвободил знамя.

На обратном пути идущих снова скрыл туман. Он целиком окутал Бетлеми, цепь и гостей...

Спустившись к храму, кахетинцы тотчас разостлали бурки и прилегли отдохнуть. Безмерно усталые, они предпочли сон еде. Вокруг слышался все тот же многоголосый говор, шли приготовления к празднеству. Народу стало больше, но в ожидании хевисбери люди не садились пировать и не было еще шумного веселья.

По правилам хевисбери должен был покинуть Бетлеми в сумерках и лишь к ночи спуститься к храму Самеба. Община, собравшаяся для ночного бдения встречала его со светильниками и факелами. Поэтому когда Шиола показался на горе Самеба еще засветло, все удивились. Молодежь приветствовала его шумными возгласами... А сидящие возле ограды старики и не поверили, чтоб хевисбери мог пожаловать с хевским знаменем так рано. Поэтому они даже не сдвинулись с места.

Блюстители обычаев заметили также, что вопреки правилам хевисбери нес знамя, высоко подняв его над головой. Шиола не стал благословлять народ, только пожелал всем победы и веселья в нынешний праздник.

Когда хевисбери вступил внутрь ограды, старики изумленно уставились на него и медленно, почтительно встали. Не перед Шиолой встали они, каждый из них был не моложе хе-

висбери и не хуже его мог бы править общиной. Это была дань уважения народному избраннику и знак почитания боевому знамени Хеви.

Шиола окинул взором седовласых старцев, окруживших его, и кивком головы велел им следовать за ним в храм.

С высоко поднятой головой, не снимая шапки, вошел Шиола в храм, и старики тоже не стали снимать свои мохнатые пастушьи шапки.

В храме хлопотали священники и прислужники-дастуры. Шиола отослал их и, дождавшись, пока в храм войдут все старейшины общины, запер дверь изнутри.

Тень пробежала по лицам собравшихся. Со стен и с купола взирали на них древние, уже выцветшие, но все еще суровые лики святых, внизу стояли согбенные хоть и не дряхлые еще старики. Хмуро смотрели они на своего хевисбери и ожидали объяснений.

Стоявший посередине храма Шиола трижды ударил древком общинного знамени о плиту; зазвенели колокольчики.

Старики приосанились, поправили свои кинжалы. Шиола прислонил знамя к образу святого Георгия и, скрестив ноги, присел на самом краю алтаря.

Старики окружили его, коротко с ним посовещались. Говорили тихо. Только по шевелению бород можно было понять, что идет беседа. Никто не удивился — или не выказал удивления.

— Приведите гостей с равнины! И спешите с приготовлениями к празднику! Гиварги! Гаха!

Сидевшие около двери Гиварги и Гаха вышли наружу, и пока Гаха торопил людей, занятых праздничными хлопотами, Гиварги в знак особого почтения помогал только что проснувшимся гостям, деду Окро и Бахуте, лил им на руки воду из кувшина.

Кахетинцы, прихватив свои хурджины, последовали за Гиварги.

Очутившись в храме, дед Окро снял шапку и положил на пол свой хурджин. Также поступили и другие кахетинцы.

— Ваш дар мы ценим, как он того заслуживает. Свидетели — Бетлемская святыня и знамя святого Георгия! — Шиола в свою очередь обнажил голову, положил шапку возле древка знамени, засучил рукава чохи, развязал первый хурджин и горстями стал сыпать кахетинский порох и пули в подставленные

шапки стариков. Из храма на двор все выходили уже с обнаженными головами.

Последним вышел сам хевисбери, благословил с паперти столпившихся богомольцев, попросил о милости и заступничестве Троицу-Самеба.

Он назначил всенощное бдение и велел позаботиться о факелах и светильниках. Женщинам было разрешено войти без топоров в священную рощу над Гергети, набрать там хворосту и разжечь на горе около храма побольше костров, чтобы показать друзьям и недругам мощь и привольное, беспечное веселье общины.

Шиола торжественно и неторопливо стал звонить в большой хевский колокол, оповещая всех о начале праздника.

В общине царили спокойствие и безмятежность; в сумерках старики понемногу, незаметно собрали вместе всех зрелых мужчин и возмужалых юношей — так, что женщины и подростки ничего и не заметили.

Сбылось предсказание Шиолы: тихая, ясная ночь окутала ущелье и окрестные вершины. Небо, усеянное звездами, пылающим многосвечным светильником повисло над ближними и дальними хребтами. Вечные снега уже не сияли как обычно белизной, теперь они казались скорее желтоватыми. Только вдали вверху чернела скалистая бесснежная стена восточного склона вершины Мкинвари.

В полночь общинное войско уже стояло наготове в теснинах Кабарджины. Во все стороны разослали гонцов. Бок о бок с Гергетскими и Аршийскими ружейными стрелками встали вооруженные луками из турьих рогов снойцы, закованные в броню ачхотцы, меченосцы из Каркучи. Передовыми были поставлены стремительные жители Цдо.

Еще до ночи подоспели из Хевсурети шатильцы и архотцы, а со стороны ущелья Трусо — осетины.

Сам хевисбери Шиола находился с общинным знаменем у нижней дороги. Он сидел на коне; его окружали всадники — жители Степанцминды и Сиони. Гости из Кахети тоже были здесь. Алазанское ружье на этот раз охраняло знамя общины.

Поздно ночью возвратились разведчики, ходившие на перевал. Войско Нугзара успело уже незаметно пересечь водораздельный хребет. Поначалу арагвинцы пробирались тайком, соблюдая всяческие предосторожности, но увидев множество огней на горе Самеба, осмелели: уверились в неожиданности своего нападения. Разведчики мохевцы, двигавшиеся по гор-

ным тропкам, едва сумели их обогнать. Людей Нугзара пропустили в тесное ущелье, а потом с боевым кличем обрушили на них сверху камни. Стрелки грянули из ружей, лучники выпустили тучи стрел. Первый удар нанесли из засады, сея в рядах пришельцев смятение и ужас.

Когда смолк гул обвалов, Шиола развернул боевое знамя и хлестнул коня; за ним поскакали остальные.

Боевые клики и цоканье копыт, умноженные горным эхо, перекрыли грохот катящихся камней. Арагвинцы смешались, отступили, ударились в бегство. Мохевцы бросились в погоню, ударили беглецов, погнали их перед собой. Тех скинули в пропасть, других прижали к Тереку.

Свита Нугзара и воины в броне сражались еще некоторое время — пока под Нугзаром не убили лошадь. Тут и их ряды смешались, и арагвинцы поспешили прочь, покидая поле проигранной битвы.

Забрезжил рассвет. Разрозненные кучки арагвинцев отступали к горе. Разъяренный Шиола, с мечом и знаменем в руках, скакал во главе своей рати. За ним, не отставая ни на шаг, следовали дед Окро и остальные кахетинцы. Они приняли участие в битве и сражались на славу. Гром алазанского ружья не раз заглушал рев Терека. А сабли дед Окро ни разу не обнажил, сердце не позволило — все-таки свои, грузины. Под конец кедский старик пришпорил лошадь и преградил путь Шиоле:

— Остановись, Шиола! Не дали врагу потешиться, и ладно. Не забывай — они тоже грузины! А теперь самое время отпраздновать победу святыни!

Шиола поднял своего скакуна на дыбы, закусил губу, но сверкнувшие было глаза его тотчас погасли.

— Ты прав! — Он отвернулся, словно советуясь со знаменем общины, и снова оборотился к деду Окро: — Верно сказал наш гость и побратим! Видно, и в долине еще не перевелись мудрые люди! — Хевисбери вложил меч в ножны и затрубил в турий рог, висевший у него на плече. Погоню прекратили, дали арагвинцам возможность убраться восвояси.

Дед Окро повернул назад, пересчитал своих. Все были налицо, кроме Кохсаламуры. Стали искать его повсюду и обнаружили неподалеку, у самой дороги. Конь Кохсаламуры спокойно пасся неподалеку, а сам он свежевал убитую в сражении лошадь.

— Зачем она тебе, кахетинец? — удивился Шиола.

— Нарежу на куски, раздам общине на каламаны!—не поднимая головы ответил Кохсаламура.

— Ты считаешь нас такими горькими бедняками?

— Это конь Нугзара! Пока не износятся эти каламаны, Нугзар не осмелится заглядываться на Хеви!

— Юноша! Ты одарен мудростью сердца! И мне, хевисбери, выдели кожу на пару каламан! — Шиола спешился, достал маленький кинжал и стал помогать Кохсаламуре.

Молодые парни тоже взялись за дело и во мгновение ока сообща ободрали лошадь Нугзара. Голову ее насадили на копье и, нагруженные трофеями, тронулись в обратный путь.

Вскоре их нагнали последние отряды, вернувшиеся из погони. Мгелике с трудом удалось уговорить хевсуров прекратить преследование.

Победоносное хевское войско возвратилось на праздник. Земляки встречали их торжественно, с молитвами.

Оставшиеся на празднике женщины, дети и весь общинный люд встретили войско в Степанцминде и Гергети. После обычных обрядов началось такое широкое, разгульное пиршество, что шум с вершины Самеба разносился по всему ущелью, порой даже заглушая гул Терека.

Праздник длился почти неделю. Было выпито огромное количество водки и пива, заколото множество овец и телят, съедено несметное число шашлыков и хинкали, хабизгин и мясных лепешек.

Распяленная на доске шкура Нугзаровой лошади и ее голова были выставлены на колокольне под иконой и боевыми знаменами общины.

Кахетинцы были всюду дорогими и желанными гостями. Мохевцы повели на них серьезное наступление с винными чашами в руках, но и те не остались в долгу. Хапро Кандарели удивлял всех своей способностью поглощать целые кувшины водки, не пьянея, дед Окро — мудростью, Бахута и Хосита — степенностью... Но всех их превзошел Кохсаламура... Стоило ему коснуться струн пандури, как мохевцы только рты разевали... А когда он стал сочинять стихи — все сердца раскрывались ему навстречу...

Говорил скакун ретивый:
Эх, пропал, погиб я даром!
Лучше стану каламаном,
Чем ходить мне под Нугзаром.

«Наказ скакуна» переходил из уст в уста. Он рассмешил, растормошил каждого. Смех и веселье, царившие на празднике, доплескивались, наверно, до самого лика Мкинвари.

— А Нугзар что на это сказал? Как ответил бедняга Нугзар? — кричали песеннику. И он тотчас отозвался:

Жаловался Эристави:
Потерял коня я сдуру...
Конской кожи мне не жалко —
Лишь свою сберечь бы шкуру...

Теперь уже все толпились вокруг Кохсаламуры. Его таскали от одного праздничного стола к другому, носили на руках.

— Еще раз! Спой сначала! — требовали старики и молодые, девушки на выданьи и старухи.

— Спой еще разок! И нам дай послушать!

Кохсаламура запел на иной лад. Он редко повторял дважды свои песни. Как-то сами собой менялись и стихи и напев.

Вокруг все смолкли, обратились в слух. Лишь изредка ветерок доносил снизу рев Терека, бегущего вприпрыжку по камням, да со стороны скал Куро слышался грохот камнепада, да временами доносился далекий гул снежной лавины на Мкинвари.

Кохсаламура жадно впитывал в себя каждый шорох — и, пройдя через горнило его дара, окружающее воплощалось в стихи...

— Громче! И мы хотим послушать! — кричали люди сзади.

— Погодите, люди! Пусть Мкинвари нашепчет ему, Терек расскажет... Он сейчас сочиняет! — пришел на выручку парню дед Окро. — Это ведь не колокол общинный, что звонит, как только раскачаешь! Человек он, из плоти и крови.

Но Кохсаламура уже сложил стихи, вот-вот сорвутся они с его уст. Только имя забыл... Того, под кем та лошадь пала... А ведь только что... И не раз, сотню раз повторял это имя!

— Кто жаловался горько? — невольно подумал он вслух.

— Нугзар! Нугзар!.. Кто же еще! — закричали в толпе.

— Да, да, — Нугзар! — Кохсаламура даже вздрогнул — пальцы его снова коснулись пандури. Зазвенели струны:

В черный день, Нугзар злосчастный,
Вздумал ты напасть на горы.
Убежал ты без оглядки,
Позабудешь страх не скоро... —

начал Кохсаламура. Люди затаились, застыли в молчании. А когда Кохсаламура кончил, раздались восхищенные возгласы:

— Спасибо тебе, братец! Молодец!

На певца со всех сторон посыпались дары... Целые горы всяческого добра и снеди высились перед ним... А Кохсаламура ничего не замечал около себя, никого не видел. Он беседовал с Мкинвари, видневшимся в вышине, с горой Куро, с Тереком и с Дарьялом... Теперь уже певец говорил от имени всей общины:

Век Нугзара Эристави
Вехою кровавой ляжет.
Станет он собой хвалиться —
И про нас пускай расскажет.

— Пусть расскажет! Про всех нас! — Народ подхватил стихотворца, подбросил его в воздух.

— На скакуна! На лучшего скакуна его посадить! — грянули раскрасневшиеся от хмеля старики. — Витязь стиха должен быть и в ратном деле удальцом!

И все тотчас кинулись к лошадям, вскочили в седла, стали готовиться к состязанию.

Хевсуры, приведенные Мгеликой, не думали отставать — они мигом оседлали своих остроухих, крепконогих лошадок.

Самого лучшего коня подвели Кохсаламуре.

— Награду назначьте! Какая награда? — кричали участники скачек.

— Каламаны из шкуры Нугзаровой лошади! — объявил награду хевисбери.

— Согласны, согласны! — обрадовались молодые.

Шкуру разрезали на части — вышло на четыре пары каламан — и доставили к месту скачек.

Широкий кусок из спинной части Шиола отложил в сторону, остальное пустил на призы достойнейшим.

Разгоряченные всадники мчались с боевыми кликами по скошенному лугу, пестревшему горными цветами. В долине стремительнее других оказались мохевцы. А по бездорожью впереди всех неслись хевсуры. Им досталась одна из частей шкуры.

Скачки продолжались до самого конца праздника. В заключение разыгрывался «Хвост лошади». Кохсаламура, сидя на коне, снова взялся за пандури.

Всадники только-только собирались пустить вскачь лошадей, как за рекой на сторожевой башне Степанцминды запылал сигнальный огонь и в небо взметнулся столб дыма. Все стали напряженно вглядываться в сторону Сионской и Аршской крепостей, но там ничего подозрительного не было видно.

— Там! — воскликнул кто-то, и люди повернулись в сторону Дарьяла.

У входа в ущелье высился еще один столб дыма.

— Значит, теперь с Дарьяла?.. Кистинцы что ли напали? — заволновался народ, и тотчас все умолкли. Слово принадлежало хевисбери.

— Кто бы ни был наш новый враг, пусть знает: расправимся с ним не хуже, чем с Нугзаром Эристави! — И Шиола снова высоко поднял хевское знамя.

— На коней! Все до одного! — Хевисбери вскочил на вороного. — Пешие пусть спустятся к Тереку по короткой дороге. Вы нас нагоните. Встреча у крепости Давида! Звоните в большой колокол! За мной!

Шиола пустил коня под гору. Всадники помчались за ним — казалось, что продолжались скачки, лишь изменилось их направление. Многие, поймав лошадей на пастбище, на ходу седлали их и неслись вслед за знаменем. Все ущелье словно вздыбилось, заволновалось, зацокало в один голос с колоколом храма Самеба.

Когда отряд достиг священной рощи, со стороны Дарьяла показался скачущий гонец. Вскоре он поравнялся с отрядом:

— Враг у Дарьяла! Подошел к самому мосту. Иноземцы... Я не смог распознать — кто. Наши бросились рушить мост, а меня послали сюда, — с трудом переводя дыхание рассказывал вестник. Взмыленная лошадь его фыркала и вздрагивала от нетерпения.

— Значит, разрушили мост? Хорошо. — Хевисбери стал еще более собранным, подождал отставших. Многие тем временем догнали Шиолу — среди них хевсуры и кахетинцы. Дорога круто спускалась вниз, расстояние было не так уже велико. Когда приблизились к молочно-белым водам речки Хде, хевисбери оставил в боковом ущелье засаду — довольно большой отряд, а стрелков и лучников послал к крепости Давида, высившейся на горе за Тереком. Сам Шиола с основным отрядом спустился к Дарьяльским воротам. Вступив в теснину, мохевцы остановились в изумлении. Мост был целехонек, враги

свободно переходили по нему. Передовые миновали уже и теснину перед мостом. Их ружья и щиты блестели на солнце.

— Измена! — вскричал хевисбери. — Кто пропустил их? Спаси и помилуй нас, Бетлемская святыня!

И пока основная сила врага, по его расчетам, еще не перешла через мост, Шиола решил смести их конным натиском... Хевисбери велел людям сплотиться, бросил клич, и все его войско лавиной устремилось вниз, к Дарьяльскому мосту.

Гул Терека и воинственные возгласы слились воедино. Когда горцы приблизились к неприятелю, их несказанно удивило то, что враги продолжали продвигаться все так же неторопливо, гуськом. Впереди шли пешие, а во главе всего шествия шагал, опираясь на посох с крестом, высокий, длиннобородый старец в черном с непокрытой головой.

— Монах?! — Шиола осадил лошадь так, что она присела на задние ноги.

— Это наши! Слава тебе господи! Отец Зосимэ! — Дед Окро, не обращая внимания на сгрудившихся перед поворотом лошадей, бросился с распростертыми объятиями к старцу.

ГЛАВА XXIV

У ВРАТ ОТЧИЗНЫ

Впереди была земля Грузии. Завтра посольству предстояло вступить на нее. Послы провели тревожную ночь. Грузины — волнуясь в ожидании завтрашнего дня, русские — под впечатлением необычных гор и теснин.

Поднялись рано. В горловине Дарьяла их встретил туман. Терек глухо рокотал. Влажные от стекающих родниковых вод скалы причудливых очертаний медленно выплывали из молочно-белой мглы и нависали, словно норовя обрушиться путникам на голову.

Русские послы не могли даже толком разобраться, есть ли тут где-нибудь небо над головой, или они идут по скалистому коридору прямо в преисподнюю. Потом занавес тумана взвил-

ся. Казалось, вслед за ним устремились в вышину и кручи. Вскоре совсем прояснилось, и отвесные скалы, высящиеся до самых небес, как бы заключили небо в черную зубчатую рамку. Местами эта рамка как бы раскалывалась, и тогда снежные ледяные вершины оказывались прямо над головами маленьких, словно муравьи, путников.

Когда посольство вступило в середину Дарьяла, несмотря на яркое солнце, стало прохладно. Грохот Терека мешал людям слышать друг друга. Родион Биркин внимательно приглядывался к окружающему. Во-первых, это входило в его обязанности, а во-вторых, он от природы был весьма любознателен. «То ли дело — ширь и простор наших неоглядных полей! Здесь все словно нагромождено в беспорядке... Первобытный хаос! Именно хаос! Как тут может существовать человек? Мне даже воздуха не хватает! Ну что это за страна?! Нет, области южнее Терека ни к чему не пригодны!» — думал про себя русский посол, невольно повторяя мысли кахетинцев о краях, лежащих севернее Терека. «А с Тереком-то что стряслось? Неужели этот бешеный поток, в котором словно смешались кипящее молоко и смола, — это та самая покойная река, по которой мы плыли на стругах, да еще против течения? Трудно поверить!» — дивился Биркин.

Какая-то напасть постигла московских послов. Поначалу они никак не могли привыкнуть к горам — и ходить и даже дышать им казалось трудно. Но мучительнее всего был этот постоянный обман зрения. Послам все казалось, что каждая скала готова обрушиться на них, каждый валун грозно повис в воздухе и каждый мостик готов рухнуть. Тропинки словно устремлялись прямо в поток, а водопад рассекал небеса наподобие занесенного меча.

Сердца у них напряженно бились, стоило только глянуть вниз, как начинала кружиться голова и спирало дыхание. Путников попеременно прошибало то холодным, то горячим потом. И к одежде им было трудно приспособиться: в шубах было жарко, а стоило их снять, как тотчас становилось холодно.

Не пригодилось в горах и прославленное мастерство русских наездников... Они не умели перемещать в седле тяжесть тела и то оказывались на шее у лошади, то съезжали на ее круп.

Крупным русским коням было трудно идти по тропинке, они часто спотыкались, скатывались на осыпи, все никак не

могли приноровиться к тропинкам, вьющимся между валунами.

Послы пересели на привычных к горам черкесских лошадей. Но ущелье становилось постепенно все у́же, Терек гремел все сильнее и брызгал пеной. Непривычным всадникам приходилось все труднее, они не могли уже глядеть без страха на скалистые вершины и беснующийся поток, несущийся среди теснин.

Узкая тропа, лепясь к скале, вилась по краю пропасти.

Русские спешились. Один Родион Биркин продолжал восседать на коне. Отец Зосимэ оставался в седле, и русский посол тоже не сдавался, ни за что не хотел признать себя побежденным. Упершись в стремена, Биркин вглядывался в необычайно подвижные уши своей черкесской лошади, словно хотел по их движению угадать, какие опасности ждут его впереди. На повороте взор его, оторвавшись от лошади, скользнул по вспененной гриве Терека. Он тотчас зажмурился... Но не от страха, а от боли в глазах.

Приземистому и толстому Петру Пивову приходилось еще труднее, и он не в силах был скрыть вполне понятную растерянность.

— Куда мы едем? Что это за страна? Чем мы провинились перед господом. — За что такое наказание! И ведь нет ей ни конца ни края!.. Когда же наконец минуем мы эти места, где все стоит вверх тормашками?!

Он уже давно пробирался пешком, а на крутых подъемах, когда усталое сердце подступало к самому горлу, хватался за хвост лошади и так продолжал восхождение. Черкесская лошадка ловко пробиралась между громадными валунами.

— Глянь-ка — словно у нее на каждой ноге по глазу! — изумлялся Пивов и полагался на чуткую лошадь больше, чем на свои воспаленные глаза.

— Держись, Степан! — советовал он и Полуханову: — Это тебе не Новгородская ярмарка — тут Кавказ! Берись за хвост, за хвост, тебе говорю!

Вдруг камни стали осыпаться под копытами его коня, он заскользил вниз по склону. Пивов и тут не оплошал: продолжая держаться за лошадиный хвост, он широко расставил ноги, уперся и спас животное от неминуемого падения в бурливый поток.

— Держись, Петр! Крепись! — подбодрял он самого себя время от времени.

По всему каравану разнесся слух о ловкости Пивова. Привычные к горам сунджинские казаки подхватили его невольный возглас и теперь, всякий раз, как приближались к опасному месту, раздавался окрик:

— Держись, Петр! Крепись! Не выпускай хвоста! — следовал взрыв веселого хохота. А ведь каждому известно, что смех, как и друг, разделяющий с тобою невзгоды, лучший товарищ в беде. Рослые русские кони стали оступаться все чаще. Сначала груз поделили между запасными лошадьми, а потом и стрельцы, да и люди из самого посольства навьючили на себя переметные сумы. Подоспели на помощь и кахетинцы. Немало работы выпало на долю казаков, а среди них — Матвея Ногирина, который вторично и уже навсегда ехал в Иверию. Здесь в «Иверских горах» он чувствовал себя почти что хозяином, привечающим гостей.

Родион Биркин молча и все так же невозмутимо продолжал восседать на коне. Не дрогнул он даже тогда, когда лошадь споткнулась и ободрала колени об острые камни. От толчка островерхая шапка посла слетела с его головы и исчезла в пенистой пучине Терека. У Биркина закружилась голова.

Не в лучшем состоянии были и кахетинцы, так стремившиеся на родину. Они утомились еще на бескрайних северных просторах, а теперь, когда русским стало трудно выносить тяготы горного путешествия, им, как хозяевам, пришлось направлять караван и быть его главной опорой.

Вдруг тропинка как бы повисла между Тереком и скалистой кручей.

Тут уж спешился и отец Зосимэ. Он желал войти в Грузию пешим. Биркин тоже сошел с лошади.

Тропинка проползла под нависшей скалой и возле старого моста словно скатилась в бешеные воды Терека.

Узкий мостик без перил был переброшен через поток. На длинном бревенчатом настиле лежали засыпанные землей вязанки хвороста и камни, внизу бесновалась река.

У Биркина, привычного к русским добротным мостам, волосы встали дыбом.

...Здесь не могли бы разойтись два человека в бурках! А ведь должен был проехать целый караван с грузом.

Отец Зосимэ обнажил голову и обратился к грузинам:

— Вот Дарьяльский мост. Мы у врат отчизны! Мир всем

живущим на этой земле! — И опираясь на посох, увенчанный крестом, старец шагнул на мост...

В тот же миг раздался ружейный выстрел. Грохот Терека почти заглушил его, нельзя было понять, куда попала пуля и откуда стреляли. Но когда сторожевая башня за рекой окуталась дымом, все стало ясно.

Вслед за тем в середину моста вонзилась стрела, как бы преграждая путь идущим. Караван остановился. Русские схватились за оружие. На сторожевой башне запылал костер, столб дыма взвился к небу. Человек пять спрыгнули откуда-то сверху и принялись рубить мост топорами. Отец Зосимэ проявил необычайную для себя поспешность. Вырвав стрелу из настила моста, он поспешил к рубившим.

— Мы грузины, христиане! Пришли с миром! — крикнул он громким голосом, так что его было слышно даже сквозь рев потока.

Горцы остановились, опустили оружие. Но сигнальный дым все еще поднимался над башней, а гонец уже мчал коня вверх по ущелью.

— Кто вы такие? Откуда взялись грузины на той стороне? Или вы заблудились?

— Мы — кахетинские послы! Посланцы царя Александра!.. А стрелу вашу лучше приберегите для врагов! — И старец Зосимэ ступил на грузинскую землю. Он вручил стрелу гонцу, а сам спустился к Тереку и преклонил колени. Одной рукой он взял горсть земли, в другую зачерпнул воды из Терека.

— Грузинская земля, родная земля и вода! Да осенит нас ее благодать! — благоговейно произнес он, пригубил воду, смахнул украдкой слезу и лишь потом рукою, в которой была земля, перекрестился.

Тут отец Зосимэ вспомнил, что еще не помянул имя господне. Любовь к родине, радость свидания с нею заставили его позабыть обо всем.

— Господи всемогущий... Матерь божья, наша заступница! Да будет путь, что привел нас с Севера, спасительным для страны!

Между тем русское посольство уже вступило на Дарьяльский мост. Родион Биркин украсил голову еще более высокой парадной меховой шапкой. Шествовавший с поднятой головой по мосту рослый московский посол казался еще более высоким и представительным. Тень его не умещалась на мосту и падала на воду, как бы смешиваясь с бурными волнами.

Зосимэ присел на камень, дожидаясь, пока переберутся остальные. У ног своих он заметил небольшой блестящий кусочек горного хрусталя, поднял его и спрятал, чтобы сохранить на память о дне, когда перед ним вновь открылись врата отчизны.

Переходили через мост довольно долго. Особенно трудно оказалось переправить лошадей, многих пришлось разгрузить. Хевцы предупредили отца Зосимэ, что по причине неожиданного появления русско-кахетинского посольства в общине забили боевую тревогу. Зосимэ поспешил вперед, обогнал караван, но так и не сел на лошадь, ему хотелось пройтись пешком по вновь обретенной родимой земле, расстилавшейся перед ним.

Ущелье слегка расширилось. Выше, у выхода из него, показалась крепость Давида, и вдруг, словно лавина, низринулась с гор хевская конница.

Когда атакующие приблизились, Зосимэ высоко поднял посох, увенчанный крестом.

Все остальное свершилось во мгновение ока. Всадники застыли как вкопанные.

— Отец Зосимэ! Ну да, это он! А я ведь догадался! Уже около Борбало догадался! С миром ли возвращаетесь? — и дед Окро упал на колени перед старцем.

— Ты, Окро? — Зосимэ дрогнувшей рукой помог старику подняться и прижал его к груди. Тут и другие бросились к нему. Пришельцы и встречающие, смеясь и плача, стали обнимать друг друга.

Русские стояли в стороне и удивлялись.

— Как будто все они братья или близкие родичи. Да, видно, здесь умеют любить от всего сердца.

Откуда было им знать, что эти самые люди совсем недавно с азартом разили, убивали друг друга.

Имя старца Зосимэ хорошо было известно в Хеви. Отряд спешился. Хевисбери Шиола склонил перед старцем знамя общины. Зосимэ благословил его и приказал поднять над головами.

Появление русско-кахетинского посольства продлило празднества еще на несколько дней. На этот раз, уже по христианскому канону, отслужил службы в храме Самеба отец Зосимэ. Старейшины общины, обнажив головы, слушали его проповедь.

— Нет ничего слаще отчизны, и нет края более благословенного, чем Грузия!

Русские с любопытством слушали православную службу и проповедь на непонятном языке. Они рассматривали храм, иконы, роспись стен и дивились.

— Эти иконы так же суровы и грозны, как здешняя природа; удивительно, что все эти смуглолицые святые не препоясаны мечами, — шептал Петр Пивов Биркину.

А подьячий посольства Полуханов уже отмечал в памяти для очередной записи: «Сначала мы пробирались по адским колодцам, а теперь поднялись на небо... Множество сводов небесных и разноцветных облаков остались под нами, далеко внизу... Должно быть, мы попали в царство небесное... А здесь — церковь и люди... Поют, веселятся и пляшут. В вышине, совсем далеко, где, вероятно, раскрывается седьмое небо... изредка мы видим ослепительно сияющий огромный алмазный купол. Говорят — это горы Мкинвари и Бетлеми. Радуга оказалась и сверху тоже семицветной. Внизу же нет ничего, кроме гор и круч. А еще — люди с кинжалами умеют варить отменное пиво....»

Шум пиршества прогнал в ту ночь туров за гору Арши.

Дед Окро подробно рассказал отцу Зосимэ о делах кахетинских, хевсурских и арагвских. Он передал старцу наказ царя Александра.

Зосимэ прикинул:

— По твоим словам, сын Нугзара гостит сейчас в Греми?

— Так оно и есть, преподобный отец.

— Значит, Нугзар нас пропустит! А через Хевсурети нам все равно не провезти столько людей и поклажи! Поезжай вперед, никто лучше тебя не сумеет передать царю весточку от нас!

Дед Окро вместе со своим отрядом на другой же день отправился в Кахети. За ним последовали и хевсуры.

Хевисбери Шиола послал царю кахов седло Нугзаровой лошади и кусок ее шкуры на каламаны. Шиола обещал всячески содействовать русским и кахетинским послам и оказывать им подобающие почести.

Послам и проводникам предоставили свежих лошадей, дали отдохнуть, накормили их и проводили через перевал.

Теперь уже впереди ехал Родион Биркин. Когда караван спустился в долину, у посла полегчало на душе, и если он раньше жаловался на духоту и отсутствие свободного пространства в ущелье Дарьяла и вообще всюду к югу от Терека, то

теперь его изумили и пленили привольные пастбища и луга, пестреющие благоуханными цветами.

На перевале еще лежал снег.

— Снег в середине лета? — удивился житель севера. — Все здесь необычно и невероятно! Небо где-то под ногами, а травы и цветы — наверху. Или там, на вершинах, вовсе не снег, а лишь снежно-белые облака? Но ведь этот снег здесь — настоящий! Такой же, как у нас! — сойдя с коня Биркин трогал снег и делился мыслями с не менее изумленным Петром Пивовым.

— А говорили — это жаркая страна!

Русские сравнивали эти беспредельные пространства с простором своих бескрайних равнин и пожимали плечами.

— Здесь что ни шаг — то ступенька вверх.

Солнце, отражавшееся в ледниках Кавкасиони, вскоре стало слепить глаза путешественникам.

— Здесь можно и вовсе ослепнуть! — потирая веки, бормотал недовольным тоном Пивов.

В Гуда — первой деревне по ту сторону хребта — горцы распрощались со всеми. Хевисбери Шиола поочередно пожал руку каждому и пожелал им счастливого пути.

Путники расположились тут же, в деревне, и послали к Нугзару Эристави черкеса Куршиту и Полуханова. О присутствии среди послов отца Зосимэ решили пока никому не сообщать.

Биркин оповещал Нугзара Эристави о прибытии русского посольства и просил свободного и беспрепятственного проезда через Арагвские владения в Кахети.

Едва успевший оправиться от поражения, Нугзар встретил посланцев Биркина в Млетской крепости. Ожесточенный своей неудачей, он готовился к новому походу. Появление черкеса Куршиты и его сообщение заставили эристава глубоко призадуматься:

«Быть может, здесь и следует искать причину моего поражения? Не оказали ли они помощь мохевцам? Зачем же мне точить нож на самого себя? Нельзя пускать в Кахети русских, с их пушками и ружьями».

Но не пропустить посольство — означало явно пойти против царя кахов. А это казалось Нугзару нецелесообразным, тем более теперь, после поражения в Хеви. К тому же, его первенец гостит в Греми, вернее, пребывает там в почетном плену. Как же быть?

Нугзар вскочил на коня и вскоре, в сопровождении многочисленной свиты предстал перед иноземными послами.

Родион Биркин принял его в своем шатре. Навстречу эриставу вышел Степан Полуханов; Петр Пивов ожидал внутри вместе с Биркиным.

Толмачом при переговорах был черкес Куршита.

Нугзар успел окинуть взглядом посольский караван. Узнал он и то, что у русских не было никаких пушек. Эристав принял послов за богатых купцов и решил, что пока царь Александр не проведал о прибытии каравана, у него есть время для всевозможных проволочек и можно будет извлечь из всего этого немалую выгоду.

— Вы посланы великим государем Руси к царю Кахети, но путь ваш лежит через мои вотчины... Есть ли у вас грамота от вашего государя на мое имя или же соответствующие дары, предназначенные мне? — Нугзар с надменным видом опустился на низкое ложе.

Биркин объяснил, что посольство намеревалось следовать другой дорогой, но нужда заставила его избрать путь через Хеви и Арагви. Он обещал упомянуть о заслугах арагвского эристава в Греми, а также в Москве, по возвращении из посольства.

Но Нугзар, выискав какой-то предлог, заупрямился, он намеренно набивал себе цену и ожидал новых предложений.

Тогда Биркин призвал в посредники иверского посла.

«Черкес Куршита не смог меня убедить, вот и решили вызвать какого-то греческого монаха... Верно, есть у него в запасе еще и армянский поп, — улыбаясь подумал Нугзар. — Что ж — поторгуемся! Русские товары пригодятся и мне!»

Но когда пола шатра откинулась и перед эриставо предстал старец Зосимэ, изумление Нугзара скорее походило на ужас. Он вскочил и захлопал глазами.

Биркин спрятал улыбку в белокурых усах.

— Отец Зосимэ? — еле слышно прошептал арагвинец.

— Да, это я, господин Нугзар! Надеюсь, вы уже обо всем договорились? По дороге побеседуем...

— Разумеется, разумеется... Я думаю, что...

Нугзар не отличался сообразительностью и знал об этом. Поэтому, когда ему было нужно выиграть время и не сказать ни «да», ни «нет», он обычно прибегал к ничего не значащим словам. Но на этот раз арагвинец явно растерялся. Да и не удивительно! Старец Зосимэ, затворившийся, как об этом зна-

ли все, в пещере Борбало, возвращался вместе с русскими послами со стороны Москвы, ехал из России в Кахети! «Эге, так вот какие дела! Какая уж там торговля!» — У Нугзара было такое чувство, как будто, шелк, посланный в Астрахань, свили в веревки и приготовили уже петлю, которую накинут ему на шею.

— Да, да... Мог ли я подумать? Я поеду... Пришлю вам ответ через сына, — с трудом пробормотал наконец эристав.

— Сын ваш Баадур встретит нас вместе с царем Александром на границе Кахети и Саарагво. Я думаю, ему захотелось бы повидаться со своим победоносным отцом, после столь славной битвы! — уязвил эристава отец Зосимэ, сопроводив свои слова суровым взглядом.

— Благослови нас, отче! — опомнился наконец Нугзар. «Значит, и это ему известно! Клянусь, это не святой старец, а лукавый дьявол — все ему ведомо!»

Так думал полный злобы, растерянный эристав, продолжая улыбаться через силу.

— Переведи русским послам, что я очень рад! Буду служить им, чем смогу!.. Они вольны немедля продолжать свой путь... — Нугзар обернулся к Куршите, трусливо пряча глаза от грозного монаха. — Я сам вас провожу... Мне не терпится встретиться с государем и сыном моим Баадуром.

В течение четырех дней, пока посольство ехало по Саарагво, Нугзар ни на шаг не отходил от русских послов и старца Зосимэ. Эристав пытался хоть что-нибудь выведать. Однако это ему не удалось: путешественники много рассказывали о Москве и о России, но не проронили ни слова относительно целей посольства.

ГЛАВА XXV

ТРЕТИЙ БОГАТЫРЬ

А жизнь в Кахети по-прежнему текла подобно водам Алазани. Внешне как-будто ничего не изменилось, но люди прозорливые предчувствовали большие беды, приближение лихой годины.

Положение во многих частях Грузии казалось почти безвыходным. Были под угрозой и вера христианская и национальное достоинство. Черная, душная чадра мусульманства нависла над страной. По обе стороны Лихских гор хозяйничали турки.

Измену и самоотверженность, стойкость духа и низость, мужество и обман — и того, и другого вдоволь нашли захватчики на грузинской земле. Каждый уголок разрозненной Грузии нуждался как в едином, общегосударственном, так и в местном порядке... И все-таки Кахети была в наиболее выгодном положении. Господство турок пока ее непосредственно не затронуло. Не удалось утвердиться тут и Ирану. Александр чудом сумел «уравновесить» на невидимых весах этих двух соперников. Но повелитель кахов понимал: спокойствие это обманчиво и лавина может сорваться в любую минуту. Знал Александр: рано или поздно Иран и Турция, сообща или по отдельности, протянут свою когтистую лапу и к Алазанской стороне.

А из России не было никаких вестей, и чело царя хмурилось все больше.

Глядя на мужа, печалилась и царица Мариам. Она не вмешивалась в дела царства, но всей душой отзывалась на все, что имело касательство к ее мужу и сыну, и как-то не отделяла их обоих от общекахетинских дел. Мариам вечно была в горести по какой-нибудь причине. К тому же после давешних родов к ней привязалась хворь. И все-таки царица неукоснительно соблюдала посты и ежедневно подолгу, истово молилась. Часто получали от нее монастыри и храмы денежные пожертвования и ценные дары. Неподалеку от Греми, напротив широкой песчаной косы, тянувшейся вдоль реки, рядом с древней и изрядно разрушенной молельней по велению Мариам начали строительство храма с высоким куполом.

Принарядив свою шестилетнюю Нестан и велев запрячь лошадей и крытый возок, Мариам отправлялась на строительство. Она позволяла Нестан раздавать милостыню, оделять бедных подарками и радовалась вместе со своей дочуркой. Одна только Нестан осталась теперь при матери, сыновья все подросли и постепенно отошли от нее, сблизились с отцом. Даже Константина, которому лишь недавно исполнилось десять лет, супруг ее почему-то оторвал от семьи и отослал на все лето в горы. Георгий жил в семье Ясона Чавчавадзе, у которого обучался, а Давид уже давно находился на берегу Иори, в замке

своего пестуна и наставника Омана Чолокашвили. Только с Ираклием не расставался царь кахов, исподволь приучал его к делам государственным.

Мать все время скучала по детям, ее непрестанно мучила мысль, что, вырастая, они отдалялись не только от нее, но, быть может, и друг от друга и, не приведи господь, отвыкали и от отца. Сердце матери с остротой почти что родовых мук ощущало, как дети ее подрастают, мужают, а старшие становятся совсем уже взрослыми. В последнее время сильнее всего волновало Мариам тайное обручение Ираклия.

— Чего только не придумают мужчины, чтобы перехитрить друг друга, натешить свое честолюбие, свою гордыню! А до бедняжки невесты и до моего первенца им и дела нет. Свели их, показали друг другу, заставили полюбить и тотчас разлучили — на погибель обоим юным сердцам!.. Если сын мой так убивается — каково же тогда бедной девушке? — втихомолку сетовала царица.

Александр грустно улыбался. Эти тихие жалобы лишь усиливали его любовь к Мариам. В глубине души царь был согласен с женой, но хранил молчание. Иного выхода не было. Не мог же он сказать, что нарочно отослал Константина в горы, желая приучить несчастную мать к его отсутствию! Ведь если, несмотря на все усилия, царь не сумеет отстоять Константина, придется послать его заложником в Иран. «А Георгий?!» — царь пытался заглянуть в тайники своей души. Этот крепко сбитый юноша с пригожим лицом давно уже стал ему милее других сыновей. Отцу даже совестно бывало за свое пристрастие... Перед лицом господа, выбирая заложников, Александр не стал прислушиваться к голосу чувства. Но сердце все-таки твердило свое...

Царю по душе ловкость Георгия, и то, что он с малых лет отличный наездник; нравятся отцу надежная рука сына, его открытый смех, степенность и задумчивость, спокойствие, с каким он умеет слушать.

И еще одно запечатлелось издавна в сердце царя — Георгий ведь был своеобразным свидетелем решающей его победы! Сын, окрещенный в день победного торжества! Царь закрывает глаза, и перед мысленным оком его вновь возникают давние события. Возвращение в день крещения... Толпы народа на Алазани... Духовенство... Царица с детьми... Он сам, Александр, вооруженный с головы до пят, победителем вошел в воды Алазани вместе со своим отрядом, вместе со своим народом... Тогда-то

и окрестил он своего маленького Георгия, прямо в Алазани, поздравил с победой, нарек его победоносцем... И доныне сердце отца видит в нем дарующего победу! А насчет Ираклия Мариам права. Царь и сам заметил, как изменился его первенец после тайного обручения... Он стал печален, задумчив, пристрастился к одиноким прогулкам... Но что поделаешь? Спешить в подобных делах нельзя... Вот, если вернутся послы, отправленные в Россию... Если они принесут утешительные вести... Если сбудутся его «горные» замыслы... Если... Господи, как много «если»!

А с севера ничего не слышно. Были послы — и исчезли.

— Моя Мариам! Не печалься об Ираклии. Я приближу его к себе еще больше. Царевич умен и благороден. Гораздо больше беспокоит меня Давид — он становится упрямым и вспыльчивым, и здоровье у него неважное!

Часто, когда в большом дворце унимались хлопоты и стихал шум пира, царь и царица, отдохнув от праздничной суеты, делились как обычные родители мыслями о воспитании детей. Но с течением времени между супругами все чаще возникало странное, тайное отчуждение, не приводившее к какому-либо открытому разладу или разрыву. Они уже не понимали друг друга с одного взгляда, с полуслова, как прежде. В матери говорила прежде всего любовь к прошлому ее детей, а в отце — страх за их будущее и желание их уберечь. Для матери они навсегда остались детьми, для отца же — стали наследниками, соратниками и быть может даже соперниками.

Исключением оставалась Нестан. Маленькая, ясноглазая девочка была полностью «маминой дочкой», и отец совсем не принимал участия в ее воспитании. Мысль же о судьбе сыновей всюду преследовала его, как незатихающая боль где-то в глубинах сердца. «Нагрянет ли враг зимой или весной? Летом или осенью? Вернутся ли из России послы, найдется ли выход? Придет подмога, или явятся турки и иранцы и возьмут моих сыновей в заложники?»

Приближался август. Днем было жарко даже во дворце с круглым залом, а ночь опустилась прохладная и сладостная. Царь призвал Ираклия, назначил ему распорядок на ночь и на [illegible], а сам поднялся на дворцовую крышу и окинул взором окутанную ночной темнотой долину. Стояла лунная ночь. Отчетливо виднелась ограда Греми. Над погрузившимися в полутьму улочками города, словно стражи и покровители, возвышались дворцовая башня и купол храма Архангела. А вокруг прости-

рались благодатные, изобильные поля Кахети. Когда глаза Александра привыкли к темноте, перед ним с отчетливостью чеканного изображения возник город, значительно выросший за годы его царствования. Александру были знакомы здесь почти каждый дом, каждая церковь и часовня; каждый квартал занимал свое особое место в его сердце... А сколько еще предстоит царю строить и укреплять? На мгновение все это представилось Александру разрушенным, обращенным в руины. Дрожь объяла царя, и, потрясенный, он возвел глаза к небесам, ища там надежды и утешения.

Небо, усеянное бесчисленными звездами, успокоило его, и царь уже собирался спуститься в опочивальню, когда до него донеслись топот копыт за воротами дворца и оклики часовых:

— Кто такие? В столь поздний час?

— Я — дед Окро из Кеди! Доложите государю!

«Тут дело не в одном Нугзаре! Дед Окро — человек с понятием, он знает — всему свое время. И знает к тому же цену вестям!» — подумал Александр и крикнул в трубу, замурованную в стене:

— Пусть царевич Ираклий примет приезжих, а старика тотчас пошлите ко мне!

Вскоре на кровлю поднялись царевич Ираклий и дед Окро. Ираклий сам светил старику, несшему перекинутый через плечо хурджин.

— Мир и добрые вести, государь! — дед Окро собрался было преклонить колени и облобызать край царской одежды, но Александр махнул рукой:

— Говори!

— Злоумышленник потерпел поражение. А это прислала вам в дар хевская община — седло и каламаны из шкуры боевого коня Нугзара, — дед Окро сложил хурджин к ногам царя.

— Каламаны из шкуры вражеского коня ценятся высоко, старик.... Но нашей беде одними каламанами не помочь. Что же еще — главное?

— Есть и «сапоги», государь! — тут дед Окро оглянулся на царевича.

— Говори! — разрешил Александр.

— Преподобный отец Зосимэ прибыл в Хеви... С ним — русские послы с многочисленными дарами.

С глубоким облегчением вздохнул Александр и еще раз возвел взор к усеянному звездами небу.

— За добрые вести — упряжку волов и арбу со снопами! Ираклий не забудь и других кедцев! — затем царь коротко расспросил о хевских делах и о послах, уточнил время их приезда.

— Ираклий! Завтра утром призовешь ко мне на совет Омана Чолокашвили, мдиванбега Ясона Чавчавадзе, Давида Джандиери, Шермазана Чолокашвили. С самого утра не отпускай от себя Баадура. Принимайся за приготовления — завтра двинемся с большой свитой в сторону Арагви. И смотри — никому ни слова о том, что ты здесь слыхал!

Отпустив Ираклия, царь усадил деда Окро поближе к себе и велел подробно рассказать обо всем, что он видел и делал, что постиг и почуял прозорливым стариковским сердцем, а так же все, что велел ему передать старец Зосимэ.

На следующий день празднично разодетый Александр направился в сопровождении большой свиты к Тианети. Он взял с собой сокольничьих и ловчих с гончими и борзыми.

«Если это охота — то к чему столь богатые одежды? А ежели свадьба — то где жених и невеста?» — терялись в догадках высокородные. Особенно удивились они после того, как и в Ахмета не был сделан привал, затем миновали большую крепость Кветера... Высокую, поросшую лесом гору Шехветила... Свернули к Тианети и лишь неподалеку от Харчашо, в пустынном лесу, выбрали место для отдыха, разбили шатры на лесной полянке.

Шатры царя и высокородных были богато убраны; желающих отослали поохотиться. Вокруг лагеря расставили караульных с таким расчетом, чтобы никто посторонний не мог укрыться от их недреманного ока.

Царь выслал навстречу русским Омана Чолокашвили и Иорама Абелишвили. Им сопутствовали с полсотни азнауров и сотня стрелков. Отдельно от них, чтобы почтить отца Зосимэ и поздравить кахетинских послов с благополучным возвращением, выехали царевич Ираклий, а с ним Баадур, сын арагвского эристава. Царь жаловал русским послам иноходцев. Разместить послов было велено в Харчашском храме и его службах. Царевичу же Ираклию поручалось немедленно доставить отца Зосимэ и кахетинских послов в лесной лагерь.

Русские послы достигли Арагвско-Тианетской границы. В день успения богородицы Нугзар сопровождал их. Сославшись на то, что должен заехать за сыном, эристав решил явиться в Греми. Гордец принял смиренный вид, так как замыслил

узнать цель приезда русского посольства. Но уловки его оказались напрасными. Баадур встретил отца на границе и передал ему благодарность от царя кахов за добрую службу и пожелание мирного отдыха в Арагвской вотчине.

Делать нечего — отец с сыном уехали домой.

«Не научились ли гонцы царя летать?» — хмуро думал Нугзар, — как мог Александр, не покидая Греми, узнать о прибытии русского посольства, и как этот чертов сын Зосимэ проведал, что Баадур гостит у царя? А тут еще кахетинцы, словно нарочно явились встречать русских послов! — тщетно расспрашивал Нугзар своего сына, — Баадур знал немногим больше, чем его отец.

Старец Зосимэ и остальные кахетинцы, прибывшие из Москвы, направились к Александру кратким путем. А русские, сопровождаемые Оманом Чолокашвили, избрали кружную дорогу. Приказ царя гласил: задержать послов в пути на неделю, не проезжать с ними через селения и большие деревни, держаться в основном древних и недавно выстроенных церквей и монастырей. А под конец привезти назад в Харчашо, в летние покои епископа Филипэ, что в ограде храма. Отсюда до «лесного лагеря» можно доехать за полдня.

Трогательным, как встреча отца и сына, было свидание Александра и отца Зосимэ. Они многократно облобызались, и оба тайком смахнули слезу. Затем они уединились в златотканом шатре и завели долгую беседу: Зосимэ обстоятельно рассказал о виденном и слышанном.

Три дня царь и его наставник держали совет о грядущих делах государства; они хоронились от всех и не выходили из шатра. Шатер отца Зосимэ примыкал к царскому и был отделен от него лишь перегородкой.

Когда старец закончил свое повествование и ответил на все расспросы, перешли к общим и частным выводам.

— Россия безгранично обширна и продолжает расти во все стороны! Кажется она необыкновенно могущественной, хоть и ощущается в ней еще неустоявшаяся сила. Россия медленно, как бы на телеге, продвигается в сторону Кавкасиони. Она овладела Казанью и прочно утвердилась там... Завоевала Астрахань и также утвердила ее за собой. Сейчас Россия овладевает краями, лежащими южнее Астрахани. Много на это уйдет времени, но русская телега, наконец, перевалит и через эти наши горы, доберется и до нас... А тогда — одной рукой справится она с Ираном и Турцией...

— Для себя, не для нас! — заметил Александр.

— Если у нас есть выбор — то я предпочел бы объединить и укрепить Грузию изнутри, своими собственными силами!.. Это и было моей вечной заботой, — Зосимэ говорил стоя, а царь нервно расхаживал, пробираясь между опорными столбами шатра, словно метался по загону...

— Неосуществимая мечта! Во всяком случае — сегодня об этом рано думать, — махнул рукой Александр.

— Авось придет к нам с севера хоть малое облегчение... Я все доложил о Московии, о Руси, государь, и хорошее и плохое... Это большая, богатая, могучая христианская страна, но пока что она чужда нам!.. Магометанский мир Ирана и Турции, по существу более близок Грузии... Это говорю я, священнослужитель, — отец Зосимэ ударил себя кулаком в грудь, — но есть у России одно, главное преимущество — за нею будущее! Там, за Тереком — основа нашего грядущего обновления, — отец Зосимэ закрыл лицо обеими руками и закончил тихим, мечтательным голосом — грядущий век... век обновления! Когда старое, отстоявшееся вино перельют в новые меха... Выбор зависит от царя кахов!

Обо всем уже было говорено и переговорено, но Александр снова и снова возвращался к сказанному, ему хотелось все как следует подробно обдумать. Казалось, царь со всех сторон рассматривает эти новые меха — сначала издали, имея в виду лишь будущее, затем подойдя поближе и, наконец, применительно к сегодняшнему дню. И отца Зосимэ расспрашивал настойчиво, выискивая все новые занимавшие его детали. Он хотел проникнуть в самую сокровенную глубь мыслей старика, узнать, что таилось в его сердце. «Выбор остается за мной, мне придется кидать жребий — значит, все должно быть ясным, ничем не затуманенным!».

— Ответь мне, сумеет ли Россия сегодня хотя бы уравновесить силу обступивших нас Ирана и Турции.

— Несомненно! А впоследствии и одолеет их. — Отец Зосимэ выпустил опорный столб шатра. — Я не могу точно предсказать — когда, но убежден, что будет так.

— Значит, новое равновесие в грядущем будет нарушено опять-таки за наш счет? — допытывался Александр.

— Возможно, но думаю, что до тех пор исцеленная и обновленная страна обретет необходимую защитную броню и потомки найдут лучший выход, чем наше злосчастное поколение. А сегодняшние наши вопросы следует решать не с точки

зрения прямой выгоды, а с высоты нравственной оценки, взирая на события не глазами царя кахов, а как подобает предводителю всей земли Иверской, пекущемуся о ее судьбе. Таковым тебя и почитают в Московии.

— Постой! — прервал старца Александр. Он никак не мог примириться с давней привычкой Зосимэ взвешивать все на весах высшей нравственности. — Ну, а ежели не найдется силы... не будет брони... что тогда?

— Тогда? — отец Зосимэ задумался, отыскивая слово, могущее как можно отчетливее выразить его мысль, — если мне суждена смерть, я предпочел бы погибнуть на пути к победе!

— Слабый довод! Для меня — недостаточный. Смерть — уже поражение...

— Перед совестью своею я отвечаю на этот вопрос так... Лучше уцепиться за крылья двуглавого орла, чем быть растерзанным рысью и гиеной. Тем более, что орел этот непременно прилетит — это предрешено! — Зосимэ отвернулся к окну. Александр невольно также обратил лицо в ту сторону, и луч, падавший через раскрытое окно, внезапно принял в его глазах очертания распростертого орлиного крыла.

— Значит, никакого выбора по существу и нет?

Но Зосимэ продолжал, следуя за собственной мыслью:

— Не приведи господь, чтобы и другие области Грузии постигла участь Самцхе-Саатабаго! А это может случиться, если мы не постараемся помешать!

Царь кахов опустил голову и долго глядел на разостланный под его ногами ковер невидящим взором. Он-то знал, какие грозят наступить времена...

— Но неужели объединение наше возможно лишь за счет потери свободы? — глухо спросил Александр. — Да такие ли страшные недуги точат нас изнутри? Что предпочтительнее для иверов — разрозненность и свобода, хотя бы ценой неравной борьбы, или единство под ярмом нового покровителя? Неужто наше извечное стремление к свободе должно привести лишь к свободному выбору нового покровителя?

Монах ничего не ответил. Вопросы царя сами содержали в себе ответ, и в то же время на них не было никакого ответа.

Александр продолжал по своему обыкновению думать вслух:

— Боюсь, как бы появление третьего соперника не испортило дела, налаженного с таким трудом. Крупную игру про-

игрывает обычно тот, кто не в силах больше ждать... А на нас со всех сторон льется дождь и сыплется град.

Долго стоял царь, сложив руки на груди, погруженный в раздумье. Наконец он воскликнул, словно провидя смутное будущее:

— Я то сам несомненно сложу в этой борьбе голову... Но авось хоть сыновья и народ мой дождутся спасения...

Царь кахов созвал малый совет. На нем присутствовали лишь немногие приближенные: царевич Ираклий, мдиванбег Ясон, Горджасп Эндроникашвили, полководец Шермазан, Давид Джандиери, Заал Джорджадзе и Андерман Вахахишвили.

Старец Зосимэ обрисовал перед советом обстановку на севере и сообщил о результатах своего посольства. Черкес Куршита и монах Кирилэ дополнили и подтвердили его сведения. Слушали их с большим вниманием. Всем было ясно, что начинается нечто новое и значительное.

О секретном посольстве в Россию — в особенности, когда возвращение его так задержалось — шли самые разнообразные толки. Заговорщики — высокородные князья, чувствовали, что здесь скрывается какая-то тайна, но как могли они предполагать, что затворник из Борбало, покинувший мирскую суету суровый старец вновь вернется к житейским делам и вдруг появится во дворце с русским посольством.

Обычно в доме владетеля кахов никакую мелочь нельзя было скрыть от стороннего взора. А тут столь значительное событие обрушилось на всех нежданно-негаданно, как гром среди ясного неба! Рассказ Зосимэ поверг князей в полное изумление.

Царь Александр открыл совет:

— На ристалище вышел третий великий богатырь — к Ирану и Турции прибавилась еще Россия, — царь осторожно направлял разговор, — Кахети сегодня единственная часть Грузии, не подвластная пока кизилбашам и туркам. Турция ныне — самый опасный враг не только для Кахети, но и для всей Грузии. — Александр окинул взглядом членов совета. — Вспомните судьбу Самцхе — там у высокородных отобрали земли и роздали турецким воинам... Азнауров и крестьян частью насильно заставили принять ислам, частью разорили. Невзгоды Картли и Имерети всем нам хорошо известны. Что ж — враг нашего врага — наш друг и доброжелатель. Любой соперник Турции, ведущий с нею борьбу, — наш естественный природный союзник.

Собравшиеся ожидали, что теперь царь упомянет Россию и станет восхвалять ее, но Александр был осторожен.

— Пока Иран воевал с Турцией, мы держали его сторону. Сейчас у нас появился новый могущественный союзник и покровитель... Наша основная цель — служить посредниками между Россией и Ираном и сплотить их союз против турок... Для себя же мы должны выковать если не меч, то хотя бы щит!

Александр умолк. Молчали и члены совета.

— Есть у нас еще одна, менее значительная, но все же существенная задача — сломить шамхала, смирить Дагестанское княжество, навсегда пресечь разбойничьи набеги лезгин на наши земли. Крепость, воздвигнутая русскими на Тереке, союз с Россией — укрепят наш тыл с севера. После падения Византии у нас еще не было столь могучего и притом единоверного союзника!

Совет, принявший такое направление, оказался на редкость кратким, мнение собравшихся — единодушным. Если у кого из князей и имелись тайные замыслы, то в ожидании русских послов они спрятали свои клыки.

В назначенный срок Оман Чолокашвили разместил русских послов в монастыре Харчашо и приставил к ним в качестве гостеприимца князя Иорама.

Несколько дней послы отдыхали после долгой дороги. Вокруг них суетились цирюльники и прачки, слуги нанесли огромное количество всяческой снеди, фруктов и лакомств.

Послы пересматривали, перетряхивали и приводили в порядок дары, присланные Годуновым царю Александру. Они освежили свою одежду, проверили записи с различными наказами...

Вскоре послов посетил царский домоправитель. Александр приглашал посланцев русского государя к себе.

Биркин поставил единственное условие — чтобы на приеме не присутствовал посол никакого другого государства. Так значилось в данном ему наказе.

— Царь пребывает на охоте. Он и его приближенные разместились в шатрах... Окружают государя лишь именитые дворяне, никого постороннего здесь нет! — заверил Биркина Оман и подвел послам пожалованных царем Александром скакунов.

Александр произвел на послов большое впечатление... Но не богатым одеянием и не роскошью. Сановников московского двора трудно было удивить блеском богатства. Их поразила

царственная приветливость государя, его уверенная мудрость, ясность мысли и непосредственность. Нет, этот властелин вовсе не походил на великого государя всея Руси и владетеля многих иных земель Феодора Иоанновича, от имени которого они столь гордо говорили с Александром.

Златотканый шатер был полон сановников и дворян. Царь встретил послов стоя. Послы низко поклонились по русскому обычаю владетелю иверских земель, осведомились от имени великого государя о здоровье властителя кахов и, следуя наказу, дважды повторили вопрос. Полуханов все время листал «Наказ» и потихоньку напоминал Биркину и Пивову пропущенные места. Затем царю преподнесли дары. Полуханов читал список густым басом, Куршита переводил:

— Сорок горностаев, стоимостью в сто рублей... Две лисицы чернобурые — пятьдесят рублей.

Посольские слуги вносили в шатер связки шкурок. Один из углов златотканого шатра до самого потолка заполнился чудесными северными мехами.

— Видно, русский царь отличный охотник или...

— Или — мастер сдирать шкуру... — тихо украдкой перешептывались князья.

И еще одна особенность удивила восточных вельмож — то, что послы называли цену каждого из подарков. Или такова русская вежливость? Где это слыхано? Ведь это же дары, а не выкуп! — поддакивал князьям Саргис Сомхишвили.

— Десять рыбьих зубов. Да, зубов! — повторил толмач. — Шлем и кольчуга московского изделья! — Куршита уже не называл цены, чувствуя, что это не нравится царю кахов.

Шлем и кольчугу одобрили все.

Обилие даров произвело большое впечатление на высокородных. Царь допустил послов к своей руке, а затем велел накрыть стол тут же, в большом шатре.

Когда русским перевели царское приглашение, они единодушно оценили оказанный им почет.

Левая, расписная пола шатра опустилась, и дары тотчас исчезли; слуги внесли длинный низкий, уже уставленный яствами стол. Следом появились высокие, как журавли, кувшины с вином и огромные чаши и роги. Русские послы убедились, что и в этой стране любят хорошо поесть и попить.

Переговоры длились больше месяца. Дело по существу было решено с самого начала, но обе стороны были предусмотрительны, и потребовалось множество поправок и уточнений.

Александр понимал покровительство, которое обещал ему русский государь по-своему. Подобное соглашение было отнюдь не новым для Кахети. Так, стране «покровительствовал» вначале Иран — до тех пор, пока не появились турки, тщетно пытавшиеся в свою очередь стать «покровителями» Кахети.

Строго определенная дань и заложники время от времени, обмен дарами, взаимная помощь и укрепление тыла друг друга во время войны — словом, двустороннее соглашение на основе равенства, а не покорность вассала господину. Поэтому, когда дело дошло до клятвы в верности Александр потребовал, чтобы и русские послы принесли от имени своего государя такую же клятву на кресте, перед теми же образами. Послы еще раз полистали свой «Наказ» и, «за отсутствием» приказания, отказались удовлетворить требование Александра.

— Вот когда пошлете великому государю Феодору Иоанновичу крестоцелованную запись, государь, уверовав в вашей правдивости, со своей стороны пожалует вам через особых посланцев грамоту с золотой печатью. И приказ пошлет полководцам и воеводе Астраханскому, чтобы охраняли вас и вашу страну от всех врагов! — густым своим басом вещал Биркин, а за ним, дождавшись, чтобы Куршита кончил переводить, вступил в беседу Пивов:

— А крепость на Тереке великий государь Феодор Иоаннович уже повелел возвести, только на это надобно время. Затем нас и послали в такую даль, чтобы договориться и прийти к согласию насчет способов помощи и покровительства.

Александр отказался принести клятву до постройки крепости на Тереке.

Послы то и дело посещали златотканый шатер. Гостей привечали с радушием и почетом, но переговоры затягивались. Русские не спешили, а дела кахетинцев были таковы, что промедление было нетерпимо. Царь Александр получил из Ирана известие, что троном овладел мирза Аббас, сын слепого шаха Худобанды, властолюбивый и уже прославившийся своей воинской доблестью. Аббасу удалось прочно завладеть отцовским троном и утвердить за собой почти весь Иран. Следовало ожидать возобновления ирано-турецкой войны. Александр понимал, что в первую очередь новый шах захочет укрепить свои позиции в Кахети. Появление русских на Кавказе ускорило бы ход событий, сделало бы столкновение иранских и турецких сил неминуемым.

Несмотря на столь сложную обстановку, повелитель кахов

внешне сохранял невозмутимое спокойствие и изощрялся в словесных хитросплетениях. Высокородные слушали, наблюдали, но, по выражению Горджаспа, так и не смогли определить, какое яичко снесет закудахтавшая на новый лад курочка.

Большинство из них, пожалуй, предпочло бы попросту убраться подобру-поздорову, чтобы не присутствовать на этом совещании, и в случае чего умыть руки. Но Джандиери предупредил членов совета, что во избежание преждевременной огласки приезда послов и результатов совещания, царь велел присутствовать на совете всем и до его окончания не покидать лесной стоянки.

Лагерь строго охранялся, был выставлен дополнительный дозор.

Мужи совета все еще не могли прийти к согласию. Царь велел вызвать тушина Белкана и послать его тайным гонцом в Исфагань.

При этом известии даже у невозмутимого Джандиери дрогнули усы. Александр улыбнулся:

— Лучше уж самим на себя доносить. Чужой донос может внести в наши дела большую смуту.

Грамоту царь нарочно адресовал старому шаху Худабанде. В ней Александр извещал шаха о приезде русских послов и обострении русско-турецких отношений, сообщал о возможном содействии русских в войне против турок и обещал быть деятельным посредником между старым своим союзником и покровителем, шахиншахом, и русскими.

Наконец соглашение с русскими послами было достигнуто: государь всея Руси обещал незамедлительно возвести на Тереке крепость, а также пойти походом на шамхала Тарковского и проложить себе путь до самой Кахети. Русские обязывались взять страну под свое покровительство и оказывать ей помощь против любого врага.

Царь Александр, владетель Иверских земель, принимал высокое покровительство российского государя, и обещал ему со своей стороны в случае надобности военную помощь; кроме того, он обязывался в обмен на провиант, необходимый для содержания Терской крепости, посылать русскому царю богатые дары: златотканые материи, дорогие ковры, скакунов и все наиболее ценное, что имелось в его вотчине.

Александр договорился также особо с Биркиным, что тот, не откладывая, еще из Кахети напишет астраханскому воево-

де, известит о достигнутом соглашении и попросит поторопиться со строительством Терской крепости.

И вот в конце сентября епископ Филипп, отслужив службу в храме Харчашо, повел празднично разодетых послов к повелителю кахов.

Златотканый царский шатер был сегодня распахнут еще шире обычного, а полог, отделявший его от молельни, убран.

Торжественно отслужили молебен.

Александр был облачен в старинные грузинские одежды, а поверх их в горностаевую мантию из поднесенных русским посольством в дар мехов. Рядом с царем слева и справа стояли царевичи — все, кроме малолетнего Константина. Царь пригласил также многих высокородных дворян и все духовенство — не было только занемогшего Алавердели.

Торжественно было прочитано соглашение о покровительстве на русском и грузинском языках. Поверх переплетенной в сафьян крестоцелованной записи положили крест, и Александр шагнул вперед...

— Не для своей выгоды, а ради детей моих и ради народа моего приношу я клятву на кресте! Клянусь, господи! — царь перекрестился, облобызал крест и пером золотистого фазана поставил под грамотой свою подпись, а рядом приложил царскую печать.

Вслед за Александром подписались царевичи: Ираклий, Давид и Георгий, а ниже — мдиванбег Ясон, Горджасп, Шермазан, Заал и Андерман.

Вокруг златотканого шатра простирался все тот же дремучий лес. На небе по-прежнему светило осеннее солнце, казалось, ничего не изменилось, но все чувствовали, что свершилось событие огромной важности. Одного лишь никто не мог сказать — к добру ли это или к еще большим невзгодам приведет грамота, лежащая на аналое.

И когда Биркин вложил ее в переплет и запечатал, царю кахов показалось, будто рухнула крепостная ограда старой Грузии и открылась первая страница новой летописи...

«Что же написано на этом заглавном листе — спасение Грузии и ее объединение, или еще одно, быть может, уже последнее поражение?» — думал Александр.

ГЛАВА XXVI

ВСТРЕЧА НА ДОРОГЕ

В начале октября царь Александр со свитой и русское посольство, покинув лесную стоянку, тронулись в путь. На этот раз они ехали открыто, торжественно.

Царя кахов и его многочисленную свиту всюду радостно привечали хлебом-солью.

Когда путники миновали поросшую лесом гору и въехали в Алазанскую долину, русских пленил открывшийся перед ними кругозор. Царь придержал коня — ему была ведома волшебная сила чудесного зрелища.

Родион Биркин то и дело оглаживал бороду, морщины на челе его разгладились; молча взирал он на сады и виноградники, на поля, пестрыми полосами раскинувшиеся вокруг, на лесистые берега реки, и сердце его невольно наполнялось радостью.

Пивов отличался более восторженным и открытым нравом. Порой он не умел скрывать свои чувства и открыто выражал восхищение:

— Вот где, оказывается, райские сады! Ах, если бы наш великий государь мог хоть одним глазом взглянуть, какой жемчужиной обогащается его венец!

— И все это — виноград? — разводил руками Полуханов. Больше всего он одобрял фрукты, в изобилии подававшиеся к столу, в особенности же — виноград, и теперь всюду ему мерещились виноградники.

— Ты только погляди!.. А мы-то думали, что за Тереком, по ту сторону хребта, земли непригодные. Ну кто мог знать? Кто мог подумать?

— Никто... Правда, Данилов-Русин и Матвей Ногирин говорили это, но кто им верил? — подтверждал Пивов.

— Верили! — сказал Биркин.

— Кто же это?

— Великий боярин, шурин государя, Борис Годунов!

— Верно! Потому-то... Такое большое посольство...

Русские умолкли. Но когда они приблизились к первому винограднику и заметили среди широких виноградных листьев

янтарные гроздья, налитые солнечным соком, Пивов снова заволновался.

— Да он и впрямь, оказывается, растет здесь! А я то думал — его завозят из Индии! Глянь-ка, Степан, — твой любимый виноград!

Полуханов осадил лошадь у самого забора.

— Господи боже мой! Сколько же его тут — не сочтешь! — Он раскинул было руки, собираясь перегнуться через забор, но одно лишь едва заметное движение бровей Биркина заставило его вернуться на середину дороги.

— Посол русского государя никогда и ничему не должен удивляться! — недовольным тоном шепнул тот.

Биркин вполголоса отчитал Полуханова, а на губах его играла приятная улыбка. Правда, вскоре и ему самому стало трудно придерживаться этого правила. И не удивительно: сбор винограда был в самом разгаре. Полные до краев корзины будто сами собой носились между лоз. Непривычному глазу могло показаться, что в винограднике вовсе нет людей. Среди шелеста и шороха листьев почти не слышно было песен и смеха сборщиков.

Сияло солнце. Всюду царили радость и изобилие. Воздух был напоен терпким, сладостным ароматом.

Внизу, возле самого большого виноградника виднелась стена марани. Около нее вереницей стояли арбы. Изнывающие от жары буйволы с высунутыми языками укрылись в тени ореховых и миндальных деревьев и дремали. Это были владения Чавчавадзе, и мдиванбег Ясон, опередивший царский поезд, вышел встречать почетных гостей. Он попросил царя и северных послов почтить своим присутствием сбор винограда, заглянуть в его виноградник и марани.

— Мы и так собирались к тебе наведаться, мой Ясон! Да пошлет тебе господь изобилие плодов земных!

Около виноградника царя и послов ожидали женщины из семейства мдиванбега, которые также приглашали почетных гостей на сбор винограда.

Русские и кахетинцы с одинаковой готовностью приняли приглашение. Радость Полуханова не имела границ.

Он тотчас спешился, обогнал всех, задержался у первого же куста и позабыл обо всем на свете. Только сорвав одну за другой три большие налитые виноградные грозди и отведав их, он поглядел вокруг. Ему показалось, что рядом виноград как будто получше. Он перешел туда... Но и дальше всюду желте-

ли чудесные янтарные гроздья. Полакомившись ими, он заметил другие, золотистые... потом темно-красные, почти что черные и иные — самых разных оттенков, должно быть, столь же различные по вкусу. Насытившись, он стал искать глазами своих спутников, но никого не обнаружил. Одни лишь многоглазые гроздья смотрели на него, как бы смеясь, со всех сторон. Среди высоких, ростом с человека, лоз, густо покрытых листвой, никого не было видно, слышался только шелест, да приглушенные голоса перекликавшихся сборщиков. Утроба Полуханова насытилась раньше, чем его глаза и сердце. Ему хотелось пробовать еще и еще, но есть он больше не мог, как это обычно бывает с посетителями виноградника.

— Сколько тут его! Что за зрелище! — шептал никогда не видавший прежде виноградной лозы Степан и бродил по рядам. Временами он натыкался между рядами лоз на персики, яблони и груши, миндаль и еще какие-то неведомые ему плодовые деревья...

Утомившись, Полуханов принялся искать людей. Навстречу ему попались сборщики — молодые парни и девушки. Он подошел к ним и заговорил по-русски. Те смеялись и наперебой предлагали ему все новые гроздья. Так, увешанный гроздьями, бродил Полуханов по обширному винограднику и искал своих. Будь его воля, он предпочел бы остаться здесь, но Полуханов боялся гнева посла. Наконец он даже стал громко звать своих по-русски.

К счастью, поблизости оказался Заза, откликнувшийся на его зов. На спине у Зазы висела большая плетеная корзина — годори, в руках он держал корзинку поменьше.

— И ты собираешь?

— Соскучился! Разве может быть что-нибудь лучше этого? — ответил Заза с сияющими глазами.

— Ты прав! Ты прав! — согласился подьячий. Взяв у парня корзинку, он сложил туда свои гроздья и стал собирать еще. — А нам дадут взять это с собой?

— Что? Что? — не понял его Заза.

— В дорогу — чтобы есть!

— Ну, конечно!

Заслышав русскую речь, сбежались сборщики. Все рьяно взялись за дело.

— Быстрее! — кричал старший. — Как бы русский нас не обогнал, смотри, как у него дело спорится!

Когда Полуханов наполнил свою корзину, Заза снова

вскинул на спину годори и вывел русского на тропинку, ведущую к марани.

Марани был окружен низкой, широкой стеной, вместо крыши над ним простирались могучие ветви орешника.

У одной из стен лежало нечто похожее на челн — огромное, выдолбленное бревно; в челне этом, обняв друг друга за плечи, с остервенением подпрыгивали чубатые исполины, подпрыгивали и топтались на одном месте.

Приглядевшись, Полуханов заметил, что ноги у них босые и, кажется, в крови...

— Что это они — провинились в чем-нибудь или пляшут?

Но Заза вместо ответа предупредил его.

— Осторожней!

Круглые лунки, вырытые вокруг походили на жерла закопанных в землю стоймя по самое дуло пушек...

Из одной такой лунки выглянула человеческая голова... «Так значит, и здесь преступников закапывают в землю по самое горло?» — подумал Полуханов. Теперь он уже не сомневался, что попал в застенок. Но, приблизившись к «осужденным на бревне», он еще более изумился. Бревно, похожее на челн, было до краев наполнено виноградом, и богатыри топтали ногами столь чудесные плоды...

— Что они делают? — рассердился Полуханов, но тут Заза высыпал им под ноги виноград из годори и обернулся к нему.

Полуханов обеими руками схватился за свою корзинку и отрицательно покачал головой.

Как раз в это время в марани вошли царь Александр, русские послы, старец Зосимэ и кахетинские дворяне. Хозяин предложил гостям подойти к краю необычного челна. Полуханов вгляделся и заметил в самом конце желобок, по которому булькая тек красный ручеек, исчезавший тут же в одной из лунок. Полуханов пребывал как бы в некоем сладостном дурмане. Казалось, вокруг жужжали невидимые пчелы. Сборщики и сборщицы поминутно вбегали в марани и ссыпали виноград в челн... А чубатые богатыри все топтали и топтали его босыми ногами. Озаренные лучами солнца, пробивавшимися сквозь листву, они походили на связанных тигров, вставших на дыбы, и даже урчали как-то по-тигриному...

Поди после этого и записывай события в посольском дневнике...

— Пошли... Выпьем и мы! — предложил Заза, указывая на желоб. Возле желоба важно басом разглагольствовал Биркин:

— Винограда и у нас немало... В Московском дворце, но он не чета вашему — сплошь из чистого золота!

— Куршита, переведи ему: из золотого винограда не выжмешь вина! Искусство ювелира тут не поможет... Нужен природный, благодатный и благословенный виноград!

Возле желоба из рук в руки переходили разукрашенные чаши и пиалы.

Биркин держался все также невозмутимо. Он слегка отпил из поднесенной чаши, словно только желая доставить удовольствие царю... Но по тому, как разгладилось его чело, Полуханов заключил, что по желобу стекало нечто весьма приятное. Нетерпение его еще больше усилилось, когда к чаше приложился Петр Пивов. Обычно тот не признавал иного питья, кроме водки, а тут с удовольствием обсосал усы, на которые пролилось несколько капель алого сока. Как только царь и послы вышли из марани. Полуханов, не расставшийся со своей корзиной, вместе с Зазой поспешил к желобу. Осушив первую чашу, он молча обернулся и, так же как другие, бросил свой береженый виноград под ноги пляшущим и поющим богатырям, создающим столь сладостный напиток.

— Топчите, раз выжимаете из него такой сок! — Полуханов сменил корзину на чашу и не покинул марани, даже когда его позвали к столу, накрытому под раскидистым орехом. Вскоре у него появился еще один дружок — Матвей Ногирин, уже успевший основательно угоститься за столом инжирной водкой, а теперь разыскивавший квеври.

— Там, в Греми... В конце базара... Есть один надтреснутый квеври... Спою ему песню — он откликнется... И как ведь вторит! Я ему — он мне! Может, он русский знает! — икая, разглагольствовал Матвей.

— Хватит! Больше вам не удастся выманить меня из Кахети! Выпьем еще по одной? Тито-тито, тито-тито! — смешно коверкал он грузинские слова и обнимал Зазу. — Мой названый сынок! Что бы со мной было, не попади ты в плен к лезгинам! Ведь это по твоей милости я впервые попал в Кахети! — Матвей обращался к разверстым глоткам квеври, а время от времени подтягивал парням, певшим «Мравалжамиер».

Но, когда настало время собираться в путь, Ногирин вновь обрел свою казацкую выносливость и силу, а обеспамятевшего подьячего Полуханова еле выволокли из марани и водрузили на лошадь.

Путники перешли вброд Алазани. На другом берегу уже толпился народ. Всем хотелось взглянуть на царя и единоверцев русских.

Зрелище Алазани пленило сердце Зазы. Стремительное течение прозрачных струй, лесистые берега, куполы дубов и вязов, заросли вьюнка и ежевики, прильнувших к подножию стволов, а в просветах деревьев — снова Алазани, когда-то привычная и незамечаемая, а теперь заставившая взволнованно биться стосковавшееся по родине сердце, сладостная, утоляющая жажду вода отчизны.

Кто-то легонько стегнул его лошадь.

— О чем задумался, дружок? Соскучился по Алазани? — Царевич Ираклий нагнал Зазу. — Отъедем в сторону, меня утомило многолюдие! Расскажи еще что-нибудь о России.

Ираклий был старше Зазы всего на два года, и между ними, несмотря на различие в происхождении, еще до отъезда Зазы в Россию завязалась дружба. Теперь, после возвращения Зазы из России, сразу установилось полное взаимопонимание и доверие. Юноши часто бывали вместе. Многое рассказал Заза царевичу. Ираклий был прекрасным слушателем: терпеливым и внимательным. Сам он чаще молчал — тайна, столь часто сопутствующая государственным делам, приучила его к молчаливости. Но была на то еще одна немаловажная причина. Заза сразу почувствовал какую-то особую затаенность Ираклия, но не посмел расспрашивать старшего по возрасту друга, да к тому же еще царевича. Но на этот раз Заза только было начал рассказ о московских делах, как Ираклий неожиданно прервал его.

— Я должен тебе кое-что сказать, — царевич подъехал к Зазе почти вплотную. Они долгое время ехали молча. Наконец Ираклий снова заговорил:

— Отец Зосимэ хвалил тебя за то, что ты умеешь хранить тайну, — царевич опять умолк, затем преградил Зазе дорогу и сказал совсем иным тоном: — О тебе тут часто справлялись... Одна девушка... Я видел ее у матери в Гремском дворце... Она приносила мази и притирания... Смуглая такая...

— Халиана? — невольно вырвалось у Зазы; он покраснел до ушей.

Ираклий, печально улыбнувшись, сделал вид, будто не заметил волнения Зазы. Но именно это волнение помогло ему раскрыть перед другом свое сердце, замкнутое для других.

— Счастливец! А я... Показали мне мельком нареченную —

и она исчезла... Как будто это был сон, ночная гроза... С тех пор она вечно стоит у меня перед глазами. Все равно — на что бы я ни глядел, на солнце или на Алазанские воды, — царевич покраснел, замолк, пришпорил коня, но вскоре осадил его и подождал Зазу.

— Я никому ничего не говорил. Знал — не поймут меня, станут тайком насмехаться. Но ты... сердце мое тебе доверяет. Как ты ее назвал? Да, Халиана справлялась о тебе. — Теперь Ираклий смотрел Зазе прямо в глаза. — Возлюбленный Халианы меня поймет! И никому не скажет!

— Клянусь! — торжественно произнес Заза и, опустив голову, с неожиданным изумлением спросил самого себя: «Значит, я возлюбленный Халианы? Так вон оно что!» — Только теперь разобрался юноша в смутном стремлении своего сердца, понял, почему ему всюду сопутствовал образ далекой Халианы, почему теперь, в толпе встречающих, он внимательнее всего рассматривал девичьи лица, искал в пышных девичьих косах красивый московский гребешок, посланный через Кохсалламуру своему младшему брату Сиаушу — как будто мальчишке на что-нибудь нужен гребень для волос.

Заза молча слушал царевича, а в мыслях все изумлялся своему неожиданному открытию... Так значит, это и есть любовь? А он ожидал совсем иного... Думал — любовь неподвластна мысли и слову, непонятна и подобна некоему всесильному божественному дару!

Царевич рассказал о своем тайном обручении:

— Вся трепещущая, удивительно прекрасная... Она была совсем рядом со мной... В глазах у нее отражался луч лампады...

— Луч лампады?

— А потом кончилась сказка, она исчезла без следа. Улетела... Так бывает, вспорхнет тетерев и скроется где-то за пригорком.

Ираклий замолчал и, словно вдруг испугавшись, что ему не поверят, достал из нагрудного кармана черкески узкий вязаный шерстяной поясок. — Вот все, что у меня осталось... Поясок с ее стана... В знак того, что она — моя суженая. Не то, пожалуй, и мне все это казалось бы сном и сказкой...

Рассказ царевича взволновал Зазу. Он даже представил себе облик горной невесты, но почему-то она в точности походила на его Халиану.

Устыдившись своих мыслей, Заза принялся утешать царе-

вича, как мог, но тот уже не слушал его. Ираклий весь погрузился в воспоминания, самозабвенно отдавшись бегу коня и полету мечты. Заза тоже пришпорил свою лошадь, но где ему было догнать царевича!

Уже вечерело, когда они нагнали царскую свиту. До Гремн было уже совсем недалеко. Вдали виднелся дворец, венчавший гору, ниже, на холме, как-то сразу возникли храм Архангела и рядом с ним — башня Александра.

Заза нетерпеливо рвался домой, но царь и его свита, словно нарочно ехали не спеша.

Александр задумчиво восседал на своем белолобом скакуне, бежавшем степенной рысью. Царь давно уже привык размышлять в пути, едучи верхом, и дорога, стлавшаяся под копытами его коня, казалось, помогала бегу его мыслей. Александр знал: это праздничное шествие закончится в Гремн, и начнется новая, еще более жестокая, на этот раз решающая борьба за существование Кахети. А ведь будущий покровитель, которого представляли эти едущие рядом с ним послы, еще далеко... Много крови еще оросит Алазанскую долину и окрасит воды реки, прежде чем подоспеет желанная помощь. Но иного выхода нет!

Размышляя, царь не терял своей обычной наблюдательности. Недаром он любил пословицу: «Зоркость особенно нужна царям и охотникам». А Александр был и тем и другим. Он приметил — русский посол о чем-то оживленно расспрашивал Куршиту. Царь придержал коня. Толмач тотчас перевел ему:

— Государь! Посол удивлен, что всюду — на каждом холме и в каждом ущелье высятся церкви. Он давно уже сбился со счета. Так было и в Хеви, и на Арагви, и в Тианети... А здесь им просто нет числа. Посол спрашивает — кто же построил такое множество храмов?

— Ну что бы он сказал, доведись ему проехать по Картли, Самцхе или Имерети? Объясни послу — мы, древние христиане, очень преданы своей вере. У нас все строят храмы: народ и монахи, царь, князь и община... Одни воздвигают дворцовую церковь, другие — крепостной храм, третьи — простую общинную часовню. Смотря по тому, кто какие замаливает грехи...

Куршита перевел слово в слово и, выслушав ответ, рассмеялся:

— Чем он тебя рассмешил, мой Куршита?

— Простите меня, государь! Посол говорит — видно, гру-

зины очень много грешат, если им надобно столько церквей чтобы замолить свои грехи.

Александр улыбнулся, но правдивость этих слов поразила его.

— Да, не без этого! — шепнул он вскользь подоспевшему отцу Зосимэ и вновь обернулся к Куршите.

— Переведи послу: слыхал я, что русские пристрастились строить храмы необычайной величины, да еще с девятью куполами. Видно, это немалое утешение для новоопекаемых.

Родион Биркин понял скрытый смысл царских слов. Увидев у поворота очередной храм, он молча перекрестился и незаметно отстал от царя.

Храм был окружен каменной оградой, на которой сидел парнишка. Увидев всадников, он вскочил и, размахивая руками, побежал по широкой, местами выщербленной стене ограды.

Александр заметил на дороге стройную девушку, одетую в красивое грузинское платье. Лица ее разглядеть он не успел — девушка тотчас скрылась за оградой, лишь мелькнул в волнистых волосах красивый гребень и у обочины дороги осталась корзина, полная цветов. «Счастливец тот, для кого собраны эти лесные цветы! Как далеко она вышла встречать!» — подумал царь и, окинув взглядом свиту, присмотрелся к Ираклию. Царевич сидел в седле сгорбясь, не в силах оторвать взгляд от корзинки с цветами.

Царь понял, что́ творилось на душе у сына; припомнились ему упреки царицы Мариам, — но что поделаешь, если между тайным обручением и будущей свадьбой царевича высились, как преграды, сам Кавказский хребет и тысячи всяческих интриг?

Александр пришпорил белолобого, а Ираклий отстал, поджидая Зазу: тот вскоре появился на повороте, но тут его окликнули с ограды, и парнишка, ловко спрыгнув на дорогу, ухватился за ногу Зазы, словно кошка, вскарабкался на коня и крепко обнял юношу.

— Это я, Сиауш. Не узнал меня? — расцеловав брата, мальчик шепнул: — Слезай! Она ждет у церкви, — Сиауш махнул рукой в сторону ограды.

Ираклий раньше, чем Заза понял, что́ разумел Сиауш. Он медленно повернул коня, еще ниже опустил голову и поехал за царским поездом. Заза, еще толком не сообразив, в чем дело, спешился, а Сиауш пришпорил его коня.

— Я поскачу вперед — вестником радости! Награда за то-

бой! — Мальчик пустил лошадь вскачь, срезал поворот, оставив царя со свитой позади, и с радостным гиканьем понесся в сторону Гремн.

— Едут! Едут! — доносился до Зазы издали его крик.

Шагнув вперед, он заметил корзинку и цветы — такие, какие обычно собирали они с Халианой в полях и лесах, и сердце уже возмужавшего юноши затрепетало. Он почувствовал, что на этот раз его радует не просто благоухание цветов, а прикипевшее к сердцу воспоминание о маленькой девочке с родинкой.

Корзинка показалась ему тяжеловатой, он раздвинул цветы и увидел скрытую под ними банку.

— Ореховое варенье! — Заза расхохотался от всей души. — Халиана! — вскричал он и бросился к ограде.

Халиана стояла там с сияющим лицом, и глаза у нее были большие и черные, как орехи в варенье.

Заза устремился к ней, раскинув руки. Губы у Халианы дрожали, она краснела и бледнела, руки ее тоже, казалось, рвались навстречу Зазе, но она сдержалась и, прижав левую к груди, молча протянула ему правую. Слегка обескураженный, юноша пожал ее руку, покраснел. Нет, эта встреча вовсе не походила на ту, прежнюю, после первого возвращения из России. А как она выросла, похорошела! Заза никак не мог понять, что́ с ним происходит. К радости долгожданной встречи примешалась обида.

— Видно, побывавших в плену встречают сердечнее, чем вернувшихся из посольства! — пробормотал он, но сразу же осекся, сообразив, что первое его слово, сказанное Халиане, обернулось упреком.

Девушка опустила голову, и Заза увидел московский гребень, украшавший ее густые косы.

— Кончилось детство, да? — Заза взял Халиану за руку. — Но мы ведь остались по-прежнему друзьями?

— Заза! — Халиана робко коснулась его ворота, растерялась и договорила чуть обиженным тоном: — Зайдем в церковь... Поблагодарим бога за твое благополучное возвращение.

Дверь была отперта. В церкви царили сумерки и прохлада. Перед иконой святого Георгия мерцала свеча, рядом лежали кучкой восковые свечи. Халиана взяла две свечки, засветила их, одну дала Зазе, потом опустилась на колени и ему велела встать рядом с собой. Так и стояли они на коленях рядышком, взявшись за руки. Халиана молилась, и Заза внезап-

но вспомнил рассказ Ираклия о тайном его обручении. Воображение его тотчас произвело замену действующих лиц. Сердце юноши ширилось. Он, казалось, обрел крылья... Заза невольно сжал руку Халианы. Дрогнуло пламя свечи. Девушка поднялась, взяла у Зазы свечу, сплела со своей и прилепила обе перед иконой.

— А теперь пойдем! — уже смелее обратилась она к юноше. Но Заза все еще продолжал стоять на коленях. Халиана провела рукой по его волосам, заставила его поднять голову.

— Пошли! — Голос ее прозвучал тише, чем дуновение ветерка. Заза поднялся, снял с мизинца перстень, подарок Годунова, и стал примерять к дрожащим пальцам Халианы — надел на тот, к какому пришлось впору.

Девушка вздрогнула и на мгновение, всего лишь на мгновение, положила голову ему на грудь.

— Мать ждет тебя. Все ждут! — сказала она и выбежала из церкви.

Вечер следовал за ними по пятам. Скоро он нагнал их. Юноша и девушка шли тихо. Заза не знал, о чем говорить, и Халиана тоже, по-видимому, предпочитала молчание. Вдруг она спросила:

— Значит, тебе не понравился мой подарок? — Халиана взяла у Зазы корзинку. — Помнишь, ты таскал у матери ореховое варенье и носил мне? Вот теперь мы и должны рассчитаться, прежде чем ты дойдешь до дому. Ты должен все это съесть!

— Что ты! — Заза обрадовался, что нашелся предмет для разговора. — Так много! — И он, с преувеличенным ужасом поглядев на банку, жадно набросился на варенье... — Вот, если ты мне поможешь! — Ему хотелось сказать «если ты мне друг», слово вертелось на языке, но Заза пропустил его. Детская дружба воскресла на мгновение... Кто знает, быть может, в последний раз? И все стало по-прежнему простым и естественным.

— Значит, помочь тебе? — Девушка сунула ему в рот большой орех. Пальцы ее чуть коснулись недавно пробившегося пушка над верхней губой. Оба вздрогнули. Ореховое варенье показалось Зазе одновременно и сладким и горьким. Он ощутил, что у Халианы появилась новая, чудотворная сила; она свободно может распоряжаться движениями его сердца: хочет — ниспошлет на него мрак, хочет — озарит его солнечным сиянием.

Варенье вскоре наскучило Зазе, но Халиана все угощала

и угощала его и тем временем весело рассказывала гремские новости.

Мамука изготовил замечательный список «Витязя в тигровой шкуре»... Он постарел, поседел, стал забывчив, всех сверстников Зазы зовет его именем. Мать Зазы, Сатино, все это время беспрестанно вспоминала своего «грамотея». Ей кажется, что он все такой же маленький и что даже губы у него по-прежнему вымазаны чернилами. Мать связала для мерзнущего на севере сына столько шерстяных носков, что Кита, шаловливый братишка Халианы, подшучивает: «Разве у Зазы теперь четыре ноги? Зачем же ему столько?»

У соседей все благополучно; отец Халианы, Манасэ, часто бывает во дворце, стал известным лекарем.

— Да, кстати, — Заза отмахнулся от очередного ореха, — твоя мазь, «турманаули», которую ты дала мне с собой, совершила чудо.

— А мой зуб? Где мой зуб? — Халиана с прежней непосредственностью расстегнула ему ворот, проверила, на месте ли подаренный ею талисман.

Заза вздрогнул, забыл обо всем на свете...

— Вот он... — Вдруг Заза схватил руку девушки, а другой рукой робко обвил ее стан, привлек ее к себе.

Халиана выронила банку с вареньем, притихла, спрятала голову на груди у юноши рядом со своим талисманом.

А Заза прижался сладкими от варенья губами к завиткам волос около ее уха, неумело поцеловал их и шепнул:

— Вспоминала меня?

Ничего не ответив, девушка неожиданно разрыдалась.

— О чем ты? Что с тобой? — растерянно спрашивал ее Заза.

— Ничего... Просто так... Пойдем, уже темнеет... Там тебя ждут...

Словно в подтверждение ее слов, со стороны Гремн донесся конский топот и появился на взмыленной лошади Сиауш.

— Скорей, Заза! Царевич Ираклий велел тебе присоединиться к свите и ехать во дворец...

Сиауш ловко спрыгнул, повернул разгоряченную лошадь...

— Мы тебя нагоним, спустимся по тропинке... Поспеши! — заторопилась Халиана и отвернулась, пряча от Сиауша заплаканные глаза. Но мальчик все заметил и вовсе не удивился: если при одном лишь упоминании Зазы на глазах у Халианы появлялись слезы, значит, при первой встрече должна была

пролиться целая Алазани! Сиауша больше заинтересовала банка с ореховым вареньем, которую он приметил на дороге, несмотря на темноту.

— Говорил же я — варенье останется мне! — заявил он поднимая полную на три четверти банку. — Ладно! Вот и награда вестнику радости. Он хлестнул коня Зазы. Конь взвился и вскоре исчез вдали, слился с сумерками — если бы не осталось у Халианы на пальце колечка, она, как царевич Ираклий, могла принять эту встречу у дороги за сладостное сновидение...

ГЛАВА XXVII

МОХНАТАЯ ЗВЕЗДА

По случаю прибытия русских послов в Греми устроили торжественный пир. Затем послы отбыли в Дзегами, чтобы отдохнуть и ознакомиться со страной.

Данилов-Русин по распоряжению Биркина уехал с небольшим числом сопровождающих назад, на Терек, к Астрахани, чтобы ускорить строительство крепости.

Тушинец Белкан вскоре вернулся из Ирана. Шах Аббас, готовясь возобновить войну с Турцией и боясь вовсе лишиться своего влияния на Кавказ, «утвердил» за собой Ганджинское и Карабахское ханства. Шах собирал огромную армию, чтобы укрепиться в этих местах. А для Кахети готовилось особое посольство. Появление русских послов в Греми принуждало шаха спешить, но его то и дело задерживали внутренние распри. Захватив престол, Аббас сделал своего отца правителем Хорасана, а сам обосновался в центральном Иране. Страна тотчас ощутила твердую руку нового правителя. Шах быстро подчинил себе объятую смутой и усобицами страну, подчинил обнаглевших ханов. Он беспощадно рубил головы и ослеплял непокорных, проливал кровь, не боясь мщения, и не останавливался перед резней. В первую очередь он расправился с семьей отца, ибо живые братья был опасными соперниками и

врагами, а мертвые — желанными и надежными родичами. Шах Аббас превзошел жестокостью всех своих предков, и, как это обычно бывает, молва прославила его, как великого и милосердного правителя. Когда кровавая страда внутри страны была закончена, шах занялся делами внешними, и в первую очередь Кавказом. На этот раз он действовал осторожнее, во всяком случае поначалу, пока перевес еще был на стороне турок.

Одним шах послал золото и богатые дары, другим коварно нацелил в спину кинжал. Во все стороны, ко всем дворам разослал он тайных лазутчиков и официальных послов. Их витиеватые речи и медовые обещания подкреплял его железный кулак.

В Кахети шах также направил послов, следом за которыми двигались войска. Целью похода для отвода глаз была объявлена Ганджа. Туда же направлялись и дополнительные отряды, чтобы в случае надобности подоспеть на помощь основному войску в Кахети.

Царь кахов был превосходно осведомлен обо всех иранских делах. Тушинец Белкан сообщил ему много нового. Нужно было держаться начеку. Александр проводил учения войск и обдумывал хитрые ходы. При умении, ловкость может заменить силу, говаривал он. Царь долго совещался втайне с Джандиери, составил для него подробный план действий. Давиду было велено распространить два разных слуха — один «семейный», о болезни царевича Константина, а другой о русском после; будто бы его уличили в злых умыслах и заточили в Гремскую темницу.

Царь и впрямь для вида приостановил поток милостей, изливаемых на русских послов. Скорый отъезд Данилова-Русина оказался ему на руку.

— Новый шах кажется зубастым... Но и мы не одну только кашу умеем хлебать. Только силы, силы нам не хватает!

Иранские послы выехали в самую жару. Они задыхались от зноя. Изнемогших верблюдов пришлось бросить в Гандже, а поклажу перегрузить на ослов и мулов. Шах Аббас посылал повелителю кахов богатые дары.

Когда послы миновали Ганджу, климат и окрестности заметно изменились. Изнуренных духотой персов приятно овевал свежий ветерок, дующий с Куры. Они повеселели. Вокруг зеленели рощицы гранатовых деревьев, вскоре превратившиеся в

густые заросли. А за гранатовой долиной начинался дремучий лес Самухе. Кущи каштанов и орехов сменяли друг друга. Плющ, повилика, дикий виноград обвивали стволы и раскидистые ветви взметнувшихся к солнцу буков и вязов. Исполинские клены и осины высились, словно меряясь ростом с тысячелетними дубами. В лесу росло множество ткемали и дикой смоковницы, айвы, груши-кислицы, мушмалы и ежевики.

Джимшед-хану доводилось бывать в Картли, в Кахети же он ехал впервые. Хан приглядывался ко всему, не отпуская от себя ни на шаг помощника и советника — Али-Ходжа-Махмада, которого сам шах Аббас особым приказом приставил к нему.

Али-Махмад отлично был знаком с внутренними делами и обстановкой не только Кахети, но и других грузинских царств и княжеств. «Левое око» иранского шаха, он же «хромой купец», «Горный шейх» и тайный гонец, принял на этот раз грозный облик советника посла и длинное имя Али-Ходжа-Махмад.

Смелый и коварный лазутчик быстро выдвинулся при дворе нового шаха. Он оказался в числе тайных личных шахских советников. Шах Аббас милостиво относился к своему осведомителю, но при иранском дворе каждый, а лучше всех сам Ходжа-Махмад, понимал, что достаточно единственный раз оступиться, чтобы голова провинившегося скатилась с плеч. Но Ходжа-Махмад, как и свойственно людям подобного склада, еще глубже почитал за беспощадность «солнцеравного и грозного шаха» и хранил ему верность. Ходжа-Махмад знал: господину нельзя полностью доверяться. К тому же новый шах больше любил людей ловких, чем искренних. Шах дал Али-Махмаду сложное поручение частного порядка. Надо было докопаться до цели приезда русского посольства в Греми, узнать о его результатах, а также о планах Александра на будущее. Не желая, чтобы царь преждевременно узнал об их прибытии, Ходжа-Махмад, посоветовавшись предварительно с Джимшед-ханом, велел посольству, не доходя до пограничной башни, переправиться через Куру.

В долине Коранта персам повстречались кахетинские стада и отары — тучные, раскормленные и многочисленные. Смуглые, чубатые погонщики глядели на пришельцев с подозрением. Кахетинцы с трудом сдерживали разъяренных собак, сжимали кулаки, руки их непроизвольно тянулись к кинжалам. Но упоминание имени царя Александра и грамота шахиншаха к повелителю кахов успокаивали их.

За плодородными полями пошли, перемежаясь, леса и до-

лины с плодовыми насаждениями, участились сады и виноградники.

— Что скажешь, Ходжа-Махмад? Изобильная страна Кахети...

— Изобильная...

— Сплошной цветник! — все более удивлялся Джимшедхан.

— Цветник...

— И народ, видимо, гордый и смелый!

— Смелый! — тотчас соглашался погруженный в свои мысли Махмад. Советник размышлял: необходимо заранее, до аудиенции у царя кахов повидать Мурадаисдзе, выходца из лезгин, — расспросить это «Око ока», разысканное им в Греми. Ходжа-Махмад не любил действовать вслепую. Он должен предварительно разузнать самые значительные новости... Тогда и речь посла получится хитроумной, глубокомысленной, можно будет говорить обиняками, бьющими по дальнему прицелу.

В Гелобиани послы наткнулись на большой табун. Скакуны кахетинской и арабской породы привольно резвились в рощах и долине. Парни с арканами тотчас окружили взнузданных жеребцов и погнали табун в сторону. От табунщиков отделился юноша с темным пушком над верхней губой, поскакал в сторону персов, затенил лицо ладонью и стал вглядываться в караван. Ходжа-Махмад подозвал его знаком. Тот сразу подскакал к нему.

— Чьи кони? — в упор спросил Махмад.

Кахетинец помедлил с ответом, оглядел незнакомцев, даже успел пересчитать их.

— Вижу, язык у тебя острее глаз, персиянин! — Пастух хлестнул лошадь, заставил ее повернуться боком. — Гляди на тавро — «Мохнатую звезду». Верно, знаешь и хозяина! — указав кончиком плети на метку, он снова пришпорил коня.

Ходжа-Махмад узнал тавро царя Александра — клеймо, похожее на мохнатую звезду, — видневшееся на ляжке лошади. Он не стал переводить послу насмешливого ответа пастуха и лишь поделился с ним своими соображениями:

— Видно, царь Александр уверен в своих силах, раз пасет табуны так близко от границы!

Близ устья Алазани посольство обогнал всадник. Он промчался по лесной тропинке и скрылся из виду.

— Послали гонца! Царь кахов скоро узнает о нашем прибытии! Оказывается, у него опытные пастухи! — доложил Али-

Ходжа Джимшеду, а сам подумал: «Не надо было разговаривать с ним по-грузински».

Когда персы приблизились к первой большой деревне, староста и наиболее зажиточные крестьяне встретили их с хлебом-солью, а начальник придорожной крепости выделил почетную охрану, которая сопровождала послов до следующего укрепления. Отряд возглавлял пограничник Фидо Бацацаисдзе. Царь кахов давно уже отрядил его сюда — дожидаться персов.

Гости объяснялись с кахетинцами через толмача, хотя все понимали, что делается это лишь для вида, так как и те и другие свободно владели обоими языками.

Али-Ходжа-Махмад не проронил больше по-грузински ни единого слова. Он вообще, как-то сразу притих, стал незаметным, растворился в толпе сопровождающих посла. Несмотря на изрядную жару, он низко надвинул на лоб тюрбан и ото всех отворачивал лицо. Он походил на гончую, почуявшую дичь и тайком пробирающуюся по следу к жертве.

Джандиери предупредил Фидо о возможном появлении хромого купца, и тот не упускал из виду молчаливого перса. Правда, перс на этот раз не хромал, но все же мог оказаться неузнанным старым знакомцем.

А Джимшед-хан с нарочитым смирением пробовал завязать беседу с кахетинцами. Толмач слово в слово переводил вопросы и ответы:

— Когда мы будем в Греми?

— Смотря какой путь изберете, сударь! — отвечал Фидо.

— А какое до Греми расстояние?

— Небольшое... Все зависит от того, кто и зачем его измеряет: из вражды или из дружбы, сударь!

— Где может пребывать царь кахов?

— В своем царстве, в любом уголке ждет его престол, опирающийся на верность и любовь, господин посол!..

«Кто это его так обучил, — удивлялся молчаливый перс, — надо разузнать в Греми, кто у них мастер по тайным делам».

Али-Махмад любил свое ремесло... Умел он ценить и чужое искусство.

Первую ночь на кахетинской земле персы провели в Карагаджи. Вторую — на Цнорисцхали. Местный моурав и проводники предложили персам передохнуть несколько дней, до прибытия царских людей, высланных им навстречу.

Джимшед-хан торопился. Ему изрядно наскучил долгий

путь в седле. Пожилой, с изрядным брюшком, Джимшед любил понежиться. Прохлада тенистых кахетинских садов, сок виноградников, которому он тайком воздавал немалые почести, манили его, звали в Греми.

Джимшед-хан происходил из хорошего рода. Его предки в смутах и усобицах обычной для Ирана борьбы за престол не раз лишались головы, но так и не завоевали короны. Сам Джимшед-хан был честолюбив, но не стремился к власти, и это спасло его от меча шаха Аббаса, который, напротив, даровал ему почетное звание личного шахского посла. В конечном счете оба были довольны. Но Джимшед-хан знал: ему, как и всем крупным шахским сановникам, всюду сопутствует неотделимая от него тень. На сей раз его тенью являлся Али-Ходжа-Махмад. Джимшед-хан давно привык к такому порядку, который его вовсе не стеснял. По еле уловимому движению глаз догадывался он о желаниях своей тени, и если это не очень умаляло его честолюбие, обычно соглашался с ними. Вот и теперь посол собирался ответить вежливым отказом на просьбу хозяина, но краешком уха уловил глухое покашливание, нарочито растянул беседу и окинул быстрым взглядом свою свиту. Затерявшийся среди его приспешников Али-Махмад перебирал четки, отсчитывая зерно за зерном с легким кивком головы.

Судя по настоятельной просьбе хозяина, царь Александр не очень-то торопился впустить иранских послов в Греми. Видимо, у него были на то свои причины. Не спешил и Ходжа-Махмад. Выяснить эту причину было ему особенно важно. А это гораздо легче сделать до появления послов при дворе. Тут уж начиналась область действия Ходжа-Махмада, и Джимшед-хан, ловко лавируя в беседе, обратил почти уже высказанный отказ в горячее желание отдохнуть несколько дней после долгой дороги.

В тот же день послы отправили двух гонцов. Один отвез в Ганджу от Джимшед-хана весть о благополучном прибытии посольства в Кахети. Второму было дано Ходжа-Махмадом особое поручение. До Коранта он должен был сопутствовать гонцу Джимшеда, а затем, переодевшись, пробраться за Алазани, обойдя Дзегами стороной, спешно явиться в Греми, тайно посетить лезгина Мурадаисдзе, передать ему наказ Махмада и вернуться с ответом. Это не составляло трудности. Тайный гонец Максуд владел грузинским языком, а на Греми-Дзегамской дороге всегда было полно людей. Гораздо труднее

было незаметно вернуться к посольству. Впрочем, и тут можно было кое-что придумать, скажем, объявить, что сбился с дороги.

Дня через три в Цнори прибыл встречать гостей Ясон Чавчавадзе. Он приветствовал послов от имени царя и попросил их почтить своим посещением Греми.

Царь Александр посылал дорогим и желанным послам в знак особого почтения и в согласии с правилами царского гостеприимства для первой трапезы убитых собственной рукой на охоте алазанских фазанов, косуль и джейранов.

— Царь хороший стрелок. Глаз у него зоркий и сердце бесстрашное, — так объяснил Али-Ходжа Джимшед-хану тайный смысл этого дара.

Ясон Чавчавадзе велел накрыть стол на зеленой лужайке под большой чинарой близ Алазанского моста. Здесь и набрел на своих заблудившийся гонец Максуд.

Джимшед-хан допросил своего посланца в присутствии Ясона Чавчавадзе, заставил его объяснить, почему тот свернул с Ганджийской дороги. Ну конечно, гонцы сбились с пути на повороте Алазани; они отправились в разные стороны в поисках тропинки, но Максуд заблудился и уже не застал своего спутника в назначенном месте. А потом на него напали лезгины и ему с трудом удалось вырваться и вернуться обратно.

Мдиванбег Ясон обещал дать гонцу проводников-кахетинцев, но Джимшед-хан разгневался и велел всыпать незадачливому слуге двадцать ударов плетьми.

— Гонцы шахиншаха не сбиваются с дороги!

Ходжа-Махмад, сидевший в конце стола, с удовольствием вонзил зубы в присланного царем фазана. Дела шли отлично.

В кармане у Ходжа-Махмада лежали три газыря от грузинской чохи, привезенные Максудом — один черный и два белых. В черном было письмо, белые же посылались на случай, если гонцу придется выбросить черный. Два белых газыря означали, что имеются весьма важные известия, которые Мурадаисдзе сообщит при личной встрече.

После обеда Али-Махмад повел гонца к берегу реки и велел ему подробно доложить о виденном и слышанном.

Мурадаисдзе повредил себе ногу и был ненадолго прикован к постели. Махмад снял верх с черного газыря и сломал восковую печать. Достал узкий, длинный свиток — послание лезгина. На бумажной полосе были написаны грузинскими буквами, справа налево, персидские слова.

Мурадаисдзе сообщал, что в Кахети находятся «урусские» послы. При личной встрече он обещал сообщить имена всех их и сделать тайное сообщение особой важности.

Царь Александр отвел Джимшед-хану и его свите для местопребывания «Гремский малый дворец», что за городской оградой. Лезгин назначал Ходжа-Махмаду свидание в субботу, так как в воскресенье высокие послы шахиншаха приглашены на торжественный прием к царю.

«Хорошо рассчитано! — мысленно пересчитав дни, заключил перс. — Вероятно, завтра, в пятницу, мы прибудем в Греми, а в субботу будем отдыхать, — самое время!» — и Махмад еще раз перечитал послание Мурадаисдзе.

Все было предусмотрено: «В субботу вас пригласят в мраморную баню, там будет терщик Рагим... Горе мне! Из-за больной ноги я не могу лично предстать перед вами, но если пожелаете, у терщика найдется для вас крестьянская чоха». «Пожелаю, конечно, пожелаю!» — пробормотал перс.

Местоположение дома было указано с большой точностью — неподалеку от царской конюшни, в верхнем конце города; в левом крайнем окне будет гореть свет. Жену и детей Мурадаисдзе отправил в деревню, так что никто не узнает о приходе и уходе крестьянина, и перед кахетинской стражей у ворот мраморной бани вновь предстанет почетный гость — советник посла...

Али-Ходжа-Махмад свернул с довольным видом свиток и взялся за плеть.

— Молодец, Максуд! За службу — одарю! А теперь исполним приказ посла! — Он толкнул озадаченного гонца, подоспевшие слуги повалили его на гальку под мостом и перс огрел его плетью по обнаженному телу.

Максуд оказался на редкость упрямым — не пожелал издать ни звука.

— Болван! Раз тебя бьют, значит, желают, чтобы ты кричал! — и Махмад еще сильнее огрел его плетью.

На этот раз гонец соизволил издать стон. А на мосту стояли кахетинские стражи и путники и смотрели, как жестоко расправляются иранцы с заблудившимся гонцом шахиншаха.

В Греми возле «речных» ворот Джимшед-хана встречали на конях кахетинская знать, азнауры и царские стрелки. Оман Чолокашвили поехал впереди процессии. Ходжа-Махмад сразу заметил, что ворота не отворились. «Мурадаисдзе хорошо осведомлен» — заключил он, когда, оставив город в стороне, послы

ооъехали высящийся на холме храм Архангела и вступили на дорогу, обсаженную цветущими растениями.

Сквозь густую листву высоких деревьев виднелся дворец. Украшенные орнаментом карнизы и балконы утопали в зелени.

Подъехав поближе, послы заметили увитую листьями ограду. У ворот, словно каменные изваяния, стояли стражи с ружьями в руках.

— Царский дворец! — шепнул Ходжа-Махмад Джимшеду.

Они миновали дворец и очутились возле Оклакского родника, окаймленного виноградниками, затем стали подниматься в гору и на этот раз уже с востока подошли к главной городской улице, тянувшейся вдоль горы.

Вверху виднелась сторожевая башня, встроенная в ограду, а в стороне, в укромном уголке, среди леса виднелось двухэтажное здание, облицованное синими изразцовыми плитками.

Хозяева въехали в широко распахнутые ворота, приглашая гостей следовать за собою.

В густой миндальной роще все спешились. Дворцовые слуги высыпали навстречу гостям и повели их по устланной коврами лестнице на обширную, тенистую веранду малого дворца.

«Видно, мой лезгин сблизился с каким-нибудь высокопоставленным лицом, царским приближенным, — размышлял Али-Ходжа. — Пока что все идет в точности так, как он писал».

Слуги сообщили гостям, что, если войти в город через малые ворота около башни, сразу попадешь в базарные переулки; недалеко и мечеть — на тот случай, если гостям захочется помолиться.

В субботу послам были поданы возки — персов приглашали помыться в мраморной бане.

Умащенный благовониями, окутанный воздушной пеной Али-Махмад нежился, лежа на мраморной лежанке и ждал, чтобы как следует стемнело. Терщик старательно растер ему спину и поясницу, окутал мягкой мыльной пеной.

— Аллах велик, Рахим!

— Воистину!

— Телу моему сейчас больше подошла бы крестьянская чоха, чем эти мыльные пузыри.

Рахим еще сильнее раздул мешок из легкой материи и выжал из него мыльную пену, благоухающую амброй, на грудь Али-Махмада.

— Крестьянскую чоху в Греми легко отыскать, все зависит от желания господина.

— Так поторопись. — перс скинул с себя мыльную пену, словно шелковое одеяло.

— Я — ваш раб! — Терщик склонился в низком поклоне, окатил Али-Ходжу теплой водой, подал ему простыни и узел с одеждой. Али-Ходжа-Махмад надел поверх шелкового белья простую крестьянскую чоху с архалуком, натянул грубошерстные крестьянские носки, пригнал к ногам каламаны и, подойдя к зеркалу, внимательно всмотрелся в свое отражение.

Короткая, чуть тронутая сединой бородка его подросла в дороге и топорщилась на шее и около ушей. Хна и без того вылиняла местами, а после бани ее и вовсе не было заметно. Волосы, спрятанные под чалмой, подросли. Лицо перса от этого казалось круглее. Он покрыл голову круглой войлочной шапочкой, поднял одну бровь, слегка надул щеки, чуть скривился и рассмеялся. Он и сам не узнал бы себя — тайное око шахиншаха. В зеркале перед ним стоял какой-то деревенский простак.

Рахим незаметно провел его через заднюю дверь и указал на улочку, поднимавшуюся в гору.

Али-Махмад поспешно пересек улицу и пошел вверх по торговому ряду.

На улицах и площадях было еще много народа.

Визжала зурна, раздавались праздничные возгласы. Кутили ремесленники-амкары. Народ группами валил со стороны Цхракара. Деревенщина-простолюдин смешался с толпой и пошел по улицам. Около царского караван-сарая он свернул у самой армянской церкви в проулок, оставил позади кузницы. Под горой селились плотники-аробщики. Новенькие арбы без ярма стояли прислоненные к стене, словно безмолвные богомольцы. Здесь, в главной городской стене, были ворота для скота. Направо виднелась обнесенная оградой царская конюшня.

Ходжа-Махмад пробирался коротким путем, вдоль ограды. Мимо со ржанием промчались кони. Перс вспомнил про царское тавро — мохнатую звезду.

В конце улочки он заметил стражей, но те сразу повернули назад. «Верно, даже не заметили меня», — подумал «крестьянин» и уже смелее стал подниматься в гору. Там, на самом гребне, виднелась приземистая, широкая крепостная башня. Али-Махмад отлично знал — в ней находилось узилище.

В верхнем конце города он сбился с дороги. Дома здесь

снова попадались чаще. К счастью, перс заметил свет в окошке — свою путеводную звезду. Так он дошел до места.

Дверь ему отпер сам Мурадаисдзе. Он вышел за порог, опираясь на костыль. Увидев незнакомца, замер и растерянным голосом спросил:

— Кто ты такой? Чего тебе нужно?

Испуганный возглас хозяина доставил немалое удовольствие Ходжа-Махмаду. Он вошел в комнату и протянул Мурадаисдзе белые газыри.

— Неужели это вы? Я ждал вас, и все-таки не узнал! — Мурадаисдзе отбросил один костыль и поздоровался с гостем за руку, — клятву дам и на иконе и на коране — вы неузнаваемы! — Прикрыв дверь, хозяин пригласил гостя сесть на тахту. — Я сам должен был к вам явиться, но, — он показал на свой костыль.

Ходжа-Махмад заметил, что тонкие, почти что прозрачные ноздри горбатого носа Мурадаисдзе чуть вздрагивали. Перс от природы был смелым человеком, и вид чужого испуга приводил его в хорошее расположение духа. «Трус всегда излишне осторожен, а осторожность в таком деле не помеха!»

— Ну-ка, покороче... Сначала список «урусов».

— Извольте! — Мурадаисдзе вручил ему небольшой свиток.

— Еще какие новости?

Лезгин торопливо и обстоятельно рассказал о русском посольстве, о всех кахетинских событиях, о плохом и о хорошем. Доклад получился обстоятельный и толковый. Али-Махмад даже удивился, сколько знания и прозорливости проявил этот купец средней руки. Иногда он давал событиям своеобразное освещение и окраску. Ничто не укрылось от его внимания, он знал обо всем: о последнем обильном урожае, о базарных ценах, о местонахождении царского семейства, о молчаливой розни между Картли и Кахети, о поражении Нугзара Эристави в Хеви, об усилении кахетинского войска — все учел и взвесил купец, знал даже, что кто-то из русских послов сидит в гремском узилище. Русские, по словам Мурадаисдзе, стремятся завладеть Кахети а Александр ищет союзника для борьбы против турок. «Сейчас царь кахов, говорят, собирается к шах иншаху, хочет просить о помощи. Царь очень обрадовался вашему приезду».

— Не заходила ли речь обо мне самом? Или о купце Мирване?

Мурадаисдзе потер внезапно заболевшую ногу и выдавил из себя:

— Нет... Упоминали имя Джимшед-хана.

— Что еще? — торопил перс осведомителя. Ведь он все еще, считалось, находился в бане! Правда, никто не стал бы торопить посольского советника, но Махмад старался избегать любого, даже малейшего подозрения. А то, что кахетинцы за ним следят, он знал отлично. — Остальное потом! Время у нас еще будет... — перс направился к дверям, — поскорее избавься от этого костыля... Мне понадобятся твои ноги и твоя ловкость! Хорошие у тебя завелись осведомители, все сообщения оказались верными! Вот тебе награда! — увесистый кошелек, набитый золотом, полетел со звоном на тахту.

Уже в дверях перс снова окликнул хозяина приглушенным голосом:

— Мурад-оглы! Кого из царских приближенных следует остерегаться больше всего?

— Все того же... усача... — шепотом ответил дрожащий лезгин и прикрыл дверь.

— Усача? — перс передернул плечами. — Странно, все его боятся, а мне он до сих пор ни разу не пересек дороги.

Весьма довольный состоявшейся беседой, перс не спеша стал спускаться по узкой улице.

Вечер был хороший, дело шло на лад, да и вообще он любил прогуливаться после бани.

Когда Махмад поравнялся с забором царской конюшни, кто-то его окликнул. Откуда ни возьмись вдруг набежали люди, окружили его со всех сторон, схватили за руки. Пока Махмад успел осознать, что случилось, он почувствовал, на шее у себя накинутую веревку, а между лопаток — упертое острие кинжала.

— Попался, шелудивый пес, бездельник! Что, пришлось по вкусу царское добро?

Али-Махмад сначала растерялся, попробовал было сопротивляться, но кинжал больно кольнул его в спину и быстро заставил успокоиться. Кроме того, идущий впереди дернул за веревку, накинутую ему на шею, и персу волей-неволей пришлось идти за ним.

«Попался», — в отчаянии думал он.

— Чего вам нужно от меня? Я всего лишь бедный картлийский крестьянин.

— Чего нам нужно? Скажи лучше, чего тебе нужно в конюшне? Повадился! Царские кони полюбились?

Тут уж Ходжа-Махмад совсем растерялся.

— Царские кони? — Перс снова заупрямился, попытался скинуть подбородком веревочную петлю. — За что губите? Если пьяные, шли бы своей дорогой... А разбойники, так с меня нечего взять. Слыханное ли дело, ни за что ни про что душить человека?

— Молчи, конокрад! — веревка еще сильнее впилась в шею перса.

Не будь он в столь плачевном положении, с веревкой на шее, Али-Ходжа, наверное, расхохотался бы... Его — «левое око» шахиншаха, советника знатного посла, владельца несметных богатств и бесчисленных конских табунов — обвиняют в конокрадстве!

— Постойте! При чем тут кони?

— Мы тебе покажем, что при чем! Вот сведем в узилище, там и выяснится, что ты за птица!

Дело принимало нешуточный оборот. А что если его узнают?

— Дайте вздохнуть... Совсем задушили! Я же никуда не денусь! — передохнув он снова взмолился: — Не виноват я ни в чем, эва... — перс чуть было не сказал — «эваллах», но вовремя спохватился, прикусил язык и помянул господа, а вместе с тем незаметно выбросил из кармана свиток со списком русских послов. На душе у него немного полегчало, а мольбы стали еще настойчивее; но все было напрасно. Стража не обращала на них никакого внимания. Наконец, дозорные доставили задержанного к крепостной башне и, пройдя через главные ворота, постучались в маленькую окованную железом дверь.

— Отпустите! — еще раз взмолился «картлиец».

Идущий впереди вошел в открытую дверь и снова потянул за веревку. Али-Махмад стал спускаться по узкой лестнице. Было темно, только где-то впереди через открытую дверь виднелся свет. У «конокрада» перехватило дух, он споткнулся. Кто-то дал ему пинка. Али-Махмад скатился вниз, с грохотом влетел в открытую дверь и растянулся на полу.

Когда перс приподнял голову, его словно громом поразило — за столом сидел рослый человек с пышными усами.

«Усач», — сразу припомнил он слова лезгина.

— Кто это? За что забрали? — глухим басом спросил

усач. — Разве так можно? Поднимите его! — Усач с сочувствием посмотрел на мнимого картлийца.

Али-Махмад весь напрягся. Необходимо действовать, играть, сделать все возможное и невозможное, иначе бессмысленно погибнут и он сам, и его дело.

— К коленям твоим припадаю, господин! Я ничего не сделал! Взяли без причины, не ведаю почему, — он на коленях подполз к усачу.

— Встать! — усач обернулся к страже. — Так в чем дело?

— Мы поймали его у самой ограды царской конюшни. Там, где оставили след позавчерашние воры.

— Понятно! — усач нахмурился, и сросшиеся его брови совсем сошлись на переносице. — Обыщите! Вообще-то вы привели его не вовремя! Государь в крепости.

— Государь?! — удивились стражи и вывернули пустые карманы чохи перса.

— Да, он в большой темнице и русский толмач при нем.

Ходжа-Махмад навострил уши, несмотря на свою заботу. «Вероятно, царь пришел к русскому узнику!» — Перс вспомнил слова Мурадаисдзе.

— Откуда ты? Что тебе здесь нужно? Говори, только не путай, не то... — усач положил кулак на стол, и стол скрипнул. Махмад вздрогнул. Лицо и движения этого человека свидетельствовали о большой силе и твердой воле. Перс редко ошибался в характерах.

Он весь внутренне сжался, лицо его приняло простодушное выражение.

— Из Дигоми я, шени чириме... Плотник, арбы делаю... В Греми работу ищу, — и Махмад, словно зачарованный, в упор уставился на усача.

— Имя, фамилия?

— Имя...

— Может, ты имя свое позабыл?

— Тато... Тато меня зовут... Бадзиашвили, — нашелся Ходжа-Махмад, и щеки надул и одну бровь вздернул... В точности, как в бане перед зеркалом, когда придирчиво рассматривал физиономию придурковатого крестьянина; перс все время повторял про себя придуманные имя и фамилию, чтобы не забыть их.

— Бадзиашвили? — задумчиво повторил усач и, недоверчиво улыбаясь поглядел на Тато... Потом вспомнил: — Верно, есть такая фамилия в Дигоми!

— Помоги тебе бог! Есть, шени чириме, конечно, есть! — облегченно вырвалось у мнимого Тато.

— Ну так, покороче, Бадзиашвили, чтобы царь нас тут не застал... Значит, говоришь, аробщик?

Хорошо еще, что усач смотрит ему в глаза, а не на руки! Ну, разве эти руки рабочего человека? Тато спрятал в широкие рукава чохи холеные руки с крашеными ногтями.

— Значит, околачивался возле царских конюшен? — продолжал допрос кахетинец. Ходжа-Махмад снова приободрился. «А в усах, видно, длины побольше, чем опыта!» В нем снова зародилась надежда на спасение. Ведь в конце концов он же не крал никакой лошади?

— Был в той стороне... На горе... молился в храме святого Георгия... И причастился...

— Клянешься?

— Клянусь богом! Вот те крест! — перс трижды набожно перекрестился.

Вдруг усач поднялся, встал над самой его головой. Он оказался намного выше перса.

— Если ты в самом деле плотник-аробщик, верно, знаешь, что это такое? — достав из ящика какой-то кованный из железа предмет, усач протянул его персу.

— Я немного слаб глазами. Дай поглядеть как следует, сударь, все доложу досконально.

Перс хотел выиграть время и лихорадочно искал выхода. Взял у усача предмет, глянул на него искоса. Кусок железа в три-четыре пальца шириной был выкован в форме звезды с расходящимися лучами. Опять-таки память вызволила его, он узнал рисунок: «Царское тавро — мохнатая звезда!» — сердце его забилось сильнее от радостной догадки... Перс поднес железку к глазам, рассмотрел; несомненно, это то самое тавро...

«Стыдно, усач! Детский подвох». — Мнимый плотник совсем осмелел.

— Господин! Солнцем клянусь, дай вам бог столько лет жить, сколько я выточил арб... но эта железка к моему ремеслу не имеет отношения. Она скорее похожа на барсучий капкан.

Кахетинец отобрал у перса железку.

— Ты, видимо, тертый калач... Врешь и не краснеешь... Смотри, кабы не пожалеть потом! Не попадись в свой же капкан! Значит, не знаешь ничего про мохнатую звезду? Ну-ка припомни!

— Нет, шени чириме, бог свидетель! Не сочти за дурость, только откуда мне знать небесную науку? Моя арба еле-еле по земле плетется. Мое дело — деревянные шкворни, да оси, а от звезды мохнатой или простой, сам посуди, какой мне толк?

Усач улыбнулся, фыркнули и стражи, отвернув лица.

— А это чье? — усач неожиданно кинул персу бурку.

Али-Махмад, как и подобало бережливому крестьянину, не спеша развернул бурку, повертел ее в разные стороны. «Тоже не ново, к такой уловке прибегал я сам, здесь же, в Кахети», — припомнил перс старую историю, сложил бурку и возвратил ее усачу.

— Эх, жаль, что не моя! Правда длинновата, но от бурки из-за длины и от девки из-за молодости еще никто не отказывался... — попробовал даже пошутить простак-аробщик, но совершенно неожиданно усач двинул его по шее с такой силой, что перс упал ничком.

— Где лошадь?

У Махмада потемнело в глазах, он завопил во весь голос.

— Где лошадь, я тебя спрашиваю?

— Почем я знаю? Что вы пристали ко мне с этими лошадьми? Куда я попал? Что это за чертова страна?

— Плетей!

Стражники тотчас подали начальнику плеть из воловьих жил.

Ходжа-Махмад страшно испугался. Нет, не боль его страшила. На шахской службе ему не раз доставалось покрепче — да и сам он других угощал, вот хотя бы давеча гонца Максуда.

Перс опасался, что его узнают. Тело его еще хранило аромат благовоний Рахима... Ведь не слепые же они на самом деле?

— Приготовиться... или сознайся во всем!

«Испытывают», — снова обрел надежду Ходжа-Махмад и решил опередить своих судей.

— В чем сознаться? Другой ворует — а мои пятки в ответе? Несправедливо! — и перс проворно скинул каламаны. — На вашу совесть!

— Нет, ты штаны скидывай!

«Господи, — у посольского советника от страха даже высох холодный пот. — Вот теперь я окончательно погиб. Если узнают, что правоверный... убьют... И никто мне не поможет... Джимшед-хан ничего не посмеет сказать... А если объявят обо мне во всеуслышание, то и шах Аббас от меня откажется».

— Отведите его в сторону и всыпьте как следует. Бейте, пока не скажет правду! — стражники схватили Ахмада за руки. Но он и сам был рад хоть уползти в темный угол. Снова судьба ему улыбалась! Здесь, в темноте, никто ничего не разберет.

Кто-то оборвал тесьму его шаровар. Кто-то, связав веревками ему руки и ноги, спустил с него штаны. Но Ходжа-Махмад уже успокоился... В этот угол едва пробивался слабый луч света.

Когда перса раза три хлестнули плетью, он вновь завопил. Под плетьми даже опытный мастер лжи и выносливый коварный лицемер оказывался всего лишь избитым, страдающим живым существом.

— За что, безбожники! Я же не конокрад! Где у вас доказательства? Я требую справедливости! Я пожалуюсь государю...

— Завязать ему рот! Чтобы царь не услышал!

Али-Ходжа заметил, что мучители его испугались, и стал кричать еще громче. В эту минуту в комнату вбежал начальник царской стражи.

— Государь спрашивает, что у вас тут за крики?

Усач бросил своим приспешникам бурку: — Накройте его! — А сам, со скрипом распахнув дверь, вышел.

Ходжа-Махмад почувствовал прикосновение мягкого войлока к израненной плоти, когда боль полегчала, его стала душить злость... Как глупо повернулось столь удачно начатое и налаженное дело! Он втихомолку проклинал конокрадов всех стран и времен. Сейчас Ходжа-Махмад боялся лишь одного: как бы царь его не заметил. Персу не раз приходилось слышать о необычайной памяти Александра на лица.

В коридоре послышались голоса, и лазутчик напряг слух. Он узнал голос усача.

— Нет, мой государь... Никаких улик нет!

— Так за что вы его мучаете? По какому праву? Забыли мой приказ?

— Подозрение очень велико...

— Нельзя наказывать по простому подозрению! Ты лучше заставь признаться того русского соглядатая... Что за ловушку они готовили нам на севере вместе с шамхалом? Вот что мне нужно знать! Завтра я приму послов шаха Аббаса... И должен обо всем подробно рассказать.

— Как прикажете, государь. У меня и камень заговорит...

— Да, да... А то взялись за какого-то бедолагу, случайно оказавшегося около моей канюшни, и вышибаете из него дух! Дай-ка взглянуть на него.

Дверь отворилась. В этот миг Али-Ходжа на всех известных ему языках возносил хвалу царю Александру. Во-первых, тот оказался его спасителем, а во-вторых — перс столь неожиданно сам, своими ушами, услыхал о добрых намерениях царя кахов. За это стоило отведать плетей!

Кто-то откинул бурку, которой был прикрыт соглядатай. Али-Махмад замер. На него смотрел царь Кахети, тот самый царь, перед которым он должен предстать завтра вместе с Джимшед-ханом.

— Приведите его в чувство и отпустите! Но только пусть больше никогда не появляется в Греми!

Дверь снова отворилась. Ходжа-Махмад лишь теперь впервые осмелился осторожно выглянуть из-под бурки. Царь Александр стоял на пороге и, улыбаясь, шепотом беседовал с усачом. Изворотливый перс снова напряг слух.

— Мой Давид! Займитесь подготовкой к завтрашнему приему. Проследи, чтобы подарки были отменные. Особенно тщательно выбери дары для Джимшед-хана и Али-Ходжа-Махмада С этими двумя я ищу дружбы... Это лица, достойные всяческого уважения... Отберите лучших скакунов на моей конюшне — это личный мой дар.

— Будьте спокойны, государь! — Джандиери проводил царя.

«Что за напасть! — думал огорошенный Ходжа-Махмад. — Только что меня обвинили в желании украсть из царской конюшни коня и чуть было дух из меня не вышибли... А завтра утром сами приведут мне из этой же конюшни пожалованного самим царем скакуна. Что за наваждение?»

Давид Джандиери вскоре вернулся.

— Ну, поднимайся, Бадзиашвили! На твое счастье прибыли к нам послы шахиншаха. Иначе так легко бы тебе не отделаться. Как выйдешь отсюда, ступай туда, где причащался, и поставь свечу потолще своему святому, да и заодно помолись за шахских послов.

«Чудеса», — искренне изумлялся Махмад, в затуманенном сознании которого каждое слово царя и Давида обретало особый смысл.

— Дайте тавро! Чтобы он не смел никогда появляться в Греми! Всякий раз, как сядет на коня из царского табуна, пусть вспоминает о нас!

Стража снова сдернула с перса бурку. Давешнее тавро уже успели раскалить. Его внесли откуда-то снаружи в щипцах с длинной рукояткой.

«Как он вышколил стражей!» — подумал перс. В ожидании близкого освобождения он не думал о боли, которую предстояло испытать, ведь в конце концов он спасся от неминуемой гибели! Махмад с трудом скрывал радость: верно, он и впрямь родился под счастливой звездой! И все-таки перс завопил во весь голос, когда к его правой ягодице приложили раскаленное железо.

В комнате запахло паленым мясом.

— Вот и все! Одевайся, — сказал страж, убирая тавро.

— Приложите к ране бальзам! Может, он еще пригодится государю... Ведь теперь это тоже жеребец, меченный мохнатой звездой! — приказал, усаживаясь за стол, Джандиери.

Страж смазал рану Махмада каким-то зельем и развязал веревки.

— Выведите его на двор.

Ходжа-Махмад молча поднялся, сунул распухшие ноги в каламаны.

— Хоть теперь признайся, твоя это бурка или нет? — совсем уже другим тоном спросил Джандиери и смерил перса взглядом с головы до ног. Весь передернулся от взгляда усача избитый и меченый «мастер»...

— Нет, клянусь жизнью! Да что мне тужить о чужой бурке, когда я чуть собственной шкуры у вас не лишился! Хвала царской справедливости! Только зря вы меня заклеймили, ни на что я вам не пригожусь!

— Посмотрим, клеймо будет проверкой. Кто черен и кто бел, — станет видно в бане!

— Не надо мне ничего, только отпустите поскорее!

Махмад шагнул к двери и вдруг ощутил страшное жжение. Он невольно схватился за больное место рукой и боком скользнул в дверь.

Превозмогая боль, перс ускорил шаг. Страж открыл перед ним ворота и выпустил Ходжа-Махмада из узилища.

Перс облегченно вздохнул. Несмотря на жгучую боль, он чувствовал радость. Сердце его, казалось, готово было выпрыгнуть из груди. Махмад остановился, перевел дух и огляделся по

сторонам. Уже кричали полуночные петухи. На улицах никого не было видно. Лишь кое-где в домах горел свет.

Ходжа-Махмад оглянулся на дом Мурадаисдзе. Крайнее окно все еще светилось.

«Если б он знал, в какую я попал переделку и чего избежал! Кажется, и мне теперь понадобится костыль. Или мне повезло, или их подвело чутье — но так или иначе теперь все позади! — подумал вновь обретший присутствие духа «мастер» и оглянулся на темнеющую сзади громаду узилища.

Ветерок донес ржание царских коней и, казалось, сильнее заныло клейменное мохнатой звездой место на теле...

Перс распрямился, разогнул поясницу, и невольно взгляд его обратился вверх, к небу. Оттуда победоносно взирали на него бесчисленные мохнатые звезды.

Махмад опустил голову, затянул потуже тесьму от шаровар и боком затрусил вниз по улице, в направлении бани.

ГЛАВА XXVIII

ТЕНЬ ОТ УСОВ

Порядок приема иранских послов был разработан и согласован заранее.

Ясон Чавчавадзе проявил немалую изобретательность и дальновидность. Нужно было воздать подобающие почести послу шахиншаха и в то же время не умалить достоинства царя кахов.

Не обошлось без осложнений. Джимшед-хан потребовал, чтобы он и вся его свита, представлявшие солнцеликого шаха Аббаса, сидели на особом месте, на возвышении. А по существующему при дворе кахетинских царей порядку, члены посольства на приеме у царя должны были стоять, лишь сам посол по особому соизволению царя мог сесть.

— В знак особого расположения царь не замедлил дать на это свое соизволение, — увещевал Чавчавадзе Джимшед-хана.

Но все было тщетно. Тогда мдиванбег решил попробовать почву в ином месте — завел разговор об этом с Али-Ходжа-Махмадом.

Советник посла по каким-то соображениям оказался сторонником стояния на ногах. На вопрос Джимшед-хана он дал неясный и уклончивый ответ, но настоятельно посоветовал согласиться.

Прием должен был состояться в воскресенье, в полдень. С утра послам доставили дары царя — отборных скакунов из царской конюшни.

Лошади были в богатом и красивом убранстве.

Джимшед-хан остался очень доволен царским подарком. А Ходжа-Махмад вздрогнул, увидев на конях тавро — мохнатую звезду. Острая боль вдруг пронизала его поясницу и воскресила в памяти слова Джандиери: «Всякий раз, как сядешь на царского коня, — вспоминай о нас!»

Советник посла с ужасом думал о том, что вскоре ему придется сесть на коня и поехать на прием к царю. Он предпочел бы пройтись пешком, но обычай есть обычай, и тут уж ничего не поделаешь. Махмад пощупал седло. На высокой луке — жесткая подушка из оленьей шкуры. Зато на седле коня Джимшед-хана поверх кожаной подушки красовалась крытая бархатом перинка.

Настало время ехать во дворец. Свита была наготове. Приготовили и дары для царя. Джимшед-хан надел поверх праздничной одежды пожалованный шахом Аббасом отороченный мехом халат и вышел на балкон. Али-Ходжа-Махмад тоже был готов, но все-таки медлил. Он оттягивал время, чтобы как можно дольше не садиться на коня.

Внешне Махмад претерпел большие изменения. С раннего утра он долго суетился перед зеркалом, побрился, оставив лишь узенькую, словно острие кинжала, бородку, выкрасил ее хной и усы укоротил. Потом он надел на голову высокий тюрбан и еще раз оглядел себя в зеркале.

— Нет, какой бы острой ни была зрительная память царя Александра, узнать во мне давешнего «конокрада» невозможно! — рассуждал он вслух.

Оставалось как-то забыть о вчерашнем позоре. А может, это было всего лишь горячечное, бредовое сновидение? Но острая боль то и дело напоминала ему о действительности. Али-Махмад пытался утешить себя: «В конце концов через неделю-другую

рана заживет... И никто не узнает о позорном клейме». Вот только в баню ему не придется больше ходить... Больше уж он не подпустит к себе банщика. Никому не сможет довериться... Клеймо — опасное доказательство. Зато он узнал много важных вещей, проник в тайные думы царя... Случайно или по стечению обстоятельств... Правда, свиток со списком русских послов ему пришлось выбросить, но и это не беда... Ведь Мурадаисдзе все еще тут!

«Я счастливо отделался — был на волосок от гибели и уцелел!» — размышлял Махмад.

По знаку Джимшед-хана все спустились во двор. Под миндальными деревьями послов ожидали царские люди, держа наготове богато разубранных скакунов. Здесь же находилась и почетная свита. Подвели скакуна и к Али-Ходже...

Кахетинец-стремянный почтительно подошел к советнику посла, но тот не торопился сесть на коня... Взяв у слуги поводья Али-Махмад погладил гибкую шею лошади, угостил ее нарочно припасенным леденцом... Ходжа-Махмад старался выиграть время.

Посольство уже подъежало к воротам — у дворцовой лестницы стояли одни лишь слуги и ждали, когда сядет в седло советник.

Тут Али-Махмад заметил своего бывшего гонца Максуда, подозвал и бросил ему поводья, а сам направился пешком к воротам. Отойдя на некоторое расстояние от слуг-кахетинцев, советник спросил у Максуда:

— Почему хан не взял тебя с собой?

— Причина вам известна! — упавшим голосом ответил Максуд.

— Разве у тебя еще не зажило?—сочувственно спросил Махмад и взял поводья у понуро стоявшего Максуда. С какой радостью остался бы он вместе с ним! Но выхода не было. Махмад повернул коня, поставил ногу в стремя. Максуд помог ему.

— Скакун — словно звезда, сорвавшаяся с неба! — похвалил Максуд коня, желая перевести разговор на другую тему. Откуда ему было знать, что упоминание звезды, мохнатой или простой, уязвляет Махмада в самое больное место!

Советник свободно вскочил на коня, но как только коснулся седла, из груди его вырвался невольный стон. Он весь скривился и приподнялся на стременах, пытаясь усесться поудобнее.

Незадачливый гонец в изумлении глядел на своего господи-

на. Он ведь не знал, что господин его в этот миг и впрямь сидел на «звезде».

— Не прикажете ли чего?

— Нет! — Потом Махмад взялся за карман, — вот тебе кошелек, купи побольше бальзама от ран, кахетинцы хорошо его изготовляют... Он быстро залечивает раны от плети, — бессвязно ронял слова всадник. Конь плясал под ним и рвался к воротам. Пронизывающая боль разливалась по всему телу, чуть ли не до самой переносицы...

— И мне покажи бальзам — я собираюсь стать лекарем! — пошутил Али-Махмад через силу и пустил вперед коня. Потом боль слегка заглохла. К тому же, на его счастье, Джимшед-хан, как и подобало послам шахиншаха, ехал впереди шествия неторопливой рысью. А подаренный конь оказался великолепным. «И впрямь, стоило украсть такого», — с горечью размышлял перс.

Джимшед-хан самодовольно восседал на царском коне с лицом, расплывшимся в блаженной улыбке.

На городской стене, тянувшейся сверху вниз вдоль горного склона, и на ограде храма Архангела толпился народ. По пути многие приветствовали посольство. У ворот царского дворца послов ожидала выстроенная в два ряда почетная стража — царские саранги.

Одни были с черными саблями, другие с ружьями. Оба эти отряда стояли раздельно. Третьи, в латах, загораживали собой ворота.

Царская гвардия состояла из рослых и широкоплечих, отборных воинов. Почетных гостей встречали также пешие дворцовые стражи.

Джимшед-хана пленила могучая стать царских стражей.

От таких сарбазов не отказался бы и сам шах Аббас! Он наклонился к советнику, который под конец все-таки подъехал к нему.

Джимшед-хан заметил: — Ходжа-Махмад был не в духе, молчал, смотрел исподлобья, а утром даже жаловался на нездоровье.

«Может, в бане простудился», — решил хан.

У самых ворот он снова наклонился к советнику:

— Каков молодец! — и показал бровями на рослого рыцаря в латах, двинувшегося им навстречу.

Ходжа-Махмад узнал того по усам, покачнулся, виски его

покрылись холодным потом... Он слегка придержал коня и укрылся за широкой спиной Джимшед-хана.

Но Джандиери не обращал на встревоженного советника никакого внимания. Он подал знак, и посольство было встречено троекратным «ваша».

У самых ворот все спешились, кроме главы посольства и его советника.

Латники расступились, и посол с советником въехали в ворота. Старейшина гостеприимцев бросил под копыта коням белые бурки, а дальше по всему двору до самого дворца были разостланы ковры.

На середине дороги спешился советник, а у лестницы и сам посол.

Здесь их встретили сахлтухуцеси Оман Чолокашвили, царевичи Давид и Георгий и высокородные князья.

«А нашего Константина не показали!» — подумал Ходжа-Махмад и последовал за послом.

Чолокашвили повел почетного посланца на аудиенцию. Царь избрал для приема персидский зал. Выбор был не случайным. Во-первых, таким образом Александр проявлял особую приверженность к Ирану, а во-вторых, овальный персидский зал был уставлен вдоль стен высокими резными креслами, а посредине, напротив трона, имелось пышно разубранное место для посла, на котором можно было сидеть, поджав ноги.

Пожелай царь созвать весь большой совет на прием — кахетинские вельможи оказались бы сидящими выше персов.

Зал был расписан искусной кистью. Купол, как радугой, был обвит переплетающимся орнаментом в виде листьев винограда. Над золоченым троном была изображена корона—символ кахетинских Багратидов. Из цветного окна с закругленным верхом на пол, выложенный плитами телесного цвета, щедро лился свет.

Как только послы вступили в зал, сахлтухуцеси объявил о выходе царя.

Открылась высокая дверь слева, Александр вступил в зал не спеша, потом слегка ускорил шаг, подошел к трону, поднялся на несколько ступенек, поднял голову и, стоя, ответил на приветствие. Длинное древнегрузинское царское одеяние делало царя еще выше. Венца на Александре не было, так как горделивый посол не испросил позволения подойти к царской руке.

Слегка приподняв левую руку, Александр подал знак; це-

ремония приема началась. На этот раз, чтобы не подчеркивать различия в вероисповедании, на приеме не присутствовали священнослужители. Один лишь отец Зосимэ стоял, как молчаливый свидетель, среди высокородных. И царице Александр не велел присутствовать на приеме — причиной тому была не осознанная, затаенная боль.

— Великий посол шахиншаха! — протяжно провозгласил Оман Чолокашвили и поднял золотой жезл царского домоправителя.

Джимшед-хан, приосанясь, выступил вперед и приветствовал царя по восточному обычаю:

— Приветствую вас, владетель Кахети, Александр, сын Левана, — высокопарно начал он, — повелитель Ирана, великий шахиншах Аббас, царь над царями и солнце среди светил, спрашивает о вашем здоровье, шлет вам и стране вашей добрые пожелания, — красочным персидским языком, медоточиво вещал посол...

Упомянул он и одаренную всяческими добродетелями царицу и царевичей, «которых, к сожалению, не видят послы при первой встрече».

Кахетинцы отлично поняли намек: персы явились за заложником.

Пришел черед царя Александра осведомиться о «великом шахе иранском, мощном соседе и желанном покровителе». Спросил он также о здравии Джимшед-хана — личного посла шахиншаха и владетеля Тавриза. Не забыл царь и соратника посла, «прославленного мудростью советника Али-Ходжа-Махмада».

По знаку сахлтухуцеси и с согласия посла, слуги поднесли царю щедрые шахские дары.

Царь Александр казался весьма довольным всем течением приема посольства и, по мнению Омана Чолокашвили, даже проявил излишнюю любезность, — разрешил всем присесть. Это не входило в условия первой аудиенции.

«Царь почтил меня, согласился на мое первоначальное требование», — подумал Джимшед-хан, и это ему очень польстило. Зато Ходжа-Махмаду пришлось не очень-то по душе чрезмерное гостеприимство царя. Он даже помедлил, прежде чем присесть... А когда оглянулся вокруг, увидел, что знатные князья и высшие сановники уже расселись вдоль стен... Кроме слуг, теперь никто не стоял на ногах. Казалось, все глядели на него — хитроумного советника посла... Ходжа-Махмаду показа-

лось даже, что он поймал скользнувший по нему быстрый взгляд царя.

Тогда и он, поджав ноги, опустился на подушку рядом с послом. Он коснулся сидения прямо пораженным местом. От острой боли советник до крови искусал себе изнутри губы. Но на лице его не дрогнул ни один мускул.

Теперь поднялся давтарбаз — письмоводитель шахского посла, отвесил царю низкий поклон и стал громко читать список подношений.

И впрямь, богатые дары прислал шах Аббас царю кахов. Тут были халаты златотканые и из узорчатой парчи, с собственного сиятельного плеча шаха Аббаса; позолоченное оружие — сабля и кинжал, шлем и кольчуга, янтарь и лал, шахматы из слоновой кости и лапта с мячом; парчовые шатры, драгоценное седло и сбруя для коней, и персидские ковры.

По приказу сахлтухуцеси вышедшие на балкон царские трубачи и глашатаи во всеуслышание повторяли список подношений. Народ, собравшийся перед дворцом и на городской стене, слушал с вниманием.

Давтарбаз читал все громче, дивились собравшиеся в зале кахетинские дворяне, ликовал народ, толпившийся на площади и на стене. Лицо царя Александра все больше расплывалось в улыбке, и тем тяжелее становилось у него на душе, объятой подозрениями. «Это — плата за Константина! А может, и царевича шаху будет мало... Шах Аббас никому ничего не отдает даром — видно, задумал недоброе».

— Лик мудрости — выдрессированный по велению шахиншаха для забав и увеселений! — объявил давтарбаз и снял с последнего подарка пеструю раскрашенную ковровую ткань.

В позолоченной клетке дремал попугай с желтой грудкой и зеленым хвостом. Птица всполошилась от яркого света и, заикаясь и путаясь, закричала по-фарсидски: «Трепещи и радуйся, солнце и страна шахиншаха».

Все натянуто заулыбались. Царь подал знак, и сокольничий открыл клетку. Александр приласкал птицу, осмотрел ее крылья:

— Гонец, принесший собственное слово шаха Аббаса... Несомненно это лик мудрости, и по вашему свидетельству, весьма знаменательный.

Пришел черед иранских послов скривить губы в натянутой улыбке.

Александр был знатоком пернатых, в особенности соколов и ястребов. Но эта птица больше походила на раскрашенную игрушку.

— Отнесите царевичу Константину! — Царь передал сокольничему раскричавшегося попугая. Птица распустила крылья и хохолок и сыпала обрывками непонятных слов, а когда ее снова водворили в клетку, отчетливо выкрикнула:

— Слушайте! Слушайте! Урус яман! Урус яман! Урус яман![1]

В зале воцарилась неловкая тишина.

— Наш старший брат и желанный покровитель весьма отличил нас своими дарами, — горькие слова повисли у Александра на кончике языка, но он превозмог себя и коротко закончил: — Не соизволил ли достославный шах Аббас прислать с вами письмо?

Джимшед-хан не спеша поднялся. Поднялись и остальные члены посольства. Посол достал из шелкового мешочка запечатанную грамоту, поднял ее обеими руками над головой, склонился, как бы согнувшись под ее тяжестью, и так предстал перед царем. Александр поднялся. Тотчас встали и кахетинские вельможи.

Царь собственноручно принял шахскую грамоту. Это была первая грамота шаха Аббаса, посланная лично Александру. С тяжелым чувством поднес царь ее к груди и ко лбу, затем положил рядом с царским скипетром и короной и сел, после чего знаком разрешил присутствовавшим также сесть.

Кахетинцы в свою очередь преподнесли почетному послу и его советнику личные дары в залог дружбы. Список почему-то читал Давид Джандиери. Он снял кольчугу и теперь в темной куладже казался еще более рослым и широкоплечим.

С балкона все также вещали бирючи и глашатаи. Кроме скакунов со старинной грузинской сбруей, в списке упоминались пояса горской работы, золотые венецианские свечницы. Джимшед-хану, как первому послу, поднесли золотой султан, а в списке даров советнику значился «драгоценный ларец со свитком мудрости».

Ходжа-Махмад ничего не понял да и не приметил среди подарков эту шкатулку с мудростью. Изнемогая от боли, он нетерпеливо дожидался окончания приема.

«Вчерашняя беда и сегодняшний праздник — все едино... Да и участники одни и те же!»

---

[1] Урус яман! — Русские плохие (по-персид.).

Советник уже не боялся, что его узнают. Он лишь беспокоился, как бы царь вновь не проявил излишней вежливости, пригласив послов сразу же отсюда к царскому столу.

К счастью, царь повелел гостеприимцам доставить яства с царского стола послам в малый дворец.

Прием был закончен.

Проходя мимо Джандиери, стоявшего перед высокой дверью, Александр спросил шепотом:

— Как понравился тебе лик мудрости — попугай!

— Я думаю, и ларец мудрости окажется не хуже! — ответил Давид. Тотчас по уходе царя, сахлтухуцеси подошел к Джимшед-хану и, развлекая приятной беседой, проводил посла из зала.

Али-Махмад поднялся, с трудом расправил затекшие члены. Он едва не споткнулся, но кто-то учтиво помог ему.

— Спасибо, почтеннейший, — не оглядываясь, поблагодарил его перс на своем языке.

— Не за что, сударь!

Ходжа-Махмад вздрогнул, услыхав глухой низкий голос и грузинскую речь. Уголком глаза он уловил смутную тень густых усов. Рядом с ним стоял Джандиери. Мурашки забегали у перса по пояснице, но Махмад не подал виду.

И Джандиери не стал докучать ему беседой — почтительно проводил его до дверей и любезно разъяснил:

— Подарки пришлем потом... А ларец я вручу вам лично!

Степенно, очень степенно шествовал Ходжа-Махмад. Обогнавший его Джимшед-хан обернулся и подумал: «Что это моя тень все время отстает от меня?» — и замедлил шаг, чтобы не было разрыва в шествии.

Тотчас по выходе, послам подвели коней. Один из них был уже нагружен подарками.

Послу и его советнику, успевшим сесть в седла, Джандиери подал по ларцу.

В шкатулке посла лежал пышный золотой султан. Джимшед-хан тотчас передал его слуге. А советника вновь заставил призадуматься «ларец мудрости».

К тому же Джандиери, как бы между прочим, шепнул ему:

— Извольте ключ... И свиток внутри запечатан!

Советник взял ключ, но ларца открывать не стал. Поблагодарив за подарки, он подумал: «Неужто так много у царя кахов жемчуга, что он решил меня подкупить?»

По возвращении в малый дворец, советник сослался на недомогание и отпросился у посла. Усталый, весь разбитый от боли, Ходжа-Махмад лишь запершись у себя в опочивальне вздохнул с облегчением.

Непременный долг первого посещения был выполнен, теперь можно было сказаться больным.

Радуясь тому, что боль приутихла, перс с любопытством взялся за ларец.

Ужас обуял советника. В шкатулке лежал список русских послов, выброшенный им во время ночного пленения.

Сначала он не поверил собственным глазам. Потом развернул свиток, прочел, — несомненно это был тот самый список.

Мысль его напряглась, как пружина. «Неужели тайный враг царя кахов желает заключить со мной союз?.. И неужели это — сам усач? Может быть, он и есть осведомитель лезгина Мурадаисдзе? Но зачем же тот меня предостерегал?»

Перс совсем запутался в своих хитроумных домыслах.

Снова взялся он за ларец, достал оттуда запечатанную трубку из слоновой кости, сломал печать. В маленькой грамоте было написано по-персидски:

«Сказано мудрецом: самое ценное слово двуострое, о двух лезвиях! Пусть мастер разгадает смысл и постучится в полночь у дверей. А не разгадает — да будет слово о мохнатой звезде услышано солнцеликим. Он разгадает любую премудрость!»

Подписи не было. Да она и не была нужна.

— Тень от усов! — вскричал ошеломленный перс. Он понял, что попал в капкан.

Махмад вскочил — бросился почему-то к окну, выглянул из него. Где-то на нижнем этаже хлопотали слуги. Внизу, за садом, длинные тени тополей походили на огромные усы.

Тогда перс кинулся к двери, выбежал в коридор.

У лестницы стоял почетный страж. Он выпрямился, огладил усы.

Советник снова заперся у себя в смятении. Ему всюду мерещились густые, длинные, изогнутые усы. Али-Ходжа перечитал грамоту. Затейливые персидские буквы прыгали, извивались — словно усы.

Он разгадал эту мудрость из шкатулки и, конечно же, знает, в какую дверь следует постучаться. В дверь усача, в ту самую, от которой, он казалось, так удачно спасся вчера... Бедняга! Не «конокрад» он, а «меченый жеребец»!

Страшная западня, — уже вслух причитал Ходжа-Махмад. — Нет, не постучусь! «Солнцеликий шах Аббас разгадчик всякой премудрости», а это значит, что я лишусь головы, — и «левое око» шаха, Махмад схватился обеими руками за голову.

Чем больше он думал, тем больше приходил в ужас и, словно пойманный зверь, метался по опочивальне. Под конец, схватив грамоту, он хотел было отправиться к Джимшед-хану.

Но уже подойдя к двери, перс представил себе выражение удовольствия на лице Джимшед-хана, который, разумеется, обрадуется возможности избавиться от Ходжа-Махмада... Посол отправит его в кандалах к шаху Аббасу.

— Нет, это невозможно! — Махмад отошел от двери и, обессиленный, упал в кресло. Он совсем забыл о «доказательстве» — и тотчас подскочил с громким стоном, ничком упал на черные бархатные подушки своего ложа...

Впервые в жизни Ходжа-Махмад не знал, как поступить.

...В полночь сгорбленная тень с закутанным лицом стучалась в двери узилища...

Видимо, его там ждали. Дверь тотчас отворилась, и на кованой решетке мелькнула тень усов.

Потом дверь затворилась, поглотив пришельца.

ГЛАВА XXIX

КРЫЛО ПОПУГАЯ

Переговоры между кахетинцами и персами протекали как бы по двум руслам: днем — в приемном зале малого дворца, ночью в тайной келье узилища.

Ясон Чавчавадзе и Джимшед-хан состязались друг с другом в цветистом красноречии и изощрялись в любезностях. Оба ни на минуту не забывали о появлении новой могущественной силы — России, ожидая в связи с этим возобновления войны между Ираном и Турцией.

Те же вопросы и с тех же позиций, но уже в лоб без всяких прикрас разбирались в тайной келье, где встречались Джандиери с Ходжа-Махмадом.

Царь Александр незримо присутствовал и там и здесь. Он спешил, с гор и с равнины доносилось мощное дуновение войны. Необходимо было спешно принимать меры.

Ночной посол Ходжа-Махмад получил от усача для излечения раны вдосталь и золота, и мази — «турманаули». Тот, кто назывался «левым оком» шаха, брал на себя обязанность быть одновременно «правым оком» Кахети. Перс признался во всем. Подтвердилось сообщение тушина Белкана — в Ганджу прибыло иранское войско, ожидали новых пополнений. Идти ли войной на Алазани и Греми — этот вопрос зависел от исхода кахетинско-иранских переговоров.

Царь Александр превосходно понимал замысел шаха Аббаса.

Для того чтобы избежать войны с Ираном, кахетинцам следовало держать сторону шаха против турок и отдать ему в заложники царевича. Тогда шах принял бы «посредничество» кахов перед Россией.

А Джимшед-хан, правда медово и велеречиво, но настойчиво требовал гораздо большего. Впрочем, царь Александр при содействии «ночного посла» очень скоро вернул дневные переговоры в нужное русло. Но дело затянулось. Из-за гор, от шамхала Элима снова прибыл тайный гонец. По всему Дагестану распространился слух о союзе кахов с русскими для совместной борьбы против горцев. Со своей стороны шамхал и паши Дербентский и Шемахинский начали готовиться к войне против кахетинцев. Кроме того, шамхал Элим просил поторопиться со свадьбой.

Александр отлично понимал — Элиму не терпелось стать шамхалом, а бракосочетание Ираклия и Салихи должно было ускорить это. Вновь перед царем возникло печальное лицо его первенца, но разве не был еще более болезненным вопрос о судьбе его младшего сына Константина? Думы эти были настолько тягостны, что царь старался отгонять их от себя. Судьба Константина была решена. Ему уже не могли помочь ни покровительство России, ни очередные уловки Александра. На дорогу в Россию и обратно русским послам потребуется по крайней мере два года. А войско, прибывшее в Ганджу под названием почетной свиты, нетерпеливо ожидало одного из царевичей. Зато основное было достигнуто — шах Аббас примирился с «временным» покровительством России над Кахети и с удовольствием соглашался на союз с русскими против Турции. На случай воз-

можной войны с Дагестаном, Иран обещал обеспечить «мир в тылу».

— Мало ли царевичей побывало в заложниках? Но ведь они возвращались обратно... И получали престол! При содействии русских я вытребую Константина обратно или попрошу покровителей отвезти его в Москву. Только дайте мне перевести дух, оглядеться, свободно вздохнуть. Разве я люблю нашего сына меньше, чем ты? — утешал Александр царицу Мариам, которую с трудом привели в чувство после того, как несчастной сообщили горькую весть.

Вокруг хлопотали прислужницы, растирали царице виски и ноздри уксусом и нашатырем.

— Выпей, дорогая! — Александр собственноручно поднес царице воду. — Не убивайся, и меня не мучай. Ничего не случится с Константином. Погостит при дворе шахиншаха, будет принят с почетом, как младший брат. Вырастет в роскоши, будет есть на золоте. Он уже подрос, привык жить в горах без родителей, не будет тосковать. — Но внезапная мысль, словно змея, ужалила царя в сердце: «А нам-то каково придется, нам самим...» — Александр вскочил, отогнал недобрую мысль и снова вернулся к царице.

Мариам уже совсем пришла в себя; она только тихо плакала.

— Прошу тебя, не плачь при мальчике... Что он подумает? Нужно его наставить. — Александр отослал постельничих и нянек, подсел совсем близко к супруге, делившей с ним царский венец и все его тяготы. Провел рукой по седеющим прядям и понизил голос: — Внуши ему, чтобы он берег веру свою и честь! Пусть хранит в сердце любовь к нам и к отчизне! Я не смогу ему все это сказать. Он еще слишком мал, чтобы понять отца. Материнский завет запоминается крепче!.. Ты и сообщи Костале о том, что ему предстоит поездка в Исфагань. Тебе же приходилось подслащивать малюткам горькие пилюли... Подсласти ему и теперь горькую чашу... Чтобы он не устрашился, не озлобился... И чтоб не осталось в сердце у него не зажившей раны. — Александр поднес руки к груди, словно пытаясь закрыть собственную рану. — А я постараюсь, чтобы он не оставался там долго, клянусь тебе в этом!

Царица лежала без движения, прикрыв глаза рукой, рыданья ее стали тише, но ей не удалось совсем их заглушить.

Этого мига страшилась Мариам с самого дня появления на свет ее первенца — вот он настал... неминуемый, неизбежный...

— Заклинаю тебя Косталой... Скажи, почему ты избрал именно его? — едва сумела вымолвить мать; голос не повиновался ей; но тут же она сама испугалась своих слов: — Нет! Они все одинаково мне дороги! Но почему же, почему же именно его?..

Воспоминание о трудном выборе заставило содрогнуться Александра. Но от обостренной страданиями наблюдательности его все-таки не укрылось одно, быть может, совсем незначительное обстоятельство: доныне царица Мариам клялась только им, Александром... И вот, теперь имя сына стало ее заветным заклинанием. «Значит, сердце матери никогда не простит мне...» Что может он ей сказать? Повторить историю о мизинце и безымянном пальце? Напомнить о непреложной необходимости, о родине, требующей жертв? О нравственном долге царей перед народом? Объяснить, что это всего лишь уловка? Все это давно известно царице... Но для сердца матери «все это», вместе взятое, значит меньше, чем одно ласковое слово сына.

— Он избран святыней! — И Александр поведал о том, что произошло в пещерной келье отца Зосимэ. Только рассказал не полностью — умолчал о жребии, выпавшем Георгию.

Мариам стремительно поднялась на ложе, устремила на супруга испытующий и осуждающий взор и, словно подкошенная, вновь упала на подушки.

Александр чувствовал себя обессиленным. Он кликнул лекарей и мамок, а сам заперся у себя в опочивальне. Он чувствовал приближение лихорадки. Сначала у него похолодели руки, озноб прошел по хребту, потом на лбу выступила испарина, забилась жила на шее, а уши наполнились гулом и звоном.

... Нет, нет, это в самом деле стучат... Снова царица Мариам просит его пожаловать к ней. Нет, ей лучше... Гораздо лучше! — уверяют служанки.

Когда Александр вошел в опочивальню, Мариам с трудом подняла отяжелевшие веки, взглянула на своего исстрадавшегося мужа усталыми, погасшими, уже высохшими глазами и по вспотевшему лбу и раскрасневшимся щекам Александра поняла, что у того начинается лихорадка. Прислужницы вышли и затворили за собою двери. Супруги снова остались одни. Царица с трудом приподнялась на ложе.

— Я все поняла... Значит — и Георгий тоже... Ну, а что дальше?

Александр растерялся. Столько лет прожил он с женой и даже не подозревал, что она наделена столь необыкновенной до-

гадливостью и чуткостью! А он-то думал, что набожную женщину возмутило кощунство — избрание заложника перед лицом святыни! Александр не знал, что ответить, лишь опустил голову. Лихорадка его усиливалась.

— Горе нам! — царица схватила мужа за руку, соскользнула с постели и упала на колени. — Вместе мы зачали этих несчастных... Вместе помолимся... И вместе принесем покаяние!

Да, слезы Мариам было легче вынести... Теперь она не плакала, — зато понимала все, сказанное и сокрытое, и даже провидела тяжкое будущее! Материнское сердце всесильно... Всеведуще...

Но и помолиться им не дали... В опочивальню ворвался царевич Константин. Его недавно привезли из Гомбори.

Загорелый, привольно-радостный, с подаренным попугаем на плече, он сам передразнивал болтливую птицу.

— Отец! Послушай, что он говорит! И как ясно! «Трепещи и ликуй, светило дня и страна шахиншаха!» — Мальчик необыкновенно похоже передразнил попугая.

Александра передернуло от этого сходства.

Но совсем иное неприятно поразило царицу. Константин был одет в желтый архалук, а поверх него — в голубую куладжу, шаровары на нем были зеленые, а сапожки из красного сафьяна. В кричаще-пестром своем наряде мальчик показался матери сродни иранскому попугаю...

— Убери это чудище и скорее приходи сюда! — строго велела она и отвернулась. Избалованный Костала удивился необычной суровости матери, надулся и выбежал из комнаты.

— Нельзя его отпускать в Иран!

Александр почувствовал, что это говорит не мать, а царица, и теперь, когда он уверился в ее поразительной, провидческой проницательности, предупреждение Мариам заставило его заколебаться.

— Которого же из двух послать?

Снова мать одержала верх над царицей.

— Мне все дети равно дороги... Я не могу пожертвовать ни одним! Решай, как лучше для тебя и для родины, в рассуждении грядущего!

Александр провел рукой по лбу, словно отгоняя навязчивую мысль.

— Нет... Замена невозможна... Должен поехать Константин!

И опять повелитель Кахети схитрил, опустил одно короткое

слово «пока», вертевшееся у него на кончике языка, но, взглянув на супругу, увидел, что та поняла и это.

Тут дверь снова распахнулась, и вбежал Константин — заплаканный с изменившимся лицом.

— Почему меня посылаете? Почему? — кричал он.

Отец не мог выдержать вопрошающего взгляда сына.

— Мать тебе все объяснит, сынок! Слушай ее с вниманием, — сказал он и вышел из опочивальни.

В галерее к его ногам упала няня Константина.

— Государь, простите! Это я виновата...не смогла сдержать слез... Проговорилась... А царевич-то, оказывается, не знал еще...

Александр слушал причитание няньки, как в тумане. Наконец слова женщины дошли до его сознания.

— Ах вот ты о чем... Ничего... И ты с ним поедешь, женщина. Можешь собираться.

В малом зале царя Александра ожидали высокородные и сановники.

Царь сообщил им о своем решении послать царевича Константина ко двору шахиншаха. А черкеса Куршиту царь отозвал в сторонку.

— Мы сейчас на острие копья — зато и весы у нас в руках. Да, да, «Алазанские весы»! От имени Джимшед-хана и при нашем содействии ты посетишь первопосланника русских в Дзегами. Пригласишь его в Гремн — для встречи с персами. Но от моего имени посоветуй Биркину, в свою очередь, пригласить посла шахиншаха к себе, в Дзегами. Это будет уместно и лучше для нас. Знаю, поначалу хан не согласится, но в конце концов посетит Биркина. Ты будешь толмачом во время переговоров. Возьми с собой и молодого Зазу Кахниаури. Вести пришлешь с ним. — Куршита уже был в дверях, когда царь снова окликнул его — лихорадка одолела его, он стал рассеянным: — Известишь русских о подготовке войны с шамхалом. А о Константине — ни слова... В случае надобности я сам сообщу.

Отпустив Куршиту, царь пригласил к себе Каплана Вачнадзе и сардара Шермазана, заперся с ними и занялся приготовлениями к войне против горцев. За работой забыл он о горестях и смирил даже лихорадку.

Поздно ночью истомленные сердце и тело возжаждали отдыха. Безмерно усталому и обремененному заботой человеку захотелось передышки, минуты забвения. Царю нужно было тепло, сочувствие, нежная ласка. Он направился к покоям царицы. Но

у дверей его встретила мамка, ожидавшая его здесь по приказу царицы:

— Государь! Царица положила с собой сына — на прощание, перед дальней дорогой! Она велела: кто бы ни пришел — не принимать! Даже вас... мой государь! — опустив голову, проговорила она еле слышно.

Долго кружил царь кахов по темным, притихшим переходам и галереям дворца. Он уже не ощущал его своим. Нигде здесь не было для него тихой обители, места отдохновения.

Мать и сын лежали рядышком в постели.

Костале было уже десять лет. Поначалу ему было неловко, он уже отвык от материнского ложа, этого теплого пристанища младшего сына, безраздельно принадлежавшего ему, пока алазанские фазаны или журавли не принесли маленькую Нестан. Да и после долго еще любил он забираться к матери в постель, прильнуть к ее боку под левой грудью и замереть, прислушиваясь к частому биению родительского сердца. Все сильнее прижимался он к царице, затихнув, и погружался в дремоту. Уже сладко спящего уносили его няньки...

Потом все права на мать полностью перешли к капризной и плаксивой Нестан.

И вот Константин снова лежал на мягкой перине рядом с матерью, у левой ее груди. Это заставило его еще острее почувствовать огромное значение выпавшего на его долю удела. Затаившись, прислушивался он к словам царицы. Чувства возвращали его к еще незабытым привычкам и желаниям сердца, а материнские наставления заставляли вглядываться в будущее и предостерегали:

— Ты грузин. Кахетинец и христианин. Ты должен помнить это везде и всюду! — повторяла она снова и снова. Царица собрала все свои силы, смирила материнскую боль, мысли ее были ясны и тверды. Мариам ощущала сына всем своим телом и, когда мальчик вздрагивал, ей казалось, что в чреве у нее ворочается еще не родившийся ребенок. А может, лучше было ему и вовсе не рождаться? Кто знает, какие страдания и унижения ожидают заложника? Мать крепче обнимала сына, сильнее прижимала его к сердцу и снова шептала ему: — запомни — грузин и христианин! Если кто-нибудь скажет тебе другое — не верь! Не поднимай руки на свою родину! Не обнажай никогда меча против нее.

Никогда, слышишь, никогда! Что бы ни случилось. Что бы тебе не пообещали. Какой бы карой не грозили тебе.

Но мальчик воспринимал все это очень смутно. Он много плакал сегодня. Он был обижен, дулся на мать и, почувствовав, что ей это больно, что она особенно нежна к нему, заныл еще сильней:

— Ираклий, Давид, Георгий, Нестан... Почему же из всех — именно я? Почему? Разве вы любите меня меньше всех? — упрямо, как попугай, повторял Константин.

— Что ты, сынок! Ты знаешь, как мы страдаем, я и твой отец! Вырастешь—поймешь. Тогда и суди нас... А теперь ты должен нам верить. Отец сказал: «мы скоро возьмем его назад». Он дал мне клятву!

— Отец... Он даже не вошел, даже не посмотрел на меня как следует! — недоверчиво повторял мальчик.

— Сынок, верь своей несчастной матери! Я ведь кормила тебя этой грудью. Заклинаю тебя — не таи в душе зла на отца и на братьев! — Мариам сбросила одеяло и крепко прижала хнычущего Косталу к обнаженной груди.

— Как мы можем тебя забыть, мой мальчик?!

— Когда меня заберут, вы забудете обо мне... Вы забудете меня! Забудете! — повторял Костала, прижимаясь к матери, целуя ее теплую грудь.

В опочивальне было темно, но Константин все же сжимал веки и, казалось, вновь слышал доносящийся откуда-то из далекого мира детства аромат, чувствовал неповторимое тепло и сладость материнского молока у себя на губах. Вдруг зубы его как-то нечаянно сами собой сжались и он изо всех сил впился ими в тело матери, тут же, у самого сердца.

Мариам отшатнулась с невольным стоном.

— Теперь ты меня не забудешь... Не забудешь!

Ошеломленная мать услышала чужой, неприятный голос, резкий смешок отдался у нее в ушах. Она поняла, что в душе Константина поселилась злоба на родителей, а это отнимало последнюю надежду на грядущую встречу.

Мать с сыном долго лежали неподвижно. А когда царица снова начала ласково увещевать сына, он не откликнулся. Константин успел незаметно погрузиться в сладкий сон. Мариам оправила на нем одеяло, коснулась губами ребячьего лба—лоб был жаркий. Царица прижала мальчика к себе и так, не двигаясь, с открытыми глазами, лежала без сна до самого утра и смежи-

ла веки, лишь когда первый луч ударил в цветные стекла галереи, проник в опочивальню, и широкое ложе запестрело красочными бликами, словно крыло попугая.

ГЛАВА XXX

АЛАЗАНСКИЕ ВЕСЫ

Днем и ночью безостановочно шли приготовления в Гремском дворце и в Дзегами, где моуравы и военачальники хлопотали, не зная роздыха.

Нужно было проводить два чужеземные посольства и снарядить два своих.

Сверх того, царь Александр готовился к войне с горцами, К Джимшед-хану прибыл нарочный от шаха Аббаса. Махмад — «левое око шаха» — вручил Джандиери точную копию грамоты иранского властителя. Шахиншах требовал незамедлительного возвращения посольства вместе с заложниками, а заодно приглашал в Тегеран и русских послов.

Кахетинское посольство было готово отбыть из Греми. Царевича Константина должен был сопровождать в качестве наставника и хранителя Ясон Чавчавадзе, облеченный званием полномочного посла.

Царь кахов почтительно поздравлял «новое светило», воссиявшее на высоком иранском троне, и обещал стоять при содействии русских за Иран против турок. В подтверждение нерушимой своей дружбы и преданности царь кахов отправлял к шаху своего любимого сына Константина с богатыми дарами. А встречу русских послов с иранцами Александр решил все-таки устроить в согласии со своими замыслами. Чтобы заручиться согласием Джимшед-хана на поездку в Дзегами, Джандиери еще раз вызвал к себе Али-Ходжа-Махмада.

— Жизнь переменчива, это путь, изобилующий рытвинами. Трудно одинокому человеку, — горько жаловался Ходжа-Махмад.

— К сожалению, это так! Одинокий человек похож на пут-

ника с непокрытой головой, лопавшего под сильный град. Мудрец ищет себе господина — и не одного, а нескольких: покровительство их приносит счастье и золотые россыпи,—иносказательно утверждал Джандиери сомнительную истину, а сам думал: «Да, переменчив лик жизни. Человек должен держать наготове две правды — одну для врага, другую для друзей и для самого себя».

Между тем беседа текла по своему руслу.

— Верно сказано! — согласился Ходжа-Махмад с Давидом, — хорошо тому, у кого два господина. Но только, если они ладят между собой! А если не ладят — не сумеет даже причесаться как следует, чтобы чуб у него был в порядке!

— Во власти мудрого раба и мир, и рознь между его повелителями! — Джандиери снова вернул на землю беспредметный, словно дымок, витиеватый разговор, связал его с повседневностью. — Залог дружбы сильных — наш царевич — едет к вам... Вы везете шаху список русских послов и можете рассказать о думах и чаяниях царя кахетинского... Вам и шаху Аббасу вручает отец своего сына... Как теперь будет с чубами — зависит от вашего умения... На дела отвечают делом, чуб за чуб! Слово наше столь же твердо и нерушимо, как наша печать.

У Али-Махмада снова запершило в горле. Правда, рана на мягкой части уже зажила. Мазь «турманаули» опять сотворила чудо. Но перс прочно попал в капкан. Отныне, пока живы царь кахов и этот богатырь-усач, не знать ему покоя и мирного сна. Тень от усов и позорная отметина последует за ним в Иран, это— кахетинские кандалы на его руках. И к тому же его жизнь, его голова, зависит теперь от благополучия этого сопляка — заложника!

Перс склонил голову, проглотил подступающую желчь, запрятал ее где-то в глубине сердца. Он согласился выполнить все поручения. Договорились о способе пересылки тайных вестей и расстались, как старые друзья.

Встречу русских и иранских послов царь Александр устроил в Дзегами в своем дворце. Вначале он не присутствовал при переговорах. Толмачом был назначен черкес Куршита. Потом и сам Александр побеседовал одновременно с обоими посланниками. А под конец устроил общий прием. За ним последовали пир и охота... Все остались очень довольны.

Судьба Кахети решалась пока что так: чтобы предотвратить новое нашествие иранцев, царь прибегнул к покровительству России и предложил шаху помощь против турок; а пока на

Тереке не поставлена крепость и пока путь из России в Кахети не проторен — посылал царевича Константина заложником в Иран. Казалось, что и общая линия определилась — Россия и Иран встали плечом к плечу с Кахети против турок, и взаимоотношения их во всем, что касалось Кахети, уравновесились. Алазани была местом схождения и расхождения их интересов. Алазанские весы держал в руках царь кахов. Чаши весов были неустойчивы, но в отношении турок оставались твердо недвижимыми.

Царь часто совещался со старцем Зосимэ, которого уже не отпускал от себя в пещеры Борбало. Александр любил проверять в беседах с ним правильность своих предположений и замыслов. Он сажал Зосимэ против себя и принимался доказывать ему обратное тому, что думал. Старик горячился, спорил, высказывал свои соображения, — после чего царь с улыбкой успокаивал его.

На опорной плите алазанских весов было начертано: «Самая грозная опасность для всей Грузии, а значит и для кахов, сегодня — Турция! Кахети не может выстоять без союзников... Единственный выход, — уравновесив между собой две менее опасные силы, противопоставить их Турции».

Александр знал — многое взвешивалось на этих весах. Многое здесь было предметом торга, купли-продажи: свобода, судьба, людская и даже человеческая плоть... И ведь первой живой плотью, проданной для почина, был его родной сын.

Константин вскоре примирился со своей судьбой. Жизнь при дворе шахиншаха могла оказаться, в конце концов, не такой уж плохой.

Как только в Греми и в Дзегами стало известно об ожидающей его участи заложника, все стали относиться к меньшому царевичу особенно ласково.

Отец, мать, братья, приближенные и сановники задаривали Константина.

Царевич Георгий не отходил от брата ни на шаг. У Константина с раннего возраста были свои любимцы. Из всех братьев и сестер он особенно жаловал Георгия. Ираклий, самый старший и степенный, был ему непонятен. Давид был вспыльчив и зол. Младшую сестренку Константин как-то не успел разглядеть среди ее кукол, да к тому же питал к ней детскую ревность и зависть. А Георгий был почти что его ровесник, всегда готовый шалить и проказничать. Вместе играли они в разные детские игры, вместе, тайно от родителей, размахивали настоящей, не иг-

рушечной саблей. Георгий делал для брата самострелы, водил его с собой на охоту в ближние леса. Была еще одна, своеобразная, может, самая главная причина их дружбы: Константин совершенно не выносил щекотки. Достаточно было только коснуться его пальцем, и мальчик закатывался от смеха. Братья часто пользовались этой его слабостью — один только Георгий был его защитником и покровителем.

Из Греми двор переехал в Дзегами, Константин жил во дворце, потом — перед дальней дорогой — ему поставили отдельный шатер. Но в час разлуки, когда все приготовления были закончены, все игрушки и подарки уложены, навьючены на мулов и верблюдов, и караван выступил в дальний путь по направлению к Гандже и Ирану, мальчик забился в безудержном плаче. Лишь теперь почувствовал он по-настоящему весь ужас расставания с родиной и близкими... Кто знает, какие страхи овладели царевичем, что привиделось внезапно его испуганному взору, но мальчика никак не удавалось успокоить — ни нянькам, ни Ясону Чавчавадзе, ни даже отцу. Царь огорчился, у него заслезился и задергался левый глаз. А за шатром ожидало иранское посольство. Джимшед-хан восседал с победоносным видом на подаренном ему царем скакуне. Рядом с ним, тоже на царском коне, красовался Али-Ходжа-Махмад. Персы ждали «прекраснейшей из жемчужин», лучшего из богатых даров, посылаемых шахиншаху, — царевича Константина. А Константин, вцепившись обеими руками в опорный столб шатра, плакал навзрыд и ни за что не хотел выходить. Все растерялись... Не вытаскивать же за руки плачущего отрока? Александр хмурился. Лицо его было бледно. Ираклий плакал украдкой — вели ему отец, он без колебаний заменил бы младшего брата.

— Выходите, царевич! Не к лицу вам упрямиться! — тщетно умолял мальчика Ясон.

— Не позорь нас! Персы подумают, что ты боишься! — сердился царевич Давид.

Но Константин никого не подпускал к себе... Ждать долее было невозможно. Иранские послы слали к царю гонца за гонцом. Александр еще раз пересилил себя:

— Где Георгий?.. Скорей!

Голос царя был неузнаваем.

В шатер вошел Георгий с опухшими от слез глазами. Взглянув на отца, он без слов понял все...

Царь не в силах был больше выносить это тягостное зре-

лище. Георгий подбежал к рыдающему брату, обнял его, не удержавшись, заплакал сам и нечаянно ткнул мальчика под мышку... И, почти не отдавая себе отчета в том, что делает, пощекотал его.

Константин вскрикнул, застыл, разинув рот... Руки его разжались. Георгий вздрогнул, но мысль опередила чувство, он утер брату слезы, а пальцами другой руки снова пробежал по его ребрам, словно пересчитывая их.

Константин судорожно глотнул воздух. Неудержимый смех овладел им. Страшный, рыдающий хохот сотрясал все его тело и он, захлебываясь, бился в руках Георгия, как рыба, выброшенная на сушу.

— И ты, Георгий? — вскричал он и выбежал из шатра, смеясь и плача одновременно.

Все поспешили за ним. Тотчас завизжала зурна, возвещая выступление в путь посольства. Караван тронулся.

Только Георгий не вышел следом за всеми из шатра. Он присел у столба, там, где только что горько рыдал Константин, и, весь в слезах, стал кусать себе пальцы.

— И я! Да, и я тоже! — повторял он последние слова Константина. С этих пор он становился младшим в семье и, в случае надобности, мог также оказаться заложником.

Проводив в путь посольство, царь Александр еще раз окинул мысленным взором события последних дней, обдумал свои действия, все взвесил, все прикинул... Мир, обретенный столь дорогой ценой, не имел все-таки под собой надежной основы. Москва и Астрахань, долженствующие уравновесить чаши весов, были далеко, а Иран, хоть и обладал достаточной мощью, чтобы разгромить Кахети, однако не мог сегодня противопоставить на Кавказе свои силы Турции. Александр знал — вскоре появятся турки и тоже будут требовать дани и заложников. Поэтому царь решил задержать у себя русских послов. Вновь были посланы гонцы — лично к Борису Годунову, «наместнику великого царя всея Руси, Казанского и Астраханского царств и владетелю многих иных стран».

А послам российским царь советовал повременить с отъездом, ссылаясь на бездорожье, на то, что не готово пока кахетинское посольство к русскому государю и что страна находится в ожидании войны с горцами.

Здесь, в Дзегами, Александр получил неожиданную весть:

несмотря на ранний снег и обвалы в горах, отряд лезгин перевалил через хребет и вторгся в Кахети.

Александр удивился. Обычно Сурхай-шамхал действовал осторожно, исподтишка. Он не решался на открытое нападение. А мелкие набеги легко отражали военачальники Александра.

— Что это может означать, Шермазан? Мозги у них снегом замело, или они не думают возвращаться домой? Привечай же гостей, коли так!

Шермазан успел уже изрядно поседеть. Чем белее становились его усы, тем ниже свисали они, и если раньше походили на опрокинутый серп, то теперь, казалось, серп этот стремился перевернуться концами вниз. Может, именно потому Шермазан теребил и оглаживал их так часто, — старался, чтобы они по-прежнему стояли торчком.

— Может, они рассчитывают прорваться в Ахалцихе? Но для этого их как будто слишком мало... Ну, что бы там ни было, устрою им достойную встречу. Не будет ли еще каких приказаний, государь?

Но Александр медлил... Он ждал дополнительных известий. Царь разослал в разные стороны новые отряды разведчиков, а вместе с ними и царевичей Ираклия и Давида. Ираклий уже несколько раз принимал участие в мелких боях, а для Давида это было первое боевое крещение.

Разведчики вернулись скоро. Давид, как обычно, то и дело прерывал рассказ Ираклия.

— Ничего не пойму. Растянулись цепочкой... По-видимому, их немного. Перебьем всех, тогда и сосчитаем!

Но Александр прочел в сияющих глазах Ираклия нечто большее.

— Не узнал ли ты кого.

— Мне кажется... это не война и не разбой... Что-то совсем другое. — Царевич отвернул вспыхнувшее лицо, — они, вероятно, уже поравнялись с нашими дозорами.

— Ну-ка, Шермазан! Пора гостей привечать! Возьмешь с собой дзегамских азнауров. Всадники Джандиери наготове. Если пришли с добром, в гости — встречай с радушием... А врагов угощай чем положено — как подскажут тебе твой старый меч да седые усы!

— И ты поезжай, Ираклий!

— Я тоже, отец! — вскричал Давид.

— Нет, ты останешься здесь. Сражаться там, видно, не с кем.

К вечеру все выяснилось. Сурхай-шамхал прислал своего сына Андия-мурзу к царю кахов с поручением.

— Должно быть, русские начали строить Терскую крепость! — заключил Александр. Но еще больше удивился царь, когда царевич сообщил ему по секрету, что сына шамхала сопровождает будущий тесть Ираклия Элим-шамхал.

Ираклий не в силах был скрыть свою радость. Он надел дагестанский архалук с расшитой грудью, а поверх него — кахетинскую куладжу. Одно лишь его мучило — юноша никому не мог открыть имя «вышивальщицы и дарительницы». Ничто так не нуждается в сочувствии и разделении, как большая радость. «Хоть бы Заза был здесь, он бы меня понял». Брату своему Давиду царевич не мог открыться, зная его насмешливый язык. Давид обязательно привел бы в пример какую-нибудь притчу из «Килилы и Даманы»...[1]

Царь Александр велел доставить послов шамхала в Дзегами. Поселили их неподалеку от русского посольства, порознь, в домах нескольких высокородных сановников и азнауров. Андия-мурзе и Элим-шамхалу отвели каждому отдельное помещение.

Лезгин приняли хорошо, но Александр не торопился с аудиенцией, все ссылался на нездоровье. Как-то ночью, выбрав удобную минуту, он тайно призвал к себе своего будущего свата.

Многое рассказал царю Элим-шамхал. Русские в самом деле воздвигли на Тереке крепость. Сурхай-шамхала объял великий страх — он послал сына послом и согласен был оставить его в заложниках, лишь бы избежать столкновения с русскими.

Русская крепость на Тереке! Это известие имело огромное значение для Александра. «Значит, Россия не так уж далеко! Двинулась ледяная лавина! — теперь надежда на покровительство русских становилась реальной. Раз клинок вынут из ножен, значит — он будет разить! Так принято у нас, так должно быть, и у русских!»

Элим-шамхал сообщил обрадованному царю кахов и печальную весть:

— Занемогла моя Салиха... После тайного обручения лишилась сна, бредит. Имя нареченного поминала в жару, —

---

[1] «Килила и Дамана» — известный индийский сборник притч и басен («Калила и Димна»).

рассказывал он Александру. — Пошли толки. Сурхай-шамхал что-то заподозрил, взял девушку к себе во дворец.

Александр утешил Элима, обещал сыграть свадьбу в течение года. Царю кахов было ясно, что Сурхай-шамхал не доверяет своему брату... Потому и отправил его в посольство. А может, нужно было услать Элима на время из Дагестана? Царь призвал Каплана Вачнадзе, опытного в горских делах, спросил совета, выслушал его мнение.

— Необычайное событие, государь! Лишь раз в жизни видел я такое большое посольство с гор, прибывшее со столь богатыми дарами. Это было, когда ваш отец, царь Леван, женился на дочери шамхала Кара-Мусала. А вся эта многочисленная лезгинская свита сопровождала невесту.

— Когда враг осыпает меня дарами и окружает почетом, сердце чует опасность, Каплан. Выпусти-ка на волю своих тигров. Пошли Тамаза и Бебура в горы. Раз уж шамхалу пришла охота рассылать послов, он, наверно, зашлет их и к другим. Он почитает турок.

Лишь во время охоты, да и то недолго, беседовал царь кахов с Андия-мурзой, Элим-шамхалом и другими горцами, а затем предоставил переговоры с послами Каплану Вачнадзе.

— С шамхаловым сынком лучше вести длинные речи. В горах идет снег... Тот, кому предстоит переход через перевал, не станет мешкать. А у нас времени вдоволь. Скоро все выяснится... Испытай их, проверь их ум и правдивость!

Горцы в самом деле торопились. На первом же совещании они выложили все. Сурхай-шамхал предлагал владетелю Алазанской долины мир и дружбу. Напоминал о старом родстве и просил положить конец вражде между долиной и горами.

«Не призывай никого идти войной против нас, и мы никого не станем натравливать на тебя!»

Шамхал посылал к царю любимого сына, чтобы восстановить взаимное доверие... Можно было считать Андия-мурзу гостем или заложником, смотря по желанию. По старинному обычаю шамхал предлагал царю породниться: «Пришлю к тебе двух девушек: свою дочь и дочь моего брата. Одну выдай замуж в Кахети, другую пошли в Иран, и пусть она будет невестой твоего сына-заложника».

«Ловко изворачивается хитрая лиса, — размышлял Александр, — кое-что предлагает от всего сердца, а кое-что поневоле, иное же просто, чтобы проверить свои подозрения или

скрыть свои замыслы! Вот и первая прибыль от Алазанских весов. Посмотрим, что еще взвесит на них для нас судьба!»

Царь Александр отлично разгадал замыслы шамхала. Вслед за явным посольством появилось тайное.

Аслан-мурза с малочисленным, но отборным отрядом пересек снежный хребет Кавкасиони по глухим тропинкам и спустился в Кахети. На этот раз горцы продвигались с большой осторожностью, оставляя далеко в стороне деревни и избегая проселочных дорог. Как только лезгины оказались в лесистых ущельях, снежный их путь кончился и они исчезли без следа. Бебур и Тамаз расстались и направились в разные стороны, выслеживая пришельцев. Но ни на Гремской, ни на Дзегамской дорогах лезгин не удалось обнаружить — так и было доложено Александру.

— Значит — малочисленный отряд? Поджидайте их на Иори, иной дороги нет. Наверное, они пробираются в Ереван и в Эрзерум — к туркам! Везут от шамхала жалобу на меня и на русских, — царь глянул через окно на потемневшее небо, словно читая на свитках облаков. — Они не должны пройти! Слышишь, Джандиери! Доставьте ко мне живым тайного посла, а с ним и его грамоту! — Александр сжал левую руку в кулак. — Пусть Тамаз и Бебур продолжают идти по предполагаемым следам... А ты встречай их на Иори, растяни цепью большой отряд... Шумите погромче. Не удастся схватить, так хоть заставьте их повернуть назад... Все равно потом где-нибудь загоним в тупик!

И в то время, как Каплан Вачнадзе вел с горцами в своих расписных палатах беседу дальнего прицела, сыновья его незаметно продвигались следом за небольшим отрядом лезгин. А стрелки и лучники, рассыпавшись вдоль Иори, старательно «шумели» и пока что вспугнули и подстрелили несчетное количество фазанов и диких голубей.

...Сардар Шермазан сообщал: «На перевале появились большие отряды дагестанцев и разбили лагерь под открытым небом. Не двигаются с места и чего-то ждут... Может, нарочно стараются привлечь к себе наше внимание, чтобы задержать нас здесь? А в горах идет снег».

Бебур и Тамаз сообщали: «Малый отряд лезгин спешит к Иори. Днем прячутся в укромных местах, а ночью с большими предосторожностями продолжают путь».

...И сообщал Давид Джандиери: «Стоим на Иори, растя-

нули цепь на все ущелье, не перестаем шуметь! Пока никого не видно!»

— Мой Каплан, рассказывай гостям побольше басен... Приголубь мурзу... Устрой пир и будь велеречивым тамадой!

А в конце недели случилось вот что: достигнув берегов Иори и услышав немолчный шум, лезгины тотчас повернули назад и попытались обойти это место издали. Неожиданно наткнувшись на засаду, они снова изменили направление, но и тут опять их настигла погоня. При первой же стычке Аслану сломали бедро. Всадник повис на коне. Другим также не удалось бежать. Одних убили, других схватили, связали и вместе с тяжело раненным Аслан-мурзой доставили к царю кахов.

Предводитель лезгин вез в Стамбул грамоту Сурхай-шамхала, «тайно посланную двумя, для большей верности, путями».

«Первый путь — Тарка—Кахети—Ереван—Эрзерум, а второй — Тарка — Терек — Хуба — Крым», — рассчитал Александр и прочел грамоту от начала до конца.

Шамхал писал почти то же самое, что и Александр русским; жаловался на засилье «христиан», на трудное положение Тарки, зажатой между русскими и кахетинцами. Просил своих покровителей-турок напасть на Кахети, разгромить ее и поставить на Алазани и на Тереке свои крепости.

...И сообщал царю кахов военачальник Шермазан:

«В горах выпало много снега. Дагестанцы повернули назад, избежав боя. Я тоже передвинул свой отряд. С этой стороны тыл нам укрепил снег».

События разворачивались так, как предначертал царь Александр. Но неожиданно все изменилось.

Сообщал царю Джандиери:

«На левом берегу Иори все было спокойно. Проскользнуть незамеченным никто не мог — ручаюсь головой. Зато на правом берегу мы внезапно столкнулись с турецкими разведчиками. Встреча была неожиданной и для них. В завязавшемся бою мы отбросили их назад — преследовать не стали, оставили все в неопределенности. Вскоре наткнулись на их предводителя и на Хосров-чауша. Они попросили разрешения проехать через Кахети в Дербент и в Шемаху. Мы задержали весь отряд и ждем вашего приказа».

Царь переместил Шермазана с гор на Иори и попросил у Стефаноза Некресского конный отряд из его войска.

Александр посовещался с русскими послами, известил их о создавшемся положении.

Не забыл Александр и о горском посольстве. Он то и дело просил русских стрельцов маршировать строем и палить из пищалей перед жилищем Андия-мурзы.

— Русское ружье — хороший советчик, голосистый!

Каплану царь положил за пазуху стамбульскую грамоту шамхала, велел вести с послами еще более витиеватые беседы.

— Прямо ничего не говори, дай все понять обиняками. И на Элим-шамхала, смотри, не бросай тени.

Царь послал гонца к Джандиери с приказом хранить бодрость и мужество. На правый берег Иори для выяснения недоразумения с турецким военачальником был направлен Горджасп Эндроникашвили. Царь просил турецкого военачальника и Хосров-чауша приехать в Греми и быть здесь почетными гостями, веселиться на большом пиру и присутствовать на малом совете — в подтверждение добрососедских отношений и для дальнейшего их укрепления.

Царь пригласил с собой в Греми Родиона Биркина. В Некреси их уже дожидался отряд. Александр поставил во главе отряда царевича Ираклия и послал его на Иори.

— Постарайся не разминуться с Горджаспом. Если Хосров-чауш с ним, то пусть полюбуется отличным строем нашего войска. Окажи почет гостям и сопровождай их вместе с частью отряда. Впрочем, нет — лучше останься на Иори, разбей лагерь, где посоветует тебе Шермазан.

Приехав в Греми царь Александр тотчас призвал из Шуамта старца Зосимэ, а с гонцом послал гонца в Ананури, к Нугзару Эристави, которого просил прибыть вместе с сыном для дела первостепенной важности. Царь знал, что на этот раз гордый и упрямый эристав не отвергнет приглашение и сразу прискачет в Греми. Нугзару Эристави захочется покрасоваться перед русскими и проявить при турках свою притворную верность и приверженность престолу. А от такого «никчемного грузина», как прозвал его про себя царь Александр, и это уже немало...

— Значит, мой Зосимэ, ты надеешься на Россию? Думаешь, она окажет нам помощь? Знай, я уже почти решился... Жребий брошен. — Так начал царь кахов беседу со старцем.

Отец Зосимэ успел отдохнуть в Шуамта. Яркое кахетинское солнце согнало с лица монаха северную бледность, слегка подрумянило его щеки.

— Да, я на Россию надеюсь. Все, что я видел и слышал —

позволяет надеяться... Но только надеяться. Конечно, надо не забывать и о дальности расстояния!

Царь Александр махнул рукой.

— Во имя этой надежды на будущее спасение я уже отдал одного сына. Сейчас очередь за вторым! Мне нужно иметь в руках что-либо существенное — заряженное ружье, пушки, готовые к бою... А не одну только надежду на будущее!

Зосимэ промолчал. Умолк и Александр. Оба отлично знали, как тягостно ожидание. Но иного выхода не было. Надо выдержать! Надо ускорить отъезд русских послов! — молча решили оба.

— Подумай, взвесь все обстоятельства. Кого из высокородных князей можно отправить с новым посольством в Москву? Подбери людей и соответственно подготовь грамоты и послание.

Отпустив старца, царь велел позвать всех побывавших в Москве кахетинцев: Куршиту, Зазу, Тедо, Саргиса и отправился к мастеру Джаба в литейную.

Царь кахов отвел под литейную угловую башню дворцовой ограды, ту, что возле царской конюшни; к башне прирезали весь внутренний двор. Здесь велел он Джабе устроить мастерскую для литья и отделки новых ружей и колоколов.

Длинный ряд горнов, печей и наковален тянулся вдоль ограды. Оружейники, кузнецы и литейщики трудились сообща. Мастер Джаба встретил царя в дверях. Он подал государю только что сработанное ружье.

— Эх, Джаба! Ружье хорошее, но много нам таких понадобится, чтобы защитить себя от врагов! И знаешь, что нам еще необходимо?

— Пушки! — глухо произнес Джаба, поднял голову и посмотрел царю прямо в глаза, — государь, совесть моя чиста! Не раз уже докладывал я и вновь осмеливаюсь повторить, только не гневайтесь... Много металла нам нужно. Дайте мне меди! Я отлил гремский колокол, справлюсь и с гремской пушкой. И здесь прославлю мастерство Чохова! Хлебом меня не кормите, но дайте мне медь!

Царь внимательно осмотрел только что отлитый фальконет, затем присел в сторонке. Усадил Джабу рядом с собой, а прочих отослал. Знали мастера и подмастерья, что не раз приходил он сюда и часто вдвоем мечтали царь и мастер Джаба о большой гремской пушке под стать тому большому гремскому колоколу, что установлен на башне. Пушка стала бы вторить

колокольному звону, придала бы ему больше уверенности, перетянула бы одну из чаш на Алазанских весах. Но мечты — ведь не металл. А меди едва хватало на фальконеты.

И вновь помыслы царя кахов устремлялись к России. Отец Зосимэ писал по поручению Александра грамоты, в которых просил прислать пушкарей, пушки и металл для пушек. А сам царь неустанно готовил войско и оружие и зорко следил за развитием событий.

Пока в Гандже стояло иранское войско, турки не могли проявлять настойчивости. На всякий случай царь послал в Ганджу гонца, но прежде чем оттуда пришел ответ, во дворец явился Хосров-чауш. Его сопровождал Горджасп. Они повстречались по пути с царевичем Ираклием, который и вел их во дворец.

Турок тотчас же попросил приема, заявив, что неотложная надобность торопит его.

Эндроникашвили сообщил царю кахов тайно собранные сведения. Турки отправлялись во владения шамхала. Они также собирались строить крепость на Тереке.

Александр пригласил на прием и Родиона Биркина.

Хосров-чауш был человеком оружия, он отлично владел саблей, но не знал дворцовых порядков. Свою речь Хосров начал с упреков. Промедление на Иори распалило его. От имени турецкого султана и Эрзерумского паши Фархада Хосров потребовал, чтобы его пропустили через Кахети в Ширван и в Дербент. Кроме того, он желал получить провиант на дорогу. Говорил он запальчиво и резко, держался надменно.

Царь кахов выслушал его терпеливо, без гнева. Он понял, что турки не требуют у него заложника, и почувствовал облегчение. Дурные манеры чауша царь приписал его неразумию. А пропустить турок через Кахети отказался. Он напомнил о покровительстве русских, подтвердил союз с Турцией и посоветовал чаушу избрать другой, более удобный и легкий путь к Ширвану и Дербенту.

— Мы не можем избрать иной путь, пока вновь не овладеем Ганджой, — вырвалось у чауша. Царь Александр понял, у Хосрова нет султанской грамоты, и тут же круто осадил его. Он напомнил наглому пришельцу, что и Кахети пока еще не во власти турок и что кахетинцы не собираются сами точить нож, который враг хочет всадить им в спину.

Хосров-чауш вышел из себя.

— У турок такой обычай — когда им не дают пути, они

всю страну превращают в проезжую дорогу! Стамбул и Эрзерум близко, а Москва — далеко, к тому же русские неторопливы. Они вас не спасут — да и нас не испугают: руки коротки!

— Если этот длиннорукий турок хоть что-нибудь способен взять в толк, он должен знать, что на Тереке уже высится русская крепость, а оттуда до нас ближе, чем до Эрзерума! И войска в ней без счета — все отборные богатыри. Великий христианский государь не оставит нас в беде!

Быть может, царь кахов говорил все это больше для Родиона Биркина, чем для турецкого чауша!

А Хосров-чауш потерял голову от ярости, разразился бранью и угрозами, обещал отрубить уши гяурам, пожирателям свиней, как на Алазани, так и на Тереке...

Возгласы возмущения послышались в зале.

— Дерзкий гость не заслуживает уважения хозяев! — еле сдерживаясь, произнес царь кахов и велел чаушу покинуть зал.

— Напрасно надеешься, гурджи, на русского медведя. Слава его раздута, и россказни о его силе — небылицы, — нагло заявил турок.

За оскорбление русского посла царь Александр приказал схватить турка и бросить его со связанными руками к ногам Родиона Биркина.

Но Биркин проявил предусмотрительность и спас турка от гнева кахетинского царя и его приближенных.

Царь Александр приказал страже отвезти посрамленного Хосров-чауша на Иори и переправить его на противоположный берег реки.

А в Дзегами тем временем происходило следующее: объехав горы, прибыл по Дербентско-Ширванской дороге к Андия-мурзе тайный гонец. Сурхай-шамхал торопил сына, сообщая ему, что русские уже завершили строительство Терской крепости и даже установили пушки. Теперь уже Сурхай-шамхал стремился не только породниться с царем кахов, но и просил Александра быть посредником между ним и Россией.

Элим-шамхал тотчас подробно сообщил царю Александру о новом изменении намерений горцев. И брат шамхала, и царь кахов отлично знали, что все это по-прежнему — лицемерие и коварные уловки.

— Русская пушка еще не стреляет, а гром уже отдается повсюду. Погодите, что еще будет, когда она выстрелит! —

успокаивал царь Александр своих приближенных, озабоченных ухудшением отношений с турками. — Мы теперь уже не одиноки, близится день нашего торжества!

Такое ободрение было действительно необходимо кахетинцам, так как они знали: в Стамбуле не простят изгнания Хосрова и отказа пропустить турок через Кахети.

Всю зиму стояло на Иори отборное кахетинское войско, но неприятель не показывался. А посольство Андия-мурзы так и не принесло никаких результатов. Тем временем на Кахетинскую долину стремительно, словно ласточка, с веселым щебетом впорхнула весна. Она коснулась грудью серебряных вод Алазани, и оттаяли их глубины. Весна взметнулась ввысь, добралась до снежных вершин — и с грохотом низверглись в ущелье снежные лавины. Горные дороги закрылись. Леса и рощи вспыхнули зеленым пламенем набухших почек. Над очагами не поднимался больше дым, теперь он вился над вырубками и незасеянными полями.

Турки не показывались, но царь Александр не снимал дозора, а только менял людей. То один епископ препоясывался мечом, то другой. Над Иори попеременно развевались знамена с разными геральдическими зверями: вздыбленный конь — символ граничных областей; лев на задних лапах — герб внешней Кахети; у заалазанских кахетинцев красовался овен с выгнутыми рогами, а у эретцев и кизикийцев — щит и копье со вздымающимися над ними буйволовыми рогами.

Но как только затих гром свергающихся обвалов в горах, перезимовавшие, отощавшие лезгины принялись за мелкий разбой.

Царь кахов отправил Андия-мурзе неприветливое посланчие: «Видимо, обещаниям вашим так же нельзя верить, как нельзя считать военной доблестью ночное воровство и грабеж. Уста ваши источают мед и патоку, а на деле все оборачивается иначе. Перестаньте слать мне письма с посулами — или клятвенно подтвердите правдивость своих обещаний».

Каплан дословно передал горцам поручение государя. Андия-мурза не обиделся, а напротив, остался доволен.

— Клятва на шариате! — про себя он подумал: «Что ж, если этого достаточно... Ибо древние и истинные мусульмане учат: поклянись, если это принесет пользу вере мусульманской и делу!» А Александр все обдумал и предусмотрел: «Нынешним летом Иран и Турция вновь столкнутся на границе Ганджи

и Кахети... этого и ждут шамхальское княжество и весь Дагестан. Война против горцев неминуема... Что ж — тогда уж лучше пораньше покончить с «осами».

На окраине Дзегами, за торговыми рядами, в мусульманском квартале стояла суннитская молельня — джаме. Именно здесь встретились в час вечернего намаза кахетинские сановники и русский посол с Андия-мурзой, Элим-шамхалом и их свитой. К концу беседы прибыл и повелитель кахов.

Старый мулла с мутными глазами уже начал намаз — он сидел на коврике посередине джаме, неторопливо раскачиваясь и истово молясь с таким невозмутимым видом, словно каждый день в его джаме собирались столь необычные молельщики.

Царь кахов выждал, пока старик закончил молитву, потом подозвал его к себе и почтительно испросил позволения взять у горцев клятву по всем правилам магометанской веры.

Сын и посол шамхала Андия-мурза от имени отца поклялся на коране по закону шариата.

— Все сказанное нами верно... Дела наши не таят измены... Мы желаем примириться и породниться с вами, ищем вашего посредничества и добрососедских отношений чистосердечно и правдиво и клянемся в этом на святом коране! — трижды повторил Андия-мурза. Одна рука его лежала на коране, а другую он поднял вверх, словно призывая в свидетели богов всех вероисповеданий, обитающих в небесах.

— Валлай!.. Билай!.. Талай!.. — воскликнул старый мулла.

— Валлай!.. Билай!.. Талай!.. — трижды повторили Андия и его приближенные.

Присутствующие напряженно следили за этим своеобразным действом. Впрочем кроме старика муллы, вряд ли кто-нибудь верил в искренность клянущегося.

Когда клятва была принесена, царь кахов вручил мулле для прочтения посланную шамхалом в Стамбул грамоту.

Лезгины растерялись, заволновались, а русские и старик мулла возмутились.

— Грамота поддельная! Мой отец не писал ее! — громко объявил потрясенный Андия.

— Поддельная? Благодарение господу, если так. Возможно, меня в самом деле ввели в заблуждение, — оглянулся на своих приближенных Александр.

— Должно быть так... Клянусь! — осмелел Андия.

Александр еле заметно улыбнулся:

— Снова клятвы! Клятвы, конечно, очень ценны, но мы

утомили ими почтенного старца — муллу. Боюсь, он больше не согласится принять клятву!

Однако мулла согласился и высоко поднял коран. Тогда Александр сделал знак Джандиери:

— Введите!

Тотчас в открытых дверях джаме показался Аслан-мурза. Он с трудом передвигался на костылях. Тут уж послы шамхала совсем растерялись.

— Сначала возьмите клятву с него! — царь пренебрежительно указал на Аслана-мурзу.

— Валлай!.. Билай!.. Талай!.. — упавшим голосом повторил следом за муллой Аслан-мурза. — Да, эту грамоту вручил мне сам Сурхай-шамхал, с тем, чтобы я отвез ее в Эрзерум или прямо в Стамбул... Эваллах! Изменили мне и руки и ноги, — ослабевший Аслан споткнулся и присел на пороге джаме.

— Хотите спросить его о чем-нибудь, клятвопреступники? — Александр окинул взглядом умолкших лезгин.

Те молчали.

— Все ясно! Уведите! — Александр сделал знак свите. — Нам здесь больше нечего делать!

Выходя из джаме, кахетинцы слышали страшные проклятия, которыми старый мулла осыпал Андия-мурзу и всех таркинцев.

Царь Александр послал к Андия-мурзе на следующий день Каплана.

— Коварные люди, трижды нарушившие клятву, не нужны мне ни как заложники, ни как родичи. Русская крепость на Тереке надежнее ваших клятв! Уезжайте домой.

В ночь перед отъездом горцев, Александр вновь тайно посетил Элим-шамхала.

— Теперь главное — кто ударит первым. Я хорошо знаю брата! — сказал тот царю.

— Сурхай-шамхал непременно выступит против нас. Разведай, где стоит его войско, и сообщи нам. После нашей победы ты станешь великим шамхалом, мы тотчас сыграем свадьбу и установим вечный мир между Дагестаном и Кахети! Я буду посредником между тобой и русским государем... Если мы сумеем сплотить воедино горы и долину — суди сам, — какая у нас будет сила... На севере и на юге!

Столковались обо всем, и Элим-шамхала поглотила ночная тьма.

После этого все чаще стали появляться тайные посланцы из-за гор:

— Сурхай-шамхал поднимает весь Дагестан против кахетинцев!

— Сурхай-шамхал вновь обещает туркам помощь и берется воевать против Кахети!

— Сурхай-шамхал снова запер дочь мою Салиху в своей башне в Тарке!

— В русскую крепость у устья Терека войска и провиант доставляют по морю. Крепость господствует над всем Затерским краем.

Царь Александр поручил дагестанские дела царевичу Ираклию и полководцу Шермазану. Наметил общий план, выделил для них войско из каждого садрошо.

С юношеским пылом взялся царевич Ираклий за подготовку к горной войне. Он сгорал от нетерпения...

— Спокойнее, спокойнее, царевич! — увещевал его Шермазан, — не думай, что выиграть бой значит покорить невесту! Это дело потруднее... Тем более, когда приходится сражаться против Сурхай-шамхала, воевать с объединенным войском Дагестана!

Не раз бывавший в горных сражениях, испытанный полководец прятал улыбку в усах. Он видел, как вспыхивали щеки Ираклия. Оба отлично знали, что на этот раз шла речь не только о победе в горной войне, но и в самом деле о завоевании горной невесты для царевича.

Закутанные до самых глаз посланцы с гор стали появляться все чаще:

— Горные дороги открылись. Уже собирается дагестанское войско. В горах еще никогда не видывали столь многочисленного ополчения.

— Шекский и Дербентский паши договорились с шамхалом и подтянули свои силы... Главный удар будет направлен в первую очередь на Дзегами...

— Тайный гонец из Стамбула прибыл в Тарки. Турки обещают помощь. Скоро Фархад-паша Эрзерумский двинется на Ганджу!

На этот раз Элим-шамхал ничего не сообщал о Салихе. Молчание его острым клинком вонзалось в сердце влюбленного юноши.

А царь Александр, узнав о предполагаемом походе Фархад-паши на Ганджу, крепко призадумался. Он срочно послал гонца к Ясону Чавчавадзе и велел от своего имени и от имени русских послов предупредить шаха Аббаса. Царь сообщал шаху о постройке русскими крепости на Тереке и поздравлял его: отныне туркам был закрыт путь через Крым на Маныч и Дербент.

Царь кахов знал, что подобное поздравление имеет для шаха вкус засахаренного ткемали[1].

Александру были уже известны все подробности иранского путешествия посла и заложника. Ясон сообщил ему о блестящем приеме, оказанном шахом Константину-мирзе, о милостях, которыми осыпал царевича Аббас.

Относительно внутреннего положения Ирана Ясон сообщал следующее:

«Шах Аббас тайно сказал своим великим ханам: Россия превосходный друг и соратник в борьбе против турок... И еще добавил: благословен аллах, посылающий подобного друга, но аллах же спасет нас от него!»

В начале лета примчался еще один тайный посланец с гор. Элим-шамхал послал его с дороги. Весь Дагестан собрался на путях и тропинках, ведущих к Кахети. Наступают с трех сторон: идущие со стороны Дербент—Самур—Шеки нападут на Дзегами с востока. Наш отряд, перейдя через Цилбан-Пипинетскую гору, окажется на северо-западе от Дзегами... Здесь будем я и Сурхай-шамхал... Большая группа, перейдя через соседний перевал, нападет на Греми, чтобы отвлечь на себя кахетинское войско, но главное направление Цилбан-Пипинетское, и основные силы шамхала сосредоточены именно здесь. Сурхай-шамхал одет в медную кольчугу, на шлеме его изображен полумесяц, поверх шлема обернут зеленый тюрбан шейха. Сурхай на вороном жеребце.

На мне панцирь цвета ржавчины с шипами. Щишак у меня новый, с забралом до бровей. Выбрал себе белого коня. Брат меня, кажется, больше не подозревает. Но Салиху все еще держит у себя в доме».

На этот раз царь Александр сам встал во главе войска. Шермазану Чолокашвили он подчинил правое крыло, которому предстояло прикрывать Дзегами с востока. В помощь ему он придал дружину бодбийского епископа и рать царевича Давида.

---

[1] Ткемали — сорт сливы с очень кислыми плодами.

Защиту Греми царь поручил Андерману Вахахишвили и Степанозу Некресскому с его дружиной, сам же перерезал горные тропы над Пипинет-Цилбани, но так, что сами тропы с виду оставались совершенно свободными и не вызывали никаких подозрений. Все передвижения производились ночью, в тайне, и с большим умением, так что остались незамеченными.

— Вероятно, с гор спустятся лазутчики... Сначала Сурхай-шамхал обычно осторожен, как лисица, а потом разъяряется, как барс.

Александр велел Ираклию одеться простым воином и послал его с небольшой группой на перевал.

В полдень Ираклий вернулся с вестями: на горе появились двое — старуха и молодой парень. Ираклий подослал к ним пастуха.

— Старуха говорит, что она старшая жена Аслана-мурзы. С ней целые хурджины денег и ценных вещей — выкуп за Аслана... направляется к нам.

Это обстоятельство заставило Александра призадуматься. Хурджины с серебром свидетельствовали о том, что Аслана-мурзу и впрямь собираются выкупить... но сейчас... В ожидании большой войны с набегами и грабежами — вряд ли горцы стали бы без особой цели бросаться крупными средствами.

«Скорее всего, это лазутчики! — заключил Александр. — Неужели Сурхай-шамхал стал посылать на разведку женщин?»

Царь вызвал к себе Джандиери, подробно изложил свои планы.

— Ираклий, ты поедешь в Дзегами и останешься там в качестве моего соправителя. А я будто бы нахожусь в Греми, нет, еще дальше, — в Телави... Будто бы наступают турки... Понял?

— А ты, Джандиери, проверь, кто эта старуха. Доставь ее к Ираклию в Дзегами. Аслан-мурза все равно уже ни на что не годен, если она предложит большой выкуп, обсудите дело между собой и, пожалуй, отпустите пленника. По дороге не завязывайте им глаз... но смотри, Джандиери, чтобы ни одного всадника, ни единого следа не заметили на тропах.

— Положитесь на меня, государь!

И Джандиери мастерски повел игру. Старухе и парню в пути не повстречался ни единый всадник. На обочинах дорог паслись отары овец, крестьяне пахали землю. В Дзегами их привели во дворец к царевичу Ираклию. Царевич был весел, собирался на охоту.

Джандиери, порывшись в памяти, разыскал Зазу и Мамуку, к счастью оказавшихся в Дзегами, и показал им издали старшую жену Аслан-мурзы. Отец и сын в один голос заявили, что это не она.

Мнимую жену отвели в узилище к Аслану. Оба разыграли нежную встречу. А средства у старухи и в самом деле оказались большие.

Аслан потребовал царского суда. Ему сказали, что Александр в Телави, и суд состоялся по повелению царевича Ираклия. Судьей был Каплан Вачнадзе. Сам царевич присутствовал на суде.

Мнимая жена Аслана внесла богатый выкуп. Суд принял его в возмещение пролитой Асланом крови и для удовлетворения иска ограбленных и разоренных. Защитник Аслана-мурзы Куршита отметил, что некогда Аслан сражался на стороне грузин. Суд счел возможным сохранить пленнику жизнь, но при этом постановил: во-первых, надрезать ему жилы на правой руке, чтобы он никогда больше не смог взмахнуть мечом, во-вторых — заставить Аслана поклясться на коране, что он никогда не будет действовать во вред кахетинцам и вообще грузинам, и в-третьих, в знак гражданской казни подсудимого, — сбрить ему один ус.

Выбор был за Асланом. Глухо застонал лихой воин, выслушав приговор, но все-таки предпочел смерти позор и увечье.

Приговор записали,. Ираклий утвердил его именем отца и приказал тотчас же привести в исполнение.

Все кончилось быстро. Лекарь стянул жгутом руку приговоренного выше локтя и надрезал сустав. Приложив к ране паутину и целебную мазь, он остановил кровь и крепко перевязал локоть Аслана.

Пленник не проронил ни звука. Но когда вслед за этим цирюльник сбрил ему один ус, он не удержался и заскрежетал зубами.

Снова вызвали старого муллу с подернутыми пленкой глазами. Одноусый еле слышно прошептал слова клятвы.

Черкес Куршита попросил от имени наказанного разрешения на приобретение верховой лошади.

— О коне пусть не беспокоится, конь за мной, — царевич Ираклий поручил бывшего пленника придворным. — Обезвреженный враг — это уже гость! Так говаривали наши деды! Окажите ему гостеприимство и отправьте его в горы, когда он сможет и пожелает!

— Сегодня! — с трудом выговорил сломленный и уничтоженный атаман.

Джандиери продолжал свою игру: Аслан-мурза и его спутники не встретили по пути в горы ни одного всадника, не заметили ничего подозрительного или угрожающего. Напротив — овец гнали в горы раньше обычного. А в Дзегами они «наверняка» узнали, что царь Александр отправился в Телави, готовиться к войне против турок.

Кахетинцам не пришлось долго ждать. На следующую же ночь группа горцев тайно перешла через Цилбанский перевал.

Кахетинцы ничем не выдали своего присутствия. На рассвете показался второй, более многочисленный, отряд и скрылся в ущелье.

Царь Александр вел счет пришельцам и не двигался с места.

А потом, уже среди бела дня, главный отряд, осмелев, открыто перешел через горы и у всех на виду стал спускаться в ущелье.

Во главе отряда ехали два предводителя. Один восседал на вороном коне, и шлем его был обернут чалмой, медно-красная кольчуга его сверкала на солнце. Второй был в панцире цвета ржавчины и лихо гарцевал на белом скакуне.

— Вот и Сурхай-шамхал! Теперь пора... — задумчиво произнес Александр, однако он все еще медлил отдать приказ. Царь подозвал военачальников:

— Видите вон того, с чалмой, на вороном!.. Захватите его живым!.. А всадника на белом коне не трогайте. Оставляйте ему в бою путь для отступления! Остальных — уничтожайте без пощады! — Царь вскочил на боевого коня. Он был полон отваги, но в душе у него качались чаши Алазанских весов...

ГЛАВА XXXI

БИТВА В ГОРАХ

Вести, принесенные Асланом-мурзой и лазутчиками, озадачили Сурхай-шамхала.

— То ли царь кахов состарился и поглупел, то ли он уж чересчур хитрит? Как я могу поверить, что он совсем не ждет

моего нападения! А может, и впрямь турки наступили ему на горло?

Это соображение заставило Сурхая поспешить. Впереди его ждал полный всякого богатства Дзегами, и дорога к нему была свободна, городом можно было овладеть без боя.

Шамхал не стал дожидаться известий из Дербента и Шека, от пашей, которые должны были ворваться в Кахети. Надежда на богатую добычу окрылила горного хищника, придала ему сил. Особенно убедительным показался Сурхаю рассказ Аслана-мурзы о суде царевича Ираклия.

— Очевидно, царя кахов нет в Дзегами. Значит, нет там и большого войска.

Когда Сурхай поднялся на горный перевал и окинул взглядом Кахети, сердце его учащенно забилось. На этот раз предстоял не обычный набег. Шамхал пошлет в долину войско объединенного Дагестана... Там, внизу, расстилалось безбрежное море пушистых облаков. Кто знает, что таилось за этой завесой?

«Победа и богатство! Счастье и добыча!» — Казалось, шелестел ветерок на перевале... Ветерок-прорицатель, а может быть, соблазнитель?

Сурхай-шамхал, с трудом сдержав нетерпение, осадил скакуна. Шамхал спешился и велел созвать военачальников на совет.

Отряды проходили через горные ворота, а избранные военачальники совещались в шатре шамхала. Одетые в кольчуги, готовые к бою, они сидели полукругом, похожие на орлов, готовых взлететь из гнезда. Внизу, под поднятой, как расправленное крыло, полой шатра, сверкала и переливалась белоснежным безоблачным морем Кахети.

Сурхай-шамхал задавал каждому один и тот же вопрос: почему царь Александр не готовился отразить нападение. Взвешивая и сопоставляя разные мнения, шамхал как бы проверял самого себя.

Почти все считали, что Александра отвлекло внезапное нападение турок.

Сурхай отсылал военачальников одного за другим.

Элим-шамхал сидел рядом с братом, и чем меньше людей оставалось в шатре, тем сильнее охватывало волнение его подозрительную душу. Ему, Элим-шамхалу, владетелю половины княжества, следующему по старшинству у кормила власти за Сурхаем, владетелю Буйнакска, первому должен был по пра-

вилам задать вопрос старший брат — великий шамхал, правитель Тарки. Но Сурхай говорит с другими, даже самыми незначительными военачальниками, а его будто и не замечает.

Наконец братья остались одни. Некоторое время оба молчали. Снаружи доносилось нетерпеливое ржание скакунов и негромкий цокот копыт. Отряд стремительно вливался в горло ущелья. Войско катилось лавиной, но почти бесшумно: так умеют скакать одни лишь горцы.

— Элим! Ты следующий по старшинству после меня... И наши матери были избранными женами отца.

— Такова была его воля и воля аллаха!

— Если со мной что-либо случится... Правителем станешь ты... Такова моя воля. Думаю, все вожди и аксакалы будут со мной согласны! — глядя на Элима в упор произнес Сурхай.

Но Элим не попался в ловушку. Братья отлично изучили друг друга. И Элиму было известно, что Сурхай на этот самый случай оставил своего старшего сына в Тарке.

— Аллах да не позволит мне дожить до твоей беды.

— Знаю... Знаю... К чему это!

Знает, конечно, знает Сурхай, что Элим не прочь любыми средствами ускорить эту «беду». Сурхай принюхивается, чувствует по каким-то, еще ему самому не понятным признакам... Где-то здесь зарыта свиная голова, но Сурхай не может пока ее найти. Ведь это еще не доказательство, если девчонка в соку бредила во сне именем грузинского царевича! Но вместе с другими уликами и это могло пойти в счет... Ах, если б было за что зацепиться... Но никаких улик нет. Как только не подъезжал к брату Сурхай-шамхал... Приставил к нему соглядатаев... Даже в Кахети послал с намерением... И все было напрасно!

Шамхал распахнул полу шатра, поднял ее выше...

Море белых облаков пронзил луч поднимающегося из-за гор светила. Возле шатра два скакуна нетерпеливо грызли удила. Один вороной, другой белый — цвета облаков, рассыпавшихся по небу Кахети... Может, по этому... А может, по какой-нибудь иной неподвластной мысли или же ускользающей от сознания причине припомнил шамхал старинный обычай и обернулся к брату.

— Как принято между братьями... Обменяемся оружием перед битвой!

— Твоя воля! — и Элим тотчас вручил шамхалу свое ружье, свой кованый меч и кинжал.

— Нет, погоди! — внезапное наитие подсказало мысль. —

Мне нравится твой белый скакун... Он похож по цвету на эти облака. Всадник его словно поплывет на облаке, — чуть возбужденно, но неторопливо заговорил Сурхай со своим примолкшим братом, — знаешь что... Давай вообще обменяемся доспехами... И конями... Будь сегодня шамхалом... Вместе со мной... А завтра, если... — Он умолк, взглянул на оторопевшего Элима. — Что с тобой? Или ты не веришь в мое счастье? Ты не хочешь? — И тайное подозрение мелькнуло где-то в глубине его зрачков. Элим в самом деле растерялся. — «Неужели знает? Разведал? Или почуял? Может, перехватил тайного гонца... Заставил проговориться под пытками... Или это — Салиха?.. Вести из Кахети?» Чтобы скрыть внезапную бледность, Элим опустил забрало, снял и положил у ног шамхала шишак. Потом взялся за свою кольчугу и принялся снимать ее через голову, нарочно запутался в ней... Помедлил... Пусть хоть краска прильет к щекам. Эта смертельная бледность может выдать его.

— Олан! — крикнул шамхал своего оруженосца.

«Теперь все выяснится. Если догадался — все кончено... А нет — мы еще посмотрим» — билась тревожная мысль в мозгу, колотила в висках.

Кто-то помогает ему, снимает кольчугу. А может, и голову вместе с нею снимет с плеч и унесет все сразу в этом колючем панцире, усеянном железными шипами.

Элим тайком посмотрел сквозь кольца, косо глянул на старшего брата. Сурхай в свою очередь снимал доспехи. У младшего брата отлегло от сердца «кажется, на этот раз пронесло!» И когда оруженосец снял с него панцирь, лицо Элима-шамхала было уже спокойно.

Он подал Сурхаю шлем и все остальное воинское снаряжение.

— Брат брату — опора в тяжкий день!

— Я сумею оценить твою верность. Эваллах — оплачу сторицей!

Немного погодя братья-шамхалы понеслись с горы вскачь. Оба опустили забрала и, кроме оруженосца Олана, никто не знал о их преображении. А если б и узнал, все равно — уже поздно было сообщить куда следует.

Непосредственно предводительствовал войском Элим-шамхал; оба брата, словно прикованные друг к другу, все время были вместе.

Дагестанцы стремглав спустились по ущелью и, миновав

теснины, поскакали во весь опор. Дорога была пустынна. Тогда горцы совсем осмелели и помчались вперед, по низине, не дожидаясь пока подоспеют тыловые части. Правда, головные отряды обычно расплачивались кровью, но зато и снимали сливки. А сегодня все предвещало обильную добычу.

Вдруг совершенно негаданно, в таком месте, где меньше всего можно было ожидать, лезгины наткнулись на мощную засаду стрелков. Пролилась первая кровь. Остановиться уже не было возможности, задние, смяв упавших передовых, промчались дальше, но многие угодили в замаскированные ямы, вырытые кахетинцами перед своим укрытием. Люди, лошади смешались в общей куче. Уцелевшие дрогнули и отступили. Попытались обойти засаду, ворвались в реденький лесок. Там виднелась полянка, заросшая малиной и крапивой. Но тут из леска вышли кахетинские латники и со всех сторон обрушили стрелы на испуганных коней и их всадников.

В лесной чаще всадники не могли развернуться, решительная атака не получилась. Поле брани осталось за пешими.

Тогда предводители решили отступить и стали собирать рассыпавшихся всадников, дожидаясь подкрепления.

Наткнувшись на свой разбитый авангард, Сурхай-шамхал понял, что Искандер кахетинский перехитрил его и обманом заманил вместе со всем войском в долину.

— В хитростях ты меня превзошел, что ж, теперь сшибемся в бою. Посмотрим, чей меч острей! — крикнул Сурхай невидимому Александру, засевшему где-то в лесных укреплениях. Шамхал построил отряд и отошел назад, намереваясь скрытно обойти ущельем укрепления кахов. Но здесь-то и угодил он в главную ловушку царя кахетинцев. В самой узкой части ущелья горная дорога, еще совсем недавно безлюдная, оказалась перекрытой.

«Что это означает? Неужели мы в капкане? Откуда берутся эти незримые кахетинцы?» — Сурхай вновь поворотил отряд и со всей возможной быстротой устремился к голому, крутому скалистому склону, вздымавшемуся на востоке.

Царь Александр стоял с войском в горах, в тылу у лезгин. Со своей высоты он видел все происходящее внизу как на ладони. Он наблюдал за передвижением горцев и невольно восхищался противником.

— Как быстро они перестраиваются, как легко меняют направление! Глядите, как они развернули цепь! А теперь поскакали вкось! Оказывается, и в горах понимают толк в кон-

ной пляске... Но куда они от нас денутся! Не собираются ли они и впрямь перелететь на конях через эту кручу? — Александр окинул взглядом затаившую дыхание свиту: — Тамаз! Скорей туда, как раз успеешь. Надо укрепить крайний заслон. Наверно, надеются пробиться по краям, обойти крутой склон. Подтяни левое крыло... Заставим врага повернуть назад еще раз!

Вачнадзе хлестнул коня, а за его всадниками поскакал резервный отряд конницы.

Но тут царь кахов допустил ошибку. Вернее, это шамхал и его воины совершили чудо.

Сначала сами предводители лезгин, хлестнув коней, стали верхом взбираться по скалистому склону. Белый и вороной скакуны, словно кошки карабкались вверх по каменистой осыпи. За главарями последовал весь отряд, крики воинов смешались с грохотом осыпающегося под копытами щебня.

Кахетинцы, застыв от удивления, смотрели на это необычайное зрелище. Они не верили своим глазам. Неужели на эти крутые склоны может, не спешившись, подняться целое конное войско?

— Случалось мне видеть большое стадо туров! Очень похоже! Глянь-ка, куда они взлетели! Нет, не смогут подняться на гребень, не верю, — дивился Александр.

А дагестанцы продолжали стремиться вверх, к гребню горы. Многие скатывались назад, падали, спешивались, а иногда и не могли больше подняться. Гремели камни, пролетая над головами воинов. А гривастая лавина неравномерно, то развернувшись цепью, то гуськом, неуклонно продвигалась вперед, все выше и выше по склону.

Впереди всех карабкались в гору белый и вороной скакуны.

— Молодцы! И кони и всадники! Так и уйдут от нас... Мог ли я подумать... По такой круче! Ушли, ускользнули! Вот это достойный противник. Доблесть, даже вражеская, достойна почитания! — Александр глядел с высоты в ущелье, оценивая на глаз расстояние. Если бы кахетинцы двинулись от своей стоянки вдоль бесплодного отрога, может они и настигли бы лезгин на самом гребне, перерезали бы путь врагу.

— Нет, не успеть! Перевалят через гребень и скроются, уйдут от нас по Кахетинской дороге! — решил Александр и вдруг ему стало жарко. — Уйдут? — Вдруг словно громом поразила его мысль: — А если они вовсе не собираются уходить?

Путь перед шамхалом свободен до самого Дзегами, его никто не остановит. Никто!

— За мной! — дрогнувшим голосом крикнул Александр и поскакал вниз по склону. — Нам надо успеть... Вон туда, на тот гребень... Иначе... — прервав на полуслове, царь хлестнул коня... За ним двинулась вся царская конница. Но и спускаться по этой круче было не легко. Хрупкая порода осыпалась под копытами коней, к тому же пришлось поодиночке пробираться по узкому, словно лезвие ножа, хребту. Когда конница достигла скалистого склона, белый и вороной скакуны виднелись уже на его вершине.

— Опередили, проклятые! — И царь снова погнал белолобого с окровавленными коленями коня по спуску.

— За мной, кахетинцы! Теперь все зависит от быстроты.

Но на самом верху они снова задержались. Путь им преградил скалистый утес, торчавший мысом. Его оказалось не просто обойти.

— С коней, и пешком, и наперерез! Скорей!

Когда кахетинцы очутились наконец на вершине, основная часть дагестанского войска уже миновала кручу. Они уже гнали осевших на задние ноги лошадей вниз по осыпи восточного склона.

На гребне и на западном склоне кахетинцы застигли лишь воинов, пораженных камнями или лишившихся коней. Потрясенный Александр глядел на вражеское войско, лавиной катившееся по склону. Вырвавшийся из западни враг походил на ощеренного дракона, с рычанием и ревом устремившегося сверху в ущелье. А впереди царю уже мерещилось неминуемое поражение. По эту сторону горы не было уже ни одного кахетинского заслона.

Царь кахов растерялся, на мгновение лишился способности действовать.

— Мог ли я подумать! Такая круча! Скорей — за камни. — Он застонал словно раненный, соскочил с коня, ухватился за большой обломок скалы и столкнул его вниз.

Кахетинцы засуетились; все наравне — царь и крестьянин, князь-военачальник и крепостной воин... Все взялись за камни и стали метать их, скатывать вниз, чтобы завалить лавиной движущиеся гривы.

Лезгины спешили, двигались так быстро, как могли. Снова все забурлило, смешалось — камни и кони, боевые клики и хрип умирающих, грохот лавины и стоны раненых. Лезгины

терпели большие потери. Но Александр понимал, что ярость его бессильна и усилия его тщетны. Остановить отряд лезгин кахетинцы уже не могли. А спустившись в долину, лезгины нападут на Дзегами и ударят в тыл отряду Шермазана. Гнев обуял царя, на некоторое время он лишился способности здраво мыслить и готов был сам последовать за катящимися камнями, лишь бы только остановить войско шамхала. А тут далекие залпы оповестили его, что Шекско-Дербентский отряд напал на Шермазана. Начиналась вторая, заранее предусмотренная битва — враг попал в расставленную ему ловушку под крепостной стеной, но увы, все замыслы Александра оборачивались теперь против самих кахетинцев!

— Снять всю засаду и заслон! Все в Дзегами! Нужно оказаться там раньше врага!

Поначалу никто не сдвинулся с места. Казалось, все тщетно. Нужны были крылья — а у кахов были лишь храбрые сердца.

Поредевшее, но все еще крепкое войско дагестанцев, собралось в кулак и, ведомое «Элим-шамхалом», устремилось к Дзегами.

Вскочил на коня и царь Александр...

— Догнать! Все в Дзегами! За мной! — крикнул он не своим голосом и помчался вниз.

Гонцы разлетелись во все стороны. Кахетинцы стремглав понеслись за вражьим отрядом. Но внезапно судьба боя вновь переменилась.

— Стой! — Александр резко осадил лошадь. — Слава полководцу! Слава Тамазу Вачнадзе! Он выиграл эту битву!

У самого подножия кручи неожиданно показалось левое крыло кахетинского войска... Оно напало на передние ряды лезгин, смяло их и обратило вспять.

Тамаз Вачнадзе, посланный для укрепления левого крыла, увидев, что вражий отряд забрался на кручу, заволновался. Вачнадзе знал, по ту сторону кручи нет заслонов, и на собственный риск, не дожидаясь приказа царя, оголил левое крыло, обошел кручу снизу и занял дорогу, ведущую в Дзегами. Его небольшой отряд с таким шумом налетел на шамхала, что тот растерялся.

«Я снова в ловушке! У шайтана Искандера и тут есть отряд!» Это уже был предел — мужество изменило шамхалу, он потерял веру в себя. Внизу шла сеча, доносились боевые клики нападающих, сверху на голову дагестанцев валились с

громом и грохотом камни, лошади, люди. Пока еще оставалась узкая спасительная тропа, ведущая в горы, и вот победил голый инстинкт самосохранения.

— В горы! В горы! Спасайтесь! — крикнул шамхал своему смешавшемуся войску и сам повернул в сторону Дагестана.

Александр передвинул влево отряд, закрывавший горный проход, перекрыл все тропы, все ущелье, все выходы на горное пастбище — эйлаги, обессиленный, уже выдохшийся враг снова очутился в ловушке.

Людей из нижних заслонов царь собрал у подножия Цилбанской горы. В ознаменование теперь уже очевидной победы осталось лишь зажечь три сигнальных костра — три дымовых столба были знаком для Шермазана.

Царь Александр нетерпеливо всматривался в ряды лезгин, ища среди них своего старого врага. Вот в головном отряде показались два неразлучных всадника — один на белом, другой на вороном жеребце.

— Сурхай-шамхал! Смотрите, не упустите его!

Лезгины, отступая, разделились на небольшие отряды и углубились в частый кустарник на горе. Сурхай-шамхал, поняв, что в одиночку ему легче будет спастись, свернул в сторону с небольшим отрядом и стал подниматься на гору, заросшую травой. А невольный двойник его поскакал по ущелью.

— Разделились! Тем лучше... Ну-ка, Ираклий! Это твоя добыча. Взять в плен шамхала — твое право! А белого скакуна пропустите.

Ираклий, Заза и многие молодые дворяне, состязаясь друг с другом в быстроте, помчались вперед.

Ираклий посторонился, как бы нечаянно дал дорогу всаднику на белом скакуне... И даже мысленно послал с ним привет своей тайной невесте... Наверху, где ущелье сливалось с горным пастбищем, царевич и его отряд перерезали путь второму отряду. Меткие пули сразили вороного. Конь встал на дыбы и, рухнув на все четыре колена, уткнулся окровавленной мордой в землю.

Ираклий и его свита, соскочив с коней, устремились к упавшему всаднику.

Пленник дрожащей рукой поднял забрало.

Перед изумленным Ираклием, жалкий и неловкий, стоял его будущий тесть.

Вскоре подоспел и Александр.

— Элим-шамхал! — изумился царь.

— Горе мне, — пленник опустил голову. — Так пожелали аллах и мой старший брат!

— Не выпускать белого скакуна! Награда — княжеское звание!

— Белого коня! Ловите всадника на белом коне! — словно огонь по зажженному фитилю пробежал крик вверх по всему ущелью, по пастбищам, настиг беглецов и преследователей. Многие воины и азнауры пожертвовали своими лошадьми в надежде на высокую награду, но было уже поздно, вырвавшись на высокогорный луг, белый скакун растворился во мгле и скрылся из виду.

— Мы одержали большую победу, но для меня она равна поражению! — упавшим голосом произнес Александр. — Уберите его! — он ткнул рукоятью кнута в сторону незадачливого пленника.

Он был готов собственноручно отстегать своего будущего свата. Царевич Ираклий подвел к почетному пленнику своего коня.

Понурив голову, ехал Александр вниз по ущелью, не слыша победных кликов, не видя ничего вокруг себя.

Ничто не радовало царя. «Снова эта лисица ушла от меня!.. Я победил в трудной борьбе... И что же? Игра опять начнется сначала! Ведь победа в одном сражении ничего не решает! Нет, нужен крутой поворот всего дела, надо все переменить в корне!

Кахетинцы прочесывали лесок в конце ущелья. Там укрылось множество беглецов.

Александр свернул в сторону, он терпеть не мог пленных, их перепуганный вид, взывающий к жалости, был ему противен.

— Моя оплошность! Надо было брать в плен обоих! Видно, шамхал родился под счастливой звездой, а ведь был на волосок от гибели... Да и в битве чуть не взял верх. Если б не Тамаз... — Тут мысль у царя прервалась, дурное настроение подсказало жесткие слова: — Но как он посмел самовольничать! — Царь дернул поводья, пустил коня вскачь.

— Если б не посмел — худо пришлось бы, — тотчас опомнился он.

Свита следовала за царем поодаль. Все знали — нечаянные свидетели царских раздумий вслух не могли рассчитывать на его милость...

В конце ущелья, у подножия скалистого склона, грече-

ли ружейные залпы, свист стрел рассекал воздух. По-видимому, здесь укрылся большой отряд лезгин. Окруженные со всех сторон, прижатые к скалам, они все же не сдавались.

По всей долине, в кустарниках преследовали лезгин. Это уже напоминало охоту на зайцев.

Тут встретил царь обливающегося по́том, так же, как и его конь, Тамаза Вачнадзе с окровавленным мечом в руках.

— Прощаю самовольное ведение битвы! — бросил ему Александр, потом улыбнулся, отлегло от сердца: — Слава тебе, сардар! Молодец! — Ветер донес со стороны Дзегами грохот пушек. — Это — твоя победа! Доведи здесь дело до конца, а мы будем ждать тебя в Дзегами. Я поведу правое крыло и всех остальных... Пора помочь Шермазану, слышишь — это заговорили фальконеты Джабы.

— Слышу, государь! Видно, там разгорается бой под крепостными стенами! — И Тамаз, стегнув коня, промчался мимо царя.

Александр пришпорил своего жеребца.

Над Цилбани уже дымились два сигнальных костра. Александр проскакал вдоль войсковых рядов, выстроившихся у подножия горы, и повел войско по Дзегамской дороге.

В знак одержанной победы и выступления войска на помощь Шермазану, взвился к небу третий столб дыма над вершиной Цалбани.

ГЛАВА XXXII

СРАЖЕНИЕ ПОД СТЕНАМИ КРЕПОСТИ

Едва успели остыть после горна фальконеты, отлитые Джабой, как им снова довелось раскалиться в бою. Московская наука пошла мастеру впрок. Вот только металла было маловато на литейном дворе. Хуже всего дело обстояло с медью. Медь ценилась на вес золота, ею заменяли при торговле деньги. И все-таки Джаба как-то устраивался: то отыщет сломанный колокол, то соберет в горах старые пивоваренные котлы или

украдкой велит привезти их из Картли. Так Джаба сумел отлить несколько фальконетов.

А недавно царь Александр отдал мастеру два пришедших в негодность орудия — турецкое и иранское. К этому времени у Джабы уже имелся большой горн, и мастер отлил из двух чужеземных орудий один фальконет, размером побольше прежних. Фальконет прошел испытание — стреляли камнями и чугунными ядрами. Орудие установили в ожидании войны на стене восточного бастиона в Дзегами; рядом помещались еще пять фальконетов его же изделия, чуть меньшей величины.

Царь Александр задумал заманить сюда войска Шекского и Дербентского пашей, отрезать их от своего тыла и разгромить. Шермазан сосредоточил здесь особо опытных воинов и стрелков, привез фальконеты, запасся смолой и нефтью. Крепость была расположена в долине, между двух больших ручьев, Дзегами и Упадари, с лесистыми, обрывистыми берегами. Ее окружал огромный, наполненный водой ров, внутри которого на насыпном холме возвышалась ограда с четырьмя башнями по углам.

Внутри ограды было так много места, что, не считая крепостного замка и всех служб, там при нужде могло укрыться население всего торгового города Дзегами и ближайших деревень. В неспокойные времена именно тут, в крепости, обычно устраивались ярмарки и престольные праздники. С севера примыкали к крепости церковный квартал, большой базар, сады и виноградники, зимние овчарни. Крепость прикрывала подходы к Дзегами с юга и проезжую дорогу, проходившую через Дзегами и соединявшую Алазанский край с Пипинети. Падение крепости означало бы уничтожение всего города Дзегами.

На совете военачальников царь Александр распорядился решительно и резко:

— Защиту Дзегами могу доверить только Шермазану. Поражение и разорение города прощу ему лишь тогда, если сам падет на поле боя!

Потом сказал Шермазану наедине: — Войско дам тебе небольшое. Враг будет многочисленный. Надеюсь на твое мужество и умение. Тяни, сколько сможешь. Нужно выстоять, пока не дам тебе знак — им будут три костра на горе. Береги войско для решающей битвы, но не подпускай врага к селам. Раз шамхал идет на Дзегами с севера, а паши с юга, значит, нападут на нас и со стороны Алазани. Не пропускай их на левый берег.

— Я буду поджидать неприятеля у слияния рек Гиши и Алазани, в земляной крепости и погоню его за реку, в Ширакские степи.

— Около Самцхаро можешь пропустить их через Алазани, оттуда до этой крепости два агаджи...[1] А отсюда их не выпускай... Если все пойдет благополучно... Я обойду их сзади... Еще один столб дыма взовьется над колокольней Элисени... А там — пусть будет нам знаком обнаженный меч!

— Ладно уж! — усмехнулся в усы Шермазан.

Полководец сам отобрал себе войско. Он подготовил прежде всего кизикийцев из паствы и дружину Бодбийского епископа. Они умели идти напролом в долине и отлично оборонялись пешими и конными. Именно это и требовалось сейчас Шермазану. Копьеносцами он выбрал стремительных и громогласных гавазцев, в заслоны определил лучников и стрелков из Элисени; им была знакома каждая тропинка в Дзегами и его окрестностях и, будучи местными уроженцами, они готовы были сражаться не щадя сил.

— Ладно, бери! — согласился Александр. — Русские послы будут с тобой, пусть наблюдают за нашим последним сражением... И царевича Давида пришлю к тебе вместе со свитой. Приучи его к бою, но никаких поблажек! При нем будет и Оман Чолокашвили...

— Воля ваша! Значит, сигнал — три дымовых столба над Цилбани, и один над Элисени!

Шермазан пустил вперед всадников, выставил на дороге, ведущей к Элисени, наблюдателей, хотя с этой стороны нельзя было ожидать врага, а сам засел у слияния Гиши и Алазани, укрепил земляную крепость. Враг не мог миновать этого места. Здесь решалось все дальнейшее течение боя. Шермазан послал за Гиши и за Алазани разведчиков, но они возвратились ни с чем — врага нигде не удалось обнаружить.

— Не может этого быть! Поглядите! — Шермазан велел разведчикам повернуться лицом к быстрому потоку реки Гиши

Через него перебиралось стадо испуганных диких свиней... А немного ниже по течению вошли в воду олени... Полностью повторилась давешняя картина... Позавчера, когда отряды кахетинцев остановились у слияния рек, звери перебрались на тот берег... А теперь, еще более испуганные и многочисленные они возвращались назад...

---

[1] Агаджи — старинная мера расстояния.

— Значит, враг обходит издалека! — заключил Шермазан.

Выждав еще немного, он послал воинов в более глубокую разведку, прошелся и сам по левому берегу Алазани. Вскоре пришла весть, что крупный отряд неприятеля вырвался вперед, направился к Упадари и вдали от Алазани тайно разбил лагерь. Днем вражеские войска отдыхали, а по ночам шли напрямик через Ширакскую степь.

Шермазан тотчас же двинул все войско к Упадари. Отдалившись от Алазани, он пошел проселком, оставил справа от себя Энгиаани и Элисени и на Дзегамской дороге, возле Алазанского брода, преградил путь уже открыто наступающему врагу.

До Дзегами оставалось не более двух агаджи. А враг развернутым строем шел на Алазани.

Шермазан открыл ружейную стрельбу, приказал лучникам пометать стрелы, но боя не принял и отвел войска назад.

Неприятель осмелел и перешел через реку. Но здесь, в лесах и в кустарнике, негде было развернуться, и вся вражеская рать сбилась в кучу на Дзегамской дороге.

Шермазан лихо закрутил усы и отступил со своими людьми до самого края Эрети. Здесь, на перекрестке двух дорог, он задержался ненадолго и оставил на всякий случай в засаде слева и справа по небольшому отряду стрелков, опасаясь, чтобы враг не пошел в обход на Дзегами.

— Ну, кизикийцы, договоримся с самого начала: вы должны молниеносно напасть, слегка царапнуть и тотчас скрыться... А уж потом увидите забаву! Продвигайтесь не спеша: пешие и верховые. В рукопашную не схватываться — успеется. Ясно? А защитникам дороги даю право на смерть, но не на отступление. Все поняли?

— Поняли! — грянул отряд. — Спасибо за разрешение!

— Прислушивайтесь к рожку и будьте готовы!

— Все ясно, сардар... Соваться без толку не будем. Дорожный заслон встанет накрепко, а мы поиграем, позабавимся, — грохотал полевой сторож кедцев Кака.

— Наших раненых врагу не оставляйте — в погонщиках у нас нужда, — с улыбкой крикнул ему Шермазан.

— Верно! А из тебя, сардар, вышел бы отличный пахарь!

Кедцы смеялись от души. Все они оказались здесь — и молодежь, и зрелые мужчины. Даже Хосита, как седельный мастер, сумел увязаться с обозом. А Кохсаламуру взяли горнистом.

Тут же был и царевич Давид, окруженный молодыми князьями и азнаурами — все в богатых одеждах, увешанные дорогим оружием. Они заметно выделялись среди просто и скупо снаряженного войска.

Старый вояка, испытанный в боях, Шермазан терпеть не мог на войне щеголей.

— Эй вы, юноши! Ну-ка снимите ваши побрякушки! Подоткните по дедовскому обычаю полы черкесок! Перед лицом смерти все равны!

— Вот это верно! Дай бог здоровья нашему сардару! — зашумели кизикийцы.

Царевичу пришлась не по вкусу болтовня деревенщины, но он не проронил ни слова. Сегодня Давид впервые принимал участие в сражении и хоть держался молодцевато, но где-то в груди у него сидел трусливый заяц, в страхе шевеливший ушами. Нет, Давид не был трусом, напротив, он даже слишком рьяно рвался в бой, но первое сражение, все-таки — первое сражение, и кроме того, рыцарь-жених опасался, что его изувечат, а про нареченную его — Кетино, дочь Мухран-батони, говорили, что она божественно прекрасна.

Шермазан разделил конное войско на четыре части.

— Слушайте горнистов! В атаку и в отступление — по сигналу. Мой наказ: слушайте горнистов, какой бы горячей ни была битва!

Переправившись через Алазани, Шекский и Дербентский паши вышли вперед, но на рубеже Эрети, при виде кахетинцев, остановились, поджидая отставших, перестроились, выравняли фланги.

Шермазан производил передвижение войск на виду у врага, как бы готовясь к наступлению... На самом же деле он старался выиграть время. Паши действовали неторопливо и осторожно, хоть и были уверены, что основные войска кахов не здесь, а посланы преградить путь горцам. Сначала паши развернули всю свою рать на рубеже Эрети и стали ждать атаки кахетинцев. Но, заметив, что кахетинцы медлят, подошли развернутым строем вплотную и двинулись к Дзегами.

Шермазан окинул взглядом ряды неприятеля, потом посмотрел на горы. Над Цилбани поднялся столб дыма. Это означало, что сражение началось успешно.

— Трубить в атаку!

Рожки затрубили во всю мочь. Первый отряд всадников

вырвался из зарослей. Их повел сам Шермазан, с обнаженным мечом в руках.

— Ну-ка, царапнем... Подразним басурмана!

Кизикийцы подскакали к первому ряду... Промчались наискосок перед ним, повернули, обнажив сабли, бросились на врага, смяли передовых. Шекинцы вначале дрогнули, но быстро выровняли ряды. Тут подоспели на помощь свежие силы, и завязалось сражение, но Шермазан, рванувшись в сторону, отдал приказ:

— Хватит! На закуску достаточно! Трубить отступление!

Промчавшись перед самым носом у изумленного врага, Шермазан мгновенно убрал с поля боя свою первую группу, велел воинам спешиться и укрыться неподалеку в засаде. Но шекинцы, оправившись от изумления и собравшись с силами, снова пошли вперед.

Выждав, когда вражеские ряды появились на слегка покатом поле, Шермазан вырвался на этот раз слева, на склон лесистого холма.

— Бить в барабаны! Атака второго отряда!

Зацокали копыта, грянуло «ваша!» Шекинцы повернули назад. Кахетинцы преследовали их до тех пор, пока в бой не вступили главные силы врага. Но едва закипело сражение, как снова рожок протрубил отступление, и кахетинцы повернули вспять.

На этот раз шекинцы устремились в погоню; казалось, они вот-вот настигнут кахов. Воцарилась сумятица. Издали могло показаться, что идет горячее сражение, хотя не было сделано ни единого выстрела. Пока что на поле первенствовали меч и кони. Шермазан, как одержимый, носился повсюду. Свита и горнисты едва поспевали за ним.

У скачущего поодаль царевича Давида кружилась голова... Он совершенно не понимал, что происходит вокруг. Да и многие из сражавшихся не могли постичь намерений полководца.

— Значит, война — это барабанная дробь и рожок горниста! Бешеная скачка и занесенный меч, которым лишь издали пугают врага? — удивлялся Кохсаламура, впервые принимавший участие в большом сражении.

— Скорей трубить отбой! — приказал Шермазан.

Пока Кохсаламура трубил в рожок, Шермазан уже взлетел на маленький холм, возвышавшийся за полем. Приподнявшись в стременах, он размахивал саблей. Всадники тотчас по-

следовали за своим предводителем и скрылись за скалистым холмом.

А когда несущаяся лавиной погоня шекинцев достигла прохода, из укрытия неожиданно грянул ружейный залп.

Дербентские военачальники повели войска в обход. Здесь их встретили лучники, обрушившие тучи стрел на передовых и затруднившие их продвижение вперед...

Дербентцы мечом прорубили себе путь в зарослях... Но там уже никого не оказалось... Кахетинцы умчались вперед. То же самое повторилось у ручья, у извилины Дзегамского канала и на самой дороге.

Кахетинцы дрались то пешими, то на конях. То налетали с гиканьем, во весь опор, то, спешившись, поджидали неприятеля в засаде, где-нибудь в теснине или в зарослях, а потом, снова, вскочив на коней, исчезали в мгновение ока.

— Что за странный бой? — желчно спрашивал царевич Давид. — Так мы скоро приведем врага в Дзегами.

Когда вдали показались зубчатые стены крепости, Шермазан послал в бой третью группу. Сам он взлетел на взмыленном коне на высокую береговую насыпь Дзегамского оросительного канала и окинул взглядом войско врага.

— И все-таки, как медленно они идут! По-прежнему соблюдают осторожность! — буркнул в усы полководец и поднял взор на горы Кавкасиони.

Вершины хребта были окутаны туманом. Изменчивая пелена местами покрывала склоны и ущелья... Шермазан знал — и там кипит битва; ему даже казалось, что он слышит неясный шум стычек, рубки, погони. А над Цилбани высился дымовой столб. Он покачивался, как стрелка весов. Видимо, еще рано было смотреть в сторону Элисени, но Шермазан все-таки украдкой поглядел туда. Вот когда появятся все три дымовых столба — победа будет в его руках! А пока что враг медлит. Это плохо. Там, в горах, сражение не может длиться долго. «Надо заманить их в надежное место... Как бы неприятель не пошел в обход, оставив в стороне крепость». — Шермазан задумчиво закусил ус и вызвал к себе предводителя третьего отряда всадников.

— Мой Бебур! Мы непременно должны заманить врага под стены крепости. Нужно задержать все войско, вместе со всеми резервами. Смотри! — он указал на цилбанский дымок. — Нужно спешить. Что ты мне можешь обещать?

— Сначала — жаркий бой, потом — «наше поражение и

бегство в страхе», — улыбнулся молодой военачальник. — Мои парни будут трепыхаться перед носом у них, как фазан с перебитыми крыльями! Они у меня шутники!

— Так. Хорошо. — Шермазан подмигнул Бебуру обоими глазами, — сначала ударь на дербентцев, они смелей... А отступая, промчись мимо шекинцев... Эти не вытерпят... Будут преследовать, налетят вороньем. Ну, бог в помощь! Трубить отбой будет мой горнист! — крикнул Шермазан вдогонку уже сорвавшемуся Бебуру и поскакал вниз. По дороге он наткнулся на царевича Давида.

— Пусти и меня с Бебуром! Здесь ведь будет сражение?

— Нет! Ступай к четвертому отряду. Извести, чтобы были в полной готовности и оставайся с ними до конца, — заметив, по кривой улыбке, что Давид недоволен и готов вспылить, Шермазан ласково успокоил его: — Главное сражение будет там! А теперь сигнал — в атаку!

Третий отряд был основной силой Шермазана. Разгорелся горячий бой. На крики «ваша» дербентцы ответили именем аллаха, на пулю — пулей. Но решала дело все-таки твердая рука и отточенный клинок. Завязалась рукопашная. Бой закипел, раскалился, изогнулся, скорчился, словно огромное, безликое и уродливое существо... Вначале оно катилось, как бревно, потом как бы распадалось на части, и, наконец, снова прорвалось потоком, затопило огромную пашню, ощетинилось пеной мечей и брызгами множества щитов. Казалось, рассвирепевшие соперники купают взбесившихся лошадей в кровавом этом потоке из сбившихся вместе тел.

Первый удар кахетинцы наносили обычно со страшной силой и стремительностью. А затем, оставшись лицом к лицу с неприятелем, приступали к заранее обдуманным, неторопливым действиям.

Но на этот раз Бебур Вачнадзе изменил обычаю.

— Натиск до самого конца. Короткий, жаркий бой. Не щадите сил! Все сметайте — как Алазани в половодье.

На помощь дербентцам подоспели шекинские войска. Пустили в ход и запасных лучников. И все же уравновесить силы не удалось. Тогда дербентский паша бросил в сечу своих янычар.

Шермазан глядел с холма на ощерившееся мечами поле, и брови его подрагивали, словно тоже сражаясь друг с другом.

А возле холма Ниорхеви стоял его последний резерв —

четвертая группа всадников, и люди и кони в нетерпении дожидались сигнала.

Предводитель их — бодбийский епископ Саба — надел поверх монашеской рясы чоху и препоясался мечом. Он обеими руками осенял крестным знамением окровавленное и вздыбившееся поле битвы. Наверное, епископ произносил слова молитвы, но разве мог его слабый голос заглушить крики людей и лошадиное ржание, весь многоголосый и оглушительный рев сражения?

Больше всех нервничал царевич Давид.

— Святой отец! Пошлем туда подмогу... Хоть раненых подберем... Я готов отправиться сам...

— Погоди ходить сам, сынок! А людей пошли! — негромко, как на исповеди, отвечал Бодбели.

Давид не вытерпел, погнал лошадь вскачь на Ниорхевский холм. Затем пересек поле и подскакал к Шермазану, стоявшему над самым каналом.

— Еще не время?

— Нет! — Шермазан взглянул на солнце, затем на Цилбанский холм. Рядом с первым дымовым столбом уже вздымался к небу второй. «Значит, остался всего один!» — клинком сверкнула мысль.

— Пора уже, пора! Трудно нашим! Вот — погляди! — взволнованно твердил царевич. В суматохе он сорвал с себя все украшения и от волнения нетерпеливо вздрагивал вместе с конем.

— Верно! Теперь пора! — заключил Шермазан, заметив, что резервный отряд неприятеля вступил в бой. — Раз уж паши пожаловали самолично, значит, — пора. Теперь они последуют за нами, думая, что это решающий бой! — Шермазан обернулся к Давиду, но тот ничего не слышал, кроме возгласа «пора!». Вздыбив коня, царевич понесся к четвертому отряду. Тотчас же раздался звук рожка, рассыпалась барабанная дробь. Но что это? Рог звал не в атаку, а к отбою!

Давид застыл на месте. Внезапно все изменилось на поле битвы. Казалось, оно вздыбилось, заходило ходуном. Весь этот хаос криков и стонов, ружейной стрельбы, нагроможденных тел вспучился еще раз — а затем поле как бы рассеклось надвое и вдруг понеслось лавиной, сметая все у себя на пути.

— Что это? Измена или трусость? — Давид подскакал к епископу Бодбели.

— Не горячись, сынок! Шермазан знает свое дело... Знает лучше нас!

Но трудно было успокоиться царевичу... Позади осталась всего лишь одна крепость... Да и ее легко обойти, а за ней — Дзегами! А кахетинцы, уже близкие к победе, почему-то бегут с поля боя... Испуганные... Жалкие... Словно вспугнутые куры, втянув головы в плечи. Видно только, как мелькают их плети в воздухе.

Позор! Показать свою сгорбленную спину и лошадиные хвосты каким-то дербентцам! Где мужество, где самолюбие, где стыд? А тут еще в расколотую надвое битву ворвался чей-то громкий, смятенный крик:

— На помощь! Спасите! Не убивайте нас! Эваллах!

Это уж слишком... Чтоб он, царевич Давид, стерпел такое... Он, сын царя... Завтра, может быть, царь! Да, да — царь! Как знать? А здесь... Он спасет их, он вызволит! Пусть все увидят его мужество!

Пришпорив коня, Давид подскакал к Кохсаламуре и, прежде чем тот успел что-либо сообразить, вырвал у него рожок.

— За мной, кахетинцы! — Давид протрубил сигнал атаки и ворвался в ряды сражавшихся. Четвертый отряд выскочил из укрытия и помчался за ним.

Снова все смешалось на поле боя. Третий отряд снова повернулся лицом к врагу, всадники застряли между своими и чужими.

Вырвавшись вперед, царевич Давид настиг вражеского воина, разбил рог о его голову, сбил турка с коня, проехал по нему, затоптал его и тогда только сообразил выхватить меч. Но тут вдруг увидел перед собой гневно топорщащиеся усы Шермазана Чолокашвили и глаза его, метавшие молнии.

— Назад! Что ты делаешь, царевич!

Но Давид лишь по-волчьи оскалился. Истошное «ваша» вырывалось из его разинутого рта. Выкаченные глаза выражали непреклонность, способности же соображать царевич, видимо, начисто лишился. Еще мгновение, и он исчез в водовороте сражения.

Шермазан снова взлетел на береговой вал Дзегамского канала, оглядел поле боя. Ясное дело — он потерял власть над событиями, поводья выскользнули из его рук.

— Что он натворил, этот сопляк, молокосос!

Снизу доносился рев битвы, но уже нельзя было разобрать, кто с кем сражается. Шермазан ощущал внутри себя гнетущую пустоту. То, что объединяло кровавый бранный труд тысяч грузинских воинов, превращая хаос сверкающих мечей, стреляю-

лых ружей и луков в целеустремленное, направляемое разумной волей сражение, было утрачено. Сражение развивалось само по себе, независимо от полководца.

Одно было ясно Шермазану — если на этот раз дать приказ об отходе, попытаться остановить бой, дело кончится страшным поражением. Тут он заметил, что с холма, расположенного за полем боя, спускался наискось большой резервный отряд неприятеля, явно собираясь перерезать путь кахетинцам и встать между ними и крепостью. В этом случае поражение оказалось бы неминуемым...

— Знамя ко мне! Знамя! — крикнул Шермазан связным и измерил на глаз расстояние до крепостной стены. Немалое это пространство представляло собой сочетание перемежающихся неровных, пересеченных промоинами полянок, участков леса, ручьев и овражков. Справа от дороги тянулись ров и насыпь, а слева пролегал глубокий овраг Ниорхеви, постепенно, словно края воронки, суживавший поляну и лесок. В самом узком месте высилась крепость. А за ней притаился сам Дзегами. «Если опередим врага и успеем укрыться в крепости, еще можно будет изменить исход боя!» Мысль полководца была стремительна, как взмах меча, решение пришло молниеносно.

К тому времени, когда к нему подскакал Бодбели со знаменем, Шермазан уже успел несколько успокоиться...

— Преосвященный, разверни знамя! Не отходи от него. Все за мной! — приказал он, увидев, что в дымном воздухе зареяло бледно-лиловое полотнище с вышитыми на нем крестом и щитом, и громовым голосом гаркнул на все поле боя:

— Сигнал! Военачальников ко мне! И сбор вокруг знамени! Все к знамени!

Кохсаламура и все остальные барабанщики и горнисты затрубили в рога, забили в барабан. Над полем боя, над поднятыми мечами и головами в шлемах, над конскими гривами и верблюжьими горбами пронесся звонкий призыв.

Первым примчался Бебур Вачнадзе. Лицо его было окровавлено, сломанный щит, словно горб, громоздился на спине, вихор на лбу слипся от крови.

— Почему там все спуталось? — крикнул он еще издали, махнув рукой в сторону поля; и добавил, подскакав: — Отпусти меня поскорей, трудно моим приходится!

За ним подъехал на прихрамывающей лошади Заал Джорджадзе. Он с трудом держался в седле, на рассеченной коль-

чуге, словно наброшенный красный плат, алела кровь. На валу съехались князь Иорам, старик Авель и многие другие.

— А царевича Давида нигде нет! — воскликнул Бодбели.

— Я охраняю Дзегами, а не неразумного царевича! — не сдержался Шермазан. — Громче призыв! Всех к знамени! — обернулся он снова к барабанщикам и горнистам.

На секунду громовая барабанная дробь перекрыла шум битвы и достигла до сознания каждого. Воины, привстав на стременах, глядели на холм; приподняли головы и раненые.

— К знамени! Сейчас ударим во всю силу! — кричали со всех сторон.

— Вперед, бей врага! Трубить наступление! — скомандовал Шермазан, вливая новую энергию в смешавшиеся было ряды.

Но едва кахетинцы сплотились, как полководец, опять уже направлявший ход битвы, переменил приказ:

— Только барабаны! К знамени! Все за мной... Держаться около знамени! — И Шермазан помчался вниз по склону.

Он опять обрел былую быстроту мысли и зоркость. Заметил он и багряный блеск кольчуг, и бледность на лицах воинов, и порубленные, расколотые щиты и шлемы, и испуганно шарахавшихся коней без всадников, — все кровавые признаки тяжкого боя с потерями.

— Заал, ты войдешь в крепость. Бебур — направо, в засаду. Никого не пропускай к каналу. Конным не перебраться, а пеших отдаю на расправу вашим мечам и ружьям! Шлем перемени, сносил уж его, сынок! — крикнул Шермазан вдогонку ускакавшему Бебуру. — Налево — пойдут... Иорам и вторая конная группа. Станете заслоном на Ниорхеви, на случай если неприятель двинется в ту сторону. Стоять твердо, не пропускать врага. За спиной у нас...

— Дзегами. Знаю.

— Последних выбравшихся из битвы возьмешь с собой. Дай мне ввести войско в крепость! — Шермазан погнал коня, словно в бурливый поток в самую гущу боя. Шла рукопашная. Точно в огромную давильню погрузился он вместе со своим конем, дрогнул, но не изменил направления. Пробив себе путь мечом, полководец еще раз изменил течение боя. Таким образом удалось миновать опасности обхода справа. Привстав в стременах, Шермазан еще раз оглядел водоворот битвы. Теперь кахетинское войско следует за ним. И снова любой знает свое место. Никто не сражается в одиночку... Все войско пре-

вратилось в единый разящий меч, в одно горящее пламя слились воли тысяч людей.

Неприятеля уже утомили бесконечные маневры и уловки Шермазана, его внезапные атаки и отступления, натиски и засады. Но когда поле битвы объяло смятение, турки попробовали пойти в обход. Постепенно осмелев, они устремились за отступающими кахетинцами, бросили в погоню резервный отряд и даже обоз.

Крепостные ворота были уже совсем близко. За крепостью — Дзегами, с его торжищами и лавочками, караван-сараями, храмом и дворцом, — столь близкая и легкая добыча!

— Мы ворвемся первыми! Опередим шамхала — что-то он не подает о себе вестей! Что ж, опередим его.

Дербентский паша отказался от задуманного было раньше дальнего обхода крепости. Раз имеется возможность пройти покороче... Ну, а если штурм крепости затянется... Крепость все равно надо взять... А Эрзерумский паша пришлет турецких воинов, чтобы занять ее.

Дербентцы и шекинцы помчались вслед за отступавшими по узкой лощине.

А кахетинцы гнали коней к крепости. Группа Иорама, отступая, прикрывала тыл. Бились не спеша, старались выиграть время, помогали отставшим. Тут-то и вывели из гущи боя отбивавшегося от врагов царевича Давида.

— Что это все значит? То вперед, то назад. Воюем мы или играем в мяч? — горячился царевич, размахивая мечом с излишним пылом, часто даже без нужды.

Ворота крепости распахнулись перед отступавшими грузинами.

Перед мостом через ров предводители отрядов расстались. Бодбели со знаменем и воины четвертой дружины вошли внутрь, остальные спрятались в зарослях по обе стороны крепости, чтобы оборонять ближние подступы к Дзегами.

Шермазан кружил на коне перед воротами, отдавал приказы, устанавливал распорядок нового предстоящего боя; указывал каждому его место.

— Держитесь крепко в наружных укреплениях! Скоро будет дан знак. Раньше, чем солнце пойдет на закат, — государь не будет медлить. Поглядывайте на главную, самую высокую башню крепости. Пламя и дым — сигнал к общему натиску. Увидите пламя — наваливайтесь как буйволы, кизикийцы! Из-

за реки глядят на нас Цив-Гомборские горы — пусть воронье слетится оттуда клевать трупы врагов!

Обрывки слов терялись в топоте копыт, поле боя сотрясалось, пыль взметалась гигантским парусом.

В крепость успели втащить множество раненых и не менее десятка пленных, которых бросили в узилище. Воины, прикрывавшие тыл, скрылись в овраге Ниорхеви. А царевича Давида по-прежнему не было видно. Шермазан все еще стоял в воротах и немилосердно теребил седые усы. Опять Давид путал его планы.

И тут перед крепостью как-то неожиданно показался неприятель. Шермазан со злостью сплюнул:

— Я защищаю Дзегами, а не... — он осекся и окликнул воинов на ограде. — Над воротами — подготовьтесь! Когда неприятель подойдет на выстрел — бейте по нему из орудий!

Из-за поворота вырвался вперед всадник на раненой лошади. Шермазан узнал царевича Давида. Он был один. Последний телохранитель его пал, преградив путь вражескому отряду, растянувшемуся цепочкой на дороге.

Давид изо всех сил молотил обухом сабли своего окровавленного коня. Конь скакнул еще несколько раз и упал. Всадник успел соскочить и пустился бегом к крепостным воротам.

Передовые дербентцы нацелили на него копья и, наверное, нагнали бы царевича саженей через десять, но тут заговорил «самодельный» фальконет Джаба, и медное ядро ударило в самую середину передовой группы наступающих. Мастер уже давно держал под прицелом обочину дороги. Трое всадников покатились вместе с лошадьми, остальные повернули вскачь назад.

— Руке мастера слава! — крикнул перед воротами Шермазан. — Твоему святому должен молиться спасенный! Коня царевичу!

Как только царевич, вскочив с перекошенным лицом на поданного ему коня, ворвался в крепость, Шермазан приказал запереть ворота и поднять мост. Лишь после этого обернулся он к спасенному, но Давид как-то боком соскользнул с коня и забился в судорогах... Мускулы его напряглись, как узел на веревке, на губах выступила пена.

— Отведите его в нижние палаты! — велел Шермазан, а сам поднялся на стены, выглянул сквозь зубцы. Неприятель уже выстроился перед крепостной оградой, а фальконеты Джа-

ба грозно громыхали — казалось, лают обозленные овчарки. Шермазан посмотрел на Цилбанский холм. Там виднелись уже три дымовых столба. Полководец неторопливо огладил усы: «Теперь уже недолго ждать. Едва остается время для обеда на скорую руку. А потом...» — Шермазан оборвал мысль и глянул на Элисени, но ничего там не увидел.

Неприятель сразу пошел в атаку. Сначала отряды его потянулись к Дзегамскому каналу, намереваясь обойти крепость с боков, но наткнулись там на хорошо укрепленные засады стрелков. Тогда шек-дербентцы послали отряд разведчиков в сторону Ниорхеви. Здесь перед ними оказалась круча, непреодолимая для коней. А сверху стрелки и лучники сеяли смерть.

Шекинский и дербентский паши лишь теперь поняли, что, не взяв крепости, им не подступиться к городу. Они снова обложили крепость с восточной стороны, подтянули из обоза орудия и стали состязаться с Джабой. Тут-то и показали себя во всей силе изделия гремского мастера. Неприятель уже не осмеливался приблизиться к крепости. Особенно большое смятение вносили медные и каменные ядра в конные отряды, пугая лошадей.

Паши дали воинам короткий отдых. Перестроили их и спрятали часть в засаде, неподалеку от ограды. Часть же, намеренно не таясь, принялась сооружать лестницы и бревенчатые укрытия. Подослали к воротам глашатаев, которые советовали «открыть крепостные ворота по доброй воле», обещая за это «жизнь и свободный путь на все четыре стороны». Но паши чувствовали, что этого недостаточно.

— Надо было придерживаться нашего первоначального плана, эваллах! — говорил дербентский паша шекинскому.

— Обошли бы мы издали... Через Элисени или со стороны Бацараани... Были бы сейчас в Дзегами...

— Еще не поздно... Шамхала пока не видно! Пошлем в обход конницу... А крепость все-таки попробуем взять приступом.

Договорившись, они заспешили. Шермазан, наблюдавший с высокой башни, заметил, что подготовка к атаке закончена. Он обратил внимание и на передвижение конницы.

— Значит, догадались, наконец! Хотят обойти издали! Ну, нет! Надо их попридержать до времени! — И он спешно вызвал к себе Омана Чолокашвили.

Оман, воспитатель царевича Давида, хлопотал над юно

шей, с которым случился припадок. Тотчас по приходе он сообщил Шермазану:

— Царевичу лучше!

— Что, что?

— Он пришел в себя.

— А, хорошо! — махнул рукой полководец. — Но я позвал тебя по другому делу. — Шермазан понизил голос и прочесал висячие усы сверху вниз.

Вскоре ворота отворились, и из крепости вышла небольшая группа людей. Впереди — Оман Чолокашвили, черкес Куршита, Мамука Кахниаури. У всех троих, в знак смирения и просьбы о мире, висели сабли на шее. С ними был и Кохсаламура в качестве горниста, а также пленные шекинцы и дербентцы, даже тяжело раненные, которых тащили на себе здоровые.

Кохсаламура выступил вперед и задудел жалобно в малый рожок. Глашатаи и стража тотчас выбежали навстречу, окружили их, повели к своим предводителям.

Медленно, понуря головы, шли просящие мира. А встречающие, напротив, спешили, радовались. К пашам отправили вестника радости. Те задержали конницу, собравшуюся в обход крепости и стали ожидать в головном шатре послов-просителей. Переговоры были недолгими. Кизикийцы просили, чтобы им обеспечили безопасность и пропустили в Кизики. Взамен они обещали сдать крепость, что одновременно означало и сдачу Дзегами. А освобождение пленных свидетельствовало о том, что битва завершена.

Паши тотчас приняли надменный вид и, гордые собой, велели смиренным послам выйти из шатра.

— Значит, шамхал выиграл битву, раз кахетинцы предлагают такие условия! Видно, все пути с тыла отрезаны!

— Как же быть? Открыть им дорогу в Кизики?

— Мы ничего не теряем... Легко давать то, чем не обладаешь!

— Поспешим, иначе шакалы и ястребы шамхала раньше нас доберутся до Дзегами, и на нашу долю не останется даже ни одного цыпленка.

Посланцам объявили, что их условия приняты. Но тут возникло непредвиденное препятствие. Оман что-то сказал Куршите, тот велел Мамуке развернуть грамоту и прочесть ее по-грузински, а потом перевел ее. Это была охранная грамота, и кахетинцы почтительно, но очень настоятельно требовали подписи и печати ханов.

Паши отказались приложить свои победоносные руки и печати к чужестранной грамоте.

— Пристойнее было бы вашему начальнику прислать нам обязательство уплаты дани! — возвысил голос шекинский паша.

Тут Оман расставил им новую ловушку:

— Мы не отказываемся платить дань. Установите сумму, но и безопасность нашу удостоверьте. Что касается грамоты, ваш мулла может ее написать на языке аллаха.

Паши просияли от удовольствия и вновь велели посланцам кахов выйти из шатра.

— Даже железный щит раскалывается под ударом моего меча; тем более—много ли толку в бумажке? Дадим! — решил шекинский паша.

— Выпустим их из крепости и тотчас возьмем дань. Пусть берут себе бумажку. Не перо и печать — копье и пищаль напишут и скрепят настоящее условие! — с приятной улыбкой согласился паша дербентский.

Гонцам объявили сумму дани. Она была высока.

— Условия тяжелые, но мы доложим начальнику... Если дадите охранную грамоту... дело будет значительно легче уладить.

Паши понимали толк в торговле, и подобная сделка показалась им вполне закономерной. Позвали муллу, чтобы написать «бумажку», и пока изготовляли грамоту, прошло изрядное количество времени.

Назад в крепость грузины возвращались уже препоясанные мечами. Время было выиграно, а конница, готовившаяся идти в обход, так и не сдвинулась с места.

Вслед за грузинскими посланцами отправилось множество любителей разбоя, почуявших запах легкой добычи. Но в крепость впустили только своих, а перед остальными захлопнули ворота.

Немного погодя со стены крепости, перед сгоравшим от нетерпения неприятельским войском, свесились два больших чучела. К надутым бурдюкам привязали две тыквы, руки и ноги свили из тряпья. На тыквах углем намалевали глаза и рот; к одной прицеплены козлиные рога, к другой — бараньи. «Голова» одного из чучел обернута подобием тюрбана, другая — в красной феске. Оба чучела держали в руках по обрывку охранной грамоты.

Чучела изображали дербентского и шекинского пашей. Такими увидел их Кохсаламура. Тотчас признали их и в непри-

тельском войске. Многие подошли поближе. На крепостной стене появились музыканты, заиграли плясовую, а чучела стали дергать руками и ногами, затанцевали, и тогда стало видно, что у одного к затычке бурдюка привязан конский хвост, у другого — коровий.

Защитники крепости высыпали на стену, придвинулись поближе и шекинцы с дербентцами. Зрелище привлекало всех. Наступило как бы своего рода перемирие. Не палил и Джаба — теперь была очередь за Кохсаламурой. Кохсаламура запел шуточные куплеты о двух пашах с рогатыми головами-тыквами. Грянул смех, и не только на крепостной стене. Многие воины пашей с удовольствием следили за шутовской пляской чучел, свисавших с ограды.

Зрелище стало еще оживленнее, когда паши приказали подкатить к крепости фальконеты и открыли стрельбу из ружей и луков. Все целились в чучела, и при каждом попадании новые раскаты смеха разносились вокруг.

Шермазан наблюдал за вражеским лагерем, где уже шли новые приготовления к атаке, а краем глаза посматривал на Элисени. Едва успели разъяренные паши послать в обход конницу и разок выпалить из фальконетов, как над колокольней Элисени показался робкий дымок. Вскоре он заклубился и взвился к небу столбом.

— Словно свечу-пятерик засветили! — Шермазан глубоко вздохнул и подозвал Сабу Бодбели; не забыл он и русских послов. — Настал и на нашей улице праздник!

Не дожидаясь атаки неприятеля, полководец подал знак. Взметнулось пламя на крепостной башне. Загремели «домашние» фальконеты Джабы. Затрубили рога, забили барабаны, и все бросились к воротам. На губах у воинов еще играла улыбка, многие повторяли про себя песенку Кохсаламуры. А нападающие, словно вдруг утратили пыл и дерзость. Быстро перестроившись, они начали отступать.

— Видно, ударили им в спину, прищемили хвост. Теперь и мы подбавим! Куршита, переведи русским послам: вот теперь разворачивается решающий бой, как задумано царем и полководцем. Пусть посмотрят, полюбуются.

Когда Шермазан спустился к воротам, Бодбели под развернутым знаменем говорил воинам напутственное слово.

Люди слушали, притихнув, но по лицам было заметно, что воинам теперь не до проповедей — сигнал над Элисени и недавняя потеха с чучелами настроили их на боевой лад.

Шермазан подошел к Бодбели, шепнул ему на ухо:

— Короче, преосвященный! Надо спешить! — и велел отворить ворота.

Враг уже очистил поляну перед крепостью. Джаба послал вслед отступающим каменное ядро — оно едва настигло задние ряды.

Шермазан подал знак войскам и первым пустил коня на подъемный мост. За ним поскакали другие. Многие всадники скакнули прямо в ров с водой. Войско стало разворачиваться на поляне. Нагнав уходящего врага, Шермазан оглянулся. Словно лавина, катилась за ним грузинская рать. Со стороны Дзегамского канала и Ниорхеви тоже появились кахетинские стрелки, лучники и копьеносцы; издали, с Алазани-Дзегамской дороги, доносился гул большого сражения.

Враг, взятый в кольцо со всех четырех сторон, дрался с ожесточением. Почувствовав, что грузины обошли их со стороны Элисени, паши тотчас повернули назад, пытаясь спасти обоз и тыл. Они, видимо, решили пробиться к Алазани, но было уже поздно.

Царь Александр сам вел свое победоносное войско.

На шекинцев и дербентцев, пытавшихся укрепить свой тыл, обрушились спереди, вылетев из крепости, воины Шермазана. Паши попробовали дать отпор. Но тут со склонов по ним ударили стрелки и копейщики. Враг растерялся, уже нельзя было понять, где тыл, где передовая и где — фланги. Войско пашей отражало кольцевой натиск и, в ожидании помощи шамхала, проявило большое мужество и умение. Паши не останавливались ни перед чем, но запоздалые жертвы редко помогают исправить совершенные раньше ошибки. А когда грузины показали врагу зеленое знамя шамхала, украшенное белым полумесяцем, дербентцы и шекинцы, поняв, что помощи ждать неоткуда, окончательно пали духом. Потеряв надежду на победу, они попробовали искать спасение в бегстве. Одни попытались вырваться к Алазани, иные устремились к Элисени. Все смешалось.

Где-то посреди объятого смятением войска врага столкнулись царь Александр и полководец Шермазан. Вокруг кипела сеча, и они, перегнувшись в седлах, обнялись и облобызались.

— Поздравляю с победой, Шермазан!

— Вашей милостью, государь!

Когда победоносное грузинское войско, нагруженное бо-

гатой добычей, направляясь к Дзегами, проходило мимо крепости, со стен ее свисало уже четыре чучела. В отличие от старых, новые чучела были одеты в пышные одежды пашей, но обезглавлены.

ГЛАВА XXXIII

ГРОЗНАЯ ОПАСНОСТЬ

Победу торжественно отпраздновали. Царь кахов щедро одарил войско. Самые большие почести и подарки выпали на долю Тамаза Вачнадзе, Шермазана Чолокашвили, литейщика Джаба и Кохсаламуры... Но сам царь не был доволен исходом битвы.

— Мы обрезали горной гиене уши и хвост, вырвали у нее когти, а голову отсечь так и не сумели. А ведь когти скоро снова отрастут!

Александр не мог примириться с мыслью, что упустил Сурхай-шамхала.

— Будь шамхал у нас в руках, можно было бы уладить все дела с горцами, укрепить тыл, получить союзника, — объяснял царь Александр Биркину во время пира, данного в честь победы.

После пиршества, царь кахов отослал в Ганджу головы шекинского и дербентского пашей, а также других знатных турок.

«Новому солнцу и повелителю Ирана — шаху Аббасу, в знак союзнической верности и в ознаменование уничтожения общего врага, — цветисто писал Александр, — ибо некогда сказано: самое красивое и самое любимое на этом свете — голова, отсеченная... у ненавистного врага! Посему и приносим ее в дар!»

Александр знал, что шаха нет в Гандже, но пусть подозрительный Аббас считает, будто царь кахов всегда ощущает нового властителя в столь непосредственной близости от себя.

Кроме того, царь понимал — лучшие из даров, предназначенных шаху, ганджинский хан незамедлительно перешлет в Иран.

Посылая дары, Александр оповещал шаха, что турки готовятся к новому походу против Ганджи и Кахети.

Распустив войско, Александр поднялся в Греми. Здесь царили мир и праздничное настроение. Лезгинам не удалось даже перейти через Кадори. Отряд Андермана Вахахишвили при первом же натиске обратил неприятеля вспять. Александр отпустил на отдых военачальников, а сам вернулся к прежним заботам. Прежде всего царь призвал к себе старца Зосимэ:

— Отец мой и учитель! Русские послы давно уже просят дозволения уехать домой... Я дал им возможность все увидеть собственными глазами... И силу нашу и слабость... Самоотверженность нашу и трудный наш удел... Подошло время распрощаться с ними. Да и наших послов пора послать в Россию. Кого ты посоветуешь назначить главой посольства?

— Каплана Вачнадзе!

— Отлично! — тотчас согласился Александр. — К тому же он лучше других знает дороги во владениях шамхала и вообще все тамошние дела.

Зосимэ понял — Александр уже давно остановил свой выбор на Каплане и мысленно одобрил предусмотрительность царя.

Остальное уладилось быстро. Оказалось, что все давно уже обдуманно и подготовлено.

Настал день прощального приема русских послов. Царь пригласил на этот прием Нугзара Эристави. Посадив его рядом с собой, Александр тут же с легкостью уладил вопрос о пути на Север. Послы и на этот раз предпочли ехать через Арагви и Хеви.

Кроме клятвенной грамоты и даров, нижайше преподносимых белому кесарю, Каплан Вачнадзе вез с собой на этот раз и личные подарки царя Александра и приветственную грамоту с длиннейшим вступлением. «Главному царскому конюшему, шурину царя и наместнику Казанского и Астраханского царств и прочих стран по сию от них сторону, великому боярину — Борису Годунову».

По совету старца Зосимэ, особо были подготовлены подобающие дары и послание к патриарху Москвы и всея Руси от имени христианнейшего царя Александра и митрополита Алавердского. Мастер Джаба написал письмо Чохову. Заза сменил не одно перо, прежде чем подробно перечислил все при-

веты Джаба и гремских мастеров. К письму присовокупили бурдюк кахетинского саперави.

Вместе с Вачнадзе царь отрядил также греческого монаха Кирилэ, черкеса Куршиту, секретаря Саба и подобающую свиту слуг и телохранителей.

Отъезжающих щедро снабдили припасами и деньгами на дорожные расходы. А русских послов осыпали сверх меры милостями и дарами.

Зазу царь на этот раз оставил в Кахети.

— Пусть отдохнет, повеселится, пора ему теперь изучить персидский и турецкий языки, — сказал царь отцу Зосимэ, но старец сразу понял тайную мысль Александра. Заза стал закадычным другом царевича Ираклия. Между юношами возникло духовное родство, как это часто бывает между одинаково пылко влюбленными сверстниками. Свадьба царевича вновь повисла в воздухе, и отец не решился лишить его друга и утешителя.

И еще один член прежнего посольства остался в Кахети. Но этот — по собственному желанию. Всех извел Ногирин своими прошениями и ходатайствами — всех, вплоть до русского посла и царя кахов.

— Состарился я, пришло время подыскать теплое местечко... Русское войско обойдется и без меня... И вольные казаки меня простят. Лучше этой страны мне уже не найти. Человек я без роду-племени, одинокий на старости лет, а здесь — мой названый сын. Хочу и я тут остаться.

Получив согласие обеих сторон, Матвей посетил треснутый квеври, порадовал его новостью. Конечно, попутно прошелся по торговому ряду, пробуя вина... Базарные сидельцы рассказывали потом, будто бы треснутый квеври обрадовался сверх меры, что старый казак остается в Кахети, и даже перевернулся, пока тот кричал в него, да прислушивался к отклику.

Перед отъездом посольства царь Александр принял Родиона Биркина и долго беседовал с ним наедине. Толмачом был Заза... Царь еще раз заверил Биркина, что если только покровительство России претворится в дела, все грузинские царства и княжества обратятся в сторону Севера.

Затем Александр отослал Зазу и потайным ходом провел Биркина в узилище. Посол понял без слов, что это величайшее выражение доверия со стороны царя. Это означало, что у Александра нет от русского царя никаких тайн.

Впуская гостей в узилище, Давид Джандиери несказанно

удивился и даже высказал, не сдержавшись, свое недовольство.

— Государь, я впервые вижу чужестранца, пришедшего этим путем!

Александр почувствовал упрек.

— Ничего, мой Давид. Сейчас нас могут спасти только явные пути, а не потайные ходы и норы!

Царь велел спешно вызвать черкеса Куршиту и вместе с русским послом вошел в келью Элим-шамхала.

Именно здесь провел некогда долгие годы брат царя Кайхосро, ныне епископ Руставский и Марткобский. Но как не походила теперешняя удобная, прекрасно убранная келья на ту мрачную дыру! Из окна открывался чудесный вид на город, на храм Архангела и на большой дворец. Келья была устлана коврами и паласами. В ней стояли мягкие кресла, удобное ложе, стол и стулья. Александр держал в почетном плену своего будущего свата. Это было необходимо — иначе Сурхай-шамхал мог заподозрить брата, и Элим-шамхал лишился бы всякой силы и влияния.

Пленник-гость выглядел отлично. Воздух, роскошь почести — всего здесь было для него вдоволь. А надежды Элим питал большие. Кахети и Россия желали сделать его шамхалом — это много значило!

Толмачил Куршита. Александр готовил решающий ход в шахматной игре против Сурхая. По новому плану, русские должны были напасть из Терской крепости на Тарку и овладеть осиным гнездом, а кахетинцы одновременно нападали с юга, и общими усилиями Элим становился великим шамхалом, а значит, вступал под покровительство России.

Биркин потирал руки от удовольствия. Царь кахов и за горами отыскивал своему великому покровителю новых подданных. Послу казалось, что осуществить этот план будет нетрудно.

Александр посвятил Каплана во множество других планов, время осуществления которых еще не приспело. Самым болезненным вопросом было освобождение при содействии русских царевича Константина, пока остававшегося заложником у шаха Аббаса. Но оба знали, что подобная попытка пока что несвоевременна.

В конце августа царь Александр с большими почестями проводил русских послов, а вместе с ними и своих посланцев.

Нугзар Эристави сопровождал их в Саарагво до самого перевала. В Хеви путников ожидал хевисбери Шиола, сопут-

ствовавший им до Дарьяла, а дальше начинался долгий, бесконечный северный путь.

Тотчас после отъезда русских послов, из Ганджи прибыл гонец с дурными вестями — эрзерумский паша Фархад подступил к Гандже с огромным войском.

— Он палит из пушек и разрушает крепость, — рассказывал гонец. — Джавад-хан Ганджийский именем шахиншаха требовал у царя кахов спешной помощи.

Черная тень Турции, уже окутавшая Самцхе, все больше наползала на Картли и Имерети, а теперь подступила и непосредственно к Кахети, создавая грозную опасность.

Александр вновь препоясался мечом. Но он знал — отборное войско турок это не шамхальско-дагестанские или шекинско-дербентские, собранные с бору да с сосенки и вооруженные по старинке дружины. Стены старых крепостей Кахети и самодельные фальконеты Джаба не смогут противостоять турецким пушкам.

И все-таки царь созвал войско. Он не дал крестьянам даже времени, чтобы обмолотить урожай. К Джавад-хану были отправлены гонцы с обещанием помощи. Но Александр не собирался вести войско в Ганджу. Было слишком поздно, и к тому же — очень опасно.

Случай с Хосров-чаушем, после нападения шамхальцев и дербентцев на Кахети, вряд ли мог пригодиться туркам в качестве повода для открытой вражды. Во всяком случае, у Александра было достаточное оправдание. Но отправить войско в Ганджу — это значило объявить войну Турции. При данном положении вещей это было невозможно.

Стены Ганджийской крепости уже сотрясались под натиском турецких пушек, а русские послы все еще ехали по бесконечному северному пути. Не было поблизости и войск шаха Аббаса.

Царь решил стать с войском возле Хоранта.

«Если победит Иран, я тотчас поспешу ему на помощь, а если верх возьмут турки... то зашлю к ним послов... Возможно, придется открыть им дорогу на Дербент, если, конечно, они этим удовольствуются».

Последнее соображение заставило сердце царя болезненно сжаться. Взяв с собой одного лишь царевича Георгия, Александр пошел в церковь и усердно помолился вместе с сыном.

Едва кахетинское войско прибыло к месту слияния трех

рек — Куры, Иори и Алазани, — как пришла весть о падении Ганджи и решительном поражении иранцев.

«Совсем запутались наши дела. Утрачено какое-то мерило — нельзя различить, что хорошо и что плохо. Соседство шаха Аббаса не сулило нам добра, но шах получил лакомый кусок и пока что, кажется, насытился... Теперь этот хищник требует такого же лакомого куска», — печально думал царь и содрогался, когда мысль эта представала перед ним во всей своей наготе. Ведь под «лакомыми кусками» несчастный отец подразумевал собственных сыновей.

— Вот тебе и Алазанские весы! Нет, невозможно одновременно блюсти интересы всей Грузии, править Кахети и быть заботливым отцом семейства... Чем-то одним всегда приходится жертвовать ради временного соглашения, а бывает, что и этого мало... Горе мне, горе! — шептал Александр, стоя у слияния трех рек, и мысленно обращаясь то к Куре, то к Алазани, то к Иори... И ни от одной не получал ответа.

После сражения у Ганджи беглецы-иранцы подошли к самой Кахети. Ганджинский хан Джавад укрылся в лесах на берегу Куры и просил у царя кахов помощи и убежища.

— Только этого нам не хватало!—вырвалось у Александра.

— Напротив, государь! Совсем неплохо, чтобы уладить дела с Фархад-пашой! — подсказал, обронив как бы невзначай, Оман Чолокашвили.

Будто змея прошипела около уха царя. Он отлично понял, что предлагал Оман, — перебраться через бурный поток, встав на спину гостя, прибегнувшего к твоей защите.

Александр закрыл глаза руками. Некогда он, не задумываясь, одним махом решил бы этот щекотливый вопрос... Но теперь, у слияния трех рек, в нем боролись три человека: отец, царь и грузин, почитавший законы гостеприимства священными.

«Где же тут еще остается место для нравственности?» — мучительно размышлял царь, и перед закрытыми глазами его возникал образ Зосимэ, старца с длинной белой бородой.

— Позовите святого старца! — воскликнул царь и отдернул ладони, открыл глаза, посмотрел за реку.

На другом берегу стоял Джавад-хан, ожидая ответа.

— Нет, нет, — махнул рукой Александр, — не надо тревожить отца Зосимэ, — и уже иным тоном приказал Джандиери: — Прими Джавад-хана, скрой его в Моваканском лесу, в

скалистом убежище... Никто не должен знать о его прибытии к нам. Я пока не могу с ним встретиться.

Джандиери погнал лошадь в мутные воды Куры. За ним последовало человек пять избранных слуг.

Владетели областей, военачальники и моуравы снимали крестьян прямо с жатвы и с гумен, забирали их из цветущих садов и виноградников и посылали в лагерь на трех реках. Высокородные князья и сановники тайком готовили к отъезду жен и детей. Поползли слухи, страх охватил народ на берегах Алазани.

Вскоре на противоположном берегу Куры, на ганджинской дороге появилось многочисленное турецкое войско.

Здесь дорога разделялась. Один из путей вел через опасный брод в Кахети... На кахетинском берегу над Курой высилась сторожевая башня. Другой путь тянулся вдоль правого берега Куры и, обойдя окраинную часть Кахети, соединялся с шеки-шемахинской дорогой.

После взятия Ганджи путь этот оказался во власти турок, так что теперь они могли попасть в Шек и Дербент, минуя Кахети.

Затаившиеся на левом берегу кахетинцы с волнением ожидали, куда повернут турки. Разведчики, переплывшие с другого берега, сообщили Александру, что у турок — десять пушек и множество фальконетов.

Около лодочного причала, перед бродом, турки остановились и разбили лагерь.

Александр наблюдал за ними с башни. От него не укрылось, что турки первым делом отправились в лес и стали валить деревья, чтобы вязать плоты.

Царь одновременно готовил войско и подбирал послов, ждал и колебался, ибо ни война, ни переговоры не внушали ему больших надежд.

В полдень на правом берегу загрохотала пушка. Первое ядро пролетело над смотровой башней... Следующие обломили ее верхние зубцы.

Александр покинул башню через тайный ход и вывел оттуда людей.

— Вот как!.. Турок даже не удостаивает сообщить, чего им надо!

— Он ждет послов от вас, государь! — глухо проговорил Шермазан.

— Знаю и ищу, на ком остановить выбор...

На этот раз был необходим хитрый, изворотливый, скользкий, как угорь, посол. Царь признал наиболее подходящим Омана Чолокашвили. «Действовать мне во вред он побоится, а дело уладит лучше, чем любой другой... Оман хитер, а честолюбивые помыслы заставят умолкнуть его самолюбие, и он лучше других стерпит унижение, — размышлял Александр, глядя на уже полуразрушенную смотровую башню: — Показывает мне свою силу Фархад! К сожалению, мне все ясно и без доказательств!»

Царь отвернулся и приказал вызвать из лагеря Омана Чолокашвили. Пока тот явился, турецкие пушки почти что сровняли с землей башню.

— Отправляйся к Фархад-паше... Узнай, чего он хочет. Погляди, на что он способен! Узнай условия мира и выиграй время, чтобы, пока будут идти переговоры, посольства и совещания, мы могли уяснить себе положение. Если вернемся в Гремн с миром, целыми и невредимыми, получишь должность мсахурт-ухуцеси, а сверх того утвержу за тобой спорную вотчину Чолокашвили. А пока что — вот тебе золотой жезл, — и царь сам вручил польщенному Оману жезл придворного сановника. — Он придаст тебе веса в глазах Фархад-паши... Действуй! Надеюсь на тебя! Если турки перейдут Куру, первым будет разгромлен твой замок в Упадари. Помни, все кахетинцы смотрят теперь на твой жезл, надеются на твое умение.

Немного погодя из левого притока в Куру выплыл большой плот. На плоту находился посол Кахети Оман Чолокашвили, верхом, с небольшой свитой.

Пока не умолкли турецкие пушки, Оман не опустил высоко поднятого золотого жезла.

Затем плот причалил к правому берегу.

ГЛАВА XXXIV

ПОВЕСТЬ О ДВУХ ГОЛОВАХ

Фархад-паши не оказалось в лагере. Кахетинского посла приняли без всяких почестей. Его тотчас отправили в Ганджу. И тут Оману не оказали знаков уважения. Во дворце, где еще

недавно распоряжался именем шаха Аббаса Джавад-хан, сидел, поджав ноги, рябой, длиннорукий Фархад-паша и метал громы и молнии.

Омана ввели в зал с завязанными глазами.

— Ну, Хосров-чауш, сперва твоя очередь!—услышал Оман. Кто-то выхватил у него из рук жезл, толкнул в грудь.

— Я явился к вам послом! — вскричал Оман, срывая с глаз повязку.

— Я тоже был послом у дели-Искандера в Греми!

Перед Оманом стоял разъяренный, полный жажды мщения Хосров-чауш. А на троне, под балдахином, восседал Фархад-паша и, прищурив один глаз, смотрел на потеху.

— Я явился к прославленному полководцу Фархад-паше, а не к жестокому Хосров-чаушу! — с достоинством заявил Оман и шагнул вперед, но Хосров вновь преградил ему путь.

— Я заставлю тебя подползти к ногам паши! — вскричал он и вцепился в бороду посла.

Тут со всех сторон бросились к Оману чапары[1], заставили его упасть на колени. Но он не растерялся:

— Оскорбить меня — значит оскорбить Фархад-пашу! Я посол, явившийся к его двору! Позор, выпавший на долю моих седин, падет на его имя. — Оман схватился за бороду, вырвал изрядный клок и бросил его к ногам Фархад-паши. Инстинктивно он почувствовал, что попал в цель.

Тогда Оман вновь смело обернулся к Хосрову:

— А чаушу, потерявшему уже имя и честь, полезно узнать грузинскую пословицу: не справившись со скакуном, не воюй с седлом!

Разозленный Хосров замахнулся жезлом, собираясь ударить посла, но Фархад-паша нахмурил брови:

— Эваллах, он прав... Поднять посла! — паша махнул рукой чапарам, — Хосров-бей, ты будешь сопровождать почтенного старца к Искандеру. Пусть Искандер и его высокородные дворяне сначала облобызают твои колени, а затем вручат тебе голову Джавад-хана... А потом я скажу свое единственное слово: заложник! Теперь же выслушаем, что хочет посол нам передать от Искандера.

Но тут заупрямился Оман.

— Ничего не могу вам сейчас доложить! Я не унижу прославленного полководца, беседуя с ним в таком растерзанном

---

[1] Чапары — вооруженная стража, телохранители.

виде! — и Оман, отступив на шаг, показал на свою всклокоченную бороду и перепачканную одежду.

Фархад-паша благосклонно принял лесть.

— Проводите посла... Воздайте ему должный почет!

И пока вокруг Омана Чолокашвили хлопотали терщики и гостедворцы, он уже снюхался со своими старыми знакомыми, ганджинскими купцами — иранцами, армянами и грузинами, и многое разузнал. Вскоре Оман отправил в Кахети тайного гонца с посланием:

«Приняли меня плохо. Фархад-паша направляется в Дербент и Тарку по приглашению шамхала, чтобы поставить на Тереке крепость и прогнать русских. Хочет идти через Кахети, думается мне, по наущению Хосрова — иначе он, наверно, предпочел бы шекинскую дорогу.

Фархад желает получить от нас заложника и голову Джавад-хана. Пушек и войска у него много. Сражаться с ним бесполезно. Меня будет сопровождать палач и предатель Хосров-чауш. Его цель, во-первых, унизить вас, во-вторых, выискать непосредственный предлог для разгрома Кахети».

Послание Омана погрузило царя Александра в глубокое раздумье. Выйдя из разбитого в лесу шатра, царь медленным шагом двинулся вдоль берега Куры.

Река, окутанная сумерками, передвигалась и потягивалась, как живое существо. Подступавшая к самому берегу чаща черной полосой окаймляла русло реки. За рекой, ниже по течению, горели костры, множество костров, и издали правый берег Куры напоминал упавшее на землю ночное небо. Левый же, напротив, был окутан траурной мглой. Где-то неподалеку стояли кахетинцы и смотрели на беду, нагрянувшую к ним в облике прекрасных звезд.

Александр присел на берегу и машинально поднял камешек. Почему-то их оказалось два. Этот незначительный случай напомнил царю о тайном его счете, о мучительной необходимости выбора и решения. Царь еще раз обдумал сообщение Омана, рассмотрел, просеял каждую пылинку, все взвесил, рассчитал, нанизал на одну нить — но все еще колебался.

— Сейчас не до примериваний и оценок... — Царь бросил оба камешка в Куру. Послышался глуховатый всплеск. Мысленно отметив: «Глубоко!» — Александр продолжал размышлять вслух: — Оба вместе! Тогда они уравновесят весы, исключат друг друга... Для нравственности же опять-таки не останется ни времени, ни возможности, ни места! Оказывается, это

глубокий омут! — Царь не стал уточнять, что именно, Кура или жизнь, — а может, и то и другое?

Александр вскочил. За его спиной тотчас возникла смутная фигура.

— Позвать Джандиери!

Вскоре две тени с окутанными головами скакали вверх по тропинке к Самухи. Около скалы Джандиери шепотом переговорил с лазутчиками и провел царя в высеченное в скале убежище.

За потайной дверью, сливавшейся со скалой, оказалась келья, озаренная свечой. Джавад-хан и его шейх встретили Александра стоя.

— Шахиншах достойно отблагодарит гурджи-Искандера за помощь и за мое спасение!

— Я счастлив послужить светочу Ирана! — поспешно ответил Александр и перешел прямо к делу: — Но война едва ли может обернуться удачно... Решайте сами, — Александр развел руками...

«Значит, дела очень плохи, раз царь так немногословен... И это при первой встрече!» — заключил Джавад-хан и опустил голову, но как и всякий утопающий, ухватился за соломинку:

— Я думаю, вскоре подоспеет помощь от шахиншаха.

— Может, мы ускорим прибытие иранского войска. Не сообщить ли великому шаху, как обстоят дела? Я обеспечу безопасность гонца, — и не давая Джавад-хану времени для колебаний, решительно добавил: — Я сейчас же возьму гонца с собой!

— Дело хорошее... но... если... — Джавад-хан заколебался.

— За это я отвечаю... Буду скрывать тебя здесь... До прихода войска шаха...

Собеседники отвечали на мысли друг друга, а не на заданные вслух вопросы.

— Для Фархад-паши моя отрубленная голова желаннее Ганджи...

Царь кахов понял, что это означало: «Верно, царь Александр предпочитает лучше выдать меня паше, чем дать туркам разорить Кахети!»

И он ответил вопросом на вопрос:

— Главное, что важнее для шахиншаха: чтобы в Иран вернулись остатки ганджинского войска или его предводитель?

— У шахиншаха много войск! — гордо ответил хан, да-

вая почувствовать царю, сколь нужен шаху именно он, Джавад-хан, полководец.

— Даю слово, если потребуют отдать остатки войска... Я полководца переправлю с провожатым на правый берег Куры...

— Шейх Мурад! — Джавад-хан повернулся к своему секретарю и советнику, — приготовь письменные принадлежности!

— Пусть приготовится сам... С ним и отправим послание к шахиншаху, — произнес Александр и слова его прозвучали приказом.

— Хорошая мысль! Верный выбор! — Джавад-хан тут же, в присутствии Александра продиктовал шейху Мураду нижайшее прошение. Разумеется, оно содержало величайшие похвалы царю кахов; ганджинский хан превозносил верность царя Ирану, сообщал о борьбе его с турками, об обретении персами надежного убежища под кровом царя кахетинского. В заключение Джавад-хан просил срочно прислать на помощь войска, а вместе с тем и особые грамоты и дары для кахетинского Искандера.

Уходя, Александр взял с собой переодетого в грузинское платье шейха Мурада.

Царь вместе с Джандиери поскакал вперед.

— Слушай внимательно. Я скажу в двух словах, а тебе придется делать одновременно четыре дела. Шейха дня на два спрячешь в лесу. Приставь к нему надежного человека и никого близко не подпускай. Он нам еще будет нужен: позднее поедет к шаху в Иран.

— Ваша воля... Я поручу его тушинцу Белкану!

— Отлично! — Александр заговорил еще тише. — Собери небольшой отряд. Переоденешь людей кизилбашами... Переправишься на правый берег Куры... В Нахидурской чаще, близ Тавкухилы, будешь ждать кое-кого... Завтра в полдень он появится... Ясно?

Давид, обратив лицо к царю, еле слышно ответил:

— Да, государь... Завтра в полдень туда прибудет Джавад-хан.

Александр невольно улыбнулся. Он любил понятливых людей. Теперь царь решил проверить и свой второй замысел.

— Значит, тебе известны и остальные мои планы, ясновидящий?

Но выпытать у Давида Джандиери что-либо не так-

то легко. Он отлично знал, когда можно догадываться о замыслах царя, а когда — нет.

— Нет, государь, больше я ничего не могу угадать.

— Будете стоять там в укрытии, настороже. Утром проедут мимо вас чауш Фархад-паши и Оман Чолокашвили.

— Хосров-чауш?

— Да, он... — В голосе царя послышалась хрипота. — Это тебе тоже понятно: голову Хосрова, — царь махнул рукой, словно рассек воздух саблей, потом подъехал к Джандиери совсем близко и шепнул ему что-то на ухо...

Когда они уже выехали к Куре и глянули на звезды, усеивавшие правый берег, у Александра вырвалось из глубины души:

— Чтоб и слово сдержать, и дела не испортить! Пусть оба сгорят: и шашлык и шампур! — царь вручил Давиду свой пистолет, — только смотри, на этот раз бей наверняка... Не так, как когда-то, помнишь... Давно уже... Пустую могилу?

Давид, едва прикоснувшись к оружию, тотчас узнал его: это был тот самый гурийский пистолет, который однажды вручил ему Александр для расправы с отцом Зосимэ...

В это самое время со стороны Ганджи к Куре спешили посланцы Фархад-паши. Впереди с гордым видом ехал на могучем мерине Хосров-чауш. Он то и дело теребил пухлыми пальцами рыжую от хны бородку. Настал час возмездия, его час! Хосров знает, как унизить наглого гурджи Искандера и его присных, которые не обладают мощью, но не желают поступиться гордостью! Неплохо придумал Фархад-паша! Как мечом отрубил! Но и сам Хосров тоже точил лезвие этого меча. На хмуром лице чауша заиграла улыбка,

«Сначала царь и царица на коленях должны попросить у меня прощения... За оскорбление великого турецкого чауша... Затем — кроме всяких мелочей... Три условия: Заложник! Дань! Дорога!»

Чауш прекрасно представляет себе, какое это произведет впечатление на коленопреклоненных, потому и торопится... Известно это и Оману, и Оман плетется позади, всячески стараясь оттянуть время. Чолокашвили знает: даже если сам султан, шахиншах или белый государь велят Александру и его приближенным преклонить колени, те ни за что не стерпят такого унижения. Разорить, разгромить их, переломить им кости

рук и ног — все это вполне возможно, но заставить по собственной воле стать на колени — никогда!

«В конце концов—что тут страшного,—размышлял Оман,— вот я, высокородный посол с золотым жезлом, бывший эристав... А ведь стоял же на коленях! И что я потерял? Оман согласен и впредь унижаться, если вслед за тем его ждет возвышение! По лестнице величия люди чаще и быстрее поднимаются ползком, на коленях!»

Но Александр исповедует иную веру, и поэтому Кахети ожидает неминуемое поражение.

Оман Чолокашвили на всякий случай установил с Фархад-пашой добрые отношения, подсказал ему две-три здравые мысли касательно внутреннего положения Кахети, а заодно и касательно своего «будущего». Нет, Оман от чистого сердца служит Кахети и готов служить ей впредь, но что делать — если ничем уже нельзя помочь?..

Рассвет застал их около Куры. Оман тайком оглядел левый берег и решил, что самое худшее уже совершилось. Конечно, сердце у него сжалось, но Оман почел все это скорее личным поражением Александра. Он никогда особенно не жаловал сурового и непреклонного царя кахов, так же, как впрочем, и почти все бывшие эриставы. Не мог Оман примириться и с моуравами и все еще не терял надежды, что делу можно помочь, вернуться к старому.

Конечно, туркам Оман, что ни говори, предпочитал царя Александра, вместе с учрежденным им моуравством, но если поражение неминуемо, может, высокородные и сановники сумеют что-нибудь придумать.. С худой овцы хоть шерсти клок!

День выдался знойный, и усталые путники расположились на отдых в тени раскидистых дубов. Когда солнце склонилось к закату, они поехали дальше, по направлению к Нахидури. Заночевали на месте покинутого иранского лагеря, а на заре снова тронулись в путь. Несмотря на спешку, путники на всякий случай приняли кое-какие меры предосторожности. Глава телохранителей, рослый и отважный Орудж-оглы, не раз бывавший в Гандже и в Кахети, хорошо находил дорогу в лесу. Тавкухилы они достигли еще до восхода солнца. В рассветном тумане Орудж-оглы заметил что-то подозрительное; пришпорив коня, он рванулся вперед, но не рассчитал прыжка. За спиной телохранителя раздались выстрелы. Орудж повернул коня и успел заметить, как Хосров-чауш, словно подкошенный,

сбился со своего мерина. Так падают лишь внезапно убитые наповал.

— Убили! — изумленно вскричал Орудж-оглы и кликнул телохранителей.

У обочины дороги затеялась перестрелка, из засады выскочили пехотинцы, откуда ни возьмись на помощь им подоспели всадники. Шапки кизилбашей и персидские возгласы заставили Оруджа очнуться...

— Бей их! Это шакалы Джавад-хана!

Но прежде чем сам он успел добраться до нападающих, одни из его людей пали, другие ударились в бегство. Изумленный Оман Чолокашвили стоял неподалеку под деревом и силился понять, откуда здесь могли взяться кизилбаши.

«Может, подоспела шахская помощь? Иначе как они решились бы устроить засаду?»

Дело получило новый оборот, но до окончательного выяснения обстоятельств Оман счел за лучшее убраться от греха подальше. Он повернул коня. Кто-то нагнал Омана, почти что достал его саблей, но вдруг посторонился, дал проехать, а сам скрылся в чаще. Оман не стал более испытывать свою судьбу, погнал лошадь назад... Но и тут гремели выстрелы. Вдруг из лесу вырвался скакун. Всадник в богатой одежде и доспехах как-то странно осел, пригнулся в седле, выронил щит, голова его и рука с кнутом бессильно повисли, склонившись к изогнутой шее скакуна.

— Джавад-хан! — вырвалось у Омана.

Тут Омана догнал Орудж-оглы, услышав его возглас, выхватил пистолет и погнался за Джавад-ханом, выстрелил ему вдогонку, потом поравнявшись с шарахнувшимся скакуном, припер его к колючим зарослям. Когда турку удалось дотянуться до Джавад-хана, тот уже висел в стременах вниз головой. Орудж-оглы приподнял его, схватил за волосы левой рукой и внимательно осмотрел. На спине у Джавад-хана латы были в двух местах пробиты пулей.

— Одна из пуль ведь моя! Какое значение имеет вторая?! — Орудж-оглы молниеносно обнажил саблю и одним взмахом отсек голову мертвому хану.

— Я поднесу Фархад-паше драгоценный дар! — воскликнул он и помчался назад, к лагерю турок.

Когда к Тавкухиле подоспела турецкая подмога, на месте этого странного столкновения, среди трупов иранских и турецких телохранителей было обнаружено тело Хосров-чауша. Так

же, как тело Джавад-хана, оно оказалось обезглавленным. Такой неожиданный оборот дела обрадовал и изумил Омана Чолокашвили.

«Это чудо, настоящее чудо!..» — размышлял Оман, оценивая создавшуюся обстановку. Теперь-то он ясно видел выход. Более того, тут можно было сделать кое-что и для себя. Оман, Орудж-оглы и все уцелевшие телохранители вернулись в Ганджу к Фархад-паше.

Фархад-паша очень обрадовался, получив голову Джавад-хана. Ганджинец издавна враждовал с эрзерумцем, и отсеченная голова врага быстро и безболезненно изгладила в нем впечатление от рассказа об обезглавленном теле Хосров-чауша. Тем более, что в тот же день из Кахети прибыл новый посол. На этот раз царь Александр послал в Ганджу Горджаспа Эндроникашвили. Посол привез турецкому полководцу около ста голов кизилбашей.

— Джавад-хан от нас убежал — видно, уж очень спешил бросить свою голову к вашим ногам... А я добавлю еще сотню голов воинов ганджинского хана и иранского полководца!

Фархад весьма благосклонно отнесся к этой прибавке. Теперь он требовал от царя Александра только заложника, а насчет дани и дороги через Кахети уже нашлась возможность столковаться, поскольку кахетинцы не только не поддерживали иранцев, но, оказывается, даже сражались против них. Об оскорблении Хосров-чауша паша и вовсе позабыл. Стоит ли беспокоиться об обиде, нанесенной голове, которая не только отделена от тела, но и вообще исчезла без следа?

Фархад-паша отпустил послов назад в сопровождении щедро награжденного и всячески обласканного Орудж-оглы.

Тут же, в лагере над Курой, Александр созвал большой совет, который выслушал Омана и Горджаспа. Был приглашен и Орудж-оглы. Обсудили все вопросы — заречные и посюсторонние, измерили по семь раз, чтобы единожды отрезать..

Одновременная гибель Хосров-чауша и Джавад-хана дала кахетинцам возможность свободно вздохнуть, но, конечно, не принесла полного избавления.

Так или иначе, Александру придется пожертвовать еще одним сыном.

— Мне нечего больше сказать... Если нужна жертва с моей стороны — решайте сами! Но и вы в дальнейшем не скупитесь на жертвы!

О победоносной войне нечего было и мечтать... Значит, судьба одного из царевичей, а точнее — Георгия, была по существу решена.

— Приняв покровительство русского государя, став союзником шаха Аббаса и отдав ему в заложники сына... как я могу теперь послать заложника туркам? Как взгляну в глаза русским, иранцам, да и туркам?

Но это был довод чувства, а не разума.

— Думаю, придется объявить, что царевич отложился от отца и бежал. Иного выхода нет, — осторожно высказал свое мнение Горджасп.

— Беглец? Четырнадцатилетний мальчик? Будь он хоть совершеннолетним! Кто нам поверит? — вскричал, внутренне содрогаясь, царь.

Оман Чолокашвили кое-что смекнул во время этого трудного спора. Ведь среди царевичей совершеннолетними были лишь Ираклий и Давид.

Долго совещались, спорили, препирались грузины. Но иного выхода не было. Все согласились с мнением Горджаспа.

Остальное взял на себя Оман Чолокашвили.

— Я сделаю так, что турки обойдут Кахети... Дорога к Дербенту у них есть. Я договорюсь с пашой Фархадом... Дань заменим дарами...

Снова пригласили Орудж-оглы. После короткого приема, он вместе с Оманом переправился на лодке через Куру и поскакал к Фархаду, в Ганджу.

Печальные, понурые бродили по лагерю грузины. А царевич Ираклий, словно лунатик, метался по лесу. Он никому не мог смотреть в глаза — как будто это он, совершеннолетний царевич, был виновником нашествия турок и несчастной участи младшего брата...

Александр долго откладывал, но однажды вечером наконец собрался и написал подробное послание старцу Зосимэ, попросил его подготовить и привезти в лагерь царевича Георгия. Царице же, в Гремн, Александр не решился написать. Достаточно было с нее и того, что после битвы у крепости царевич Давид непрерывно хворал. Лекари терялись в догадках. Вспыльчивость царевича возросла, участились приступы злобы.

Александр отправил Давида в замок его воспитателя Омана Чолокашвили, в Упадари. Это было тихое, спокойное место, весьма пригодное для отдыха. Давид уехал, и никому не показывался. Даже теперь, несмотря на то, что до Упадари от

лагеря на Куре было не больше дня пути, царевич не приехал, и отец не стал вызывать его.

Когда наступил вечер и Куру сноза залила темнота, царь Александр вышел с непокрытой головой на берег, присел на камень и посмотрел вдаль... Всюду, как в мыслях Александра, царил мрак... Мысли царя были не о Кахети, не о любимом сыне, избраннике сердца, которого приходилось отсылать в Стамбул. Александр думал о Константине, уехавшем в позапрошлом году... Теперь он, верно называется Костан-мирзой...

И где-то в глубине взволнованного сердца всплывало видение: крещение на Алазани — затем сияние гасло и вновь тонуло в волнах Куры.

Кто-то почтительно кашлянул рядом. Александр вздрогнул.

— Принес?

— Да, государь!

У ног Александра покатилось по земле что-то круглое. Он мельком, краешком глаза глянул на голову Хосров-чауша.

Почему-то его внимание приковало похожее на раздавленную улитку ухо с длинной мочкой. Вместо прежней серьги в него была продета длинная бечевка...

— Джавад... отправился в Стамбул... А этого — пошлем в Иран... Вот так, мой Давид... Будем рубить головы врагов и катать их в разные стороны, как мячи, пока и наши кто-нибудь не срубит и не пошлет куда-нибудь!

Александр отвернулся, снова поглядел на Куру.

Река застыла в неподвижности. В сумерках она чернела, как монашеская ряса отца Зосимэ.

— Господи... Где же тут нравственность?

И так как бог молчал, Джандиери помог царю тихим словом:

— Быть отцом Зосимэ легко, гораздо труднее быть Александром!

Царь вздрогнул — снова, в этом вечернем сумраке Джандиери проник в его самые сокровенные мысли. Поистине, для этого удивительного человека не существует тайн!

— Где шейх Мурад? Надеюсь, ему ничего не известно?

— Ничего... Он вполне надежен. Его охраняет Белкан-тушин.

— Пошлешь эту голову с ним в Иран...—Александр устало махнул рукой, тяжелые веки опустились на его глаза.—Быть может, чауш счастливее меня—эта голова уже не мучит сердце и тело...

ГЛАВА XXXV

МЕЖДУ ТРЕХ РЕК

Дело, улаженное с таким трудом и потребовавшее принесения царевича Георгия в жертву, внезапно снова запуталось.

Фархад-паша призвал к себе Омана Чолокашвили и щедро его одарил — навесил на него тяжелые золотые цепи, навалил браслетов из червонного золота. Посулил также скорое возвышение и всяческие блага, если Оман поедет в Стамбул вместе с кахетинским царевичем. Обещал Чолокашвили благосклонное внимание султана и всей блистательной Порты.

Хитрый придворный навострил уши — то ли ему расставляют ловушку, то ли его ждет большая выгода. Но Фархад-паша вел беседу очень осторожно, все расспрашивал о распорядке грузинского двора, о склонностях царевичей, о пирах, охотах, и, наконец, как бы невзначай, задал вопрос:

— Какие подарки могут порадовать царевича, нашего будущего гостя?

Фархад отлично помнил наказ, полученный в Стамбуле: «Нам нужен не просто заложник, предающийся неге и роскоши в Стамбуле, а сторонник, который со временем будет по нашей указке править Кахети».

— Какие подарки? Царевичу Георгию? — переспросил Оман. И тут у него мелькнула мысль—издавна лелеянная тайная мечта... Вот он, ключ к хитроумным речам Фархад-паши, скрытый их смысл—надежный залог осуществления всех сокровенных замыслов Омана. Странно, ведь он и Фархад желают совсем разного, но желания их отлично сочетаются! Немножко усилий, «обманно-омановский» ход полностью изменит все пути и судьбы.

— Царевич Георгий... Ему скорее нужны игрушки... Он любит, к примеру, мяч, клюшки, лошадок... турецкие барабаны, — Оман придал своим словам слегка пренебрежительный оттенок и заметив, что Фархад-паша хмурится, продолжал с еще более наивным видом: — Из кушаний ему более всего нравится молоко, шакарлама...[1], засахаренный миндаль... Зато

[1] Восточная сласть.

его старшие братья — статные и пригожие юноши, ловкие, мужественные. Эти действительно могли бы стать украшением и гордостью блистательной Порты.

Фархад-паша поднялся и уже сурово спросил:

— Сколько лет Георгию?

— Будь он хоть совершеннолетним! — Оман невольно повторил слова царя Александра, сказанные им на совете, а от себя добавил: — Зато царевичи Давид и Ираклий — зрелые юноши.

Тайный голос снова шепнул ему: если устранить Ираклия, наследником престола станет мой воспитанник — Давид! И эта неотвязная мысль придала Оману еще больше красноречия:

— Георгий еще совсем ребенок, он самый младший, мой господин!

Фархад-паша вспыхнул от злости:

— Я не нянька и не собираюсь возиться с сосунками. Так и передай кахетинскому Искандеру. Остальное ему разъяснят мои пушки.

— Подарите мне три дня, великий полководец! И если я не явлюсь сюда с совершеннолетним царевичем, то прошу вас, послезавтра громом ваших пушек подтвердите царю кахов и его приближенным правильность моего донесения.

Фархад-паша еще раз окинул кахетинского князя с ног до головы оценивающим взглядом и коротко отрезал:

— Послезавтра вечером я сам спущусь к Куре!

Оман мчался в сопровождении небольшой свиты во весь опор к Куре. За день одолел он двухдневный путь, ночью сменил лошадь, отослал стражу и совсем в ином месте тайно перебрался вброд через Куру...

Объехав издали лагерь Александра, Оман пробрался через заросли к берегу Иори.

Он мчался, не щадя сил.

«...Не все ли равно для Кахети, какой из царевичей отправится заложником в Стамбул? Лишь бы спасти страну от нашествия! А для меня это важно, очень важно».

Задолго до рассвета добрался Оман до Упадари.

Усталой, но твердой рукой открыл он потайную дверь своего замка, успокоил спущенных с цепи псов, отчитал дремавшего сторожа и стал расспрашивать:

— Нет ли в замке чужих?

— Нет, сударь.

— Где царевич Давид?

— Выпил вчера лишнее... Спит у себя в опочивальне.

— Ступай вперед. Но помни — молчок! Никто не должен видеть меня, никто не должен знать о моем приезде! — Оман многозначительно скрипнул зубами и снова закутал лицо.

В спальне Давида горел ночник. Одеяло соскользнуло со спящего, голова его свесилась с подушки, он тяжело дышал. Царевич спал беспокойным, пьяным сном, он был худ и бледен, только на щеках у него рдели пятна от выпитого вина. Красивые юношеские усы свалялись, из выреза сорочки высовывалась шея с большим торчащим кадыком.

— Разбуди! — велел Оман сторожу, а сам зажег вторую свечу и вышел в смежную комнату, служившую спальней ему самому. Подойдя к потайному стенному шкафу, Оман отомкнул секретный замок, поискал среди склянок, нашел нужное лекарство, купленное некогда впрок у чамчи-лекаря, и снова вернулся к Давиду.

Сторож тщетно пытался разбудить пьяного. Царевич никак не мог очнуться и что-то бормотал.

— Не просыпается? Ладно, ступай... Постой за дверью, чтобы никто не вошел, пока я тут! — Отослав сторожа, Оман затворил дверь, высыпал в пиалу с вином порошок из маленькой скляночки, долил еще вина...

— Царевич! — окликнул он Давида, но, так как тот не услышал, побрызгал на него водой.

Давид приподнялся, сонными, блуждающими глазами уставился на своего пестуна.

— На, вытри лицо и слушай. Я спешу... До рассвета нужно выехать отсюда, — Оман подал царевичу полотенце и приступил прямо к делу: — Хочешь царствовать в Кахети?

— Что? Что ты сказал? — опешил еще не совсем очнувшийся Давид.

— Хочешь быть царем или нет? Говори скорей. Дело спешное. Мы здесь одни.

У Давида не было времени для размышлений, а может, они и не были ему нужны.

— Хочу! — объявил он своевольным тоном.

— Тогда пей! — и Оман вручил юноше пиалу с порошком, растворенным в вине.

— Что это?

— Яд.

Тут уж Давид совершенно протрезвился и обрел дар мысли.

— Яд? Зачем?

— Не бойся — не умрешь... Только заболеешь...

— Заболею? Но... Зачем это? Я, кажется, и без того болен и слаб...

— Не спрашивай... Не сумеешь хранить тайну... Выдашь себя и погубишь все дело.

— Сумею... Я зла себе не желаю! Скажи, иначе не выпью.— Давид спустил ноги с ложа, сунул их в шлепанцы.

Он казался очень высоким и еще более худым, чем обычно.

— Когда-нибудь ты будешь мне благодарен... Эта чаша принесет тебе корону.

— Буду благодарен, если... — у Давида все еще заплетался язык, он отбросил одеяло, схватил своего воспитателя за ворот, — если она в самом деле возведет меня на трон... Хоть ненадолго! Все равно выпью! Каким бы плохим не оказалось питье, — у Давида началась икота, от него разило перегаром, тонкая рука, вцепившаяся в ворот Омана, дрожала от нетерпения.

Оман больше не колебался. Ему отлично были известны честолюбие и властолюбие царевича, он всегда старался развивать в нем эти склонности.

«Разве все великие деяния не зиждутся на жажде власти и честолюбии?» — думал Оман.

— Ты будешь царствовать! Я помогу тебе... А затем — мы вместе добьемся расцвета Кахети. Сядь, послушай... Основательно продумай все, что я тебе скажу, и сразу же забудь, словно ничего и не слышал.

Оман усадил царевича на постели, а сам встал у изголовья.

— Один из царевичей непременно должен поехать заложником в Стамбул!

— Да... Знаю... Я слыхал — едет Георгий...

— Фархад-паша на это не согласен... Ему нужен совершеннолетний царевич. Одному из вас — тебе или Ираклию придется «поссориться» с отцом и бежать в Стамбул.

— Не понимаю, — дрожащим голосом воскликнул Давид.

— Поссориться — для отвода глаз... Беглец объявит себя претендентом на кахетинский престол... Так нужно... Чтобы в Иране и в России ничего не заподозрили. В Стамбуле царевича примут как желанного гостя... Но на самом деле он на-

веки теряет и Кахети и царский венец. Думаю, что и жить ему доведется недолго!

— Понимаю... Георгий не подошел... Теперь мой черед, — почти беззвучно прошептал Давид.

— Если ты заболеешь... — И Оман красноречиво поглядел на чашу.

— Если я... заболею... значит,—Ираклий? — казалось, Давид настойчиво вопрошал самого себя... — Если я тяжело заболею?

— Тогда ты станешь наследником престола. — Оман направил блуждающую мысль Давида в нужное русло.

— Значит, останусь я один, — царевич соображал быстро, но растягивал слова, как бы договаривая в промежутках между словами недосказанное. — Значит... или я... или — он!..

У Давида кружилась голова, его мучила жажда... Он протянул руку к чаше, но тотчас отдернул ее, как ужаленный.

— Когда? Когда должно реши... — тут он прикусил губу торчащим клыком, оборвал речь на полуслове, переиначил вопрос: — Когда я должен выпить?

— Сейчас! Завтра вечером, когда на левом берегу Куры загремят пушки, ты должен быть тяжело болен! Иначе тебя посадят на плот для переправы.

— На плот?! — Давид вскочил, пошатнулся, словно уже ступил на плот... Скосил глаза, оглядываясь вокруг. — А они ничего не заподозрят?

— Кроме нас двоих, никто ничего не будет знать... Все поверят, что ты тяжело болен... Никому не известно, что турки отказались брать Георгия... Я посол, приехал сообщить об этом... Остальное — мое дело! Но отца нужно заранее предупредить о болезни. Нет, лучше мать! — решил Оман. Значит, времени остается в обрез. Я поеду шагом и пока доберусь до царского лагеря, там должны уже знать о твоем тяжелом состоянии.

Давид зарылся лицом в подушку.

— Оставь меня одного! Мне надо подумать! — но тут же снова вскочил, и подбежал к Оману: — А что ты потребуешь от меня взамен?

— Когда ты будешь царем... Когда-нибудь... я попрошу, чтобы ты вернул мне звание эристава и вручил мне войско... Первое знамя... Но об этом — в другой раз. А сейчас — ты должен выпить чашу в моем присутствии! Я отвечаю за твою жизнь перед царем и перед нашим грядущим! — успокоил вос-

питанника Оман, и предупредил: — Тебя будет бить лихорадка, поднимется жар, но ты не пугайся. Требуй, чтобы тебя перевезли в Греми... Окружи себя лекарями; не раздумывай — ступить на плот, там, на Куре, гораздо опасней! Лучше уж прямо в воду. Итак, выбирай — престол или плот!

Последние слова окончательно сломили Давида. Он схватил чашу и залпом выпил ее до дна.

Питье походило по вкусу на старое вино, только казалось чуть тронутым плесенью.

Давид с удивлением оглянулся на Омана и вдруг ему показалось, что все это сон, сон, навеянный вчерашним хмелем. Но увидев, как Оман, готовясь уйти, закутал лицо, царевич понял, что действует не во сне, а наяву.

Теперь оба они были заговорщиками.

— Помни, никто не должен знать о моем приезде! — вторично предупредил царевича Оман.

— А как... Сторож? — Давидом вновь овладели подозрения.

— Не тревожься, он — забудет! — Оман, не попрощавшись, прикрыл дверь и спустился по лестнице. По ступенькам тянулся мокрый след от его ног. «До утра высохнет» — подумал он и проведя сторожа через потайную дверь, направился к лесу, который в этот ранний, предрассветный час казался темно-зеленым.

Сторож придержал стремя, помог господину сесть в седло. Вдруг Оман неожиданно замахнулся мечом, и рассек слугу по самую грудь... Затем отбросил труп в сторону и скрылся в чаще.

В полдень Оман был опять на другом берегу Куры. Он спешился, пустил коня на траву, а сам в изнеможении свалился, как подкошенный, и заснул.

В грузинском лагере с нетерпением ожидали возвращения Омана из Ганджи, а со стороны Алазани, — приезда отца Зосимэ и царевича Георгия.

— Никого не видно? — часто справлялся Александр у дозорных. Но дорога была пустынна.

Вечером появился гонец от царицы. Мариам извещала супруга о болезни Давида.

«Оказывается, уже неделя, как у царевича возобновились обмороки и лихорадка. Давид в очень тяжелом состоянии. Его везут в Греми на носилках... А тут еще и Георгия отец

Зосимэ увозит куда-то...» — дальше Александр не в силах был читать. Видно, и у матери дрогнула рука, — а у отца строчки заплясали перед глазами. Царь вызвал к себе царевича Ираклия, рассказал ему обо всем, и вместе с лекарем Манасэ Джигаури, находившимся при войске, послал его к Давиду.

— Может, еще застанете его в Упадари... Или нагоните в пути... Узнай все точно и поскорее возвращайся, сообщи, что за новая беда обрушилась на нашу голову!

Оман Чолокашвили появился в лагере лишь к вечеру. Он привез дурные вести: турки не согласны взять малолетнего царевича Георгия в заложники... Обо всем остальном с Фархад-пашой удалось договориться... Надо искать выход! Положение бедственное. Оман закончил рассказ и сел.

Большой совет затянулся до полуночи. Кахетинцы так и не сумели прийти к решению. Тогда опять заговорил Оман:

— Отцу одинаково дороги все сыновья... Но надо искать спасение! Если государь — отец царевича Давида, то я, горемычный, его воспитатель... Царевич Ираклий — наследник и оплот престола... Значит, — Оман замолк, окинул собравшихся взглядом, посмотрел и на Александра, ударил себя в грудь кулаком и склонился, — черный жребий достался моему воспитаннику! Он должен спасти всех нас... Я сам отправлюсь в Упадари... Объявлю ему о нашем решении... Всем вам известна готовность царевича к самопожертвованию. Он не замедлит явиться. Я сам буду сопровождать его — отвезу к Фархад-паше и даже, в Стамбул. Иного выхода нет! — Оман передохнул и продолжал уже более тихим голосом: — Один лишь государь, отец царевича, может понять, что творится у меня в душе. Мне выпала тяжкая доля сказать горькие слова за всех.

Один Александр знал, как горьки эти слова — не все было ведомо высокородным. Они и не подозревали, что царевич Давид опасно занемог. Нет, будь он здоров, царь несомненно первым пришел бы к верному решению... Иного пути действительно не было... Но теперь, когда он болен... Значит, остался один лишь Ираклий — наследник и опора царского трона!

Была и еще одна тайная причина для колебаний. Александр не мог полностью положиться на Омана Чолокашвили. Не особенно надеялся он и на высокие нравственные устои своего своенравного сына Давида. «Оман сам хочет сопровождать царевича? А что, если Давид и впрямь окажется отступником? Но мне ведь больше некого посылать в Стамбул! Что это за

хворь на него напала? Может быть, преувеличены материнские страхи и Давид успеет поправиться, если Фархад-паша даст нам хоть немножко времени. Но я не позволю этой облезлой лисице ехать с ним в Стамбул, он способен подстроить нам какую-нибудь пакость!»

— Иного выхода нет! Оман прав! — заключил Александр, — и как это ни трудно для отца и воспитателя, нам остается лишь поддерживать друг друга в беде. Мой Оман, завтра ты вернешься в Ганджу, и сообщишь Фархаду о нашем решении. Потребуй у него времени, чтобы царевич Давид, мог подготовиться к отъезду.

— Завтра вечером сам Фархад-паша пожалует на берег Куры, в турецкий лагерь. К этому времени мы должны сообщить полководцу наш окончательный ответ. Иначе... — паша изволил даже пригрозить нам пушками, — негромко проговорил Оман, пристально вглядываясь в лицо Александра. Он никак не мог понять — знает тот о недуге царевича Давида, или нет? «Знает — потому и просит отсрочки! Нет, не знает, иначе послал бы меня к больному». Но лицо Александра было совершенно бесстрастно.

В царский шатер вошли царевич Ираклий и отец Зосимэ. А Георгий остался снаружи, так как был несовершеннолетним, и к тому же, по не писаному, но строго соблюдаемому правилу, заложник не мог присутствовать на царском совете. Только в исключительных случаях царь соглашался нарушить это правило.

Царевич Ираклий предстал с потемневшим лицом перед Александром.

— Государь! Брат мой Георгий просит разрешения присутствовать на царском совете.

— Сначала скажи, как здоровье царевича Давида? — Александр повернулся к сыну всем корпусом.

«Знает!» — У Омана бешено забилась жила на виске.

— Государь и отец мой! — упавшим голосом начал Ираклий. Александр все понял и вздрогнул. Сердце его сжалось. «Если не Давид, то... Остается один Ираклий!»

— Говори... Мы тебя слушаем...

— Давид при смерти... Врачи говорят, что дни его сочтены, — в голосе Ираклия слышались слезы.

— Что с ним? Отчего? — заговорили разом все члены совета, повскакали с мест, зашумели.

Наиболее потрясенным казался Оман Чолокашвили. Это

было естественно. Но Ираклия поразило нескрываемое отчаяние всех присутствующих.

«Отец — это понятно... И Оман тоже... Но что же происходит с обычно сдержанным Шермазаном? Ведь он, кажется, всегда недолюбливал Давида... Да и все остальные...» Ираклий знал, что многие из высокородных не особенно жаловали резкого и вспыльчивого царевича Давида. А между тем всеобщая скорбь была совершенно искренней.

Вскоре общее волнение сменилось растерянностью...

— Что это за проклятье на нашу голову?

— Что теперь предпринять? Где искать спасения? — зашептались в шатре.

Ираклий недоуменно взглянул на отца, но тот отвел глаза. Царевич видел, как подрагивают брови на помрачневшем лице Александра. Он поглядел вокруг. Все присутствующие смотрели на него так, словно видят сегодня впервые. И каждый, на ком он ни останавливал взгляд, виновато отводил глаза. Казалось, от него скрывают нечто важное, необычайное...

— Когда заболел Давид? — неожиданно спросил царь и метнул взгляд на Омана. Взгляд этот стегнул Омана, как удар кнута, но слух тотчас его успокоил.

— Оказывается, уже неделя, как ему худо. Но Давид, надеясь на скорое выздоровление, не хотел никого беспокоить в столь трудное время.

— Где он? Я навещу его лично.

— И меня возьмите с собой, государь! — подступил к царю Оман.

— Царевича на носилках везут в Греми... Мы нагнали их в пути. Я оставил с ним лекаря Манасэ, — вдруг Ираклию показалось, что ему не верят, что все почему-то сомневаются в его словах... И отец, и члены совета... Растерянный он обернулся к хранившему молчание отцу Зосимэ. — Вот и святой отец сам видел! — добавил царевич.

Все устремили взгляд на старца.

Зосимэ понял, что дело здесь не в болезни Давида, случилось нечто более значительное и страшное. Он осторожно взвесил свой ответ:

— Царевич Давид в очень тяжелом состоянии, но с божьей помощью можно надеяться на его выздоровление.

Слова Зосимэ произвели еще более тягостное впечатление.

— Но ведь он не успеет поправиться до завтрашнего вечера! — вырвалось у кого-то.

Наступила тишина.

— Государь, царевич Георгий стоит у входа в шатер и просит позволения присутствовать на царском совете! — вновь напомнил Ираклий.

— Пусть войдет! — не поднимая головы, глухо ответил Александр, и, когда Георгий предстал перед отцом, царь померкшими глазами уставился на своего любимого сына. Вот он, его надежда. Как вырос юный царевич! Отец даже не заметил, как некогда склонный к полноте, ширококостный мальчик превратился в гибкого, стройного юношу с непокорным вихром на лбу. У него большие-большие материнские глаза, умные и печальные, но светящиеся мужеством. Высокий лоб, стройная шея, и еще по-детски нежные щеки, лишенные растительности. Вот стоит перед ним сын, окрещенный некогда в честь первой победы, а теперь он знаменует для царя лишь неминуемое поражение и погибель. Сперва Александр горевал, что жертвует сыном, отправляет его в заложники, и сердце отца страдало. А теперь приходится ломать голову из-за того, что Георгий слишком мал, и не годится в заложники. Болезнь Давида спутала всю игру. Что же делать? Отдать туркам наследника престола? Выращенного им будущего правителя страны, своего помощника и опору? Если сегодня гнев божий поразит царя кахов, — рядом с ним есть всеми признанный наследник, исполненный высоких нравственных достоинств. Он возглавит их род, продолжит дело, начатое предками. Можно ли из-за Давида делать престол и страну игрушкой судьбы? Но сейчас и Давиду плохо, неизвестно еще, каков будет исход его болезни.

«Боже! Чем я так провинился перед тобой?!»

Младший сын царя, Георгий, стоит перед ним... Но в глазах смятенного отца мелькают, сменяя друг друга, бледный лик его меньшого, Георгия, грустное лицо Ираклия и потный, горячечный лоб Давида, его болезненный оскал и торчащий изо рта клык.

— Государь и отец мой! Высокородные господа! Я готов подчиниться вашему решению, готов служить родине сообразно вашей воле! Отец Зосимэ мне все сообщил! — тихим, но твердым голосом произнес Георгий.

Слова эти вконец растравили Александра. Он почти что с ненавистью взглянул на своего любимого сына... Вскочил, как ужаленный...

Все встали. Казалось, потолок в шатре стал ниже, навис

над головами. И сам шатер сделался как-то меньше, тесней... А Александру он показался вдруг кельей в Борбало. Вон там стоит отец Зосимэ... Иконы... Жребий перед иконами... Выбор святыни... Один уже уехал... А теперь... Видно, и святыне свойственно коварство! И мстительность! Как же иначе это назвать? Что придумать? Как найти выход?

Александр вздрогнул... Дрогнули и заколебались и шатер, и члены совета, и привидевшаяся вдали пещерная келья.

Царь шагнул вперед, зашатался. Ираклий бросился к нему. Прикосновение сильной сыновней руки еще больше взволновало отца, но также и заставило прийти в себя.

Члены совета скорбно взирали на потрясенного царя и его наследника.

Оман, стоявший тут же, в уголке, пытливо наблюдал за происходящим и думал о своем:

«Вот теперь все видно, все теперь видно по лицу царя!»

Оман знал лучше всех, что сегодняшний наследник и соправитель Ираклий завтра станет заложником... Он уже обречен.

Огромным усилием воли Александр взял себя в руки, снова обрел твердость. Окинул всех грозным, орлиным взором, заставившим многих оцепенеть, и объявил, отчеканивая слова:

— Пора на отдых, высокородные! Завтра нас ждут новые совещания и многотрудные дела! Сегодня приказываю всем не покидать лагеря! Оман! Завтра поедешь к Давиду... А в посольство на этот раз отправится Горджасп Эндроникашвили. Завтра на совете или после совета я сообщу всем свое решение! Спокойной ночи!

«Догадался или нет? А что если пронюхал? Нет, это невозможно! Кажется, мой план удался!» — размышлял, выходя из царского шатра, Оман Чолокашвили.

Царь не спал всю ночь. Он успел переговорить наедине со многими, иным дал поручения. Созвал всех военачальников, приказал завтра к вечеру быть в полной боевой готовности. Велел явиться на берег Куры также епископам — предводителям войск. Разослал моуравов, чтобы собрали новое ополчение — «с шапки по человеку», всех мужчин поголовно.

Вместе с тем царь наметил тайный план — определил, где в случае опасности укрыться людям.

Покончив со всем этим, Александр призвал Джандиери.

— Поезжай в Упадари. Выясни, не может ли быть, что

Давида отравили. Он пил худое вино — так заключил Джи. гаури.

В трудах и заботах миновала ночь.

А на рассвете Александру сообщили, что царевич Ираклий нарушил строгий запрет и умчался на коне из лагеря. Никто не мог его удержать, и неизвестно, где он находится в данное время.

Пришел черед призвать на помощь отца Зосимэ.

— Неужели ты дал мне познать сладость высокой нравственности лишь затем, чтобы я подвергся из-за нее столь горьким испытаниям?

Старец молчал.

— Разве ты внушил мне веру в святыню для того, чтобы она распяла меня на кресте?

Зосимэ продолжал хранить молчание.

Тут Александр, казалось, поборол себя и продолжал уже иным, нарочито спокойным тоном:

— Кого посоветуешь послать в Стамбул? Константин в Иране... Георгия турки не хотят... Давид лежит на смертном одре... Ираклий куда-то скрылся. Я готов ехать сам! Иначе Кахети будет разгромлена, разорена... Кахети, Алазанский край, уцелевший ценою таких усилий...

— Не мне советовать, кого посылать в Стамбул... А вот в Иерусалим советую отправить высоконравственного и достойнейшего... Он сможет быть нравственным оплотом и духовным пастырем того, кто поедет в Стамбул — по твоей ли воле или в самом деле отступившись от отца...

— Кого ты имеешь в виду?

— Николоза, епископа Руставского и Марткобского.

— Моего брата? Нико-Хосро? Скорее пошлите за ним. Я дам ему для Иерусалима богатые вклады... Пусть поможет грузинским храмам в святых местах... И за Стамбулом... Но кто же? Кто поедет в Стамбул? — снова крикнул царь вслед уходящему старцу.

Уже светало. Александр еле держался на ногах.

Если б хоть царица Мариам была рядом! Она поняла бы его сердцем... Чутьем...

Царь снова вскочил и отдернул полог шатра.

— Георгия! — Но прежде чем царь успел опустить полу, Георгий, бледный, с красными от бессонницы глазами, предстал перед ним.

— Я здесь, отец!

Александр понял, что царевич не отходил от его шатра.

— Во всем виноват я... Что же мне делать? Я скоро вырасту, и тогда не пожалею себя.

Отец притянул к себе сына, оперся на него... Подвел к тахте, усадил. А сам прилег на постель и устало проговорил:

— Знаю... Ты не изменишь мне! Мы крещены в одной купели, и путь у нас, наверно, тоже один!

Потом голова царя упала на подушку, и он задремал.

Георгий, не двигаясь, сидел у изголовья отца и молча, без слез, рыдал. И у царя в уголке левого глаза застыла слезинка — след усталости или горя.

А за шатром уже собирались на утренний совет сановники и военачальники.

Царевич Ираклий мчался по окутанной сумерками чаще, не разбирая дороги. Колючий кустарник, росший на звериных тропах, царапал ему лицо и руки. Свисающие ветви хватали за полы одежды. Конь грудью рассекал заросли, взлетая на кручи, перескакивая через ручьи.

После совета Ираклий узнал от Зазы все. Тогда только понял он, почему на совете никто не решался смотреть ему в глаза, — в первую очередь, его собственный отец...

Сердце и разум его словно разъединились... Он не в силах был больше соображать... Ни на кого не обращая внимания, Ираклий вскочил на коня и вот, мчался теперь по лесу, не разбирая дороги.

Царевич не знает уже — где Кахети, где Турция. Изменилась его судьба, переместились и страны света. Рассудок говорит одно, чутье подсказывает другое, сердце твердит третье. Которому из них поверить? Ираклий мчится между трех рек... Вот она — Иори... Теплая, медлительная, сладко журчащая... Небольшая. И не так уж глубокая... Затаившаяся меж лесистых берегов... Переправляясь вброд, можно наклониться и, не спешиваясь, зачерпнуть горстью воду. Пальцы его тотчас узнают воду Иори, теплую и ласковую.

...И снова несется конь, не разбирая дороги... Снова заросли ежевики, купы гранатовых деревьев, колыхание лесных смоковниц, терпкий запах айвы... Снова река. Но эта побольше, спокойнее, медлительнее. Вода ее так приятна на вкус... Она доходит ему до самого седла, но как-то по-родственному приятно ласкает его колени... Так мать-олениха облизывает оленёнка своим шершавым языком. Ни конь, ни всадник не

боятся воды... Ведь это — Алазани! Благостная мать всей Кахети. Приемная мать каждого исстрадавшегося грузина... А тем более кахетинского царевича...

И вновь торопит царевич мысли свои и коня... Опять его задевают ветви и листья граната и плюща. Корни дубов и лип цепляются за него, пытаются остановить, а иногда, напротив, — заставляют стремиться вперед... Как бы подгоняют коня и мысль. Куда они его посылают? Зачем удерживают? Что это за кружение по лесам?

И снова высокий берег... Веет прохладный ветерок... Вокруг обширное, розовеющее пространство. А вот и прибрежная полоса... Рокот струй... Ираклий опять выехал к реке! Что это он описывает круги, — как будто журавль с перебитым крылом вертится на одной ноге? Что за наваждение напало на скакуна и на его злосчастного всадника!

Снова шпоры, снова прыжок... Пляска в воде... Волна доплеснулась до седла... Хлестнула коня по загривку... За ней другая, глубинная, резвая волна. Лошадь пустилась вплавь... Гордо выбрасывает вверх породистые ноги. Всадник обнимает потную шею коня, зарывается лицом в гриву. Вода стекает по его груди... И, кажется, это приносит царевичу облегчение.

Здесь вода прохладнее. Река гораздо шире. Это — Кура! Мткварн, скорбящая мать всей Грузии! Заступница царского сына из рода Багратиони.

Скорей! Летит конь, за ним устремляется мысль... Бежит беглец от своей судьбы, и кружит обреченно у слияния трех рек, возле места их встречи!

Все смешалось в чаще, окутанной полутьмой и печалью: чутье — или Иори, сердце — или Алазани, мысль — или Кура!

На рассвете лошадь под царевичем пала. Словно отломленная ветвь смоковницы, грохнулась она оземь.

Ираклий продолжал идти пешком. Теперь он ближе, непосредственнее ощущал родную землю. Место слияния трех рек... Растения, напоенные ароматом, отягченные плодами... Леса, полные зверей и птиц.. Склоны, расшитые журчащими ручьями.

Он поднялся на небольшой холм. Вокруг расстилался ковер мягкой муравы, царил запах земляники. На травинках покачивались хрустальные подвески — капельки росы, и в их сиянии, казалось, восходили тысячи солнц.

Ираклий растерянно поглядел на небо. Рассветный луч ослепил его. И там, далеко, в вышине, на белых вершинах

Кавкасиони, тоже зажглись тысячи солнечных лучей. Где-то, то ли в мыслях, то ли в слепящих лучах, возникла горная часовенка святого Георгия... Оленьи и турьи рога... Квохтанье и трепыхание тетерева. Тихий звон колокольчиков на хоругвях... Томный, похожий на мерцание свечи, тайный взгляд... Красные, словно лапки тетерева, сафьяновые башмачки... Точеные хрустальные пальцы...

И вдруг, черно-белая туча, — а может, это был оползень, обвал, — затмила все вокруг, смела все на своем пути, задержала бег сердца, убила грезы, бросила царевича лицом вниз на траву.

Долго лежал неподвижно Ираклий, пока росистые трилистники клевера не охладили его пылающий лоб и щеки. Тогда, собравшись с силами, царевич встал, поглядел на поля, простирающиеся за устьем... На виноградники и нивы, крепости и сторожевые башни, храмы и монастыри, города и деревни. Все охватил он взором. Что — просто глазом, а что — внутренним оком, внезапно прозревшим сердцем.

И опять доверился сердцу, зашагал вперед, как в бреду... Шел, лаская рукой стройные тополя и вязы, мохнатые липы и клены, шелестящие дубы и чинары, буки со свисающими в них гроздьями вьющейся чихрицы, каштаны, ольху и ивы, обвитые плющом и диким виноградом. Он продирался сквозь колючие заросли гранатов и ежевики.

Куладжа его превратилась в лохмотья, оборвалась оторочка из русских соболей, износились иранские полусапожки из красного сафьяна... Разорвался ворот горского архалука, и отлетели застежки... Но царевич продолжал идти вперед... Не разбирая пути, не ведая цели... Куда же? В Греми? Но это бесчестно! Вернуться в лагерь... К отцу, к войску, к людям! Но это ведь означает... Ираклий отлично знал, что его ждет! Но это бегство из лагеря в леса... Что это? Зачем?

Зачем же все-таки плутает он по бездорожью?

По велению сердца устремился он в путь, и теперь идет — туда, куда приведет его сердце.

Солнце уже давно пересекло полуденную черту. А царевич все идет и идет. Он даже не ощущает усталости! Так и шел бы без конца по родимым лесам меж трех рек... Он мог бы всю жизнь свою провести в пути, пройти так весь свой жизненный путь... Но тщетны его мечты.

Больше он нигде не останавливается. Разве что изредка прильнет к роднику, журчащему в лесу. В каждой капле на-

ходит царевич аромат лесной чащи, и сердце все зовет его вперед и вперед. Ираклий сражается со своим роком, и в то же время покорно склоняет перед ним голову... В нем назревает решение, более величественное и непреклонное, более важное, чем собственная его судьба.

И вот уже все окружающее больше не мешало его стремлению вперед, а напротив, как бы даже способствовало ему.

Могучие деревья склоняли перед ним ветви, похожие на развернутые знамена, кустарники и чащобы покорно раскрывали царевичу свое лоно, стлались мягким ковром под ноги сухие и свежие листья. Прозрачные покрывала желтинника, бахромчатые платки хмеля и вьюнка колыхались перед путником. Колючий терновник прятал свои иглы, расступаясь перед тем, кому и без того был уготован тернистый путь.

...И когда под вечер за рекой грянула первая пушка, Ираклий оказался совсем близко от лагеря, из которого бежал вчера вечером без пути-следа, ни о чем не думая. Но вчера это был гордый, мятежный царевич, а сегодня вышел из чащи печальный скиталец, облаченный в лохмотья и траур.

При звуке выстрела он остановился... Ираклий знал, какой жертвы требует от него этот зловещий гром, донесшийся с дальнего берега. Знал и все-таки шел, шел и считал выстрелы, как тяжелые шаги своей судьбы.

Грузины еще с утра заметили приготовления на правом берегу. Когда ветер менял направление, отчетливо было слышно, как там валят деревья — множество деревьев. Шум падения каждого нового могучего ствола вызывал болезненный отклик в сердцах кахетинцев.

— Готовятся!

— Вяжут плоты! Пересекут Куру... И пушки перевезут! — шептались перед шатром военачальники и высокородные.

А Александр медлил с созывом совета. Ему нечего было сказать. Царь велел военачальникам готовиться к сражению, но сам он не верил в свои силы...

Совет потребовал бы у царя принесения в жертву царевича Ираклия, но тот бежал из лагеря. Неужели он, отец, ошибся в своем первенце, и нет в Ираклии ни твердости духа, ни силы воли, ни сознания своего долга? Александр сердился на себя за то, что не мог избавиться от пристрастия. Он не мог заставить свое сердце осудить Ираклия, но не мог и простить сыну малодушие. Впервые в жизни Александр отдался

безвольно течению времени и событий... Как упавшее в воду дерево, подхваченное вышедшей из берегов рекой. И вот его царство покачивалось на волнах Куры, как плот без кормчего, и плыло по течению. А на другом берегу валили деревья для иного плота. Потом послышались крики и отдельные выстрелы.

— Фархад-паша пожаловал в лагерь! — шепнул царю Оман Чолокашвили. — А мы даже не посетили царевича Давида, не знаем, в каком он состоянии!

Прибытие паши в лагерь вскоре подтвердилось: турки поставили на холме богатый шатер сардару.

Шермазан осмелился побеспокоить царя, доложил ему об этом.

Больше нельзя было медлить — Александр приказал созвать совет.

Царский совет походил на этот раз на нескончаемое кружение молотильных досок по гумну. Скорбно взирал царь на своих соратников. Здесь собрались высокородные князья, первые сановники государства, и все говорили о самопожертвовании. То и дело выглядывали они из шатра, грозили кулаками туркам на другом берегу... А многих около их шатра уже ожидали оседланные кони.

Епископы — предводители войск, а с ними и престарелый митрополит Алавердский, также были здесь, но они больше надеялись на крест и иконы, чем на оружие. На совете присутствовал и прибывший прошлой ночью Кайхосро-Николоз, епископ Руставский и Марткобский. Он сидел рядом с отцом Зосимэ, и чем больше проходило времени, тем сильнее, казалось, серебрились его волосы, он словно седел на глазах у всех и чем-то неприметным в осанке все более уподоблялся не своему венценосному брату, а старцу-монаху.

В шатре находились облеченные властью старейшины Кахети, радетели, пекущиеся о ее благе... Но Александр чувствовал себя совершенно одиноким. Рядом с ним не было ни одного царевича — он отослал и Георгия, ибо сердце отца не могло вынести, чтобы сын его присутствовал на этом совете.

В шатре было тесно и душно. Члены совета походили на людей, попавших в тупик. Александр знал—такое же настроение царит в войске — в засеках, укрытиях, тайниках... Растерянность вождей передавалась и простым воинам.

Царь приглядывался, слушал совещавшихся. Вот сейчас говорит Нико-Хосро:

— Я готов, государь и уважаемые члены совета, пред-

стать с богатыми дарами перед Фархад-пашой... А затем посетить Стамбул и, если пожелает того господь, Иерусалим и другие святые места... Я берусь возглавить посольство на тот берег Куры и вести трудные эти переговоры. Я тоже, как ведомо вам, некогда носил имя Багратиони! Возьму с собой царевича Георгия, — степенно и просто говорил старец-епископ в веригах из цепей, — сообщу иноземному полководцу о тяжелом недуге, сковавшем царевича Давида... Попрошу отсрочки... До выздоровления больного мы с Георгием останемся в лагере Фархад-паши или в ином месте, где он пожелает. Когда же царевич Давид отправится в Стамбул, я последую за ним. Да будет нам хранителем господь!

— Аминь! — заключил отец Зосимэ.

— Аминь! — повторили за ним и другие.

Александр ухватился за это предложение.

— А вы что скажете? Как посмотрит Фархад-паша на подобный шаг? Даст ли нам срок? Примет ли послов? — настойчиво спрашивал царь каждого, но в душе сомневался в возможности этого. Будь Александр на месте Фархад-паши, он не поверил бы в болезнь Давида и не принял бы подобного посольства. Все это походило на какую-то жестокую игру... Разве сыновья его шахматные фигуры, чтобы переставлять их то взад, то вперед, менять местами... Но как быть иначе?

Собравшиеся в шатре хранили молчание.

— Что скажешь, Оман? Дадут они срок? — царь обратился непосредственно к бывшему послу. Но тут с турецкого берега ударила пушка. Ядро пронеслось где-то над верхушкой шатра и упало в лесу.

— Вот и ответ! — проговорил Оман. — Что мне добавить? Я надеялся на моего воспитанника... На мое горе, он заболел! Если б я мог свидеться с ним. Я верю, что царевич встал бы со смертного одра и пошел бы за мной, чтобы пожертвовать собой ради отчизны. Но если нет у нас больше совершеннолетних царевичей, остается лишь подставить грудь пушкам и дорого продать свою жизнь!

Второе ядро турок упало ближе, но все-таки чуть в стороне от шатра. Что же до ядра, выпущенного Оманом, то оно поразило царя в самое сердце. Но хуже всего, что между ним и собравшимися в шатре мужами совета возникло отчуждение, разлад — рухнул некий невидимый мост, и теперь люди, сидящие в одном шатре, оказались как бы на разных берегах, разделенные потоком.

Царь уже не прислушивался к длинной и благочестивой проповеди Алавердели, не обращал внимания на движение, начавшееся вокруг шатра.

А на турецкой стороне продолжали греметь пушки. Ядра летели с воем, ударялись о берег. Вскоре турки спустили на воду плоты. Ободранные стволы казались Александру издали телами погибших кахетинских воинов. Гул пушек был последним предупреждением. Сегодня турки еще ожидали заложника... А завтра утром турецкое войско переплывет Куру и — прощай Иорско-Алазанская долина!

Турки, видимо, уже знали, где находилась главная стоянка грузин. Ядра падали все ближе и ближе, мужи совета тревожились все сильней.

— Где же он? Где? — Черной кошкой перебегал от уст к устам настойчивый шепот. — Неужели, и этот заболел? Или скрылся? Убежал, чтобы спастись? Где он? Где?

Одно из ядер угодило в осину, склонившуюся над шатром, и расщепило ее надвое. Ветви осины коснулись поднятой полы шатра, и она опустилась. В шатре стало темно.

Все, кроме Александра, вскочили с мест.

— Сядьте, сохраняйте спокойствие! — обратился к своим советникам царь, но его не слушали.

— Где он? — уже громко крикнул кто-то. — Мы сидим здесь под ядрами, а он скрывается!

— Действительно — где же он?

Зашумели многие в полутьме шатра. Никто не называл царевича по имени, но всем было ясно, кого имеют в виду.

— На что это похоже? Во время такого бедствия? Где же он в самом деле?

— Я здесь! — прозвучал твердый и неторопливый ответ.

Все взоры обратились к входу в шатер.

Под поднятой полой шатра стоял одетый по-праздничному царевич Ираклий. Он знал, что все ожидают его, и сердцем понял — не избежать ему своей участи. Да и самый уход его из лагеря был не бегством, не изменой, не трусостью! Нет, одна лишь любовь, бескорыстная любовь гнала его вперед.

И он ускакал в леса, как в старину, вырвался на волю, насытил взор, приласкал все, со всем тайком попрощался. С Иори... С Алазани... И с Курой... С далеким Кавкасиони, взметнувшимся ввысь, с Цив-Гомборским хребтом, и с прекраснейшей Алазанской долиной... С пленительными виноградниками и с горделивыми орешниками... С дремучими лесами и

зеленеющими нивами... Он коснулся всего рукою и взглядом... Оставил там траур своего одеяния и частицу сердца. И пришел туда, куда его звал долг... Все, что он любил, все, о чем тосковал, что подобно корням, ушедшим глубоко в землю, связывало его с родным народом, что было впитано вместе с материнским молоком, видено и перечувствованно за всю его жизнь — все призывало его к исполнению этого сурового и скорбного долга. И вот, празднично одетый, царевич стоит перед советом. Да, в этом самом наряде он был и в день своего тайного обручения там, в горах... И вот, теперь... Теперь он словно собирается на пышную свадьбу!

— Сядьте, почтеннейшие! — неторопливо, с достоинством повторил он слова отца, и на этот раз, в его устах слова эти прозвучали как приказ, не допускающий ослушания. Все тотчас сели. Только Александр встал... Встал во весь рост... И стал как бы сразу выше ростом... Ведь это его первенец пришел сам, по зову собственного сердца, пришел исполнить свой долг — и в какой суровый час!

Александр почувствовал, как бешено забилась жила у него на виске. Он ничего не смог вымолвить и лишь отошел в сторону, уступая сыну царское место.

— Как наследник и соправитель царя кахетинского, я прошу всех вас сохранять мужество. За реку, к Фархад-паше, я отправлюсь сам. Поеду и к султану Мураду, в далекий Стамбул. Приказываю, тем кому надлежит, к вечеру снарядить плот! Посольство, я полагаю, уже подготовлено? — И Ираклий взглянул на отца.

— Все готово, сын мой.

Ираклий внимательно просмотрел поданный ему отцом свиток.

Вдруг Оман Чолокашвили вскочил с места и бросился к ногам Ираклия:

— И меня возьмите с собой, великодушный царевич! Я буду служить вам верой и правдой! — И он спрятал лицо в руках.

В возгласе Омана были и изумление, и радость, а может, и чувство запоздалого сожаления...

— Нет! Присмотри лучше за моим больным братом. Быть может, сумеешь облегчить его страдания. Я возьму с собой лишь епископа Руставского и Марткобского и азнаура Зазу Кахниаури. Да еще одного-двух конюхов и слуг. Осталь-

ные останутся здесь. «Беглецу» не подобает путешествовать с большой свитой.

Ираклий отложил свиток в сторону и подал знак.

— Теперь время каждому заняться своим делом. А мне пусть окажут честь своим присутствием: митрополит Алавердский, отец Зосимэ, епископы-предводители войск, славный полководец Шермазан и царевич Георгий.

Члены совета лишь теперь заметили, что у входа в шатер стоял заплаканный царевич Георгий. Это он обрядил «к свадьбе» своего любимого старшего брата.

Медленно, почти что волоча ноги, шли высокородные к выходу, не сводя зачарованного взгляда с царевича. Наконец в шатре, кроме царя, остались лишь те, кого назвал Ираклий.

— Прости мне эту слабость, отец, но... И ты тоже. Не гневайся на меня.

— Мне ли тебя прощать, мой сын! — Александр стремительным, но неровным шагом удалился к себе.

Ираклия взволновал разговор с отцом, но как только царь вышел из шатра, он вновь обрел прежнее спокойствие.

— Георгий, принеси икону преосвященному!

Царевич Георгий выступил вперед и подал Алавердели боевую икону кахетинских царей, обернутую златотканым покрывалом.

Алавердели развернул образ, истово приложился к нему и прижал его к своей груди, ликом наружу.

— Клянусь, что никогда не изменю своей вере и своей отчизне! Никогда не предам своих соотечественников. Никогда и ни за что.

Все слушали в молчании. Никто даже не молвил «Аминь!»

Волнение постепенно овладевало Ираклием. Он запинался, ища нужные слова, торопился, комкал и сокращал свою клятву.

— Клянусь... Никогда и ни в чем не содействовать замыслам врагов... Не утратить страха божия и любви к отчизне ныне и присно... В том свидетель мне моя десница, творящая крестное знамение... — Ираклий перекрестился, приложился к иконе и обернулся к Георгию. — Давид болен... Тебе поручаю отца и отчизну, Георгий! — он обнял брата за плечи, заставил его преклонть колени и принести клятву, поцеловав образ. Затем повернулся и медленно, усталым шагом вышел из шатра.

Долго стояли в молчании вокруг иконы взволнованные до глубины души святые отцы и, наконец, откликнулись тихо:

— Аминь! Да услышит тебя господь!

Но Ираклия уже не было в шатре.

Он стоял на берегу Куры, глядел на турецкую сторону и шептал все новые и новые слова клятвы, те, что не досказал в шатре — клялся над рекой с не меньшей горячностью, чем там, над образом.

А сумерки поднимались вверх по реке, словно черный плот. Они как бы душили, поглощали говорливые волны...

Пушки молчали. Многочисленные «звезды» костров подступили к самой кромке берега и сверкали во мраке, похожие на волчьи глаза.

Вскоре мимо собравшегося на берегу реки грузинского войска проплыл вниз по течению озаренный факелами плот.

На плоту стоял с обнаженной головой царевич Ираклий, одетый в белую чоху. По бокам от него — Николоз Руставский и Марткобский и Заза Кахниаури; несколько слуг толпились сзади. На веслах сидели названые братья Ираклия, бывшие дружками на его обручении — два брата Вачнадзе.

Тут же на плоту нетерпеливо переминались и били копытом оседланные кони.

Кладь громоздилась двумя большими кучами — хурджины, узлы, ларцы, сундуки. Были тут дары для султана, Фархад-паши и других, были и богатые пожертвования, предназначенные для храмов и обителей в святых местах.

По берегу, провожая плот, шел царь Александр в сопровождении свиты и войска. Он был одет в темные одежды и в сумраке походил на призрак с воздетыми к небу руками.

У изгиба реки собралось духовенство и военачальники. Колыхались опущенные знамена, казалось, скорбящие матери свесили до земли свои лечаки; певчие вторили торопливой молитве Алавердели, и скорбный напев стлался над речной стремниной, как мрачная тень, отбрасываемая плотом.

Многие из воинов утирали слезы, вздыхали, колотили себя в грудь кулаками...

Мрак и печаль царили на левом берегу. С озаренного плота уже ничего не было видно. Слышался лишь протяжный, горестный напев.

— Затяните веселую, свадебную! Нельзя же так! Ведь и туркам слышно! — вскричал потрясенный Ираклий. — Бебур! Тамаз! Заза! Пойте, братья, как тогда в горах!

— Не получится свадебная, несчастный наш брат. Ничего не выйдет! — побратимы отвернулись и налегли на весла.

— Ну хоть песню плотовщиков, что ли... Что угодно, только не это!

Ираклий махнул рукой в сторону левого берега, откуда доносилось молитвенное пение, как отходная, провожавшая едущего на туретчину в последний путь.

Вот и правый берег. Турки сгрудились у самой реки. С нескрываемой радостью встретили они озаренный факелами плот.

Бебур понял, что творилось в душе у Ираклия. Он взял себя в руки, казалось, сердце у него окаменело. Он подал знак брату, Зазе и другим кахетинцам и принялся выводить на фоне их раскатистой, низкой вторы переливчатые узоры песни кахетинских плотовщиков.

ГЛАВА XXXVI

ГРАМОТА С ЗОЛОТОЙ ПЕЧАТЬЮ

Царица самолично ухаживала за больным, бодрствовала ночами у его ложа, позабыв о своих собственных недугах.

А Давиду было в самом деле очень плохо. Лекарям так и не удалось определить причину его болезни. Одни приписывали ее употреблению гашиша, другие — стоячей болотной воде и климату Упадари. Тот называл недуг царевича черной меланхолией, другой — особо тяжелой формой цинги.

Чего только ему не давали: корицу, растворенную в вине, отвар гранатовой корки и меда с желтком, шиповник и кизиловые косточки, растертые и настоенные на водке с перцем...

Давид болел долго. Выздоравливал и сваливался снова — и так без конца.

Кахети давно уже больше не грозило турецкое нашествие. Царевич Ираклий был в Стамбуле. Посольство «беглеца» принесло свои плоды. Фархад-паша не только не тронул Кахети, но и обошел ее стороной — переправился через Куру ниже по течению и направился к Дербенту шекинской дорогой. Добравшись до Тарки, он не стал возводить крепость на Тереке. Русские уже опередили его. К тому же, заранее предупрежденные

Александром казаки встретили пашу во всеоружии и показали ему меткость и мощь своих пушек. Фархад-паша решил избежать столкновения и вернулся назад, в Эрзерум.

Между Ираном и Турцией начались мирные переговоры. Шах Аббас был окончательно изгнан с Кавказа. Он предпочел уступить превосходящей силе и стал ждать своего часа. А Кахети, единственная среди иверских царств, кое-как уцелевшая и все еще сохранявшая некоторую самостоятельность, хоть и вступила под покровительство России, но стала также данницей Турции...

Давид все еще болел. Царица ухаживала за ним, не щадя сил и поставила-таки сына на ноги. Его болезнь словно даже помогла Мариам примириться с отъездом Ираклия. Лишь изредка, бывало, всплакнет царица:

— Где теперь мой Ираклий? Каково-то ему? — а потом с удвоенной самоотверженностью ухаживает за Давидом.

Одна беда помогла ей пережить другую. Но царица сильно сдала, вся истаяла.

Стан ее, начинавший было заметно полнеть, вновь стал тонким и хрупким,— но не так, как в юности. Статная Мариам как бы вся усохла и сморщилась. Увяла ее былая красота. Щеки избороздила сеть мелких морщинок. Некогда любительница украшений, она почти отказалась от них. Одни отдала своей девятилетней Нестан, другие — пожертвовала на восстановление церквей и храмов.

Изменились и отношения между супругами. Где-то в глубине души таили они недовольство друг другом.

Царь и царица встречались теперь разве что у ложа больного Давида. Александр читал в погасших глазах супруги молчаливый, но горький укор.

«Я родила и вырастила тебе чудесных сыновей... Что ты сделал с ними?»

Чем мог Александр оправдаться перед женой? Он понимал, что для сердца матери недостаточны такие основания, как «нужды государства» и «стечение обстоятельств». Мариам могла бы даже примириться с гибелью сына в битве. Потеря была бы ужасной для нее, она расцарапала бы себе щеки, плакала бы в голос, причитала бы, как вопленица, но в конце концов справилась бы с горем. Но теперь, когда сыновья ее, живые и невредимые, сами поехали к врагу, в его берлогу... Куда-то далеко-далеко, где их ожидали неисчислимые беды... Они станут чужаками, забудут родную речь, откажутся от веры отцов.

Быть может, совсем изменят нрав, лишатся мужества и никем не оплаканные, умрут в одиночестве на чужбине... Заложников нужно вечно оплакивать и опасаться, дрожать за них. Удел их— несчастье и беды.

Знает все это и Александр, но что ему делать? На каком еще кресте себя распять? Разве он не сделал все возможное и невозможное, ища выход?

Тот озаренный факелами плот на Куре словно отнял у него, оторвал от его сердца что-то неизмеримо важное, огромное, а взамен оставил в бороде и усах новые белые пряди.

Время шло. За осенью пришла зима, потом весна, и все-таки, стоит царю остаться одному и прикрыть глаза, как перед взором его возникает тот вечер... Сумеречная стремнина... Плот... Черный плот... Его сносит течением... Плот, связанный из бревен в Хоранта... Черный и ярко озаренный факелами. А в ушах гудит песня плотовщиков!

Вот только на плоту он никого не видит, никого!

В последнее время у царя Александра начались головокружения. Он бросил ездить на охоту, отказался от развлечений и пиров. Все чаще уединялся он с отцом Зосимэ. Старец читал царю священные книги. Иногда читал и сам царь — протяжно, нараспев. Часто просил он у Зосимэ разъяснений по многим вопросам философии и богословия. Послушает, поразмыслит и неожиданно заключит упавшим голосом:

— Моя семья — словно свеча, зажженная с двух концов! Горит, тает свеча... и сверху, и снизу!

По лицу отца Зосимэ пробегала тень, и после краткого молчания он начинал свои толкования с начала.

Горестные мысли Александра начинались «снизу», тревогой о младшем сыне, о царевиче Константине. Ясон Чавчавадзе, после взятия Ганджи турками оторванный от Кахети и застрявший в Иране, прислал в свое время царю весть утешительную, и в то же время тревожную:

«Шах Аббас оказал своему младшему брату и приемному сыну Костан-мирзе почетную встречу, и поручил царевича известным воспитателям мирз-заложников, Шейхулу-Сапарли и Али-Ходжа-Махмаду».

Александр знал: так начинается беда. Поначалу — роскошь и изнеженность, затем порожденная ими любовь к шаху Аббасу и Ирану... Потом перемена религии, многоженство с юных лет... И вот уже юноша прикован к ступенькам трона шахиншаха. Царю была ведома древняя иранская мудрость,

гласящая: «Внушение и любовь имеют две руки — одна сжата в кулак, другая — расточает нежность и ласку».

А Костала ведь ребенок, на него, конечно, оказывает действие и то, и другое!

Заботы эти сменяла горькая мысль о «верхнем» конце свечи: «Ираклий — это совсем другое дело. На него я вполне могу положиться. Но горе мне — именно поэтому я не могу питать никакой надежды!.. Каким величественным был Ираклий тогда, в шатре совета! Настоящий царь!»

Перенесенные волнения сделали царя вялым и бездеятельным. Но вот после длительного перерыва на Кахети вновь напали горцы, и царь вернулся к своим обычным ратным делам. Пора было отпустить и Элим-шамхала... Но Александр медлил, ожидая возвращения Каплана Вачнадзе из России. Здесь был источник надежд, которые подбадривали царя больше, чем проповеди отца Зосимэ. Александр частенько прерывал старца:

— Нет у нас больше в Кахети жениха... Запутались дела как за горами, так и за морем!

Однажды Зосимэ, прервав проповедь, ответил:

— Быть может, лучше послать невесту в Стамбул? Они там обвенчаются — это придаст царевичу твердости... Говорят, царевич влюбился в Салиху без памяти, с первого взгляда, а видел ее лишь однажды, да и то тайком! Не удивляйся, государь, — заметив изумление Александра, продолжал Зосимэ. — Истинная любовь — нерушимая опора нравственности... Желанная супруга, взятая с благословения родителей, поможет царевичу перенести невзгоды и укрепит его дух!

Александр тотчас согласился со старцем. Правда, его интересовало еще и другое.

«А пожалуй, если подскажут обстоятельства, пошлю в Стамбул и Элим-шамхала. Я втяну Стамбул в борьбу за Тарковское княжество... Попробую поддержать Элима с этой стороны... Быть может, этот путь окажется более верным!»

Все должно было выясниться по возвращении послов из России. И Александр ждал с нетерпением. Он даже послал гонца к воеводе Хворостинину в Терскую крепость.

И вот на исходе сентября примчался вестник от Нугзара Эристави. Он принес желанное известие: «Государь, приближается большое и пышное русское посольство! Ему сопутствует князь Каплан! Я встретил их торжественно и оказываю соответствующие почести. Ваши гости — мои гости!»

— Слава богу! — воскликнул Александр, а перечитав вто-

рично послание Нугзара, безошибочно заключил: «Наверно, русские богато одарили Нугзара... Даже в этом послании слышится звон золота и ощущается мягкость редкостных мехов!»

Принять послов и оказать им гостеприимство царь снова поручил Оману Чолокашвили, которому был вручен золотой жезл царского домоправителя. Каплана и других кахетинцев, вернувшихся из России, Александр заранее вызвал в Греми.

Оман составил многочисленную свиту. Одних только всадников-азнауров было в ней не менее двухсот человек.

От имени царя кахов Оман поднес почетным послам из дальней страны драгоценные дары, породистых скакунов, фрукты, сладости и всевозможную снедь.

Царь понимал, что нельзя скрыть от русских отъезд царевича Ираклия в Стамбул. Сам Оман постарается сообщить им об этом, чтобы набить цену в глазах послов себе и царевичу Давиду. Поэтому Александр велел Оману объявить русским о бегстве Ираклия в Стамбул: «Царевич пристрастился к гашишу, ум его помрачился, и он с несколькими слугами бежал в Турцию. И теперь, покинутый всеми, предается в Стамбуле своей пагубной страсти».

Русское посольство прибыло в Греми в середине октября. Александру многое уже было известно наперед по рассказам Каплана Вачнадзе и Куршиты.

Брянский князь Семен Звенигородский и дьяк Торха Антонов везли грамоту о покровительстве, скрепленную большой золотой печатью. С ними прибыли — монах-книжник Захарий Суханов, несколько священников, дьякон, три художника-иконописца, сокольничий и конвой стрельцов.

— А пушкарь? — тотчас спросил Александр, дочитав список.

— Пушкаря и на этот раз не смогли прислать. Все пушкари отправлены в город Псков.

Царь нахмурился.

— Священников да кречетов присылают... К чему они мне? Значит, ты не видел русского войска, идущего в поход на шамхала?

— Не видел... Но обещание нам дали твердое. И приказ вручили, велели отвезти в Астрахань и на Терек.

— Думаете, придут?

— Придут! — не колеблясь, ответил Каплан.

— Веришь обещанию? А шаху Аббасу или султану Мураду ты бы тоже поверил?

Каплан задумался.

— Нет, не поверил бы. Но там, в России, в Москве... — и во взгляде недоверчивого придворного, не раз правившего посольство на Востоке, вспыхнул огонек восхищения, похожий на тот, что озарял некогда, после возвращения из Москвы, лица отца Зосимэ и других кахетинцев.

«Что это? Что их покорило? Величие виденного или огромное облегчение, чувство свободы, испытываемое исстрадавшейся христианской душой в христианском мире? Наверное, то и другое, — размышлял Александр, но где-то в глубине сознания тайный голос подсказывал ему: — А может, дело совсем в ином... В том, что мы обречены, зажаты между двумя чудовищами: Ираном и Турцией!.. Я чувствую возрастающую силу Москвы, предвижу ее завтрашнее величие. Но не убеждение в искренности ее сегодняшних правителей, само бедственное положение моей страны заставляет меня верить их обещаниям...»

Новое посольство приняли в Гремском дворце с невиданными почестями. Во время перечисления длинных и величественных титулов русского государя царь кахов встал с трона и поклонился на Север, коснувшись рукою земли по русскому обычаю. Так приветствовал он далекого белого властелина, простиравшего свою длань, в числе многочисленных других земель, и над землей иверов.

А грамоту с золотой печатью Александр, по иранскому обычаю, сначала прижал ко лбу, затем поцеловал и положил около царского скипетра.

Царь перекрестился на каждую из икон, преподнесенных российским патриархом, а одну, предназначенную царевичу Ираклию, поцеловал и положил вместе с грамотой рядом со скипетром.

Дары, привезенные послами, вызвали всеобщее восхищение. Среди них был охотничий кречет, которого все рассматривали с любопытством.

Сокольничий Иван Сычов предстал перед царем с кречетом на плече. Это была птица буро-красного оперения, величиной с небольшого алазанского грифа и несколько схожая с ним. На голове у кречета был нахлобучен колпачок из черного бархата, закрывавший птице глаза. Из-под колпачка торчал хищно изогнутый клюв.

— Три кречета: красный, красно-бурый и пестрый... Присланы в дар его высочеству государю Александру для охоты

и развлечения! — произнес по-русски Торха Антонов и взглянул на Куршиту. Они заранее сговорились. Куршита тотчас перевел и добавил:

— Государь! Два кречета подохли в пути, — и по знаку Антонова Александру поднесли два чучела.

Царя-охотника опечалила эта утрата. Он любил соколиную охоту, а с кречетами ему еще никогда не приходилось иметь дела. Александр велел отнести чучела в свой охотничий дворец. Взяв в руки живого кречета, царь сдернул с его головы бархатный колпак.

У кречета были злые красные глазки. Он повернул голову и стал необычайно похож на орла, изображенного на скрепляющей грамоту печати. Только птица на печати была двуглавой.

— А какую дичь берет этот северный хищник?

— Гусей и лебедей, государь! — отвечал Куршита.

Кречета убрали и внесли меха. В Москве ни о ком не забыли — дары посылались и царице, и царевичам, и высшим сановникам. Тут получилась некоторая неловкость — на место скончавшегося в прошлом году Алавердского первосвященника был назначен Николоз Руставский... А он все еще находился в Стамбуле с царевичем Ираклием. Царь вовсе не хотел осведомлять об этом русских. Поэтому он отложил церемонию вручения даров и послания от русского патриарха и не стал созывать церковный собор, а объяснил послам, что архиепископ Николоз отправился в святые места.

Шептунам было указано, чтобы они намекнули русским о неутихшей еще вражде между царем и митрополитом, и посоветовали переждать, пока братья не помирятся.

После вручения даров созвали совет.

Семен Звенигородский уверил Александра, что поход на Тарку — дело решенное. При дворе воцарилось праздничное настроение. Вслед за советом последовали пиры. Царь повеселел, стал снова деятелен, строил планы и всюду поспевал.

— Если русские в самом деле собираются напасть на шамхала, тогда и нам не мешает подняться в горы, чтобы уничтожить логово хищников.

Каплан Вачнадзе, Шермазан Чолокашвили и отец Зосимэ, которым царь изложил свой замысел, единодушно его поддержали.

Александр велел созвать большое войско, определил точное время выступления в поход.

Джандиери было велено распространить слух, будто идут приготовления к охоте и большому смотру, назначенному, чтобы показать русским силу грузинского оружия и при этом раздать войску подарки.

Александр предпринял и другие шаги. Решив отпустить Элим-шамхала, он на всякий случай счел необходимым заполучить его дочь. «Это, думал он, укрепит приверженность Элима к грузинам, а Ираклию достанется долгожданная супруга, которая спасет его от духовного одиночества».

Царь тайно вызвал Элим-шамхала из почетного его узилища.

— Надо торопиться со свадьбой!

— Да услышит тебя аллах! Но мне кажется, Эрекле-мирза далеко?!

— Не так далеко, чтобы невеста не смогла к нему поехать. Желание и любовь преодолевают расстояние.

— Эваллах, это так! — подтвердил Элим-шамхал и насторожился.

— Твой брат Сурхай не спешит тебя выкупить... Может, привезти к нам твою дочь, нареченную моего первенца?.. Потом пошлем ее в Стамбул. А ты возвращайся в горы, я дам тебе большое войско. Одновременно ударят и с севера.

Элим не скрывал радости. Он отдал Александру свой большой перстень и написал Салихат несколько слов: «Взгляни на перстень, доверься тому, кто его вручит. Следуй за ним, увидишь отца и найдешь супруга...»

Царь кахов вручил записку и перстень Давиду Джандиери:

— Дело требует мужества и ловкости... Повидай Бебура и Тамаза, они были с Ираклием во время его помолвки... Тебе поручаю похитить невесту из «осиного гнезда»... Посоветуйтесь, возьмите с собой подходящих людей... — Александр задумался, как бы потеряв нить беседы. В последнее время это часто с ним случалось. — Но смотрите, не пропустите времени. Срок — праздник и большая охота, жду вас назад к этому времени!

И еще одну попытку сделал царь Александр. Лично написал воеводе Терской крепости Хворостининову, уговорил и русских послов послать письмо. Вместе с русским гонцом царь отправил Тедо Бацацаисдзе, сам же занялся подготовкой войска. Крестьянам он дал отсрочку — нужно ведь было заготовить пропитание и припасы на зиму. Послов царь отослал в Чиаури, а сам отправился в Торгва. Здесь Александр собирал-

ся устроить смотр войскам, собрав самых лучших из четырех садрошо. Задолго до смотра начали ставить шатры, подвозить провиант.

Надежная крепость Торгва обладала большими преимуществами. Она стояла в неприступном месте, в верхней части Мацимского ущелья. Горные перевалы были совсем рядом. Торгва словно делила пополам дорогу от Греми до Дзегами. Недалеко было отсюда и до слияния трех рек: Иори, Куры и Алазани. Таким образом, в поле зрения царя Александра оказывались и горы, и Турция. Лишь в редкие минуты отдыха думал царь о своем младшем сыне, Константине, отосланном в Иран.

Быстрее таяла свеча с другой стороны, мысль об Ираклии была, как жгучее пламя, и ничто не могло умерить этот огонь, даже грамота с золотой печатью от русского государя.

ГЛАВА XXXVII

ТРЕСНУТЫЙ БУБЕН

Давид Джандиери вызвал к себе Бебура и Тамаза, а с ними и всех, кто мог ему понадобиться для исполнения наказа царя Александра. Усевшись у края квеври с только что перебродившим мачари, все стали размышлять и прикидывать, намечая план действий.

Дело предстояло трудное — похитить девушку и тайком провезти ее в Кахети. Салихат должна была исчезнуть бесследно, как в воду кануть.

— Одно облегчает задачу — девушка сама пойдет за нами, как только мы подадим голос!

Было решено — небольшая группа смельчаков, переодетых торговцами, музыкантами и ремесленниками, тайно переберется через горы. А там будет видно, что делать. На обратном пути, если не удастся уйти через горы, похитители доберутся до Терской крепости. Для объяснений с русскими решили взять с собой Матвея...

В конце недели в горном лесу над Гаваз-Сацхениси сна-

ряжался отряд странных «свадебных дружек», как назвал их Кохсаламура. Джандиери включил в него и юношу, велев ему захватить барабан, пандури, дудуки и свирель. Взяли и горский бубен, подаренный Ираклию невестой при обручении. Царевич велел нарисовать на внутренней стороне бубна свое лицо; вот только переслать бубен девушке он не сумел...

— Но я ни слова не знаю по-лезгински! — тревожился Кохсаламура.

— Будешь изображать немого. Это у тебя отлично получится, а говорить по-лезгински будем мы!

Когда небольшой этот отряд собрался, чтобы выступить в поход, члены его не могли узнать друг друга. Давид обрил голову, выкрасил себе усы хной, намотал поверх шапки чалму и стал похож на лезгинского вождя, возвратившегося из Мекки. Тамаз и Бебур были в платье турецких аскеров — их можно было принять за пришельцев из Ахалцихе. Кохсаламура облачился в пестрые шальвары и блузу бродячего музыканта-скомороха, на шее у него висел башлык; музыкальные инструменты, прицепленные к концам башлыка, своим звоном пугали сменных лошадей. Тушин Белкан, знаток лакского и аварского языков, обрядился в пышные шелковые одежды ширванского купца, набил хурджины и сундуки припасами, запасом пороха и разным оружием, а поверх всего этого для отвода глаз уложил несколько кусков шелковой материи. Но необычнее всех выглядел Матвей Ногирин. Густая белокурая борода его и усы были всклокочены больше, чем обычно, на макушке у него красовалась осетинская шапчонка, широкие шаровары с тесьмой были заправлены в огромные русские сапоги. В общем он походил на бродягу, побывавшего в разных странах.

— Ишь ты! Значит, па-тар-дзали[1] увезем? — восклицал он, погоняя лошадь.

Матвей, не колеблясь, последовал за Джандиери. Из уважения к высокому другу Зазы — царевичу Ираклию, Ногирин поступился и вином, и своим надтреснутым квеври, и кадами[2], которые пекла Халиана, и сластями матушки Сатино.

Теперь, горяча коня, Матвей то и дело поминал одного за другим всех членов этой полюбившейся ему семьи.

---

[1] Патардзали — невеста (груз.).

[2] Грузинские пироги.

Джандиери взял сменных лошадей. Это необычайно ускорило путешествие.

Ехали днем и ночью. Оставив в стороне перевалы, пересекли хребет тропой туров. Отряду удалось незаметно спуститься в ущелье Аварской Койсу. А в этом деле, как говорил Кохсаламура, «незаметный переход — это уже пол-невесты!»

Объехав стороной горные пастбища и поселения, отряд выехал на дорогу. Начиная отсюда путники частенько спешивались. Отсутствие лесов затрудняло их тайное продвижение, но в скалистых горах, изобилующих пещерами и расселинами, всегда можно было найти надежное укрытие. Вскоре они настолько осмелели, что продвигались даже днем, здоровались с встречными по-лакски и по-аварски и проезжали мимо сельских сборищ, поминая аллаха.

Миновав Андийское Койсу, отряд свернул с дороги и по горным тропинкам добрался до Казаныча.

— Хо-хо! Если нас узнают и схватят, то наделают волынок из наших шкур! — шептал в выкрашенные хной усы Джандиери.

— Молчи, шейх, не накличь беды, ведь волынка из твоей шкуры для них — самая желанная! — отвечали аскеры и ширванец.

Ехали без остановки, пока не сбились с ног и не загнали лошадей. Уже в сумерках проехали крепость и село Казаныч. Тут изнеможенные путники отыскали местечко и проспали всю ночь напролет.

— Я на самом деле стану немым, батоно! — заикаясь говорил усталый Кохсаламура. А Матвей, припоминая свою непутевую жизнь, все повторял:

— Давай, давай, ничего! Вот тебе и саламури!

В Кафир-Кумух спустились только тушинец Белкан и Кохсаламура. Ширванский купец и немой музыкант шатались поодиночке среди обширного базара. Это был самый крупный после Тарки поселок во владениях шамхала. Здесь кончался горный хребет, и Кафир-Кумух считался довольно сильной крепостью, прикрывавшей княжество со стороны долины.

С тех пор как русские поставили крепость у устья Терека и стали продвигаться к Сулаку, нападая с кораблей на морские берега, шамхал перебрался сюда со всем своим семейством. Салиха и поныне пребывала в доме у шамхала, а следовательно, находилась тут.

Немой музыкант долго дудел в свирель. Никто не обра-

щал на него внимания. Лишь одна-две старухи положили ему в сумку ячменные лепешки. И ширванского купца не особенно баловала судьба. Он слишком дорого ценил свои товары... Но одно Белкан узнал и тем порадовал «дружек»:

— Мы и впрямь попали на свадьбу. Крымский мурза Мурад Гирей женится на дочери Сурхай-шамхала. На этой неделе он поднимется сюда в горы за невестой.

Кахетинцы решили осуществить свой план именно в день свадьбы. Кохсаламуре поручили передать Салихат перстень и записку от отца.

Остальные укрылись неподалеку, в пещере, служившей пристанищем для пастухов, и по одному спускались в селение на разведку.

Подоспел день свадьбы. Кахетинцы видели из своего укрытия, как многолюдный поток устремился к Кафир-Кумуху. В селении открылась большая ярмарка. Приготовились и кахетинцы. Матвея оставили возле взнузданных лошадей — несмотря на все ухищрения, он никак не мог сойти за горца. «Дружки» вошли на базар с разных сторон и смешались с толпой.

Кохсаламура захватил все свои инструменты и приспособления, а с ними и бубен невесты.

К полудню отворились ворота дворцовой ограды, и за толпами народа Кохсаламура увидел собравшихся во дворце почетных гостей.

Вскоре Мурад Гирей пожаловал в сопровождении других гостей и хозяев на базарную площадь. Его окружала молодежь — сестры невесты и ее подружки. Согласно обычаю, жених должен был всех их одарить, а подарки подружки выбирали себе сами.

Крымскому мурзе обычай этот был непонятен и чужд. У них в Крыму женщины носили чадру, а здесь... Правда, девушки обычно стеснялись мужчин, избегали встречи с ними — но лица не закрывали вовсе, а сейчас, в день свадьбы, и совсем осмелели.

Базарный люд почтительно расступился, давая дорогу жениху и подружкам невесты. Торговцы в лавках и палатках, разносчики с корзинами и коробами — все тотчас разложили и вывесили лучшие свои товары. Жених-крымец считался сказочно богатым, лишь с его приходом начиналась настоящая широкая ярмарка.

Белкан разглядывал подружек невесты, ища среди них Са-

лихат. Вскоре среди пестрого роя светлых платьев он приметил скромное платье с черной каймой, и тотчас узнал его хозяйку: ведь Белкан сопутствовал Каплану во время его посольства. Девушка показалась ему еще прекраснее, она выделялась среди подруг, как звезда.

— Вот она! — шепнул Белкан Кохсаламуре и пододвинулся поближе, развернул свои златотканые шелка перед подружками невесты.

Купца тотчас окружили. Женское любопытство одолело и Салихат, но, глянув на свою черную оторочку и вспомнив, что отец все еще в плену, она отошла в сторону.

Подружки и крымский мурза быстро опустошили узел ширванского купца и перешли к другим торговцам.

— Ну, теперь действуй! — шепнул Белкан Кохсаламуре, притулившемуся в уголке базара, а сам пошел искать товарищей.

Кохсаламура уселся в дальнем конце площади, поставил между ногами барабан, палочки воткнул в завязки ноговиц, повесил себе на грудь пандури и бубен невесты, поднес к губам тройную свирель и, когда жених и подружки невесты повернули назад, заиграл на всех инструментах сразу. Вначале его окружили подростки и стали глядеть на него, разинув рты. Потом подошли девушки, заставили оглянуться и жениха. Все сгрудились вокруг необычного музыканта.

Кохсаламура играл с жаром и все поглядывал на девушку в платье с черной оторочкой. Она подошла вместе со всеми, но стала поодаль. Красота ее поразила Кохсаламуру. Он стал играть с еще большим увлечением.

Слушатели дивились, улыбались, но никто не решался плясать. А это было необходимо Кохсаламуре, — лишь тогда надеялся он подать знак девушке. Кохсаламура устал, он весь обливался потом, но продолжал играть. Музыкант видел, как нетерпеливо вздрагивали парни, как раскачивались на месте девушки; многие двигали в такт мелодии плечами, поводили бровями. Под конец все стали хлопать в ладоши.

Словно пламя пробежало по рукам, и все-таки никто не выходил плясать. По обычаю, пример должен был подать жених, а крымский царевич не умел танцевать лекури. Не знал об этом Кохсаламура, иначе непременно придумал бы что-нибудь. Главное дело — начало, а потом... Кохсаламуре известна была сила пляски...

Жених озирался по сторонам, словно ожидая спасения.

Тут всех выручил Белкан. Он преподнес жениху припрятанный на всякий случай дорогой арабский платок:

— Награда для лучшего плясуна!

Гирей тотчас схватился за карман, а платок кинул на середину круга. Сразу десяток танцоров влетели в круг. Зрителям пришлось потесниться. Соперников построили попарно. Разгорелась пляска, теперь в ней принимали участие и девушки. Казалось, весь базар заполнен пляшущими. Тут же неподалеку укрылись и кахетинцы.

В первом ряду зрителей стояла девушка с траурной оторочкой на платье. Глядя на ликование сверстниц, она всем сердцем рвалась в пляску; в глазах у нее стояли слезы. Многие приглашали Салиху, но она всем отказывала.

«Как же быть?» — задумался Кохсаламура. Девушка не пляшет, даже близко не подошла, своего бубна не замечает. Да и с чего бы ей плясать? Отец в плену, от жениха нет вестей... И сама она полупленница, полузаложница!..

Кохсаламура устал: шутка ли играть за четверых? Вдруг у него мелькнула дерзкая мысль... Секунду он колебался, но времени было в обрез — огневая мелодия пляски захватывала, мешала размышлять. Внезапно он вскочил, отбросил барабан — свирель все еще оставалась у него во рту, — подхватил обеими руками бубен и принялся шутовски приплясывать, продолжая играть одновременно на двух инструментах. Палочки, просунутые в бандули, торчали, словно длинные шпоры. По толпе прокатился хохот. Девушки стали хлопать в ладоши в такт музыке, а Кохсаламура остановился возле девушки с траурной каймой, изящно шаркнул ногой, вгляделся в нее пристально. «Какое нежное, тонкое лицо!» — новая нота вплелась в мелодию пляски... И тотчас вылилась в стихи. Только он собрался их пропеть, как вспомнил, что изображает немого. Кохсаламура сжал губами свирель и почтительно склонился перед девушкой, приглашая ее выйти в круг. Во время танца он ловко покажет ей портрет, нарисованный на внутренней стороне бубна... Подаст знак. Но девушка опустила глаза и спряталась за спиной у старых женщин. «И с чего бы она стала плясать с каким-то музыкантом-скоморохом?!» — с упреком сказал себе Кохсаламура, плавно и кокетливо повернулся, держа бубен в правой руке, а левую изогнул совсем по-женски. Словно и не обиделся на отказ, а сам заплясал вместо девушки. Это вызвало всеобщий смех и шутки.

А Кохсаламура пошел по-бодбийски вприсядку посреди

круга, подкинул бубен в воздухе, подхватил с земли платок, накинул его на плечи, а ловко пойманный бубен еще громче зарокотал под его проворными пальцами. В толпе раздался хохот.

— Сагол! Санда сагол! — крикнул царевич.

Платок единогласно был присужден веселому музыканту.

Кохсаламура снова взялся за барабан. Знал чародей — стоит только пробудить в людях жажду плясать, и до самых сумерек не смогут они ее утолить. Но вот беда — своего-то дела он не сделал! Кохсаламура внимательно осмотрелся вокруг. Прямо против него стояла Салиха. «Теперь, или никогда!» — решил он, и в тот миг, когда один танцор уже закончил пляску, а другой еще не успел вступить в круг, Кохсаламура пустил бубен в круг, тот со звоном покатился прямо к девушке. А Кохсаламура схватил пандури, еще сильнее забил в барабан, заиграл огневую горскую плясовую.

Бубен послушно подкатился к девушке и упал у ее ног донышком вверх, словно хотел порадовать ее звоном бубенцов и улыбкой возлюбленного.

Салиха растерялась. Словно земля разверзлась перед ней. Когда же овладела собой, бубен был уже у нее в руках. Нет, глаза и чувства не обманули Салиху — это ее собственный бубен, некогда подаренный ею жениху. Каждый бубенчик, звеня, подтверждал ей это. Бубен, вернувшийся к хозяйке столь необычным путем, чтобы она увидела это лицо — о, она узнала бы его среди тысячи других лиц!

Кохсаламура увидел, как солнце засияло в глазах Салихи, озарило изнутри ее необычайную красоту.

Другие девушки тоже захотели посмотреть бубен.

Кохсаламура перебирал пальцами струны пандури, бил в барабан. Лезгины продолжали плясать. А бубен переходил из рук в руки, и бубенчики и колокольчики, висевшие на нем, позванивали тихонько, словно струны, поющие о любви.

Наконец бубен поднесли жениху. Он слегка нахмурился. Юноша, изображенный на бубне, был красивее его самого — чернявого, с покатым лбом и мясистым носом. Но Крым-Гирей был не лишен сообразительности. Он бросил в бубен горсть золота и серебра, закрыл портрет и, обесценив его красоту, вернул бубен Кохсаламуре. Тот перестал играть и отвесил дарителю низкий поклон, жестами выразил свою благодарность, дав понять, что он немой.

— Дели-ашуг! Лал-ашуг! Бейук-ашуг! — закричали в толпе.

Жених и подружки невесты направились ко дворцу; Кохсаламура и другие кахетинцы заметили, что самая красивая из всех, девушка в платье с черной оторочкой, все время оглядывалась назад.

Выстрел попал в цель!

Салиха потеряла покой. Она никак не могла усидеть за дворцовой оградой. Девушка отделилась от сверстников и подружек. Рассказать о своих переживаниях ей было некому. Но что же все-таки это значило? Как мог здесь вдруг очутиться бубен, посланный ею тайком своему нареченному? Тому, чье имя она не смеет назвать из страха перед дядей, шамхалом Сурхаем. А теперь бубен с портретом суженого вернулся к ней. Салиха тотчас узнала его, лишь раз виденного наяву, частого гостя своих сновидений и грез. Высокий, открытый лоб, обрамленный волнистыми кудрями, красиво очерченные бледные щеки, ясные глаза. Брови и усы черные, как ласточкино крыло.

За оградой суетились гости и хозяева. Шли дорожные приготовления. Выбирали и укладывали приданое и подарки. Шамхал Сурхай неторопливо переходил от стола к столу. С горделивой учтивостью приветствовал он всех, но под личиной вежливости скрывалось неусыпное внимание: от его зоркого взгляда не могло укрыться ничто, происходящее вокруг.

О, как боится его взгляда Салиха! Если он заметил бубен... Дяде достаточно лишь краешком глаза увидеть бубен — и он сразу же узнает Ираклия... Все поймет, и тогда... Достаточно даже, если взглянет на нее, Салиху... Взволнованную и испуганную... Он все равно сразу поймет...

И Салиха прячется за спинами подружек. Но как быть со слухом? Среди всеобщего веселья, шума плясок, звона стольких инструментов, ей все-таки слышен рокот бубна! Девушка замирает, обращается в слух. Нет, это не ее бубен, и звучит он совсем по иному! Салиха в смятении, она не находит себе места.

Под вечер, когда гости начали расходиться и шум усилился... Ветерок снова донес откуда-то рокот далекого бубна.

— Это он! — Салиха напрягла слух. Она узнала даже напев — грузинский танец «давлури!» Его родной напев! Ираклий зовет ее... Свою тайную невесту! К чему же медлить, когда грузинская пляска звучит так призывно и нашептывает ей как бы слова возлюбленного, слова любви!.. Бубен поет громко, с колдовской силой и страстью... Так громко, что даже

страшно — вдруг вокруг тоже прислушиваются к нему? Что, если жених ее близко и его могут увидеть другие?

Взволнованная девушка испуганно оглядывается по сторонам... Но никому нет дела до нее. Большинство гостей двинулось к выходу. Приходят и новые гости, поздравить новобрачных и повеселиться.

В суматохе пышной свадьбы никто не обратил внимания на сердце, заплясавшее под рокот далекого бубна! Салиха немного выждала, укуталась в черное покрывало и пошла вслед за покидающими ограду... Девушка очутилась на окутанной сумерками площади... Тут уж Салиха растерялась: и бубна не слышно, и музыканта нет нигде. Сумерки показались ей мрачными и зловещими.

«Куда я иду? А вдруг это ловушка?»

Вокруг сновали какие-то незнакомцы, а ей показалось, — это мелькают тени. Тени без лиц и без ног! Но вот утоптанный, круглый, как поверхность бубна, верхний угол базара. То самое место, где покатился и зазвенел бубен! И снова сердце ее почуяло раньше, чем увидели глаза, и прежде, чем включилось сознание.

Салиха ни о чем не думая, повернула и пошла по боковому проулку... Потом сошла с большой дороги и доверилась узкой и темной улице. Нет, не бездумно... И не наобум... Разве не послышался вновь с этой стороны звук бубна? И вот, он то утихает, то звучит еще призывней... Он перемещается... Из улочки в улочку, с кровли на кровлю перебегает призрачный, колеблющийся рокот! Салиха почти догнала его, даже видит рябого музыканта... Вокруг него толпятся дети... Тут же в тени дерева сидят взрослые мужчины, среди них даже один шейх в тюрбане! Нет, к ним она не подойдет, не осмелится, а вдруг ее узнают! Но что это — музыкант как-будто сам направляется к ней, но не прямо, а окольным путем, перерезает ей дорогу и словно зачаровывает мягким рокотом бубна! Нет, она должна бежать обратно! Куда это она забралась? Ведь здесь самая окраина селения! Там, за забором сидят какие-то незнакомцы. И слышно ржание коней. Там — река и горная дорога!

Может, ее привела сюда судьба? Может, ей грозит опасность?

Салиха повернулась, даже шагнула в сторону, но было уже поздно. Музыкант с бубном стоял перед ней на тихой безлюдной улице. Он повернул бубен к девушке внутренней сто-

роной, где был нарисован портрет... Чуть слышно звенели бубенцы... Вокруг темно, и луны нет, но к чему Салихе свет, на что ей небесные светила — бубен светит ей вместо луны, и он так близко, совсем близко! Об этом же говорят колокольчики, звенящие в бубне и в ее сердце... А тут и сам немой музыкант вдруг заговорил по-грузински:

— Царевна, вот послание к вам от отца, Элим-шамхала, — и вручил Салихе продернутое в кольцо письмо.

Неважно, что она не понимает по-грузински! Девушка услыхала имя отца, коснувшись, тотчас узнала перстень, а чтобы прочесть короткую записку, не нужно напрягать зрение, не нужен яркий свет... Сердце ее встрепенулось, но прежде, чем она сообразила, как задать вопрос, немой сделал ей знак, подкинул бубен, вспрыгнул на небольшую ограду и снова заиграл — теперь уже на праздничный лад.

У Салихи задрожали колени, сердце забилось быстро-быстро, словно собираясь выскочить из груди, и верно она упала бы на землю, но прежде чем глаза ее закрылись, девушка почувствовала, как кто-то накинул на нее бурку, плотно завернул, закутал ее, подхватил на руки и передал подскакавшему всаднику... А на ограде празднично рокотал бубен!

«Господи и аллах! Неужели это он сам, изображенный на бубне?» — изумленная девушка, притихнув, доверилась крепким рукам и темноте под буркой. Все смешалось у нее в голове. Лишь в ушах стоял неотступно рокот бубна. В такт ему билось ее сердце, и в топоте конских копыт слышен был тот же мерный стук, которому глухо вторила сама земля! Даже свист ветра, врывавшийся под бурку, усиливал рокот бубна. Вокруг шептались, звенели, гремели тысячи бубенчиков. Все настроенные на один лад, и обрамлявшие одно и то же лицо.

Салиха забылась. Придя в себя, девушка почувствовала, что находится в других, более сильных руках. Сквозь щель, оставленную в бурке для доступа воздуха, просачивался лунный свет, и было видно, как в такт скачке колышутся огромные, похожие на клыки, тени усов.

Салиха вздрогнула... Нет, это был не он, ее избранник и суженый.

Всадник почувствовал испуг девушки.

— Бебур! Тамаз! — крикнул он и слегка натянул поводья.

Братья подскакали одновременно.

— Мы здесь, царевна! Мы ваши дружки! Вы едете в семью

царевича, где вас ждет ваш отец. Но нужно спешить... Ни о чем не беспокойтесь! — заговорили оба вместе по-лезгински.

Девушка узнала их... Тихое рыдание сорвалось с ее уст, и она снова доверилась скачке.

Той ночью из Кафир-Кумуха выехали два свадебных поезда. Один на север — к Тереку, и дальше в Крым, а другой на юг, в Кахети.

Южане скакали всю ночь без передышки, время от времени пересаживаясь на запасных лошадей. До утра они одолели изрядное расстояние. А на рассвете вновь притаились в пещере у обочины дороги. Они дожидались тушина Белкана и русского Матвея. Мало было просто похитить девушку — дочь шамхала Элима должна была исчезнуть без следа. Черное покрывало Салихи нужно было забросить в колючий кустарник на берегу Койсу, чтобы пропавшую без вести сочли утонувшей. А если все-таки будет погоня, надо запутать преследователей, направить их к русской крепости, даже если для этого придется переплыть Терек.

Но свадебная суматоха помогла похитителям, и в полдень Кохсаламура, оставшийся наблюдателем, привел в тайник Белкана и Матвея.

— Все в порядке. Только нужно спешить! Нам надо ночью проехать мост через Андийское Койсу и успеть к утру добраться до эйлагов. Там мы уже будем вне опасности! — шепотом совещались заговорщики.

Все устали, но сон бежал от их глаз. Спала лишь одна Салиха. Она примостилась в темном углу пещеры на расстеленной бурке и погрузилась в сладкую дремоту.

Девушка ничего не слышала вокруг себя, ничего не боялась... Салиха знала, что находится среди побратимов Ираклия и едет в сказочную Кахети, к суженому и к отцу, которых так давно не видела... Все вместе! Такой неожиданный поворот судьбы походил разве что на бешеную скачку этих коней... На нежданно окутавшую ее бурку... На бубен, рокотавший между горами и долами! Девушка с малых лет привыкшая к скачке, сейчас не в силах была удержаться в седле. Под вечер Салиху снова укутали в бурку и побратимы по очереди везли ее на руках.

Около полуночи всадники достигли моста через Андийское Койсу. Узкая горловина не давала возможности проехать всем вместе. Надо было поодиночке перевести каждую лошадь

через мост. Белкан и Матвей поехали вперед на разведку. За рекой у моста стояла небольшая башня.

— Кто там? — крикнул часовой.

— Ближние путники! — ответил по-лезгински Белкан и спешился. Страж подошел ближе. Заметив, как тяжело дышат потные лошади, он спросил с подозрением.

— Так поздно? Куда вы спешите? Совсем лошадей загнали! — Тут часовой взглянул в лицо Матвею, узнал в нем русского и, заметив поодаль целый отряд, вскинул ружье, собрался крикнуть, но тут Белкан прыгнул, как рысь, ему на спину, перегнул его назад, зажал ему рот, и перекинул лезгина за мост вместе с его ружьем. Рокот реки заглушил крик часового.

— Скорей! — Белкан схватил свою лошадь за поводья и первым перешел с нею через узкий мост. Остальные последовали за ним верхом. При переправе запасных лошадей вышла заминка. Кохсаламура и Матвей начали было их переводить через мост, но, видно, второго часового на башне обеспокоил необычный шум, он окликнул своего товарища на мосту и, не получив ответа, заподозрил неладное. Не понравилась ему и излишняя торопливость всадников. Часовой выстрелил. Гулкое эхо ущелья разнесло по окрестностям звук выстрела, многократно повторив его.

— Быстрей! — Давид, пришпорив коня, подскакал к Бебуру справа, вручил ему драгоценную ношу. — Не оглядывайся на нас! А ты, Тамаз, скачи вперед! — Отдав приказ, он взялся за оружие.

В селении там и сям засветились огни. На кровлях раздавались крики. Кахетинцы сгрудились вокруг Тамаза, оберегая его драгоценную ношу от шальной пули. Так проскакали они через селение. Все висело на волоске. С разных сторон грянули выстрелы, и свист пуль заставил дружек пригнуться к седлам. На околице неясные тени преградили им дорогу. Кахетинцы обнажили сабли. А Матвей, чтобы ввести лезгин в заблуждение, грянул по-русски хорошо известное тем «ура!». Возглас подхватили и другие. Лезгины бросились врассыпную, но послали вдогонку беглецам пули и стрелы. Замыкал отряд Кохсаламура. Пуля угодила ему в плечо, с треском звякнул висевший на спине бубен. Звук этот, казалось, ранил Салиху в самое сердце. Она вскрикнула, но, собравшись с силами, сжала губы, умолкла. Беглецы гнали лошадей во всю мочь. На рассвете они наконец достигли пастбищ и повеселели. Тут начинались склоны их родного Кавкасиони.

Лишь наутро Кохсаламура сказал товарищам о своей ране. Его осмотрели—пуля вошла в тело повыше лопатки, но не очень глубоко. Зато крови он потерял немало. Рану наскоро перевязали. Осмотрели лошадей и упряжь. А девушка попросила показать ей бубен. Увидев его, все изумились. В бубен тоже попала пуля. Выстрел расколол бубен наискосок, рассек надвое лицо Ираклия. На портрете виднелась кровь Кохсаламуры.

У Салихи точно оборвалось сердце...

— Где он? Что с ним? Может — это знамение судьбы? — как в бреду заговорила она и вся задрожала.

Опасения ее передались другим, все замолкли. Это еще больше испугало невесту.

— Один из царевичей встретит вас на границе! — глухим голосом пояснил Давид.

Глаза Салихи наполнились слезами, но она не заплакала. Девушка сбросила бурку, краешком головного платка отерла кровь с раненого сердца бубна и потребовала, чтобы ей подали коня.

Усевшись по-мужски, Салиха прикрыла мелькнувшие у щиколоток шаровары-шейдиши длинным платьем и буркой и молча стала подниматься по склону пастбища.

Но теперь Салихе казалось, что она потеряла верное направление... Впереди уже не рокотал бубен... Больше никто ее не звал, не торопил... Все умолкло. Исчезло нечто невидимое, но важное — самое главное... Она потеряла нить... Лишилась цели. И вершины в вышине стали походить на танцоров, сбившихся во время пляски... И солнце, взошедшее по ту сторону Кавкасиони, было похоже на треснутый бубен.

Свадебный поезд в угрюмом молчании следовал за невестой. Ехали медленно. И лошади и всадники изрядно устали.

Но и тут Джандиери предпочел прямой дороге обходной путь по безлюдью.

Белкан и Кохсаламура отправились по приказанию Давида вперед вестниками радости.

Салиха снова встрепенулась, взяла у Кохсаламуры бубен и спрятала его под буркой.

С побледневшим лицом, прижимая к сердцу лопнувший бубен, вступила девушка в ту сказочную Кахети, куда должна была явиться в грядущем царицей.

ГЛАВА XXXVIII

ОХОТНИЧЬЯ ПРИТЧА

В назначенный срок в Торгва собралось многочисленное войско. Более пяти сотен шатров разбили над скалой, за высокой крепостной оградой. Остальные воины расположились в ущелье на берегу Мацими, под лесной сенью или в плетеных шалашах.

Пятьсот всадников, вооруженных кремневыми ружьями, царь Александр держал отдельно. Неподалеку устроились пехотинцы со старыми запальными ружьями.

В Торгва съехались ратники из всех четырех садрошо вместе со своими военачальниками. Около десяти тысяч конников стояло на большой площади и вдоль крепостной ограды, начиная от главных ворот, до самой Мацими. Закованные в тяжелую броню латники и меченосцы стояли в стороне. Тысяч пять лучников и копьеносцев устроились меж зубцами ограды и у бойниц. Сигнальщики, гонцы-скороходы и распорядители суетились вокруг военачальников и царских шатров. Мастер Джаба принес длинные ружья, стреляющие пулями величиной с яйцо.

Войско было готово. Царь кахов ожидал лишь известия о том, что русские выступили из Терской крепости и двинулись на шамхала. Но вести запаздывали, войско пребывало в томительном бездействии.

В воскресенье утром Александр устроил внутри крепостной ограды войсковой смотр. Потом он вывел войска в долину и на берегу реки Мацими состоялся большой парад. Царя сопровождали русские послы и кахетинские военачальники; Александр вручил отцу Зосимэ свой царский скипетр и попросил возглавить шествие. Следом за Зосимэ несли знамена и хоругви рода Багратиони. Рядом шли певчие и барабанщики. Царь проследовал мимо развернутого строя войск, осмотрел все внимательным оком, проверил... Первым Александр посетил головной отряд царевича Давида и епископа Бодбели-Кизикели. Давид отличился на смотре — и снаряжение, и выправка войска оказались отменными. Сам царевич, видимо, еще не совсем оправился после тяжелой болезни. Черты лица его бы-

ли отмечены ранней суровостью. Бледность лба и щек подчеркивала красоту черных глаз и бровей. Кольчуга очень шла к его статной фигуре. Только почему-то Давид в последнее время никому не глядел прямо в глаза. С одними говорил свысока... Перед другими же, напротив, опускал взор. Прятал глаза он от отца и от старца Зосимэ, от Омана Чолокашвили и от своего младшего брата Георгия. Избегал также смотреть на Шермазана Чолокашвили и Давида Джандиери. Шермазан напоминал ему о битве под крепостью, а Джандиери царевич невзлюбил после обыска в Упадари, когда, пытаясь выяснить причину болезни Давида, тот обнаружил в замке труп ночного сторожа и дерзко допросил его, старшего царевича и наследника престола. Правда, и ответ наглец получил подобающий. На сей раз Джандиери не было на параде. Царь послал его куда-то с тайным поручением.

Во главе правобережного войска стояли царевич Георгий и Стефаноз Некресели. Левобережными на этот раз предводительствовал Шермазан Чолокашвили. А знамя, поскольку митрополит Николоз пребывал в Иерусалиме, находилось у епископа Харчашнели.

Войско Шермазана торжественно, с криками «ваша!» приветствовало своего государя. Полководец склонил перед царем знамена, затем поднял их ввысь... Положил под ноги Александру свой обнаженный меч... А потом присоединился к царской свите. Александр подозвал его к себе, улыбнулся, довольный смотром.

— С таким войском можно победить, неправда ли, Шермазан?

— Смотря по тому, с кем доведется сражаться, государь! — заметив у царя признаки недовольства, Чолокашвили огладил свои усы. — Государь, не сердитесь на дерзкий ответ... Язык мой не так остер и вылощен, как у родича моего, Омана. Видно, все, отпущенное нашему роду, пришлось на его долю! — Шермазан утер пот, слишком много ему пришлось сказать за один раз, и он устал, словно выиграл целое сражение.

Александр улыбнулся.

— Не беда, полководец! В Кахети пока я назначаю цену, острый меч ценится выше, чем отточенный язык!

Царь окинул взглядом свиту. Опустив голову, стоял рядом с ним царевич Давид. Александр, казалось, ожидал уви-

деть на его месте Ираклия. Что-то кольнуло царя в сердце, мысль перескочила далеко-далеко — за моря. Потом и за горы.

«Как они там?!» — царь увлек за собой Шермазана, оставив позади других. Александру хотелось поговорить, но Шермазан словно весь целиком ушел в свои пышные усы, заперся в клетку молчания. Он был ратным человеком и не любил смотров, парадов и всяческого щегольства. Его суждения отличались краткостью: «Созови войско, ударь по врагу, уничтожь его». Сейчас он был утомлен вынужденным бездействием и видел, что воины тоже томятся.

«Войско, как гончая, должно быть всегда слегка голодным! А веселье, парады и пиры хороши после победы!» — думал он про себя, рассматривая свиту царя. Князь Семен Звенигородский был одет в русскую военную одежду, его сопровождали несколько русских сотников и всадников, а остальные русские, на взгляд Шермазана, скорее походили на иноземных купцов, забредших мимоездом...

— Мы будем сражаться с шамхалом, государь, или просто красуемся перед русскими? — спросил он.

— И то и другое, мой Шермазан! Русским мы показываем нашу силу и значение, а с шамхалом будем биться... Если удастся... Что-то гонцы с Терека запаздывают, — с горечью заключил Александр. Царь отстал от войска и прошел в шатер царицы.

Царица Мариам и Нестан устремились навстречу Александру, почтительно приветствовали его.

И тут же в поле зрения Александра попал тушин Белкан. Царь лишь глянул на гонца и понял, что тот принес добрые вести.

Но сообщив, что невесту вывезли благополучно, гонец Давида Джандиери добавил: в Кафир-Кумухе о русских пока не слыхать. Напротив — в «осином гнезде» празднуют свадьбы, царит веселье.

Александр отослал русских послов, а войску велел спуститься в Алазанские леса. Отстав от отряда, царь подозвал к себе царевича Георгия: — Поедешь встречать нареченную своего брата Ираклия... Обласкаешь ее, объяснишь, почему сам он не выехал навстречу. Надеюсь, ты сумеешь принять ее, как подобает... Бедняжку жестоко обидела судьба... Отвезешь Салиху к царице Мариам, и пусть никто не знает о ее прибытии.

Отослав Георгия, царь поехал догонять войско. Три дня продолжались на Алазани войсковые учения, состязания конни-

ков — скачка, джигитовка. Упражнялись в обороне, устраивали засады в лесу... Переходили вброд реку... Александр неутомимо обучал свое войско... Когда-нибудь все это пригодится... И все-таки он ждал вестей с Терека и не распускал людей...

На третий день царица Мариам попросила супруга спешно пожаловать в царицын шатер.

Салиха была уже в грузинском наряде. Девушка улыбалась, но большие печальные глаза ясно отражали ее душевное состояние.

...Когда они пересекли хребет и спустились с Кахетинских гор в долину, их встретил царевич Георгий со слугами... Среди прочих Георгий взял с собой и Халиану.

Невеста еще издали заметила встречающих. Для нее и ее свиты здесь были уже раскинуты шатры. У девушки дрогнуло сердце, но она безошибочно чувствовала, что Ираклий не встретит ее и здесь... Но где же? Где еще мог он ее встретить?!

Георгий выехал вперед навстречу Салихе. Он приложил руки девушки к груди. Помог ей сойти с лошади. Преклонил колено и коснулся губами черной оторочки платья будущей царицы Кахети. Салиха, по горскому обычаю, поцеловала своего будущего деверя в правое плечо и помогла ему встать. И только тогда взглянула она на Георгия. Он был более юн, чем Ираклий, более статен, силен, кудряв... Быть может, даже более красив, чем тот. Но ему не хватало одухотворенности Ираклия... Не было того очарования ни в куполе лба, ни в глазах и бровях, ни в чуть смущенной улыбке... Георгий плохо знал лезгинский и заговорил с Салихой по-грузински... Царевич выразил пожелание, чтобы приезд будущей царицы принес добро Кахети... Затем... Хоть и стараясь поддержать в ней надежду, но со скорбью рассказал ей историю отъезда Ираклия в Стамбул.

Салиха не понимала его слов. Она была, как в тумане. И перед невидящим взором ее почему-то встал расколотый бубен и окровавленное лицо Ираклия. Бебур и Тамаз коротко перевели Салихе рассказ Георгия. Невеста опустила голову и последовала за прислужницами в отведенный для нее шатер. Глаза Салихи наполнились слезами, но она сдержалась. Потом, в пути и во дворце, невесту заложника окружали почет и внимание. Все были ласковы к ней, но глубже всего проникли ей в сердце слезы и тихая скорбь Мариам — «его» матери.

Да, здесь, в долине все было прекрасно — и природа и лю-

ди... Все наперебой угождали Салихе, старались выполнить каждое, даже невысказанное ее желание. И все таки девушке всюду мерещился роковой образ — расколотый бубен...

Александр прижал девушку к груди, как родную дочь.

— Теперь я понимаю, почему мой умный мальчик пленился с первого взгляда! — Перед внутренним взором отца вновь возник как бы выплыв из глубины памяти озаренный факелами плот, заслонил все вокруг. — Отведите девушку к ее отцу, к шамхалу Элиму, — велел царь и, не будучи в силах оставаться с близкими, удалился вместе с Георгием.

Чтобы как-то рассеяться, царь решил выехать на охоту.

— Государь! — предложил опытный сокольничий. — Спустимся к старому руслу Алазани, туда недавно прилетели персидские павлины!

— Отлично! Кстати, попробуем, каков на охоте русский кречет! — Давешняя печаль Александра, казалось, немного развеялась.

Царь взял с собой отряд, вернувшийся из Дагестана. По дороге он подробно расспросил воинов обо всех их приключениях. Около старого русла их ожидало необычайное, захватывающее зрелище. Подлесок, кусты ежевики и ивы, склонившиеся над ними, были усеяны множеством диких павлинов. Издали они напоминали огромных пестрых бабочек.

На охоту взяли только отряд лучников. Старое русло окружили с трех сторон. С четвертой стороны текла Алазани, а за рекой было большое селение.

С близкого расстояния зрелище оказалось еще более пленительным. Резкий крик павлинов и шелест их крыльев при взлете заглушали шум леса. Птицы то распускали свои многоцветные хвосты, горделиво и степенно прохаживаясь по лужайкам, то, сложив их, взлетали, сверкнув радужным опереним над чащей и рекой. Прилет этих редких птиц вызвал в близлежащих селах многочисленные слухи и толки. Старики считали, что это — к вражескому нашествию или к междоусобице.

До прихода русских послов и их сокольничего Сычова, царь Александр выпустил на охоту лучников.

За один лишь заход они убили и преподнесли царю семь павлинов. Александр развеселился. Он восхищался каждым ловким выстрелом из лука и каждым новым павлином. Царь запретил стрелять в сидящих на дереве или на земле птиц.

— Только на лету. Бить только на лету! — повторял он.

А когда подоспели русские, Александр отправился вместе с ними и сам расспросил Сычова о приемах охоты с кречетом. Испуганные павлины затаились в зарослях ежевики. Александр велел спустить гончих. Собаки вспугнули самца-павлина. Он распустил хвост веером и замер высоко в воздухе уподобившись картине, нарисованной на небе. Сычов свистнул и снял с головы кречета колпачок, открывавший его глаза. Хищник блеснул красными глазами, огляделся по сторонам, потом расправил крылья, внезапно взмыл в поднебесье и, весь сжавшись, бросился на кричавшего в ужасе павлина. Кречет впился когтями в свою жертву — голову ему схватить не удалось, и он перегрыз своим изогнутым клювом длинную, пеструю шею птицы. Тяжело взмахнув крыльями, кречет опустился в кусты и стал топтать пестрое туловище павлина.

Прежде чем подоспел Сычов, кречет уже наполовину разодрал свою добычу. Сокольничий посвистал, пощелкал языком, бросил кречету кусок кровавого мяса и, как только тот подхватил подачку, быстро накинул ему на голову колпачок, схватил его и снова посадил себе на плечо.

Кречет забил подряд пятерых павлинов. Он изумил все войско, самого царя и многих бывалых охотников.

Из стаи лебедей, нежданно пролетевшей мимо, кречет за несколько мгновений взял трех. Царь Александр тоже пожелал поохотиться. Сокольничий приладил ему кожаный плечевой ремень, и царь кахов ощутил тяжесть кречета и его когти. Ищейки подняли птиц, прятавшихся в зарослях камыша. Александр дернул шнур колпачка, и словно гора упала с его плеч. Кречет, вошедший во вкус охоты, оттолкнул самку павлина плечом и погнался за самцом, перерезал ему дорогу, а когда тот повернул назад, вонзил ему в грудь растопыренные когти, Александр, позабыв обо всем на свете, скакал по старому руслу. Достигнув берега Алазани, царь остановился, глянул вниз с высокого берега. У самой воды тянулась узенькая коса, поросшая кустарником.

— Спустить собак! — крикнул царь егерям и вместе со свитой встал над обрывом. Все войско выстроилось на берегу. Тут были военачальники и епископы, русские послы и кахетинская знать.

Сначала из гранатовых зарослей взлетели голуби, за ними — фазаны. Но Александр выжидал. Он решил охотиться только на крупную птицу. И вот большой павлин выбежал на

гальку русла — разбежался и лишь у самой воды, раскрыв крылья и распушив хвост, взмыл в воздух.

Словно кусок расписной парчи повис над медлительными водами Алазани.

— Ну-ка, и этого — куда он уйдет! Кречет уже наловчился брать персидских павлинов! — вскричал Александр и сорвал с кречета колпачок. Освобожденный хищник взмахнул крыльями, но взлетел слишком высоко. Когда же он повернул обратно к реке, огромная тень его с распростертыми крыльями легла на Алазани. В зеркале волн казалось, что черная бурка преследует пеструю парчу.

А павлин с криком продолжал лететь к противоположному берегу. Долетев до грушевых деревьев, увитых повиликой, павлин скрылся за каким-то забором.

Обманутый кречет сделал круг и налетел на кудахчущих у околицы кур и гусей.

Хищник схватил и задрал одного гусака.

В селе поднялся переполох.

— А если у кречета уйдет чужой, он, видать, и своего не пощадит! — кто-то глухо буркнул, будто продолжил разговор.

Александр обернулся. За ним стоял царевич Георгий. Разгневался царь, но сдержался — намек сына ему показался разумным.

Царь тут же послал в село русского сокольничего, велел возместить убытки, отдать за гуся павлина и прервал охоту.

— Георгий! — позвал он и уединился с сыном. — Ты научился говорить обиняками. Может, думаешь, меня поймал кречет?

Георгий не растерялся, принял отцовский вызов.

— Эта была охотничья притча! Могу и вторую доложить... За десяток персидских павлинов одного домашнего гуся кречет и подавно заслужил!

Александр долго смеялся. Уже совсем иначе смотрел он на внезапно возмужавшего сына. «Еще так недавно, когда уезжал Ираклий, он был совсем ребенком, а теперь хоть в советники бери! И положиться на него можно!»

А тут опять предстоит решать — ждать еще нападения русских на шамхала, или распустить войско?

— Георгий, что посоветуешь? Как быть с войском? — сумрачно спросил он сына...

— Какова будет ваша воля?

— Это ты пойманному гусю подбрось! — оборвал его

отец. — Я требую ответа! Если притчами мудрость изрекаешь, так и дельный совет подай! Ждать или нет?!

Георгий был слишком молод, чтобы таиться:

— Распусти войско. Русские пока не думают нападать на шамхала.

Александр опять озлился: то что сказал этот малец, было вполне очевидно, а он, «старый гусь» умудренный опытом царь еще сомневался и ждал с гор доброго вестника.

Повернув коня, он подозвал сахлтухуцеси Омана Чолокашвили, велел объявить охоту законченной и проводить русских послов.

— Государь! Царевич Давид затеял в камышах новую охоту!

Александр оглянулся... Посадив на плечо царского кречета, Давид спускался в заросли.

«Рано начал мне подражать!» — с неудовольствием подумал царь и, приказав трубить сбор, повернул обратно. Оману же повелел:

— Сегодня устрой большой пир, накорми войско на славу, а завтра я всех распущу по домам.

Александр провел ночь в лагере. В полном одиночестве шагал он по шатру, прислушиваясь к звукам веселья, доносившимся снаружи.

Поздно ночью царевич Давид попросил разрешения войти к отцу, чтобы побеседовать о весьма важном государственном деле.

«Небось от царевича разит вином... Должно быть, хочет добиться разрешения идти войной на горцев, — подумал царь. — Надеется одолеть шамхала своими собственными силами. Словом, ведет себя как наследник, ищущий славы».

Царь не принял Давида. Велел отложить важное дело до утра и прийти, когда развеются винные пары.

Еще позднее в шатер постучался царевич Георгий... Александр тотчас впустил его.

— Видно, неспроста меня беспокоишь среди ночи!

— Вернулся гонец из Терской крепости! — сообщил царевич и вручил отцу три запечатанных свитка. — Один на ваше имя, другой — на имя русского посла. А это от Ясона Чавчавадзе. Тоже из Терской крепости.

— От Ясона?.. Из Терской крепости? Ты хочешь сказать — из Ирана?

— Он не смог выбраться из Ирана иным путем — поехал с русским послом в Астрахань.

— Слава тебе господи! — Александр перекрестился. — Посмотрим сначала этот, — он сломал печать на первом свитке и развернул его, — написано по-русски... Видно, до утра мы ничего не узнаем... Плохо...

— Я захватил с собой Куршиту, он ждет за дверью! — негромко сказал Георгий.

— Молодец! — повеселел Александр. — Письмо Ясона можно отложить — ведь ждал он целых три года. А русскую грамоту нужно прочесть поскорее... Утром войско разойдется — а вдруг в этой грамоте... — В глазах Александра вновь затеплился луч надежды.

Куршита переводил коротко, опуская пышные титулы:

«Терской воевода Андрей Хворостинин владетелю грузинских земель царю иверов Александру... С удовольствием приняли вашего посла...»

— Давай о шамхале, что он пишет о шамхале!

«А шамхала мы притесняем... Теперь думаем поставить крепость на Койсу».

— Думают? Меня заставили войско созвать, а сами думают? Читай и это! — Александр вручил Куршите второе послание.

— Письмо на имя русского посла, нельзя нам его открывать, государь!

Александр рассердился:

— А созывать войско без нужды, по-твоему, можно? Завтра всех распустим по домам. Я должен знать, о чем здесь речь... А пока грамоты будут доставлять послам, пройдет много времени... Да, наконец, это попросту, мой долг. Я ничего не скрываю от русских, если это имеет к ним непосредственное касательство. И требую взамен того же! — Царь сломал печать на свитке и протянул Куршите: — Читай!

«Почему вы зазимовали там? С помощью черкесских князей мы напали на Кабарду... Взяли ее в подданство великого государя... А с шамхалом пока решили обменяться послами и завести торговлю. Крымский царевич берется быть посредником. А насчет похода иверского царя Александра на горцев сообщите... Пусть возьмет у горных мурз заложников...»

Слова эти стрелой вонзились в сердце Александра, он прервал Куршиту.

— Передашь русскому послу, что я собственноручно вскрыл

свиток... И что они не попадут домой, пока не получат более обнадеживающих вестей с Терека.

Когда Куршита вышел, царь обернулся к Георгию. Лицо царя выражало печаль, видимо, мысли его были заняты совсем другим... Александр вздрогнул — вспомнил о письме Ясона Чавчавадзе с Терека, поспешно схватил свиток.

— Константин?

— Он уже принял ислам. Так сказал гонец...

Александр даже не развернул свитка. Долго стоял он недвижимо, и, кто знает, куда, в какую сторону стремилась его мысль: на восток, на запад, или на север...

Наконец царь снова подошел к столу.

— Господи! — вырвалось у него. — Эти хоть единоверцы, христиане! — Александр развернул адресованный ему свиток, разгладил его рукой и с надеждой стал вглядываться в русские письмена.

ГЛАВА XXXIX

СОЛНЕЧНАЯ ТРОПА

За окном решетка, за решеткой — море, море и кусочек Стамбула. По морю светлой тропинкой протянулся солнечный луч; к востоку тропинка суживается и радужно переливается на волнах, словно распахнутые крылья тетерева.

На резном, отделанном софийским камнем столике со вчерашнего вечера лежат две грамоты, грузинская и турецкая, и рядом — узкий, изогнутый, острый турецкий нож, длиною в пядь, похожий на змееныша.

— А теплая вода приятна! Хороший, оказывается, у турок обычай... — думает царевич Ираклий.

Ираклий затвердил наизусть эту грамоту:

«Мы — царь-вали Кахети и Эрети, Ираклий-паша...» — а затем — обычная история, не раз испробованная в Грузии и в других странах... Сын против отца... Грамота, лишающая царя

Александра трона за содействие «урусам» и измену «всему востоку»

Грамота не подписана, на ней нет печати... Зато другая, турецкая, уже с подписью и утверждена султаном Мурадом.

«Повелеваю Эрзерумскому вали и моему славному полководцу Фархад-паше, собрав мое непобедимое войско утвердить на кахетинском троне царем-вали Ираклия-пашу». Остается лишь поставить имя и печать на грузинской грамоте, и тогда солнечная тропа станет багрово-красной, она дотянется до самой Кахети или... Или сверкнет жало этого кривого ножа. Подобный выбор вставал перед многими. Что же предпочтет он, царевич Ираклий?

Вот и солнце! Оно восходит в Грузии и заходит где-то в Стамбуле, по ту сторону решетчатого окна. Сколько раз уже видел Ираклий его восход и закат! Сегодня солнце, вероятно, не успеет уже закатиться, а быть может, — и не взойдет для него!

В Стамбуле царевича встретили пышными празднествами, соблазнами, уговорами, обещаниями. Но все было тщетно. Ираклий внимал лишь советам и молитвам просветленного духом епископа Николоза. Тот словно проникал в думы юноши, беседовал с ним о высоком нравственном долге, о верности родине. И еще царевич находил умиротворение в дружбе с Зазой. Ираклий почти не расставался с ними.

Но время шло, а любезная настойчивость приспешников султана все возрастала.

Из Грузии никаких вестей. Словно и вовсе не существует за морем этой страны, ее рек: Куры, Риони, Иори и Алазани... Чорохи и Ингури!

Изменилось отношение царевича к родине. Говоря о Кахети, он теперь подразумевал всю Грузию — страну Понта Эвксинского и Кавказиони, и понятие это меняло — не смысл свой, а лишь величину, наименование, но не облик. А потом все вместе воплощалось в образе отца. Отец, которого он отослал перед клятвой в царском шатре, отец — на берегу Куры... Оставшийся по ту сторону озаренного факелами плота! И вновь все менялось. Теперь епископ Николоз и книжник Заза олицетворяли для царевича родителей, Грузию, родную Иори и Алазани.

Наконец турки услали от него и монаха. Нет, не насильно... Просто помогли отцу Николозу отправиться в Иерусалим. Дали охранную грамоту и богато одарили.

И Ираклия оставили в покое, словно примирились с его непреклонностью, и стали почитать за обычного царевича-заложника. Поместили его отдельно, в этом решетчатом дворце. Будто нарочно видна отсюда самая блестяшая часть Стамбула.

Каждое утро далекая солнечная тропинка, ведущая в Грузию, пролегает по морю и, недоступная, скрывается за горизонтом.

Так вот, отец Николоз вскоре отправился в Иерусалим. Многократно облобызал он царевича на прощанье. Благословляя, звенел тюремной цепью, опоясывающей его под рясой. Николоз поручил Ираклия Зазе и уехал, повез грузинским монастырям богатые дары.

После отъезда монаха турки вновь взялись за царевича, чего только они не сочиняли — рассказывали о произволе русских в Кахети, о взятии иранцами Дзегами, о тяжелой болезни царя Александра и, кажется, даже о его смерти.

Ираклий вежливо, но непреклонно требовал, чтобы его отпустили в Кахети. Обещал платить дань и поддерживать добрососедские отношения, но принять магометанство отказался наотрез.

Вскоре уговоры и просьбы сменились требованиями и угрозами. Узел, завязавшийся в Грузии, следовало спешно развязать или перерубить.

Начали переговоры с Ираном. Турки требовали, чтобы им полностью уступили Закавказье. Они чувствовали себя здесь хозяевами.

В разрозненной и объятой смутами Грузии одна лишь Кахети не находилась пока что под властью турок, да и то держалась только надеждой на помощь русских.

Испробовав все, царевича повезли к султану в Блистательную Порту. Приняли его там с подчеркнутой торжественностью. Султан осыпал Ираклия милостями, подарил ему фелюгу с золотом и оружием, а кроме того почтил царевича званием трехбунчужного паши. Ираклию были пожалованы также тюрбан, халат и изогнутый ятаган. Затем с царевичем беседовал визирь Азам. Лицемерно, уклончиво и витиевато закидывал он удочку, обиняками давая понять цель беседы. Трижды посетил царевича вновь прибывший в Стамбул Эрзерумский паша Фархад.

Единственной отрадой Ираклия были беседы с Зазой, воспоминания о былом.

Заза очень изменился. Он остепенился, стал задумчив, ос-

торожен в беседе. Нет, он не лишился присущей ему искренности, но скоро понял, что правдивость — весьма дорогостоящее украшение, и что она обычно соседствует с бедой.

Стойкая одинокая борьба Ираклия произвела на Зазу большое впечатление и, верный своей дружбе, он решил всегда сопутствовать царевичу. Чем теснее смыкалось вокруг Ираклия кольцо безысходности, тем сильнее сближались юноши.

— Заза, я ведь еще тогда, скитаясь по лесистому берегу, и потом, на плоту, знал — никогда больше не видеть мне родины! Но ты непременно должен вернуться в Грузию. Скажешь всем, что никто не смог заставить меня взять в руки турецкий меч, обращенный против Грузии. И одно лишь меня печалит — не привелось как следует сразиться за родину. Решай сам — заслужила ли эта рука одну пядь родимой земли в Алавердском храме.

Вчера, под вечер, Ираклия вновь посетил Фархад-паша. На этот раз он пришел сватать за царевича дочь шамхала Сурхая. Открыл ему мудрость тройного родства родственного союза: под отеческим руководством Стамбула свойство с шамхалом и крымскими ханами. Эта тройная ловушка оказалась наиболее болезненной, и разволновала тайного жениха Салихи.

— У меня есть и отец и невеста! — отрезал царевич и перевел разговор на другое. Тогда Фархад-паша, склонив голову еще ниже, шепотом, словно таясь, произнес:

— Ираклий-мирза! Верно, вас утомил шум Стамбула, и вы стосковались вдали от Кахети. На днях я собираюсь в Эрзерум. Если пообещаете сопутствовать мне, я поручусь за вас перед высоким султаном, и тогда мы займемся нашими родными краями, мирза!

Ираклий понял, что наступает решающая минута. Все-таки он попытался выиграть еще немного времени:

— Епископ Николоз еще не вернулся... Без него я не могу ехать в Кахети... — ответил он Фархаду, а сам подумал: «К чему отсрочки? Ведь все равно — это неминуемо... Будь что будет! И все-таки... Лучше послезавтра, чем завтра... Лучше завтра, чем сегодня! А для обреченных даже то время, которое нужно солнцу, чтобы один раз обернуться вокруг земли,—целое столетие!»

Фархад-паша подумал и ответил еще тише:

— Шейх-Николоз? Да будет так! Ваше согласие только ускорит его приезд... Лично я готов его ждать, но... — паша склонил голову еще ниже и зашептал с таинственным видом.

Словно змеиное шипение слышится царевичу. Голос льстит, искушает... Ираклий невольно отшатнулся, встал, вгляделся в темнеющее окно.

Вечер, поднявшийся со дна морского, вскарабкался в небо и воцарился над Стамбулом. В сумерках еще хорошо различимы контуры зданий. Для воспаленного взора Ираклия византийский город, сто сорок лет пробывший под владычеством турок, все еще не потерял христианского облика. Лишь на величественном храме Айя-София инородным телом лепится золотой полумесяц.

Когда царевич отвернулся от окна, перед ним уже стоял не ловкий и изворотливый стамбульский царедворец, а грозный и непоколебимый полководец, впервые встреченный им там, на берегу Куры... Длиннорукий и рябой... Вот и тогда, они именно так измерили друг друга взглядом, а после обменялись сладкоречивыми приветствиями.

Сколько воды утекло с той поры...

— Нам нужен не заложник в Стамбуле, а наш сторонник, царь-вали в Кахети! — твердо заявил паша.

— В Кахети есть царь! Я его наследник!... А пока что — я ваш заложник!

Фархад нетерпеливо махнул рукой, и добавил уже с угрозой:

— Надеюсь, разум велит царевичу еще раз призвать меня! — и паша высокомерно распрощался с Ираклием.

— Заза! Проводи гостя! — крикнул царевич.

Фархад взглянул на вошедшего. Ему не понравились сурово сдвинутые брови и тонко очерченный, решительный рот. «Духовного пастыря мы услали, остался наперсник» — подумал паша. Он снова повернулся к Ираклию.

— Пусть этот юноша проводит меня до дому... Я пришлю с ним подарок важный и необходимый для вас!

— Ступай, Заза! Нет, погоди,—окликнул было друга царевич, когда широкая спина Фархад-паши скрылась за дверь, но тут же передумал:

— Иди, Заза, иди!

Заза стоял, не в силах сдвинуться с места—казалось, колени его налились свинцом.

— Когда вернешься, я все тебе скажу! А теперь ступай, проводи пашу! — И царевич потрепал по плечу своего последнего друга и телохранителя. Но едва только Заза вышел за дверь, Ираклий понял, что никогда ничего уже не сможет ему сказать...

А ведь царевичу нужно было сказать другу нечто важное, решающее его судьбу... Он задумался, но так и не сумел припомнить — что... Может — о коварном предложении паши? Нет, не то... Другое, сокровенное, последний свой завет. О цене царской десницы, не поднявшей губительного меча...

— Заза!

В дверях появился слуга-турок, приставленный к заложнику в качестве стража и соглядатая.

— Что прикажешь мирза?

Ираклий отвернулся:

— Никого не принимать!

Но Ираклий знает — скоро явиться гость. Неумолимой, безжалостной рукой постучится в эту дверь. И царевич не может его не принять. Гость этот сопутствует ему уже давно, с того самого времени, как его везли на плоту; только он ни разу не показал своего лица.

Уже давно стемнело. Слуга-турок зажег свечи. По комнате блуждают тени, но никто не приходит — ни Заза, ни гость. От ожидания еще больше сжимается сердце.

Наконец послышался стук. Нет, наверное, это лязгают кости! Такой она и должна быть — высокая, костлявая, с обнаженными ребрами, с запавшими глазницами, угрюмая... Нет, нет — он не откроет... Сам он не станет открывать ей...

Дверь отперта, и если она пришла — пусть заходит. Он даже не обернется. Да и зачем смотреть. Не такая уж она желанная гостья, чтобы ее встречать на пороге. Колыхнулось пламя свечи. Значит, дверь отперта... Значит, «некто» уже вошел и стоит за его спиной... Стоит и молчит.

Одна из свечей вывалилась из подсвечника и погасла... Ираклий обернулся. Перед ним стоял лысый щуплый человечек. Он отдал царевичу земной поклон и показался при этом совсем крошечным. Ираклию даже стало обидно.

— Неужели этот? — вскричал он по-грузински.

— Я — лекарь. Вам пригодится мое ремесло, достославный царевич! — негромко, по-турецки заговорил пришелец. — Вот... это почтительнейше посылают вам из дворца падишаха... Остальное ваш слуга-гурджи подаст рано поутру!

Человечек почтительно положил на стол две грамоты, затем оглянулся по сторонам, заметил на дорогом стенном ковре короткий меч, подарок султана Мурада.

— По поручению высокопочтимого Фархад-паши открываю вам секрет меча. — И человек, не спрашивая разрешения, снял

его со стены, облобызал, и извлек из внутренней части ножен узкий и кривой, по-змеиному извилистый нож, положил его рядом с грамотами.

Ираклий, словно завороженный, следил за медленными, вкрадчивыми движениями человечка и удивлялся.

«...Самое трудное, оказывается, ждать. А теперь — ничего. Сколько раз приходилось ему видеть такого лекаря. Особенно в последний день, когда брат его Давид внезапно заболел!.. И тут неожиданно для самого себя Ираклий заключил: «Хорошо, что Давид заболел, кто знает, каким был бы его выбор! А вот Георгий — другое дело!»

Но тут мысли его стали расплываться... А разве сам он сделал твердый выбор?

Человек смиренно и угодливо хлопотал в помещении. Окликнул слуг. Между прочим показал Ираклию в открытую дверь янычар, стоявших на страже. Велел внести большой медный котел. Из под сдвинутой крышки поднимался пар. Ираклий смотрел на котел и ничего не мог понять...

— Янычары — это ясно... но котел?!

— После полуночи я постучусь к вам, досточтимый Ираклий-мирза! И если вы к тому времени не изволите... — Человечек угодливо кивнул в сторону грамот, он даже согнулся в поклоне. — Я услужу вам! Если же пожелаете сами... Просим прощения... Жилка, совсем маленькая и незаметная. — Он подобострастно пощупал пульс Ираклия и показал жилку...

— Всегда рады помочь! Имеется у нас и множество других способов! — Человечек отдал янычарам подарок султана Мурада и снова низко поклонился.

— Мой совет... Не охлаждайте воду. Окуните руку... Никакой боли... Напротив, сладостная мечта, почти что блаженство! А теперь, почтительнейше желаем доброй ночи!

Человечек вышел так же бесшумно, как и вошел, вернее — исчез. Был человечек, и нет его! Остался лишь медный котел и поднимающийся из него пар.

Ираклий понял — Зазу не пустят к нему до утра... А утром все уже будет кончено — с помощью или без помощи... Вернее — с помощью все окончится уже в полночь... А так может удастся протянуть до утра?!

Инстинкт заставил его кинуться к двери. Но, как он и ожидал, дверь оказалась запертой снаружи. Роскошный дворец превратился в застенок для пыток. В окне решетка, дверь — на

замке. Впереди — нож-змееныш, или изменническая грамота — никакого спасения, полная безысходность.

А жизненый инстинкт борется изо всех сил... Где-то смутно взметнулся меч измены... Но на рукояти его тотчас повисли отсеченные руки матери. Туман рассеялся. Думать больше было не о чем. Притих, затаился Ираклий. Но сердце забилось еще сильнее, взволнованная, горячая кровь устремилась к той самой, пульсирующей жилке.

Царевич перечел Грузинскую грамоту, но поверх нее накладывалась паутина турецких письмен, и он так и не сумел дойти до конца.

Тогда Ираклий взялся за турецкую грамоту. Внизу, вместо печати красовался полумесяц, лепившийся над святой Софией.

Царевич взял в руки перо. Нет, не затем, чтобы поставить свою печать — ему захотелось написать прощальное письмо. Но и эта надежда была тщетной. Лысый человек и янычары обыщут его утром и унесут письмо. Ираклий снова застыл в неподвижности. Попытался восстановить в померкшем сознании свою родину, но не смог... Лишь какие-то обрывки всплывали в памяти, словно насильственно извлекаемые мыслью...

...Течет Алазани, но вот ей преградил путь Кавкасиони.. Часовенка в горах... Вспорхнувший тетерев. Глаза, струящие свет, словно два потревоженных светильника... Седые косы и мягкие руки матери, царицы Мариам... Лоб отца, прорезанный горестной продольной складкой, и вздувшаяся жила на нем. Проведя рукой по собственному лбу, Ираклий неожиданно обнаружил такую складку и у себя. Она яростно билась, словно соревнуясь с маленькой жилкой на руке. Казалось, они спорили, а может даже боролись друг с другом.

Во всем теле, во всем своем существе Ираклий ощущал лишь две бьющиеся жилки. Которая одолеет? Если эта, на лбу — то он подпишет грамоту, станет изменником... А если другая, значит...

Тут мысль замирала в испуге, а кровь еще стремительнее струилась по жилам.

«Вода. Не остыла ли вода?!» — встрепенулся он вдруг, коснулся рукой котла: котел все еще был горячим. Это ужаснуло Ираклия, но в то же время и успокоило. Теперь у него появилась новая забота. Ираклий то и дело дотрагивался до стенок котла, проверяя, остыл тот или нет?

«Или рука моя привыкла, или вода на самом деле сты-

нет», — заключил он, и чем больше охлаждалась вода, тем без надежнее становились его мысли... А вместе с тем росло желание — неодолимое желание — взять в руки перо. Да, не нож-змееныш хотелось схватить царевичу, а перо, чтобы поставить подпись под грамотой и перечеркнуть жилу, бьющуюся на лбу.

От воды сначала шел пар, потом крышка запотела и жар постепенно стал спадать.

Сейчас вода — как тот горячий ключ, что бьет возле Торгва...

Торгва! Сколько раз проводил там Ираклий лето! Он любил подниматься на хребет Абано, и вся Кахети расстилалась перед ним как на ладони. Казалось, она могла уместиться в этой пульсирующей на руке жилке. Величественное зрелище, словно нарисованное кистью, но не описуемое пером... Неописуемое... Не описать... Или — не подписать?..

А что если он поставит свою подпись? Ведь не он составлял эту грамоту... — Рука сама собой потянулась к перу. На ощупь оно показалось холодным и скользким, как пресмыкающееся. И снова царевич обхватил обеими руками котел. Если раньше котел был горячим, как лоб больного Давида, поменявшегося с ним своим жребием, то теперь, коснувшись его, Ираклий вспомнил, как утирал слезы брату Георгию, когда повел его в шатер отца, где принял клятву!..

Клятву? Да, все это было там, далеко, по ту сторону моря, на берегу Куры... А вот соленый привкус слез он чувствует и теперь...

Ираклию захотелось встать, но тело его налилось неодолимой тяжестью. Он оперся о стол. Грамота, лежавшая под рукой, словно сама прилипла к пальцам. Он рванул было свиток, пытаясь его разорвать... Но пергамент был слишком прочен. «А может, виной тому моя слабость?» Но прежде, чем додумать мысль до конца, Ираклий схватился за перо... Нет, не он, а кто-то другой... Другой Ираклий, а может, и не Ираклий — перо само скользнуло в пальцы, одолело руку...

А когда царевич пришел в себя, подпись его уже стояла в конце грамоты...

И тут послышался стук в дверь... Царевич очнулся... А может — совсем растерялся. Стук, казалось, вошел в покои, прокрался ему в душу, проник в его жизнь. Сейчас войдет лысый человечек, он появится вслед за стуком и отнимет у него подписанную грамоту... Затем — меч пророка, зеленое знамя Ислама... Войско султана... Кровь кахетинцев, всех грузин, окра-

сившая Алазанские воды, и отсеченная десница отца, висящая на груди у сына!

На этот раз силы не изменили ему... Одним рывком разодрал царевич грамоту, обратил ее в мелкие клочья и выбросил в решетчатое окно... Отдал на волю ветра и моря...

Стук повторился.

— Помощь не понадобится! — крикнул Ираклий по-грузински. Крикнул, обращаясь к назойливому стуку, к насилию, ко всем лысым и щуплым человечкам всей страны, и схватился за змеиный нож. — Я сам! Подите вон! — добавил он уже по-турецки. — Молчать!

Стук прекратился. Неужели кончился срок? Свеча догорела, истаяла, как и его время... И вода стала совсем прохладной...

— Так какую же руку, как он сказал? — громко спросил у себя Ираклий и поглядел на обе руки. — Левую, — припомнил он с трудом, но упрямо добавил — А я хочу правую!

Царевич быстро полоснул ножом по запястью правой руки, и, прежде чем показалась кровь, опустил руку в чан...

Вода и впрямь была теплой... Такой обычно бывает Алазань в жаркое лето... Теплой и сладостно прохладной одновременно... Словно Ираклий опустил руку в волны родной Алазани... И повлыл. Затих... Нет, он не чувствует ни боли, ни сожаления.. Ираклий удобно устроился в кресле и отдался грезам, и чем сильнее бледнело его лицо, тем ярче становились мечты...

Поначалу исчезли страх и инстинкт самосохранения. Потом ушли все суетные мысли... Осталось лишь прошлое, и мудрая невозмутимость. Услышав повторный стук, царевич даже не ответил... На этот раз к нему стучалась не смерть, а всего лишь щуплый, лысый человечек.

...Из руки его течет не кровь, это струятся воды Алазани... Он стал мудрым и отрешился от всего, кроме великого биения разума — этой жилки на лбу...

А в окне расцветала заря... Вскоре солнце, взошедшее со стороны отчизны, ласково коснулось лучом отяжелевших век царевича, и еще раз озарило перед ним дорожку, протянувшуюся по морю.

...Ираклий идет по этой солнечной тропе... Идет, и ему не в силах помешать ни решетка на окне, ни морские глубины... Ни дальность расстояния... Если ты ощущаешь родину, она повсюду с тобой!

Ираклию почудился звук, слышанный некогда, но угасший впоследствии и хранимый где-то в тайниках подсознания, он

ощутил тепло материнских колен, ласковую руку отца... Потом их лица заслонила седая борода старца Зосимэ... Донесся звон цепи, опоясывающей его духовного пастыря Николоза... Слышен издали плач Константина, отсылаемого в заложники, в далекий Иран... И наконец мелькнуло печальное сияние глаз Салихи...

С трудом преодолевая свинцовую тяжесть, Ираклий приподнял веки и сквозь решетку ресниц еще раз увидел солнце... А потом и солнце, взмахнув крылом, словно тетерев, упорхнуло то ли за море, то ли за горы...

ГЛАВА XL

МУХРАНСКИЙ СВЕТЛЯЧОК

В замке Ашотана Мухран-батони шли большие приготовления. Нет, на этот раз ждали не турок, хотя в любом уголке разоренной Картли ежеминутно можно было ожидать их нападения. Кроме тбилисских цитаделей Метехи и Нарикала, турки захватили еще множество других крепостей. Царь Картли, Симон, мужественно продолжал вести неравную борьбу, то и дело нападал на захватчиков, подстерегал их в засадах... Но все было тщетно, жизнь царства, лишенного границ, не налаживалась. Тем более, что внутри страны не было согласия. Большинство высокородных князей и эриставов отсиживались в своих замках — при помощи дани и лицемерных заверений им кое-как удавалось спастись от турок. Многие стали полуизменниками — сегодня они провозглашали себя сторонниками царя Симона, а на завтра сговаривались с турками, и наоборот.

Нет, не до гостей было сейчас картлийцам. Но жизнь ставила свои требования, которым приходилось подчиняться.

И вот в Мухрани шли усиленные приготовления. В мирные дни здесь умели привечать гостей, владетель Мухрани прославился в округе своим хлебосольством и радушием.

Сегодня готовились к очень важному событию — хозяева Мухрани ждали в гости кахетинских царевичей.

А всех сильней, разумеется, волновалась мухранская Цицинатела[1], ясноглазая Кетино, которой предстояло обручиться с царевичем Давидом.

Дело, начатое епископом Николозом, продолжал и завершил Оман Чолокашвили. Отец Кетеван — Ашотан Мухран-батони был весьма доволен, так как после отъезда Ираклия в Стамбул царевич Давид стал наследником престола и мог считаться самым выгодным во всей Грузии женихом для любой невесты. Впрочем, по справедливому мнению Ашотана, и невеста Давиду досталась лучшая из лучших.

Оман и Ашотан договорились быстро, им без слов были ясны замыслы друг друга. Начатое дело было скоро увенчано, тем более, что этому супружеству способствовали царь Картли Симон и царица Нестан-Дареджан. Новое родство несомненно должно было сблизить несколько отдалившиеся друг от друга ветви картлийских и кахетинских Багратиони.

Все спешили, времени было в обрез, из-за угрозы турецкого нашествия обручение назначили на осень, чтобы к пасхе успеть сыграть свадьбу.

Скоро на дороге, что виднеется из окошка покоев княжны, должны появиться кахетинцы — жених, его брат, будущий деверь, и их свита.

Женщины всего Самухрано окружали Кетеван, помогая ей одеваться. Одни поправляли складки на талии, другие подкорачивали подол, третьи возились с рукавами и кушаком, всячески украшая и без того прекрасную девушку.

И впрямь была достойна хвалы младшая дочь Мухран-батони. Спокойное и тонкое лицо ее было увенчано высоким лбом с тонко очерченными бровями. На темно-каштановых кудрях красовался небольшой венец невесты, почти неотличимый от обычного убора чихти-копи. Твердо сжатые губы при сдержанной улыбке обнажали ряд жемчужных зубов.

У Кетеван была высокая, горделиво выгнутая шея, глубокие, спокойные карие глаза, отсвечивающие золотом.

В детстве звонкий смех Кетеван часто слышался в Мухранском дворце, но потом, вступив в пору девичества, она утратила ребяческую беззаботную смешливость. Внутреннее тепло скрыла внешняя чуть холодноватая сдержанность, и лишь мгновенная радость, бывало, неожиданно зажигала в глазах ее светлый луч.

---

[1] Цицинатела — светлячок (груз.).

Няня Кетеван Бабо, которая воспитала рано лишившуюся матери девушку, называла ее поначалу хохотушкой Кето. А позднее, увидев ее улыбку, подталкивала своего мужа — Голу: «Смотри, смотри! Радость ты моя! Точно светлячки у нее из глаз выпорхнули! Так и искрятся!»

В замке и в селе подхватили слова Бабо и прозвали прекраснейшую из дочерей Аншотана «мухранским светлячком», тем более, что сияние, излучавшееся девушкой, было, пожалуй, несколько холодноватым — оно озаряло, но не грело.

В грузинском платье с косыми клиньями стройная Кетеван казалась высокой и худощавой — на самом деле она была не так уж высока ростом и вовсе не худощава.

Прекрасная Кетеван отличалась замечательным здоровьем, была прилежна и трудолюбива и в особенности привержена к книгам. Ко всеобщему удивлению девушка не любила шитья и рукоделия, зато была страстной наездницей.

Отец любил свою младшую дочь больше всех остальных детей и долго, придирчиво выбирал для нее жениха.

— Моя Кетеван рождена быть царицей. Что ж — таков и будет ее удел. Значит, едут, говоришь?

— Едут, батоно.

— Моурав, одари Голу за добрую весть! Жалую ему чоху с архалуком и пояс с кинжалом... Немало порадел он вместе с Бабо ради моей дочери. Да Кето и сама их отблагодарит! — По радостному лицу Мухран-батони скользнула тень. — Постарели мы с тобой, Гола! Меньшую дочь обручаю, а? — Но радость пересилила грусть, князь откинул разрезные рукава, распушил бороду и вышел на широкий балкон.

На ограде, на плоских крышах хозяйственных строений теснились крестьяне и слуги, все вглядывались в дорогу, на которой появились гости.

— Едут! Едут! — кричали вывесившись из окна девичьей многочисленные нянюшки и прислужницы.

Кетеван никогда не видела Давида, но много слыхала о нем... Конечно, ей очень расхваливали царевича... Но разве может жених полюбиться с чужих слов! Сейчас она увидит его собственными глазами. А что если суженый ей не понравится? Это обручение было ведь задумано, обговорено и утверждено по совсем иным соображениям, никто не думал о девичьем сердце. А что если сердце отвергнет его? Тогда вся жизнь Кетеван окажется страданьем, и царский дворец будет для нее тюрьмой, золотой клеткой...

«Что тогда?!» — Шумные возгласы женщин и поднявшаяся вокруг суматоха оборвали течение ее мыслей, затуманили голову, нарушили спокойствие девушки.

Когда всадники показались на повороте, даже пожилые женщины взволновались...

— Смотри-ка... Целое войско едет!

— Нельзя же было отпускать царевичей одних в края, где хозяйничают турки.

— Глянь-ка, глянь! Вон они, наверно, царевичи впереди!

— Подвинься! Дай и мне поглядеть.

Высматривая жениха, все позабыли о невесте. А она стояла у зеркала, но не видела в нем себя...

— А вдруг он мне не понравится? Что тогда? — Сердце девушки трепетало, но Кетеван продолжала стоять все так же неподвижно, не отрывая взгляда от зеркала.

— Это они! Царевичи! Те двое, что впереди! Но который из них? Верно, тот, что в белой черкеске?

— Нет... Наверное, второй — в кизиловой куладже!

Кетеван ощутила вдруг страшное одиночество, чувство похожее на обреченность овладело ею. В эту минуту никто не интересовался всеми любимой Цицинателой Мухрани. Для людей это обручение было лишь редкостным зрелищем. Им безразлично, который из двух юношей окажется женихом... И когда шум приветствий, доносившийся извне, вызвал ответные восклицания в девичьей, чаша терпения Кетеван переполнилась, в зеркале отразились нахмуренные брови и сверкающие глаза, девушка строго прикрикнула на прислужниц.

— Ступайте все вон! Оставьте меня одну!

Первой опомнилась нянюшка Бабо:

— Вы что, не слышите? — напустилась она на остальных. — Уходите-ка отсюда! — Старушка поняла, что делается на душе у ее воспитанницы, и, выпроводив всех, вернулась к Кето, крестя ее и шепча молитвы. Чтобы оторвать упрямицу от зеркала, Бабо прикрыла стекло старческой рукой.

— Хватит, доченька... Не к чему тебе глядеться в зеркало... Пусть попробуют похвалиться, что видели где-нибудь девушку краше тебя... А теперь и ты выгляни в окошко... Приехал твой суженый! Эх, кабы знать, что сулит нам взошедшее сегодня солнышко? — И нянюшка, бормоча молитвы, скользнула за дверь — знала, что пока она в комнате, Кетеван ни за что не подойдет к окошку.

Кетеван обычно умела владеть собой, но теперь все чувст-

ва ее смешались. Ведь ей пошла лишь девятнадцатая весна! Властное желание взглянуть на жениха заставило девушку против воли подойти к окну. Все предстало в особом сказочном свете ее взволнованному взору... Около широкой лестницы замка спешились два всадника: один, как уже говорили женщины, был в белой черкеске, второй — в куладже цвета кизила.

«Который из них? — мелькнуло в голове у невесты, и тотчас вопрос сплелся с мечтой — хоть бы оказался тот, в белой черкеске!» — Кетеван и сама не могла понять, почему ей этого хотелось. Быть может, потому, что юноша так почтительно и скромно стоял перед ее отцом, старым Ашотаном Мухран-батони... Или потому, что не вертел в руках плетки, как тот, в куладже... А может, все дело было в том, что царевич в белой черкеске даже не взглянул в сторону девичьей, а тот, другой, в куладже, так и впился глазами в окна, будто девичья и все находящиеся в ней были его собственностью!

Но тут подоспели многочисленные гости из свит царевичей, и Кетеван отошла от окна. Поглядевшись в зеркало, девушка заметила, что на лице ее явственно отражается волнение. Кетеван заперла дверь и не пустила к себе оживленно сплетничавших женщин. Так сидела она в одиночестве до тех пор, пока не послышался уверенный стук и голос старого Ашотана.

— Почему ты заперлась, доченька?! — Отец окинул дочь довольным взглядом, подошел ближе, неловко чмокнул в щеку и повернул к двери. — Гости ждут тебя во дворе! Ну-ка, женщины, ступайте и вы с ней!

— Что вы, как можно? Сам жених должен пожаловать или хоть прислать посредников! Надо знать себе цену! Ничего-то эти мужчины не понимают в обручении! — затараторили наперебой тетушки и золовки, вся многочисленная родня и нянюшки, разом заполнившие комнату Кетеван.

У Ашотана запестрело в глазах от мельканья пестрых платьев и узорных лечаки.

— Ладно, ладно, угомонитесь! Не всех ведь вас обручают? — Будучи старшим в роду, Ашотан любил нарочно ввернуть грубое словцо. — Не мешкайте, иначе прокиснут ваши румяна. Пошли, дочка, пошли! — И уже в дверях обернулся к остолбеневшим женщинам: — Не невесту веду я к жениху — и впрямь слишком большая была бы честь, — а царицу к будущему повелителю кахов! Моей Кетеван незачем набивать себе цену! — И Мухран-батони сам повел дочь. Кетеван молча последовала за ним. Она почти что справилась со своим волнением.

Когда девушка спустилась по каменной лестнице в сад и вошла в беседку, волнение вновь объяло ее. Но на бледном, гордом лице невесты не отражалось ничего.

Внизу ожидала большая группа кахетинских дворян. Впереди всех стояли царевичи. Два цвета боролись друг с другом — белый и кизиловый. И снова сердце Кетеван предпочло красному — белый. Верно, потому, что у царевича в белом не было носа с горбинкой и чуть сутулых, подвижных плеч; и хоть черты лица царевича в кизиловой куладже казались строже и изысканней, а другому, в белом, не доставало, пожалуй, утонченности, все-таки он был ей больше по душе.

Подойдя ближе, Кетеван заметила в глазах у «белого» удивление и радость и поняла, что сердце ее сделало неверный выбор. Восхищение и волнение, которые она увидела во взгляде царевича в куладже, вовсе не обрадовали Кетеван. Все было напрасно. Сердце не приняло суженого. Начиналась новая жизнь, ее ждала тысяча разных обязанностей. Дочь Мухран-батони знала, что выполнит их все, но... Ну что ж, видимо — не судьба, не суждено ей любить и быть любимой... Ибо Кетеван верила, что любить и вступать в супружество можно лишь один раз, а если уж она во что-то верила — то твердо и до конца!

Быстро, словно гончая мчащаяся за зайцем, летело время в праздничной суматохе.

Кахетинцы, восхищенные красотой невесты, не в силах были отвести от нее глаз.

Кетеван преподнесли бесценные дары. От имени брата, Георгий вручил будущей невесте большое жемчужное ожерелье в золотой оправе. Когда царевич склонил перед ней голову, Кетеван заметила в зачесанных назад густых волосах юноши две макушки. «Видно, он, как и я, не будет счастлив в супружестве!» — подумала девушка и тоже опустила голову.

ГЛАВА XLI

ЦЕНА ДЕСНИЦЫ

Прошло уже два года, как от царевича Ираклия не было никаких вестей. Салиха горевала, и единственным утешением ей служили приготовления к поездке в Стамбул.

Она чувствовала, что царь и царица приняли ее тепло, с большой любовью. Но это словно усиливало чувство обреченности, овладевшее Салихой еще по дороге сюда.

Салиху, столь скромную и разумную, с достоинством переносившую свое горе, полюбили все. В особенности же привязалась к ней царица Мариам. Она, казалось, перенесла на девушку всю нежность, которой дарила раньше Ираклия. Маленькая и вечно робевшая Нестан тоже сразу к ней привыкла, а когда Салиха научилась говорить по-грузински, то и вовсе не отходила от нее и с увлечением слушала горские легенды, которые та рассказывала своим гортанным, журчащим, как ручей, говорком.

Своеобразные отношения возникли между Салихой и царевичами. Георгий был с ней почтителен и робок. Они были почти ровесниками, а в таких случаях женщина всегда старше. Для Георгия Салиха являлась желанной возлюбленной любимого старшего брата и его тайной невестой. Особенно возвышала девушку в глазах Георгия чистая искренняя любовь, которую Салиха проявляла на каждом шагу и в каждой мелочи к своему далекому, всего лишь раз виденному Ираклию.

Георгий поздно созрел, и в области чувства был совершенно простодушен и наивен... Любовь юноши и девушки он считал ниспосланным свыше даром и уделом избранных, а Салиху и Ираклия почитал рожденными и предназначенными друг для друга.

Совсем по иному относился к Салихе Давид. Он обычно уклонялся от встреч с «горной невестой». Сознание собственной вины ранило его сердце, а кроме того царевич был движим своеобразной ревностью и завистью. В особенности до тех пор, пока не увидел свою невесту — Кетеван. Прежде он опасался, что выбор его окажется неудачным и утонченная красота Салихи затмит его избранницу.

Царь Александр тотчас по приезде поручил Салиху заботам книжников и духовных наставников, чтобы девушка изучила грузинскую грамоту и утвердилась в новой вере.

Высокие правила, которыми должна руководствоваться грузинская царица, да и грузинка вообще, внушила ей сама царица Мариам. Мариам заменила горское имя Салиха грузинским, христианским Саломэ, и дала девушке ласкательное прозвище Сали. Саломэ с большим рвением взялась за учебу. Часто виделась она и с отцом. Согретая общим вниманием и словно бы обретшая надежду среди новых родичей, девушка немного ус-

покоилась. Лик с расколотого бубна являлся Сали только в тревожных сновидениях, ими она делилась с одной лишь Халианой. Девушки с самого же начала сблизились. В этой дружбе решающим, вероятно, было то, что Заза находился в Стамбуле, при царевиче Ираклии. Девушки не раз мечтали о совместной поездке в Турцию.

Так решили и царь с царицей. Поэтому они не разлучали Сали и повзрослевшую и вступившую в пору девичества Халиану. Дочь лекаря была вообще частой гостьей во дворце. Ее мастерство в изготовлении различных мазей и притираний, румян и белил, а так же в науке врачевания, делали присутствие простой девушки среди знатных дам желанным для всех. Жены и дочери высокородных князей забывали о ее незнатном происхождении.

Но время шло, а из Стамбула не было никаких вестей. Кахетинское царство покинули наследник престола и духовный пастырь. Митрополита Николоза ждали с нетерпением: русские послы собирались вручить ему эпистолу патриарха Иова. Кроме того, нужно было созвать церковный собор, чтобы разобраться в целом ряде церковных вопросов. Одним словом, стамбульские дела волновали всех. Поэтому, когда из восстановленной смотровой башни над Курой примчался гонец, все всполошились. Но гонец никому ничего не сказал, так как был послан лично к царю. Александр находился в Телави, он дожидался там возвращения царевичей из Картли. Царь кахов волновался. Как уже давно не ездил он в Картли! А сыновья его и вовсе никогда не бывали на этой столь близкой и родственной грузинской земле...

Восемь лет минуло после того позорного набега. Сколько воды утекло, сколько оползней прошло по долинам Куры и Алазани, но воспоминание о тогдашнем поражении и о постыдном своем деянии до сих пор заставляло Александра краснеть. Правда, при посредничестве отца Зосимэ и Николоза-Хосро явной вражде между Картли и Кахети был положен конец, но и полной сердечности и взаимопонимания между ними не было.

Так и жили, каждая для себя, сражались, терпели поражение и приходили в упадок, эти две части единого туловища, рассеченного надвое коварством врага и неразумием друзей.

Александр, набравшийся с годами мудрости, отлично это чувствовал, и еще лучше понимал это его свойственник царь Картли Симон. Но разъединяющие их силы легко побеждали все замыслы, направленные к объединению...

А теперь Александр послал в Картли обоих царевичей в сопровождении большой свиты-отряда. Он разрешил сыновьям побывать в Тбилиси и в Дигоми у тетки, а затем жених с сопровождающими его лицами должен был отправиться в Мухрани. Там Давид повидает дочь Мухран-батони, обручится с нею и назначит день свадьбы.

— Во всех случаях — не позже пасхи! — наказывал царь Александр Давиду, Оману Чолокашвили и другим дворянам из свиты.

Взгляды Давида на любовь были не столь возвышенными и восторженными, как у Георгия. Плотская чувственность была ему понятнее чем возвышенная влюбленность. Своевольный царевич, рано познавший радости плоти, погубил не одну девушку из дворцовых служанок.

Именно поэтому Александр спешил связать его семейными узами, надеясь что они остепенят Давида.

Царь довольно долго ждал царевичей в Телави, но странное нетерпение объяло его, и он решил вернуться в Греми. По дороге Александр повстречался с гонцом, и тот вручил ему запечатанный свиток, послание епископа Николоза...

«На этой неделе будем возле смотровой башни. Побеспокою тебя лично, брат мой и государь. Возьми с собой лишь немногих. Да будет господь нашим утешителем... Да ниспошлет он тебе силы в беде. Аминь!»

Царь кахов покачнулся в седле. Буквы запрыгали перед его глазами. Конь рванулся вперед, царь привычной рукой натянул поводья, нечаянно смял свиток. Утихомирив коня, Александр разгладил послание на груди, и только тогда почувствовал, как бешено колотится его сердце.

Александр спешился и, отпустив коня на волю, присел на валявшуюся рядом срубленную осину. Снова он перечитал послание. Затем быстро свернул свиток, словно он был краденным и спрятал его за пазуху. Но вздыбленные буквы, словно свечи, зажженные на панихиде, маячили перед его взором. В горле у него застрял комок.

Александр напрягся, с усилием глотнул — сумел сдержаться, не издал ни звука.

Когда подоспели сопровождающие, царь кахов был по обыкновению тих и задумчив. Один лишь Джандиери заметил, что у государя подрагивает левое веко.

Александр взглянул на свиту, поискал глазами Бебура и Тамаза... Но тут же вспомнил, что послал их в Мухрани с ца-

ревичем Давидом. Жаль. Плывущий на плоту остался теперь в полном одиночестве. И эта поваленная осина покачивается под ним, словно плот... Тонет под тяжестью Александра!.. Нет, под тяжестью свитка... Под тяжестью зажженных свечей и факелов...

Царь отослал свиту в Греми, оставив при себе лишь гонца и Джандиери.

Когда свита изчезла за поворотом дороги, Александр вскочил на коня.

— К смотровой башне... Напрямик... Как угодно... Только б никто не повстречался в пути! — Царь хлестнул лошадь гонца плетью — пустил ее вперед, а сам, понурив голову и опустив поводья, поехал следом.

Лишь на третий день, очутившись на берегу Куры, почувствовал Александр безмерную усталость и боль в пояснице. Проведя рукой по подбородку, он ощутил колючую щетину, а на зубах — привкус соли...

Возле смотровой башни царь заметил Зазу: он даже не узнал его поначалу. Заза был худ и печален, глаза его были полны слез.

— Не смей плакать! — рассердился на него Александр и отвернулся. Рядом, опустив голову, стоял митрополит Николоз.

— А Ираклий? — вырвалось у царя.

Николоз обнял обеими руками холодную руку брата и положил ее себе на грудь. Под монашеской рясой Александр ощутил звенья цепи... Но было там еще что-то... Что-то величиною с ладонь висело бок о бок с крестом. Рука царя ощутила бархатистую поверхность, но он ничего не понял... С мольбой взглянул Александр на своего брата.

— Десница мученика! — молвил тот.

— Десница? — Александр коснулся другой рукой бархатного свертка. Николоз снял через голову шнурок и накинул на шею Александра останки, зашитые в черный бархат.

Александр сложил руки на груди, словно защищая сердце. Он больше ни о чем не спрашивал... И не слушал никого... То, что мучило его издали и заставляло беспрестанно думать... Покоилось здесь... У него на груди... И он не мог коснуться этого рукой!

Сначала Александр крепился, но постепенно поник, сгорбился, словно на шее у него висела непомерно тяжелая ноша... Ноша давила ему на грудь, как целый плот... Рука его несчастного сына... Отсеченная кисть — всего пять пальцев...

Стражи, обнажив головы, наблюдали за встречей царя и

прибывших из Стамбула. Александр чувствовал, что больше не в силах выдержать. Повернувшись, он стал подниматься на пологий берег Куры.

Царь шел медленно, очень медленно... Так обычно провожают на кладбище покойников. На спуске он ускорил шаги, еще больше заторопился у опушки леса... Кто-то тянет его вперед, вцепился всеми пятью пальцами и тащит к опушке... Туда... К бывшему лагерю, где некогда озаренный факелами плот пересек потемневшие воды Куры, проплыл мимо берега с песней... А теперь плот словно повис на шее у отца...

Вот он поднимается вверх — отец, повелитель кахов, царь Александр, единоверец, великого Российского государя, взятый им под свое покровительство. Он поднимается как бы на новую Голгофу, грудью прикованный к деснице своего замученного сына...

И слышится ему плач — негромкий, тягучий. Так Кура бормочет обычно под плывущим плотом!

Александр с трудом различает слова.

Сначала говорил Николоз, да, да, Нико-Хосро. Он хвалил его первенца, превозносил мужество Ираклия, его высокую нравственность, называл его Ираклием — самопожертвователем. Епископ говорил о нем как о живом, плывущем на плоту по Куре для утехи... И вот, повернется плот, словно плуг, и Александр ощутит десницу сына, пашню, вспаханную им—все пять пальцев!.. Теперь рассказчик негромко повествовал о Иерусалиме, о святых местах, о гробе господнем, о Голгофе... Потом голос, а может быть, и рассказчик, переменились... А Кура все течет и течет, все ропщет и бормочет...

Царь слышит молодой, полный смятения голос, и словно бы не слышит его.

Да, да — это Заза... Рассказ его как причитание. О чем это он? Его удалили нарочно. Он не хотел уходить, но Ираклий сам его отослал... До утра продержали Зазу у Фархада-паши, посадили под замок... Утром, когда его выпустили и он вернулся домой... Все уже было кончено. Зал был прибран и окно распахнуто. Зазу встретил тщедушный лысый человечек... Лицемерно выразил соболезнование... Показал царевича со сложенными на груди руками, покоившегося на ложе. Сообщал, что причиной внезапной смерти послужила потеря крови. «По доброй воле и без всякого принуждения!»... Показал ему нож, похожий на змееныша, ранку на кисти и прошипел скользкие, извилистые змеиные слова о тщете жизни.

Человечек сообщил, что уже готова гробница на кладбище и потребовал, чтобы обряд погребения совершили поскорее.

Откуда ни возьмись появился гроб, цветы и венки и даже греческий священник.

После панихиды Зазу оставили наедине с телом.

Долго думал юноша о цене перерезанной у запястья десницы царевича. Вспомнил о желании усопшего — утвердить за собой хоть одну пядь священной Алавердской земли...

Заза дерзнул, пересилил себя, осмелился прикоснуться святая святых... По старинному горскому, хевсурскому, обычаю, отсек он кисть правой руки мученика, чтобы предать ее погребению на родине.

А заколоченный гроб еще до захода солнца засыпали древней христианской, ныне поруганной турками, землей...

Над Курой уже простиралась темная, бархатистая ночь, и волны в сумраке походили на плоты.

Когда несчастный отец взглянул на небо, ему почудилось, что в беспредельных просторах вселенной висит вместо звезд бесчисленное множество отсеченных десниц — таких же, как эта, которая давила на его сердце свинцовой тяжестью...

ГЛАВА XLII

ТЯЖКАЯ НОША

Александр не решался вернуться в Гремн со столь тяжкой ношей. Самым трудным в его положении было то, что царь не мог открыто горевать об «отступнике». Сам он, быть может, и нашел бы силу, чтобы пересилить свою скорбь, но как быть с двумя несчастными женщинами, с матерью Ираклия и с его невестой?

К тому же в Дзегами находились русские послы, а среди них священники и монахи, дожидавшиеся возвращение митрополита Николоза. Царь велел Зазе Кахниаури до поры до времени оставаться в сторожевой башне над Курой, а сам, вместе с Николозом отправился в Дзегами. Шагом, как на похоронах,

двигались кони — казалось, и им передалось настроение всадников.

При въезде в Дзегами царя окружила дворовая челядь. Но Александр не пожелал ни помыться в бане, ни подстричь бороду. Джандиери, следовавший за ним как тень, заметил, как поседел повелитель кахов за это короткое время. Александр не расставался с митрополитом Николозом. Он вызвал в Дзегами старца Зосимэ, епископов и ученых монахов... Занялся делами, силясь превозмочь себя... Но нигде не мог он обрести покой. Невидимая безжизненная рука нависла над ним и словно рак клешнями, шарила по нему своими крючковатыми пальцами. Сон бежал с глаз царя, он не мог ни на минуту забыться, с одним лишь отцом Зосимэ поделился он горестной вестью. Да и то не сам, а через митрополита Николоза. Александр, как скупец сокровища, хранил и оберегал драгоценные останки, и весь мир виделся ему как бы через эти завернутые в черный бархат бледные пальцы.

В канун какого-то праздника царь призвал русских послов и собрал все русское и грузинское духовенство. Митрополит Николоз должен был благословить в дворцовой церкви русское посольство.

Здесь же, в алтаре покоилась преподнесенная русским патриархом митрополиту икона с распятием и патриаршее послание.

Царь кахов пожелал послушать совместное русско-грузинское богослужение с церковным пением. Но русский монах Захия не пожелал служить и отказался назвать причину.

Александр почувствовал, что русское духовенство желает совещаться отдельно, без мирских властей. Он оставил им толмача, отпустил князя Звенигородского и Торху Антонова и прошел в свою опочивальню, но ложиться было еще рано. Царь вышел на кровлю дворцовой крепости, обошел всю ограду, спустился в окутанный сумерками сад. Деревья с серебрящейся листвой стояли плотной кущей. Лишь четыре зеленых тисса разной вышины высились в стороне, отдельно. Их вечнозеленые, суровые, как бы траурные иглы явственно выделялись в зимнем саду.

Каждое из этих деревьев было посажено в день рождения одного из царевичей, и в тот же день под деревом было закопано по кувшину со свадебным вином. Тисс Ираклия был самый большой и хорошо разросся. Его посадили, еще когда сам Александр был царевичем.

«Этому свадебному вину нынче двадцать три года!» — с горечью подумал царь. Словно тень, гнетущая дума нависла над головой отца, стоящего под кроной тисса, а одна колючая ветка застряла у него за пазухой...

Александр громко окликнул садовника.

— Отрежь верхушку у этого тисса! Пусть растет вширь, и не отнимает у других солнца! А вино из кувшина раздай вдовам и сиротам! — Царь топнул ногой, и из под земли, казалось, донесся глухой стон, а на сердце всколыхнулась рука хозяина и ровесника дерева и квеври.

Александр вернулся во дворец. Из посольских покоев доносились громкие голоса. Святые отцы все еще совещались.

«О чем они рассуждают? — подумал царь, и в то же время ему стало приятно... Вот, где обретет он спокойствие духа и утешение!

Он отворил дверь и вошел. Все поднялись со своих мест при появлении государя.

Александр сел в сторонке и попросил продолжить совещание.

Куршита переводил слова русского монаха Захии. Сам Захия стоял на ногах и в знак согласия кивал головой. Он то и дело помогал Куршите, вставляя русские слова.

— Мы одобряем ваши древнехристианские обычаи... Только не обижайтесь на наши вопросы, скажите, освящаете ли вы ваши соборные храмы и церкви и по какому обряду?

— Освящаем, как же иначе? — в один голос отвечали кахетинцы.

— Почему же вы не соблюдаете заветы святых апостолов? Дароносица в алтаре убрана не по правилам... И многое еще... Мы не можем служить, пока не освятим ваши храмы по законам церкви.

Куршита переводил слово в слово. Святые отцы сначала с удивлением, а потом уже и с обидой взирали на своих единоверцев.

— Почти тринадцать столетий исповедуем мы христианство! Храмы наши освящены по образу греческих... А вторично их освещать нельзя! Нет... Негоже это!—возразил митрополит Николоз, тоже поднявшись с места.

— Аминь! Аминь! — зашумели кахетинцы; но, взглянув на Зосимэ, Николоз овладел собой и продолжал уже спокойнее:

— Ежели столь желательно вам узреть освящение храма,

то пожалуйста — наш государь воздвиг в Торгва новую большую церковь, вот ее освятим совместно, по-вашему.

Понурив голову, слушал царь Александр спор святых отцов, казавшийся еще более запутанным и туманным благодаря тому, что он велся через толмача. Нет, и здесь не обрела спокойствия его измученная душа. А ведь царь и поныне надеется получить утешение и помощь от этих новых христиан! Кахетинское царство вступило ныне под покровительство русского государя, и вот люди, на которых он возлагает столько упований, спорят о том, какой длины должно быть облачение и где следует лежать евангелию... Пришельцы учат новым правилам тех, кто не раз уже пострадал за свою веру! А ведь Александр может привести как пример преданности своей вере мученически погибшего родного сына...

Александр незаметно покинул спорящих. «Этих чужих монахов вовсе не интересует наша судьба», — с горечью размышлял Александр, но все-таки не терял надежды. — «Каждому великому делу сопутствуют помехи и у каждого великого народа есть свои монахи Захии! Главное — выбрать верное направление, а это уже залог спасения, хотя бы в грядущем!»

Убитому горем отцу не сиделось в Дзегами. До каких пор мог он скрывать от домашних гибель царевича Ираклия? К тому же нельзя было на столь долгий срок отлучаться из Греми — дела царства и семейные обязанности призывали его. И вот, поборов первую горечь и боль, царь внял увещеваниям отца Зосимэ и митрополита Николоза.

— На шее у тебя висит одна отсеченная десница — и несчетное множество живых! Усопшему следует воздать должные почести и упокоить его душу, но и живые требуют внимания! Самопожертвование царевича обязывет нас — призывает жить, укреплять нашу веру и наш народ!

Но слова священнослужителей не возымели глубокого действия на царя. Его изумляло собственное сердце. Казалось, в нем звучат два голоса: один все сильнее и глубже скорбит о потере сына, а второй, как бы невольно рассуждает обо всем с точки зрения целесообразности и выгоды.

Теперь у турок нет его заложников, следовательно, руки у Александра развязаны, нет больше и царевича «отступника», претендента на престол, этого постоянного довода, приводимого русским государем, его новым покровителем. Чист Александр и перед шахиншахом, утверждающим свои права на Кахети и держащим в заложниках его младшего сына. Но зато он лишил-

ся достойного наследника престола, не удались замыслы, связанные с шамхалом... Игра продолжается, но жених, самая значительная фигура, вышел из нее...

При всех подобных подсчетах мысли царя, его рассудок были холодны и безжизненны, подобно руке его первенца. Александр начинал ненавидеть себя. «Что со мной происходит?! Мудрость это или просто — износилось сердце? Преодоление горя или змеиная изворотливость?» — изумлялся Александр.

Царь лишился сна, ушел с головой в дела, спешил, как на пожаре. Он принимал людей, отдавал приказание за приказанием... Призревал калек и бездомных, стал самолично обходить и проверять дороги и торговые ряды... Он поспевал везде — казалось, правил страной тремя руками. «Теперь и он со мною рядом... Мой соправитель из лагеря над Курой!»

Окончательные переговоры с русскими послами царь поручил Каплану Вачнадзе и возвратившемуся из Ирана Ясону Чавчавадзе.

Александр принял Ясона тепло, но по непонятной самому себе причине отложил подробный разговор об иранских делах и о царевиче Константине на будущее.

— Сообщите русским о гибели моего сына-беглеца в Стамбуле... Сообщите также, что я вновь пошлю послов в Москву, а одновременно отправлю посланника к римскому папе и испанскому королю с просьбой помочь мне в войне против турок... Кстати, напомните русским, прошло уже немало времени с тех пор, как русский государь обещал нам свое покровительство и помощь... Внушите государю, что и в Иерусалиме, и на святой горе, в Константинополе страждут христиане, они живут лишь надеждой на спасительную помощь великого государя! Попросите его как следует, чтобы оставили мне человек двадцать-тридцать своих стрельцов или воинов из числа русских, выходцев из плена. Дайте государю понять — у нас есть свое сильное войско, а стрельцы эти надобны лишь в подтверждение того, что русский государь держит свое слово и помогает нам вооруженной силой. Пусть государь знает — если народ наш почувствует облегчение от его помощи, то все грузины от Алазани до самого Черного моря отдадут себя под покровительство русских! Воздайте государю всяческие почести от нашего имени... Что бы там ни было — вся наша надежда на русских! На пасху пригласите его в Греми. Напомните русским христианам, что мы уже тысячу триста лет исповедуем христи-

анскую веру... Тогда как они, быть может, не успели даже сносить рубаху, в которой приняли первое крещение...

Наконец с государственными делами было покончено, приспело время для дела самого трудного, но неминуемого. Царь послал к царице женщин из высоких родов, находившихся в Дзегами, — Элисабед, супругу Ясона Чавчавадзе и Дареджан Чолокашвили. Александр просил их подготовить несчастную мать к страшному известию, сказать ей сначала, что Ираклий тяжело болен. Но Александр знал — сердце матери тотчас все угадает.

Послал царь скороходов и в Картли, велел царевичам немедля прибыть в монастырь Шуамта, а сам вместе с Зазой направился туда же. Ему сопутствовали старец Зосимэ, митрополит Николоз и немногие другие. В Шуамта Александр первым делом помолился на могиле своей матери. Долго взирал он на величественную стенную роспись, где, как живые, были изображены его родители. Был здесь и он сам, худой, высокий юноша с беспечным взором... Как мало походил этот отрок на теперешнего Александра, согбенного под горестной ношей! Как он счастлив был тогда, столь беспечно и молодо глядящий в вечность!

Ночью Александр не смог усидеть в материнских покоях и велел разбить шатер среди цветущих кизиловых деревьев. Здесь и встретил он сыновей, возвратившихся из Картли, где торжественно было отпраздновано обручение Давида.

«Так устроена жизнь, — думал, глядя на радостных сыновей, печальный отец, — один умирает в муках, другой горюет, а третий обручается и полон ликования... Все идет своим чередом, мир остается неизменным!»

Александр направился вместе с царевичами к Алаверди. В Телави свита царя значительно пополнилась. Смутные слухи о самопожертвовании Ираклия успели распространиться по всей Кахети и произвели огромное впечатление как на высокородных, так и на простой люд. Никто не горевал явно — все знали, что царь не одобрит этого. Молча, даже не снимая шапок, следовали люди за владельцем тяжкого груза по многолюдной Алазанской долине.

Александр словно не замечал все увеличивавшегося многолюдья. Возле Алавердской обители царя встретили гремская знать и ремесленники.

Митрополит Николоз в сослужении со всеми кахетинскими епископами благоговейно пропел панихиду по безымянному по-

койнику. Потом произнес иносказательную проповедь о подвиге и о высокой нравственности самопожертвователей. Призвал собравшихся взглянуть на собственную десницу и отдаться думам о родине, а немного погодя попросил всех покинуть храм. Люди молча выходили из храма и стояли с обнаженными головами во дворе. Даже женщины сняли свои уборы и распустили волосы. Люди стояли и смотрели на колокольню, словно она была причиной и предметом их тихой скорби.

Храм опустел. Спустились с хоров певчие. Ушли и священнослужители. Наконец остались лишь пятеро наиболее близких усопшему.

По просьбе отца, отец Зосимэ и митрополит Николоз вновь отслужили тихую, но на сей раз уже не безымянную панихиду. Суровый и непреклонный в своей скорби, стоял царь Александр под огромной люстрой. Рядом с ним стоял еще не успевший прийти в себя, ошеломленный страшной вестью царевич Георгий. У двери застыли молчаливые Заза Кахниаури и Давид Джандиери. А царевича Давида нигде не было видно. Еще в Шуамта, узнав о случившемся, он забился в припадке. Немного оправившись, Давид последовал за отцом в Алаверди, но тут окончательно слег и пребывал в одиночестве в покоях митрополита Алавердского, единоборствуя с собственной совестью.

— Это мне, мне предназначалась такая судьба! Я избежал ее обманным путем, и она досталась брату... Моему старшему брату! — шептал Давид, но и тут пытался найти себе оправдание: — Но почему же именно я? А Георгий? И его она миновала... И меня... А Ираклию выпала эта доля... Старшему брату... Наследнику престола! — И дальше мысль его мчалась, спотыкаясь, как хромой конь: — Наследник престола! Так значит... Теперь я на очереди... Я старший! Я — наследник!.. Да, я один, только я! Горе мне, несчастному! — и вновь скорбь и печаль пересиливали горячечные грезы.

Царевич метался, словно в бреду. Мечты и угрызения совести смешались... Какой-то сладостный огонь пожирал его... Этот предмет... Что висит у отца на шее... Мощи, частица, оставшаяся от брата... Для Давида это обозначает престол! И это доселе смутное, ныне ставшее очевидным обстоятельство приводило царевича в смятение.

Ветерок натянул оконную занавеску, она зашевелилась. Давиду померещился лечаки, перед мысленным взором его встала Кетеван, дочь Мухран-батони, его невеста. Внезапно Давида бросило в жар, он замер...

«Как украсит корона мою Кетеван!» — скорбь непроизвольно сменялась честолюбивыми мечтами...

Царевич встал с постели, оделся и присел у очага. В это время негромко, скорбно зазвонили колокола. Давид вскочил, перекрестился, бледный, с непокрытой головой выбежал из покоев и устремился к храму.

Во дворе молча стояли высокородные князья и княгини, простолюдины и духовенство. Все посторонились, давая дорогу царевичу и опустили головы еще ниже. Давид явственно ощутил — в храм шел наследник престола! Щеки его слегка порозовели, он с высоко поднятой головой шагнул вперед и властно отворил дверь. В самой середине храма, под ногой Давида дрогнула плита, он невольно посмотрел на пол... Нет, зрение не обманывает его — на камне высечена кисть руки.

Давид стал справа от отца, но Александр даже не заметил его прихода...

Монахи тихим голосом затянули отходную... Александр покачнулся, пересилил себя и заговорил:

— Время расставаться!

Георгий коснулся рукой Давида, подал знак. Давид вздрогнул, пошел вслед за ним... Георгий остановился посредине храма, как раз возле той плиты, с высеченной на ней рукой, и просунул в щель небольшой лом. Камень отвалился, тут только Давид сообразил, что это — могила для руки Ираклия, и поспешил помочь Георгию. Но стоило ему коснуться высеченных на камне пальцев, как наследник вздрогнул, словно от ожога; казалось, они собирались отсечь его собственную руку и замуровать ее под этим камнем! Царевич тотчас спрятал руки за спиной.

Александр достал покоившийся на его груди бархатный сверток, не разворачивая, облобызал его и передал Давиду. Побледневший Давид поспешно прижал сверток к губам и, верно, выронил бы его, не подоспей во время Георгий.

Десница мученика переходила из рук в руки. Затем она вернулась к отцу; Александр взял с аналоя небольшой черный ящичек, заключил в него десницу самопожертвователя и поставил ящичек в углубление между плитами пола.

Братья взялись за плиту с орнаментом и положили ее сверху, вровень с полом.

Оба священнослужителя, Заза и Давид Джандиери с зажженными свечами в руках подошли к могиле.

Рука, высеченная на каменной плите, была видна теперь со-

вершенно явственно. Царевичу Давиду показалось, что камень просвечивает... Испуганный, он огляделся вокруг...

Все стояли на коленях, склонив долу свечи... Преклонил колени и царевич Давид.

Монахи пели тихими голосами. Снаружи доносился мерный траурный перезвон колоколов.

Георгий взглянул на Зазу. Тот понял его без слов, и пододвинул чашку с известковым раствором, стоявшую за амвоном.

Александр зачерпнул в голую горсть раствор и опустил в зазор, оставшийся между каменными плитами.

Каждый положил по горсти известки, почтив подвиг и бесценную десницу того, кто желал для себя лишь одной пяди Алавердской земли...

Затем Георгий стал разравнивать мастерком раствор.

— Я сам! Я сам! — зашептал Александр и взял у него мастерок... Но дрожащая рука не подчинялась ему и мастерок лишь глухо стучал о плиты.

— Оставь, отец! — Георгий с трудом высвободил из одеревенелых рук царя мастерок, поднял отца и, поддерживая под руку, повел его к выходу.

Заза отворил ворота. Когда они выходили из храма, до Георгия донеслись странные звуки. Он обернулся. Давид бился в припадке, он лежал на полу и колотился головой о могильный камень.

— Пошли за Оманом! — крикнул Георгий Зазе и вывел отца из храма.

На колокольне все еще скорбно звонили колокола. За оградой молчаливо толпился народ.

Каждый стоял, приподняв правую руку над обнаженной головой, словно принося перед десницей, высеченной на плите алавердского храма, молчаливую клятву верности.

ГЛАВА XLIII

В ЧУЖОМ СЕДЛЕ

Царица Мариам была больна. Как только ей сообщили о болезни Ираклия, сердце матери тотчас почуяло правду. Ее уже ничем не удавалось утешить, пока она не выплакала своего горя и не упала без чувств на постель.

Царица никого, кроме Сали, не хотела видеть, даже дочь свою, Нестан, отослала от себя. Сали же, напротив, крепилась. Она не плакала. Оцепенев от скорби, сидела девушка у изголовья царицы, лишившейся от горя голоса, и перед мысленным взором ее стоял бубен, пробитый пулей...

Царь Александр все еще не показывался в Греми, не возвращались во дворец и царевичи. Только отец Зосимэ вернулся из Алаверди и, преодолев печаль, посетил царицу, высказал скорбящей матери соболезнование, попытался утешить ее, как только мог. Подробно рассказал он Мариам о самопожертвовании ее первенца. Старец не сообщил ей лишь о тайно привезенной и погребенной в храме деснице... То была личная тайна царя, — к тому же, она легла бы непосильным бременем на несчастную мать. Отец Зосимэ увещевал царицу искать утешения в заботах о счастьи и благополучии других детей.

— Чем же утешиться мне, святой отец? — еле слышно спросила Сали.

— Ты... Несчастное дитя... — Зосимэ умолк, ушел в тяжкие мысли. Что он мог ей посоветовать? Сказать, что она еще молода? Что еще найдет свое счастье? Любой другой девушке Зосимэ сказал бы именно это... Но в затуманенных тоской глазах Сали была такая скорбь, что у старца не повернулся язык.

Быть может, Зосимэ посоветовал бы ей идти в монастырь, но эту юную прекрасную деву с ослепительной улыбкой, всего лишь недавно принявшую христианство, добрый пастырь никак не мог представить себе в роли монахини.

— Дитя мое... Здесь ты обрела новых родителей... Они утешат тебя и не дадут в обиду!

Но это было плохим утешением... Совсем иного ждала от него Сали... Монах не нашел нужного слова — он не знал, что ей сказать. Девушка почувствовала это, и в эту минуту впервые заглянула по ту сторону расколотого бубна. Вдруг, неожиданно для самой себя Сали начала причитать по-горски. Зосимэ понял, что христианская вера в душе новообращенной поколеблена.

Вскоре царевич Давид вернулся в Греми. Он был возбужден и вместе с тем печален. Давид не выносил женского плача и причитаний и все же не отходил от матери, утешал ее, проявляя непривычную мягкость. Сали он явно избегал, но в то же время незаметно к ней приглядывался, все сравнивая со своей невестой. В конце концов он остался доволен результатом сравнения. Нет, моя невеста во сто раз лучше невесты Ираклия! Куда этой горянке до Кетеван с ее [illegible]еливой осанкой и словно высеченным

из мрамора пленительным лицом. Но самодовольство его вскоре угасло и вновь начались угрызения совести. Царевич стал втихомолку пить... Потом пристрастился к веселью и кутежам... Вскоре нетерпение влюбленного охватило его, и он с восхищением стал рассказывать погруженным в горе близким о своем обручении, о невесте...

Мать, несмотря на скорбь, радовалась его счастью, а Сали невольно всплакнула.

Отец и брат не спешили с возвращением в Греми. А Давиду уже не сиделось среди скорбящих...

— Слыхано ли — такой долгий траур во дворце! — частенько нашептывал Давиду поверенный его тайн сахлтухуцеси Оман, которому не меньше чем самому царевичу не терпелось сыграть его свадьбу. Да и до траура ли было Оману — близился час его торжества.

Давид завел привычку по ночам выбираться в город и устраивать тайные попойки с какими-то собутыльниками. Попробовал он и курить гашиш. Одурманенный царевич ложился в пестро расписанном подвале у Чамчи-лекаря, и низко нависший потолок казался ему лазурным сводом седьмого неба... На крыльях красочной мечты мчался он вдаль. Белый скакун Саварсамисдзе[1] был стремителен, как вихрь... И не было у Давида достойных соперников! Тени простирали к нему руки, величая его вторым Давидом Строителем[2], и предки, вновь обретшие п поднявшись из могил, так же, как не родившиеся еще п от моря и до моря славили имя Давида. А он все мча лом скакуне к хрустальным чертогам... и прекра ван с нетерпением ожидала прославленного героя.

Вскоре грезы наяву, мечты о грядущей коро ее украшении — мухранской жемчужине, стали п Давида и без дурмана, и он возвысился в собс

— Вот она — истинная, возвышенная лю Кетеван озаряла ему каждый божий день с нием.

Среди пирушки, из глубины рога на вдруг глаза невесты, и он еще жаднее с ло, взмахнет платком, — и перед взором стан Кетеван, плывущей навстречу ему

[1] Герой грузинского эпоса.

[2] Давид Строитель — грузин выдающаяся личность в истории Грузии

ча кружилась голова и он отдавался бешеному, пьяному танцу. А потом, после пира, пронырливый наперсник царевича Бесия приводил к нему какую-нибудь щедрую на ласки служанку и царевич ласкал ее похотливой рукой, а перед глазами его сиял образ недоступной и от этого еще более желанной невесты...

На следующий день, опохмелившись, Давид с воодушевлением брался за иранскую рукопись «Килилы и Даманы» и продолжал свой перевод, начатый по указанию отца еще в давние времена, но потом заброшенный. После обручения Давид вновь приохотился к этой работе, ему хотелось, подобно великому поэту, преподнести своей возлюбленной к свадьбе драгоценный подарок. Но перевод давался с трудом... Разве что, во время работы послышится Давиду голос Кетеван...

День, назначенный для бракосочетания, был уже не за горами. Свадьбу намеревались сыграть на пасху, но тогда еще не было известно о гибели Ираклия... А теперь, кто знает, сколько времени продлится тайный траур «Александра и матери»? Мать-то ему еще удастся, пожалуй, уговорить, а перед отцом, которого Давид про себя называл теперь «Александром», царевич робел... Хотя Оман и обещал уладить дело... Ну, а пока, чтобы как-то унять любовное терзание, царевич продолжал пировать и курманиваться гашишем и часто болел.

Горестным и печальным было возвращение Александра до- своей семье. Долго сидели он и царица Мариам безмолв- ивальне с затемненными окнами. Большое зеркало бы- чено белой тканью, перед иконами горела лампада и х веток мирта виднелась только что срезанная ве- Александр сразу догадался — это был Дзегамский больше не плакала. Янтарно-белые щеки ее не- круглого лица были прорезаны глубокими бо- слез. На седых, почти что белых косах отчет- ный траурный лечаки.

олько времени прошло, сколько горя пере- седели! — негромко заговорил Александр. жене тайну сыновней десницы, рассказал арица закрыла глаза и положила свою удь измученного супруга, словно десни- илась там, в ожидании материнской

ни, чтобы предаваться скорби, — сно- скоро пасха... Надо подумать о Да-

виде. Будем горевать тайком, а он пусть женится. Мне нужен твой совет. Все-таки матери труднее переносить горе! — неожиданно для себя заключил царь и вспомнил, что раньше он думал несколько иначе... Да и вообще редко задумывался обо всем этом...

Царица Мариам долго сидела неподвижно, с закрытыми глазами. Потом с трудом приподняла налитые свинцом веки:

— Конечно, пускай женится... А я завтра же поеду в Алаверди.

На следующий день полетели гонцы в Мухрани, в Тбилиси, в Дзегами, в Телави и на Арагви... Скоро пасха, а к свадьбе царевича-наследника престола нужно подготовиться как следует!

Царь кахов приставил к Давиду в качестве посаженного отца Омана Чолокашвили и выпроводил их в Телави. Перед самой свадьбой, накануне пасхи, туда должны были привезти из Мухрани невесту.

Александр и Мариам не собирались присутствовать на свадьбе. Но в самый канун пасхи Александр надумал устроить в честь усопшего по обычаю тушин «далаоба», игры на ристалище... Местом для состязаний выбрали площадь, расположенную чуть ниже Греми.

Сюда должны были прибыть оба свадебных поезда — из Мухрани и из Телави.

Здесь царь кахов должен был встретиться со своей невесткой.

Александр отослал в Мухрани и в Телави множество молодых знатных дворян и почтенных старцев, отобрал для свадебной свиты пьющих и непьянеющих, могущих без устали произносить здравицы застольцев, сладкоголосых певцов, скоморохов и плясунов. С ними было послано и вино, закопанное в день рождения Давида в Дзегамском саду. Александр благословил в путь свадебное шествие, а сам остался дома, полный скорби и грусти...

Не менее трудным было возвращение в Греми и для Зазы. Дома все его встретили в добром здравии, но радость встречи не могла нарушить печали юноши.

После царской семьи, наиболее тяжело пережили Стамбульскую жертву именно в семье Мамуки. Казалось, что в доме Кахниаури лежал покойник с отсеченной рукой... Даже подросший Сиауш и Матвей Ногирин горько оплакивали гибель царевича.

Сатино и Мамука не только жалели своего исстрадавшегося, удрученного скорбью о потерянном друге сына, но и относились к нему с каким-то почтением. Заза был для них уже не только

первенцем, но и избранником, пострадавшим за родину, и к тому же высоким сановником, которого особо отметил кахетинский царь.

По последнему царскому указу Заза «За ревность и бескорыстное служение родине и царскому семейству» был возведен в княжеское достоинство.

Заза даже не показал домашним эту грамоту — не до того ему было. Сердце юноши осталось там, за Черным морем... Полное любви к погибшему другу и скорби о нем...

Заза был сейчас как раз в том пылком юношеском возрасте, когда сердце человека всего более способно на бескорыстную дружбу.

Заза чувствовал, что он духовно осиротел. Нет, юноша так же сильно любил своих родных, но теперь ему все рисовалось как бы сквозь тернии мученического венца утраченного друга...

Отягченное скорбью сердце Зазы не хотело знать теперь никаких иных чувств и отталкивало даже любовь Халианы.

Была на то и еще одна затаенная, глубокая причина... В мечтах своих Заза не отделял своей любви от любви Ираклия и Салихи, и теперь, когда соединение царевича с горской невестой стало невозможным, увенчание собственной любви Заза считал «изменой» погибшему другу. Поэтому он всячески сторонился своей суженой.

Халиана почувствовала это при первой же встрече. Ею тоже владело схожее чувство, но разница между их ощущениями все-таки была велика. Халиана хоть и сильно переживала горе Сали, с которой очень сблизилась, но тем острее ощущала свое счастье — ведь судьба вернула ей любимого целым и невредимым! Быть может, в этом проявлялось глубокое различие женщины и мужчины. Ведь женщина гораздо сильнее ощущает счастье и лучше мужчины переносит невзгоды!

Халиана с радостью и испугом приняла весть о том, что Зазе пожаловали княжеское звание. Она тотчас поспешила домой. Там никого не оказалось. Жилище, привычное с детства, показалось девушке пустынным. Халиана постеснялась спуститься к Мамуке. Неведомое ранее чувство неловкости сковало ее.

— А вдруг... — Но девушка не додумала мысли до конца и глянула на потолок: привычный с детства, он некогда казался ей чудом чудес. Но теперь Халиана ясно видела, что это всего лишь незатейливый потолок, расписанный ремесленником и принадлежащий Манасэ Джигаури. Куда ему до князей! И Халиане показалось, что Заза теперь от нее дальше, чем если бы он нахо-

дился в Стамбуле или в Москве. Но чем дальше отходил он, тем сильнее она его любила!

Наконец девушка решилась и украдкой поглядела с балкона на соседский дом.

Семья Мамуки сидела за обедом. Заза расположился спиной к открытому окну, рядом с ним помещался Матвей Ногирин, напротив — Мамука и Сиауш. Тетушка Сатино раздавала кушанья.

И вдруг Халиане так захотелось семейного уюта, что даже слезы навернулись ей на глаза... Она представила себя вот так же, с половником в руках, на месте Сатино... А на месте Мамуки сидел Заза, навечно и нераздельно соединенный с нею... Только девушка не сразу представила себе, кто же будет на месте Сиауша?..

Слезы высохли на ее глазах. С чего ей плакать? Слава богу, Заза вернулся целым и невредимым... Бедная Сатино, как ей должно быть, тяжело... К тому же Заза теперь так выдвинулся... Правда, он не объявил ей окончательно о своей любви, не объяснился с ней решительно, не просил ее руки, но это вовсе не потому, что он стыдится своей Халианы; просто, он робеет... Да к тому же так горюет о погибшем друге! Вот, когда сердце его утешится... Ведь мужчины, как дети, — не могут одновременно испытывать горе и радость, любовь и ненависть! Если они горюют, то будут плакать и на свадьбе, и на поминках... А если радуются, то и на похоронах могут затянуть «Мравалжамиер»!

Но в глубине души ее все-таки мучили сомнения:

— А вдруг он возгордился?.. — Халиана снова взглянула на потолок. Нет, нужно не откладывая зайти к Мамуке, она тотчас все почувствует. Нельзя ей так дурно думать о Зазе!

— Сиауш! — негромко позвала она и спряталась за дверью. — Новоиспеченный князь дома? — спросила она у вбежавшего мальчика.

— Какой князь? У нас дома нет чужих!

«Даже никому не сказал!» — обрадовалась Халиана. Ей стало совестно своих подозрений.

— Он вам ничего не говорил?! Это мне и нужно было узнать!

Но не так легко было отделаться от Сиауша, который ничего не понял, но загорелся любопытством.

— Идем к нам, братец Заза о тебе спрашивал! — Мальчик

не привык лгать, и девушка сразу заметила, что это неправда.

— Не братец Заза, а князь Заза... — рассердилась она. — А ты — лгунишка. А то, что Заза мне хочет сказать, и без того всем известно. Это написано в царской грамоте.

Сиауш разинул рот от удивления, почесал затылок и внезапно припомнил, что, придя домой, Заза положил под рукопись «Соцветия» какую-то новую грамоту. Мальчик опрометью кинулся вон.

Халиана видела, как Сиауш ворвался в комнату, бросился к книжной полке... Положил перед отцом какую-то бумагу. Мамука сразу встал и подошел к окну.

Халиана спряталась в глубине комнаты. Из жилища Мамуки доносился оживленный разговор, потом все голоса перекрыл рокочущий, словно рассерженный голос Матвея. Он гремел довольно долго, а когда стих, дверь в комнату Халианы отворилась.

— Куда ты запропастилась, девчонка? — Матвей бесцеремонно схватил Халиану за руку и чуть ли не силой поволок упирающуюся девушку за собой...

— Будет... Будет... Ничего! — Матвей затащил ее к Мамуке и с многозначительным видом закрыл за собою дверь.

— Как же так можно, Матвей — запричитала Сатино, заступаясь за Халиану... Она прижала девушку к груди, заслонила собой.

Но Матвей уже оставил девушку в покое. Распушив усы и выставив кулаки, Матвей подступил к Зазе. Все стояли на ногах, только новоявленный князь сидел с поникшей головой. При появлении Халианы он опустил голову еще ниже.

Матвей долго что-то говорил по-русски. Заза сгорал от стыда. Лучше бы земля под ним разверзлась. Единственное, что его утешало, — кроме него и Матвея, никто ничего не понимал... Приемный отец разволновался и судил строже родного:

— Вот так дурень! Тысячу разных отговорок выдумал. Нет, ты хоть ответь! Слово вымолви! То у него времени нету... То он друга оплакивает... То ему стыдно! Стыдно поступать, как ты! Просто позор! Девушке нужно твердо сказать... Кому нужны твои ухаживания, болтовня да стишки? Нравится — обручайся! Не нравится — близко не подходи. Вот и весь сказ. — И Матвей так хватил кулаком по столу, что чашки и плошки вместе с грамотой подскочили со звоном.

Заза молчал.

— Может, она тебе не нравится? — снова спросил Матвей,

и сам рассердился на свой вопрос. — Не может того быть... Девка — что твой цветок! И красивая и честная... Домовитая, хозяйственная... Воспитанная и хорошего рода; да ты и сам не хуже меня знаешь! А еще меня заставляешь расхваливать! — Матвей обошел вокруг стола, стал рядом с Мамукой и издали погрозил Зазе пальцем. — Мне до твоего княжества дела нет... Ты для меня все тот же бежавший от лезгин худой и оборванный мальчишка, которого я накормил хлебом и посадил перед собой в седло... Вот тебе и весь сказ. Ты меня берегись! Со мной всякие эти твои штучки не пройдут! А стесняться уже поздно. Ладно уж, беру весь стыд на себя. А коли по другу горюешь — это не причина. Я своими руками похоронил друга, который был мне дороже брата. Десятки раз разражался надо мной гром... Мне случалось идти приступом на десять крепостей и столько же отдавать врагу... Хватит того, что я сам одинок!.. Жена это одно, друзья, воины, крепости и пушки — другое! — Матвей утер платком усы, и, не находя больше слов, обернулся к Мамуке, заговорил по-грузински:

— Ну, что ты скажешь, отец? А ты, матушка?

— Да, сынок, он прав! — тотчас подтвердил Мамука. Он заметил слезы на глазах Сатино, и это убедило его больше, чем разглагольствования Матвея. — Знай, что это будет нам приятнее, чем твоя грамота.

Теперь Заза больше всего на свете боялся, что разговор продолжится по-грузински, и сразу же согласился.

— Все это верно.. Да я и сам, — он покраснел и снова заговорил по-русски.

Матвей все еще сердился... Он легонько потрепал Зазу по скуле и обнажил редкие зубы.

— Вот и ладно! — Тут Матвей снова потянулся к Халиане, схватил ее за руку.

Девушка спряталась за спиной Сатино, закрыла лицо кончиком ее головного платка.

— Иди, детка, иди!.. К добру это! К добру все! — Сатино обняла Халиану за талию, прижала к себе, а потом вместе с Матвеем подтолкнула ее к Зазе, поставила рядом с сыном.

— Чего они хотят от тебя, Заза? — испуганно спросила растерянная Халиана.

— Да вот, из-за тебя все... Но разве же я виноват? — Заза с трудом поднял взор на Халиану и, увидев ее просиявшие глаза, застенчивый румянец на ее лице, понял, что и впрямь был виноват перед нею.

Мамука увидел во дворе Манасэ, Дарью и Китесу:

— Пожалуйте сюда, соседи... Поглядите, что наш Матвей затеял! — крикнул он в окно и вышел навстречу им, быть может, затем, чтобы скрыть от остальных свою растерянность.

А Матвей подмигнул Сиаушу обоими глазами — это был условный знак, чтобы тот принес большой рог... И когда Манасэ с семьей вошли к Мамуке, Матвей тотчас вручил ему полный рог и стал приговаривать:

— Наш Заза — ваша Халиана! Вот и весь сказ... Слово и обручение! Пир и песни! Эх, где мой надтреснутый квеври! Возле него мы и должны сыграть эту свадьбу!

На пасху в Мухрани сыграли свадьбу. Пир вышел на славу — было съедено множество дичи, забито несметное количество домашней скотины, видно лилось рекой... Песни и пляски, состязания, скачки и единоборство богатырей украшали празднество.

Давид сидел рядом со своей избранницей и блаженствовал. И дружки подобрались ладные. Кахетинцы оказались выносливее мухранцев и на пиру и в состязаниях. Одно лишь омрачало Давиду праздник — всюду больше всех выделялся его брат Георгий.

— Поглядите... Сверкает, как алмаз, — шептались женщины. — Нет, и жених хорош, но, — дальше Давиду не удалось разобрать, но и этого было достаточно, чтобы больно его уколоть. А Георгий так же искренне радовался счастью Давида, как недавно скорбел о гибели старшего брата. Он с юношеским увлечением праздновал эту свадьбу, тем более, что ему очень понравилась невеста, и он сразу полюбил Кетеван как сестру. Георгию все давалось легко. Он умел складывать веселые стихи, плясать, побеждать в состязаниях... Он отлично играл в мяч, был метким стрелком из ружья и лука.

Стоило Георгию выиграть приз — кубок или пестрый платок, или завоевать в единоборстве меч и бурку, он тотчас с юношеским обожанием складывал свою добычу у ног Кетеван.

Георгий не замечал ни косых взглядов брата, ни ласковых взоров мухранских красавиц, украдкой посматривавших на него.

Наконец Давид не вытерпел — ему тоже захотелось покрасоваться.

Шло состязание «исинди». Давид велел вывести своего во-

роного и уже привстал было с места, но легкое прикосновение руки его невесты остановило царевича. Кетеван не произнесла ни слова, но взгляд ее заставил царевича подчиниться.

Самоуверенного Давида охватила досада. Что означает такая дерзость? Кто смеет перечить ему? Как Кетеван осмелилась? Или быть может, она сомневается в его удали и мужестве? Он сердился в душе, но не двигался с места. Словно неведомая сила сковала и удержала его.

«Может, это и есть настоящая любовь? Да, наверно!» — подумал он, успокаиваясь. И зачем ему спешить? Разве он не успеет доказать Кетеван свое мужество? Ведь он возьмет ее с собой... Как жену свою и царицу! Они всю жизнь должны прожить вместе и вместе царствовать! Да-да, царствовать! Велика важность — все эти кубки и платки... Мечи и бурки... Он преподнесет своей избраннице корону Кахети!

Кахетинцы оставались в Мухрани дольше, чем было решено вначале. Георгий думал, что Давида ничто не сможет задержать, но Кетеван сказала лишь два-три слова и Давид задержался на целую неделю.

Наконец гости в сопровождении конной свиты направились в Телави. В Картли все еще было неспокойно. В Метехи и в Нарикале, в Дманиси и в Горийской крепости стояли турки, то и дело делавшие набеги на Картлийскую долину. Жители осмеливались пускаться в путь лишь целыми караванами. Ясное дело, большой свадебный поезд был как следует вооружен и находился в полной боевой готовности. Около Сагурамо путники действительно наткнулись на довольно крупную шайку турок, и тотчас вслед за свадебной песней грянула боевая, походная, раздались воинственные клики и грохот оружейных залпов.

Давид немного растерялся. Он не знал, как ему поступить, — принять участие в сражении или оставаться около своей молодой жены, чтобы охранять ее.

Подружки невесты и гостьи тотчас подняли страшный крик.

— Молчать! — гневно прикрикнула на них Кетеван, потом взглянула на Давида в упор, коснулась рукой его меча: — Вот теперь я тебя отпущу!

— За царицу! — воскликнул Давид и помчался во весь опор в самую гущу рукопашной схватки.

Разгоряченные выпитым перед тем вином, полные боевого пыла, могли ли кахетинцы и картлийцы потерпеть поражение? Воины состязались друг с другом в доблести, зная, что на них

устремлены взгляды молодой царицы и ее красавиц-подружек. Враг был разбит с первого же удара.

Давид отличился — бился со славой. А Георгий даже захватил трофей и бросил под ноги коня Кетеван отсеченную голову турецкого минбаши.

— Врага приятнее видеть вот так! Ну, а друзей, не дай тебе господь, увидеть без головы, дорогая невестка!

Снова затянули свадебную — так, с песней и пересекли границу между Картли и Кахети.

Потом горными дорогами путники благополучно спустились на Иори, перевалили через Гомбори... Здесь их встретили радушные кахетинцы. В Шуамта, под цветущими кизиловыми деревьями был накрыт дорожный свадебный стол, а в Телави гостей ожидало богатое пиршество.

Мухранское вино сменилось кахетинским... Вместо булачаурских оленей жарились на вертелах кудигорские косули и моваканские джейраны. Натахтарским тетеревам и куропаткам не уступали алазанские фазаны и турачи.

Телавцы постарались вовсю, ничего не пожалели для Кетеван. Все были очарованы прекрасной дочерью Мухран-батони.

— Если б она не улыбалась — можно бы подумать, что это икона!

— Ну, как же ее не любить царевичу — солнцеликую, выточенную из хрусталя! Попробуй-ка, найди у нее изъян... Бьюсь об заклад — не отыщешь!

— Подумать только, что на счастье кому-то распустилась подобная роза! — Судили да рядили телавцы.

И как-то само собой получилось, что молодую супругу царевича народ с самого начала нарек царицей Кахети.

К концу недели от царя прибыли почетные гонцы и поздравления. Александр приглашал свадебный поезд в Греми. Царевичу сообщили веление отца — в день поминовения духа усопшего царевича Ираклия, а также для ознаменования радости, сменившей печаль, во время празднования свадьбы Давида в Греми назначалось состязание-джигитовка и игра в мяч на конях.

Гости в сопровождении многочисленных телавцев тотчас направились в Греми. Молодых встречали все жители Греми и окрестных деревень.

Царь наслышался многочисленных похвал по адресу своей невестки, но в глубине души повелитель кахов думал: «Давиду

нужна не просто красавица, а женщина с твердым характером, чтобы взять его в руки, заставить остепениться, сделать его семьянином.»

Но едва увидев свою невестку, коснувшись губами ее ясного, ровного лба, рассмотрев тонко очерченные губы Кетеван, Александр радостно подумал: «Это не только красавица, но и женщина с волей и характером».

Александр встретил Кетеван с большими почестями. Он сам показал невестку народу. На берегу Алазани был приготовлен пышно убранный стол, а после угощения царь повел гостей прямо на ристалище в Греми.

Во дворце пока все-таки царил траур, там находились лишь недавно возвратившиеся из Алаверди царица Мариам и Сали.

Большие состязания обычно начинались фехтованием — «парикаоба». Один из царевичей, бряцая мечом и щитом, первым вступал в единоборство. Давид не стал никого дожидаться, не взглянул на Кетеван и выскочил на арену.

— Георгий, начнем! Спускайся! — крикнул он и ударил рукояткой короткого меча по щиту. Георгий устремился ему навстречу, братья сошлись, ударили щитом о щит и расступились.

Начался поединок. Сначала оба прошлись в «давлури». Давид был стремительнее, а Георгий лучше владел мечом. Оба разгорячились, вошли во вкус игры. Трудно было предсказать, кто возьмет верх, но Кетеван не нравился чрезмерный пыл противников, и она бросила свой мандили между братьями. Противники тотчас же разошлись.

Царя кахов порадовал воинственный пыл сыновей, но еще более — догадливость невестки.

После многих различных состязаний перешли к игре в мяч на конях. По знаку царя Александра оседлали белого скакуна Ираклия «Тетру», разукрасили его и вывели из конюшни. И он должен был принять участие в скачках. Состязаться в быстроте с «Тетрой» мог разве что новый жеребец самого царя кахов.

Александр хотел посадить на этого коня самого близкого друга царевича Ираклия Зазу Кахниаури.

Глаза Давида тотчас приковались к белому скакуну, но он пересилил себя. «К чему мне чужой конь?» — подумал он, но тотчас рассердился: «Что значит — чужой? Это конь наследника престола, значит он принадлежит мне!»

Когда царь самолично кинул на арену большой мяч, Давид

схватился за клюшку, никого не спрашиваясь, вскочил на белого скакуна и ворвался в ряды игроков.

Жители левого и правого берегов Алазани составили две партии игроков. Царевич Георгий встал в ряды правобережных... Давид присоединился к игрокам левого берега.

Левобережные завладели мячом и пустили лошадей вскачь, но им не удалось уйти от противника. Георгий налетел на ведущего игрока и ударил кожаный, набитый шерстью мяч своей клюшкой.

Мяч выкатился на середину поля. Все устремились к нему. Но тут выяснилось, на что способен белый скакун... Он перелетел через упавшего всадника, и Давид первым коснулся клюшкой мяча, подхватил его. Сначала Давид нес мяч хорошо, но из-за выпитого вина и чрезмерного волнения он слишком торопился, мяч соскользнул с клюшки, и прежде, чем царевич успел вторично им завладеть, игроки с гиканьем окружили мяч со всех сторон. Давид изловчился, свесился с седла, но у него, как обычно при этом, закружилась голова. Георгий всегда был лучшим наездником, чем Давид. Он промчался мимо, держа клюшку наготове, и вытащил мяч прямо из-под носа у Давида. Затем, свесившись и прильнув к боку лошади, Георгий ускользнул от защитников и вырвался вперед.

Всадники потеряли мяч из виду и стали метаться в разные стороны.

— Мяч у Георгия! Не пускайте его! — раздался крик Давида. Он пустил коня вскачь, настиг Георгия, преградил ему путь... Но не рассчитав, попал клюшкой по крупу коня Георгия и сломал клюшку. Он все-таки попробовал ухватить мяч. Испуганный конь шарахнулся, и, когда братья разъехались в разные стороны, мяч вновь свободно покатился по полю. Над ним, поднимая вихри пыли, промчалась лавина всадников.

— Руки прочь от мяча! — завопил Давид, швырнул обломок клюшки в живой вихрь и помчался на игроков. Молодые азнауры в испуге разъехались в разные стороны, бросив мяч стоявшему рядом царевичу Георгию... Георгий метко поймал его в воздухе клюшкой, но, прежде чем он успел повернуть коня, путь ему преградил Давид. Лицо Давида пылало, казалось, он ничего не соображает; ударив со всего маху кинжалом по клюшке Георгия, он перерубил ее. Мяч покатился по земле.

— Что ты делаешь, Давид, ведь это игра! — крикнул Георгий и, изловчившись, снова свесился с коня, выбросил мяч да-

леко вперед. — Вот вам мяч, играйте! — велел он игрокам и снова выпрямился в седле.

Игроки подскакали со всех сторон... Громкие возгласы разнеслись по полю...

— Мяч мой! — заглушил все голоса безумный вопль Давида. Свесившись с коня, взмокшего от скачки, царевич нацелился взглядом на мяч. Игроки, заметив в руке наследника кинжал, посторонились.

Теперь Давид не видел ничего, кроме мяча... Голова у него кружилась, но он собрался с силами, свесился еще ниже и, не успев даже сообразить, что делает, насадил кожаный мяч на кинжал, поднял его высоко над головой и помчался во весь опор галопом, но не к воротам ограды, а к пригорку, где стоял царский шатер и откуда царь Александр и почетные гости смотрели на игру.

Конечно, никто не мог догнать Давида, ведь он сидел на скакуне Ираклия!

Давид вихрем примчался к холму и бросил проткнутый насквозь мяч Александра к ногам своей царицы и будущей царицы Кахети.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I
ЗОЛОТАЯ КУПЕЛЬ 7

ГЛАВА II
ГОЛУБЬ И КРЕСТ 20

ГЛАВА III
ВДАЛИ ОТ ПИРШЕСТВА 27

ГЛАВА IV
ХРОМОЙ КУПЕЦ 35

ГЛАВА V
БЕСХВОСТЫЙ БУЙВОЛЕНОК 41

ГЛАВА VI
СОЦВЕТИЕ СЛОВ 48

ГЛАВА VII
ПОРА УТЕХ 57

ГЛАВА VIII
СЛОМАННЫЙ ЛЕНЧИК 62

ГЛАВА IX
ФОНТАН СЛЕЗ 75

ГЛАВА X
ТРЕТЬЯ ИГРАЛЬНАЯ КОСТЬ 85

ГЛАВА XI
ПЕРВАЯ ТРЕЩИНА 96

ГЛАВА XII
«ПАПА ВЕРНУЛСЯ» 102

ГЛАВА XIII
РАДОСТЬ И ГОРЕЧЬ 111

ГЛАВА XIV
ТАЙНЫЙ ЗАМЫСЕЛ 123

ГЛАВА XV
КАЛАМАНЫ С ЧЕРНЫМИ РЕМЕШКАМИ 129

ГЛАВА XVI
ПРИТЧА О ДЕТЕНЫШЕ КОСУЛИ И О МИЗИНЦЕ

ГЛАВА XVII
РУБАХА СКОРБИ 149

ГЛАВА XVIII
ЦЕПЬ СЛОВЕСНАЯ И ЦЕПЬ ЖЕЛЕЗНАЯ 158

ГЛАВА XIX
ЯД ПОДОЗРЕНИЯ 171

ГЛАВА XX
ПОЗОРНЫЕ ТРОФЕИ 179

ГЛАВА XXI
МУДРОСТЬ ОСИНОВЫХ ЛИСТЬЕВ 185

ГЛАВА XXII
ПРИЗРАК СМЕРТИ 189

ГЛАВА XXIII
СУД НРАВСТВЕННЫЙ 203

ГЛАВА XXIV
ЛОШНУВШАЯ ПОДПРУГА 210

ГЛАВА XXV
ПУСТАЯ МОГИЛА 214

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА I
БРАТЬЯ 225

ГЛАВА II
В СУЛАКСКИХ ЗАРОСЛЯХ 232

ГЛАВА III
ТЕНЬ ЧЕРНОЙ КОЗЫ 241

ГЛАВА IV
МОНАХАМ — МОНАШЕСКОЕ 245

ГЛАВА V
ЧАША БРАТСТВА 248

ГЛАВА VI
ПОВЕСТЬ О ГОРАХ И ДОЛАХ 252

ГЛАВА VII
ГОСТИ В БОРБАЛО 260

ГЛАВА VIII
СТРАННЫЕ ПРИШЕЛЬЦЫ ИЗ-ЗА ГОР 267

ГЛАВА IX
СВЕТ ВО МРАКЕ 281

ГЛАВА X
СХОД В КАРАВАН-САРАЕ 288

ГЛАВА XI
ЖРЕБИЙ ИКОНЫ 294

ГЛАВА XII
НЕОЖИДАННОЕ ОТКРОВЕНИЕ 303

ГЛАВА XIII
СЕВЕРНЫЙ ПУТЬ 310

ГЛАВА XIV
КОЗНИ И ХИТРОСПЛЕТЕНИЯ 320

ГЛАВА XV
ГНЕЗДО ДВУГЛАВОГО ОРЛА 331

ГЛАВА XVI
ТАЙНОЕ ОБРУЧЕНИЕ 337

ГЛАВА XVII
ВОЗДУХ КРЕМЛЯ 347

ГЛАВА XVIII
АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ ДОМАШНЕГО ОЧАГА

ГЛАВА XIX
МЫСЛИ О ГРЯДУЩЕМ 371

ГЛАВА XX
ОБИТЕЛЬ МЕЧТАНИЙ И ЧУДЕС 382

ГЛАВА XXI
АЛАЗАНСКОЕ РУЖЬЕ 396

ГЛАВА XXII
ОБРАТНЫЙ ПУТЬ 404

ГЛАВА XXIII
ХРАМОВОЙ ПРАЗДНИК 408

ГЛАВА XXIV
У ВРАТ ОТЧИЗНЫ 423

ГЛАВА XXV
ТРЕТИЙ БОГАТЫРЬ 432

ГЛАВА XXVI
ВСТРЕЧА НА ДОРОГЕ 447

ГЛАВА XXVII
МОХНАТАЯ ЗВЕЗДА 459

ГЛАВА XXVIII
ТЕНЬ ОТ УСОВ 478

ГЛАВА XXIX
КРЫЛО ПОПУГАЯ 488

ГЛАВА XXX
АЛАЗАНСКИЕ ВЕСЫ 496

ГЛАВА XXXI
БИТВА В ГОРАХ 517

ГЛАВА XXXII
СРАЖЕНИЕ ПОД СТЕНАМИ КРЕПОСТИ

ГЛАВА XXXIII
ГРОЗНАЯ ОПАСНОСТЬ 546

ГЛАВА XXXIV
ПОВЕСТЬ О ДВУХ ГОЛОВАХ 553

ГЛАВА XXXV
МЕЖДУ ТРЕХ РЕК 564

ГЛАВА XXXVI
ГРАМОТА С ЗОЛОТОЙ ПЕЧАТЬЮ 586

ГЛАВА XXXVII
ТРЕСНУТЫЙ БУБЕН 594

ГЛАВА XXXVIII
ОХОТНИЧЬЯ ПРИТЧА 607

ГЛАВА XXXIX
СОЛНЕЧНАЯ ТРОПА 616

ГЛАВА XL
МУХРАНСКИЙ СВЕТЛЯЧОК 626

ГЛАВА XLI
ЦЕНА ДЕСНИЦЫ 631

ГЛАВА XLII
ТЯЖКАЯ НОША 637

ГЛАВА XLIII
В ЧУЖОМ СЕДЛЕ 645

ГОТУА ЛЕВАН ПАРФЕНОВИЧ

ОГНЕННЫЙ ПОЯС

Редактор изд-ва В. Корхова
Художник З. Капанадзе
Художественный редактор А. Сарчимелидзе
Технический редактор А. Якимова
Корректор Л. Капитанова
OCR - Давид Титиевский, июнь 2017 г., Хайфа

Сдано в набор 12 мая 1969 г.
Подписано в печать 10 февраля 1971 г.
Бумага № 1 60×84 1/16
Уч. издат. л. 40,09
Печатных л. 41,5
Усл. печатн. л. 38,72
Заказ № 1410. Тираж 50.000

Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Мерани»
Тбилиси, пр. Руставели, 42
Типография Изд-ва ЦК КП Грузии
Тбилиси, ул. Ленина, 14

ლევან პართენის ძე გოთუა
გმირთა ვარამი
(რუსულ ენაზე)